ЗЕЛЕНЫЙ МАРС

Ким Стэнли Робинсон

Лиричная и красивая легенда о будущем от одного из лучших писателей нашего времени.
Дэвид Брин

fanzon

Зеленый Марс
Ким Стэнли Робинсон

Аннотация
Ким Стэнли Робинсон. Зеленый Марс
Часть первая. Ареоформирование
Часть вторая. Посол
Часть третья. Дальний пробег
Часть четвертая. Ученый как герой
Часть пятая. Бездомные
Часть шестая. Тарикат
Часть седьмая. Как быть?
Часть восьмая. Социальное конструирование
Часть девятая. Экспромт
Часть десятая. Фазовый переход

Аннотация

Смысл в том, чтобы создать не вторую Землю, а нечто марсианское…

Прошло пятьдесят лет с тех пор, как первые колонисты высадились на Марс. Красная планета постепенно теряет свой первозданный облик, и первые зеленые побеги уже карабкаются по холодным склонам скал. Но еще живы те, кто стремится сохранить пустынную красоту родной планеты и не допустить землян к управлению. Это – первое поколение детей, родившихся на Марсе, и они готовы показать, на что способны.

Ким Стэнли Робинсон
Зеленый Марс

Kim Stanley Robinson
GREEN MARS
Copyright © 1994 by Kim Stanley Robinson

© Н. Болдырева, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Лизе и Дэвиду

Часть первая

Ареоформирование

Часть первая
Ареоформирование

Смысл не в том, чтобы создать вторую Землю. Не Аляску, не Тибет, не Вермонт с Венецией и даже не Антарктику. Смысл в том, чтобы сделать нечто новое и чужое, нечто марсианское.

В некотором смысле, наши намерения не важны. Даже если мы попробуем создать вторую Сибирь или Сахару, у нас ничего не получится. Эволюция ничего такого наверняка не допустит: ведь, по сути, данный процесс — это стремление, лежащее за гранью осознанного, подобное тому, кое чудесным образом породило жизнь из неживой материи или заставило первых своих детей выбраться из океана на сушу.

Мы снова бьемся в границах неведомого мира, на сей раз по-настоящему чуждого нам. Несмотря на гигантские ледники, оставленные великим наводнением 2061 года, это весьма засушливый мир. И хотя атмосфера уже формируется, воздух до сих пор очень разрежен. Вопреки всем обогревающим установкам средняя температура по-прежнему значительно ниже нуля. Данные

условия чрезвычайно затрудняют выживание людей на Марсе. Но жизнь вынослива и легко приспосабливается, она пробивается во Вселенной с силой зеленых ростков. В десятилетие после 2061 года люди боролись за выживание под треснувшими куполами и разорванными тентами. Они постепенно налаживали быт и преодолевали трудности, а в их скрытых убежищах продолжалась работа над созданием нового общества. И наверху, на холодной поверхности планеты, растения уже пускали свои побеги и тянулись к солнцу. Они цеплялись корнями за склоны ледников и насыщались водой из глубоких теплых бассейнов, уровень которых медленно и неотвратимо поднимался все выше.

Разумеется, генетические образцы нашей флоры и фауны — земного происхождения, и работают с ними земляне, однако почва здесь марсианская. Сама же почва является своего рода мощным генным инженером, поскольку именно земля, в конечном итоге, и определяет, чему цвести, а чему — увядать. Можно сказать, что с помощью почвы определяется путь прогрессивной дифференциации, отвечающий за разнообразие видов. И по мере того, как сменяются поколения, все обитатели биосферы развиваются вместе,

адаптируясь в сложной коллективной реакции — творческой способности к самопроектированию. Этот процесс, вне зависимости от того, насколько мы в него вмешиваемся, в принципе, нам не подвластен. Гены мутируют, организмы эволюционируют, возникает уникальная биосфера, и, конечно же, ноосфера. Одновременно с этим, как и все остальное, меняется навсегда и разум творцов.

Таков процесс ареоформирования.

Однажды небо рухнуло на землю. Плиты льда врезались в озеро и начали наползать на берег. Дети разбежались, как стая испуганных куликов. Ниргал кинулся через дюны к деревне и ворвался в теплицу, крича: «Небо падает, небо падает!» Питер пулей выскочил за дверь и помчался по песку так быстро, что Ниргал едва поспевал за ним.

А на берегу огромные ледяные прямоугольники уже наезжали на песок, и редкие осколки сухого льда шипели, растворяясь в озере. Когда дети столпились на берегу, Питер прищурился, уставившись на купол, который возвышался над их головами.

— Назад в деревню! — велел он непререкаемым тоном.

На обратном пути он смеялся.

— Небо падает! — дразнил он, ероша волосы Ниргала.

Ниргал краснел, а Дао и Джеки хохотали. Их дыхание вырывалось изо ртов легкими белыми облачками пара.

Однако Питер принимал активное участие в починке купола. Они вместе с Касэем и Мишелем как пауки ползали над деревней у всех на виду. Сперва они зависли над пляжем, а потом перебрались и к участку над озером. Наконец, они за-

мерли в своих веревочных петлях, закрепленных на ледобурах, и стали о чем-то переговариваться между собой. Все трое показались Ниргалу совсем крошечными. А они начали работать, распыляя воду по краям прорехи, и спустя некоторое время та замерзла, сформировав прозрачный слой, который покрылся сухой коркой белого льда.

Спускаясь, они обсуждали нагревающийся мир снаружи. Хироко вышла из своей бамбуковой хижины у озера и задумчиво посмотрела на Ниргала.

— Нам придется отсюда уйти? — спросил Ниргал.

— Нам всегда придется уходить, — ответила Хироко. — На Марсе ничто не длится вечно.

Но Ниргалу нравилось жить под куполом. По утрам он просыпался в круглой бамбуковой комнатке высоко в Доме ребенка[1] и бежал вниз по ледяным дюнам вместе с Джеки, Рейчел, Францем и другими жаворонками. Он видел Хироко на дальнем берегу. Она шла по пляжу, словно танцовщица, и казалась ему призрачным видением, плывущим над водой. Ему хотелось подойти к

[1] Примечания: 1

Учебное заведение для детей младшего возраста в системе обучения Монтессори. — *Здесь и далее прим. пер.*

ней, но пора было отправляться в школу.

Они возвращались в деревню и набивались в раздевалку, вешали пуховики и ждали учителя, протянув посиневшие руки к решетке радиатора. Это мог быть Доктор Робот, и тогда они умирали со скуки, глядя, как он моргает, будто отсчитывая бесконечные секунды. Но в класс могла ворваться и Добрая Колдунья, старая и уродливая — и тогда дети выскакивали на улицу, чтобы строить весь день напролет, радостно осваивая инструменты. Но иногда Доктора Робота и Добрую Колдунью сменяла Злая Ведьма. Она тоже была старая, но красивая, и в такие часы они застревали за своими пюпитрами и пытались разговаривать и даже думать на русском. Во время уроков Злой Ведьмы они часто рисковали получить удар по рукам, если хихикали или ненароком засыпали. У Злой Ведьмы были серебристые волосы, свирепый взгляд и крючковатый нос, как у тех ястребов, которые жили в соснах у озера. Ниргал боялся ее. Но когда дверь открывалась и порог класса переступала Злая Ведьма, Ниргал скрывал свой страх. Впрочем, так вели себя и остальные дети.

Однажды она выглядела особенно уставшей и быстро отпустила их, хотя их успехи в арифметике были весьма плачевны. Ниргал пошел за

Джеки и Дао наружу, завернул за угол, в переулок между Домом ребенка и задней стеной кухни. Дао помочился на стену, Джеки спустила штаны, чтоб показать, что она тоже может так, и тут прямо из-за угла на них налетела Злая Ведьма. Она вытянула из переулка Ниргала и Джеки, схватив их за шивороты своими цепкими пальцами, и тотчас отшлепала Джеки.

— Вы двое, держитесь от нее подальше! Она — ваша сестра! — кричала она на Ниргала и Дао.

Ниргал таращился на Джеки, а та плакала и извивалась, пытаясь натянуть штаны. Яростно извернувшись, попробовала ударить его и Майю и упала, голозадая и зареванная.

Но Джеки не была их сестрой. В Зиготе родилось двенадцать сансеев, или детей третьего поколения. Они относились друг к другу как братья и сестры, и многие действительно являлись ими… но далеко не все. Это порой вносило путаницу, но почти никогда не обсуждалось. Сначала на свет появились Джеки и Дао, спустя один марсианский сезон — Ниргал, а остальные родились еще сезоном позже: Рейчел, Эмили, Рул, Стив, Симад, Нанеди, Тиу, Франц и Хо Син. Хироко считалась общей матерью всех детей Зиготы, хотя приходилась матерью лишь Ниргалу, Дао и еще шестерым

сансеям, а также нескольким взрослым нисеям.[2] Детям матери-богини.

А Джеки была дочерью Эстер, которая уехала после потасовки с Касэем, отцом Джеки. Немногие из них знали своих отцов. Однажды Ниргал полз по дюнам за крабом, когда над головой вдруг возникли Эстер и Касэй. Эстер плакала, Касэй кричал.

— Если собираешься уходить, проваливай!

Он рыдал, и у него виднелся розовый клык в верхней челюсти. Он тоже был сыном Хироко, поэтому Джеки приходилась Хироко внучкой. Вот так оно и работало.

Джеки могла похвастаться длинными темными волосами и большими глазами. Кроме того, она бегала быстрее всех в Зиготе, за исключением Питера. Зато Ниргал никогда не уставал. Иногда он мчался по берегу озера и делал три или четыре круга подряд. Правда, на коротких дистанциях Джеки оказывалась быстрее. И она вечно смеялась. Стоило Ниргалу начать спорить с ней, как она отвечала: «Хорошо, дядюшка Нирги», — и разражалась хохотом. Она была его племянницей, пусть и родившейся на сезон раньше. Но

---

[2] Примечания: 2
Марсиане во втором поколении.

не сестрой.

Однажды дверь класса распахнулась настежь, и появился Койот, их временный школьный учитель. Койот путешествовал по миру и проводил в Зиготе мало времени. Всякий раз, как он появлялся, это становилось событием. Он прогуливался с ними вокруг деревни, находя им странные занятия, и каждый раз заставлял кого-нибудь громко читать вслух непонятные книги умерших философов. Бакунин, Ницше, Мао, Букчин — ясные мысли этих людей, словно случайные камушки, были разбросаны по длинному пляжу околицы. Истории, которые Койот сам читал им из «Одиссеи» или Библии, оказывались проще, хотя и тревожнее. Люди в них часто убивали друг друга, а Хироко говорила, что так делать неправильно. Койот смеялся над Хироко, а когда читал им все эти ужасные истории, то выл без всякой видимой причины. Еще он любил задавать им сложные вопросы о том, что они услышали, спорил с ними как с взрослыми и постоянно вводил всех в замешательство: «Что бы вы сделали? Почему бы вы поступили так, а не иначе?» А еще он объяснял им, как работает замкнутый топливный цикл Ри-

ковера[3], и заставлял проверять гидравлические поршни на волновом генераторе озера. После таких занятий их руки коченели и становились сизыми, а зубы начинали отбивать барабанную дробь.

— Вы, ребятишки, быстро простужаетесь, — приговаривал он. — Все, кроме Ниргала.

Ниргал легко переносил любой холод. Он интуитивно знал все стадии лютой стужи и не испытывал никаких физических неудобств при минусовой температуре. Многие в Зиготе мерзли и не понимали, что к холоду можно приспособиться: любые негативные последствия можно было преодолеть простым внутренним усилием воли! Ниргал так же хорошо умел справляться и с жарой.

В общем, холод не являлся помехой. Ниргал знал, что если упорно направлять тепло собственного тела вовне, тогда холод становится живой, бодрящей оболочкой и не вызывает дискомфорта. Таким образом, низкая температура могла попросту стимулировать кого угодно — да так, что захочется побежать!

— Эй, Ниргал, сколько сейчас градусов?

---

[3] Примечания: 3

Американский адмирал, главный идеолог атомного подводного кораблестроения.

— Шестнадцать целых, двадцать семь сотых ниже нуля!

Смех Койота был страшен. Он гоготал, как хищная птица, и выл, подобно дикому зверю. В его хохоте объединялись все мыслимые звуки, и он всегда звучал по-разному.

— Давайте остановим генератор волн и посмотрим на озеро!

Вода там никогда не замерзала, в то время как ледяное покрытие внутренней части купола никогда не должно было таять. Это объясняло все погодные явления их мезокосма,[4] как утверждал Сакс, с туманами, неожиданными ветрами, дождями, дымками и редкими снегопадами. В тот день машины, отвечающей за погоду, почти не было слышно, и ветерок едва тревожил их укрытие под куполом. Когда генератор волн отключили, озеро тотчас успокоилось, превратившись в круглую плоскую тарелку. Поверхность воды стала столь же белой, как и купол, но сквозь него виднелось покрытое зелеными водорослями дно. Озеро казалось одновременно и белоснежным, и изумрудным. У противоположного берега в этой двуцветной воде идеально, как в зеркале, отража-

---

[4] Примечания: 4

Любая система больше, чем микрокосм, и меньше, чем макрокосм.

лись перевернутые дюны и разлапистые сосны. Ниргал смотрел зачарованно, все ушло, осталось только пульсирующее дивное видение. Он видел два мира, целых два в одном пространстве — оба зримые, раздельные и разные, но — вот парадокс! — сжатые воедино! Лишь под определенным углом зрения становилось понятно, что их два. Он хотел нырнуть в этот мир, погрузиться в него, как погружаешься в холод, постичь его.

Что за цвета!

— Марс — Ниргалу, Марс — Ниргалу!

Они смеялись над ним. Как ему говорили, такое случалось с ним всякий раз — он терял сознание. Друзья любили его, он видел это в их лицах.

Койот отламывал кусочки плоского льда на мелководье и запускал их вприпрыжку через все озеро. Все дети присоединились к нему, а перевернутый мир дрожал и плясал в разбегающейся бело-зеленой ряби.

— Посмотрите! — кричал Койот. Между бросками он заводил бесконечную песню на своем спотыкающемся английском. — У вас, ребята, лучшая в мире судьба, большинство — просто жидкость во вселенском моторе, а вы присутствуете при рождении мира! Невероятно! Но это чистая удача, никакой вашей заслуги здесь нет,

по крайней мере, пока вы не сделаете что-нибудь стоящее! Вы могли бы родиться в особняке или за решеткой, или в трущобах Порт-оф-Спейн, но вы здесь, в Зиготе, тайном сердце Марса! Конечно, сейчас вы, словно кроты в норе, а над вами парят готовые сожрать вас стервятники, но придет день, когда вы будете расхаживать по Марсу, не стесненные границами! Запомните эти слова, это пророчество, дети мои! И, кстати, взгляните, как он хорош, наш маленький ледяной рай!

Он зашвырнул кусочек льда прямо в купол, и они заорали: «Ледяной рай! Ледяной рай!» — пока не ослабли от хохота.

А ночью, думая, что никто его не слышит, Койот сказал Хироко:

— Роко, ты должна взять детей наружу, показать им мир. Даже если там ничего нет, кроме туманного покрывала. Они же прямо, как кроты в норе, Бога ради…

И он ушел неведомо куда, продолжив путешествовать по свернувшемуся вокруг них миру.

Иногда в деревню, чтобы учить их, приходила Хироко. Для Ниргала это были лучшие дни. Она всегда брала детей на пляж, идти туда с ней было благословением. То был ее мир — зеленый внутри белого, — и она знала о нем все. Когда она

приходила на пляж, изысканные жемчужные цвета песка и купола пульсировали двумя оттенками, словно пытаясь вырваться на свободу. Дети рассаживались на дюнах, глядя, как быстро проносятся и кричат прибрежные птицы, собираясь стаями вдоль отмели. Чайки кружили над головой, и Хироко задавала вопросы, ее черные глаза оживленно мерцали. Она жила у озера с группой близких друзей: Ивао, Риа, Джином, Евгенией — все в маленькой бамбуковой хижине посреди дюн. Много времени она проводила, навещая другие тайные заповедники вокруг Южного полюса, поэтому ей часто пересказывали последние деревенские новости. Она была стройной женщиной, высокой для иссея[5], а ее повадки и даже одеяние напоминали манеры береговых птиц. Конечно же, она была старой, невозможно древней, как и другие иссеи, но почему-то она выглядела моложе, чем Питер или Касэй. Казалось, что она немногим старше детей, хотя все в их мире было молодо по сравнению с ней и рвалось наружу яркими цветами.

— Взгляните на рисунок раковины: пестрая завитушка, сворачивающаяся до бесконечности.

---

[5] Примечания: 5

Иссей — эмигрант в США из Японии. Здесь — переселенец с Земли.

Вот истинная форма Вселенной. Существует постоянное давление, подталкивающее к определенным очертаниям, но материя имеет тенденцию развиваться во все более сложные конструкции. Такую гравитационную модель, святую силу возрождения, мы зовем viriditas[6], и это — движущая сила космоса. Жизнь, понимаете ли. Как песчаные блохи, моллюски и криль… хотя данный конкретный криль уже мертв и идет на корм песчаным блохам. Как и все мы. — Она взмахнула рукой, словно танцовщица. — Вселенная жива потому, что мы живы. Мы осознаем ее в той же степени, в какой осознаем себя. Мы возвышаемся над космосом и видим сеть его узоров, и они поражают нас своей красотой. Данное чувство — самое важное во Вселенной — ее кульминация, подобная едва распустившемуся утреннему цветку. Не забывайте мои слова про священное чувство! Наша задача в мире — взрастить его. Единственный способ сделать это — распространять жизнь повсюду. Помочь ей возникнуть там, где ее никогда не было раньше, как здесь, на Марсе.

Для нее это было высшим проявлением люб-

[6] Примечания: 6

Буквально — жизнеспособность *(лат.).* Слово, обозначающее энергию, плодородие, развитие.

ви, и дети, даже если не вполне ее понимали, чувствовали всеобъемлющую любовь. Еще один толчок, еще чуть-чуть тепла в ледяной оболочке. Говоря, она прикасалась к ним, а они, слушая, выкапывали раковины.

— Донный моллюск! Антарктический моллюск… Стеклянная губка, осторожно, можно порезаться.

Ниргал был счастлив просто потому, что мог смотреть на нее.

А однажды утром, когда они прекратили копать, чтобы немного отдохнуть, она взглянула на него в ответ, и он узнал выражение ее лица — точно такое же выражение появлялось на его лице, когда он видел ее. Значит, она тоже была счастлива смотреть на него! И это опьяняло.

Гуляя по пляжу, он держал ее за руку.

— До некоторых пределов это простая экосистема, — говорила Хироко, когда они опустились на колени, чтобы рассмотреть еще одну раковину моллюска. — Не так уж много видов, короткие пищевые цепочки. Но какая богатая. Какая красивая. — Она рукой попробовала воду озера. — Видишь дымку? Вода сегодня, должно быть, теплая.

К этому моменту они с Ниргалом остались

одни, остальные дети забежали за дюны или носились туда-сюда по отмели. Ниргал склонился потрогать очередную набежавшую к их ногам волну, за ней осталось белое кружево пены.

— Чуть меньше, чем минус шестнадцать целых двадцать пять сотых.

— Ты так уверен?

— Я всегда могу сказать.

— Посмотри, — ответила она, — у меня есть жар?

Он потянулся и дотронулся до ее шеи.

— Нет, ты прохладная.

— Верно. У меня температура всегда на полградуса ниже нормы. Влад и Урсула никак не могут понять почему.

— Это потому что ты счастлива.

Хироко засмеялась от удовольствия и стала похожа на Джеки.

— Я люблю тебя, Ниргал.

Он почувствовал, как внутри стало теплей, как будто там поставили решетку радиатора. Теплей, по меньшей мере, на полградуса.

— А я люблю тебя.

И они тихо пошли дальше по пляжу, рука об руку, преследуя стайку куликов.

Когда Койот вернулся, Хироко сказала ему:

«Ладно, давай выведем их наружу».

И на следующее утро, когда дети собрались, чтобы пойти в школу, Хироко, Койот и Питер провели их через запоры вниз, в длинный белый тоннель, соединявший купол и мир снаружи. Тоннель оканчивался небольшим ангаром с галереей на обрывистом утесе. Раньше они с Питером бегали в эту галерею смотреть из маленьких поляризованных окон на ледяной песок и розовое небо, пытаясь увидеть огромную стену сухого льда — шапку Южного полюса, днище мира, где они поселились, чтобы скрыться от тех, кто посадил бы их за решетку.

Именно поэтому они никогда не покидали галереи. Но в тот день они прошли сквозь шлюзы ангара, надели эластичные костюмы, закатав рукава и штанины, затем — тяжелые ботинки и плотные перчатки и, наконец, шлемы с выпуклым смотровым стеклом в передней части. С каждой секундой они волновались все больше, пока волнение не стало похоже на страх, особенно, когда Симад начала плакать и настаивать на том, чтобы остаться. Хироко успокоила ее прикосновением.

— Ну, все. Я буду там с тобой.

Дети молча жались друг к другу, пока взрослые

вели их через внешний шлюз. Послышался шипящий звук, а потом открылась наружная дверь. Хватаясь за взрослых и натыкаясь друг на друга, они осторожно вышли наружу.

Было так ярко — невозможно смотреть. Они очутились в крутящемся белом тумане. Запутанные ледяные узоры, сверкающие в потоках света, покрывали всю поверхность. Ниргал держал за руки Хироко и Койота, они подтолкнули его вперед и разжали ладони. Он пошатнулся под натиском белого сияния.

— Это туманное покрывало, — раздался голос Хироко в интеркоме, закрепленном на ухе. — Оно держится тут всю зиму. Но сейчас весна, L_S = 205°, в это время зеленая энергия, заряженная светом солнца, сильнее всего течет через мир. Посмотри!

Он не видел ничего, кроме белого, разрастающегося, слепящего шара. Внезапно солнечный свет пронзил этот шар, превратив его в брызги цвета, замерзший песок — в магниевую стружку, а ледяные цветы — в яркие драгоценности. Ветер подул сбоку и всколыхнул туман, разрывая его в клочья, и далеко внизу мелькнула земля, вызвав приступ головокружения. Такое огромное! Все было такое огромное… Ниргал упал на песок на

одно колено, оперся руками о другое, чтобы сохранить равновесие. Камни и ледяные цветы под его ботинками сверкали, словно под микроскопом. Камни были усеяны круглыми чешуйками черного и зеленого лишайника.

Далеко на горизонте виднелся холм с плоской макушкой — кратер. В гравии остался след марсохода, почти скрытый наледью, будто он пробыл там миллионы лет. Рисунок, пульсирующий в хаосе света и камней, зеленый лишайник, пробивающийся в лед…

Все заговорили разом. Другие дети принялись весело бегать вокруг, визжа от восторга, когда туман рассеивался, показывая кусочек темно-розового неба. Койот громко смеялся.

— Они словно зимние телята, выпущенные по весне из хлева… Посмотри, как они прыгают, о, бедные малютки, ха-ха-ха… Роко, так ты не научишь их жизни…

Гогоча, он поднимал детей с песка и снова ставил на ноги.

Ниргал встал, попробовал прыгнуть. Он почувствовал, что может улететь, и порадовался, что ботинки у него такие тяжелые. От ледяного утеса неподалеку извилисто тянулась длинная насыпь высотой по плечо. Джеки поднималась

к ее гребню, и Ниргал побежал к ней, склоняясь чуть вперед, к мешанине камней под ногами. Он взобрался на хребет и понял, в каком ритме ему нужно бежать. Казалось, будто он летит, будто может бежать вечно.

Он встал рядом с ней. Они обернулись, чтобы посмотреть на ледяной утес, и закричали от ужаса и удовольствия: утес тянулся в тумане бесконечно. Столп утреннего света стекал по нему как талая вода. Они отвернулись, не в силах дольше смотреть. Смаргивая потоки слез, Ниргал увидел собственную тень, падающую в туман, что скрывал камни внизу. Яркая тесьма радужного света обрамляла ее. Он громко закричал, и Койот помчался к ним, его голос орал прямо в ухо:

— Что такое? Что случилось? — Он остановился, увидев тень. — Эй, это же глория! Как Брокенский призрак.[7] Помаши руками. Посмотри на цвета! Святый Боже, да вы везунчики!

По наитию Ниргал махнул рукой в сторону Джеки, и их глории слились, превратившись в один нимб, пылающий всеми цветами радуги,

---

[7] Примечания: 7

Тень наблюдателя на поверхности облаков (тумана) в направлении, противоположном Солнцу. Эта тень может казаться очень большой и иногда бывает окружена цветными кольцами (так называемая глория). Призрак может и шевелиться (иногда совершенно неожиданно) из-за движения облачного слоя и колебания плотности в облаке.

окруживший их синюю двойную тень. Джеки засмеялась восхищенно и… ушла, чтобы проделать то же с Питером.

Примерно через год под руководством Сакса Ниргал и другие дети начали понимать, как проводить дни. Урок Сакс начинал у доски, и пока он, безэмоциональным голосом искина, гудел о парциальном давлении и инфракрасном излучении, дети за его спиной закатывали глаза и строили рожицы. При первой же возможности один из них начинал игру, и Сакс ничего не мог с этим поделать. Он говорил что-нибудь вроде: «При термогенезисе, не сопровождаемом дрожью, тело производит тепло, используя пустые циклы», — и вдруг кто-нибудь поднимал руку, спрашивая: «Но почему, Сакс?» — и все принимались сверлить глазами лектора, даже не глядя друг на друга. Сакс хмурился, как будто ничего подобного не происходило ранее, и отвечал:

— Тело производит тепло, не затрачивая столько энергии, сколько ему требуется при мышечных сокращениях. Белки в мышцах взаимодействуют, но вместо того, чтобы вступать в реакцию, они просто скользят друг относительно друга, и так возникает тепло.

Джеки повторяла, причем так искренне, что весь класс верил ей:

— Но почему?

Сакс начинал моргать, да так быстро, что класс

сходил с ума, наблюдая за ним.

— Так разрушаются ковалентные связи в аминокислотах белка, и это разрушение высвобождает то, что называется энергией расщепления.

— Но почему?

Он начинал моргать еще сильнее.

— Это просто физические процессы. — Он начинал неистово рисовать на доске диаграммы. — Ковалентные связи образуются, когда две атомные орбиты сливаются в одну, и это орбита электронов обоих атомов. Разрыв этих связей высвобождает от тридцати до ста килокалорий запасенной энергии.

Сразу несколько человек спрашивали хором:

— Но почему?

Это приводило его на субатомный уровень, где цепочка «почему» и «потому что» могла длиться до получаса, а они не понимали ни слова из его объяснений. Наконец все чувствовали приближение финала игры.

— Но почему?

— Ну, — Сакс косил глазами, пытаясь проследить всю цепочку рассуждений, — атомы хотят вернуть стабильное число электронов и вынуждены делить их.

— Но почему?

Он чувствовал себя загнанным в ловушку.

— Так соединяются атомы. Это один из способов.

— Но ПОЧЕМУ?

Сакс пожимал плечами.

— Так работает ядерная сила. Вещи устроены так после…

И тут все дети кричали хором:

— Большого взрыва!

После они принимались торжествующе вопить, а Сакс хмурился, понимая, что они снова обвели его вокруг пальца. Он вздыхал и возвращался туда, откуда игра началась… Но всякий раз, когда они затевали ее заново, он забывал об этом, по крайней мере, если их «почему?» звучало достаточно искренне. И даже если он понимал, что происходит, то не в силах был остановить их. Все, что он мог, это спросить, слегка нахмурившись: «Что почему?» Это несколько замедляло игру, но когда Ниргал и Джеки поумнели уже настолько, что могли определять, что́ именно в каждом из утверждений заслуживало вопроса «почему?», и продолжали спрашивать, Сакс считал своим долгом отвечать им на всю цепочку вопросов вплоть до «Большого взрыва», хотя иногда он бормотал: «Мы не знаем».

— Мы не знаем? — кричал класс в притворном ужасе. — Почему нет?

— Это не объяснено, — отвечал он, нахмурившись. — Пока что.

Так проходило каждое веселое утро с Саксом, и все они, включая его самого, кажется, соглашались, что это было лучше, чем мрачное утро, в которое Сакс бубнил без перерыва и повторял: «Это действительно важно», — всякий раз, когда оборачивался и видел ряд голов, сонно упавших на парты.

Однажды утром, думая о том, как хмурится Сакс, Ниргал задержался в школе, пока не остался с учителем один на один. Он спросил:

— Почему вам не нравится, когда вы не можете ответить на вопрос «почему»?

Сакс снова нахмурился. После длинной паузы он медленно сказал:

— Я пытаюсь понять. Видишь ли, я много внимания уделяю деталям. Так много, как могу. Я концентрируюсь на специфике каждого момента. Я хочу знать, почему все происходит так, как происходит. Мне любопытно. Я думаю, что у всего на свете есть свои причины, и мы должны уметь их выявлять. И когда я не знаю причин… ну, мне это не нравится. Это меня раздражает. Иногда

я называю это, — он робко глянул на Ниргала, и тот понял, что никогда раньше Сакс никому этого не говорил, — я называю это Великим Необъяснимым.

Это белый мир, внезапно понял Ниргал. Белый внутри зеленого, противоположный заключенному в белое зеленому миру Хироко. И они воспринимают эти миры по-разному. Если смотреть с зеленой стороны, когда Хироко сталкивается с чем-то загадочным, ей это нравится, это делает ее счастливой — зеленая энергия, священная сила. Если смотреть с белой стороны, когда Сакс сталкивается с чем-то загадочным, его пугает Великое Необъяснимое, опасное и ужасное. Саксу интересна истина, в то время как Хироко любопытна действительность. Или, может быть, это просто две стороны одной медали — ведь эти слова могли трактоваться по-разному. Проще было сказать, что она любит зеленый мир, а он — белый.

— Верно! — воскликнул Мишель, когда Ниргал поделился с ним своим наблюдением. — Очень хорошо, Ниргал. Ты наблюдателен. Эти архетипы, Зеленое и Белое, обычно называют — Мистицизм и Наука. Обе величины крайне могущественны, как видишь. Но все что нам нужно, если тебе интересно мое мнение, это комбинация их обеих,

и эта комбинация называется *Алхимией*.

Зеленое и белое.

Днем дети были вольны делать, что им вздумается. Иногда они целый день проводили с приходящим учителем, но гораздо чаще — бежали на пляж или играли в деревне, которая лежала, угнездившись в скоплении низких холмов, между озером и входом в туннель. Они поднимались по спиральной лестнице больших бамбуковых домов на деревьях и играли в прятки между плотно притиснутых комнат, висячих мостов, соединяющих их, и свежих побегов.

Бамбуковые комнаты сцеплялись в полумесяц, охватывавший собой большую часть деревни. Каждый из больших побегов достигал в высоту шести или семи сегментов, в каждом сегменте располагалась комната, становившаяся тем меньше, чем выше был сегмент. У каждого из детей была своя комнатка в верхних сегментах — вертикальный цилиндр с одним окном, пять-шесть шагов в диаметре, словно замковая башня из книг. Под ними в средних сегментах жили в своих комнатах взрослые — преимущественно по одному, но иногда парами. Нижние уровни служили гостиными. Из окон своих комнат в верхних сегментах дети смотрели вниз на крыши

деревни, собранные в круг холмов, а бамбук и теплицы казались раковинами на мелководье.

На пляже они охотились за ракушками, играли в немецкий вариант вышибалы или стреляли из лука через дюны в пенопластовые блоки. Обычно Джеки и Дао выбирали игры, а также становились капитанами команд, если игра предполагала разделение на команды. Ниргал и другие младшие дети следовали за ними, проходя всевозможные циклы приятельских и подчиненных отношений, которые бесконечно менялись в течение всего дня. Как однажды маленький Франц грубо объяснил это Наде: «Дао бьет Ниргала, Ниргал бьет меня, а я бью девчонок». Очень часто Ниргал уставал от игр, в которых всегда выигрывал Дао, и для развлечения бегал вокруг озера — медленно и упорно, улавливая ритм, который, казалось, охватывал целый мир. Он весь день мог кружить вокруг озера, если только ловил нужный ритм. Это приносило радость — просто бежать, и бежать, и бежать…

Под куполом всегда было холодно, но воздух циркулировал постоянно. Летом купол светился бело-голубым, и под ребрами застекленной крыши были видны застывшие столпы подсвеченного воздуха. Зимой было темно, и купол

полыхал отраженным светом ламп, отчего походил на внутреннюю поверхность раковины. Весной и осенью свет тускнел к полудню до призрачно-серого сумрака, цвета варьировались в бесконечном диапазоне серого, листья бамбука и иглы сосен казались чернильными росчерками на фоне бледно-белого купола. В такие часы зеленые дома походили на большие сказочные фонари на холмах, и дети брели домой, перемещаясь с места на место словно серые чайки, а потом отправлялись в купальню. Там, в длинном здании рядом с кухней, они стягивали одежду и забегали в паровое гудение большой главной купальни, скользя по кафельному полу, чувствуя жар, обдающий их ладони, ступни и лица, когда они игриво плескались вокруг отмокающих взрослых с черепашьими лицами и морщинистыми волосатыми телами.

После этого теплого влажного часа они одевались и всей гурьбой шли на кухню, влажные и розовокожие, где успокаивались и наполняли свои тарелки, усаживаясь за длинными столами между взрослыми. В деревне было сто двадцать четыре постоянных жителя, но обычно в любое время там можно было найти порядка двухсот человек. Когда все рассаживались, они брали

кувшины и наливали друг другу воду, а затем с удовольствием уплетали горячую еду: запеченную картошку, тартильи, пасту, салат табуле, хлеб, кучу овощей, иногда рыбу или курицу. После еды взрослые говорили об урожае, или о своем Риковере — реакторе на быстрых нейтронах, от которого все они были без ума, или о Земле, пока дети убирались и музицировали, а потом все играли, до тех пор пока их не начинало клонить в сон.

Однажды перед обедом откуда-то с полярной шапки прибыла группа из двадцати двух человек. Экосистема их маленького купола нарушилась — Хироко назвала это сложным развивающимся дисбалансом, — и запасы кончились. Им нужно было убежище.

Хироко отвела их в один из свежесформированных домов-деревьев (взбираясь по лестницам, спиралью обвившим толстые круглые побеги, чужаки то и дело изумлялись цилиндрическим сегментам с прорезанными окнами и дверями) и предложила им поработать над завершением верхних комнат и над строительством новых зеленых домов на краю деревни. Для всех было очевидно, что Зигота не выращивает столько еды, сколько теперь требовалось. Дети, подра-

жая взрослым, ели так мало, как только могли. «Стоило назвать это место «Гаметой»», — резко рассмеявшись, сказал Койот Хироко, когда заезжал в очередной раз.

Она лишь помахала ему на прощание. Но вероятно, он вселил тревогу в ее сердце. Хироко стала все дни проводить в теплицах за работой и уже редко занималась с детьми. Когда она звала их, они все больше выполняли ее поручения, собирая урожай или занимаясь компостом и прополкой.

— Ей плевать на нас, — зло сказал Дао однажды, когда они спускались к пляжу. Свою жалобу он адресовал Ниргалу. — В конце концов, она нам не настоящая мать.

Он повел их, непрерывно подгоняя, в лабораторию через теплицу, туннелем протянувшуюся по холму. Внутри он указал на ряд толстых контейнеров с магнием, чем-то напоминавших холодильники.

— Вот наши матери. Вот внутри чего мы были выращены. Касэй сказал мне, а я спросил Хироко, и это правда. Мы эктогены. Мы не были рождены, мы были созданы химически.

Он торжествующе посмотрел на своих испуганных, пораженных приятелей, а потом ударил Ниргала кулаком в грудь так, что тот упал и от-

катился на другой конец лаборатории, а затем ушел, бросив напоследок:

— У нас нет родителей.

Любые посетители стали теперь обузой, но все же когда они появлялись, все чувствовали возбуждение, и многие разговаривали с ними допоздна, узнавая всевозможные новости других убежищ. В районе Южного полюса была раскинута целая сеть: в планшете Ниргала хранилась карта, где красными точками были отмечены все тридцать четыре. Надя и Хироко предполагали, что в других сетях, севернее, их гораздо больше, включая и некоторые изолированные убежища. Но поскольку все они соблюдали радиомолчание, никто не мог быть в этом уверен. Так что новости котировались выше всего — это, как правило, было самым ценным, что приносили с собой гости, даже если они прибывали, нагруженные подарками, что случалось достаточно часто, и дарили то, что могли произвести и что пригодится хозяевам.

Во время этих визитов Ниргал внимательно слушал оживленные ночные разговоры, сидя на полу или бродя по комнате и подливая всем чая. Он остро ощущал, что не понимает законов мира: для него оставалось непостижимым, почему лю-

ди поступают так, как они поступают. Конечно же, он осознавал основные моменты сложившейся ситуации: что существовало две стороны, сцепившиеся в борьбе за контроль над Марсом, что Зигота была лидером правой стороны и что ареофания, в конце концов, восторжествует. Чувство, что ты вовлечен в борьбу, что ты играешь решающую роль в истории, было потрясающим, и, дотащившись до постели, он часто не мог заснуть — до рассвета его разум забавлялся, представляя, какой вклад он внесет в столь великую драму, удивив Джеки и всех остальных в Зиготе.

Иногда в своем стремлении узнать больше он даже подслушивал, лежа на кушетке в углу и пялился в планшет, притворяясь, будто рисует или читает. Довольно часто люди в комнате не осознавали, что он слушает их, и иногда говорили даже о детях Зиготы — в большинстве случаев, когда он действительно слонялся без дела в холле.

— Вы заметили, что большинство из них левши?

— Клянусь, Хироко правила их генокод.

— Она утверждает, что нет.

— Они уже почти такие же высокие, как я.

— Это просто гравитация. Посмотрите на Питера и остальных нисеев. Они рождены есте-

ственным путем, и в большинстве своем они высокие. Но леворукость — это должно быть предопределено генетически.

— Она как-то сказала мне, что существует простое трансгенное встраивание, которое и увеличивает мозолистое тело. Может, она игралась с этим и получила леворукость как побочный эффект?

— Я думал, что леворукость предопределяется повреждениями в мозгу.

— Никто не знает. Думаю, это загадка даже для Хироко.

— Не могу поверить, что она вмешивалась в хромосомы, чтобы получить развитие мозга.

— Не забывай, работать с эктогенами проще.

— Я слышал, у них низкая плотность костей.

— Верно. На Земле у них будут проблемы. Мы решаем вопрос пищевыми добавками.

— И снова гравитация. На самом деле, это проблема для нас всех.

— Мне об этом не рассказывай. Я сломал предплечье, взмахнув теннисной ракеткой.

— Леворукие гигантские люди-птицы, вот кого мы выращиваем. Странно все это, если кого-то вдруг интересует мое мнение. Смотришь, как они бегают по дюнам, и все ждешь, когда же они

взлетят…

Той ночью, как и обычно, Ниргал не мог заснуть. Эктогены, трансгены… все это смущало его. Белое и зеленое в двойной спирали… Часами он метался, спрашивая себя, что значит эта пронзающая его тревога и что он должен чувствовать?

В конце концов, он заснул, измученный. И ему приснился сон. Все его сны до той ночи были о Зиготе, но теперь ему приснилось, что он летит над поверхностью Марса. Широкие красные каньоны разрезали землю, вулканы поднимались на немыслимую высоту его полета. Но позади тоже что-то было, что-то гораздо больше и быстрее, чем он, крылья этого существа громко хлопали, когда оно падало сверху вниз, и его огромные когти были нацелены на Ниргала. Он указал на эту крылатую тварь, и с кончиков его пальцев сорвались молнии, отбрасывая ее назад. Тварь снова поднялась вверх, чтобы атаковать, и пока Ниргал пытался проснуться, кончики его пальцев пульсировали, а сердце стучало как волновой генератор: *тук-тук, тук-тук, тук-тук*.

На следующий день, когда Джеки включила волновой генератор, он работал превосходно. Они играли на пляже, считая, что уже видели все большие буруны, когда вдруг один особенно

большой поднялся над тонкой коркой льда и сбил Ниргала с ног, заставив его упасть на колени, а затем с невероятной силой потащил его от отмели. Ниргал боролся с обжигающе ледяной водой, хватая ртом воздух, но не мог вырваться, и его затягивало под воду, а потом снова выбрасывало на поверхность, когда набегала очередная волна.

Джеки схватила его за руку и волосы, потащила на отмель. Дао помог им обоим подняться на ноги.

— Вы в порядке? — кричал он.

Промокнув, они должны были бежать в деревню так быстро, как только могли, так что Ниргал и Джеки помчались по тропинке через дюны, едва встали на ноги, остальные дети сильно отстали. Ветер пробирал до костей. Они пробежали прямо к купальне, вломились в двери и трясущимися руками стянули застывшую одежду. Им помогали Надя и Сакс, и Мишель, и Риа, которые как раз мылись там.

Когда они торопливо забирались в неглубокую воду большой общественной ванны, Ниргал вспомнил свой сон.

— Погодите, — сказал он.

Остальные озадаченно замерли. Он закрыл глаза и задержал дыхание. Схватил Джеки за

холодное предплечье. Он снова увидел себя во сне, как будто плывет в воздухе. Жар в кончиках пальцев. Белый мир в зеленом.

Он потянулся к той точке внутри себя, которая всегда сохраняла тепло, даже сейчас, когда ему было так холодно. Она будет там, пока он жив. Он нашел ее и с каждым вздохом начал проталкивать ее наружу прямо через плоть. Это было сложно, но он чувствовал, что у него получается, тепло двигалось к ребрам, словно огонь, спускалось по рукам, по ногам, в ступни и кисти. Джеки он держал левой рукой. Бросив взгляд на ее полностью обнаженное тело с белой, покрытой пупырышками кожей, он сконцентрировался на том, чтобы послать тепло ей. Он начал слегка дрожать, но не от холода.

— Ты горячий! — воскликнула Джеки.

— Почувствуй тепло, — произнес он, и на какое-то мгновение она прижалась к нему, очутившись в его объятиях. Но потом, бросив обеспокоенный взгляд, отшатнулась и шагнула в ванну. Ниргал стоял на краю, пока его дрожь не улеглась.

— Ух ты, — сказала Надя. — Это что-то вроде метаболического сжигания. Я слышала о таком, но никогда не видела.

— Ты знаешь, как это делаешь? — спросил Сакс.

Он, Надя, Мишель и Риа уставились на Ниргала с любопытством, которое ему не понравилось.

Ниргал покачал головой. Он сел на бетонный край ванны, почувствовав внезапную опустошенность. Опустил ступни в воду, которая обожгла, как жидкое пламя. Рыба в воде, рвущаяся на свободу, на воздух, огонь внутри, белое в зеленом, алхимия, парение с орлами… молнии из кончиков пальцев!

Люди смотрели на него. Даже люди Зиготы бросали косые взгляды, когда он смеялся или говорил что-то необычное, думая, что мальчик не замечает, но притворяться перед случайными гостями было сложнее. Они более прямолинейны.

— О, ты и есть Ниргал? — спросила невысокая женщина с красными волосами. — Я слышала о твоих успехах. — Ниргал покраснел и покачал головой, пока женщина спокойно рассматривала его. Придя к какому-то заключению, она улыбнулась и пожала ему руку. — Рада с тобой познакомиться.

Однажды, когда им было по пять лет, Джеки принесла с собой в школу старый планшет. В тот день учителем была Майя. Игнорируя ее взгляд, Джеки показала его остальным.

— Это искин моего деда. Тут много того, о чем он говорил. Касэй дал его мне…

Касэй уезжал из Зиготы, чтобы переселиться в другое убежище, но не туда, где жила Эстер.

Джеки включила планшет.

— Полин, проиграй что-нибудь из того, что говорил мой дед.

«Вот к чему мы пришли», — произнес мужской голос.

— Нет, что-нибудь другое. Проиграй что-нибудь

из того, что он говорил о спрятанной колонии.

«Спрятанная колония должна по-прежнему сохранять контакты с поселениями на поверхности, — сказал мужской голос. — Слишком много всего они не могут производить сами. Для начала, ядерные топливные стержни. Их распределение тщательно контролируется, так что по записям можно выяснить, куда они пропадают…»

Голос замолчал. Майя велела Джеки спрятать планшет, и начался новый урок истории — девятнадцатый век, изложенный по-русски коротко и так резко, что голос ее дрожал. А потом еще была алгебра. Майя настаивала на том, чтобы они тщательно изучали математику.

— Вы получаете ужасное образование, — говаривала она, печально качая головой. — Но если вы будете учить математику, все остальное сможете наверстать. — И она смотрела на них, требуя очередного ответа.

Посматривая на нее, Ниргал вспоминал времена, когда Майя была Злой Ведьмой: такой жестокой порой и такой веселой. Глядя на прочих людей Зиготы, он мог представить себе, каково это — быть ими. Он видел это в их лицах точно так же, как видел один цвет внутри другого. Это был своего рода дар, что-то вроде его умения

точно определять температуру. Но Майю он не понимал.

Зимой они предпринимали вылазки на поверхность, к близлежащему кратеру, где Надя строила убежище, и к усыпанным темным льдом дюнам позади него. Но когда туманное покрывало поднималось, им приходилось оставаться под куполом или хотя бы в стеклянной галерее. Их не должно было быть видно сверху. Никто не был уверен, наблюдает ли еще полиция из космоса или нет, но лучше было проявлять осторожность. Так говорили иссеи. Питер часто отсутствовал, путешествия убедили его в том, что охота за спрятанными колониями закончилась. И в том, что охота эта в любом случае была безнадежна.

— Есть поселения сопротивления, которые вообще не прячутся. Сейчас тут столько шума: теплового, визуального и даже радиошума, — говорил он. — Они не в силах проверить все поступающие сигналы.

Но Сакс всегда отвечал:

— Алгоритмические поисковые программы очень эффективны.

Майя тоже настаивала на том, чтобы продолжать прятаться, глушить электронику и направлять избыточное тепло глубоко внутрь

полярной шапки. В этом Хироко соглашалась с Майей, и все подчинялись.

— К нам это не относится, — отвечала Майя Питеру и смотрела при этом затравленно.

Однажды утром в школе Сакс сказал им, что в паре тысяч километров к северо-западу отсюда находится мохол[8]. Облако, которое они иногда наблюдали в той стороне, вырывалось оттуда — огромное, иногда неподвижное, иногда расползающееся тонкими прядями к востоку. В следующий раз, когда к ним наведался Койот, они спросили его за ужином, бывал ли он там, и он ответил, что бывал и что огромная шахта мохола проникает практически до центра Марса, а на дне ее нет ничего кроме булькающей, расплавленной, огненной лавы.

— Это неправда, — пренебрежительно возразила Майя. — Шахта идет вниз всего на десять или пятнадцать километров. Внизу там твердая скала.

— Но горячая, — сказала Хироко, — и я слышала, что теперь уже двадцать километров.

---

[8] Примечания: 8

Нижняя граница, на которой происходит скачкообразное уплотнение вещества. Названа в честь хорватского ученого Андрея Мохоровичича (*хорв.* Andrija Mohorovičić), который исследовал земную кору и мантию. С английского на русский может переводиться как «дыра».

— Так они делают за нас нашу работу, — пожаловалась Майя Хироко. — Тебе не кажется, что мы паразиты поселений на поверхности? Твоя зеленая сила немногого стоит без их инжиниринга.

— Это свидетельство симбиоза, — спокойно ответила Хироко. Она смотрела на Майю, пока та не поднялась и не ушла. Хироко единственная в Зиготе могла переглядеть Майю.

Хироко, как подумал Ниргал, разглядывая свою мать после этого спора, была очень странной. Она говорила с ним и с любым другим как с равным, и, очевидно, для нее все были равны, никто не был особенным. Но он хорошо помнил время, когда все было иначе, когда оба они были словно две части целого. Но теперь Хироко интересовалась им не больше, чем всеми прочими, ее забота оставалась обезличенной и отстраненной. «И она останется такой же, что бы со мною ни случилось», — думал Ниргал. Надя или даже Майя беспокоились о нем больше. И все-таки Хироко оставалась матерью для всех них. И Ниргал, как и большинство постоянных жителей Зиготы, все так же спускался к ее маленькому бамбуковому жилищу, когда ему нужно было нечто, чего не могли дать обычные люди, — ободрение или совет…

В большинстве случаев, когда он приходил к ней, он заставал там ее маленькое личное окружение: они молчали, и если он хотел остаться с ними, ему тоже приходилось молчать. Иногда это длилось днями, пока ему не надоедало заглядывать и проверять. Он мог прийти и во время службы, и тогда его увлекало экстатическое пение имен Марса, он становился неотъемлемой частью этого маленького собрания прямо в сердце мира — и Хироко была рядом, обнимая его одной рукой и крепко прижимая к себе.

Это тоже была своего рода любовь, и он ценил подобное отношение с ее стороны, но старые времена, когда они вместе гуляли по пляжу, ушли безвозвратно.

Однажды утром он зашел в школу и застал Джеки и Дао в раздевалке. Они вскочили, когда он вошел, и к тому моменту, как он снял куртку и ушел в класс, он был уверен, что они целовались.

После уроков Ниргал бегал вокруг сияющего озера, бело-голубого в летний полдень, наблюдая, как волновой генератор поднимается и вновь опускается, словно чувства, теснящиеся у него в груди. Боль поднималась в нем волнами. Он ничего не мог поделать с этим, хотя и понимал, что

это глупо. В эти дни они много целовались в купальне, плескаясь, пихаясь и щекоча друг друга. Девчонки целовались друг с другом и утверждали, что так они «тренируются» и что это не взаправду, иногда они практиковались на мальчишках. Рейчел целовала Ниргала много раз, так же как и Эмили, Тиу и Нанеди. В последний раз они обе держали его и целовали в уши в надежде смутить его, вызвав эрекцию в общественной купальне. А однажды Джеки оттолкнула их от Ниргала, загнала его в глубокий угол, ударив его в плечо, когда они боролись, и это было намного более волнующе, чем сотни скользких, влажных и теплых прикосновений, которые делали купание самым приятным временем дня.

Но вне стен купальни, будто стараясь держать под контролем столь взрывоопасные силы, они начинали общаться крайне официально, девчонки с мальчишками сбивались в стаи, которые часто играли независимо друг от друга. Так что поцелуи в раздевалке были чем-то новым и серьезным, как и выражение превосходства, которое Ниргал прочел на лицах Джеки и Дао, будто они знали нечто неизвестное ему — в некотором смысле так оно и было. Это причиняло боль: то, что он знал об этом, и то, что оставался в сто-

роне. И он не был так уж невежественен, он был уверен, что они лежали друг с другом, заставляя друг друга кончать. Они были любовниками, они выглядели как любовники. Его красивая, смеющаяся Джеки больше не принадлежала ему. Хотя на самом-то деле — не принадлежала никогда.

Следующие несколько ночей он спал плохо. Комната Джеки была всего в одном бамбуковом побеге от него, а комната Дао — в двух с противоположной стороны, и в каждом поскрипывании подвесных мостов ему чудились шаги, а иногда ее изогнутое окно освещалось трепещущим желтым светом лампы. Вместо того чтобы оставаться в своей комнате и мучиться, он начал допоздна задерживаться в общих комнатах, читая или подслушивая взрослые разговоры.

Так что он был там, когда они заговорили о болезни Саймона, отца Питера. Этот спокойный человек большей частью отсутствовал, проводя время в экспедициях с Энн, матерью Питера. Оказалось, что у него нечто, называющееся хроническим лейкозом. Влад и Урсула заметили, что Ниргал слушает, и попытались сделать вид, что все не так уж плохо, но он чувствовал, что от него скрывают правду. Кроме того, он поймал их странные изучающие взгляды. Позже, когда он

добрался до своей комнаты и лег, включив планшет, он нашел «Лейкемию» и прочел фрагмент из начала статьи. Потенциально смертельное заболевание, обычно поддающееся лечению. Потенциально смертельное заболевание — шокирующая формулировка. Он беспокойно ворочался в ту ночь, вплоть до самого рассвета, начавшегося щебетом птиц, мучимый снами. Умирали растения, умирали животные, но люди не умирали. Хотя люди были животными.

На следующую ночь, чувствуя странную опустошенность, он снова остался со взрослыми. Влад и Урсула уселись на пол рядом с ним. Они сказали ему, что Саймону поможет трансплантация костного мозга и что у него с Ниргалом одна и та же редкая группа крови. Такой не было ни у Энн, ни у Питера, ни у кого из братьев и сестер Ниргала, родных и двоюродных. Он наследовал эту группу от своего отца, но даже у него она была немного другой, не совсем такой же. Всего убежища населяло порядка пяти тысяч человек, а такой тип крови, как у Саймона и Ниргала, встречался у одного человека на миллион. Они спросили, пожертвует ли он немного своего костного мозга?

Хироко была там же, в общей комнате, и наблюдала за ними. Она редко проводила вечера в

деревне. Ниргалу не нужно было смотреть на нее, чтобы знать, о чем она думает. Они были созданы, чтобы давать, так она говорила всегда, а это стало бы самым великим даром. Актом чистой зеленой силы.

— Конечно, — ответил он, обрадовавшись такой возможности.

Госпиталь располагался за купальней и школой. Он был меньше школы, там было всего пять коек. Саймона положили на одну, а Ниргала на другую.

Старик улыбнулся ему. Он не выглядел больным, просто старым. Фактически, точно таким же, как и все древние. Он вообще мало говорил и сейчас тоже сказал лишь: «Спасибо, Ниргал».

Ниргал кивнул. Но, к его удивлению, Саймон продолжил:

— Я ценю то, что ты делаешь. Тебе будет больно еще неделю или две после операции, и боль будет исходить прямо из кости. На такое трудно решиться ради кого-то.

— Только не тогда, когда это действительно нужно, — ответил Ниргал.

— Ну что ж, это подарок, за который я, конечно же, постараюсь отплатить.

Влад и Урсула укололи руку Ниргала шприцом,

введя анестетик.

— Вовсе не обязательно проводить обе операции одновременно, но мы решили, что это хорошая идея, чтобы вы встретились тут. Друзьям легче выздоравливать вместе.

Так они стали друзьями. После школы Ниргал шел в госпиталь, Саймон выходил ему навстречу, они отправлялись по дороге через дюны на пляж. Там они смотрели на волны, тревожившие белую поверхность, поднимающиеся и опадающие над отмелью. Саймон был гораздо молчаливее всех, с кем Ниргал когда-либо проводил время. Это было немного похоже на молчание в ближнем окружении Хироко, которое никогда не кончалось. Сначала Ниргал чувствовал себя неловко, но потом понял, что так у него появляется время, чтобы хорошенько все обдумать. Чайки кружили под куполом, крабы зарывались в песок, каждый пучок травы в дюнах был окружен песчаным колечком. В эти дни Питер часто наведывался в Зиготу и гулял вместе с ними. Питер и Ниргал носились по пляжу, играя в догонялки или прятки, пока Энн и Саймон рука об руку прогуливались по дюнам.

Саймон был еще слаб и становился все слабее. Было сложно не воспринимать это как своего

рода моральное поражение. Ниргал никогда не болел, и сама концепция болезни была ему отвратительна. Такое случалось только со стариками. И даже им можно было помочь антивозрастной терапией, которую проходили все по достижении определенного возраста, так что никто не умирал. Умирали только растения и животные. Люди тоже были животными, но они изобрели медицину. Ночью, мучимый всеми этими противоречиями, Ниргал прочитал со своего планшета полную статью о лейкемии, хотя она и была длинной, словно целая книга. Рак крови — белые кровяные тельца распространялись из костного мозга и переполняли систему, атакуя здоровые органы. Саймону делали химио- и лучевую терапию, запускали в кровь псевдовирусы, чтобы убивать белые кровяные тельца, пытались заменить больной костный мозг костным мозгом Ниргала. Кроме того, Саймон теперь проходил антивозрастную терапию трижды в неделю. Ниргал прочитал и об этом. По сути, речь шла о поиске геномных расхождений, когда найденные поврежденные хромосомы заменялись так, чтобы больше не происходило ошибок в делении клеток. Но множеству введенных в организм клеток-восстановителей было сложно проникнуть внутрь кости, и в случае с

Саймоном островки канцерогенного костного мозга оставались там после каждого сеанса. У детей шансы на выздоровление были выше, чем у взрослых, так говорилось в статье про лейкемию. Но с антивозрастной терапией и заменой костного мозга Саймон должен был обязательно выздороветь. Это был просто вопрос времени и количества трансплантаций. В конце концов лечение побеждало все.

— Нам нужен биореактор, — сказала Урсула Владу. Они работали над преобразованием в реактор одного из эктогенных баков, наполняя его пористым животным коллагеном и дополняя клетками из костного мозга Ниргала в надежде сгенерировать массу лимфоцитов, макрофагов и гранулоцитов. Но у них не получалось заставить циркулирующую систему работать правильно, или, может быть, дело было в межклеточном веществе, они и сами не знали. Ниргал оставался их живым биореактором.

По утрам Сакс обучал детей химии почв, когда был учителем. И даже иногда выводил их из классной комнаты работать в почвенных лабораториях, где они вводили биомассу в песок, а потом тележками свозили его в теплицы на берегу. Это была интересная работа, но Ниргал

воспринимал ее словно в полусне. Краем глаза он замечал Саймона, который упрямо прогуливался снаружи, и тут же забывал обо всех своих делах.

Несмотря на лечение, Саймон шел медленно и неловко. Фактически он еле плелся, с трудом переставляя не сгибающиеся в коленях ноги. Однажды Ниргал догнал его и встал рядом на последней дюне у самого пляжа. Кулики бегали туда-сюда по влажной отмели, преследуемые белыми полотнищами пенящейся воды. Саймон указал на стадо черных овец, пощипывающих траву между дюнами. Его рука поднялась, словно бамбуковая перекладина. Дыхание овец оседало в траве морозными облачками.

Саймон сказал нечто, чего Ниргал не уловил: старик уже с трудом шевелил губами, и некоторые слова ему было сложно произносить. Возможно, это делало его еще более тихим, чем обычно. Он попытался снова и снова, но, как бы он ни старался, Ниргал не мог понять, что он говорит. Наконец, Саймон оставил попытки и пожал плечами. Они стояли, глядя друг на друга, немые и беспомощные.

Когда Ниргал играл с другими детьми, они одновременно и принимали его в игру, и сохраняли дистанцию, а его мысли метались по кругу. Сакс

даже сделал замечание по поводу его отсутствующего вида на уроке.

— Концентрируйся на моменте, — сказал он, заставляя Ниргала вслух читать циклы круговорота азота или погружать руки глубоко во влажную черную почву, с которой они работали, учась правильно замешивать ее, разрывая длинные нити цветущих диатомных водорослей, а также грибы, лишайники, тину и все невидимые микробактерии, которые росли на них, чтобы равномерно распределить все это между заскорузлыми комьями песка.

— Размешивайте это все по возможности равномерно. Сосредоточьтесь. Концентрируйтесь. Осознанность очень важна. Посмотрите на структуры под стеклом микроскопа. Вот эта, прозрачная, словно рисовое зернышко, это хемолитотроф, Thiobacillus denitrificans[9]. А вот немного сульфидов. Так что же произойдет, когда первые съедят последних?

— Оксид серы.

— И?

— Азот уйдет из соединений.

— Как?

---

[9] Примечания: 9
Протобактерия.

— Нитраты в азот. Из земли в воздух.

— Очень хорошо. Это очень полезный микроб.

Так Сакс принуждал его концентрироваться, но цена была высока. К полудню, когда уроки окончились, Ниргал был совершенно измотан, а после полудня ему уже трудно было заниматься чем-то еще. Потом у него попросили пожертвовать больше костного мозга для Саймона, который лежал в госпитале безмолвный и растерянный, глядя на Ниргала с виноватым видом. Ниргал заставил себя улыбнуться и сжал пальцы вокруг бамбукового предплечья Саймона.

— Все нормально, — сказал он ободряюще и лег рядом. Хотя Саймон, очевидно, делал что-то не так, был слишком слаб, или ленив, или каким-то образом не желал выздоравливать. Никак иначе Ниргал не мог объяснить себе его состояние. Ниргала укололи в руку, и рука онемела. В тыльную сторону запястья ввели иглу капельницы, и через некоторое время оно тоже онемело. Он откинулся на спину, стараясь оцепенеть полностью, стать просто еще одним элементом медицинского оборудования. Часть его ощущала большую иглу для забора костного мозга, протыкающую кость в плече. Не было ни боли, ни даже ощущения собственной плоти, только давление на кость.

Потом прошло и оно, и Ниргал понял, что игла вошла в мягкие ткани кости.

На этот раз операция не помогла. Саймон был совсем плох, он уже не выходил из госпиталя. Ниргал посещал его время от времени, и они играли в «Погоду» на планшете Саймона, нажимая на кнопки, чтобы сбросить кости, и радуясь, когда выпавшие единицы или шестерки перемещали их в следующий квадрант Марса, где климат был абсолютно другим. Смех Саймона, всегда очень тихий, теперь стал лишь легкой улыбкой.

Рука Ниргала болела, и он плохо спал, ворочался с боку на бок всю ночь, вставал, горячий и потный, боясь неизвестно чего.

Однажды Хироко разбудила его, едва лишь он заснул, и повела вниз по закручивающимся ступеням и дальше, к госпиталю. Полусонный, он слегка наваливался на нее. Она была так же безучастна, как и всегда, но с удивительной силой поддерживала его одной рукой за плечи. Когда они прошли мимо Энн, сидевшей в приемной госпиталя, что-то в ее позе заставило Ниргала задаться вопросом, что Хироко делает в деревне посреди ночи, и, охваченный ужасом, он попытался проснуться окончательно.

Угловатая комната госпиталя была залита

ритмично пульсирующим светом, будто сияние пыталось вырваться отовсюду. Голова Саймона покоилась на белой подушке. Кожа его стала бледной и восковой. Он выглядел тысячелетним стариком.

Повернув голову, он увидел Ниргала. Темные глаза жадно скользнули по лицу мальчика, будто пытаясь проникнуть внутрь, перепрыгнуть разделявшее их расстояние. Задрожав, Ниргал поймал темный пытливый взгляд и подумал: «Ладно, иди ко мне. Давай, если хочешь. Давай».

Но это было невозможно, они оба поняли это, и оба расслабились. Слабая улыбка скользнула по лицу Саймона, он с трудом потянулся и взял Ниргала за руку. Теперь его взгляд блуждал, изучая лицо Ниргала с совершенно другим выражением, будто он пытался найти слова, которые помогут Ниргалу в будущем, будто он пытался сказать все, чему научился сам.

Но и это было невозможно, и снова они оба это поняли. Саймон должен был оставить Ниргала его судьбе, какой бы она ни была. Он ничем не мог помочь Ниргалу.

— Береги себя, — наконец прошептал он, и Хироко вывела Ниргала из комнаты. Она провела его сквозь тьму обратно в спальню, где он забыл-

ся глубоким сном. Саймон умер той ночью.

Это были первые похороны в Зиготе, и первые похороны, которые видели дети. Но взрослые знали, что делать. Они встретились в одной из теплиц, среди рабочих столов, сели в кружок вокруг длинного ящика с телом Саймона. Все передавали по кругу фляжку с рисовым ликером, и каждый наполнял рюмку соседа. Они выпили огненное зелье, и старшие встали и пошли вокруг ящика, взявшись за руки, будто затягивая узел вокруг Энн и Питера. Майя и Надя сидели по бокам Энн, обнимая ее за плечи. Энн казалась парализованной, Питер был безутешен. Юрген и Майя рассказывали истории о легендарной неразговорчивости Саймона.

— Однажды, — начала Майя, — мы ехали в марсоходе, и вдруг взорвалась канистра с кислородом, проделав дыру в крыше кабины. Мы бегали в панике и кричали, а Саймон, который оставался снаружи, подобрал камень подходящего размера, запрыгнул на крышу и запечатал им дыру. После этого мы все болтали как сумасшедшие, пытаясь сделать настоящую заплату, и вдруг поняли, что Саймон вообще не произнес ни слова, и мы все замолчали, посмотрев на него, а он сказал только: «Пронесло».

Они засмеялись.

— А помните, мы раздавали потешные премии в Андерхилле, — произнес Влад, — и Саймон получил одну за лучшее видео. Он поднялся на сцену, чтобы получить награду, буркнул: «Спасибо», — и пошел к своему месту, а потом остановился, вернулся на сцену, как будто ему пришло в голову что-то еще, и знаете, мы все сразу обратились в слух, а он прочистил горло и добавил: «Большое спасибо».

Это заставило Энн рассмеяться. Она встала и вывела всех на морозный воздух. Старшие несли ящик вниз к пляжу, а остальные шли следом. Из тумана закружился снег, когда они вынули тело из ящика и закопали его глубоко в песок, прямо за отметкой, оставленной самыми высокими волнами. Они вынули доску из верхней длинной части ящика и Надиным паяльником выжгли на ней имя Саймона, укрепив доску на вершине первой дюны. Так он был погребен. И, конечно же, отчасти эта церемония успокоила их: он возвращался в мир, растворяясь в нем. Но как личность он исчез навсегда…

Закопав Саймона в песок, они шагали под тускнеющим куполом, пытаясь вести себя так, будто реальность не разорвалась вдруг на части,

выхватив одного из них. Ниргал не мог поверить в происходящее. Они с трудом шли к деревне, дыша на руки, разговаривая вполголоса. Ниргал тащился рядом с Владом и Урсулой, страстно желая хоть какого-нибудь успокоения. Урсула была печальна, Влад пытался приободрить ее.

— Он прожил больше ста лет, мы можем сколько угодно говорить, что смерть его была преждевременной, но это насмешка над теми бедолагами, которые умерли в пятьдесят, или в двадцать, или в год.

— И все-таки его смерть была преждевременной, — упрямо повторила Урсула. — С омоложением — кто знает? — он мог бы прожить и тысячу лет.

— Я не уверен. Мне кажется, омоложение в действительности затрагивает не каждую часть нашего тела. А со всей этой радиацией у нас может быть гораздо больше проблем, чем мы думали поначалу.

— Возможно. Но если бы мы были на Ахероне с полным персоналом, биореактором и всем оборудованием, я готова спорить, мы бы его спасли. И тогда ты не мог бы утверждать, сколько еще ему осталось бы прожить. Я знаю, что его смерть преждевременна.

Она пошла быстрее, чтобы остаться одной.

Той ночью Ниргал вовсе не мог уснуть. Он видел операции по пересадке костного мозга, вспоминал каждый момент и представлял себе обратный поток в системе, который мог бы заразить его раком. А может, он заразился через прикосновения? Или просто через тот последний взгляд, который Саймон бросил на него?! Так что он теперь болен тем, что они не могут излечить, и скоро умрет. Закостенеет, онемеет, перестанет двигаться и умрет. Это и есть смерть. Сердце колотилось, его прошибал пот, и он плакал от страха. Нет возможности избежать смерти, и это ужасно. Ужасно вне зависимости от того, когда это случится. Ужасно, что весь цикл был задуман так изначально: что он будет повторяться снова и снова, они будут рождаться, чтобы потом умереть навечно. Тогда зачем вообще жить? Это было слишком странно и слишком страшно. И он трясся всю долгую ночь, а его разум метался по кругу в страхе смерти.

После этого Ниргал с трудом мог концентрироваться. Он начал постоянно чувствовать отстраненность от всего, будто проваливался в белый мир и не мог ухватиться за зеленый.

Хироко заметила эту проблему и предложила ему отправиться с Койотом в одно из путешествий. Идея шокировала Ниргала, ведь он никогда раньше и шагу не делал за пределы Зиготы. Но Хироко настаивала. Ему уже семь, говорила она, он почти уже стал мужчиной. Пришло время взглянуть на поверхность мира.

Спустя несколько недель к ним заглянул Койот, и когда он снова засобирался, Ниргал поехал с ним, заняв сиденье второго пилота в его похожей на валун машине и тараща глаза на пурпурную арку вечернего неба из-за низкого лобового стекла. Койот сделал круг, чтобы он смог полюбоваться огромной и сияющей розовой полярной шапкой, возвышавшейся над горизонтом, словно гигантская восходящая луна.

— Трудно представить, чтобы что-нибудь настолько огромное могло когда-нибудь растаять, — сказал Ниргал.

— Ну, это займет некоторое время.

Они неспешно ехали на север. Их машина была замаскирована — покрыта полой каменной обо-

лочкой, температура которой регулировалась и соответствовала температуре окружающей среды. На передней оси располагалось устройство, считывающее рельеф поверхности и передающее его на заднюю ось, где механические скребки восстанавливали рисунок, заметая следы их колес, возвращая камням и песку ровно ту форму, которую они имели изначально. Так что они при всем желании не могли мчаться с большой скоростью.

Очень долго они путешествовали в молчании, хотя молчание Койота отличалось от молчания Саймона. Он мычал, бормотал, переговаривался тихим напевным голосом со своим искином на языке, который был похож на английский, но оставался непонятен. Чувствуя неловкость и робость, Ниргал пытался сконцентрироваться на маленьком фрагменте окна. Местность вокруг южной полярной шапки представляла собой ряд широких плоских террас, и они спускались с одной на другую по дороге, которая, казалось, была заложена в память компьютера. Вниз, терраса за террасой, пока не стало казаться, что полярная шапка стоит на своего рода огромном пьедестале. Ниргал вглядывался во тьму, впечатленный размерами вещей, но счастливый от того, что они не

были такими уж грандиозными, как во время его первой прогулки наружу. Это случилось очень давно, но он прекрасно помнил то ошеломляющее изумление.

Сейчас он не чувствовал ничего подобного.

— Я думал, все будет гораздо больше, — сказал он. — Полагаю, дело в кривизне поверхности земли, в конце концов, это маленькая планета.

Как говорилось в планшете: «Горизонт не дальше, чем один край Зиготы от другого!»

— Ага, — ответил Койот, бросив на него взгляд. — Лучше тебе не говорить этого в присутствии Большого Человека, он тебе задницу надерет за такое. Кто твой отец, мальчик? — добавил он.

— Я не знаю. Хироко — моя мать.

Койот фыркнул.

— Если хочешь знать мое мнение, Хироко слишком далеко зашла с матриархатом.

— Вы говорили ей об этом?

— Ручаюсь тебе, но Хироко слушает меня, только когда я говорю то, что она хочет услышать. — Он хохотнул. — Как и все прочие, верно?

Ниргал кивнул, невольная усмешка разрушила его попытки остаться невозмутимым.

— Хочешь узнать, кто твой отец?

— Конечно. — На самом деле он не был в этом уверен. Отец мало значил для него, и он боялся, что его отцом может оказаться Саймон. В конце концов, Питер был ему как старший брат.

— В Вишняке есть оборудование. Можем попробовать узнать там, если хочешь. — Койот покачал головой. — Хироко такая странная. Когда мы с ней встретились, я и подумать не мог, что дойдет до этого. Конечно, тогда мы были молоды, почти так же молоды, как ты, хотя тебе трудно будет поверить в это.

Ниргалу действительно не верилось в подобное.

— Когда я встретил ее, она была просто юной студенткой, экоинженером, умной, как черт, и сексуальной, как кошка. В ней не было ничего от богини-матери мира. Но постепенно она начала читать разные книги, и отнюдь не технические руководства, это продолжалось так долго, что к тому моменту, как она попала на Марс, она уже была чокнутой. На самом деле, она свихнулась гораздо раньше. К счастью для меня, ведь именно поэтому я здесь. Но Хироко, о боже!.. Она была убеждена, что история человечества с самого начала развивалась неправильно. На рассвете цивилизации, заявляла она мне очень серьезно,

существовали Крит и Шумер. На Крите была мирная торговая культура, управляемая женщинами, полная искусства и красоты — по факту, Утопия, где мужчины были акробатами, сражавшимися с быками весь день и ублажающими женщин всю ночь. Женщины беременели и боготворили своих мужчин, и все были счастливы. Все выглядит прекрасно, за исключением быков. Тем временем Шумер управлялся мужчинами, которые изобрели войну и захватывали все, что попадалось им на глаза, порабощая целые империи, так с тех пор и повелось. Никто не знает, говорила Хироко, что могло бы произойти, если бы у этих цивилизаций был шанс вступить в борьбу за власть над миром, потому что на Крите случилось извержение вулкана, и мир упал в руки Шумера, да так и остался в них по сей день. Если бы только этот вулкан поразил Шумер, говаривала она мне, все было бы иначе. И может быть, это правда. Потому что история едва ли могла бы стать темнее, чем наша.

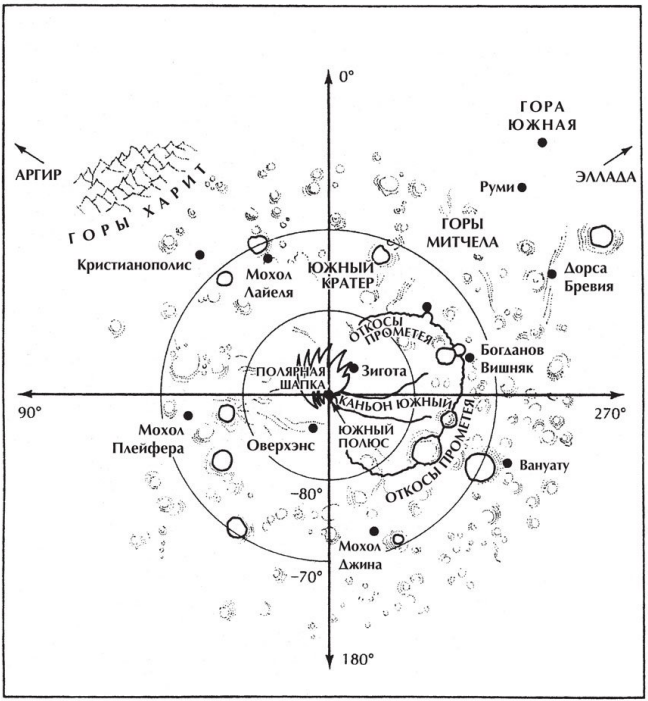
Такая позиция удивила Ниргала.

— Но теперь, — осмелился возразить он, — мы начинаем все заново.

— Верно, мальчик! Мы первобытные элементы неизвестной цивилизации. Живем в своем собственном техно-минойском матриархате.

Ха! Мне и самому это нравится. Мне кажется власть, которую забрали наши женщины, не так уж интересна. Власть — это другая сторона рабства, помнишь этот отрывок из книги, которую я заставлял вас читать? Хозяин и раб носят одно ярмо. Анархия — единственная настоящая свобода. Что бы женщины ни делали, все оборачивается против них. Когда они всего лишь самки, они работают до смерти. Но когда они становятся королевами и богинями, они работают еще больше, потому что к обычному труду присовокупляется бумажная работа! Это не для нас. Будь благодарен за то, что ты мужчина и свободен как небо.

Ниргалу такой взгляд на вещи казался своеобразным. Но это был способ справиться с красотой Джеки, с ее невероятной властью над его разумом. Так что Ниргал устроился поглубже в своем кресле, разглядывая белые звезды в черном небе и думая о небесной свободе. Свободен как небо!



Южный полюс Марса

Это случилось 22 марта 32-го М-года, $L_S = 4{,}2^0$, и южные дни становились короче. Каждую ночь Койот упорно вел их машину запутанными, невидимыми тропами по территории, которая

становилась все более и более складчатой по мере того, как они отдалялись от полярной шапки. Днем они останавливались на отдых, а все остальное время ехали. Ниргал старался бодрствовать, но всякий раз засыпал во время ночного перехода и спал еще часть дня, пока день и ночь, время и пространство не перепутались для него окончательно.

Бодрствуя, он постоянно смотрел в окно, на вечно изменяющуюся поверхность Марса. Он все никак не мог насмотреться. В слоистой почве он видел бесконечное множество узоров, многослойные горы песка, рифленные ветром так, что каждая дюна была похожа на крыло птицы. Когда слоистая земля наконец сменилась голым скальным основанием, многослойные дюны превратились в отдельные песчаные островки, разбросанные в мешанине однотонных обнажений и куч камней. Везде, куда бы он ни смотрел, был красный камень — от маленького голыша до необъятных валунов, возвышавшихся над землей, словно здания. Песчаные островки прятались в каждой ямке и выбоине этого каменистого пейзажа, скапливались у подножий каменных гор, на подветренной стороне низких обрывов и внутри кратеров.

А кратеры были повсюду. Сперва они появились как две шишки, наползающие одна на другую, как оказалось — соединенные внешние края низкой горной гряды. Мимо проплывало множество таких плоских холмов. Одни были крутыми и резко очерченными, другие — низкими и почти неразличимыми, были и третьи, с оправой, разбитой более поздними мелкими ударами, так что можно было увидеть отверстия, углубляющиеся в песок.

Однажды Койот остановил машину незадолго до рассвета.

— Что-то случилось?

— Нет. Мы добрались до наблюдательного поста Рея, я хочу, чтобы ты увидел это. Солнце встанет через час.

И они сидели в креслах и ждали рассвета.

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Семь.

— Это сколько? Тринадцать земных лет? Четырнадцать?

— Наверное.

— Ого. Ты уже выше меня.

— Ага, — Ниргал не стал говорить, что это не такой уж и высокий рост. — А вам сколько лет?

— Сто девять. Ха-ха! Закрой глаза, а то они вы-

скочат из орбит. И не смотри на меня так. Я был стар в тот день, когда родился, и буду юн в тот день, когда умру.

Они дремали, пока небо на восточном горизонте приобретало глубокий сине-пурпурный оттенок. Койот мычал под нос какую-то песенку, будто принял таблетку омегендорфа, как это часто случалось с ним по вечерам в Зиготе. Постепенно стало ясно, что горизонт очень далеко и очень высоко, Ниргалу никогда не приходилось видеть поверхность на такой протяженности, и одновременно ему казалось, что она заворачивается вокруг них: черная изогнутая стена, лежащая на невообразимом расстоянии, охватывала черную каменистую равнину.

— Эй, Койот! — воскликнул он. — Что это?

— Ха! — ответил Койот, и в его голосе сквозило глубокое удовлетворение.

Небо осветилось, и солнце внезапно раскололо верхний край далекой стены, на минуту ослепив Ниргала. Но по мере того, как солнце поднималось, тени на огромном округлом утесе уступали потокам света, обнажавшего острые, рваные углубления, вдавленные в край стены, настолько огромной, что Ниргал просто ахнул. Его нос прижался к оконному стеклу: его почти пугало,

насколько большой была эта стена!

— Койот, что это?

Койот рассмеялся своим тревожным смехом — животный клекот наполнил машину.

— Что, этот мир в конце концов не так уж мал, а, мальчик? Это основание Земли Прометея. Эта территория, появившаяся в результате удара, одна из самых больших на Марсе, почти такая же большая, как равнина Аргир, но удар пришелся сюда, в область Южного полюса, так что половина ее ободка была погребена под полярной шапкой и под опустившимся ландшафтом. А другая половина — это вон тот изогнутый откос. — Он широко взмахнул рукой. — Что-то вроде супербольшого кратера, но частично открытого, так что можно въехать прямо в него. Этот небольшой подъем — лучшее из известных мне мест, чтобы обозревать окрестности. — Он вызвал карту местности и показал. — Мы тут, в фартуке[10] маленького кратера, и сориентированы на северо-запад. Утес — это Откосы Прометея, вон там. Они около километра высотой. Конечно, высота утеса Эхо — три километра, а утес горы Олимп — шесть, ты знал что-нибудь про Олимп, мистер Маленькая

---

[10] Примечания: 10

Фартуком называют обвал кромок кратеров.

Планета? Но и этой малышки будет достаточно для начала.

Солнце поднималось выше, освещая гигантский изгиб утеса сверху. Он был глубоко изрезан ущельями и испещрен маленькими кратерами.

— Убежище «Прометей» расположено на краю вон того большого выступа, — сказал Койот, указывая на левую часть изгиба, — кратера Wj.

Пока они ждали весь долгий день, Ниргал смотрел на гигантский утес, практически не отрываясь, и в каждый момент времени он казался иным, тени укорачивались и перемещались, открывая одни детали и затемняя другие. Годы ушли бы на то, чтобы увидеть их все, и Ниргал понял, что не может преодолеть ощущение, будто гора неестественно, даже невозможно огромна. Койот был прав — близкие горизонты дурачили его, он и не представлял себе, что мир может быть так огромен.

Ночью они заехали в кратер Wj, один из самых больших в гигантской стене. А потом достигли Откосов Прометея. Утес нависал над ними, как вертикальный край самой вселенной. Полярная шапка по сравнению с этой каменной массой была крохотной. А это значило, что гора Олимп, о которой упоминал Койот, должна была быть…

Ниргал даже не мог подобрать сравнение.

Внизу, у подножия утеса, в той точке, где монолитная скала почти вертикально вонзалась в песок, нашлась углубленная закрытая дверь. Внутри располагалось убежище «Прометей», анфилада широких залов, обшитых бамбуком, через чистые окна которых удобно было обозревать кратер. Как и Койот, обитатели убежища владели французским, но, обращаясь к Ниргалу, глядя на него сверху вниз, довольно бегло произносили по-английски:

— А ты — Ниргал! Очаровательно! Мы слышали о тебе, мы счастливы тебя видеть!

Небольшая группа устроила ему экскурсию, пока Койот был занят другими делами. Их убежище было совсем не похоже на Зиготу. В общем, там не было ничего, кроме комнат. Несколько больших лепилось к стенам, более мелкие — к большим. Три комнаты из тех, что имели окна, служили парниками, и во всем убежище было очень тепло, вокруг размещалось много растений, картин на стенах, скульптур и фонтанов. Ниргалу было очень тесно и слишком жарко, но невероятно интересно.

Они остались там всего на день, а потом загнали машину Койота на подъемник и сидели

так целый час. Когда Койот вырулил из противоположных дверей, они оказались на вершине морщинистого плато, лежавшего прямо за Откосами Прометея. И тут Ниргал был снова шокирован. Когда они находились внизу, у наблюдательного поста Рея, утес ограничивал их поле зрения, и это было понятно Ниргалу. Но на вершине утеса, оглядываясь назад, он видел пространства настолько огромные, что не мог осознать увиденное. Все казалось расплывчатой массой пузырьков и цветных заплаток — белых, пурпурных, коричневых, желтоватых, ржавых, белых, и его мутило от одного этого вида.

— Шторм приближается, — сказал Койот, и Ниргал вдруг увидел, что цвета над ними — это вереница высоких и плотных облаков, плывущих сквозь фиолетовые небеса к солнечному колодцу на западе. Облака, белесые у своих вершин и темно-серые у основания. Их нижний край был ближе к путникам, чем дно кратера. Мир снизу — крапчатая мешанина желтовато-коричневого и шоколадного цветов — никогда не был столь ровным. Ах, эти тени, скользящие в вышине!

А вон тот белый полумесяц в самой середине — полярная шапка! Отсюда они видели весь путь домой! Ледяная шапка дала Ниргалу понимание

перспективы, необходимое, чтобы осознать картину, и пятна цвета преобразились в ухабистый, неровный окольцованный пейзаж, испещренный тенями движущихся облаков.

Ошеломляющий акт осознания занял у Ниргала всего несколько секунд, а затем он заметил, что Койот наблюдает за ним с широкой усмешкой.

— Как далеко мы можем видеть, Койот? Сколько тут километров?

Койот лишь усмехнулся.

— Спроси Большого Человека, мальчик. Или сам посчитай! Триста? Что-то около того. Маленький прыжок для больших. Тысячи империй для маленьких.

— Я хочу побывать там.

— Уверен, что хочешь. Смотри! Там, в облаках над полярной шапкой… Молнии, видишь? Вон они — маленькие вспышки!

Они и в самом деле были там — яркие нити света, беззвучно появляющиеся и исчезающие, по одной или по паре в каждые несколько секунд, соединяя облака с белой землей. Наконец-то он видел молнии своими собственными глазами. Белый мир, воспламеняющий зеленый, встряхивающий его.

— Нет ничего лучше бури, — сказал Койот. —

Как прекрасно чувствовать ветер! Это мы создали бурю, мальчик. Хотя я думаю, мы можем создать бурю и посильнее.

Но Ниргал не мог представить себе бури больше. Та, что простиралась перед ними, была космически обширной — поразительная, сверкающая цветом, необузданно просторная. Он даже почувствовал некоторое облегчение, когда Койот повернул машину и поехал дальше, а мерцающий пейзаж исчез. Край утеса стал новым небесным сводом позади них.

— Так это все-таки были молнии?

— Ну, молнии… Должен признаться, что молнии — один из феноменов этого мира, которому я не могу найти объяснения. Мне пытались объяснить, но суть от меня постоянно ускользает. Это, конечно же, электричество, что-то связанное с электронами и ионами, положительно и отрицательно заряженными, заряды образуются в грозовых облаках, разряжаются в землю или сразу в обоих направлениях, и вверх, и вниз, кажется, так. Кто знает? Бум-бум! Вот что такое молния, а?

Белый мир и зеленый, трущиеся друг о друга, сцепляющиеся при трении. Конечно.

На плато к северу от Откосов Прометея распо-

лагалось несколько убежищ, одни прятались в крутых вертикальных откосах и ободах кратеров, словно Надин подземный проект за пределами Зиготы, другие просто стояли в кратерах под прозрачными навесами куполов, где их могла бы заметить полиция. В первый раз Койот подрулил к ободку одного такого кратера, и они наблюдали через прозрачное покрытие купола за деревней под звездами. Ниргал вновь был удивлен, хотя удивление и не было таким сильным, как потрясение от открывшегося перед ним пейзажа. Здания, такие как школа, купальня, кухня, теплицы и деревья, — все было в основном знакомо, но как они могли скрывать все это у всех на виду? Это сбивало с толку.

И так много людей, так много незнакомцев. Теоретически Ниргал знал, что их в южных убежищах очень много, что-то порядка пяти тысяч, все повстанцы, побежденные в войне 2061 года. Но встретить стольких из них так скоро и убедиться в правдивости этих данных — это было нечто совсем другое. Остановки в неукрытых убежищах заставляли его сильно нервничать.

— Как они могут так жить? — спрашивал он Койота. — Почему их до сих пор не арестовали и не забрали?

— Я сдаюсь, парень. Может, их и могли бы арестовать. Но не арестовали до сих пор, так что они не считают необходимым прятаться. Знаешь, чтобы спрятаться, нужны неимоверные усилия. Нужно проводить термальный инжиниринг, подавлять сигналы электроники и все время держаться вне поля зрения — это настоящая заноза в заднице. И некоторые люди там, внизу, просто не хотят этим заниматься. Они называют себя «полусветом». По их плану, если убежище когда-нибудь отыщут и захватят, большинство уйдет спасательными тоннелями вроде нашего, а некоторые даже припрятали оружие на такой случай. Они поняли, что поскольку они тут на поверхности, никому нет нужды проверять, что они делают. Люди из Кристианополиса прямо сказали ООН, что прибыли сюда, чтобы выскользнуть из сети. Но… тут я согласен с Хироко. Некоторые из нас должны быть более осторожны, чем прочие. ООН жаждет заполучить первую сотню, я так считаю. И их семьи в том числе, а значит, вам, детишки, не повезло. Как бы там ни было, в сопротивление теперь входят и подземные убежища, и «полусвет», а открытые поселения очень помогают скрытым убежищам, так что я рад, что они есть. Сейчас мы зависим от них.

В этом городе Койота приветствовали так же радостно, как и везде, — что в скрытых поселениях, что в открытых. Он расположился в углу гаража на ободе кратера и устроил длительный оживленный обмен товарами, включая запасы семян, программное обеспечение, лампы, запчасти и небольшие механизмы. Все это он раздавал после длительных консультаций с хозяевами, устраивая торги, которых Ниргал не понимал. А потом, после короткой экскурсии по кратеру и деревне, удивительно похожей на Зиготу под блестящим багровым куполом, они снова тронулись в путь.

В очередной поездке между убежищами Койот попытался, хоть и не очень успешно, объяснить принципы своей торговли.

— Я спасаю людей от их нелепых воззрений на экономику, вот что я делаю! Идея с подарками, конечно, хороша, но она не подходит к нашей ситуации. Есть некие необходимые предметы, которые должны быть у всех, так что их нужно отдавать, и тут возникает противоречие, верно? В общем, я пытаюсь выработать рациональную систему. На самом деле ее выработали Влад и Марина, я только пытаюсь ввести ее, а значит, получаю все шишки.

— И эта система…

— Ну, это двуединая система, когда они по-прежнему могут давать все, что хотят, но вещам первой необходимости присвоена некая ценность, которая позволяет распределять их правильно. И, боже мой, ты не поверишь, с какими аргументами я иногда сталкиваюсь! Люди могут быть такими тупыми… Я пытаюсь убедиться, что все складывается в стройную экосистему, вроде систем Хироко, когда каждое убежище занимает свою нишу и обеспечивает свою специализацию, и что я получаю взамен? Оскорбления, вот что я получаю! Грубые оскорбления… Я пытаюсь не делать подарков, а они называют меня королем воров, я пытаюсь прекратить накопительство, а они называют меня фашистом. Дураки! Что они собираются делать, если никто из них не самодостаточен, а половина — сумасшедшие параноики в придачу? — Он театрально вздохнул. — Как бы там ни было, мы делаем успехи. Кристианополис производит лампы, а Мосс Хайд выращивает новые виды растений, как ты видел. Богданов Вишняк создает все большое и сложное, вроде стержней для реактора и стелс-транспортников, а также значительную часть больших роботов, ваша Зигота поставляет научный инструментарий и все такое. А я развожу все это по окрестностям.

— Ты один занимаешься этим?

— Почти что. Они почти самодостаточны, на самом деле, за исключением нескольких критических вещей. У всех них есть программы и семена — это базовые потребности. Кроме того, важно, чтобы число людей, знающих расположение скрытых убежищ, оставалось небольшим.

Ниргал обдумывал это, пока они ехали сквозь ночь. Койот продолжал разглагольствовать о стандартах перекиси водорода и азота, о новой системе, введенной Владом и Мариной. Ниргал изо всех сил старался поспевать за ходом его мысли, но это было сложно, то ли потому, что сложен был сам концепт, то ли потому, что Койот не столько объяснял, сколько злился на те сложности, с которыми сталкивался в некоторых убежищах. Ниргал решил расспросить об этом Сакса или Надю, когда они вернутся домой, и перестал слушать.

Поверхность, по которой они теперь передвигались, была усеяна кольцами кратеров, свежие перекрывали и погребали под собой старые.

— Это перекрытые структуры. Очень древние.

Множество кратеров вообще не имело выраженных краев, просто неглубокие плоские круглые дыры в земле.

— Что стало с ободами?

— Износились.

— Как?

— Энн говорит, это лед и ветер. Она утверждает, что с течением времени южные возвышенности уменьшились почти на километр.

— Так тут вообще ничего не останется!

— Появится что-то другое. Это старая земля.

Поверхность между кратерами, покрытая отдельными камнями, вся была неровной, сплошные впадины, подъемы, дыры, бугорки, канавки, углубления, возвышенности, холмы и долины, — нигде нет даже намека на плоскость, только на краях кратера и на случайных низких гребнях — и то, и другое Койот по возможности использовал как дорогу. Но путь, которым он следовал среди этого неровного ландшафта, был по-прежнему извилист, и Ниргал поверить не мог, что Койот знал его на память. Он сказал это вслух, и Койот рассмеялся.

— О чем ты говоришь? Мы потерялись!

Хотя не совсем и ненадолго. Струйка мохола показалась над горизонтом, и Койот направился туда.

— Я знал с самого начала, — бормотал он, — это мохол Вишняк, вертикальный ствол, около ки-

лометра в поперечнике, зарывающийся прямо в коренную породу. У нас было четыре мохола по линии семьдесят пятой широты, и парочку из них забросили, там нет даже роботов. Ну а Вишняк, один из двух заброшенных, заняла группка богдановистов, которые и теперь живут там… — Он рассмеялся. — Отличная идея, ведь они могут углублять боковую стену вдоль спуска на дне и там, внизу, получать столько тепла, сколько им вздумается. Никто не догадается, что это не очередной выброс мохола… Так что они могут строить что угодно, даже добывать уран для стержней. Теперь это целый индустриальный город — одно из любимых моих мест, там можно хорошенько повеселиться!

Направив машину в один из небольших рвов, разрезающих землю, он затормозил и постучал по экрану, большой камень выкатился из боковой стены рва, открывая черный туннель. Койот заехал внутрь, и каменная дверь закрылась за ними. Ниргал полагал, что его уже ничто не может удивить, но теперь он с округлившимися глазами следил, как они спускаются по этому, казавшемуся бесконечным туннелю, едва не задевая шершавые стены.

— Они прорыли несколько подъездных тун-

нелей, так что сам по себе мохол выглядит абсолютно нетронутым. Нам ехать еще порядка двадцати километров.

Через какое-то время Койот выключил фары. Машина выкатилась в тускнеющий яйцевидный купол ночи. Они оказались на обрывистой дороге, очевидно, закручивающейся спиралью вдоль стены мохола. Огоньки на панели управления сияли, словно крошечные фонарики, и, глядя на свое отражение в стекле, Ниргал видел, что дорога шире машины в четыре или пять раз. Разглядеть всю окружность мохола не представлялось возможным, но судя по изгибу дороги, она была невероятной.

— Вы уверены, что можно поворачивать на такой скорости? — спросил он обеспокоенно.

— Я доверяю автопилоту, — раздраженно ответил Койот. — Дурная примета — говорить о таком.

Машина катилась вниз по дороге. Больше чем через час спуска панель управления издала звуковой сигнал, и машина свернула к изгибающейся каменной стене слева. Там был гараж, двери которого с шумом захлопнулись после того, как они заехали.

Внутри их приветствовала группа порядка

двадцати человек, они провели гостей через ряд длинных комнат в зал, напоминающий пещеру. Помещения, которые богдановисты вырыли в стенах мохола, были огромными, гораздо больше комнат «Прометея». Как правило, подсобные помещения достигали высоты в десять метров и иногда тянулись до ста метров вглубь, тральная каверна могла соперничать по размерам с Зиготой, большие окна смотрели прямо в дыру. Глядя из окна по сторонам, Ниргал заметил, что снаружи стекло похоже на поверхность камня. Проницаемое покрытие было очень хитроумным, поскольку с наступлением утра пропускало внутрь максимум света. Из окон виднелись лишь противоположная стена мохола да выпуклый лоскут неба над ним, но и этого было достаточно, чтобы придать комнатам удивительное ощущение пространства и света, — это чувство, будто находишься под открытым небом, Ниргал никогда не испытывал в Зиготе.

В тот первый день Ниргала забрал маленький темнокожий человек по имени Хилали, он водил его по комнатам и прерывал работающих людей, чтобы представить им Ниргала. Все люди были довольно доброжелательны.

— Ты, должно быть, один из ребят Хироко, да? О,

ты Ниргал! Очень рад с тобой познакомиться! Эй, Джон, Койот приехал, сегодня будет вечеринка!

И они показывали ему, чем занимаются, проводя в комнаты поменьше, туда, где под ярким светом располагались фермы и мануфактуры, которые, казалось, простирались в сердце скалы бесконечно. И везде было очень тепло, словно в купальне, так что Ниргал постоянно потел.

— Куда вы убираете весь вырытый камень? — спросил он Хилали. Одним из удобств проживания в куполе под полярной шапкой, по словам Хироко, было то, что вырытый сухой лед можно было просто растворить.

— Облицовываем им дорогу у основания мохола, — ответил Хилали, весьма довольный вопросом. Он, казалось, был доволен любыми вопросами Ниргала, как и все прочие. Люди в Вишняке вообще казались счастливыми, эдакая шумная толпа, которая всегда устраивает вечеринки в честь прибытия Койота — как понял Ниргал, это был лишь еще один из многих поводов повеселиться.

На наручную консоль Хилали поступил звонок от Койота, и он повел Ниргала в лабораторию, где с пальца мальчика взяли маленький кусочек кожи. Потом они медленно пошли обратно

в большую пещеру и присоединились к толпе, выстроившейся у задних окон кухни.

Съев большую, щедро приправленную специями порцию бобов с картофелем, они присоединились к вечеринке в главной пещере. Большой оркестр неумелых барабанщиков, состав которых постоянно менялся, наигрывал ритмичные стаккато, и люди часами танцевали под них, останавливаясь время от времени, чтобы выпить отвратительного ликера под названием «кавайава» или отойти к стене зала и поиграть в одну из многочисленных игр, устроенных там. Попробовав кавайавы и проглотив таблетку омегендорфа, выданную Койотом, Ниргал пробежался под звуки барабанов, потом сел на небольшой, покрытый травой холм в центре пещеры, чувствуя, что уже слишком пьян, чтобы стоять на ногах. Койот пил не переставая, но не испытывал подобных проблем. Он дико танцевал, высоко вскидывая ноги и смеясь.

— Никогда тебе не испытать, что такое нормальная гравитация, мальчик! — кричал он Ниргалу. — Никогда!

Люди подходили знакомиться и иногда просили Ниргала продемонстрировать согревающее прикосновение. Несколько девочек его возраста

прижимали ладони к своим щекам, порозовевшим от выпитого, а когда он согревал их, смеялись, округлив глаза от удивления, и предлагали погреть им что-нибудь еще. Вместо этого он вставал и танцевал с ними, чувствуя легкость и головокружение, или бегал небольшими кругами, чтобы высвободить переполнявшую его энергию. Когда он, с гудящей головой, вернулся к холму, Койот подошел, махая рукой, и тяжело опустился рядом.

— Так здорово танцевать при здешней силе тяжести, никогда мне это не надоест. — Он бросил косой взгляд, его серые дреды разметались по всей голове, и Ниргал снова заметил, что его лицо кажется каким-то треснутым. Возможно, у него была сломана челюсть, так что теперь одна ее часть шире другой. Что-то вроде того. Ниргал нервно сглотнул.

Койот схватил его за плечо и сильно встряхнул.

— Похоже, что я твой отец, мальчик! — воскликнул он.

— Вы шутите! — Электрический разряд пробежал вдоль позвоночника Ниргала, он побледнел, когда оба они уставились друг на друга. Ниргал удивился, как белый мир может поразить зеле-

ный, сотрясти его до основания, словно молния, пронзившая плоть. Они крепко обнялись.

— Я не шучу! — воскликнул Койот.

Они вновь уставились друг на друга.

— Неудивительно, что ты такой умный, — заметил Койот и весело засмеялся. — Ха-ха-ха! Ничего себе! Надеюсь, ты не возражаешь!

— Нет, конечно, — ответил Ниргал, ухмыляясь, но испытывая неловкость. Он знал Койота недостаточно хорошо, а о концепции отцовства имел понятия еще более смутные, чем о концепции материнства, так что даже не был полностью уверен, что чувствует. Генетическая наследственность, что это такое? У всех них были общие с кем-то гены, а гены эктогенов вообще были модифицированы — так им говорили.

Но Койот, хотя и проклинавший Хироко на все лады, кажется, был доволен.

— Эта стерва и тиранка! Черт бы побрал ее матриархат — она сумасшедшая! Меня поражает то, что она делает! Хотя это в некоторой степени справедливо… Да, справедливо, потому что мы с Хироко представляли из себя кое-что тогда, в Англии, когда были еще молоды. В конце концов, именно поэтому я тут, на Марсе. Безбилетный пассажир в ее уборной, всю мою гребаную

жизнь… — Он засмеялся и вновь хлопнул Ниргала по плечу. — Ну, мальчик, позже ты и сам узнаешь, что это значит.

Он ушел танцевать, оставив Ниргала размышлять о случившемся. Глядя, как кружится Койот, Ниргал лишь качал головой. Он не знал, что и думать, в ту минуту мыслительный процесс вообще был крайне труден. Лучше уж танцевать или пойти поискать купальню…

Но тут не было публичных купален. Он бегал кругами по танцполу, превращая бег в своего рода танец, а позже вернулся к тому же холмику, и группа местных собралась вокруг него и Койота.

— Это словно быть отцом Далай-ламы, да? Как это еще назвать?

— Иди ты к черту! Как я уже говорил, Энн рассказала, что они прекратили копать семидесятипятиградусные мохолы потому, что литосфера тут тоньше. — Койот важно кивнул. — Я хочу пойти к одному из выведенных из эксплуатации мохолов и вновь запустить роботов, посмотреть, прорвут ли они достаточную дыру, чтобы получился вулкан.

Все засмеялись, но одна женщина покачала головой.

— Если ты так сделаешь, они спустятся вниз,

чтобы проверить… Но если ты действительно собираешься сделать это, езжай на север, выбери один из шестидесятиградусных мохолов. Они тоже выведены из строя.

— Но, по словам Энн, литосфера там толще.

— Конечно, но и мохолы глубже.

— Хм-м, — промычал Койот.

И разговор зашел о более серьезных вещах, в основном о непременных вопросах дефицита и о развитии на севере. А через несколько дней они покинули Вишняк, используя другой, более длинный туннель, направляясь на север, и все предыдущие планы Койота пошли псу под хвост.

— Так я живу, мальчик, — только и сказал он.

На пятую ночь поездки по тесно сгрудившимся холмам юга Койот сбавил скорость и обогнул по краю большой старый кратер, опустившийся почти вровень с землей. С остатков древнего обода можно было увидеть, что песчаное дно кратера уродовала огромная темная дыра. Так, очевидно, выглядел с поверхности мохол. Тонкие морозные струйки поднимались на несколько сотен метров над дырой, возникая из ничего, словно по мановению волшебной палочки. Край мохола был скошен, образуя бетонированный спуск, который уходил вниз под углом примерно сорок

пять градусов. Сложно было сказать, насколько большой была эта опоясывающая каемка: по сравнению с мохолом она казалась очень узкой, по внешнему ее краю тянулось высокое проволочное ограждение.

— Хм-м, — промычал Койот, вглядываясь в ветровое стекло. Он сдал назад по краю кратера и припарковался, затем скользнул в скафандр.

— Скоро вернусь, — заявил он и выпрыгнул в камерный шлюз.

Для Ниргала это была долгая, беспокойная ночь. Он едва ли спал, до самого утра пребывая во все усиливающейся агонии беспокойства, пока не увидел Койота, появившегося с внешней стороны шлюза как раз перед тем, как часы показали семь, предвещая восход солнца. Ниргал готов был уже пожаловаться на столь долгое отсутствие, но, когда Койот ступил внутрь и снял шлем, стало ясно, что он в дурном настроении. Пока они пережидали день, Койот был поглощен своим искином, советуясь о чем-то и яростно ругаясь, напрочь забыв о своем юном и голодном подопечном. Ниргал не растерялся и разогрел еду им обоим, затем вздремнул вполглаза и проснулся, когда машина, взревев мотором, двинулась дальше.

— Я собираюсь попробовать въехать внутрь че-

рез ворота, — сказал Койот. — У них тут серьезная система безопасности. Это займет еще одну ночь.

Он обогнул кратер, припарковавшись на противоположной стороне обода, и в сумерках снова вышел из машины. Его не было всю ночь, и опять Ниргал не мог заснуть. Он спрашивал себя, что будет делать, если Койот не вернется.

А тот на самом деле не вернулся с рассветом. Следующий день был, без сомнения, самым длинным днем в жизни Ниргала, и к вечеру он понятия не имел, что делать дальше. Попытаться спасти Койота? Ехать назад к Зиготе или Вишняку? Спуститься вниз в мохол и отдаться на милость той загадочной системе безопасности, которая поглотила Койота? Все это казалось невозможным.

Но через час после захода солнца Койот постучал по машине своим привычным «тук-тук-тук» и через минуту был уже внутри, лицо его искажала ярость. Он выпил литр воды, поморщился и выпятил губы.

— Давай убираться отсюда! — буркнул он.

Через пару часов молчаливой поездки Ниргал решил сменить тему или хотя бы продолжить ее.

— Койот, как ты думаешь, сколько нам еще придется прятаться?

— Не называй меня Койотом! Я не Койот. Койот, там, за холмами, уже может дышать воздухом и делать, что ему вздумается. Меня зовут Десмонд, ты понял?

— Да, — ответил Ниргал, испугавшись.

— Что касается того, долго ли нам еще прятаться, я думаю, вечно.

Они ехали назад на юг, к мохолу Рэлей, куда Койот, не похожий на Десмонда, планировал ехать с самого начала. Этот мохол был по-настоящему заброшен — темная дыра в горах, — а его горячие струи парили над ним, словно призрак монумента. Они въехали прямо в пустую, занесенную песком парковку в гараже на краю мохола, остановившись посреди небольшой флотилии роботов, окутанных брезентом и заметенных барханами.

— Так мне больше нравится, — пробормотал Койот. — Мы должны заглянуть внутрь. Давай натягивай скафандр.

Было странно стоять снаружи, под ветром, на краю такой невероятной пропасти. Они заглянули за невысокую, по грудь, стену и увидели скошенную забетонированную ленту, опоясывающую дыру, которая уходила под углом на пару сотен метров вниз. Чтобы увидеть настоящую

шахту мохола, они должны были спуститься по изогнутой дороге в темноту. Койот стоял прямо на краю, и это заставляло Ниргала нервничать. Пытаясь заглянуть через край, Ниргал опустился на четвереньки — ни намека на дно, будто дыра вела в самый центр планеты.

— Двадцать километров, — сказал Койот по внутренней связи в гермошлеме. Он протянул руку над краем, Ниргал сделал то же и почувствовал ток воздуха вверх. — Ладно, давай посмотрим, сможем ли мы запустить роботов.

И они выбрались обратно на дорогу.

Большую часть дня Койот провел, изучая старые программы искина, и сейчас, закачав перекись водорода из их трейлера в одну из чудовищных машин на парковке, он подключился к их контрольной панели и работал с ней. Закончив, он остался доволен тем, что теперь роботы будут работать на дне мохола, как требуется, и они стали наблюдать, как пара роботов с колесами, чей диаметр превышал размеры их машины в четыре раза, катятся вниз по изогнутой дороге.

— Вот и хорошо, — произнес Койот, заметно повеселев. — Они будут использовать солнечные панели, чтобы самостоятельно производить перекись водорода и горючее для себя, будут

работать медленно, но упрямо, пока, может быть, не наткнутся на что-нибудь горяченькое. Вполне возможно, мы только что запустили вулкан!

— А это хорошо?

Койот дико расхохотался.

— Я не знаю! Но никто раньше ничего подобного не делал, так что попробовать стоило.

Они вернулись к графику своего путешествия между убежищами, как скрытыми, так и открытыми, и Койот всюду повторял: «Мы запустили мохол Рэлей на прошлой неделе, вы еще не видели вулкана?»

Вулкана никто не видел. Рэлей, казалось, вел себя так же, как и раньше, его горячие струи оставались безмятежны.

— Наверно, это не сработало, — говорил Койот. — Или понадобится больше времени… С другой стороны, если бы мохол наполнился сейчас расплавленной лавой, откуда бы мы узнали об этом?

— Мы бы непременно узнали, — отвечали люди, а некоторые добавляли: — Зачем ты сделал такую глупость? Мог бы с тем же успехом вызвать представителей власти и попросить их спуститься, поискать нас тут.

Так что Койот прекратил поднимать эту тему.

Они ехали дальше от убежища к убежищу: Мосс Хайд, Грэмши, Оверхэнс, Кристианополис… На каждой остановке Ниргала радостно приветствовали — часто люди знали о нем заранее, по слухам. Ниргал был удивлен разнообразием и числом убежищ, вместе формирующих странный мир, наполовину спрятанный, наполовину обнаженный. И если этот мир — лишь малая часть всей марсианской цивилизации, то на что похожи города севера? Это лежало за гранью его понимания, хотя ему казалось, что новые чудеса, возникающие одно за другим на протяжении всего путешествия, делают его взгляд на вещи шире. Нельзя удивляться бесконечно.

— Что ж, — говорил Койот (пока они ехали, он научил Ниргала водить), — мы, может быть, разбудили вулкан, а может быть, и нет. Но в любом случае это была новая идея. Вот что самое крутое здесь, мальчик, во всем этом марсианском проекте, — тут все новое.

Они направлялись на юг, и вскоре призрачная стена полярной шапки замаячила над горизонтом. Совсем скоро они вернутся домой.

Ниргал размышлял об убежищах, которые они посетили.

— Ты правда думаешь, что мы вынуждены бу-

дем прятаться вечно, Десмонд?

— Десмонд? Какой еще Десмонд? — Койот надул губы. — О, мальчик… Я не знаю… Никто не знает. Люди, которые прячутся здесь, были изгнаны в странные времена, когда их преследовали за образ жизни, и я не уверен, что в городах, которые строят на севере, все сохранилось по-старому. Боссам на Земле преподали урок, и, может быть, людям наверху теперь безопаснее. А может, они просто не починили еще лифт.

— Так другой революции не будет?

— Я не знаю.

— По крайней мере, до тех пор, пока не построят новый космический лифт?

— Я не знаю! Но лифт на подходе, и они ставят новые большие зеркала, иногда ночью, а порой даже днем, можно увидеть их блеск. Полагаю, может случиться все, что угодно. Но революции случаются редко, и большинство из них реакционны по сути. Видишь ли, у простых людей есть свои традиции, которые помогают им держаться, но они живут так близко к краю, что быстрые изменения могут вытолкнуть их наружу, и иногда это вопрос не политики, а выживания. Я сам в этом убедился, когда был в твоем возрасте. Люди, которых посылали сюда тогда, не бедствовали,

но у них были свои традиции, и они были так же бесправны, как и нищие. А потом случился наплыв пятидесятых, и их традиции были сметены прочь. Так что они боролись за то, что имели. Правда состоит в том, что они проиграли. Ты не можешь сражаться с тем, что могущественнее тебя, особенно здесь, где оружие, обращенное против нас, слишком сильно, а наши убежища слишком хрупкие. Нам нужно было вооружиться получше или придумать что-то еще. Вот и случилось то, что случилось. Мы прячемся, а они наводняют Марс новыми людьми, которые на Земле привыкли к по-настоящему суровым условиям, так что местные трудности их не пугают. Они получили лечение и уже счастливы. Не так уж много людей стремится сюда, в убежища, так, как стремились мы до шестьдесят первого года. Конечно, есть кое-кто, но их мало. Пока люди знают, чем занять себя, пока они сохраняют свои маленькие обычаи, они, понимаешь ли, и пальцем не шевельнут.

— Но… — начал Ниргал и запнулся.

Койот заметил выражение его лица и рассмеялся.

— Эй, кто знает? Очень скоро появится новый космический лифт на горе Павлина, и вполне мо-

жет быть, что эти жадные ублюдки снова начнут тут гадить. И вы, молодые ребята, наверняка не захотите, чтобы Земля заводила тут свои порядки. Увидим, когда придет время. А пока будем развлекаться, верно? Будем поддерживать огонь.

Той ночью Койот остановил машину и велел Ниргалу одеваться. Они вышли наружу и встали на песке. Койот повернул его лицом к северу.

— Посмотри на небо.

Ниргал стоял и смотрел, и вдруг увидел, как там, над северным горизонтом, зажглась новая звезда, выросшая за какие-то секунды в длиннохвостую комету, летящую на восток. Когда она прошла половину пути по небосводу, ее пылающая голова разорвалась на части, и яркие фрагменты, белые на черном, полетели во всех направлениях.

— Один из ледяных астероидов! — воскликнул Ниргал.

Койот фыркнул.

— Тебя не удивить, да, мальчик? Ну, я скажу тебе кое-что, чего ты не знаешь. Это был ледяной астероид 2089C, ты заметил, как он взорвался в конце? Они специально так делают. Взрывая астероиды, когда те входят в атмосферу, они могут использовать их без угрозы для поверхности. И это была моя идея! Я сам предложил им так

делать, я внес анонимное предложение в искин Грега, когда был там и возился с их коммуникационной системой, а они подхватили идею. Теперь они будут делать это постоянно. Каждый сезон будут появляться один-два таких астероида, и они довольно быстро нарастят атмосферу. Погляди, как мерцают звезды. На Земле они мерцали так каждую ночь. Эх, мальчик… Однажды и тут они будут мерцать каждую ночь. Будет воздух, которым можно дышать, словно птица в небе. Может быть, так мы изменим порядок вещей в этом мире. Такие вещи непредсказуемы.

Ниргал закрыл глаза и увидел красные всполохи, оставленные на сетчатке ледяным метеором. Метеоры, словно фейрверки, дыры, просверленные прямо в мантию, вулканы… Он обернулся и увидел Койота, прыгающего по равнине, маленького и тонкого, его шлем смотрелся на нем странно, словно Койот был мутантом или шаманом, надевшим священную голову животного и исполняющим ритуальный танец на песке. Это, без сомнения, был Койот. Его отец!

Потом они совершили кругосветное путешествие, пусть даже это и было путешествие вокруг южного полушария. Полярная шапка поднималась и росла над горизонтом, пока они не

очутились под сенью нависшего льда, который не казался уже таким высоким, как в начале их путешествия. Они обогнули лед, направляясь домой, и въехали в ангар, затем выбрались из машины, ставшей для Ниргала за последнюю пару недель такой родной, прошли через шлюзы и медленно спустились по длинному туннелю под купол — и вдруг очутились среди знакомых лиц, обнимающихся, ласковых и задающих вопросы. Ниргал робко съежился от этого внимания, но он напрасно беспокоился: Койот рассказывал истории за них обоих, Ниргалу оставалось только смеяться и отрицать ответственность за все, что они натворили. Оглядываясь на свою семью, он видел теперь, насколько в действительности мал их мирок: диаметр купола составлял меньше пяти километров, а сам купол возвышался над озером всего на 250 метров. Маленький, маленький мир.

Когда с приветствиями было покончено, он вышел в предутреннее мерцание, чувствуя бодрящее пощипывание воздуха и глядя пристально на дома и бамбуковые рощи деревни, угнездившейся среди холмов и деревьев. Все казалось таким странным и маленьким. Потом он пошел на пляж, по направлению к дому Хироко, и чайки

кружили над его головой, и он часто останавливался, просто чтобы рассмотреть что-нибудь. Он вдыхал пряный, пахнущий солью и водорослями воздух пляжа. Этот прекрасно знакомый запах пробуждал миллион воспоминаний разом, и Ниргал понимал, что он — дома.

Но дом изменился. Или изменился сам Ниргал. Между попыткой спасти Саймона и поездкой с Койотом он отдалился от остальных, удивительные приключения, которых он так жаждал, в итоге лишь выбросили его из круга друзей. Джеки и Дао вешались друг на друга сильнее, чем раньше, и играли роль щита между ним и всеми остальными юными сансеями. Очень скоро Ниргал понял, что ему на самом деле не хочется отличаться от остальных. Он хотел лишь влиться обратно в тесный круг своей стаи, снова быть единым целым с братьями и сестрами.

Но когда он приходил, они замолкали, и после такой немыслимо неловкой встречи Дао уводил их прочь. Ниргал был вынужден возвращаться к взрослым, которые все чаще оставляли его с собой после полудня, будто это было само собой разумеющимся делом. Возможно, они хотели смягчить тем самым неласковый прием сверстников, но это лишь отдаляло его от них еще больше. И ничего нельзя было исправить. Однажды, гуляя по пляжу в мрачном расположении духа при серых, оловянных сумерках догорающего полудня, он понял, что детство кончилось. Именно таким и было это чувство: он стал кем-то другим — не взрослым, не ребенком, одиноким существом, чу-

жаком в своей стране. В этом грустном осознании была своя особая прелесть.

Однажды после ланча Джеки встала перед ним и Хироко, которая пришла в тот день, чтобы учить их, и потребовала, чтобы ее включили в полуденный урок.

— Почему ты учишь его, а не меня?

— Без причины, — невозмутимо ответила Хироко. — Если хочешь, оставайся. Доставай планшет, открывай «Тепловую инженерию», страница одна тысяча пятьдесят. Для примера мы смоделируем купол Зиготы. Скажите мне, где расположена самая теплая точка под куполом?

Ниргал и Джеки набросились на проблему вместе, и одновременно — соревнуясь. Он был так счастлив, что она была рядом, и с трудом смог вспомнить вопрос, а Джеки подняла руку прежде, чем он хотя бы собрался с мыслями. И она засмеялась над ним, немного презрительно и в то же время — несколько польщенно. Несмотря на все эти невероятные изменения в них обоих, в Джеки осталась способность к заразительному веселью, смеху, которого ему так болезненно не хватало…

— Вот вопрос на следующий раз, — сказала Хироко. — Все названия Марса в ареофании даны ему землянами. Примерно половина из них зна-

чит «огненная звезда» на тех языках, из которых они произошли, но все это имена, пришедшие извне. Вопрос: каково именование Марса для самого себя?

Несколько недель спустя Койот снова проезжал мимо, и это заставило Ниргала радоваться и нервничать одновременно. Койот посвятил утро обучению детей, но, к счастью, он относился к Ниргалу как и ко всем прочим.

— Земля в очень плохом состоянии, — говорил он, когда дети работали над вакуумными насосами и полными жидкого натрия баками из Риковера, — и дела будут идти только хуже. Это делает их контроль над Марсом все более опасным для нас. Мы должны будем прятаться, пока не сможем полностью освободиться от них, отойти безопасно в сторону, пока они будут скатываться в безумие и хаос. Запомните мои слова, это пророчество истинное, как сама правда.

— Джон Бун говорил иначе, — заявила Джеки. Она много вечеров проводила, исследуя искин Джона Буна, и теперь вынула коробку из набедренного кармана. Уже через секунду быстрого поиска дружеский голос из коробки произнес: «Марс никогда не будет в полной безопасности, если опасность угрожает Земле».

Койот пронзительно захохотал.

— Да, Джон Бун был таким, не так ли? Но, заметь, он мертв, в то время как я все еще жив.

— Кто угодно может спрятаться, — ответила Джеки резко. — Но Джон Бун вышел вперед и повел остальных. Вот почему я — бунианка!

— Ты Бун и бунианка! — воскликнул Койот, дразня ее. — А бунианская алгебра не сильна в сложении. Но послушай, девочка, ты должна лучше понимать своего деда, если хочешь называть себя бунианкой. Ты не можешь возводить слова Джона Буна в догму и не врать себе по поводу того, кем он был. Я видел, как другие так называемые бунианцы поступали точно так же, и это смешит меня, если не приводит в бешенство. Потому что, если бы Джон Бун встретил тебя и поговорил с тобой хотя бы немного, в конце концов он стал бы джекистом. А если бы они встретились и поговорили с Дао, Бун стал бы даоистом, а может, даже маоистом. Вот таким он был. И, видишь ли, это было хорошо, потому что он тем самым возлагал на нас ответственность за то, что мы думаем. Он заставлял нас делать вклад, потому что без этого Бун не умел действовать. Он настаивал на том, что не просто каждый может делать, что нужно, а каждый должен.

— Включая всех людей Земли, — ответила Джеки.

— Не так сразу! — воскликнул Койот. — О, девочка, почему ты не бросишь своих мальчишек и не выйдешь за меня немедленно, я тебя поцелую крепче, чем вакуумный насос, давай же! — И он махнул насосом в ее сторону, а Джеки отбила его, оттолкнув, и побежала, просто потому что ей нравилась погоня. Теперь она бегала быстрее всех в Зиготе без исключения, даже Ниргал со всей его выдержкой не мог бегать так быстро, как она, и дети засмеялись над Койотом, когда он упустил ее. Он и сам был довольно быстрым для древнего. Он резко развернулся и побежал за ними, пока все не кончилось кучей-малой, под которой он оказался погребен, крича:

— О, моя нога! Вы за это получите, мальчишки, вы просто завидуете мне, потому что я уведу у вас вашу девочку! Ой! Стойте!

Такие шутки смущали Ниргала, и Хироко их тоже не одобряла. Она велела Койоту прекратить, но он лишь рассмеялся.

— Это ты ушла и создала для себя маленький кровосмесительный лагерь, — сказал он. — И что ты теперь собираешься делать, кастрировать их? — Он рассмеялся, увидев мрачное выраже-

ние на лице Хироко. — Тебе нужно выслать их поскорее отсюда, а то иного выхода не останется. Кстати, я мог бы забрать нескольких.

Хироко отпустила их с урока, и вскоре после этого Койот опять уехал. В следующий раз, когда Хироко вела урок, она забрала их всех в купальню. Они залезли в ванну после нее и расселись на скользкой плитке мелководья, отмокая в горячей, источающей пар воде, пока Хироко говорила. Ниргал сидел рядом с Джеки — длинноногий обнаженный мальчишка, так хорошо знакомый ему даже после всех драматических событий последнего года, — и понимал, что он не в силах взглянуть на нее.

Его древняя обнаженная мать говорила так:

— Вы знаете, как работает генетика. Я сама учила вас этому. И вы знаете, что многие из вас приходятся друг другу сводными братьями и сестрами, дядьями и племянниками, двоюродными братьями и так далее. Я — мать или бабка многим из вас, так что вы не должны жениться друг на друге и иметь друг от друга детей. Вот такой простой генетический закон. — Она подняла ладонь, будто говоря: «Это наше общее тело». — Но все живущее преисполнено viriditas, — продолжала она, — зеленой силой, рвущейся наружу. И это

нормально, что вы любите друг друга, особенно сейчас, когда тела ваши цветут. В этом нет ничего предосудительного, что бы ни говорил Койот. В любом случае, он просто шутит. Но в одном он прав: скоро вы повстречаете других людей вашего возраста, и они станут для вас супругами, партнерами, родителями ваших детей, они будут ближе вам, чем даже кровная родня, те, кого вы знаете и любите как себя. Все мы здесь — частичка вас, а истинная любовь всегда в других.

Ниргал смотрел в глаза матери пустым взглядом, в этот момент он заметил, что Джеки свела ноги вместе — он почувствовал мгновенное изменение температуры и то, как вода закружилась вокруг них. И ему показалось, что его мать в чем-то ошибается. Хотя тело Джеки было прекрасно знакомо ему, во многом она оставалась такой же далекой, как пламенеющая звезда, яркая и царствующая в небе. Она была царицей их маленькой группы, при желании она могла бы сокрушить его простым взглядом, чем и пользовалась частенько, несмотря на то что он всю свою жизнь провел, изучая ее настроения. И ему никто не нужен был, кроме нее. Он любил ее и знал это. Но она не любила его так, как он. «Хотя и Дао она тоже любила иначе», — подумал Ниргал.

И это немного успокаивало. Теперь особенным взглядом она смотрела на Питера. Но Питер отсутствовал большую часть времени. Так что никого в Зиготе она не любила так, как Ниргал любил ее. Возможно, для нее все было так, как сказала Хироко: она просто знала Дао, Ниргала и всех остальных слишком хорошо. Они были для нее братьями и сестрами, и с генетикой это не имело ничего общего.

Однажды небеса обрушились по-настоящему. Вся вершина ледяного купола треснула под воздействием углекислого газа, обрушившись сквозь ячейки сети в озеро и рассыпавшись по всему пляжу и близлежащим дюнам. К счастью, это случилось рано утром, когда там никого не было, но в деревне первый треск и грохот прозвучал как гром, все бросились к окнам, наблюдая крушение: ледяные секции падали, словно бомбы, или летели, вращаясь, как брошенные тарелки, а потом вся поверхность озера взорвалась и захлестнула дюны. Обеспокоенные люди покидали комнаты. В шуме и панике Хироко и Майя отвели детей в школу, где была собственная воздушная система. Спустя несколько минут стало ясно, что сам купол устоит. Питер, Мишель и Надя побежали среди обломков, перепрыгивая и

огибая разбитые белые пластины вокруг озера, к Риковеру, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Если бы с ним было что-то не так, для них троих это стало бы смертельной прогулкой и смертельной угрозой — для всех прочих. Из окна школы Ниргал видел дальний берег озера, загроможденный айсбергами. Воздух был переполнен кружащимися и орущими чайками. Три фигурки петляли по узкой высокой тропинке прямо у края купола, а потом исчезли внутри Риковера. Джеки со страха грызла костяшки пальцев. Скоро команда отрапортовала: все в порядке. Лед над реактором поддерживался очень плотной сетью, и она выдержала.

Пока они были в безопасности. Но в следующие несколько дней, проведенных в тревожном напряжении, расследование обрушения показало, что вся масса сухого льда над ними слегка просела, продавив слой водного льда и обрушив его сквозь ячейки сети. Очевидно, испарение на поверхности полярной шапки теперь, когда слой атмосферы утолщался и мир нагревался, происходило гораздо быстрее.

Целую неделю айсберги в озере постепенно таяли, но осколки, разбросанные по дюнам, никуда не делись и почти не таяли. Так что детей больше

не пускали на пляж — не ясно было, насколько стабилен оставшийся слой льда.

На десятую ночь после обрушения они устроили собрание в столовой. Пришли все двести человек. Ниргал оглядел маленькое племя. Сансеи казались напуганными, нисеи смотрели дерзко, иссеи — потрясенно. Старики жили в Зиготе четырнадцать марсианских лет, и, без сомнения, им было уже сложно вспомнить какую-то другую жизнь. А для детей, которые никогда не бывали в других местах, это было и вовсе невозможно.

Не было нужды говорить, что они не сдались бы миру на поверхности. И все-таки купол приходил в негодность, а их было слишком много, чтобы переехать в какое-либо другое скрытое убежище. Разделение могло бы решить проблему, но это был безрадостный выход.

Им потребовался час, чтобы озвучить все это.

— Мы можем перебраться в Вишняк, — вымолвил Мишель. — Там много места, и они нам обрадуются.

Но это был дом богдановистов, совсем чужой. Эта мысль читалась на лицах старшего поколения. Ниргалу вдруг показалось, что они были напуганы сильнее прочих.

— Мы можем углубиться дальше под лед, — вы-

рвалось у него.

Они уставились на него.

— Ты имеешь в виду, выплавить новый купол, — уточнила Хироко.

Ниргал пожал плечами. Высказав это, он понял, что идея ему не нравится.

Но Надя согласилась.

— Там шапка толще. Пройдет много времени, прежде чем она подтает настолько, чтобы потревожить нас. До тех пор все успеет измениться.

Наступила тишина, потом Хироко произнесла:

— Это хорошая идея. Мы останемся здесь, пока не будет выплавлен новый купол, чтобы можно было переехать. Это займет всего несколько месяцев.

— Шиката га най,[11] — саркастически сказала Майя. У них не было другого выбора. Хотя, конечно, другие выборы были. Но ей нравилась перспектива нового большого проекта, и Надя поддерживала ее в этом. Другие просто радовались тому, что появился вариант, при котором они останутся все вместе и будут по-прежнему спрятаны. Иссеи, как увидел внезапно Ниргал, очень боялись, что их найдут. Он сел на место,

---

[11] Примечания: 11
Нет иного выбора *(японск.)*.

удивляясь этому факту и думая о тех открытых городах, в которых побывал вместе с Койотом.

Они использовали паровые брандспойты, работающие от Риковера, чтобы протопить еще один туннель в ангар, а затем следующий в глубь шапки, пока над ними не оказалось триста метров льда. Там они начали вытапливать новую куполообразную пещеру и рыть мелкое дно для нового озера. Большая часть углекислого газа была собрана и охлаждена до температуры на поверхности, а затем высвобождена. Остальное расщепили до кислорода и углерода и отправили на хранение для дальнейшего использования.

Затем они выкопали неглубоко залегшие побеги снежного бамбука, освободили их из земли и перевезли на грузовике в новую пещеру, шурша по дороге листьями. Затем пришел черед демонтированных зданий и всего остального.

Автоматический бульдозер и грузовики сновали туда-сюда денно и нощно, взрывая рыхлый песок старых дюн и перевозя его дальше, в новую пещеру, — в нем было слишком много биомассы, включая Саймона, чтобы оставлять его на прежнем месте. В общем, из Зиготы они забрали все, кроме пустой оболочки. Когда они закончили, от старой пещеры не осталось ничего, только

пустой пузырь на вершине полярной шапки: песчаный лед сверху, ледяной песок — снизу, воздух внутри — обычная марсианская атмосфера, 170 миллибар почти чистого CO_2 при температуре 240^0 по Кельвину. Разреженный яд.

Однажды Ниргал пошел с Питером обратно, чтобы посмотреть на старое место. Было неприятно видеть единственный свой дом опустошенным: лед вверху ломался, песок был весь перекопан, свежие дыры корневищ выглядели как ужасные раны, дно озера выскребли до дна, забрав даже водоросли. Пещера казалась тесной и запущенной, как логово отчаявшегося зверя. По словам Койота, в такой норе запросто схоронился бы какой-нибудь крот, чтобы спрятаться от хищников.

— Пойдем отсюда, — сказал Питер печально, и они вместе побрели по длинному, едва освещенному туннелю к новому куполу, ступая по новой бетонированной дороге, сделанной Надей и уже иссеченной отпечатками колес.

Новый купол они спланировали по другому образцу, в котором деревня лежала в стороне от туннельного шлюза, рядом с аварийным путем, бегущим подо льдом к выходу в верхней части Южного плато. Теплицы разместились ближе

к лампам периметра, гребни дюн стали выше, чем раньше, а погодное оборудование поставили прямо рядом с Риковером. Было еще много небольших исправлений того же толка, делавших их новый дом не похожим на старый. И каждый день они были так заняты строительством, что ни у кого не оставалось времени подумать о переменах. После обрушения утренние классы в школе были отменены, дети стали чем-то вроде посменной рабочей бригады, направлявшейся туда, где требовалась помощь в каждый конкретный момент времени. Иногда приглядывающие за ними взрослые пытались превратить работу в урок: Хироко и Надя особенно преуспели в этом — но у них было не так много свободного времени, и оставалось лишь добавлять одно-два поясняющих предложения в инструкции, настолько простые, что едва ли они нуждались в этих дополнительных пояснениях. Дети скрепляли стенные модули гаечными ключами Аллена, носили туда-сюда между теплицами горшки и баки с водорослями и выполняли прочую подобную работу. Это была просто работа, а они — часть рабочей силы, которой не хватало даже для таких простых задач, несмотря на наличие многофункциональных роботов, похожих на обо-

дранные вездеходы. И, бегая повсюду, выполняя поставленные задачи, Ниргал по большей части чувствовал, что он счастлив.

Но однажды, когда он вышел из школы и увидел обеденный зал вместо больших побегов Дома ребенка, он протрезвел. Его старый привычный мир рухнул, исчез навсегда. Так работало время. Острая боль пронзила его, а на глазах выступили слезы, остаток дня он провел в заторможенном и отрешенном состоянии, будто отставая от самого себя на пару шагов, наблюдая за всем происходящим без эмоций, отстраненно, совсем так, как после смерти Саймона, — изгнанный в белый мир всего за шаг до зеленого. И казалось, ничто уже не сможет вывести его из меланхоличного состояния, он был почти уверен в этом. Дни его детства миновали, ушли вместе с Зиготой и уже не вернутся, как пройдет и исчезнет сегодняшний день, а новый купол точно так же растает однажды и обрушится под собственным весом. Ничто не длится вечно. И в чем смысл? Этот вопрос мучил его часами, отнимая вкус к жизни, и даже Хироко заметила, как он подавлен, и поинтересовалась, в чем дело. Тогда он спросил ее прямо. Это была ее сильная сторона: Хироко всегда можно было спросить о чем угодно, даже о вопросах бытия.

— Зачем мы все это делаем, Хироко? Когда, несмотря ни на что, все, в конце концов, становится белым?

Она уставилась на него по-птичьи, склонив голову набок. Ему казалось, что в этом наклоне головы проявляется ее привязанность к нему, но он не был в этом уверен. Чем старше он становился, тем меньше понимал ее, как, впрочем, и всех остальных.

— Печально, что старый купол разрушился, правда? — спросила она. — Но мы должны смотреть вперед. Это тоже viriditas, концентрация не на том, что мы создали, а на том, что мы создадим в будущем. Купол, словно цветок, увял и опал, но в нем заключались семена нового растения, которые проросли, и потом будут новые цветы и новые семена. Прошлое ушло. Думая о нем, ты лишь погружаешься в меланхолию. Когда-то я была японской девушкой с острова Хоккайдо! Да, такой же юной, как и ты! И я не могу передать, как теперь все это далеко от меня. Но вот мы тут, ты и я, окруженные этими растениями и людьми, и если ты уделишь им внимание, ты заставишь их расти и процветать, и тогда все вернется на свои места. Ты почувствуешь себя богом, и это все, что тебе нужно. Настоящий момент — все,

что составляет нашу жизнь.

— А прежние времена?

Она рассмеялась.

— Ты растешь. Порой надо вспоминать прошлое. Оно было неплохим, не так ли? У тебя было счастливое детство, это благословение. Но и другие дни будут хорошими. Задержись в текущем моменте и спроси себя, чего тебе не хватает? Койот говорит, он хочет взять тебя и Питера в новое путешествие. Может, тебе стоит поехать, опять выбраться под открытое небо, что скажешь?

Он приготовился к новой поездке с Койотом и продолжил работать над новой Зиготой, неформально переименованной в Гамету. Вечером в перевезенном обеденном зале взрослые долго обсуждали сложившуюся ситуацию. Сакс, Влад и Урсула вместе с некоторыми другими хотели выйти на поверхность. Они не могли должным образом выполнять свою работу в спрятанных убежищах и жаждали вернуться в полный поток медицинской науки, терраформирования, строительства.

— Вы ни за что не сможете скрыться, — говорила Хироко. — Никто не в силах изменить собственный геном.

— Нам не нужно менять геном, только запи-

си, — отвечал Сакс. — Спенсер сделал это. Он вписал свои физические характеристики в новую идентификационную карту.

— Мы сделали ему небольшую косметическую процедуру, — добавил Влад.

— Верно, но она была минимальна из-за нашего возраста. Мы все уже выглядим иначе. В любом случае, если вы сделаете то же, что он, мы все сможем получить новые идентификационные карты.

— А Спенсер действительно подменил все записи? — спросила Майя.

Сакс пожал плечами.

— Он остался в Каире, и у него появилась возможность проникнуть в базы, использовавшиеся в целях безопасности. Этого оказалось достаточно. Я попробую провернуть что-то подобное. Посмотрим, что на этот счет скажет Койот. Его вообще нет ни в каких базах, он должен знать, как у него это получилось.

— Он прятался с самого начала, — ответила Хироко. — Это другой случай.

— Да, но у него могут быть какие-то идеи.

— Мы можем стать «полусветом», — подчеркнула Надя, — и оставаться полностью вне записей. Думаю, нам стоит попробовать.

На следующую ночь они еще раз обговорили все это.

— Ну, небольшие изменения внешности все равно потребуются. Филлис вернулась, мы должны это помнить.

— До сих пор не могу поверить, что она выжила. У нее, должно быть, девять жизней.

— В любом случае нас слишком часто показывают в новостях. Мы должны быть осторожны.

День за днем работа над Гаметой близилась к завершению. Но Ниргалу все казалось неправильным, сколько бы он ни пытался концентрироваться. Его место было не здесь.

Когда один из путешественников сообщил, что Койот скоро вернется, Ниргал почувствовал, как участился его пульс: снова вернуться под звездное небо, ездить по ночам в машине Койота от одного убежища к другому…

Джеки пристально посмотрела на него, когда он заговорил с ней об этом. В тот полдень их распустили с дневной работы, она повела его в новые высокие дюны и поцеловала. Потом он пришел в себя, ответил на поцелуй, и они принялись страстно целоваться, стискивая ладони друг друга и краснея. Они опустились на колени в ложбине между двумя дюнами под тонким, бледным

туманом, потом легли в коконе из одежды и целовались, прикасаясь друг к другу, стаскивая друг с друга штаны и создавая маленький конверт из собственного тепла, источая жар и растапливая лед в песке под одеждой. «Так, значит, вот как это бывает», — подумал Ниргал. Под струями черных волос Джеки частицы песка мерцали, как драгоценности, словно в них были спрятаны крошечные ледяные цветы. Сияние во всем.

Когда они закончили, то первым делом выбрались наверх, чтобы бросить взгляд с вершины дюны и убедиться, что никто не идет в их сторону, а потом вернулись к своему гнезду и накинули одежду, чтобы согреться. Тесно прижавшись друг к другу, они сладострастно целовались, уже не спеша. Джеки ткнула его пальцем в грудь и заявила:

— Теперь мы принадлежим друг другу.

Ниргал смог лишь счастливо кивнуть и поцеловать ее длинную шею, зарывшись лицом в ее волосы.

— Теперь ты принадлежишь мне, — сказала она.

Он искренне надеялся, что так оно и было. Он хотел именно этого, сколько себя помнил.

Но тем вечером в купальне Джеки плескалась

на другой стороне бассейна, она поймала Дао и обняла его, плотно прижавшись к нему всем телом. Отплыв назад, она посмотрела на Ниргала отсутствующим взглядом, ее темные глаза превратились в две бездонные черные дыры. Ниргал застыл на мелководье, чувствуя, как закаменел его торс, словно приготовившись принять удар. Он все еще ощущал, как болят его яйца после секса с ней, но вот она стоит там, вешаясь на Дао, чего не делала уже несколько месяцев, и глядя на него глазами василиска.

Странное ощущение захлестнуло его: он понял, что запомнит этот момент на всю жизнь, прямо тут, в парной, удобной купальне, под соколиным взглядом величавой Майи, которую Джеки ненавидела лютой ненавистью и которая теперь пристально наблюдала за ними тремя, что-то подозревая. Все было именно так. Джеки и Ниргал, может, и принадлежали друг другу, и он-то уж точно принадлежал ей, но ее понятия о принадлежности не соответствовали его представлениям. Шок от осознания перехватил ему дыхание, он словно воспарил в своем понимании вещей. Он смотрел на нее, оцепеневший, раненый, чувствующий подступающую злость, — она еще сильнее прижималась к Дао, — и тут он все

понял. Она собрала их обоих. Да, это логично. Именно так. И Рул, и Стив, и Франц, все они были равно преданы ей, может быть, это было лишь воспоминание о том, как она предводительствовала всей их компанией, а может быть, и нет. Однако она собрала их всех. И, очевидно, теперь, когда Ниргал стал для них своего рода чужаком, ей было комфортнее с Дао. Он оказался изгнанником в своем собственном доме и в сердце своей любимой. Если у нее было сердце!

Он не знал, было ли хоть что-то из этого правдой, но знал, как это выяснить. Хотя и не был уверен, что ему этого хочется. Он выбрался из купальни и ушел в мужскую раздевалку, чувствуя спиной взгляды Джеки и Майи.

В мужской раздевалке в одном из зеркал он поймал отражение незнакомого лица. Он остановился и понял, что это его собственное лицо, искаженное горем.

Он медленно приблизился к зеркалу, снова чувствуя странное ощущение пронзающего его момента. Он уставился на лицо в зеркале, все смотрел и смотрел: до него дошло, что он — не центр вселенной или ее единственное сознание, но точно такая же личность, как и прочие, на которую прочие смотрят со стороны, точно так,

как он смотрит на них. И этот странный Ниргал-в-зеркале был завораживающим черноволосым и кареглазым мальчиком, сильным и интересным, почти копия Джеки, с густыми черными бровями и… *взглядом*. Он не хотел ничего этого знать. Но он чувствовал мощь, горящую в кончиках пальцев. Он вспомнил, как люди смотрели на него, и понял, что для Джеки он может представлять такого же рода опасную силу, какой она представлялась для него, — что объяснило бы ее общение с Дао как попытку держать его подальше, сохранять баланс, утверждать собственную силу. Показать, что они — подходящая пара, и соответствовать. И внезапно напряжение покинуло его тело, он содрогнулся, потом ухмыльнулся криво. Они и впрямь принадлежали друг другу. Но он до сих пор оставался самим собой.

Поэтому, когда Койот появился и пришел к Ниргалу, чтобы позвать его в новое путешествие, тот тотчас же согласился, очень благодарный за такую возможность. Было больно видеть вспышку ярости на лице Джеки, когда она услышала эту новость, но другая часть его радовалась собственной непохожести, способности убежать от нее… или хотя бы уйти на какое-то расстояние. Подходили они друг другу или нет, но ему это

было нужно.

Несколько вечеров спустя они с Койотом, Питером и Мишелем поехали прочь от огромной массы полярной шапки в разбитые земли, черные под звездным покрывалом.

Ниргал смотрел назад на сияющий белый утес со смешанными чувствами, но главным среди них оставалось облегчение. Казалось, что там, позади, они зароются еще глубже в лед и станут жить прямо под Южным полюсом, пока красный мирок крутится в космосе, заброшенный среди звезд. Он вдруг понял, что никогда больше не станет жить под куполом, никогда не вернется туда надолго. Это был не вопрос выбора, это был просто факт. Его судьба или предназначение. Он чувствовал это так же ясно, как ощущал бы камень в ладони. С этих пор он будет бездомным, если только вся планета не станет однажды его домом, каждый кратер и каньон будут известны ему, каждый камень и любой человек — все в зеленом мире и белом. Но это — он вспомнил бурю, увиденную с Откосов Прометея, — была задача, требующая не одной жизни. Ему придется учиться.

Часть вторая

Посол

Часть вторая
Посол

Астероиды с эллиптическими орбитами, пересекающимися внутри орбиты Марса, называют Амурами (если они пересекаются внутри земной орбиты — Троянами). В 2088 году Амур, известный как 2034B, пересек орбиту Марса где-то в восемнадцати миллионах километров позади планеты, и вскоре после этого с ним состыковалась группа автоматизированных посадочных модулей с Луны. 2034B представлял собой шершавый шар около пяти километров в диаметре, массой порядка пяти биллионов тонн. Когда ракеты приземлились, астероид получил имя Нью-Кларк.

Изменения стали очевидны очень быстро. Часть машин погрузилась в пыльную поверхность астероида и начала сверлить, вкапываться, переходить с места на место, упорядочивать и транспортировать. Первым делом был установлен завод на ядерном топливе, и вскоре топливные стержни пришли в рабочее положение. Где-то в другом месте зажглись печи, и автокочегары

приготовились подкидывать горючее. На других посадочных модулях открылись грузовые отсеки, и роботизированные механизмы рассыпались по поверхности, закрепившись в каменистом неровном ландшафте. Машины для прокладки тоннелей ввинчивались внутрь. Пыль улетала в космос вокруг астероида, а затем опадала и бесследно исчезала навсегда. Посадочные модули протягивали друг к другу трубы и шланги. Основу астероида составлял углеродосодержащий хондрит с изрядной долей замерзшей воды, скрытой в его трещинах и полостях, и через какое-то время несколько заводов в модулях начали производить самые разные углеродные материалы и некоторые композиты. Довольно скоро была выделена тяжелая вода, составлявшая одну шеститысячную часть всего льда на астероиде. Из тяжелой воды производили дейтерий. Одни составляющие делались из углеродных композитов, другие, сброшенные с новым полезным грузом, соединялись с изготовленными на заводах. Появлялись новые роботы, сделанные уже из самого Кларка. Так число механизмов росло, в то время как компьютеры на посадочных модулях руководили созданием целого индустриального комплекса.

Спустя многие годы процесс оставался до-

вольно простым. Основной завод Нью-Кларка производил длинные нити углеродных нанотрубок. Нанотрубки состояли из атомов углерода, соединенных в цепи так, что связи, соединяющие их, были настолько сильными, насколько это было возможно при существующих технологиях. Нити достигали всего лишь нескольких десятков метров в длину, но были скручены в кластеры, концы которых перекрывали друг друга, а потом эти связки скручивались с другими, пока кабель не достигал девяти метров в диаметре. Заводы могли производить и скручивать нити с такой скоростью, что в час появлялось около четырехсот метров кабеля, а за день его длина достигала десяти километров, и так продолжалось час за часом, день за днем, год за годом.

Пока тонкая нить скрученной углеродной пряжи уходила в космос, роботы на другой стороне астероида конструировали электромагнитную катапульту — двигатель, который будет использовать дейтерий, добытый из воды астероида, чтобы выстреливать измельченным камнем, отправляя его прочь от астероида на скорости 200 километров в секунду. Вокруг астероида — в ожидании времени, когда их точно так же запустят в качестве реактивных стабилиза-

торов, — строились и наполнялись топливом меньшие двигатели и обычные ракеты. Другие заводы конструировали машины с большими колесами, способные ездить туда-сюда по растущему кабелю, и пока кабель продолжал тянуться с астероида, к нему крепились маленькие ракетные сопла и другая машинерия.

Когда электромагнитная катапульта выстрелила, астероид начал переходить на новую орбиту.

Прошли годы. Новая орбита астероида пересеклась с орбитой Марса, и астероид прошел в десяти тысячах километров от него, тогда группа ракет стартовала с астероида так, что он был захвачен гравитацией Марса на высокой эллиптической орбите. Сопла продолжали включаться и выключаться, регулируя движение. Кабель продолжал тянуться. Время шло.

Примерно через десять лет после того, как первые посадочные модули коснулись поверхности астероида, кабель достиг длины порядка тридцати тысяч километров. Масса астероида составляла около восьми биллионов тонн, масса кабеля — примерно семь. Астероид двигался по эллиптической орбите с перигеем приблизительно в пятьдесят тысяч километров. Но к тому

моменту все ракеты и электромагнитные катапульты на обеих сторонах Нью-Кларка, а также на самом кабеле пришли в действие: некоторые работали постоянно, но большинство — короткими периодами. В одном из грузовых отсеков был установлен самый мощный компьютер из когда-либо созданных, он координировал данные с сенсоров и определял, какая ракета и в какой момент времени должна работать. Кабель, к тому моменту направленный в противоположную от Марса сторону, начал разворачиваться по направлению к планете, словно изящная стрелка в часах ручной работы. Орбита астероида стала меньше и приобрела более правильную форму.

Впервые с момента приземления на Нью-Кларк прибыли новые ракеты, и роботы, доставленные с ними, начали строительство космического порта. Конец кабеля стал опускаться на Марс. Здесь вычисления, производимые компьютером, взлетели на почти метафизический уровень сложности, и гравитационный танец кабеля и астероида с планетой стал более точным, приходя в соответствие с постоянно замедляющейся мелодией, так, что чем ближе подходил кабель к своей должной позиции, тем медленнее и медленнее становилось его движение. Если бы

кто-то мог наблюдать это представление на всем его протяжении, он мог бы принять его за некую эффектную демонстрацию парадокса Зенона, в которой гонщик приближается к финишной черте, всякий раз проходя по половине от пройденного расстояния... Но никто никогда не следил за этим зрелищем полностью, поскольку ни у кого из свидетелей не было подходящих для этого органов чувств. Пропорционально кабель был тоньше человеческого волоса — даже если бы его уменьшили до диаметра волосинки, в нем по-прежнему оставались бы сотни километров длины, так что невозможно было охватить его глазом целиком. Можно утверждать, что управлявший им компьютер имел о нем наиболее полное представление. Для наблюдателей с поверхности Марса, обитателей города Шеффилд, расположенного на горе Павлина, кабель сперва показался очень маленькой ракетой, которая спускалась с прикрепленной к ней очень тонкой лестницей. Что-то вроде яркой блесны и тонкой рыболовной лески, заброшенной богами из близлежащей вселенной. Глядя со дна этого океана, можно было увидеть, что кабель с болезненной неторопливостью опускался к массивному бетонному бункеру на востоке Шеффилда, и в

конце концов большая часть людей перестала обращать внимание на черную вертикальную черту в верхних слоях атмосферы.

Но пришел день, когда конец кабеля — с соплами, работающими, чтобы удерживать его положение под порывами сильных ветров, — опустился через дыру в крыше бетонированного бункера и закрепился в предназначенном для него вороте. Теперь ниже ареосинхронной точки кабель притягивался к Марсу его собственной гравитацией, а часть, расположенная выше, пыталась следовать Нью-Кларку в его центробежном полете прочь от орбиты; и углеродные нити кабеля выдерживали напряжение, вся конструкция вращалась с той же скоростью, что и планета, возвышаясь над горой Павлина в колеблющейся вибрации, что позволяло ей уклоняться от Деймоса. Все это по-прежнему контролировалось компьютером Нью-Кларка и длинной батареей ракет, развернутой на углеродной нити.

Лифт был возведен заново. Некоторые капсулы поднимались по кабелю с одной стороны горы Павлина, некоторые — спускались от Нью-Кларка с другой, обеспечивая противовес и значительную экономию энергии, необходимой для операции. Космические корабли приближались к космопор-

ту Нью-Кларка, откуда их выстреливали как из пращи. Стало намного легче покинуть гравитационный колодец Марса, и его сообщение с Землей и другими объектами Солнечной системы стало менее затратным. Казалось, будто вернулась на место однажды обрезанная пуповина.

Он жил идеально обыденной жизнью, когда его вытащили и послали на Марс.

Вызов пришел в виде факса, появившегося из его телефонного аппарата в квартире, которую Арт Рэндольф снял всего месяцем ранее, после того как его жена решила разводиться по суду. Факс был коротким: «Дорогой Артур Рэндольф, Уильям Форт приглашает вас посетить частный семинар. Самолет вылетает из аэропорта Сан-Франциско в девять утра двадцать второго февраля 2101 года».

Арт с удивлением уставился на бумажку. Уильям Форт был основателем «Праксиса», транснациональной корпорации, которая несколько лет назад приобрела компанию Арта. Форт был очень стар, и теперь его пост главы был чем-то вроде почетной должности на неполный день. Но он до сих пор проводил частные семинары, которые пользовались дурной славой, несмотря на то, что о них мало что было известно. Поговаривали, что туда приглашают людей из всех дочерних компаний, что они собираются в Сан-Франциско, а потом летят в какое-то секретное место частным бортом. Никто не знал, что там происходило дальше. Люди, побывавшие на таких семинарах, обычно меняли место работы и, даже если оставались на прежней должности, держали рот на

замке, что приводило всех в замешательство. Так что мероприятие было окутано тайной.

Арт был удивлен, что его пригласили, и одновременно чувствовал беспокойство, но по большей части был польщен. Перед слиянием он был соучредителем и техническим директором маленькой компании под названием «Дампмайнз», которая занималась разработкой и утилизацией старых свалок, выискивая ценные материалы, выброшенные в гораздо более расточительную эпоху. Слияние с «Праксисом» стало для них сюрпризом — очень приятным сюрпризом, поскольку все в «Дампмайнз» из сотрудников маленькой фирмы превратились в новых членов богатейшей организации мира: им стали платить из ее доходов, они получили возможность влиять на ее политику и были вольны использовать все ее ресурсы. Это было все равно что посвящение в рыцари.

Арт, конечно же, был польщен, как и его жена, хотя она тоже несколько беспокоилась. Ей предложили место в главном управлении «Мицубиси», и, по ее словам, крупные транснациональные синдикаты принадлежали иному миру. Работая в разных компаниях, они неотвратимо становились еще дальше друг от друга, чем

раньше. Они больше не нужны были друг другу, чтобы получить процедуру омоложения, которую транснационалы предоставляли гораздо более охотно, чем государство. Она говаривала, что они, словно пассажиры на разных судах, отплывших из залива Сан-Франциско в противоположных направлениях. Фактически, лайнеры, уходящие в ночь.

Арту казалось, что они могли бы путешествовать с корабля на корабль, если бы его жена не была столь заинтересована в одном из пассажиров ее судна, вице-председателе «Мицубиси», отвечающем за развитие Восточно-Тихоокеанского сектора. Но Арта скоро затянула арбитражная программа «Праксиса»: он часто путешествовал, посещая мастер-классы или выступая третейским судьей между мелкими дочерними компаниями «Праксиса», занятыми переработкой ресурсов. Когда он возвращался в Сан-Франциско, Шэрон почти никогда не было дома. Их суда отходят на все большее расстояние друг от друга, говорила она, а он был слишком деморализован, чтобы спорить, и съехал, как только она попросила. Можно сказать, его выбросили на улицу.

Теперь он почесывал темный небритый подбородок, перечитывая факс в четвертый раз. Он

был крупным, крепко сложенным мужчиной, но имел привычку сутулиться. «Деревенщина», как называла его жена, хотя, например, секретарша в «Дампмайнз» использовала слово «медведь», которое нравилось ему больше. В нем действительно было что-то от нескладной и неуклюжей медвежьей наружности, а также неожиданная скорость и сила зверя. В команде университета Вашингтона он был защитником, не слишком быстрым, но очень пробивным. Повалить «мишку», так его прозвали, было очень сложно. И рискованно.

Он изучал инженерное дело, а потом работал на нефтяных месторождениях Ирана и Грузии, внедрив ряд инноваций для разработки незначительных сланцевых месторождений. За свою работу в университете Тегерана он получил степень магистра, а потом переехал в Калифорнию и присоединился к другу, который основал компанию, производящую снаряжение для глубоководного дайвинга. Оно использовалось при оффшорном бурении нефтяных скважин — производстве, уходящем на все большие глубины по мере того, как истощались доступные ресурсы. И опять Арт изобрел ряд улучшений как в оборудовании для погружений, так и в

технологии глубоководного бурения. Но пара лет, проведенных в декомпрессионных камерах и на континентальном шельфе, стали последней каплей, и он продал свою долю партнеру и двинулся дальше. Он очень быстро менял сферы деятельности, работая то в строительной компании, занимавшейся конструированием при сверхнизких температурах, то в фирме, выпускавшей солнечные батареи, он даже строил стартовые площадки для ракет. Каждая работа была хороша, но по прошествии времени он понял, что по-настоящему его интересуют не технические, а человеческие проблемы. Он все больше и больше вмешивался в управление проектами, а потом его привлекли к арбитражу. Он любил выслушивать аргументы, а затем разрешать вопросы, к вящему удовольствию всех окружающих. Это была инженерия иного рода, более увлекательная, более сложная и приносящая большее удовлетворение, нежели возня с механическими объектами. Несколько фирм, с которыми он сотрудничал в эти годы, были частью транснациональных корпораций, и он был втянут не только в арбитражные споры между своей компанией и другими синдикатами, но также и в мало относящиеся к ним дела, требующие взгляда стороннего наблюдате-

ля. Он называл это социальной инженерией, что весьма его увлекало.

Поэтому, открывая «Дампмайнз», он взял на себя техническое руководство и хорошенько поработал над «Супер-Рэтджис» — гигантскими роботизированными машинами, которые занимались раскопкой и сортировкой свалок. Но больше чем когда-либо раньше, он погружался в рабочие вопросы и все, что было с ними связано. Эта тенденция в его карьере лишь усилилась после того, как их поглотил «Праксис». И в дни, когда подобная работа удавалась ему, он всегда возвращался домой с чувством, что ему следовало бы стать судьей или дипломатом. Да, пожалуй, в душе он был дипломатом.

Тем позорнее был тот факт, что он так и не смог выторговать успешное разрешение вопроса с собственной супругой. И, без сомнения, Форту, или кто там пригласил его на семинар, было прекрасно известно о разводе. Возможно, они прослушивали его старую квартиру и знали о каждом неприятном разговоре, которые он вел с Шэрон в последний месяц совместной жизни и которые не красили ни его, ни ее. Все еще почесывая небритый подбородок, он поежился при одной мысли об этом, а потом пошел в ван-

ную и включил портативный водонагреватель. Лицо в зеркале выглядело слегка растерянным. Небритый, разведенный мужчина пятидесяти лет, большую часть жизни занимавшийся совершенно не тем и только начавший идти к своему истинному призванию, — по его представлению, люди такого рода не должны получать факсы от Уильяма Форта.

Его жена, или лучше сказать «бывшая», тоже отнеслась к этому скептически.

— Произошла какая-то ошибка, — заявила она, когда Арт сообщил ей о факсе. Она звонила насчет одного из пропавших объективов ее камеры. Она подозревала, что его, съезжая, прихватил Арт.

— Я поищу его, — пообещал он и подошел к встроенному шкафу, чтобы взглянуть на пару своих, пока еще не распакованных, чемоданов. Он знал, что объектива там не было, но старательно перерыл оба. Шэрон узнала бы, попробуй он смухлевать. Пока он искал, беседа продолжилась, и ее голос отдавался в квартире жестяным эхом.

— Это лишь показывает, насколько этот Форт странный… Вы поедете в какую-нибудь Шангри-Ла, он будет вытирать ботинки салфетками «Клинекс» и говорить по-японски, а вы станете сортировать его мусор и учиться левитировать, и

я никогда тебя больше не увижу… Ты нашел?

— Нет. Его здесь нет.

Разводясь, они разделили совместно нажитое имущество. Шэрон забрала себе квартиру, развлекательный центр, рабочий стол, планшет, камеры, растения, кровать и всю остальную мебель. Арту досталась тефлоновая сковородка. Не самое удачное из его судебных дел. Но это также значило, что искать объективы ему было просто негде.

Даже вздох Шэрон звучал как всеобъемлющее обвинение.

— Они научат тебя японскому, и мы больше тебя никогда не увидим. Чего Уильям Форт от тебя хочет?

— Консультации по вопросам брака и семьи? — предположил Арт.

К удивлению Арта, многие слухи о семинарах Форта оказались правдой. В международном аэропорту Сан-Франциско он сел на большой и мощный частный самолет с шестью другими мужчинами и женщинами, и после взлета окна самолета, очевидно, поляризованные с обеих сторон, стали черными, а дверь в кабину пилотов закрылась. Двое пассажиров занимались спортивным ориентированием, и когда самолет

заложил пару мягких виражей вправо и влево, они сошлись на том, что их курс пролегает в диапазоне между юго-востоком и севером. Каждый из семи рассказал о себе — они все оказались техническими директорами или арбитрами в широкой сети компаний «Праксиса» и слетелись в Сан-Франциско со всего мира. Одни с нетерпением ждали знакомства с ведущим отшельнический образ жизни основателем транснационального объединения, другие были обеспокоены.

Их полет продолжался шесть часов, и спортивные ориентировщики сузили список возможных точек назначения до круга, включавшего в себя Джуно, Гавайи, Мехико и Детройт, хотя, как заметил Арт, если они летели на одном из новых самолетов класса «земля — космос», в этот круг могла бы входить половина Земли, а то и больше. Когда самолет приземлился, их провели по маленькому телескопическому трапу в большой автобус с затемненными окнами и барьером между пассажирами и водителем. Двери были заперты снаружи.

Они ехали около получаса. Затем автобус остановился, и их выпустил водитель, пожилой человек в шортах и футболке с рекламой Бали.

Все зажмурились от яркого солнечного света, но

это явно был не Бали. Они оказались на маленькой асфальтированной парковочной площадке на дне узкой прибрежной долины, окруженной эвкалиптами. Океан — или очень большое озеро — лежал в миле на запад, виднелся лишь его узкий клин. Ручей, бежавший по равнине, стекал в пруд, раскинувшийся перед пляжем. Холмы, окружавшие долину, на юге были покрыты сухой травой, на севере — кактусами, выше поднимался сухой коричневый камень.

— Баха? — попробовал угадать один из ориентировщиков. — Эквадор? Австралия?

— Сан-Луис-Обиспо? — предположил Арт.

Водитель повел их вниз по узкой дороге к маленькому поселению, составленному из семи двухэтажных деревянных зданий, угнездившихся между прибрежных сосен на дне долины. Два здания у ручья были жилыми, и когда они бросили сумки и распределили между собой комнаты, водитель повел их в другое здание, где полдюжины довольно пожилых кухонных работников накормили их простым обедом из рагу и салата. Потом их снова отвели в жилые домики и предоставили самим себе.

Они собрались в центральном зале с дровяной печью. Снаружи было тепло, и печь не топили.

— Форту сто двенадцать лет, — сказал ориентировщик по имени Сэм, — и омоложение, судя по всему, не подействовало на его мозги.

— Оно и не должно, — ответил Макс, второй ориентировщик.

Они еще некоторое время обсуждали Форта. Каждый из них слышал, будто Уильям Форт был одним из выдающихся деятелей медицины, своего рода Луи Пастер их века, человек, победивший рак, как писали таблоиды. Он также избавил человечество от обычной простуды, основав «Праксис» в двадцать четыре года, чтобы торговать передовыми антибактериальными препаратами, и уже к двадцати семи стал мультимиллиардером. После он занялся превращением «Праксиса» в крупнейшее мировое транснациональное объединение. Восемьдесят лет подряд он упорно «распространял метастазы», как охарактеризовал это Сэм, а тем временем его личность преображалась в нечто, напоминающее ультра-Говарда Хьюза[12], во всяком случае, ходили такие слухи. Он становился все более и более могуще-

[12] Примечания: 12

Говард Хьюз (1905–1976) — американский предприниматель, инженер и режиссер, владелец крупнейших компаний США своего времени. Именно личность Хьюза послужила для кино и литературы прототипом образа таинственного и чудаковатого миллионера.

ственным, пока, словно черная дыра, не исчез полностью за горизонтом событий собственного могущества.

— Надеюсь, он не слишком эксцентричен, — сказал Макс.

Другие члены их группы — Салли, Эми, Элизабет и Джордж — были настроены более оптимистично. Но все они испытывали беспокойство по поводу того, как необычно их встретили, а вернее, не встретили, — никто не пришел навестить их, пока они, озадаченные, не разошлись по своим комнатам.

Арт, как и всегда, спал хорошо и с рассветом проснулся от низкого уханья совы. Прямо под его окном журчал ручей. Стоял серый рассвет, воздух полнился обволакивающим сосны туманом. Откуда-то из недр здания донесся щелчок закрывшегося замка.

Он оделся и вышел. Все было насквозь мокрым. Ниже, на узких плоских террасах перед зданием, тянулись грядки с салатом и ряды яблонь, обрезанных и подвязанных так, что они больше походили на раскидистые кусты.

Когда Арт спустился к маленькой ферме над прудом, вещи вновь обрели цвет. Под большим дубом простиралась, словно ковер, лужайка. Арт

подошел к дереву, будто его тянуло туда, тронул его грубую, потрескавшуюся кору. Затем он услышал голоса: по тропинке к пруду приближалась группа людей в черных гидрокостюмах с досками для серфинга и с длинными свернутыми крыльями дельтапланов. Когда они проходили мимо, он узнал людей, которых видел накануне на кухне, и водителя. Водитель помахал ему и пошел дальше. Арт направился к пруду. В соленом воздухе разносился низкий шум волн, в камышах плавали птицы.

Через какое-то время Арт вернулся по тропинке и в столовой комплекса нашел пожилых поваров, пекущих блинчики. После того как Арт и другие гости поели, вчерашний водитель провел их вверх по лестнице в большой зал заседаний. Они сели на диваны, составленные квадратом. Большие панорамные окна по всем четырем стенам пропускали достаточно серого утреннего света. Водитель уселся в кресло между двумя диванами.

— Я — Уильям Форт, — сказал он. — Рад видеть всех вас здесь.

При ближайшем рассмотрении он оказался странным стариком. Его лицо, словно следы вековых тревог, избороздили морщины, но в

тот момент на нем можно было прочесть лишь безмятежность и отрешенность. «Шимпанзе, — подумал Арт, — проведший много лет в лаборатории, а теперь постигающий дзен». Или просто очень старый серфер и дельтапланерист — потрепанный, лысый, круглолицый, со вздернутым носом. А теперь переводящий взгляд с одного на другого. Сэм и Макс, которые не обращали на него внимания, пока он оставался водителем или поваром, чувствовали себя неловко, но он, кажется, не замечал этого.

— Единственный показатель того, — произнес он, — насколько мир полон людьми и насколько они активны, — это процент ассигнований в перечень продуктов, получаемых на основе фотосинтеза.

Сэм и Макс кивнули, как будто это было стандартным началом совещания.

— Могу я делать заметки? — спросил Арт.

— Пожалуйста, — ответил Форт и указал на кофейный столик, стоящий перед диванами. Там лежали блокноты и планшеты. — Позже я хотел бы поиграть в кое-какие игры, так что вот планшеты и блокноты, что вам удобнее.

Почти все взяли себе планшеты и некоторое время молчаливо возились, вынимая и запуская

их. Пока они были заняты, Форт встал и начал ходить кругами вокруг диванов, поворачиваясь через каждые несколько предложений.

— Сейчас мы используем порядка восьмидесяти процентов чистой первичной продукции наземного фотосинтеза, — говорил он. — Ста процентов, вероятно, невозможно достигнуть. В перспективе емкость среды[13], по нашим подсчетам, составляет лишь около тридцати процентов, так что, образно говоря, мы зажрались. Мы уничтожаем наш естественный капитал, как будто где-то есть доступный резерв, и почти исчерпали некоторые наши активы, такие как нефть, дерево, почва, металлы, пресная вода, рыба и животные. Это затрудняет дальнейшее развитие экономики.

«*Затрудняет!* — записал Арт. — *Экспансия?*»

— Мы должны продвигаться дальше, — продолжил Форт, бросив пронзительный взгляд на Арта, пытавшегося непринужденно закрыть свой планшет ладонью. — Продолжающаяся экспансия — фундаментальный принцип экономики. Более

[13] Примечания: 13

Предельная нагрузка биологического вида на среду обитания (емкость среды) — это максимальный размер популяции вида, который среда может безусловно стабильно поддерживать, обеспечивать пищей, укрытием, водой и другими необходимыми благами.

того, это один из фундаментальных принципов самой вселенной. Потому что все на свете — это экономика. Физика — космическая экономика, биология — клеточная, гуманитарные науки относятся к социальной экономике, психология — к ментальной, и так далее.

Слушатели печально закивали.

— Так что все на свете расширяется. Но подобный процесс не может вступать в противоречие с законом сохранения массы и энергии. Как бы эффективно ни было производство, невозможно на выходе получить больше, чем на входе.

Арт внес в пометки: «*Выход больше начального вложения — все экономика — естественный капитал — зажрались*».

— В ответ на сложившуюся ситуацию здесь, в «Праксисе», группа людей работает над тем, что мы назвали экономикой полного мира.

— А почему не переполненного мира? — спросил Арт.

Форт, кажется, его не услышал.

— Как сказал Дали, два капитала: созданный человеком и созданный природой — не взаимозаменяемы. Это очевидно, но поскольку многие экономисты до сих пор утверждают обратное, я вынужден подчеркнуть это. Простой пример:

построив больше лесопилок, вы не получите больше леса. Строя дом, вы можете варьировать число электропил и плотников, а значит, они взаимозаменяемы, но вы не можете строить, имея на руках лишь половину необходимой древесины, и не важно, сколько пил и плотников у вас есть. Попробуйте, и у вас получится дом из воздуха. Именно в таком доме мы сейчас и живем.

Арт покачал головой и взглянул на страницу своего планшета, куда снова внес заметки. «*Ресурсы и капиталы не взаимозаменяемы — электропилы/плотники — дом из воздуха*».

— Прошу прощения, — спросил Сэм, — вы сказали: природный капитал?

Форт резко дернулся, повернулся, чтобы взглянуть на Сэма.

— Да?

— Я думал, капитал по определению создается человеком. Производное средств производства, так нас учили.

— Верно. Но в капиталистическом мире слово «капитал» получает все более и более широкое использование. Люди говорят, например, о человеческом капитале — это совокупность образования и опыта работы. Определение человеческого капитала отличается от классического

в том отношении, что вы не можете унаследовать его, он может быть только взят в аренду, но не может быть куплен или продан.

— Если только не принимать в расчет рабство, — добавил Арт.

Форт нахмурился.

— Концепция *природного капитала* на самом деле больше похожа на традиционное определение, чем концепция человеческого капитала. Им можно владеть, его можно завещать, делить на возобновляемый и не возобновляемый, отчуждаемый и не отчуждаемый.

— Но если все — капитал того или иного рода, — сказала Эми, — можно понять, почему люди считают, что один капитал может быть взаимозаменяем другим. Если человеческий капитал будет усовершенствован так, чтобы использовать меньше природного капитала, не будет ли это взаимозамещением?

Форт покачал головой.

— Это вопрос эффективности. Капитал — это количество на входе, а эффективность — отношение количества на входе к количеству на выходе. Вне зависимости от эффективности вы не можете сделать что-то из ничего.

— Новые энергетические ресурсы… — предло-

жил Макс.

— Но мы не можем производить почву из электричества. Энергия синтеза и самовоспроизводящиеся машины дали нам невероятную мощь, но нам нужны основные ресурсы, чтобы было к чему эту мощь прикладывать. И тут мы упираемся в предел, замены которому не может быть.

Форт уставился на них все с тем же обезьяньим спокойствием, которое он сохранял с самого начала. Арт бросил взгляд на экран планшета. «*Природный капитал — человеческий капитал — традиционный капитал — энергия против материи — электрическая почва — пожалуйста, никакой замены*». Он скривился и перешел на следующую страницу.

— К несчастью, — продолжил Форт, — большинство экономистов по-прежнему работает в экономической модели пустого мира.

— Модель экономики полного мира кажется очевидной, — сказала Салли. — Это просто здравый смысл. Почему большинство экономистов ее игнорируют?

Форт пожал плечами и молча сделал еще один круг по комнате. Арт уже устал вертеть головой.

— Мы понимаем мир через парадигмы. Переход

от модели пустого мира к модели полного мира — это смена парадигмы. Макс Планк однажды сказал, что новая парадигма приходит не тогда, когда удается убедить ее противников, а когда ее противники вдруг умирают.

— А они пока живы, — заметил Арт.

Форт кивнул.

— Омоложение продлевает жизни людей. И многие из них занимают значительные должности.

Салли посмотрела на него с неприязнью.

— Значит, им просто следует пересмотреть свои взгляды, не так ли?

Форт уставился на нее.

— Прямо сейчас мы этим и займемся. По крайней мере, в теории. Я хочу, чтобы вы изобрели экономические стратегии полного мира. Это игра, в которую я играю. Если вы подключите планшеты к столу, я смогу скинуть вам начальные данные.

И все они склонились и подключились к столу.

Первая игра, в которую захотел сыграть с ними Форт, включала в себя вычисление максимального числа экологически устойчивого[14] населения

---

[14] Примечания: 14
Не наносящего вред окружающей среде.

Земли.

— Разве это не зависит от различных факторов, вроде стиля жизни? — спросил Сэм.

— Мы будем учитывать все факторы.

Он не шутил. Они прошлись от сценариев, в которых каждый акр пахотной земли возделывался с максимальной эффективностью, до сценариев, включающих возврат к охоте и собирательству, от всемирного общества потребления до жестких ограничений. Планшеты ставили начальные условия, после чего игроки разыгрывали их, скучающе или нервно, нетерпеливо или сосредоточенно, используя формулы, взятые со стола, или собственные наработки.

Игра заняла их вплоть до ланча, и потом они играли весь оставшийся день. Арту нравилось играть, они с Эми всякий раз завершали намного раньше остальных. Их максимальное число экологически устойчивого населения варьировалось от ста миллионов (модель «бессмертный тигр», как назвал ее Форт) до тридцати миллиардов (модель «муравьиная ферма»).

— Это большой диапазон, — заметил Сэм.

Форт кивнул и терпеливо взглянул на них.

— Но если вы посмотрите лишь на модели с наиболее реалистичными условиями, — сказал

Арт, — то, как правило, получите цифру между тремя и восемью миллиардами.

— А сейчас население составляет порядка двенадцати миллиардов, — произнес Форт. — Так что мы не укладываемся. Что нам с этим делать? В конце концов, у нас есть предприятия, которыми надо управлять. Бизнес не остановится потому лишь, что людей слишком много. Экономика полного мира не означает конца обычной экономики, это просто конец того производства, которое мы знаем. Я хочу, чтобы «Праксис» оставался на гребне волны. Кстати, сейчас отлив, я собираюсь вернуться на пляж. Буду рад, если вы присоединитесь ко мне. Завтра мы будем играть в игру под названием «Переполнение».

С этим он вышел из комнаты, предоставив их самим себе. Они вернулись в свои спальни, а когда времени до ужина оставалось совсем немного, прошли в обеденный зал. Форта там не было, но их встретили несколько его коллег, которых они помнили по прошлому дню. Этим вечером к ним присоединилась толпа парней и девушек, все стройные, румяные и пышущие здоровьем. Они казались членами туристического клуба или командой пловцов, и девушек среди них было больше. Брови Сэма и Макса взлетали

вверх и опускались вниз в простейшей азбуке Морзе, передающей: «Ага-ага!» Молодые люди, не обращая на это внимания, накрыли стол и вернулись на кухню. Арт ел быстро, спрашивая себя, правы ли Сэм и Макс в своих предположениях. Затем он отнес свою тарелку на кухню и принялся помогать у посудомоечной машины, попутно спросив у одной из девушек:

— Как вы сюда попали?

— Это что-то вроде студенческой программы, — ответила она. Ее звали Джойс. — Мы все новички, присоединившиеся к «Праксису» в прошлом году, и нас выбрали для поездки сюда на занятия.

— Вы сегодня случайно не работали над моделью экономики полного мира?

— Нет, мы играли в волейбол.

Арт вышел из здания, жалея, что его не отобрали для студенческой программы. Ему стало интересно, есть ли здесь джакузи с видом на океан. Что ж, это вполне реально. Вода в океане оказалась холодной, а если все крутилось вокруг экономики, то и роскошь можно было бы расценивать как инвестицию для поддержания кадровой инфраструктуры.

Вернувшись в дом, его товарищи проговорили весь оставшийся вечер.

— Ненавижу такие вещи, — заявил Сэм.

— Мы попались, — мрачно добавил Макс, — ты или присоединяешься к культу, или теряешь работу.

Остальные не были настроены столь пессимистично.

— Может быть, ему просто одиноко, — предположила Эми.

Макс и Сэм закатили глаза, а потом бросили взгляд в сторону кухни.

— Может, он всегда хотел быть учителем, — поддержала Салли.

— Может, он хочет, чтобы «Праксис» рос на десять процентов в год, — сказал Джордж, — полный этот мир или пустой.

Сэм и Макс кивнули, но Элизабет выглядела раздраженной.

— Может быть, он хочет спасти мир! — воскликнула она.

— Верно, — сказал Сэм, и Макс с Джорджем хохотнули.

— Может быть, эта комната прослушивается, — заметил Арт, и разговоры отсекло как гильотиной.

Последующие дни были очень похожи на первый. Они сидели в конференц-зале, Форт кружил

вокруг них и рассуждал целое утро, иногда логично, иногда нет. Однажды они три часа провели, разговаривая о феодализме — этом политическом выражении стремления приматов к доминированию; о том, что на самом деле феодализм никогда не заканчивался и что транснациональный капитализм стал его расширенной версией, после чего мировая аристократия вынуждена была искать способы сдерживать рост капитала в пределах установившейся феодальной системы. В другой раз они говорили о теории калорийной ценности, называемой эко-экономикой, очевидно, впервые разработанной первопоселенцами Марса. Услышав об этом, Сэм и Макс закатили глаза, тогда как Форт все бубнил про уравнения Танеева и Токаревой, черкая неразборчиво на установленной в углу доске.

Но через несколько дней после их приезда с юга пришли большие волны, Форт отменил собрания и проводил все время, занимаясь серфингом или паря над водой в костюме, состоящем из обтягивающего трико и широких крыльев, вроде подвижного аналога дельтаплана, — повинуясь малейшему движению мускулов, крылья принимали различные конфигурации, необходимые для полета. Большинство юных стипендиатов

присоединилось к нему в небе, они парили вокруг, словно Икары, а потом пикировали и мягко скользили на воздушной подушке, пока новая вздымающаяся волна не подбрасывала их выше. Они рассекали воздух совсем как пеликаны, которые, можно сказать, и изобрели этот спорт.

Арт вышел и с наслаждением покатался на бодиборде, вода была холодной, хотя и не настолько, чтобы ему потребовался гидрокостюм. Он держался там, где серфила Джойс, болтая с ней между заплывами, и выяснил, что пожилые повара были хорошими друзьями Форта, ветеранами первых лет восхождения «Праксиса» к славе. Юные стипендиаты прозвали их «восемнадцать бессмертных». Некоторые из этих восемнадцати постоянно жили в лагере, другие то и дело заезжали, поддерживая отношения. Они обсуждали текущие проблемы, советовались насчет руководящей политики «Праксиса», проводили занятия и семинары, а также играли на волнах. Те же, кто не испытывал восторгов от воды, работали в саду.

Арт тщательно осмотрел сад, когда они взбирались обратно к поселению. Работавшие там люди двигались, будто в замедленной съемке, постоянно переговариваясь друг с другом. На тот

момент главной для них задачей было обобрать обрезанные яблони.

Когда южное волнение стихло, Форт возобновил работу с группой Арта. Однажды темой для обсуждения стали бизнес-возможности полного мира, и Арт начал понимать, почему выбрали именно его и шестерых его коллег: Эми и Джордж занимались контрацепцией, Сэм и Макс — индустриальным дизайном, Салли и Элизабет — сельхозтехнологиями, а он сам — переработкой ресурсов. Все они уже сталкивались с предпринимательством полного мира, и в своих дневных играх неплохо демонстрировали способность придумывать новые его типы.

В другой день Форт предложил игру, в которой они должны были решать проблему полного мира через возвращение к пустому. По условиям задачи, им требовалось выпустить разносчика чумы, который убил бы всех, кто не получал геронтологического лечения. Каковы были бы «за» и «против» такого решения?

Ошеломленная группа взялась за свои планшеты. Элизабет заявила, что не станет играть в игру, основанную на такой монструозной идее.

— Это ужасная идея, — согласился Форт. — Но это не делает ее невозможной. Видите ли, я знаю

кое-что. Слышу разговоры определенного уровня. Между лидерами крупных транснационалов, например, ведутся споры. Приводятся аргументы. Можно услышать самые разные идеи, выдвигаемые вполне серьезно, включая и такие, как эта. Все сожалеют о таком сценарии и меняют тему разговора. Но никто не заявляет, что это технически невозможно. А некоторые, похоже, думают, что такой сценарий способен решить определенные неразрешимые проблемы.

Группа печально обдумала эту мысль. Арт предположил, что при таком развитии событий рабочих рук в сельском хозяйстве станет не хватать.

Форт смотрел из окна на океан.

— Вот фундаментальная проблема любой катастрофы, — задумчиво проговорил он. — Едва она возникает, уже никто не может с уверенностью сказать, когда это прекратится. Давайте продолжим.

И, подавленные, они продолжили. Разыгрывая сокращение населения, они, в виду только что предложенной им альтернативы, подошли к проблеме со всем тщанием. Каждый из них побывал в роли Императора мира, как выразился Форт, и подробно изложил свой план.

Когда пришла очередь Арта, он сказал:

— Я бы дал каждому выжившему право стать родителем ребенка на три четверти.

Все, включая Форта, рассмеялись, но Арт упорно продолжал. Он объяснил, что каждой паре родителей дали бы право выносить одного ребенка и еще половину. После рождения первенца они могли бы продать свое право на половину или договориться о покупке второй половины у другой пары и родить второго ребенка. Цены на половины будут колебаться по классической схеме спроса и предложения. Социальные последствия будут позитивны: люди, желающие еще одного ребенка, будут вынуждены ради этого отказываться от чего-то, в то время как те, кому хватает и одного ребенка, будут иметь источник дохода, чтобы его поддержать. Когда население сократится в достаточной мере, Император мира может изменить право на рождение до одного ребенка на человека, что будет близко к демографической стабильности. Но с процедурами омоложения в данных условиях лимит на три четверти должен сохраниться надолго.

Закончив излагать свое предложение, Арт поднял взгляд от записей на своем планшете. Все смотрели на него.

— Три четверти ребенка, — повторил Форт с ухмылкой, и все снова захохотали. — Мне это нравится. — Смех прекратился. — Это наконец установит денежную ценность человеческой жизни на открытом рынке. До сих пор все работы в этой области были в лучшем случае небрежны. Что-то вроде пожизненных доходов и расходов. — Он вздохнул и покачал головой. — В действительности, экономисты берут большую часть цифр с потолка. Ценность, на самом деле, не результат экономических исчислений. Нет, совсем нет. Давайте посмотрим, сможем ли мы вычислить, сколько будет стоить половина ребенка. Я уверен, начнутся спекуляции, появятся посредники, а затем и целый рыночный аппарат.

Так что оставшуюся часть дня они играли в «Три четверти», дойдя вплоть до сырьевого рынка и получив множество сюжетов для мыльных опер. Когда они закончили, Форт пригласил их на пляж на барбекю.

Вернувшись в свои комнаты, они надели куртки и спустились по тропинке через долину в яркий закат. На пляже под дюной был разведен большой костер, за которым присматривали несколько юных стипендиатов. Когда они по-

дошли и расселись на одеялах вокруг костра, дюжина или около того из «восемнадцати бессмертных» приземлились, пробежав по песку, и медленно сложили свои крылья, а потом отстегнули их от костюмов и откинули с глаз мокрые волосы, обсуждая друг с другом ветер. Они помогли друг другу раздеться и остались в одних купальных костюмах, дрожа и покрываясь гусиной кожей. Столетние летуны тянули к огню жилистые руки, женщины выглядели такими же мускулистыми, как и мужчины, их лица были иссечены морщинами, будто они миллион лет щурились на солнце и смеялись у костра. Арт наблюдал, как Форт шутит со своими старыми друзьями, как просто они вытирают друг друга полотенцами. Тайная жизнь богатых и знаменитых! Они ели хот-доги и пили пиво. Потом летуны ушли за дюны и вернулись, уже одетые в брюки и свитера, довольные тем, что могут постоять у костра еще немного, расчесывая влажные волосы друг друга. Сгустились сумерки, вечерний бриз веял солью и холодом. Оранжевое пламя танцевало под порывами ветра, тени играли на обезьяноподобном лице Форта. Как заметил ранее Сэм, он выглядел максимум на восемьдесят.

Теперь он сидел с семью своими гостями, ко-

торые держались друг друга, и, вглядываясь в угли, принялся говорить снова. Люди на другой стороне костра не прекратили свои разговоры, но гости Форта склонились ближе, чтобы слышать его в шуме ветра, волн и потрескивающего дерева. Без своих планшетов на коленях они казались немного потерянными.

— Нельзя заставить людей делать что-то, — сказал Форт. — Суть в том, чтобы изменить себя. Тогда люди увидят и смогут выбирать. В экологии существует принцип основателя. Популяция на острове начинается с малого числа поселенцев, так что в родительской популяции число генов ограничено. Это первый шаг к видообразованию. Теперь я думаю, нам нужны новые виды, с экономической точки зрения, конечно же. А «Праксис» сам по себе — это остров. И то, как мы его развиваем, можно сравнить с преобразованием генов, данных нам в начале. Мы не обязаны соблюдать установившиеся к настоящему моменту правила. Мы можем создавать новые виды. Не феодальные. У нас коллективное право собственности и коллективное принятие решений, политика конструктивных действий. Мы работаем в направлении корпоративной структуры, схожей с государственной структурой, установившейся

в Болонье. Это своего рода демократический коммунистический остров, превосходящий окружающий его капитализм и создающий лучший образ жизни. Как вы думаете, возможна ли такого рода демократия? Мы должны как-нибудь сыграть в такую игру.

— Как скажете, — ответил Сэм, и Форт бросил на него острый взгляд.

Следующее утро выдалось теплым и солнечным. Форт решил, что погода слишком хороша, чтобы оставаться в помещении. Поэтому они вернулись на пляж и устроились под тентом возле костра, среди шезлонгов и гамаков, натянутых между подпорками тента. Океан отливал яркой глубокой синевой, волны были небольшими, но четко очерченными, и почти каждая несла на себе серфера. Форт уселся в один из гамаков и завел речь об эгоизме и альтруизме, приводя примеры из экономики, социобиологии и биоэтики. Он завершил тем, что, говоря прямо, такой вещи, как альтруизм, не существует. В долгой перспективе был лишь эгоизм, понимающий истинную цену поступков и оплачивающий ее, чтобы не попасть в долгосрочные долговые обязательства. В целом, трезвая экономическая практика, если грамотно ее направлять и реализовывать. Что

он и попытался доказать средствами игры «Эгоизм-альтруизм», которую они начали, разбирая Дилемму Заключенного и Трагедию Общин.

На следующий день они снова встретились в серферском лагере и после бессвязной беседы о добровольной простоте сыграли в игру, которую Форт назвал «Марк Аврелий». Арту игра понравилась, как и все прочие, и он играл в нее хорошо. Но с каждым днем заметки в его планшете становились короче. В тот день он записал лишь: «*расход — аппетит — искусственные потребности — реальные потребности — реальные затраты — соломенные кровати! Влияние окр. среды — население* X *аппетиты* X *эффективность — холодильник в тропиках не роскошь — общественные холодильники — холодные дома — сэр Томас Мор*».

Тем вечером участники конференции ужинали в одиночестве, и разговоры выдавали их усталость.

— Я думаю, это место своего рода остров добровольной простоты, — заметил Арт.

— Юные стипендиаты сюда тоже относятся? — спросил Макс.

— Не заметно, чтобы «бессмертные» много общались с ними.

— Им нравится просто смотреть, — сказал Сэм. — Когда ты так стар…

— Мне интересно, как долго нас собираются держать тут, — перебил Макс. — Мы тут всего неделю, а мне уже скучно.

— А мне здесь нравится, — ответила Элизабет, — так расслабляет…

Арт подумал, что склонен с ней согласиться. Он вставал рано: один из стипендиатов отмечал каждый рассвет ударами деревянной колотушки по большому чурбаку, постепенно уменьшая интервалы между ударами, чем всякий раз будил Арта. *Тук…… тук… тук… тук… тук… тук-тук-тук-тук-т-т-т-т-т-т…* После этого Арт выходил в серое утро, полное птичьих голосов. Тут постоянно слышался шум волн, будто к ушам его были прижаты невидимые раковины. Когда он ходил тропинкой через ферму, он всегда видел поблизости кого-то из «восемнадцати бессмертных», либо болтающих за работой мотыгой или секатором, либо сидящих под большим дубом и наблюдающих за океаном. Форт часто был среди них. Арт мог гулять целый час перед завтраком, зная, что остальную часть дня проведет в теплой комнате или на теплом пляже, разговаривая и играя в игры. Была ли это простота? Он не был

уверен, но это определенно расслабляло, никогда раньше он не проводил так время.

И, бесспорно, за всем этим крылось нечто большее. Это был, как продолжали напоминать им Сэм с Максом, своего рода тест. Их испытывали. Старик наблюдал за ними, а может быть, наблюдали «восемнадцать бессмертных» или же юные стипендиаты, «ученики», которые начали казаться Арту серьезной силой. На молодых специалистах держалась большая часть быта в поселке и, возможно, сам «Праксис», в том числе и на высшем уровне — может, они консультировались с «бессмертными», хотя нельзя было утверждать это наверняка. Слушая болтовню Форта, он понимал, что когда дело касается практических вопросов, многое происходит за его спиной. А в разговорах у посудомоечной машины часто проскальзывали нотки, с какими братья и сестры обсуждают, что им делать с недееспособными родителями.

Как бы там ни было, это был тест. Однажды ночью Арт пошел на кухню, чтобы выпить перед сном стакан молока, и, минуя маленькую комнатку рядом с обеденным залом, увидел, как несколько человек, старых и молодых, смотрели видеозапись их с Фортом утренних упражнений. Арт вернулся в свою комнату в глубоких

раздумьях.

На следующее утро Форт по своему обыкновению кружил по конференц-залу.

— Новые возможности для роста больше не появляются.

Сэм и Макс быстро переглянулись.

— Это то, к чему приводит мышление полного мира. Мы должны определить новые растущие рынки и выйти на них. Теперь вспомните, что природный капитал может быть разделен на отчуждаемый и неотчуждаемый. Неотчуждаемый капитал — субстрат, из которого появляется весь отчуждаемый капитал. Учитывая его нехватку и преимущества, которые он дает, имеет смысл, опираясь на обычную теорию спроса и предложения, установить его цену как бесконечную. Я заинтересован во всем, что имеет теоретически бесконечную стоимость. Вот она — очевидная сфера инвестиций. По сути, это инвестиции в инфраструктуру, но на самом базовом, биофизическом уровне. Инфра-инфраструктура, так сказать, или биоинфраструктура. И это то, чем, по моему мнению, стоит заняться «Праксису». Мы приобретаем и перестраиваем любую биоинфраструктуру, которая была исчерпана и уничтожена. Это долгосрочные инвестиции, но

прибыль будет фантастической.

— А разве большинство биоинфраструктур не находятся в государственной собственности? — спросил Арт.

— Находятся, и это означает необходимость тесного сотрудничества с государствами. Годовой валовый продукт «Праксиса» больше, чем таковой у большинства стран. Все, что нам нужно, — находить страны с маленьким ВНП[15] и плохим ИБС.

— ИБС? — переспросил Арт.

— Индекс будущего страны. Это альтернативное измерение ВНП, принимающее в расчет долги, политическую стабильность, состояние окружающей среды и все такое прочее. Полезный инструмент двойного контроля ВНП, он помогает вычислить страны, которым могла бы пригодиться наша помощь. Мы их находим, идем к ним и предлагаем большие инвестиции капитала плюс политическое руководство, безопасность, все, что им нужно. Взамен мы берем под опеку их биоинфраструктуру. Мы также получаем доступ к их рабочей силе. Это очевидное партнерство. Думаю, это станет следующим шагом.

---

[15] Примечания: 15
Валовый национальный продукт.

— Какая роль отводится нам во всем этом? — спросил Сэм, обводя рукой группу.

Форт переводил взгляд с одного на другого.

— Я думаю дать каждому из вас свое назначение. Я хочу, чтобы вы хранили его в тайне. В любом случае, вы разъедетесь отсюда по одному в разные места. Вы будете заниматься дипломатической работой как посредники «Праксиса», а также станете выполнять особые задания, связанные с инвестициями в биоинфраструктуру. Я изложу детали в частной беседе. А теперь давайте пообедаем, после чего я встречусь с каждым из вас.

«*Дипломатическая работа!*» — записал Арт в своем планшете.

Он провел день, бродя по садам и разглядывая выращенные на шпалерах яблочные кусты. Очевидно, в списке личных встреч Форта Арт стоял далеко не первым, но ему было все равно. День выдался облачный, цветы в саду были мокрыми и яркими. Похоже, будет сложно вернуться в его студию под автострадой в Сан-Хосе… Интересно, что делает Шэрон, думает ли она о нем? Без сомнения, она отправилась в плавание со своим вице-председателем.

Солнце почти садилось, и он как раз собирался

вернуться в свою комнату, чтобы переодеться к ужину, когда на центральной дорожке показался Форт.

— А, вот вы где, — сказал он. — Давайте пройдем вниз, к дубу.

Они сели у могучих корней дерева. Солнце пробивалось сквозь низкие облака, и все окрашивалось в розовые цвета.

— Вы живете в красивом месте, — заметил Арт.

Форт, казалось, не слышал его. Он смотрел в подсвеченные тучи, клубящиеся над головой.

После нескольких минут созерцания он сказал:

— Мы хотим, чтобы вы приобрели Марс.

— Приобрел Марс, — повторил Арт.

— Да. В том смысле, о котором я говорил этим утром. Все эти национальные и транснациональные партнерства — вещь преходящая, без сомнений. Старая традиция плавать под выгодным флагом неприлична, но мы должны придерживаться ее, чтобы получить больший контроль над нашими инвестициями. Мы проделали это на Шри-Ланке и добились такого успеха, что нашему примеру последовали все крупные транснационалы, принявшись собирать под свои

флаги все нуждающиеся в поддержке страны.

— Но Марс не страна.

— Нет. И это проблема. Когда разбился первый лифт, экономика Марса обрушилась. Теперь установлен новый лифт, и на подходе большие события. Я хочу, чтобы «Праксис» был на гребне волны. Конечно, все прочие большие инвесторы тоже будут конкурировать за эту позицию. Теперь, когда новый лифт готов, борьба лишь усилится.

— Кто управляет лифтом?

— Консорциум, возглавляемый «Субараси».

— А это не проблема?

— Это выводит их вперед. Но они не понимают Марса. Они думают, это просто новый источник металлов. Они не видят возможностей.

— Возможностей для…

— Для развития! Марс — не пустой мир, Рэндольф. В экономическом понимании, это практически несуществующий мир. Видите ли, его биоинфраструктуру еще только предстоит сконструировать. Я имею в виду, что можно просто извлечь металлы и двигаться дальше, что наверняка и собираются сделать «Субараси» и им подобные. Но это все равно что относиться к Марсу как к еще одному большому астероиду.

А это глупо, поскольку его цена как базы для дальнейших действий, как планеты, намного превосходит стоимость его металлов. Все его полезные ископаемые разом оцениваются примерно в двести триллионов долларов, но цена терраформированного Марса лежит далеко за этими пределами. Это около трети валового продукты всей Земли, и если хотите знать мое мнение, это все равно не точная оценка его значения. Марс — это биоинфраструктурная инвестиция как раз того рода, о котором я говорил. Именно то, что нужно «Праксису».

— Но приобрести… — замялся Арт. — Что под этим имеется в виду?

— Не что. Кто.

— Кто?

— Подполье.

— Подполье!

Форт дал ему время, чтобы все обдумать. Телевидение, таблоиды и Сеть были переполнены историями о выживших после 2061 года, прячущихся в подземных убежищах дикого южного полушария под предводительством Джона Буна и Хироко Ай, прокладывающих повсюду туннели, контактирующих с пришельцами, умершими знаменитостями и живыми мировыми лиде-

рами… Арт уставился на Форта, вполне bona fide[16] живого мирового лидера, потрясенный внезапным пониманием, что конкретно эта пеллюсидарная[17] фантазия могла иметь под собой все основания.

— Они на самом деле существуют?

Форт кивнул.

— Да. Я не контактирую с ними напрямую, как вы понимаете, и не знаю, сколько их. Но я уверен, что некоторые из первой сотни все еще живы. Вы знакомы с теорией Танеева — Токаревой, той, о которой я говорил в ваш первый день занятий? Так вот, эти двое и Урсула Кол жили в Ахероне, севернее горы Олимп, вместе со всей биомедицинской командой. Во время войны их исследовательский комплекс был уничтожен, но там не нашли тел. Примерно шесть лет назад я отправил людей из «Праксиса», чтобы восстановить объект. Когда все было завершено, мы назвали его Институт Ахерона и оставили пустым. Там все подключено к сети и готово к работе, но не происходит ничего, кроме маленькой ежегодной

---

[16] Примечания: 16

Bona fide *(лат.)* — букв. «по доброй вере»; честно, добросовестно.

[17] Примечания: 17

Пеллюсидар — мир, расположенный внутри земной коры. Цикл книг о нем придумал и написал Эдгар Райс Берроуз.

конференции по эко-экономике. А в последний год, после того как конференция закончилась, уборщики нашли несколько страниц факса, на одной из которых был оставлен комментарий. Ни подписи, ни источника. Но эта разработка могла быть написана лишь Танеевым или Токаревой, или кем-то, кто хорошо знаком с их работами. Я думаю, это был маленький привет.

«Очень маленький привет», — подумал Арт.

Форт, похоже, читал его мысли.

— Только что я получил большой привет. Я не знаю, кто это, они были очень осторожны, но они там…

Арт сглотнул. Если это правда, то это интереснейшая новость.

— И вы хотите, чтобы я…

— Я хочу, чтобы вы полетели на Марс. У нас есть проект, под прикрытием которого вы станете работать, — утилизация кабеля упавшего лифта. Пока вы будете заняты этим, я постараюсь свести вас с тем, кто пытался выйти со мной на контакт. Вам не придется ничего инициировать, только ответить на их первый шаг. Но, послушайте, я не хочу, чтобы они с самого начала знали, что именно вы пытаетесь сделать. Я хочу, чтобы вы начали работать на них. Выясните, кто они, насколько

далеко простирается их поле деятельности, чего они хотят. И как мы можем договориться с ними.

— И я буду своего рода…

— Дипломатом.

— То есть шпионом.

Форт пожал плечами.

— Все зависит от того, на чьей вы стороне. Проект должен оставаться в секрете. Я веду дела с лидерами других транснациональных корпораций, а они напуганы. Их ответ на потенциальные угрозы существующему миропорядку может быть очень жестким. А некоторые из них считают «Праксис» угрозой. Так что для «Праксиса» проведенное здесь время — действительно великолепное секретное оружие, и ваше расследование может стать его частью. Если вы присоединитесь, то присоединитесь именно к засекреченному «Праксису». Как вы думаете, вам это по силам?

— Я не знаю.

Форт рассмеялся.

— Вот почему я выбрал вас для миссии, Рэндольф. Вы кажетесь простым.

«Я и есть простой», — чуть было не ответил Арт, но вовремя прикусил язык. Вместо этого он спросил:

— Почему именно я?

Форт пристально посмотрел на него.

— Когда мы приобретаем новую компанию, мы изучаем ее работников. Я читал ваше дело и сразу подумал, что у вас есть задатки дипломата.

— Или шпиона.

— Это различные стороны одной работы.

Арт нахмурился.

— Вы прослушивали мою старую квартиру?

— Увы, нет! — Форт снова рассмеялся. — Личного дела вполне достаточно.

Арт вспомнил, как поздно ночью наблюдал их заседание около кухни.

— Достаточно личного дела и наших встреч наверху, — добавил Форт, — чтобы узнать вас.

Арт задумался. Никто из «бессмертных» не согласился на эту работу, и, наверно, никто из стипендиатов тоже. Еще бы — эта работа уводила на Марс, а потом в некий невидимый мир, о котором никто не знал, и, может быть, неспроста. Вероятно, кому-то такая работа и могла показаться привлекательной, но только кому-то, кто лишился якоря и теперь ищет нового поля деятельности, кому-то со способностями к дипломатии…

В общем, это и впрямь было неким собеседованием на должность, которой еще не существо-

вало. Исполнительный директор по вопросам приобретения Марса. Марсианский крот. Шпион в доме Ареса. Посол в подземельях Марса. Марсианский посол. «Ничего себе», — подумал он.

— Так что вы скажете?

— Я согласен, — ответил Арт.

Уильям Форт не валял дурака — он был серьезным предпринимателем. Как только Арт согласился принять назначение на Марс, его жизнь закрутилась, как видео на быстрой перемотке. Ночью его отправили обратно закрытым автобусом, а потом — закрытым самолетом. Все это время он оставался один, и когда поплелся на выход, то обнаружил себя в Сан-Франциско.

Он отправился в офис «Дампмайнз» и обошел всех друзей и знакомых. «Да, — повторял он снова и снова, — я нашел работу на Марсе. Переработка части старого лифтового кабеля. Это временно. Платят хорошо. Я вернусь».

Тем же днем он вернулся домой и собрался, что заняло десять минут. Затем он встал, осматриваясь, посреди пустой квартиры. На плите стояла сковородка, единственный символ его прежней жизни. Он потянулся к ней через забитые до отказа и застегнутые чемоданы, подумав, что все же сумеет втиснуть ее внутрь и что ее стоит забрать с собой. Потом перешагнул через них, прошел и сел в единственное кресло со сковородой в руке.

Спустя некоторое время он позвонил Шэрон, отчасти надеясь, что услышит автоответчик, но она была дома.

— Я лечу на Марс, — прохрипел он.

Она ему не поверила, а когда поверила, разозлилась: это трусливое дезертирство, он просто бежит от нее. «Но ведь ты бросила меня», — попытался сказать Арт, но она отключилась. Он оставил сковороду на столе и спустил свои чемоданы вниз, к тротуару. Через дорогу привычная толпа окружала государственный госпиталь, занимавшийся антивозрастной терапией. Люди, чья очередь предположительно близилась, устроили кемпинг на парковке, чтобы быть уверенными, что ничего не пойдет вдруг наперекосяк. Терапия была гарантирована законом всем гражданам США, но ожидание в государственных учреждениях было таким долгим, что порой многие задавались вопросом, доживут ли они до своей очереди. Увидев это, Арт покачал головой и махнул велорикше.

Свою последнюю неделю на Земле он провел в мотеле на мысе Канаверал. Это было печальное расставание. Канаверал оставался закрытой территорией, занятой преимущественно военной полицией и обслуживающим персоналом, который крайне отрицательно относился к «покойникам» — так они называли ожидающих отправления. Ежедневная феерия взлета оставляла у всех либо чувство тревоги, либо возмущение,

но определенно оглушала каждого. Днем люди бродили по округе со звоном в ушах, то и дело переспрашивая: «Что? Что? Что?» Чтобы нейтрализовать проблему, большинство местных носили беруши. Они швыряли тарелки на ваш столик, разговаривая при этом с кем-то на кухне, а потом вдруг кидали взгляд на часы, вынимали беруши из кармана и втыкали их в уши. «Бум!» — очередной стартовавший ракетоноситель «Энергия» с двумя челноками, закрепленными на нем, заставляли весь мир дрожать как желе. Прижав к ушам ладони, «покойники» ломились на улицу, чтобы еще раз взглянуть на то, что их ожидает. Они задирали головы, уставившись на библейские столпы дыма и светящуюся точку, идущую по дуге над Атлантикой. Местные же оставались на месте, жуя резинку и ожидая окончания вынужденного перерыва в работе. Лишь однажды они выказали интерес, когда утром пришла новость, что в день запуска, во время высокого прилива, незваные гости подплыли к забору, ограждающему территорию, и проникли внутрь, и служба безопасности гналась за ними вплоть до пусковой площадки. Говорили, что некоторые из них сгорели дотла при старте, этого оказалось достаточно, чтобы местные вышли посмотреть,

не будет ли столп дыма и пламени выглядеть как-то по-другому.

Наконец одним воскресным утром пришла очередь Арта. Он встал и, словно во сне, оделся в выданный ему, не подходящий по размеру комбинезон. Он сел в автобус вместе с другим мужчиной, который выглядел таким же заторможенным, и их повезли к стартовой площадке, где провели идентификацию по сетчатке глаз, отпечаткам пальцев, голосу и внешнему виду. Затем, не дав даже подумать о том, что все это значит, его провели в лифт, а потом коротким туннелем вниз, в крохотную комнату, где оказалось восемь кресел, напоминающих кресла дантиста и занятых людьми с расширившимися от страха глазами. Его усадили и пристегнули, дверь закрылась, и под полом раздался вибрирующий рев. Арта вжало в кресло, а потом наступила невесомость. Он был на орбите.

Через некоторое время пилот отстегнулся, то же сделали и пассажиры, и все приблизились к двум маленьким иллюминаторам, чтобы выглянуть наружу. Черный космос, голубой мир, прямо как на картинках, но с поразительно высоким разрешением, свойственным лишь реальности. Арт уставился вниз, на Западную Африку, и его

волной захлестнула тошнота.

Когда после бесконечного периода морской болезни, которая длилась приблизительно три дня земного времени, к нему начал возвращаться аппетит, мимо них лихо пролетел один из непрерывно курсирующих между планетами шаттлов. Сделав оборот вокруг Венеры и выполнив маневр торможения на орбите Земля — Луна, теперь он двигался достаточно медленно, чтобы маленькие транспортники смогли догнать его. Во время своего недомогания Арт и другие пассажиры были переправлены на один из этих транспортников, который в подходящий момент отстрелили вдогонку за шаттлом. Ускорение было даже сильнее, чем при старте с мыса Канаверал, и когда все окончилось, Арт снова чувствовал слабость, головокружение и тошноту. Невесомость могла бы добить его. Он стонал при одной мысли о ней. Но, к счастью, в этом шаттле было кольцо, крутящееся со скоростью, придававшей некоторым помещениям гравитацию, которую называли марсианской. Арту предоставили койку в центре здоровья, занимающем одно из таких помещений, там он и остался. Он не мог толком ходить из-за своеобразной легкости марсианской гравитации. Он подпрыгивал, пошатывался и

внутренне все так же чувствовал недомогание и дискомфорт. Но тошнота уже не мучила его, как раньше, за что он был благодарен, хотя и испытывал по-прежнему не самые приятные ощущения.

Этот шаттл был странным. Из-за частых аэродинамических торможений в верхних слоях атмосферы Земли, Венеры и Марса он представлял собой по форме что-то вроде рыбы-молота. Кольцо вращающихся комнат было расположено в задней его части, прямо перед двигателями и стыковочными модулями транспортников. Колесо вертелось, и люди в нем ходили головой к центру корабля, ногами — к звездам под полом.

Примерно через неделю путешествия Арт решил дать невесомости еще один шанс, поскольку во вращающемся кольце не было иллюминаторов. Он прошел в один из переходных отсеков, чтобы выйти из вращающегося кольца в невращающуюся часть корабля. Переходный отсек располагался в кольце меньшего диаметра, которое вращалось вместе с большим кольцом, но иногда останавливалось, чтобы синхронизироваться с остальным кораблем. Отсеки выглядели в точности как кабины грузового лифта с дверями по обе стороны. Когда ты входил в одну и нажимал на нужную кнопку, они замедлялись

за несколько оборотов до полной остановки, и вторая дверь открывалась, пропуская в другую часть корабля.

Так Арт и поступил. Когда кабина стала замедляться, он начал терять вес, и в ответ его желудок подкатил к горлу. К тому времени, как открылась вторая дверь, он вспотел насквозь и каким-то образом очутился на потолке, где больно ударился кистью, пытаясь затормозить, чтобы не врезаться головой. Боль вступила в борьбу с тошнотой, которая, к сожалению, выигрывала. Ему потребовалось оттолкнуться от стен пару раз, чтобы добраться до контрольной панели и нажать клавишу, которая вернула бы его туда, где он мог нормально двигаться, в гравитационное кольцо. Когда дальняя дверь закрылась, он медленно приземлился обратно на пол, а через минуту марсианская гравитация вернулась, и первая дверь снова открылась. С чувством благодарности он выскочил наружу, больше не испытывая никаких мучений, кроме ноющей вывихнутой кисти. Он подумал, что тошнота куда как хуже боли, во всяком случае — до определенного уровня. Ему придется наблюдать пространство снаружи с экранов мониторов.

В этом он был не одинок. Почти все пассажиры

и весь экипаж большую часть времени проводили внутри гравитационного кольца, и потому там было довольно тесно, как в переполненном отеле, где постояльцы частенько проводят часок-другой в баре-ресторане. Арт читал учетные записи многочисленных курсирующих челноков, и это напоминало ему летучий Монте-Карло с его постоянными обитателями, богатыми и скучающими, — такая обстановка царила во многих популярных видеосериалах. Корабль Арта, «Ганеша», был не таким. Очевидно, он носился по внутреннему периметру Солнечной системы довольно долго, и всегда — набитый под завязку. Внутри он износился, в пределах кольца казался очень маленьким, гораздо меньше, чем те корабли, о которых рассказывали в историческом шоу об «Аресе». Первая сотня жила в пространстве, раз в пять большем, чем пространство внутри гравитационного кольца «Ганеши», тогда как на последнем было пятьсот пассажиров.

Время полета, тем не менее, составляло всего три месяца. Так что Арт успокоился и принялся смотреть телевизор, концентрируясь на документальных фильмах о Марсе. Он обедал в ресторане, который был убран в стиле больших океанских лайнеров эпохи двадцатых годов XIX

века, немного играл в казино, оформленном под Лас-Вегас семидесятых. Но большую часть времени спал и смотрел телевизор, два этих занятия перетекали одно в другое, так что он видел очень правдоподобные сны о Марсе, в то время как от документальных фильмов веяло крайне сюрреалистичной логикой. Он просмотрел знаменитую запись дебатов Рассела — Клейборн, и в ту ночь безуспешно спорил с Энн Клейборн, которая, как и в записях, выглядела, будто фермерская жена из «Американской готики»[18], только костлявей и суровей. Другая запись, сделанная дроном, тоже сильно его потрясла. Дрон падал вдоль обрыва одного из отрогов долины Маринер. Он падал почти минуту, прежде чем замедлился и низко полетел над мешаниной камня и льда в ложе долины. В последующие недели Арту постоянно снилось, будто он сам падает, но каждый раз он просыпался до столкновения с землей. Похоже, часть его бессознательного чувствовала ошибочность принятого решения. Он пожимал плечами, ел и упражнялся в ходьбе. Он ждал. Ошибка это или нет, он уже здесь.

Форт передал ему шифровальную систему и

---

[18] Примечания: 18
Картина американского художника Гранта Вуда (1891–1942).

велел отсылать отчеты регулярно, но в полете не о чем было докладывать. Однако Арт добросовестно слал ежемесячные отчеты, каждый раз одни и те же: «Мы в пути. Кажется, все хорошо». Ни на один из них не пришел ответ.

А потом Марс раздулся, словно апельсин, брошенный в телеэкраны, и вскоре они очутились в своих противоперегрузочных креслах, опрокинутых крайне резким аэродинамическим торможением, затем их снова вдавило уже в кресла транспортника, — Арт проходил через все эти сплющивающие торможения со стойкостью ветерана, — и после недели на орбите, все так же вращаясь, они причалили к Нью-Кларку. Притяжение Нью-Кларка было очень маленьким, оно едва удерживало человека на полу, а Марс теперь располагался у них над головой. К Арту вернулась его морская болезнь, к тому же ему пришлось ждать своей очереди на поездку на лифте два дня.

Капсулы лифтов были похожи на длинные вытянутые отели, они переправляли плотно набитый, живой груз вниз, на планету, за пять дней. Ни о какой гравитации и говорить не приходилось, разве что в последние два дня она становилась сильнее и сильнее, пока лифт

замедлялся, осторожно спускаясь в приемный комплекс, называемый «Гнездо» и расположенный к западу от Шеффилда на горе Павлина. Сила притяжения здесь была примерно такой же, что и в кольце «Ганеши», но неделя морской болезни окончательно измучила Арта, и, когда капсулы лифтов открылись и их повели куда-то вроде терминала аэропорта, он обнаружил, что едва способен идти, и удивился, как тошнота может отбить всякую охоту жить. С того дня, как он получил факс от Уильяма Форта, прошло четыре месяца.

Из «Гнезда» в Шеффилд они ехали на метро, но Арт был в таком состоянии, что едва ли мог любоваться видами, даже если бы они и были. Опустошенный и страдающий от головокружения, он пропрыгал на кончиках пальцев вниз по коридору, следуя за кем-то из «Праксиса», и с благодарностью рухнул на постель в маленькой комнатке. Марсианская гравитация ощущалась благословенно стабильной, пока он лежал, а через некоторое время он уснул.

Когда он проснулся, то не сразу сообразил, где находится. Полностью дезориентированный, он оглядел маленькую комнату, удивляясь, куда делась Шэрон и почему их спальня стала такой

крошечной. Потом Арт вспомнил: он на Марсе.

Он застонал и сел, чувствуя жар и одновременно отстраненность от собственного тела. Все слегка пульсировало, хотя освещение в комнате вроде бы функционировало нормально. Стену напротив двери закрывали шторы, и он встал, подошел и распахнул их одним движением.

— Эй! — завопил он, отпрыгнув назад. Он проснулся во второй раз, по крайней мере, чувство было именно таким.

Перед ним открылся вид, словно из иллюминатора самолета. Бесконечное пустое пространство, небо цвета кровоподтека, солнце как пузырь лавы, а далеко внизу раскинулась каменистая равнина — плоская и круглая, лежащая на дне огромного круглого оврага, предельно круглого, просто замечательно круглого, учитывая его естественное происхождение. Было сложно понять, как далеко находится его противоположный край. Детали кратера были прекрасно видны, но постройки на другом краю обода выглядели совсем крошечными. Они были похожи на обсерваторию размером с булавочную головку.

Это, понял Арт, кальдера горы Павлина. Они приземлились у Шеффилда, так что сомнений тут быть не может. Следовательно, до этой об-

серватории около шестидесяти километров, припомнил он из документальных фильмов, и пять километров до дна. И все это — совершенно пустое, каменистое, нетронутое, первобытное — вулканическая порода, такая голая, словно остыла неделю назад, здесь не было никаких следов человека — никакого терраформирования. Полвека назад Джон Бун, должно быть, видел все то же самое. И все это было таким… чужим. И холодным. Арт заглядывал в жерла Этны и Везувия, когда был на каникулах в Италии, и те два кратера были огромными по земным меркам, но в этой штуке, в этой дыре… могла затеряться тысяча таких же.

Он задернул занавески, не спеша, оделся и вздохнул. Похоже, внеземной кратер сулил ему крупные неприятности.

Дружелюбный гид из «Праксиса» по имени Адриенна, достаточно высокая, чтобы быть уроженкой Марса, но говорившая с сильным австралийским акцентом, забрала его и еще дюжину новичков, чтобы провести по городу. Оказалось, что их комнаты расположены на самом нижнем уровне, хотя это должно было вскоре измениться. Шеффилд в эти дни углублялся все дальше, чтобы предоставить максимально боль-

шое число комнат с видом на кратер, который так поразил Арта.

Лифт поднял их почти на пятьдесят уровней и выпустил в вестибюль новенького, как с иголочки, офисного здания. Они прошли через большие крутящиеся двери и, очутившись на широком, засаженном травой бульваре, зашагали мимо облицованных полированным камнем приземистых зданий с большими окнами. Здания были разделены друг от друга узкими зелеными улочками и огромным количеством новостроек, многие из них еще находились в разной степени завершенности. Город обещал стать прекрасным местом, дома высотой преимущественно в три-четыре этажа становились тем выше, чем дальше они продвигались на юг, прочь от края кратера. Зеленые улицы были наводнены народом, случайный маленький трамвайчик бежал по узким путям, проложенным прямо в траве. Ощущалась общая атмосфера суеты и возбуждения, без сомнения, вызванная появлением нового лифта. Это был процветающий город.

Для начала Адриенна отвела их по бульвару к краю кальдеры. Она провела семерых новоприбывших через небольшой, изгибающийся парк к почти невидимому куполу, закрывающему

город. Прозрачный материал держался на месте благодаря таким же прозрачным геодезическим распоркам, надежно закрепленным в доходящей до груди стене периметра.

— Купол тут должен быть прочнее обычного, — сказала им Адриенна, — поскольку на вершине горы Павлина атмосфера снаружи все еще крайне разрежена. Она всегда будет разреженнее, чем внизу, примерно в десять раз.

Они подошли к смотровой площадке у стены и, глянув под ноги, увидели сквозь прозрачный настил дно кальдеры, лежащее в пяти километрах ниже. Люди вскрикивали в приятном испуге, Арт же с трудом передвигался по прозрачному полу. Он начал осознавать ширину кальдеры: северный ее окоем был так же далек, как гора Тамалпаис и холмы Напы от аэропорта Сан-Хосе. Не то чтобы чрезмерное расстояние. Но вот глубина… глубина составляла свыше пяти километров или примерно *двадцать тысяч футов*.

— Приличная дыра! — усмехнулась Адриенна.

Стационарные телескопы и демонстрационные таблички с картами позволили им представить прежний вид Шеффилда, лежащего теперь на дне кальдеры. Арт ошибался насчет ее нетронутой, первобытной природы — небольшая кучка

у осыпавшегося утеса с какими-то блестящими точками оказалась руинами первоначального города.

С большим энтузиазмом Адриенна описала разрушение города в 2061 году. Упавший лифт, разумеется, уничтожил пригород к востоку от «гнезда» в первые же минуты. Но затем лифтовый кабель начал оборачиваться вокруг планеты, и второй сильный удар поразил южную часть города, обнаружив скрытый разлом в базальтовом ободе. Примерно треть города оказалась на опасной стороне этого разлома и упала с высоты в пять километров на дно кальдеры. Оставшиеся две трети были раздавлены. К счастью, жители в большинстве своем были эвакуированы в течение двадцати четырех часов, в промежуток между разрывом с Кларком и вторым ударом провода, так что людские потери стали минимальны, но Шеффилд был полностью разрушен.

Адриенна рассказала, что много лет с тех пор это место, как и многие другие города после волнений 61-го года, оставалось покинутым, словно потерпевший крушение корабль. Большинство городов так и осталось лежать в руинах, но поскольку местоположение Шеффилда оставалось идеальным для установки космического лифта,

то когда «Субараси» начали внепланетное создание второго в конце 2080-х годов, очень быстро началось и наземное строительство. Детальное ареологическое исследование не нашло других разломов в южной части обода, так что реконструкцию можно было вести на том же месте, что и раньше. Тяжелая техника расчистила обломки старого города, сбросив большую их часть за край и оставив только большую восточную секцию вокруг старого «гнезда» — своего рода монумент катастрофы, а также центральный объект туристического потока, который в последующие годы вплоть до восстановления лифта стал важной частью дохода в городской бюджет.

Данный законсервированный кусочек истории стал следующим пунктом в маршруте Адриенны. Они проехались на трамвае до ворот в восточной стене купола, а затем прошли через прозрачную трубу под меньший купол, укрывавший проклятые руины, бетонную груду старого «гнезда» и нижнюю часть упавшего лифта. Они зашагали по огражденной тропинке, очищенной от обломков, с любопытством разглядывая фундамент и перекрученные трубы, — все это было похоже на последствия ковровых бомбардировок.

Наконец они остановились перед торцом троса,

и Арт начал рассматривать его с профессиональным интересом. Огромный цилиндр из черных карбоновых нитей, казалось, почти не повредился при падении, хотя следовало признать, что он врезался в поверхность Марса с наименьшей силой. Один конец провода был вдавлен в большой цементный бункер «гнезда», как объяснила Адриенна, а потом его протащило на пару километров дальше, пока лифт катился вниз по восточному склону горы Павлина. Не слишком серьезное испытание для материала, созданного, чтобы противостоять колебаниям астероида, расположенного за ареосинхронной орбитой.

И вот он лежал, как будто ожидая, что его выпрямят и установят обратно на место: цилиндр с двухэтажное здание высотой, инкрустированный стальными рельсами, обручами и тому подобным. Купол закрывал лишь около сотни метров конструкции, далее ничем не укрытый провод тянулся на восток по скругленному плато кратера, пока не исчезал за внешним его краем, который ограничивал их горизонт — за ним они уже не видели поверхности Марса. Зато за пределами города они видели как никогда ясно, какой огромной была гора Павлина — даже обод вулкана был необычайно широк, этакий пончик

плоской земли, наверное, километров тридцать шириной от обрывистого внутреннего края кратера к плавному спуску края внешнего. С того места, где они стояли, не было видно ни клочка марсианской поверхности, так что казалось, будто они находятся высоко над замкнутым в круг миром под бледно-лиловым небом.

Прямо к югу от них лежал титанический бетонный бункер другого «гнезда», кабель нового лифта одиноко поднимался из него, словно в каком-нибудь индийском фокусе с веревкой, тонкий, черный и прямой — четкая линия, прочерченная с небес и различимая лишь до высоты нескольких небоскребов. На фоне окружающих обломков и необъятной скалистой вершины вулкана он выглядел хрупким, как одна углеродная нанонить, а не связка из миллиардов таких нитей и самая прочная конструкция из когда-либо созданных.

— Как странно, — пробормотал Арт, чувствуя опустошенность и беспокойство.

После прогулки по руинам Адриенна привела их в кафе на центральной площади нового города, где они пообедали. Здесь все выглядело точно так же, как в центре любого фешенебельного района любого города: это мог быть Хьюстон, или

Тбилиси, или Оттава, какой-нибудь из кварталов, где множество шумных строек обозначает цветущее процветание. Когда они возвращались в свои комнаты, метро показалось таким же привычным, а залы на этажах «Праксиса» ничем не отличались от вестибюлей хороших отелей. Все было настолько знакомо, что Арт снова испытал шок, войдя в комнату и увидев потрясающую панораму кальдеры — непреложное свидетельство Марса, огромное и каменное, словно затягивающее его сквозь окно. По факту, если бы оконное стекло вдруг разбилось от сильного взрыва, его бы мгновенно вышвырнуло в это пространство — событие маловероятное, но возникший образ заставил его почувствовать себя неуютно. Арт задернул шторы.

С тех пор он больше не трогал их и старался держаться подальше от окна. По утрам он одевался и быстро покидал комнату, направляясь на вводные лекции, которые вела Адриенна. К их группе присоединились еще около двадцати новичков. Арт обедал с некоторыми из них, после чего проводил остаток дня, осматривая город и всерьез работая над своей походкой. Однажды ночью он послал Форту зашифрованный рапорт: «На Марсе, прохожу курс вводных лекций. Шеф-

филд — приятный город. В моей комнате есть окно». Ответа не было.

Как-то раз Адриенна привела их в одно из зданий «Праксиса», целый комплекс которых располагался как в самом Шеффилде, так и выше, на восточном краю, где они встретились с людьми из Транснационального Марсианского Подразделения. Представительство «Праксиса» на Марсе было гораздо больше такового в Америке. Во время своих полуденных прогулок Арт пытался оценить относительную силу транснационалов — просто по вывескам на зданиях. Там присутствовали все крупнейшие имена: «Армскор», «Субараси», «Ороко», «Мицубиси», «Севен Свидз», «Шеллалко», «Гентин» и так далее — каждая компания занимала комплекс зданий или даже целый квартал. Очевидно, все они были здесь из-за нового лифта, который снова сделал Шеффилд самым важным городом на планете. Они вливали в город деньги, строя свои подразделения под поверхностью Марса и возводя целые пригороды под куполами. В этом строительстве богатство транснациональных корпораций становилось очевидным, кроме того, подумалось Арту, оно проявлялось и в том, как передвигаются люди. Многие прохожие прыгали по улицам так

же неуклюже, как и он: прилетевшие сюда бизнесмены, или горные инженеры, или кто-то вроде того, — все нахмуренные и сконцентрированные на процессе ходьбы. Не сложно было вычленить в толпе и высоких юных уроженцев Марса с их кошачьей грацией, но в Шеффилде они встречались редко, и Арт невольно задумывался, как обстоит дело на всем остальном Марсе.

Что касается архитектуры, пространство под куполом стоило баснословно дорого: возведенные здания были громоздкими, часто кубической формы, и занимали все отведенное под них место, вплотную подбираясь к улице, а то и к куполу. Строители планировали создать лишь сеть из десяти треугольных площадей и широких бульваров, а также разбить изгибающийся вдоль края кальдеры парк, вместо того чтобы превращать город в бесконечное скопище толстых небоскребов, облицованных полированным камнем всех оттенков красного. Это был город, построенный для бизнеса.

Арту казалось, что «Праксис» собирается отхватить неплохой кусок этого бизнеса. «Субараси» был главным конструктором лифта, а также нескольких лифтовых капсул и части системы безопасности. Все эти ассигнования, как выяс-

нил Арт, были сделаны комиссией, носившей название Временное Правительство Организации Объединенных Наций, которая должна была быть частью ООН, но на самом деле контролировалась транснационалами. «Праксис» в составе этой комиссии вел себя так же агрессивно, как и все прочие. Уильям Форт, возможно, и был заинтересован в биоинфраструктуре, но и обычная инфраструктура лежала отнюдь не за пределами поля деятельности «Праксиса». Его подразделения строили системы водоснабжения, железные дороги, города в каньонах, ветрогенераторы и ареотермальные заводы. Последние два направления рассматривались как основные, поскольку орбитальные солнечные коллекторы и атомная станция на Земле Ксанфа выходили из строя слишком часто, не говоря уже о реакторах на быстрых нейтронах старого поколения. Но местные энергетические ресурсы оставались специализацией дочерней компании «Праксиса» — «Сила Земли», этим они и занимались, усердно работая в малонаселенных районах.

Местное подразделение «Праксиса» по утилизации, марсианский эквивалент «Дампмайнз», называлось «Уроборос» и, как и «Сила Земли», было довольно маленьким. По правде говоря,

люди из «Уробороса» сразу сообщили Арту, когда он встретился с ними однажды утром, что на Марсе отходов совсем не так уж много. Почти все проходило вторичную переработку и использовалось в создании сельскохозяйственных почв, так что свалка каждого поселения представляла собой, скорее, склад для разнообразных материалов, ожидающих особой переработки. Поэтому «Уроборос» делал деньги на том, что находил и собирал мусор и отходы, работать с которыми по тем или иным причинам было сложно: токсичные, брошенные или просто неудобные, — а потом искал способы их переработки.

Команда «Уробороса» в Шеффилде занимала целый этаж подземного небоскреба «Праксиса». Компания раскапывала старый город еще до того, как руины были бесцеремонно сброшены за край кальдеры. Человек по имени Зафир, возглавлявший проект по переработке упавшего троса, вместе с Адриенной сопроводил Арта на железнодорожную станцию, где они сели на местный поезд и совершили короткую поездку на восточный край обода, к линии пригородных куполов. Под одним из куполов располагались склады «Уробороса», и прямо перед ним, среди многих других машин, стоял воистину гигантский

подвижный завод по переработке, названный «Чудовище». Рядом с ним «Супер-Рэтджис» выглядел как компактное авто. Это было скорее здание, а не машина, практически полностью роботизированное. Другое «Чудовище» уже работало, перерабатывая трос в западной части Фарсиды, — Арт планировал выдвинуться туда, чтобы проинспектировать его на месте. Так что Зафир и пара техников показали ему экспериментальную машину внутри и снаружи, закончив обзор в просторном отсеке на вершине, где были предусмотрены жилые комнаты для возможных посетителей.

Зафир с энтузиазмом рассказывал о находках на западе плато Фарсиды.

— Конечно, основной доход мы получаем за восстановление углеродных нитей и алмазного геля геликоидальных трубок, — говорил он. — Также мы неплохо справляемся с брекчиевидными уникальными преобразованиями в том полушарии, где завершилось падение. Но вас наверняка заинтересуют фуллерены. — Зафир был экспертом в крошечных углеродных геодезических сферах, называющихся бакминстерфуллеренами, и с энтузиазмом пел им дифирамбы. — Температура и давление в зоне падения в западной Фарсиде

оказались схожи с теми, что используют при производстве фуллеренов методом холодного синтеза. Теперь на стокилометровом отрезке углерод в нижней части кабеля состоит почти полностью из фуллеренов. Преимущественно шестидесятиатомных, но есть и тридцатиатомные, и несколько разновидностей супермолекулярных.

Некоторые из супермолекулярных комплексов образовались, когда атомы других элементов были заперты в углеродных структурах. И эти «заполненные фуллерены» могли бы пригодиться при производстве композитных материалов, но изготавливать в лабораториях их чрезмерно дорого, поскольку для этого требовалось много энергии. Так что это была хорошая находка.

— Ваша ионная хроматография понадобится, чтобы рассортировать весь набор супермолекулярных комплексов, — добавил Зафир.

— Ясно, — сказал Арт.

Он занимался ионной хроматографией, когда делал анализы в Грузии, — более удобного предлога, чтобы послать его в малонаселенные районы Марса, и быть не могло. Так что следующие несколько дней Зафир и другие техники учили Арта обращаться с «Чудовищем», а после этих занятий они вместе ужинали в маленьком

ресторане под пригородным куполом на восточном краю кальдеры. И каждый раз после заката они любовались великолепными видами на Шеффилд — тридцатикилометровую дугу, сияющую в сумерках, словно лампа, приколоченная к черной бездне.

Пока они ели и пили, разговор редко касался дел, связанных с проектом Арта, и, думая об этом, он решил, что его коллеги проявляют осознанную вежливость. «Чудовище» было полностью самоуправляемым, и хотя в процессе сортировки найденных «заполненных фуллеренов» оставалось еще много требующих решения проблем, на Марсе должны были быть операторы ионного хроматографа, которые могли бы справиться с работой. Не было никаких очевидных причин посылать на это дело Арта, значит, в его прибытии крылось нечто большее. Впрочем, группа избегала говорить об этом, избавляя Арта от необходимости лгать, растерянно пожимать плечами, или открыто заявлять о секретности миссии.

Любая из этих уловок заставила бы Арта чувствовать себя неловко, так что он с благодарностью принимал их тактичность. Тем не менее, разговоры всегда велись на некоторой дистанции. Вне вводных лекций он редко видел других

новоприбывших из «Праксиса», а больше никого в городе или где-либо еще на планете он не знал. Поэтому ему было одиноко, дни проходили в растущем ощущении беспокойства и даже подавленности. Он так и не распахивал шторы на окне и ел в ресторанах, расположенных подальше от края. Все начало его слегка утомлять, словно во время путешествия на «Ганеше», которое, как он понял, было жалким времяпрепровождением. Иногда ему приходилось бороться с неотступной мыслью, что прилетать сюда было ошибкой.

После последней вводной лекции, на приеме в главном здании «Праксиса», он выпил больше, чем ему было свойственно, и сделал несколько вдохов из высокой канистры с закисью азота. Вдыхание расслабляющих веществ было у местных в обычае, довольно распространенном. Как ему объяснили, у рабочих марсианских предприятий и в некоторых общественных мужских туалетах можно было купить небольшие баллончики с разным газом. Определенно, закись азота добавила еще немного опьянения к бокалу шампанского. Это было хорошее сочетание, словно арахис к пиву или мороженое к шарлотке.

Затем, хаотично прыгая, он вышел на улицы Шеффилда и ощутил, как азотистое шампанское

оказывает на него своего рода антигравитационный эффект, который наравне с марсианской силой тяжести заставлял его чувствовать необыкновенную легкость. По факту, на Марсе он весил порядка сорока килограммов, но, прогуливаясь, ощущал в себе не больше пяти. Очень странное, даже неприятное ощущение. Словно ходьба по скользкому льду.

Он едва не натолкнулся на высокого молодого человека: черноволосый юнец, стройный, как птица, и такой же изящный, быстро увернулся, а затем уравновесил его, положив ладонь на плечо, все — одним мягким непрерывным движением.

Парень посмотрел ему в глаза.

— Вы Артур Рэндольф?

— Да, — ответил удивленный Арт. — Это я. А вы кто?

— Я тот, кто контактировал с Уильямом Фортом, — ответил парень.

Арт пошатнулся, с трудом устояв на ногах. Молодой человек придерживал его в вертикальном положении с мягким нажимом, его ладонь на плече Арта была очень горячей. Он смотрел прямо и просто, по-дружески. Ему лет двадцать пять, рассудил Арт, может быть, меньше — привлекательный парень с темной кожей, четко

очерченными скулами, большими черными бровями и широко посаженными глазами, в которых было что-то азиатское. И умный взгляд, полный любопытства и какой-то трудно определимой притягательности.

Арт сразу же поверил ему, хотя не видел для этого причин. Это было просто чувство.

— Зови меня Арт, — сказал он.

— А я Ниргал, — ответил парень. — Давайте пройдем в Обзорный парк.

Арт последовал за ним вниз по заросшему травой бульвару к парку у края обода. Они пошли по дорожке возле городской стены. Ниргал выручал Арта на пьяных поворотах, просто стискивая его плечо и разворачивая в нужную сторону. В его хватке чувствовалось покалывание, как от электрических разрядов, а ладонь была такой горячей, будто у парня был жар, хотя его темные глаза оставались ясными.

— Зачем вы здесь? — спросил Ниргал, его голос и прямой взгляд придали вопросу дополнительную глубину. Арт ненадолго задумался.

— Помочь, — ответил он.

— Так вы присоединитесь к нам?

И снова что-то в сказанном несло дополнительный смысл, сделав вопрос основополагающим.

Арт ответил:

— Да. В любой момент, когда пожелаете.

На лице Ниргала мелькнула довольная усмешка, которую он не сразу смог подавить.

— Очень хорошо. Послушайте, я все сделаю по-своему. Ясно? Есть люди, которым это не понравится. Я хочу, чтобы вы проскользнули в нашу среду будто случайно. Вас это устраивает?

— Да, вполне, — Арт смущенно покачал головой. — В любом случае, я именно так все и планировал.

Ниргал остановился у смотровой площадки и пожал Арту руку. Его взгляд, такой открытый и решительный, создавал контакт иного рода.

— Хорошо. Спасибо. Тогда продолжайте заниматься своими делами. Отправляйтесь на свой проект переработки, и там вас подберут. Потом мы с вами еще встретимся.

И он ушел, направившись через парк к остановке трамвая длинными изящными скачками, которые, видимо, были свойственны всей местной молодежи. Арт уставился ему вслед, пытаясь воскресить все детали встречи и осознать, что же сделало ее такой насыщенной. Пожалуй, дело в выражении его лица: вместо той неосознанной напряженности, которую он видел порой

на лицах молодых людей, в нем была какая-то насмешливая сила. Арт вспомнил неожиданную ухмылку, промелькнувшую, когда он пообещал, что присоединится к ним, и сам ухмыльнулся.

Вернувшись в свою комнату, он прошел прямо к окну и распахнул шторы. Затем сел за стол, включил свой планшет и ввел в строку поиска «Ниргал». Человека с таким именем не существовало. Зато был городок Ниргал, расположенный между равниной Аргир и долиной Маринер. «Один из лучших на планете образцов прорезанных водой каналов», — гласила длинная и запутанная надпись. Само это имя было вавилонским названием Марса.

Арт снова подошел к окну и, вжавшись носом в стекло, уставился прямо в жерло вулкана, разглядывая каменное сердце этого монстра. Горизонтальные полосы изогнутой стены, широкая круглая равнина далеко внизу, острый край, где она врезается в отвесные скалы, — бесконечные оттенки бордового, ржавого, черного, коричневого, оранжевого, желтого, красного — неизменно красного, всех его вариаций… Он впервые впитал в себя все это без содрогания. Пока он смотрел в эту огромную скважину к сердцу планеты, к нему пришло новое чувство, заменившее страх,

он вздрогнул и запрыгал на месте в безумном танце. Он может выдержать этот вид. Он может выдержать гравитацию. Он встретил марсианина, члена подполья, юнца со странным обаянием, и, вероятно, увидит его снова, увидит их всех… Он на *Марсе*.

Несколько дней спустя его вездеход продвигался по западному склону горы Павлина. Узкая дорога тянулась вдоль полосы крошащегося вулканического щебня с подобием зубчатой железной дороги, бегущей вниз. Он выслал последнее закодированное сообщение Форту о том, что отправляется в путь, и впервые за все путешествие получил ответ: «Доброго пути».

Первый час поездки, как ему говорили, обещал подарить самые зрелищные виды: за перевалом через западный край кальдеры открывался внешний склон огромного вулкана. Это случилось километрах в шестидесяти к западу от Шеффилда. Добравшись до юго-западного края широкого плато, Арт уставился вниз. Горизонт вдруг очутился очень далеко под ним, а еще дальше — чуть выгнутая, подернутая дымкой белая полоса, словно Земля, какой она видится из иллюминатора космического корабля, что имело смысл, поскольку гора Павлина возвышалась над

равниной Амазония примерно на восемьдесят пять тысяч футов. Это действительно был потрясающий вид, самое веское из всех возможных напоминаний о колоссальных размерах вулканов Фарсиды! Кроме того, отсюда открывалась прекрасная панорама горы Арсия, самого южного из трех выстроившихся в одну линию вулканов на Фарсиде, нависающего слева над горизонтом, словно соседний мир. А вон то черное облако за дальним горизонтом на северо-западе вполне могло быть горой Олимп!

Словом, хотя в первый день Арт все время катился вниз, дух его витал высоко.

— Тото, мы больше не в Канзасе! Найдем волшебника на Марсе!

Дорога тянулась параллельно линии, прочерченной упавшим тросом. Западную часть Фарсиды он поразил с огромной силой — не с такой, конечно, как во время последнего оборота, но достаточной, чтобы создать интересные для исследования супермолекулярные комплексы. «Чудовище», к которому направлялся Арт, уже собрало кабель на этом участке, не оставив ничего, кроме старомодных рельсов с зубчатой рейкой посередине. «Чудовище» прокладывало путь, создавая его из углерода, извлеченного из

троса, а потом с помощью других его частей и магния, взятого прямо из почвы, делало маленькие автономные вагонетки, передвигавшиеся по зубчатому рельсу и доставлявшие переработанный груз обратно, вверх по склону горы Павлина, в отделения «Уробороса» в Шеффилде. «Какая аккуратная», — подумал Арт, глядя, как маленькая автоматизированная вагонетка проехала мимо в противоположном направлении. Черная и приземистая, вагонетка приводилась в движение простым мотором, ее груз в основном составляли углеродные нанонити, покрытые сверху большим алмазным блоком. Арт слышал о таком в Шеффилде и, увидев теперь, не удивился. Алмаз извлекали из двойных спиралей, усиливавших провод, и на самом деле эти блоки были гораздо дешевле, чем углеродная нанонить, сложенная под ними, — в общем-то, они служили чем-то вроде забавной крышки, но выглядели при этом весьма впечатляюще.

На второй день поездки Арт разменял огромный конус горы Павлина на типичную холмистую местность Фарсиды. Земля здесь была щедрее усыпана камнями и метеоритными кратерами, чем на склоне вулкана, и в придачу укрыта наносами снега и песка, смешанных, казалось,

поровну. Это был обледенелый склон западной Фарсиды, область, куда часто приходящие шторма сбрасывали массы никогда не таявшего снега, который лишь скапливался годами, утрамбовываясь все плотнее. До сих пор нагорье состояло из измельченного снега, называемого фирном, но через несколько лет нижние слои снега под давлением должны были превратиться в лед и стать склонами ледников.

Но пока еще склоны были обозначены валунами, выглядывающими из снега, и кольцами кратеров, в большинстве своем — меньше километра в диаметре, так что, если бы не укрывший их снег, можно было бы подумать, что удар произошел лишь накануне.

Арт уже за несколько километров заметил «Чудовище», перерабатывающее трос. Сначала над западным горизонтом замаячила его верхушка, а в течение следующего часа показалось и туловище. На огромном пустом склоне он выглядел гораздо меньше своего близнеца в Шеффилде, но когда Арт подъехал к нему вплотную, стало ясно, что размерами он не уступит городскому кварталу. С нижней его стороны имелась даже квадратная дыра, которая выглядела как обычный въезд на парковку. Арт повел свой вездеход

прямо в эту дыру — «Чудовище» передвигалось со скоростью три километра в день, так что особого труда это не представляло. Очутившись внутри, он проехал по извилистому пандусу, а потом через короткий туннель — в шлюз. Затем Арт связался по рации с искином «Чудовища», и двери за его вездеходом закрылись, а уже через минуту он поднимался на лифте на обзорную палубу.

Скоро выяснилось, что жизнь внутри «Чудовища» не предполагает обилия развлечений. Переговорив с офисом в Шеффилде, Арт спустился в лабораторию и взглянул на ионный хроматограф, а потом вернулся обратно в вездеход, чтобы немного осмотреться. Зафир заверил его, что при работе с «Чудовищем» все всегда обстояло именно так: вездеходы крутились поблизости, словно рыбы-лоцманы вокруг большого кита, и хотя с обзорной палубы открывался чудесный вид, большинство людей проводили почти весь день, разъезжая по округе.

Так Арт и поступил. Отрезок троса перед «Чудовищем» ясно давал понять, что здесь он ударил намного сильнее, чем позади, где его падение только начиналось. Он был погребен, наверное, на треть своего диаметра, цилиндр сплющило, а по краям бежали длинные трещины, обна-

жавшие внутреннюю структуру — множество скрученных углеродных нанонитей. Это был самый прочный из известных науке материалов, хотя, пожалуй, материал, из которого был сплетен трос нового лифта, был еще прочней.

«Чудовище», превосходя трос высотой раза в четыре, оседлало обломки: обуглившийся черный полуцилиндр исчезал в дыре в торце машины, откуда доносились ворчание и низкая, почти инфразвуковая вибрация. Ежедневно в одно и то же время, около двух часов дня, в задней части «Чудовища» открывалась дверь над непрерывно выползающими рельсами, и одна из покрытых алмазом вагонеток, сверкая в солнечном свете, выкатывалась и скользила прочь, к горе Павлина. Эти вагонетки скрывались за высоким восточным горизонтом примерно через десять минут после того, как были исторгнуты своим создателем.

Полюбовавшись ежедневным отправлением, Арт направлял свою вездеходную рыбу-лоцмана на исследование кратеров и больших, отдельно стоящих булыжников, а в действительности — на поиски Ниргала или на его ожидание. После нескольких таких дней у него появилась привычка надевать скафандр и в полдень на несколько

часов выходить наружу. Он прогуливался рядом с кабелем или рыбой-лоцманом, порой выбираясь дальше в окрестности.

Ландшафт казался странным не только из-за миллионов равномерно разбросанных черных камней, но и благодаря жесткому покрывалу из снега, слепленного в фантастические формы ветром-пескоструйщиком: кряжи, стволы, дупла, каплевидные хвосты за каждым голым камнем и так далее — заструга, так назывались эти образования. Было забавно бродить среди этих экстравагантных аэродинамических статуй из красноватого снега.

Так проходил день за днем. «Чудовище» медленно переползало на запад. Арт обнаружил, что продуваемые всеми ветрами голые вершины скал часто были окрашены крохотными снежинками, оказавшимися чешуйками быстрорастущего лишайника, который действительно рос очень быстро, по крайней мере, для лишайника. Арт подобрал пару камней в качестве образцов и отнес их в «Чудовище», где с интересом прочитал про лишайники. Очевидно, это были искусственно созданные криптоэндолиты, обычно обитающие в скалах, на этой широте они жили как раз на грани приемлемых для них условий. В статье

утверждалось, что свыше девяносто восьми процентов их энергии уходит просто на поддержание жизни и менее двух тратится на воспроизводство. По сравнению с земными видами, на основе которых их создали, это был значительный прогресс.

Прошла еще пара дней, затем недель, но что он мог сделать? Арт продолжал собирать лишайники. Один из найденных им криптоэндолитов, как утверждал планшет, принадлежал к первому виду, выжившему на поверхности Марса и сконструированному еще членами первой сотни. Арт разбил на части несколько камней, чтобы рассмотреть их получше, и нашел колонии лишайников, растущих на сантиметровом внешнем слое камня: прямо на поверхности желтая полоска, под ней голубая, потом зеленая. После этого открытия он часто останавливался во время прогулок, чтобы опуститься на колени и прислонить лицевую панель к цветным камням, выглядывающим из слоя снега, удивляясь жестким чешуйкам и их насыщенным пастельным цветам: желтым, оливковым, цвета хаки, цвета листвы, черным, серым.

Однажды днем он повел рыбу-лоцмана далеко на север от «Чудовища» и выбрался наружу, чтобы побродить по окрестностям, собирая образцы.

Когда он вернулся, то обнаружил, что дверь шлюза на боку вездехода не открывается.

— Что еще такое? — воскликнул он.

Прошло столько времени, и он уже забыл, что может случиться нечто непредвиденное. Очевидно, случайность приняла форму некой электронной неисправности. Если, конечно, это была именно случайность, а не… что-то другое. Он послал вызов по интеркому, испробовал все известные ему коды на панели у двери шлюза, но ничто не возымело эффект. И поскольку он не мог попасть в вездеход, то не мог активировать аварийные системы. Интерком в его шлеме имел весьма ограниченный радиус действия: фактически, в пределах поля зрения, что здесь, под горой Павлина, съеживалось до нескольких километров во всех направлениях. «Чудовище» находилось далеко за горизонтом, и хотя он мог бы пойти в ту сторону, на пути будет отрезок, когда вне горизонта окажутся сразу и «Чудовище», и рыба-лоцман, и он останется один в скафандре с ограниченным запасом кислорода…

Внезапно пейзаж с затвердевшими снежными гребнями приобрел чуждый, зловещий вид, мрачный даже в ярком свете солнца.

— Ну, ну, — пробормотал Арт, усиленно думая.

В конце концов, он тут для того, чтобы его подобрали люди из подполья. Ниргал говорил, что это будет выглядеть как случайность. Конечно, не обязательно именно эта случайность, но, как бы там ни было, паника тут не поможет. Лучше всего принять рабочую гипотезу, что проблема реальна, и отталкиваться от этого. Он может пойти пешком к «Чудовищу» или попробовать забраться внутрь вездехода.

Арт обдумывал ситуацию, барабаня по панели рядом с дверью шлюза, словно чемпион по скоростному набору, когда его хлопнули по плечу.

— Эй!.. — вскрикнул он, резко обернувшись.

Их было двое, в скафандрах и старых, поцарапанных шлемах. Женщина с ястребиным лицом, смотревшая так, будто вот-вот клюнет, и худощавый негр с серыми дредами, сбившимися к одному краю шлема, словно веревочная фоторамка из приморского ресторана.

Именно этот человек похлопал Арта по плечу. Потом он поднял три пальца и указал на консоль на своем запястье. Без сомнения, частота интеркома, которую они использовали. Арт переключился.

— Эй! — вновь прокричал он, почувствовав большее облегчение, чем следовало бы, учитывая,

что все это, вероятно, было подстроено Ниргалом, и на самом деле он был вне опасности. — Я не могу попасть в свою машину. Не подбросите меня?

Они уставились на него.

Смех мужчины прозвучал жутко.

— Добро пожаловать на Марс, — сказал он.

Часть третья

Дальний пробег

Часть третья
Дальний пробег

Энн Клейборн ехала вниз по отрогу Женева, останавливаясь через каждые несколько поворотов серпантина, чтобы выйти и взять образцы дорожной выемки. Трансмаринерское шоссе, заброшенное после 2061 года, исчезло под грязной рекой льда и камней, покрывающих дно каньона Копрат. Дорога стала археологической реликвией, тупиком.

Но Энн изучала отрог Женева. Он представлял собой отдаленный язык гораздо более длинной лавовой дайки[19]*, большая часть которой была погребена под плато на юге. Эта дайка была одной из нескольких: близлежащая гряда Мелас, гряда Фелис на востоке, гряда Солис на западе, все они шли перпендикулярно каньонам долины Маринер, и все были неясного происхождения. Когда южная стена каньона Мелас осела под воздействием трещин и эрозии, обнажился твердый камень одной дайки — это и был отрог Женева. Позднее*

---

[19] Примечания: 19
Дайка — трещина, заполненная магматическим расплавом.

он обеспечил швейцарцам идеальный уклон, чтобы проложить дорогу к стене каньона, а теперь обеспечил Энн прекрасными образцами обнаженной дайки. Возможно, эта и все остальные дайки были сформированы из концентрической сетки трещин, образовавшейся при подъеме Фарсиды. Но они могли быть и гораздо старше — остатки модели долин и хребтов древнейшей эпохи, когда планета еще расширялась под воздействием внутреннего жара. Определение возраста базальта в основании дайки, так или иначе, помогло бы ответить на этот вопрос.

Энн медленно вела свой марсоход вниз по покрытой льдом дороге. Передвижение марсохода можно было заметить из космоса, но ее это не волновало. В прошлом году она исколесила южное полушарие, не предпринимая особых предосторожностей, кроме разве что тех случаев, когда приближалась к одному из скрытых убежищ Койота для того, чтобы пополнить припасы. И ничего не происходило.

Доехав до подножия отрога, она остановилась неподалеку от реки льда и камня, заполнившей дно каньона. Затем она выбралась из машины и геологическим молотком отколола образец с нижнего края последней выемки. Думая лишь о

базальте, она повернулась спиной к огромному леднику. Прямо перед ней к солнцу поднималась дайка — идеальный пандус, ведущий на вершину скалы: около трех километров над Энн и еще пятьдесят южнее. По обеим сторонам отрога громадный южный обрыв каньона Мелас скручивался в гигантский бассейн, а потом вновь поднимался меньшими выступами: небольшой точкой на горизонте слева и массивным утесом в шестидесяти километрах справа, Энн назвала его мыс Солис.

Энн давным-давно предсказывала, что за любым повышением влажности в атмосфере последует стремительный рост эрозии, и теперь по обеим сторонам отрога она видела свидетельства своей правоты. Впадина между отрогом Женева и мысом Солис всегда была глубокой, но несколько недавних оползней указывали, как быстро она стала расти. Тем не менее, даже самые новые сколы, равно как и остальные наслоения утеса, были покрыты льдом. Словно каньоны Брайс и Сион после снегопада: слои красного, чередующиеся с белым.

В паре километров к западу от отрога Женева, параллельно ему, по дну каньона тянулся низкий черный кряж. Заинтересованная Энн пошла туда.

При ближайшем рассмотрении низкий кряж оказался высотой всего по грудь и действительно состоял из того же базальта, что и отрог. Она вынула свой молоток и ударила, чтобы взять образец.

Краем глаза она заметила движение и мигом вскочила на ноги. Мыс Солис потерял свой нос, у его подножия вздымалось красное облако.

Оползень! Энн запустила таймер на запястье, молниеносно опустила прибор ночного видения на забрало гермошлема и выкрутила фокус, пока мыс не стал четко различим. Новый черный слой, обнажившийся после разлома, шел почти вертикально. Возможно, это охлаждающий канал дайки, если, конечно, там проходит дайка. Камень выглядел как базальт. И, похоже, разлом тянулся по всей длине утеса — целых четыре километра.

Обрыв исчез в поднимающемся облаке пыли, расширявшемся грибовидно, будто там взорвали атомную бомбу. За четко различимым «бум» последовал не то слабый рев, не то отдаленный гром. Энн снова бросила взгляд на запястье: немногим меньше четырех минут. Скорость звука на Марсе составляла 252 метра в секунду, так что дистанция в шестьдесят километров

подтвердилась. Она наблюдала оползень практически с первой секунды.

Чуть дальше точно так же обрушилась еще часть скалы, без сомнения, потревоженная ударной волной. Но по сравнению с первым оползнем, насчитывавшим миллионы кубических метров камня, это выглядело маленьким камнепадом. На самом деле ей невероятно повезло увидеть один из больших оползней — большинство ареологов и геологов вынуждены были довольствоваться взрывами или компьютерными симуляциями. Провели бы они пару недель в долине Маринер, и их проблемы были бы решены.

Вот у края ледника появилась, скользя по земле, низкая темная масса с перекатывающимся над ней облаком пыли — как в покадровой съемке приближающегося грозового фронта со звуковыми и прочими эффектами. Оползень проделал очень длинный путь от самого края мыса. Энн вдруг с изумлением поняла, что стала свидетельницей странного феномена — дальнепробежного оползня, одной из нерешенных геологических загадок. Подавляющее большинство оползней, двигаясь горизонтально, проходили расстояние в два раза меньше своего размера, но некоторые гиганты словно бросали вызов закону трения, преодолевая

расстояния, в десять, а иногда даже в двадцать и тридцать раз превышающие их вертикальный срез. Их называли дальнепробежными оползнями, и никто не знал, почему так происходит. Оползень с мыса Солис составлял четыре километра и должен был пройти не больше восьми. Но он был уже почти у основания Меласа и двигался вниз по каньону прямо к Энн. Если он пройдет еще пятнадцать своих размеров, то проедет прямо по ней и врежется в отрог Женева.

Она сфокусировала прибор ночного видения, чтобы четче видеть передний край оползня, который казался просто темной мешаниной под опадающим пыльным облаком. Поднимая руки к шлему, она ощутила, как они трясутся, но больше не почувствовала ничего. Ни страха, ни сожалений — ничего, кроме облегчения. Все, наконец, кончится, и это будет не ее вина. Никто не сможет ее обвинить. Она всегда говорила, что ее убьет терраформирование. Энн коротко рассмеялась, а потом прищурилась, пристально вглядываясь в край оползня. Согласно последней общепринятой гипотезе, объясняющей подобного рода оползни, камень съезжал вниз на заключенной под ним воздушной подушке, но после того, как долгое скольжение было зафиксировано на

Луне и Марсе, эту теорию поставили под сомнение, и Энн соглашалась с теми, кто утверждал, что пойманный оползнем воздух очень быстро уйдет вверх. Тем не менее, вряд ли тут обходилось без какого-то скользящего материала, и другие гипотезы предлагали слои расплавленного камня, раскалившегося от трения оползня, акустические волны, вызванные его шумом, или просто крайне энергичное движение частиц на его дне. Но ни одна их них не была полностью доказана. Сейчас Энн была близка как никогда к разгадке этого феномена.

Укрытая пыльным облаком, приближающаяся масса не подтверждала ни одну из гипотез. Она определенно не светилась как расплавленная лава, и хотя издавала много шума, невозможно было понять, был ли этот шум достаточным, чтобы заставить оползень двигаться на собственных звуковых волнах. Как бы там ни было, он приближался, и неважно каким образом. Вероятно, у нее появился шанс лично исследовать проблему, правда, ее последний вклад в геологию будет утрачен в момент открытия.

Она взглянула на запястье, удивившись тому, что прошло уже двадцать минут. Все знали, что оползни движутся быстро: скорость оползня Бл-

экхоук в Мохаве достигала 120 километров в час, хотя он съезжал по склону с очень небольшим уклоном. Впрочем, гряда Мелас имела еще меньший уклон, и передний край оползня приближался очень быстро. Шум становился все сильнее, будто прямо над головой разразилась гроза. Облако пыли уже скрывало полуденное солнце.

Энн повернулась и взглянула на ледник долины Маринер. Несколько раз во время прорыва водоносного слоя, заполнявшего великий каньон, она едва не погибла там. Фрэнк Чалмерс был убит таким прорывом и погребен где-то во льдах далеко отсюда. Его смерть стала следствием ее ошибки, и чувство вины никогда ее не покидало. Ее минутная невнимательность обернулась катастрофой, такой ошибкой, которую уже не исправить.

А потом умер Саймон, погребенный под лавиной своих белых кровяных телец. Теперь настала ее очередь. Облегчение было таким острым, что причиняло боль.

Она посмотрела на сход оползня. Камни, различимые у его основания, казалось, прыгали, а не катились друг через друга, словно разбившаяся волна. Очевидно, они действительно двигались по какой-то скользкой поверхности. Геологи находи-

ли практически нетронутые участки на вершине оползней, которые проходили много километров, так что это было лишь подтверждением уже известных фактов. Но смотрелось все это действительно необычно, даже сюрреалистически: низкий земляной вал, двигающийся по поверхности не перекатываясь, словно по мановению волшебной палочки. Земля под ногами завибрировала, и Энн вдруг поняла, что руки ее сжаты в кулаки. Она подумала о Саймоне, который сражался со смертью даже в свои последние часы, и шумно выдохнула. Казалось неправильным стоять тут, так радостно приветствуя конец. Она знала, что он бы это не одобрил. Словно отдавая дань его памяти, она отошла за лавовую дайку и опустилась на колени. Шероховатое зерно базальта оставалось тусклым в коричневом свете. Энн почувствовала сильную вибрацию и посмотрела наверх, в небо. Она сделала все, что могла, никто не станет ее винить. Да и в любом случае рассуждать так — глупо: никто никогда не узнает, что она тут делала, даже Саймон. Он умер. А Саймон внутри нее никогда не перестанет ее изводить, что бы она ни делала. Так что пришло время отдохнуть и быть благодарной. Облако пыли перекатилось через низкую дайку, ударил резкий

порыв ветра…

Бум! Ее опрокинуло навзничь ударной волной, подхватило и потянуло по дну каньона, бросило, закидало камнями. Она поднялась на четвереньки в темном облаке, вокруг клубилась пыль, грохотали камни, заполняющие все вокруг, а земля тряслась, словно дикий зверь…

Вдруг все стихло. Она по-прежнему стояла на четвереньках, чувствуя сквозь перчатки и наколенники холодный камень. Порывы ветра медленно разгоняли пыль. Энн и сама была покрыта пылью и маленькими осколками камня.

Дрожа всем телом, она встала. Ладони и колени болели, а одна коленная чашечка занемела от холода. Кисть левой руки была растянута. Она шагнула к дайке, заглянула за край. Оползень остановился примерно в тридцати метрах от нее. Земля в этом промежутке была заполнена обломками камней, но сам оползень представлял собой черную стену измельченного базальта высотой в двадцать — двадцать пять метров, опрокинутую назад под углом примерно в сорок пять градусов. Если бы Энн осталась стоять на дайке, ее бы смело ветром насмерть.

— Будь ты проклят, — сказала она Саймону.

Северная граница оползня врезалась в ледник

Меласа, растопив лед и смешавшись с ним в кипящем желобе камней и грязи. Пыль мешала рассмотреть детали. Энн перешла через дайку и направилась к основанию оползня. Камни внизу все еще были горячими. Казалось, они повреждены не больше, чем камни наверху. Энн глядела на новую черную стену, в ушах у нее звенело. «Так нечестно», — подумала она.

«Нечестно».

Она пошла назад, к отрогу Женева, чувствуя слабость и оцепенение. Ее машина все так же стояла в тупиковом ответвлении дороги, запыленная, но, очевидно, целая. Очень долго Энн не могла прикоснуться к ней. Она смотрела назад, на длинную дымящуюся массу оползня — черный ледник рядом с белым. Наконец, она открыла шлюз и нырнула внутрь. У нее не было выбора.

Энн каждый день понемногу продвигалась вперед, потом выходила из машины и шагала по поверхности планеты, упорно, как робот. Она просто выполняла свою работу.

По обе стороны возвышенности Фарсиды располагались впадины. С восточной стороны лежала равнина Амазония, низкая долина, глубоко вдающаяся в южные взгорья. На востоке — озеро Хриса, впадина, бежавшая от равнины Аргир через Жемчужный залив и равнину Хриса, самая глубокая точка. Озеро было примерно на два километра ниже окружающих земель и всей хаотической поверхности Марса, там располагались самые древние трещины.

Энн вела машину на восток вдоль южного окоема долины Маринер, пока не очутилась между долиной Ниргал и хаосом Золотой Рог. Она остановилась пополнить запасы в убежище под названием Дольмен Тор, куда Мишель и Касэй отвезли их во время побега в 2061 году. Вид маленького убежища не встревожил ее, она едва его помнила. Все ее воспоминания постепенно стирались, и Энн это устраивало. На самом деле она осознанно работала над этим, концентрируясь на настоящем так сильно, что даже оно ускользало от нее. Каждый момент становился вспышкой

света в тумане, словно образы, проявляющиеся в ее голове.

Конечно, озеро появилось раньше хаоса и раньше трещин, которые, без сомнения, и возникли именно благодаря водоему. Возвышенность Фарсиды служила бесконечным источником дегазации горячего центра планеты: все радиальные и концентрические изломы вокруг источали горячие испарения. Вода в рыхлом реголите бежала вниз, во впадины по обе стороны возвышенности. Возможно, сами эти впадины были прямым следствием образования возвышенности: вещество литосферы прогнулось по краям, когда его изнутри толкало вверх. А может быть, под впадинами истончилась мантия, тогда как под возвышенностью она пошла складками. Стандартные модели теплообмена подтверждали эту теорию: в конце концов, подъем шлейфа должен был где-то закончиться спуском, его края обязаны были загнуться и прижать расположенную ниже литосферу.

Вода же в рыхлом реголите как обычно бежала вниз, наполняя впадины, пока водоносные слои не прорвало и поверхность над ними не треснула. Так образовались каналы и хаос. Эта рабочая модель была сильной и правдоподобной, объяс-

няющей многие особенности.

День за днем Энн ехала, искала подтверждения, объясняющие теплообмен в мантии, образовавший озеро Хриса, бродила по поверхности планеты, проверяя старые сейсмографы и собирая образцы. Стало сложно продвигаться дальше на север: поднятие пласта в 2061 году практически заблокировало путь, оставив лишь узкий участок между восточным концом большого ледника Маринера и западной частью меньшего ледника, заполнившего долину Арес. Этот участок был единственной возможностью пересечь экватор не по льду восточнее Лабиринта Ночи, который лежал в шести тысячах километрах отсюда. Поэтому здесь сделали дорогу и лыжную трассу, а также установили довольно большой купол на краю кратера Галилей. К югу от Галилея самая узкая часть участка составляла всего четыре километра в ширину: годная для передвижения равнина, лежащая между восточным рукавом хаоса Гидасп и западной частью хаоса Арам. Было сложно двигаться через эту зону, не упуская из виду дорогу, так что Энн осторожно вела машину по краю хаоса Арам, глядя вниз, на беспорядочный пейзаж.

К северу от Галилея стало проще, а потом она

выехала за пределы участка, на равнину Хриса. Это был центр впадины с гравитационным потенциалом -0.65: самое легкое место на планете, легче даже Эллады и равнины Исиды.

Как-то раз она въехала на вершину одиноко стоящего холма и увидела в центре Хриса ледяное море. Длинный ледник бежал от долины Симуд и вливался в низшую точку Хриса, покрывая землю вплоть до горизонта на севере, северо-востоке и северо-западе. Она медленно повела машину, огибая западное, а потом северное побережья. Ледяное море насчитывало порядка двухсот километров в диаметре.

Однажды ближе к вечеру она остановилась на почти стершемся краю кратера и посмотрела на обширное пространство колотого льда. В 2061 году произошло активное обнажение пород. В те дни у повстанцев было много интересной ареологической работы: искать водоносные слои и направлять взрывы или расплавления в реакторах туда, где гидростатическое давление было наивысшим. И похоже, они использовали множество ее открытий.

Все это было в прошлом. Здесь и сейчас есть лишь ледяное море. Старые сейсмографы, которые подобрала Энн, имели записи недавних

подземных толчков на севере, где проявлялась небольшая сейсмическая активность. Возможно, таяние северной полярной шапки провоцировало движение сжатой литосферы вверх, запуская целую серию марсотрясений. Волнения, записанные сейсмографами, были короткими и прерывистыми, больше похожими на взрывы, чем на настоящие марсотрясения. Энн еще много вечеров подряд заинтригованно изучала экран бортового компьютера.

День за днем она ехала и бродила по поверхности. Она миновала ледяное море и поехала дальше на север, к Ацидалийской равнине.

Великие равнины северного полушария обычно описывались как плоские, и по сравнению с хаосами или северными взгорьями они такими и были. Но они не были плоскими как футбольное поле или поверхность стола — совсем нет. Повсюду на волнистом пространстве виднелись торосы и низины, хребты разрушающейся породы, складки оползшего мягкого грунта, огромные поля булыжников, отдельно стоящие скалистые вершины, карстовые воронки… Вид был внеземной. На Земле почва заполнила бы впадины, ветер, вода и растительная жизнь сгладили бы голые вершины холмов. Потом все это было

бы погребено, или стерто до основания ледяными пластинами, или, наоборот, приподнято вследствие тектонической активности; все бы регулярно менялось и перестраивалось с течением времени, но всегда сглаживалось бы погодой, флорой и фауной. А эти древние гофрированные равнины, продырявленные метеоритами, не менялись миллиарды лет. Причем это были одни из самых юных поверхностей Марса.

Ехать по такой шероховатости было сложно, а вот заблудиться во время прогулок ничего не стоило, учитывая, что марсоход выглядел как один из множества разбросанных повсюду булыжников. Тем более если внимание рассеивалось. Не раз Энн приходилось искать марсоход по радиосигналу, а не по внешнему виду, иногда она подходила к нему вплотную, не узнавая, и лишь потом приходила в себя и забиралась внутрь с трясущимися после каких-то забытых уже мыслей руками.

Лучшие проездные пути лежали вдоль низких гребней обнаженной породы. Если бы эти высокие базальтовые дороги можно было соединить друг с другом, стало бы намного проще. Но они часто были разбиты поперечными разломами: узкие поначалу трещинки становились потом

глубже и шире, и чем дальше, тем их становилось больше. Они раскрывались, словно ломти нарезанного хлеба, пока не превращались в открытые разломы, наполненные каменными обломками и частицами, и дайка снова становилась частью усеянного булыжниками поля.

Она продвигалась дальше на север, к Великой Северной равнине. Ацидалийская равнина, Северная равнина… древние названия звучали так странно. Энн всеми силами пыталась не думать, но в долгие часы за рулем это порой было невозможно. В такие минуты было безопаснее читать, чем пытаться и дальше держать разум опустошенным. Иногда она наугад листала библиотеку искина. Чаще всего кончалось все тем, что она таращилась на ареологические карты, и однажды вечером, на закате, во время такого разглядывания, она проникла в суть марсианских названий.

Оказалось, что большую их часть придумал Джованни Скиапарелли. На своих картах, построенных с помощью телескопа, он обозначил свыше сотни видимых объектов, большинство из которых были так же иллюзорны, как и марсианские каналы. Но когда во второй половине двадцатого века астрономы уточняли карту видимых

неоспоримых объектов, которые можно было сфотографировать, большинство названий, данных Скиапарелли, оставили. Это была дань той силе разума, которой он обладал, дань памяти, пусть даже при отсутствии полного соответствия. Он был классическим ученым, последователем библейской астрономии, и среди данных им названий было много латинских и греческих, отсылок и к Библии, и к Гомеру, все сразу. Тем не менее, у него было хорошее чутье на имена. Доказательством его таланта стал контраст между его картами Марса и множеством других, которые конкурировали друг с другом в девятнадцатом веке. Карта англичанина по имени Проктор, к примеру, опиралась на зарисовки преподобного Уильяма Доуса, и поэтому на его карте, которая даже близко не походила на стандартную карту видимого с Земли Марса, был континент Доуса, океан Доуса, пролив Доуса, море Доуса и разветвленный залив Доуса, а также Просторное море, океан Де Ла Рю и море Пива. Хотя надо признать, последнее было названо в честь немца со схожей фамилией, который нарисовал карту Марса еще хуже, чем это сделал Проктор. В сравнении с ними Скиапарелли был гением.

Но весьма непоследовательным. Было что-то

не то, что-то опасное в этом смешении отсылок. Все объекты на Меркурии были названы именами великих художников, объекты на Венере — в честь знаменитых женщин, которые однажды прилетят и будут разъезжать по тамошней земле, чувствуя, что живут в логичном мире. И только на Марсе собралась ужасающая мешанина призраков прошлого. Возможно, это и являлось причиной катастрофической путаницы на поверхности планеты: озеро Солнца, Золотая долина, Красное море, гора Павлина, озеро Феникса, Киммерия, Аркадия, Жемчужный залив, Гордиев Узел, Стикс, Аид, Утопия…

В темных дюнах Великой Северной равнины ее припасы подошли к концу. Сейсмографы фиксировали ежедневные толчки на востоке, и Энн ехала туда. Во время пеших прогулок она изучала темно-красные песчаные дюны, их наслоения вскрывали климат прошлого, словно годовые кольца на дереве. Но снег и сильные ветры сметали хребты дюн. Западные ветры могли быть невероятно сильными, настолько, что подхватывали слои крупнозернистого песка и бросали их в машину. Песок всегда оседает дюнами, таков простой физический факт, но дюны Марса медленно набирали темп в своем шествии по всему

миру, и записи, сделанные ими в прежние годы, постепенно уничтожались.

Энн гнала последнюю мысль прочь из головы и изучала феномен, как если бы в его ход не вмешивались никакие искусственные силы. Она концентрировалась на своей работе, очищала геологический молоток и брала пробы камня. Прошлое дробилось по кусочку. Оставь его позади. Не думай о нем. Но она не раз резко просыпалась, видя надвигающийся на нее дальнепробежный оползень. И окончательно вставала, потная и дрожащая, встречая раскаленный рассвет: солнце пылало, словно кусок серы.

Койот оставил ей карту своих тайников на севере, и теперь она приближалась к одному из них, скрытому в куче камней высотой с дом. Она пополнила запасы, оставив короткую благодарственную записку. Согласно последнему маршруту, переданному ей Койотом, он должен был появиться здесь уже скоро, но пока тут не наблюдалось и следа его присутствия, так что не было смысла ждать. Она поехала дальше.

Она ехала и шла пешком. Но ничего не могла с собой поделать: воспоминание об оползне преследовало ее. Ее мучило не столько то, что она прошла на волосок от смерти, — что, без со-

мнения, случалось много раз и раньше, причем большинство случаев она даже не заметила, — а то, насколько случаен был ее последний раз. Он был бессмысленен и неуместен, чистое совпадение. Акцентированное равновесие при его отсутствии. Следствие, которому не было причин, незаслуженное милосердие. Она много времени проводила под открытым небом, постоянно подвергаясь воздействию радиации, но от рака умер Саймон. Это она уснула за рулем, но погиб Фрэнк. Просто по воле случая — случайная жизнь и случайная смерть.

Трудно было поверить, что в подобной вселенной может действовать естественный отбор. Под ее ногами, во впадинах между дюнами, на песчинках размножались архебактерии, но атмосфера быстро насыщалась кислородом, и все они умрут, кроме тех, которым повезет оказаться под землей, подальше от кислорода, — хотя они сами его выделяли, он был для них ядовит. Естественный отбор или случайность? Вот ты стоишь, вдыхая смесь газов, пока смерть несется на тебя, а в итоге ты либо покрыт булыжниками и мертв, либо покрыт пылью и жив. И ничего из сделанного тобой не повлияет на исход этого или-или. Ничего из сделанного тобой не имеет

значения. Однажды днем, бессистемно читая с экрана искина, чтобы развлечься до ужина, она узнала, что царская полиция хотела казнить Достоевского, но спустя несколько часов ожидания в очереди его отвели обратно в камеру. Закончив читать об этом случае, Энн еще долго сидела на водительском сиденье, положив ноги на приборную панель и вглядываясь в экран. Еще один аляповатый закат лился на нее сквозь окна марсохода, солнце казалось причудливо-большим и ярким в утолщающемся слое атмосферы. Приговор отменили, как заявлял автор в простом всеведении биографа. Эпилептик, склонный к насилию и отчаянию. Он не смог примириться с этим. Вечно злой. Боязливый. Одержимый.

Энн покачала головой и рассмеялась, разозлившись на писателя-идиота, который просто ничего не понял. Конечно же, он не смог примириться с этим. Это бессмысленно. Это опыт, примириться с которым нельзя.

На следующий день на горизонте показалась башня. Энн остановила марсоход и уставилась на нее через телескоп. Позади башни стояли клубы пыли. Сотрясения, которые регистрировал сейсмограф, были теперь очень сильны и несколько сместились к северу. Она даже

почувствовала один сама, — учитывая амортизационные механизмы машины, это значило, что они действительно были очень сильными. И, по-видимому, имели какое-то отношение к башне.

Энн выбралась из машины. Вечерело, небо выгибалось огромной аркой яростных цветов, солнце низко висело в туманной дымке на западе. Свет будет падать из-за спины, и увидеть ее будет очень сложно. Она прокралась между дюн, взобралась на одну из вершин и проползла последние метры, после чего взглянула из-за гребня на башню, высившуюся теперь всего в километре к востоку. Увидев, как близко основание башни, Энн вжала подбородок в песок, вклинившись между осколками лавы размером с гермошлем.

Там находилось что-то вроде мобильной сверлильной установки, только очень большой. Массивное основание было окаймлено гигантскими гусеницами вроде тех, которые используются для транспортировки больших ракет по территории космопорта. Сверлильная башня поднималась от этого колосса больше чем на шестьдесят метров, а основание и нижняя часть установки, очевидно, содержали помещения для техников, оборудование и припасы.

За этой штукой, чуть дальше к северу, видне-

лось море льда. Рядом со сверлильной установкой прямо изо льда поднимались хребты больших барханов: сначала ухабистый пляж, дальше — сотня изогнутых полумесяцем островов. Но через пару километров дюны исчезали, оставался только лед.

Лед этот был чистым, без примесей — полупрозрачный багрянец под закатным небом, — чище любого льда, какой она видела на поверхности Марса, и гладкий, не потрескавшийся, как все ледники. Поднимавшийся от него легкий пар тут же уносило ветром к востоку. А на льду, словно муравьи, катались люди в прогулочниках и гермошлемах.

Все стало ясно в тот момент, когда она увидела лед. Давным-давно она сама подтвердила гипотезу большого удара, которая рассматривала дихотомию между полушариями. Низкая, гладкая северная полусфера являлась гигантским ударным кратером, результатом едва ли представимого столкновения Марса с громадным планетоидом в доисторические времена. Камень планетоида, который не испарился при столкновении, стал частью Марса. Кстати, в научной литературе приводилось множество аргументов в пользу того, что периодические

подвижки в коре, вызывавшие образование возвышенности Фарсиды, стали поздним следствием возмущений, вызванных столкновением. Энн сомневалась в этом, но было очевидно, что большое столкновение состоялось, оно сгладило поверхность всего северного полушария, понизив ее примерно на четыре километра по отношению к южному. Впечатляющий удар, пусть и произошедший невероятно давно. Удар сопоставимой силы, скорее всего, породил из Земли Луну. Однако некоторые не соглашались с теорией удара, утверждая, что если бы с Марсом произошло подобное, у него был бы спутник, сопоставимый по размерам с Луной.

Но теперь, пока Энн лежала, распластавшись, и рассматривала гигантскую сверлильную установку, она поняла, что северное полушарие было даже ниже, чем это казалось поначалу, поскольку его скалистое основание лежало удивительно глубоко, в пяти километрах под поверхностью дюн. Удар проник на эту глубину, а затем впадина была снова заполнена: смесью выбросов от столкновения, принесенными с ветром песком и осколками камня, остатками новых столкновений, эрозионными массами, соскальзывавшими вниз по уклону Большого Уступа, и водой. Именно

водой, искавшей, как всегда, самую низкую точку. Влагой из ежегодного морозного покрывала и из древних прорывов водоносного слоя, — влагой, которая испарялась из покореженного скального основания и растапливалась с вершины полярной шапки, — вся она, очевидно, стекала в данную глубокую область и собиралась, формируя воистину колоссальный подземный резервуар. Лед и жидкий бассейн, опоясывавшие планету, лежали подо всей территорией к северу от шестидесятой широты, кроме (какая ирония!) островка скального основания, на котором как раз и возвышалась полярная шапка.

Энн сама много лет назад открыла это подземное море, и по ее прикидкам, около 60–70 % воды на Марсе было сконцентрировано именно здесь. Это был, фактически, Северный океан, о котором говорили некоторые терраформаторы, глубоко скрытый и преимущественно замороженный, смешанный с рыхлыми поверхностными образованиями и плотными мелкими частицами. Океан вечной мерзлоты, — немного жидкости сохранилось лишь внизу, у самого скального основания, — был заперт здесь навсегда, так, по крайней мере, ей казалось. Сколько бы тепла терраформаторы ни передавали поверхности

планеты, океан вечной мерзлоты не мог таять быстрее, чем на метр в тысячелетие. И даже когда он растает, то все равно останется под землей, такова уж суть гравитации.

Итак, перед ней была бурильная установка. Они добывали воду. Напрямую разрабатывали водоносные слои, плавили океан вечной мерзлоты взрывами, может, даже ядерными взрывами, а потом собирали жидкость и выкачивали ее на поверхность. Вес рыхлого реголита должен был помогать проталкивать жидкость вверх по трубам. Вес воды на поверхности помогал еще сильнее. Если существуют другие бурильные установки, подобные этой, они смогут выкачать на поверхность невообразимое количество воды. В конечном итоге у них получится мелкое море. Оно застынет и на некоторое время снова станет ледяным морем, но при прогреве атмосферы, солнечном свете, действии бактерий и усиливающихся ветрах опять растает. Тогда появится Северный океан. Старая Северная равнина, с ее окутывающими весь мир черно-красными дюнами, станет дном. Она будет затоплена.

В сумерках, неуклюже ступая, Энн вернулась к марсоходу. Еле управилась со шлюзом, с трудом сняла шлем. Забравшись внутрь, она села перед

микроволновкой и не двигалась больше часа. В ее голове мелькали разные образы: муравьи, горящие под увеличительным стеклом, муравейник, тонущий в грязевой запруде… Она полагала, что уже ничто не может тронуть ее в предпосмертном существовании, которое она вела, но ее руки дрожали, и она с отвращением смотрела на рис и семгу, остывающие в микроволновке. Красный Марс умер. Ее желудок сжался в комок. В случайном потоке вселенской непредсказуемости ничто не имело значения. И все же, все же…

Она поехала прочь, не придумав, что еще ей делать. Она возвращалась на юг, поднимаясь по пологим склонам равнины Хриса и его ледяного моря. Рано или поздно здесь будет залив океана. Энн сконцентрировалась на своей работе или, по крайней мере, попыталась. Она заставляла себя не видеть ничего, кроме камней, и думать, как камень.

Однажды она выехала на равнину, покрытую черными булыжниками. Местность была более гладкой, чем обычно, горизонт — в привычных пяти километрах от нее, — картина, знакомая по Андерхиллу и остальным низменностям. Маленький мир, заполненный черными булыжниками, похожими на окаменелые мячи из разных игр,

только черные, и все — граненые в той или иной степени. Это были вентифакты[20].

Энн выбралась из машины и прогулялась вокруг, осматриваясь. Камни притягивали ее, и она ушла далеко на запад.

Фронт низких облаков катился над горизонтом, Энн чувствовала порывы ветра. В преждевременной темноте вдруг заштормившего полудня каменистое поле обрело причудливую красоту. Она стояла в струе тусклого воздуха, несущегося меж двумя полями комковатой черноты.

Это был базальт, отшлифованный ветрами с одной, обнаженной стороны так, что сторона стала плоской. Возможно, этот процесс занял миллионы лет. А потом ветер сдул слой подложки, или редкое марсотрясение потревожило участок, и камни сместились, обнажив другую свою сторону. И все началось сначала. Новая грань будет медленно полироваться неустанным скребком из абразивов размером с микрон, пока равновесие камней не нарушится еще раз или пока не упадет метеорит. И тогда все повторится опять. Каждый камень на поле переворачивался примерно раз

---

[20] Примечания: 20

Вентифакты (от *лат.* ventus — ветер и factum — действие) — доказательство воздействия ветра на различные твердые компоненты среды (истертая галька, отполированные зерна песка).

в миллион лет, а потом лежал спокойно под ветром день за днем, год за годом. Тут были камни с одной гранью, с тремя, с четырьмя, с пятью и так далее, вплоть до совершенных форм шестигранников, октаэдров, додекаэдров. Вентифакты. Энн поднимала их один за другим, размышляя, сколько лет заключено в их плоских сторонах, и спрашивая себя, может ли и ее разум быть так же сглажен, чтобы целые участки стерло до основания временем.

Пошел снег. Сначала кружащиеся снежинки, потом — мягкие хлопья, стекающие с неба вместе с ветром. Было относительно тепло, и снег был мокрым, затем он стал слякотным, а позже превратился в мерзкую смесь мокрого снега и града, закручиваемого порывами сильного ветра. По мере того, как буря разрасталась, снег становился очень грязным. Очевидно, его уже долго мотало между землей и небом, и он вбирал в себя мелкие частицы пыли и смога, затем влага кристаллизовалась и уходила наверх с очередным порывом ветра в грозовую тучу, чтобы снова упасть вниз, и так — пока снег не стал практически черным. Черный снег. С неба падала застывшая грязь, заполняя дыры и пробелы между вентифактами, покрывая их сверху, скатываясь с их граней,

словно сильный ветер вызвал сход миллиона маленьких лавин. Энн бесцельно шла, пошатываясь, пока не подвернула лодыжку и не остановилась. Она дышала с трудом, в каждой затянутой в перчатку ладони было стиснуто по камню. Она поняла, что оползень до сих пор не окончил свой дальний пробег. И грязный снег сыпался из черного воздуха, погребая под собой равнину.

Но ничто не вечно: ни камень, ни отчаяние.

Энн вернулась в машину, сама не зная, как и зачем. Она понемногу ехала каждый день и неосознанно вернулась к тайнику Койота. Целую неделю она бродила по окрестным дюнам, с трудом заставляя себя есть.

А потом она услышала:

— Энн, ы есь ешь?

Она поняла только слово «Энн». Шокированная вернувшейся к ней глосолаллией[21], она прижала обе руки к микрофону и попыталась говорить. Но смогла издать лишь какой-то сдавленный звук.

— Энн, ы есь ешь?

Это был вопрос.

— Энн, — выдавила она.

Десять минут спустя он уже был у нее в машине и тянулся, чтобы обнять ее.

— Как давно ты здесь?

— Не… недавно.

Они сели. Энн попыталась собраться. Это все

---

[21] Примечания: 21

Речь, состоящая из бессмысленных слов и словосочетаний, имеющая некоторые признаки осмысленной речи (темп, ритм, структура слога, относительная частота встречаемости звуков); речь со множеством неологизмов и неправильным построением фраз. Наблюдается у людей в состоянии транса, во время сна, при некоторых психических заболеваниях.

равно что думать, только думать громко. Несомненно, она все еще думала словами.

Койот все говорил, может быть, чуть-чуть медленнее, чем обычно, и пристально смотрел на нее.

Она спросила его про буровую установку.

— А, я как раз гадал, не наткнешься ли ты на одну из них.

— Сколько их там?

— Пятьдесят.

Койот увидел выражение ее лица и коротко кивнул. Он набросился на еду, и она вдруг поняла, что он пришел к пустому тайнику.

— Они вкладывают крупные деньги в эти проекты. Новый лифт, бурильные установки, азот с Титана… громадное зеркало между нами и солнцем, чтобы направлять на нас больше света. Ты об этом слышала?

Она пыталась собраться с силами. Пятьдесят. О боже…

Это привело ее в бешенство. Прежде она злилась на планету за то, что та не отпустила ее. За то, что напугала, но не подкрепила угрозу делом. Но теперь ее наполнила злость другого рода. Глядя, как Койот ест, и думая о затоплении Северной равнины, она почувствовала, как гнев сжимается

внутри нее, словно первичная материя, сжимающаяся до тех пор, пока не взорвется, воспламенив все вокруг. Это была до боли горячая ярость. И вместе с тем — старое знакомое чувство: злость на тех, кто занимался терраформированием. Старая выгоревшая эмоция, ставшая в последние годы сверхновой, теперь уплотнялась, чтобы снова рвануть. Энн не хотела этого, действительно не хотела. Но, черт возьми, планета плавилась у нее под ногами. Распадалась. Была низведена до грязи в изыскательском предприятии Земного картеля.

Нужно было что-то делать.

И Энн на самом деле намеревалась сделать кое-что, хотя бы для того, чтобы заполнить часы, которые ей остались, пока какая-нибудь милосердная случайность не освободит ее. Кое-что, чтобы занять ее предпосмертные часы. Месть зомби — почему бы и нет? Склонного к насилию, склонного к отчаянию…

— Кто их строит? — спросила она.

— Я знаю, что их заводы расположены в Мареотисе и Брэдбери-Пойнт. — Койот снова набросился на еду, потом поднял взгляд. — Тебе это не нравится.

— Нет.

— Хочешь остановить их?

Она не ответила.

Койот, кажется, все понял:

— Я не говорю об остановке терраформирования в целом. Но есть кое-что, что стоит попробовать. Взорвать заводы.

— Они просто выстроят их заново.

— Кто знает, но это замедлит их. А за это время может случиться что-нибудь более значительное в планетарных масштабах.

— Красные, ты имеешь в виду.

— Да. Думаю, люди будут называть их Красными.

Энн покачала головой.

— Я им не нужна.

— Нет. Но, может быть, они нужны тебе, а? Ты для них герой, знаешь ли. Ты значишь для них больше, чем просто еще один человек.

Разум Энн снова ускользнул. Красные — она никогда не верила в них, никогда не думала, что такое сопротивление хоть что-то даст. Но теперь… что ж, даже если это не сработает, все будет лучше, чем ничего. Палку им в глаз!

А если это сработает…

— Дай мне подумать.

Они еще долго проговорили о разных вещах.

Внезапно на Энн навалилась усталость, что было странно, ведь она столько времени провела, ничего не делая. Разговор ее истощал, она отвыкла от разговоров. А разговаривать с Койотом было трудно.

— Тебе надо пойти поспать, — сказал он, прерывая свой монолог. — Выглядишь уставшей. Руку… — Он помог ей перебраться на кровать, и Энн легла, не раздеваясь. Койот подоткнул одеяло. — Ты устала. Мне кажется, тебе нужно пройти еще один курс омоложения, старушка.

— Я больше не буду проходить их.

— Нет! Ну, ты меня удивляешь. А теперь спи. Спи.

Она поехала с Койотом обратно на юг, и вечером за ужином он рассказал ей о Красных. Как и само подполье, это была скорее вольная группа, нежели четко организованное движение. Энн знала кое-кого из основателей: Ивану, Джина и Рауля из фермерской команды, которые не соглашались с ареофанией Хироко и ее понятием viriditas; Касэя, Дао и еще нескольких эктогенов из Зиготы; некоторых последователей Аркадия, спустившихся с Фобоса, которые потом конфликтовали с Аркадием по вопросу влияния терраформирования на революцию. Множество богдановистов, вклю-

чая Стива и Марианну, стали Красными в годы, последовавшие за 2061-м, как и последователи биолога Шнеллинга. Нельзя было не упомянуть и радикально настроенных японцев — нисеев и сансеев из Сабиси. А еще были арабы, которые желали, чтобы Марс остался арабским, и бежавшие заключенные из Королева… Целая куча радикалов. «Совсем не мой случай», — подумала Энн, вспомнив, что ее протест против терраформирования базировался на рациональном научном основании. Или, по крайней мере, на доказуемой этической и эстетической точке зрения. В ней вновь вспыхнула злость, и она покачала головой, испытывая отвращение к самой себе.

Кто она такая, чтобы судить этику Красных? Они хотя бы выражают свое недовольство, не боясь критиковать вслух. Может быть, это помогает им чувствовать себя лучше, даже если они ничего не достигли. А может, они и достигли чего-то, по крайней мере, за прошлые годы, до того как терраформирование вошло в новую фазу транснационального гигантизма.

Койот утверждал, что Красные значительно замедлили терраформирование. Некоторые даже вели записи, пытаясь подсчитать их достижения. По его словам, среди Красных росло движение,

призванное смириться с реальностью и признать, что терраформирования не избежать, но настаивающее на необходимости разработать документы в защиту наиболее щадящих его вариантов.

— Есть парочка конкретных идей насчет атмосферы, состоящей преимущественно из углекислого газа, теплой, но сухой, она будет поддерживать растительную жизнь, а люди смогут ходить в масках, не переключая планету на земную модель. Очень интересно. Еще предлагают модель так называемой «экопоэзис», или ареобиосферы. Мир, в котором низменности остаются холодными, тем не менее приспособленными для выживания человека, в то время как более высокие места выходят за пределы слоя атмосферы и сохраняют свое естественное состояние, ну, или близкое к нему. Кальдеры четырех больших вулканов в таком мире останутся в своем первозданном виде, по крайней мере, так говорят.

Энн сомневалась, что большинство этих предложений достижимы или имеют предсказуемые последствия. Однако объяснения Койота ее заинтриговали. Он активно поддерживал все усилия Красных и с самого начала много им помогал: и поддержкой из подземных убежищ, и уста-

новлением связей между ними. Он помогал им также строить собственные убежища, которые большей частью были спрятаны неподалеку от Большого Уступа, откуда проще было следить за терраформирующей программой. Да, Койот был Красным, по крайней мере, симпатизировал им.

— На самом деле я никто. Старый анархист. Полагаю, ты можешь звать меня теперь буианцем, поскольку я верю в объединение всех и вся, что может освободить Марс. Иногда я думаю даже, что пригодная для жизни человека планета лишь ускорит революцию. Но только иногда. В любом случае, Красные — это большой партизанский отряд. И я разделяю их точку зрения, что мы тут не за тем, чтобы, знаешь ли, *воссоздавать Канаду*, упаси бог! Вот почему я им помогаю. Я умею прятаться, и мне это нравится.

Энн кивнула.

— Так ты хочешь присоединиться к ним? Или хотя бы встретиться?

— Я подумаю об этом.

Ее зацикленность на камнях пошатнулась. Она уже не могла не замечать, сколько признаков жизни появилось на земле. На десятых и двадцатых южных широтах лед вышедших на поверхность ледников таял на солнце, и холод-

ная вода стекала вниз по холмам, разрезая землю новыми простейшими бассейнами и превращая осыпи склонов в то, что экологи называют каменистой арктической пустыней. Эти скалистые клочки земли стали первыми островками жизни после того, как лед отступил, — жизнь на них была представлена простейшими водорослями, лишайниками и мхом. Песчаные реголиты, насыщенные текущей сквозь них водой и микробактериями, преобразовывались в каменистые пустыни с пугающей скоростью, и хрупкие формы рельефа быстро разрушались. Большая часть остаточного грунта на Марсе была сухой настолько, что при соприкосновении с водой возникали мощные химические реакции, высвобождалось много перекиси водорода, кристаллизовалась соль. В сущности, грунт рассыпался, утекал песчаной грязью, оседая ниже, на свободных террасах, называемых солифлюкционными, и в новых морозных протокаменистых пустынях. Прежние формы исчезали. Поверхность планеты плавилась. После долгого дня поездки по меняющемуся ландшафту Энн сказала Койоту: «Возможно, я поговорю с ними».

Но сначала они вернулись в Зиготу, или Гамету, где у Койота были какие-то дела. Энн осталась в

комнате Питера, поскольку самого его не было, а комнату, которую она раньше делила с Саймоном, отвели под другие нужды. В любом случае там бы она не остановилась. Комната Питера была расположена над комнатой Хармахиса: круглый бамбуковый сегмент, в котором имелись стол, кресло, серповидный матрас на полу и окно с видом на озеро. В Гамете все было прежним, но другим, и несмотря на годы, проведенные в Зиготе, она не чувствовала с ней связи. Ей было трудно вспомнить, какой была когда-то Зигота. Энн и не хотела вспоминать, она усердно пыталась забыть. Как только к ней являлся образ из прошлого, она вскакивала и бралась за что-нибудь, требующее концентрации: изучала образцы камней и данные сейсмографов, или готовила сложные блюда, или выходила поиграть с детьми, пока образы не тускнели, а прошлое не исчезало. Со временем можно научиться уклоняться от прошлого почти идеально.

Однажды вечером Койот просунул голову в дверь комнаты.

— Ты знала, что Питер тоже Красный?

— Что?

— Да, но работает сам по себе. По большей части в космосе. Я думаю, он загорелся космосом после

того, как прокатился на лифте.

— О боже! — вырвалось у нее.

Это было еще одно случайное происшествие. По всем законам Питер должен был умереть при падении лифта. Каков был шанс, что рядом найдется космический корабль, который подберет его, оставшегося в одиночестве на ареосинхронной орбите? Нет, это было нелепо. Только случайности и существовали.

И все-таки Энн разозлилась.

Она уснула, думая об этом, и в своем беспокойном сне увидела, как идет с Саймоном по самой живописной части каньона Кандор. Это была их первая совместная прогулка, когда все еще было безупречно и оставалось нетронутым миллиарды лет: первые люди, идущие в широком ущелье между слоистых и грандиозных стен. Саймону нравилось там почти так же, как ей, и он молчал, поглощенный реальностью камней и неба, — не было спутника лучше для столь величественного зрелища. И вдруг во сне одна из гигантских стен каньона начала рушиться, Саймон произнес: «Дальний пробег», — и Энн мгновенно проснулась, вся в поту.

Она оделась и вышла в маленький мезокосм под куполом, с его белым озером и кривым лесом

на низких дюнах. У Хироко был очень странный гений, способный создать такое место, а потом убедить многих других присоединиться к ней. Зачать стольких детей без позволения отцов, без контроля над генетическими манипуляциями. Все-таки это было своего рода безумие, божественное оно или нет.

Вдоль ледяной отмели маленького озера шел выводок Хироко. Их уже нельзя было назвать детьми, самым младшим было по пятнадцать-шестнадцать земных лет, старшим… старшие были раскиданы по всему миру. Касэю, вероятно, было уже пятьдесят, а его дочери Джеки — около двадцати пяти, она выпускница нового университета Сабиси и активная участница политики «полусвета». Группа эктогенов вернулась навестить Гамету точно так же, как и сама Энн. Они шли вдоль пляжа во главе с Джеки, высокой изящной брюнеткой, красивой и властной, лидером их поколения. Им мог бы стать веселый Ниргал или задумчивый Дао. Но вела их Джеки, а Дао следовал за ней с собачьей преданностью, и даже Ниргал не спускал с нее глаз. Саймон любил Ниргала, как и Питер, и Энн понимала почему: он единственный из всей банды эктогенов не отталкивал ее. Пока остальные развлекались

погруженностью в себя — короли и королевы своего маленького мира, — Ниргал покинул Зиготу вскоре после смерти Саймона и потом уже почти не возвращался. Он учился и жил в Сабиси, ездил с Койотом и Питером, посещал города на севере. Был ли он тоже Красным? Сложно сказать. Но его интересовало абсолютно все, он был в курсе всего на свете и старался везде побывать — словом, юная Хироко в брюках, если можно так выразиться. Разве что Ниргал не был таким странным, как Хироко, а был сильнее связан с другими людьми, был более человечным. Энн никогда в жизни не удавалось нормально поговорить с Хироко, инопланетный разум которой придавал, похоже, совершенно иные смыслы всем словам в языке. К тому же, несмотря на блестящие успехи в дизайне экосистем, Хироко совсем не была ученым, но кем-то вроде пророка. Ниргал же, кажется, интуитивно обращался прямо к тому, что было важно для человека, с которым он разговаривал, и он концентрировался на этом и задавал вопрос за вопросом — любознательный, восприимчивый и сочувствующий. Наблюдая, как он следует за Джеки по отмели, прыгая то туда, то сюда, Энн вспомнила, как медленно и осторожно он ходил рядом с Саймоном. Каким напуганным он выгля-

дел в ту последнюю ночь, когда Хироко в своей особой манере привела его попрощаться. Было слишком жестоко привлекать тогда мальчика, но в то время Энн не возражала: она была в отчаянии и готова на все. Еще одна ошибка, которую уже не исправить.

Расстроившись, она разглядывала светлый песок под ногами, пока эктогены не прошли мимо. Даже обидно, что Ниргал увлечен Джеки, для которой он так мало значит. Джеки в целом была чудесной девушкой, но она слишком походила на Майю: капризная и склонная к манипуляциям, не любящая никого, кроме, может быть, Питера, который, к счастью (хотя в те времена Энн так не казалось), путался с матерью Джеки и ни в малейшей мере не интересовался ее дочерью. Грязное дельце, из-за этого Питер и Касэй больше не общаются, а Эстер так и не вернулась. Не самый славный час для Питера. А уж как это все повлияло на Джеки… Последствия не заставят себя ждать — осторожно, тут черная дыра из ее же глубокого прошлого, — да, и так без конца, все их маленькие жалкие жизни обречены на бесконечное повторение в бессмысленных циклах…

Энн постаралась сконцентрироваться на структуре песка.

Белый был не самым обычным цветом песка на Марсе. Очень редкий гранит. Энн стало любопытно, искала ли Хироко такой специально или ей просто повезло.

Эктогены на той стороне озера пропали из виду. Она осталась на пляже одна. Где-то тут, под ее ногами, был Саймон. Как сложно перестать думать обо всем этом.

По направлению к ней через дюны шел человек. Издалека ей показалось, что это Сакс, потом — Койот, но это был не тот и не другой. Он помедлил, заметив ее, и по этому движению она поняла, что это действительно Сакс, но очень сильно изменившийся внешне. Влад и Урсула провели над ним какую-то косметическую операцию, чтобы он стал не похож на себя. Он собирался переехать в Берроуз и присоединиться там к какой-то биотехнической компании, используя швейцарский паспорт и одну из вирусных идентификационных записей Койота. Собирался снова вернуться к работе над терраформированием. Энн отвернулась к воде. Он подошел и попытался заговорить с ней, этот странный не-Сакс, симпатичный старый дурень. Но это по-прежнему был он, и гнев переполнял ее так, что она едва могла думать, едва могла удержать нить разговора.

«Ты и правда выглядишь иначе», — это было все, что она потом вспомнила. Пустая болтовня. Глядя на него, она думала, что он никогда не изменится. Но в его грустном взгляде мелькало что-то пугающее, что-то смертельное, готовое прорваться наружу, если она это не остановит… Энн продолжала говорить с ним, пока он не скорчил напоследок гримасу и не ушел.

Она долго сидела, замерзая и приходя в еще большее замешательство. Наконец, она опустила голову на колени и погрузилась в дрему.

Ей приснился сон. Вся первая сотня стояла вокруг нее, и живые, и мертвые. Сакс, с прежним лицом, но новым опасным выражением горя, сказал:

— Чистая прибыль в сложности.

— Чистая прибыль в здоровье, — вымолвили Влад и Урсула.

— Чистая прибыль в красоте, — заявила Хироко.

— Чистая прибыль в доброте, — выпалила Надя.

— Чистая прибыль в глубине эмоций, — сказала Майя, и Джон с Фрэнком позади нее закатили глаза.

— Чистая прибыль в свободе, — произнес Ар-

кадий.

— Чистая прибыль в понимании, — добавил Мишель.

— Чистая прибыль в силе, — сказал Фрэнк из заднего ряда, и Джон, стоявший с ним плечом к плечу, крикнул:

— Чистая прибыль в счастье!

И все они уставились на Энн. Она встала, дрожа от ярости и страха, и поняла, что она единственная среди них не верит в возможность чистой прибыли от чего бы то ни было, она просто сумасшедшая реакционерка, и все, что она может, — это ткнуть в них трясущимся пальцем и ответить: «Марс. Марс. Марс».

Вечером, после ужина и общего собрания, Энн выловила Койота и спросила:

— Когда ты выезжаешь?

— Через пару дней.

— Ты все еще хочешь познакомить меня с теми людьми?

— Да, конечно. — Он смотрел на нее, склонив голову набок. — Ты должна быть там.

Она лишь кивнула и оглядела общую комнату, думая: «Прощай. Скатертью дорога».

Через неделю она сидела с Койотом в сверх-

легком самолете. Они летели по ночам на север, в экваториальный регион, потом — к Большому Уступу, к горе Дейтеронил, севернее Земли Ксанфа, — дикий, неспокойный район. Гора была похожа на архипелаг сбившихся в кучу островов, усеявших песчаное море. «Они станут настоящим архипелагом, — подумала Энн, пока Койот опускался между двумя из них, — если бурение на севере продолжится».

Койот приземлился на короткой дорожке пыльного песка и вырулил в ангар, вырезанный в одной из боковых сторон столовой горы. Северная оконечность представляла собой острую каменистую точку, а на вершине была вырыта треугольная комната для встреч. Войдя, Энн в удивлении остановилась: комната была набита битком, несколько сотен человек сидели за длинными столами, готовясь приступить к трапезе, и тянулись через столы, чтобы налить друг другу воды. Люди за одним из столов увидели ее и замерли, люди за следующим заметили это, оглянулись, увидели ее и тоже замерли — и этот эффект прокатился по залу, пока они все не застыли. Затем встал один, другой, и в неровном порыве все поднялись на ноги. Еще одна пауза, а потом они начали аплодировать, их ладони

неистово взлетали, лица светились. И они разразились приветственными криками.

Часть четвертая

Ученый – герой

Часть четвертая
Ученый как герой

Зажать ее между большим и средним пальцами. Почувствовать закругленный край, рассматривать плавные изгибы стекла. Увеличительная лупа: в ней была простота, элегантность и вес древнего инструмента. Сидеть с ней в солнечный день, держать над кучкой сухих веточек. Двигать вверх и вниз, пока не увидишь яркую точку на высушенных растениях. Помнишь этот свет? Как будто за хворостинками томилось крошечное солнце…

Амур, превращенный в лифтовый трос, состоял преимущественно из углеродистых хондритов и воды. Еще два Амура, перехваченных автоматикой в 2091 году, состояли в основном из силикатов и воды.

Вещество Нового Кларка было преобразовано в длинную углеродную нить. Вещество двух силикатных астероидов — в простыни солнечных парусов. Пары силикатов, застывшие между валиками длиной в десять километров, растянули в паруса, которые затем покрыли тончайшим

слоем алюминия. А потом космические корабли, пилотируемые людьми, развернули обширные зеркальные паруса в круглую сетку, удерживающую свою форму благодаря вращению и солнечному свету.

Вот из такого астероида, вытолкнутого на полярную орбиту Марса и названного Берч, и создали зеркальные паруса, построив кольцо диаметром в сто тысяч километров. Гигантское зеркало крутилось вокруг Марса по полярной орбите: обратив к солнцу, его повернули под таким углом, чтобы свет отражался в некую точку внутри орбиты Марса, рядом с одной из точек Лагранжа.

Второй силикатный астероид, названный Солеттавиль, был транспортирован как раз в точку Лагранжа. Автоматика развернула солнечные паруса в сложную сеть щелевых колец. Они были соединены друг с другом и повернуты так, что в конце концов уподобились громадным линзам из жалюзи. И они послушно вращались вокруг втулки, которая представляла собой серебряный конус с широким концом, обращенным к Марсу. Огромный изящный объект десяти тысяч километров в диаметре, красиво и величественно кружащий между Марсом и солнцем,

был назван солеттой.

Солнечный свет, бьющий прямо в солетту, прыгал между пластинами жалюзи — от тех, что «смотрели» на солнце, к тем, что были обращены к Марсу, — и падал на поверхность планеты. Свет, падающий в кольцо на полярной орбите, отражался на внутреннем конусе солетты и тоже падал на Марс. Разумеется, свет попадал на обе стороны солетты, поэтому противонаправленные воздействия сохраняли ее на нужной позиции — примерно в ста тысячах километров от Марса — ближе в перигее, дальше в апогее. Угол наклона пластин постоянно корректировался искином солетты, дабы сохранять орбиту и фокус.

И пока два грандиозных флюгера ткались астероидами, как силикатные сети — каменными пауками, наблюдатели на Марсе практически не замечали их. Разве кто-нибудь случайно видел изгибающуюся белую линию в небе или периодические вспышки днем или ночью, будто блеск иной вселенной пробивался сквозь неплотные швы в ткани нашей реальности.

Когда же все было завершено, отраженный свет кольцеобразного зеркала направили на конус солетты. Ее округлые пластины пришли в движение, и солетта сместилась на другую орбиту.

А однажды люди, живущие на Фарсиде и прилегающих территориях, посмотрели вверх, поскольку небо резко потемнело. Они увидели солнечное затмение, какого на Марсе не было никогда. Светило уменьшалось, словно его лучи загораживал спутник размером с Луну. Как ни странно, но похожее затмение можно было наблюдать и с Земли… Черный полумесяц рос, все глубже вгрызаясь в сияющее солнце, пока солетта занимала свою позицию между ним и Марсом, а ее зеркала еще не передавали свет. Затем небосклон стал густо-фиолетовым, а солнечный диск помрачнел, оставив лишь тонкий сияющий полумесяц, но вскоре и он исчез. И вместо солнца в небе повис черный круг, обрамленный призрачной короной, а потом все исчезло. Мир погрузился во тьму…

Вскоре на угольно-черном диске возник слабый муаровый проблеск, которого не бывает во время настоящего затмения. Люди на солнечной стороне Марса затаили дыхание, задрав головы к небу. Внезапно жалюзи солетты открылись одновременно, и солнечный свет хлынул с небес.

Сияние затопило все вокруг!

Теперь лучи просто-напросто ослепляли, поскольку светило стало гораздо ярче и теплей, чем до начала затмения. Солнечный диск те-

перь казался того же размера, что и видимый с Земли, освещенность увеличилась примерно на 20 %, и красные просторы равнин предстали во всей красе. Как будто одновременно вспыхнули прожекторы над колоссальной сценой.

Спустя несколько месяцев в верхних слоях марсианской атмосферы развернулось третье зеркало, гораздо компактнее солетты. Эта линза, составленная из округлых пластин, выглядела как серебряная летающая тарелка. Она улавливала часть света, направляемого солеттой, и переправляла его на поверхность Марса — на участки менее километра в диаметре. И она летела над планетой, как планер, фокусируя луч света, пока на земле не расцветали маленькие солнышки, а камни не начинали плавиться, становясь из твердых жидкими. А затем они сгорали дотла.

Для Сакса Рассела подполье не представляло особого интереса. Он хотел вернуться к работе. Он мог бы переехать в «полусвет» и стать преподавателем в университете Сабиси, который действовал вне сети, прикрывая многих коллег Сакса и предоставляя образование детям подполья. Но позже Сакс решил, что не хочет ни преподавать, ни оставаться на периферии. Он решил вернуться к терраформированию — в сердце проекта, если это возможно — ведь оно того стоило! Короче говоря, Сакс понял, что теперь ему пора выбираться в «большой мир» на поверхности. Недавно Временное Правительство сформировало комитет, чтобы координировать работы по терраформированию, и команда «Субараси» получила проект синтеза, над которым некогда трудился Сакс. Это было неудачей, поскольку Сакс не говорил по-японски. Зато ведущая роль в биологической части проекта досталась коллективу швейцарских компаний, названных «Биотик», с главными офисами в Женеве и Берроузе. Они-то как раз и поддерживали тесные связи с транснациональным синдикатом «Праксис».

В общем, сперва следовало проникнуть в «Биотик» под чужим именем и добиться назначения

в Берроуз. Десмонд взял операцию под свой контроль, создав для Сакса виртуальную личность — точно так же, как много лет назад он сделал это для Спенсера, когда тот переехал в Эхо-Оверлук. «Свежая» личность Спенсера, а также обширная косметическая хирургия позволили ему успешно работать в лаборатории Эхо-Оверлук и в долине Касэй — в центре системы безопасности транснационалов. Сакс верил в систему Десмонда. Новая личность имела физические параметры Сакса: геном, сетчатку глаза, голос и отпечатки пальцев. Параметры были лишь слегка изменены и по-прежнему подходили Саксу, но могли запросто ускользнуть от сравнительных изысканий в сети. Этим данным было присвоено другое имя и прошлое, проведенное исключительно на Земле, а еще — кредитный рейтинг, иммиграционная запись и вирусная ловушка, призванная сбить с толку возможный кросс-поиск по физическим параметрам. Весь пакет отправили в швейцарский паспортный стол, который без лишних вопросов выписывал документы новоприбывшим. Словом, в раздробленном мире транснациональных сетей уловка отлично сработала.

— Готово, — подтвердил Десмонд с довольным видом. — Но любой из первой сотни — звезда

телеэкранов. Тебе нужно новенькое лицо.

Сакс был склонен с ним согласиться. Он понимал, что другое лицо ему действительно необходимо, к тому же внешность ничего для него не значила. Все равно то, что отражалось в последние дни в зеркале, не соответствовало представлениям Сакса о самом себе. Поэтому он убедил Влада поработать над ним, упирая на потенциальную пользу своего пребывания в Берроузе. Влад являлся одним из ведущих теоретиков сопротивления Временному Правительству и мигом уловил резон в доводах Сакса.

— Наши люди должны оставаться в «полусвете», — заявил он. — Но иметь своих людей в Берроузе совсем неплохо. Пожалуй, мне стоит попрактиковаться в косметической хирургии на столь безнадежном материале, как ты.

— Я не безнадежный! — возразил Сакс. — И серьезные обещания должны быть исполнены! Я рассчитываю стать симпатичнее, чем раньше.

Удивительно, но он и впрямь стал смазливее, хотя этого нельзя было сказать наверняка, пока не сошли эффектные синяки. Саксу выпрямили прикус, нижнюю губу сделали пухлой, придали носу-пуговке явно выраженную переносицу и вдобавок смастерили благородную горбинку. Ще-

ки сделали впалыми, а подбородок увеличили. Хирурги даже подрезали мышцы в его веках, и он уже не моргал так часто. Теперь он превратился в настоящую кинозвезду, как выразился Десмонд. Или в экс-жокея, поправила Надя. Или в бывшего инструктора по танцам, сказала Майя, которая много лет честно посещала собрания анонимных алкоголиков. Сакс, которому воздействие алкоголя никогда не нравилось, лишь отмахнулся от нее.

Десмонд добавил в пакет данных дюжину фотографий Сакса и успешно внедрил ворох электронных материалов в файлы «Биотика», наряду с приказом о переводе из Сан-Франциско в Берроуз.

Новая личность неделей позже появилась в списках швейцарского паспортного стола. Увидев документы с физиономией Сакса, Десмонд усмехнулся.

— Ты только посмотри, — фыркнул он, указывая на фотографию Сакса. — Стивен Линдхольм, гражданин Швеции! Эти ребята, без сомнений, прикрывают нас! Готов поставить что угодно — они взяли в обработку наши данные и проверили твой геном по старым записям! Не сомневаюсь, что, несмотря на мои исправления, они вычисли-

ли, кто ты на самом деле.

— Ты уверен?

— Нет… Но кто их разберет… Они — дотошные ребята!

— Так это хорошо?

— Теоретически — нет. Но на практике, если кто-то про тебя знает, приятно видеть, что он ведет себя как друг. Никогда не помешает обзавестись приятелями среди швейцарцев. Они уже в пятый раз выписывают паспорт одному из моих созданий. У меня самого имеется паспорт, выданный ими, но сомневаюсь, что они вычислили, кто я таков! Еще бы — ведь у меня, в отличие от вас, ребят из первой сотни, никаких записей не было никогда. Интересно, верно?

— Да.

— Они — любопытные люди. Не представляю, что у них на уме, но мне очень хотелось бы на них взглянуть. Думаю, они приняли решение прикрывать нас. Может, они хотят знать, где мы находимся. Но нам остается только гадать, потому что швейцарцы страстно любят свои секреты. Хотя вопрос «почему» уже не важен, когда у тебя есть новая внешность и нужные документы в придачу!

Сакса коробило от подобного отношения, но он

с облегчением подумал, что будет в безопасности под охраной швейцарцев. Это был народ его склада: рациональный, осторожный и методичный.

За несколько дней до отлета в Берроуз он решил прогуляться вокруг озера Гаметы, что в последние годы делал лишь изредка. Озеро, безусловно, являлось произведением искусства. Что-что, а экосистемы Хироко конструировать умела. Когда она и ее команда исчезли из Андерхилла, Сакс был порядком заинтригован. Он не знал, почему так случилось, и побаивался, что они начнут препятствовать терраформированию. Затем ему удалось выжать из Хироко ответ по сети, и он успокоился. Она вроде бы симпатизировала основным целям терраформирования, а ее собственный концепт viriditas оказался иной версией той же идеи. Но Хироко нравились иносказания, что с ее стороны было очень ненаучно. Кроме того, за годы своего затворничества Хироко потворствовала себе так, что понимать ее стало просто невозможно. Сакс ломал с ней голову даже при личном общении, и только спустя пару-тройку лет совместного существования его осенило. Хироко, как и он сам, жаждала марсианской биосферы, которая поддерживала бы жизнь людей. Похоже, Сакс не мог себе придумать союзника лучше, разве что

председателя Временного Правительства. Хотя тот, возможно, тоже являлся его союзником. Что ни говори, а мир тесен…

А сейчас на берегу одиноко сидела Энн Клейборн, костлявая, как цапля. Сакс помедлил, но она уже заметила его. Поэтому он побрел дальше, пока не остановился рядом. Она бросила на него пристальный взгляд и снова уставилась на белое озеро.

— Ты и правда выглядишь иначе, — произнесла она.

— Ага, — Сакс до сих пор чувствовал боль в мышцах лица, хотя синяки уже исчезли. И ощущение, словно он носит маску, внезапно смутило его. — Но перед тобой — по-прежнему я, — добавил он.

— Конечно. — Она не поднимала взгляд. — И ты уезжаешь, чтобы начать все заново?

— Да.

— Чтобы вернуться к своей работе?

— Да.

Она, наконец, посмотрела на него.

— Как думаешь, для чего нужна наука?

Сакс пожал плечами. То был их старый, как мир, спор, всегда один и тот же, независимо от того, каким образом он начинался. Террафор-

мировать или не терраформировать, вот в чем вопрос… Сакс ответил на него давным-давно и хотел бы, чтобы они примирились и оставили все дискуссии позади. Но Энн была неутомима.

— Чтобы понимать суть вещей, — буркнул он.

— Но терраформирование не помогает понять суть вещей.

— Терраформирование не наука, — возразил Сакс. — Я никогда не утверждал ничего подобного. Это то, что с наукой делают люди. Нечто прикладное, конкретная технология, понимаешь? Выбор, как распоряжаться знаниями, полученными опытным путем. Как бы ты это ни называла.

— То есть — вопрос ценностей.

— Полагаю, что да. — Сакс задумался, стараясь упорядочить мысли по поводу столь дремучего вопроса. — Но наши… расхождения — лишь одна из граней того, что называют проблемой факта и ценности. Последние относятся к типу сложных систем, это — некий человеческий конструкт.

— Наука тоже человеческий конструкт.

— Верно. Но взаимосвязь между двумя системами не ясна. Отталкиваясь от одинаковых фактов, мы можем прийти к разным ценностям.

— Но наука сама полна ценностей, — настаи-

вала Энн. — Мы говорим о силе и элегантности теорий, о чистых результатах, о красивых экспериментах. И жажда знаний — сама по себе некая ценность, если учитывать, что знание лучше неведения или тайны. Правда?

— Возможно, — пробормотал Сакс.

— Твоя наука — банальный набор ценностей, — произнесла Энн. — Цель науки твоего типа — устанавливать законы, ограничения, точность и определенность. Ты хочешь, чтобы все было объяснено. Ты жаждешь ответов на вопрос «почему», на всю цепочку вплоть до «большого взрыва». Ты — редукционист и любишь скупость, отточенность, экономию. А если тебе удается что-то упростить, ты считаешь это достижением, верно?

— Но такова суть самого научного метода, — улыбнулся Сакс. — Дело не во мне, так работает природа. Физика. И ты поступаешь так же, Энн.

— Ты имеешь в виду человеческие ценности, вложенные в физику.

— Вряд ли, — он вытянул руку, чтобы остановить ее на секунду. — Я не собираюсь с тобой препираться. Смотри, энергия и материя делают то же, что и всегда. Но если ты хочешь порассуждать о ценностях, давай поговорим именно о них.

Они, несомненно, возникают из фактов. Но это уже другая тема, что-то вроде социобиологии или биоэтики. Может, лучше говорить напрямую и без обиняков. Ценности — наибольшее благо для большинства.

— Некоторые экологи скажут, что сейчас ты дал научное описание здоровой экосистемы. Или наивысшей точки ее развития.

— Но и ты только что выдала оценочное суждение, Энн! Нечто вроде биоэтики. Интересно, но… — Решив сменить тактику, Сакс покосился на собеседницу с любопытством. — Почему бы не попытаться развить экосистему до максимума, Энн? Нельзя говорить об экосистемах без живых организмов. То, что существовало на Марсе до нас, не было экологией, только геологией. Можно утверждать, что экология здесь когда-то давно начинала развиваться, но что-то пошло не так, и мир замерз, а теперь мы начинаем все заново…

Она зарычала в ответ, и Сакс умолк. Энн верила в некую самостоятельную значимость минерального мира Марса. Подобие земной этики, только без земной биоты. Своеобразная каменная этика. Экология без жизни. И вправду самодостаточно!

Он вздохнул.

— Думаю, мы снова говорим о ценностях. И

предпочтение отдается живым системам. Полагаю, мы не можем обойтись без ценностей, как ты и утверждаешь. Забавно… Я просто чувствую, что хочу разобраться, почему все работает именно так, а не иначе. Но если ты спросишь меня, почему… или чего бы я хотел, ради чего я работаю… — Он недоуменно пожал плечами. — Мне сложно выразить свою мысль… Это что-то вроде чистой прибыли в информации, Энн.

Для Сакса это было ясное описание самой жизни, которая продолжает бороться с энтропией. Он протянул Энн руку, надеясь, что она согласится, по крайней мере, с парадигмой их спора, с определением конечной цели науки. В конце концов, они оба являлись учеными, а Марс — их совместное исследование…

Но она лишь проворчала:

— Похоже, вы разрушаете поверхность целой планеты, возраст которой составляет почти четыре миллиарда лет. При чем здесь наука, если вы возводите на Марсе тематический парк?

— Мы используем науку ради определенных ценностей. Тех, в которые я верю.

— И в которые верят транснациональные корпорации.

— Ты права.

— Разумеется, — язвительно откликнулась Энн. — Это им, конечно, поможет.

— И всему живому.

— Если только не убьет. Поверхность планеты дестабилизирована, каждый день случаются оползни.

— Верно.

— Они уничтожают растения. Убивают людей. Постоянно.

Сакс убрал руку, и Энн вскинула голову, уставившись на него.

— Необходимое убийство? Каким ценностям оно служит?

— Нет! Ты упомянула о несчастных случаях, Энн! Людям нужно держаться подальше от оползней и подождать.

— Обширные регионы превращаются в грязь, они будут полностью затоплены. Мы говорим о половине планеты!

— Вода стечет вниз. Образуются бассейны.

— Но земля-то будет затоплена, — упорствовала Энн. — И вот она — совершенно другая планета! Грандиозная ценность, как же!.. Но еще живы люди, которым дорог истинный Марс! Мы будем бороться с вами, на каждом шагу.

Он снова вздохнул.

— Очень жаль. В данный момент биосфера поможет нам больше, чем транснационалы. Они руководят из городов под куполами и разрабатывают поверхность при помощи машинерии, пока мы прячемся и выживаем. Столько усилий потрачено впустую, Энн, а ради чего — ради того, чтобы наши секреты никто не выдал! Если бы мы могли жить на поверхности, сопротивлению стало бы легче.

— Любому, кроме Красных.

— Да, но в чем смысл?

— В Марсе. В месте, которое ты никогда не знал и толком не видел.

Сакс посмотрел вверх, на высокий белый купол, чувствуя недомогание, словно после внезапного приступа артрита. Спорить с ней оказалось бесполезно.

Но что-то внутри заставляло его продолжать спор.

— Послушай, Энн. Я выступаю на стороне тех, кто придерживается модели с минимальными условиями для выживания человека. Надо учитывать, что пригодная для дыхания атмосфера не поднимается выше двух-трех километров над поверхностью планеты. Выше данного уровня она окажется слишком разреженной для

человека, там вообще не будет особой жизни, только высокогорные растения и крошечные микроорганизмы, невидимые невооруженным глазом. Вертикальный рельеф Марса настолько велик, что над атмосферой останутся обширные нетронутые участки. Подобный план кажется мне разумным. Он выражает понятный набор ценностей.

Она отвернулась. Это причиняло ему боль, настоящую муку. Однажды в попытках понять Энн, суметь говорить на ее языке Сакс провел исследование в области философской науки. Он изучил изрядное количество материалов, концентрируясь преимущественно на этике земли и дихотомии «факт-ценность». Хотя очевидной пользы тут не было: в стычках с Энн ему никогда не удавалось использовать полученную информацию с толком. Сакс помотал головой, стараясь отвлечься от ноющей боли в мышцах, и вспомнил кое-что из трудов Куна, когда тот писал о Пристли. Ученый, продолжающий упорствовать после того, как вся его отрасль науки сменила парадигму, может казаться идеально логичным и рассудительным, но в силу самого факта перестает быть ученым. Если нечто подобное случилось и с Энн, то в кого же она превратилась? В контр-

революционера? В пророка?

Она и впрямь напоминала пророка: суровая, изможденная, злая, неумолимая. Она никогда не изменится и никогда не простит его. Он хотел рассказать ей все: о Марсе, о Гамете, о Питере… о смерти Саймона, которая терзала Урсулу даже сильнее, чем Энн… Но это было невозможно. Именно поэтому он частенько принимал решение вообще не разговаривать с ней. Было слишком больно — никогда не приходить ни к какому итогу, сталкиваться с неприятием в лице того, с кем он знаком не меньше шестидесяти лет. Сакс использовал разумные и логические аргументы, но ни разу не добивался результата. Он знал, что с некоторыми людьми всегда можно зайти в тупик, но понимание этого не спасало. А самым удивительным оказался психологический дискомфорт, порожденный отсутствием эмоционального отклика.

На следующий день Энн уехала с Десмондом. А вскоре Сакс отправился с Питером на север в одном из стелс-самолетов, в которых Питер летал по Марсу.

Маршрут, проложенный Питером до Берроуза, провел их над Геллеспонтскими горами, и Сакс с любопытством разглядывал гигантский бассейн

Эллады. Они мельком заметили край ледяного поля, покрывавшего Лоу-Пойнт, — белую массу на черной как ночь поверхности, — но сам Лоу-Пойнт оставался вне пределов видимости. Увы, Сакс так и не смог увидеть, что стало с мохолом Лоу-Пойнта! Мохол достиг тринадцати километров в глубину, когда его заполнил поток, а значит, вода на дне с высокой долей вероятности оставалась достаточно теплой и могла подняться на значительную высоту. Возможно, ледяное поле в действительности являлось морем, покрытым твердой коркой, свидетельства чего можно было бы наблюдать на его поверхности.

Но Питер не стал менять маршрут, чтобы предоставить Саксу лучший обзор.

— Заглянешь туда, когда будешь Стефаном Линдхольмом, — сказал он, усмехнувшись. — Сделай это частью своей работы для «Биотика».

И они полетели дальше. Ночью они приземлились на разбитых холмах к югу от равнины Исиды, на высокой стороне Большого Уступа. Сакс направился к входу в туннель, через который выбрался в служебное помещение на вокзале Ливия, маленьком железнодорожном комплексе на пересечении линии Берроуз-Эллада и недавно проложенной ветки Берроуз-Элизий. Когда подо-

шел очередной поезд в Берроуз, Сакс выскользнул из-за двери и присоединился к толпе. Он доехал до главной станции Берроуза, где его встретил парень из «Биотика». Тогда-то Сакс и стал Стефаном Линдхольмом, впервые прибывшим в Берроуз и на Марс.

Тот сотрудник из «Биотика», кадровый секретарь, сделал Саксу комплимент по поводу его ловкой походки и повел в квартиру-студию на горе Хант, неподалеку от центра старого города. Лаборатории и офисы «Биотика» расположились у подножия горы, а их панорамные окна выходили на Парк-Канал. Только такой дорогой район и мог подойти ведущей в проекте терраформирования биоинженерной компании.

Из окон офиса «Биотика» Сакс видел обширную часть старого города. Сперва он решил, что здесь почти ничего не изменилось. Правда, спустя минуту он понял, что ошибся. Теперь стены горы еще гуще прочерчивали стеклянные окна. Четкие горизонтальные линии медного, золотого, металлически-зеленого или синего цвета буквально бросались в глаза, и казалось, что в горе пролегали слоями по-настоящему удивительные минералы! Исчезли и купола, покрывающие холмы-останцы. Сейчас здания привольно рас-

кинулись под гигантским куполом, который укрывал девять холмов и даже ближайшие окрестности. Развитие технологии достигло нереальных высот — купола могли укрывать обширный мезокосм! Сакс слышал, что одна из транснациональных корпораций собиралась укутать подобным образом даже каньон Гебы, проект, однажды предложенный Энн в качестве альтернативы терраформированию (альтернатива, над которой Сакс тогда посмеялся). А сейчас ее претворяли в жизнь! Никогда не стоит недооценивать потенциал материаловедения, сейчас это стало очевидно.

Парк-Канал и широкие бульвары, разбегающиеся между останцами, зеленели, разрезая оранжевые плитки крыш. А двойной ряд соляных колонн до сих пор высился у голубого канала! Однако, хотя в Берроузе и появилось множество новых зданий, очертания города были прежними… но не совсем. Теперь городская стена лежала далеко за пределами девяти останцев, и вокруг был укрыт приличный участок земли, в основном уже застроенный.

Кадровый секретарь провел Сакса по «Биотику», знакомя его с бóльшим количеством людей, чем тот был в состоянии запомнить. Затем его

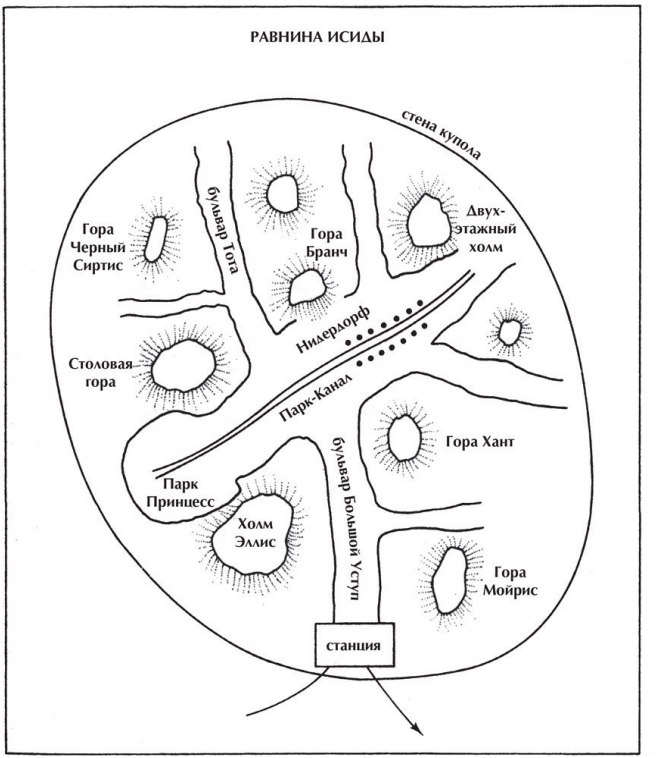
попросили с утра пораньше явиться с отчетом в лабораторию и предоставили остаток дня на обустройство.

Как Стефан Линдхольм, он планировал проявлять признаки интеллектуальной энергии, готовности общаться, любопытства и энтузиазма, поэтому весьма правдоподобно — район за районом — исследовал Берроуз. Он прогуливался туда-сюда по дорожкам, заросшим травой, и размышлял о загадочном феномене роста городов. Культурный прогресс не имел подходящих физических или биологических аналогий. Сакс не видел объективных причин, по которым нижняя оконечность равнины Исиды должна стать местом для крупнейшего поселения на Марсе. Ни одна из реальных причин, побудивших основать здесь город, не объясняла ничего должным образом. Насколько он знал, город возник как обычная станция на ветке из Элизия в Фарсиду. Может, именно благодаря стратегической незначительности он и процветал, поскольку то было единственное поселение, не разрушенное и не поврежденное в 2061 году. Вероятно, именно поэтому рост в послевоенные годы начался как раз отсюда. Какая ирония! По аналогии с моделью прерывистого равновесия можно было утвер-

ждать, что этот конкретный вид чудом пережил катастрофу, уничтоживший все живое, и получил экосферу для своего будущего развития.

И, без сомнения, изогнутая, словно лук, форма региона с его архипелагом столовых гор производила впечатление. Пока Сакс шагал по бульвару, ему казалось, что девять останцев разбросаны случайным образом, и каждый из них немного отличается от другого. Грубые скальные стены были испещрены характерными выступами и гладкими участками, навесами и трещинами, а теперь еще и горизонтальными линиями ярких зеркальных окон. Плоское плато каждой горы венчали дома и парки. С любой точки улицы всегда можно было рассмотреть парочку останцев, разбросанных, как величественные соборы, и пейзаж был весьма приятен глазу. А если подняться на лифте на плато любой из гор (они высились над Берроузом на добрую сотню метров) — можно было вдоволь любоваться окрестностями. Отсюда открывался потрясающий вид, а обзор был больше, чем обычно бывает на Марсе, поскольку город находился на дне чашеобразного углубления. И поэтому было видно все — от плоской равнины Исиды на севере до угрюмого подъема к Сирту на западе и склона Большого Уступа, закрывающего

южный горизонт, словно Гималаи.



Берроуз, 2100 год

Конечно, вопрос, повлиял ли прекрасный вид на становление города, оставался открытым… Занятно, но ряд историков утверждали, что многие древнегреческие поселения были основаны исключительно ради вида, открывавшегося с места их основания. В общем, и этот фактор был вероятен. Так или иначе, но Берроуз стал оживленным местом с населением около ста пятидесяти тысяч человек. Он стал самым крупным марсианским городом. И по-прежнему рос.

Вечером, после длительной прогулки, Сакс отправился на внешнем лифте вверх по стене горы Бранч, центральной в северном парке. Именно с ее плато он увидел пригороды, усеянные новостройками вплоть до стены купола. Даже вокруг отдельно стоящих останцев за пределами купола кипела работа. Определенно, здесь достигло своей критической массы нечто вроде коллективного психоза. Стадный инстинкт сделал из Берроуза столицу, общественный магнит, сердце событий. Групповая динамика людей всегда чрезвычайно сложна и даже — Сакс скорчил гримасу — необъяснима.

К несчастью, «Биотик» в Берроузе тоже оказался пресловутой динамичной группой. Вскоре Сакс обнаружил, что определить свое место в

толпе ученых, корпящих над проектом, ему будет непросто. Он потерял этот навык — находить свое место в команде, а вернее, никогда его и не имел. Максимальное число отношений в любом сообществе исчислялось по формуле n(n–1)/2, где n представляло собой количество людей. Здесь трудилось несколько тысяч сотрудников, а значит, число возможных взаимоотношений составляло 499 500. Саксу казалось, что такие цифры абсолютно абстрактны. Даже 4950 возможных взаимоотношений в группе из ста человек — гипотетический «расчетный предел» размеров группы — казалось гигантским числовым значением. Во всяком случае, так обстояли дела в Андерхилле, когда у них был шанс это проверить на практике.

Иными словами, сейчас ему было необходимо найти наименьшую группу внутри «Биотика», что Сакс и собирался предпринять. Конечно, он знал, что разумно в первую очередь сконцентрироваться на собственной лаборатории. Он присоединился к ней, как биофизик, что оказалось немного рискованно, но ставило его на нужную ступень. И он надеялся удержаться на плаву. В противном случае он всегда может заявить, что пришел в биофизику из физики,

что было правдой. Его начальницей оказалась японка по имени Клэр, женщина средних лет, близкая ему по духу, которая хорошо справлялась с работой. Она охотно включила Сакса в команду, занимавшуюся дизайном растений второго и третьего поколений для покрытых ледниками регионов северного полушария. Недавно гидрированные земли Марса предоставляли потрясающие возможности для ботанического конструирования, поскольку у конструкторов уже не было необходимости создавать все виды на основе пустынных ксерофитов. Сакс предвидел это с самого начала, когда в 2061 году впервые увидел поток, с ревом бегущий вниз по каньону Мелас. И теперь, сорок лет спустя, он действительно мог заняться чем-то стоящим.

Сакс с воодушевлением принялся за работу. Сначала он ознакомился с тем, что уже было представлено в северных регионах. Читая запоем в своей обычной манере и просматривая видеозаписи, он выяснил, что атмосфера до сих пор оставалась разреженной и холодной, и весь лед, выходящий на поверхность, истончался, пока его верхний слой не превращался в кружево. Это означало, что появлялись миллиарды карманов, в которых могла зародиться жизнь. И одной

из первых широко распространившихся форм стали снежные водоросли. Им добавили свойства фреатофитов, поскольку, когда лед начал очищаться благодаря всепроникающим ветрам (они-то как раз и разносили мелкие частицы), он сразу покрылся соляной коркой. Генетически сконструированные, устойчивые к соли водоросли показали себя очень хорошо. Они росли в ноздреватой поверхности ледников, а иногда и прямо во льдах. А поскольку они были темнее — розовые или красные, черные или зеленые, — лед под ними таял, особенно в летние дни, когда температура поднималась выше точки замерзания. Естественно, в такие моменты с ледников начинали сбегать быстрые ручьи. Однако на Марсе существовали и другие участки, вроде вечной мерзлоты, как в полярных и горных регионах Земли: разнообразия хватало и здесь.

Помимо прочего Сакс узнал, что бактерии и кое-какие растения из земных регионов (как правило, чуть-чуть измененные, чтобы легче было преодолевать распространяющуюся повсюду соленость) впервые были рассажены именно командой «Биотика». Произошло это несколько марсианских лет назад. Сейчас они процветали в буквальном смысле слова, как и водоросли.

А теперь конструкторская команда пыталась, отталкиваясь от раннего успеха, внедрить и другие растения, а также насекомых, выращенных со способностью справляться с высоким содержанием CO_2 в воздухе. У «Биотика» имелся отличный набор образцов, из которых дозволялось брать хромосомные последовательности, и семнадцать М-лет полевых экспериментов. Да, Саксу было что наверстывать! В свои первые недели в лаборатории и в заповеднике компании на горе Хант он концентрировался исключительно на растениях, предпочитая работать по-своему, дабы в должное время увидеть общую картину.

Дел у Сакса было по горло. Он без конца штудировал научные труды, смотрел в микроскоп на различные марсианские пробы, пропадал в заповеднике наверху, а когда выдавалась свободная минутка — усердно работал над собой. Новая личность по имени Стефан Линдхольм отнимала у него кучу времени! К счастью, в лаборатории Стефан мало чем отличался от Сакса Рассела. Но в конце рабочего дня Саксу часто приходилось совершать сознательное усилие и присоединяться к сотрудникам, поднимающимся вверх по лестнице в кафе на плато, чтобы выпить и беззаботно поболтать.

Итак, несколько недель спустя он привык «быть» Линдхольмом, который, как выяснилось, задавал слишком много вопросов и громко смеялся. Это оказалось на удивление просто и, пожалуй, забавляло Сакса. Да и вопросы от других, преимущественно от Клэр, от английской эмигрантки Джессики, а также от кенийца по имени Беркин, почти никогда не касались земной жизни Линдхольма. Сакс понял, что может быть кратким: Десмонд разумно предоставил Линдхольму прошлое в собственном доме Сакса, в Боулдере, штат Колорадо, — а затем адресовал уже свой собственный вопрос к тому, кто его задал, в манере, которую часто использовал Мишель. Ну а люди… они были рады пообщаться с новичком. Да и Сакс никогда не был молчуном вроде Саймона. Он всегда активно участвовал в интересующей его беседе, и если редко вставлял слово, то лишь потому, что интерес его пробуждался, когда ставки достигали определенного уровня.

Подобное развлечение, как правило, было зря потраченным временем, зато теперь Сакс коротал вечера в компании и не чувствовал себя одиноким. Вдобавок коллеги затрагивали интересные профессиональные темы. Он тоже вносил свой вклад, рассказывая о прогулках по Берроузу,

закидывая знакомых ворохом вопросов об увиденном, об их прошлом, о «Биотике», о ситуации на Марсе и так далее. Для Линдхольма это имело такое же большое значение, как и для Сакса.

Однажды Клэр и Беркин подтвердили его догадку насчет города. Берроуз был своеобразной столицей Марса, и главные офисы крупнейших транснациональных корпораций располагались именно здесь. В общем, транснационалы являлись эффективными правителями планеты. Благодаря им стала возможна победа или хотя бы выживание «Группы одиннадцати» и некоторых сильных индустриальных стран в войне 2061 года, а теперь они сплетали все в единую мощную структуру. Впрочем, было не совсем ясно, кто на самом деле стоит у руля: правительства стран или мегакорпорации. Однако на Марсе это было очевидно: как ни крути, а УДМ ООН лопнуло в 2061 году, как один из купольных городов! Временное Правительство ООН, занявшее его место, являлось административной группой, в которой состояли управляющие транснационалов, и его решения претворялись в жизнь силами их служб безопасности.

— ООН не имеет к этому никакого отношения, — заявил Беркин. — На Земле ООН — такая

же мертвая структура, как и УДМ ООН. Их название — банальное прикрытие.

— Их и называют Временным Правительством!

— Сразу видно, кто есть кто, — буркнул Беркин.

Между прочим, полицейская форма транснациональных служб безопасности частенько мелькала на улицах Берроуза. Эти громилы носили ржаво-рыжие прогулочники с нарукавными повязками разных цветов. Ничего особо зловещего… кроме очевидного факта их присутствия.

— Но зачем? — спросил Сакс. — Кого им бояться?

— Их беспокоят богдановисты, прибывающие с холмов, — ответила Клэр и рассмеялась. — Как глупо!

Сакс вскинул брови, промолчав. Он был заинтригован, но тема оказалась слишком рискованна. Лучше просто слушать, когда разговор завязывается сам собой. Однако, прогуливаясь по Берроузу, он всматривался в толпу пристальней. Теперь он замечал суровых полицейских повсюду. «Консолидэйтед», «Амекс», «Ороко»… И почему они еще не объединились в одно подразделение? Возможно, транснационалы до сих пор

оставались и соперниками, и союзниками, что объясняло наличие отдельных подразделений служб безопасности, а может, и резкое увеличение систем распознавания личности. Но именно по этой причине повсюду и появились лазейки, позволяющие Десмонду внедрять своих агентов в систему и помогающие им просочиться дальше. Швейцарцы, как свидетельствовал личный опыт Сакса, покрывали людей, приходящих «из ниоткуда». Разумеется, другие страны и транснационалы занимались тем же самым.

В общем, в текущей политической ситуации информационные технологии создавали не единство, а раздробленность. Аркадий предсказывал подобное развитие, но Саксу это казалось чрезмерно иррациональным, чтобы воплотиться в жизнь. А сейчас он вынужден был признать, что так все и произошло. Компьютерные сети не в состоянии были отслеживать каждый чих граждан, поскольку вечно конкурировали друг с другом. А полиция, которая рыскала по городу в поисках людей, подобных Саксу, была не способна на всяческие подвиги.

Он же был Стефаном Линдхольмом. Ему принадлежала комната Линдхольма на плато Хант, работа Линдхольма и каждодневные обязан-

ности, привычки Линдхольма и его прошлое. Квартира-студия мало походила на идеальное жилище в представлении Сакса. Одежда хранилась в шкафу, ни в холодильнике, ни на кровати не валялись экспериментальные образцы, а на стене были развешаны репродукции картин Эшера, Хундертвассера и парочка неподписанных набросков британца Спенсера, безусловно — нечаянная неосторожность. Однако Сакс чувствовал себя в безопасности под прикрытием своей новой личины. А если бы его обнаружили, последствия были бы лишены истинного трагизма. Вероятно, он смог бы вернуть себе часть былого влияния. Он всегда был аполитичен, интересуясь только терраформированием, и исчез во время безумия 2061 года лишь потому, что другой выбор мог стать для него фатальным. Конечно, транснационалы увидят все именно в таком свете и попытаются переманить Сакса на свою сторону.

Однако он просто строил гипотезы. В реальности он мог и дальше вести жизнь Линдхольма.

Что он и делал, обнаружив, что работа ему и впрямь нравится. В старые времена, стоя во главе целого проекта по терраформированию, невозможно было не погрязнуть в болоте адми-

нистрирования или не распыляться на самые разные вопросы, стараясь всюду успеть и взвешенно принимать решения. В действительности тот образ жизни вел к отсутствию глубины в любом из направлений и, в итоге, к отсутствию понимания. Теперь же Сакс был сосредоточен на создании гибридных растений, предназначенных для внедрения в примитивные экосистемы, которые распространялись в области ледников. Сперва он занимался лишайниками, основанными на виде из антарктической долины Райта и сконструированными так, чтобы расширить границы биорегионов. Базовый лишайник обитал в расселинах антарктических скал, и Сакс хотел повторить то же самое, заменив одну водорослевую часть другой, которая развивалась быстрее. Он намеревался получить лихо растущий симбионт, который бы обогнал своего медлительного предшественника. А еще он пытался внедрить в лишайник гены фреатофитов, относящихся к солестойким растениям, вроде тамариска или алленрольфии. В случае успеха гибриды смогут жить в условиях, в три раза превышающих соленость морской воды. Помимо этого, механизмы, регулирующие проницаемость клеточных мембран, должны будут передаваться на клеточном

уровне. Если Сакс все верно рассчитает, он создаст устойчивый соляной лишайник на Марсе! Сакса подгоняло осознание прогресса, который был достигнут в данной области со времен их первых грубых попыток в Андерхилле создать организм, который выживет на поверхности. Хотя тогда условия были посложнее, а теперь и познания в генетике, и набор методов значительно расширились.

Но одна задачка потребовала массы усилий: приспособление растений к нехватке азота на Марсе. Основная часть концентрированных азотистых соединений была разработана сразу после открытия месторождений и высвобождена в атмосферу непосредственно в виде азота. В общем, процесс, начатый Саксом еще в сороковых, был, безусловно, необходим, так как атмосфере отчаянно требовался азот. Но он требовался и почве, и, поскольку почти весь азот выпустили в воздух, растительная жизнь страдала от его нехватки. С этой проблемой не приходилось сталкиваться земным растениям, во всяком случае — не в таких масштабах, поэтому не имелось адаптивных механизмов, которые можно было бы вмонтировать в гены ареофлоры.

Проблема азота постоянно поднималась в спо-

рах во время вечерних посиделок в кафе «Лоуэн» на краю плато.

— Говорят, азот настолько дорог, что стал мерой обмена между членами подполья, — сообщил Саксу Беркин. Сакс лишь неловко кивнул в ответ.

Их компания отдавала дань уважения ценности азота, вдыхая N_2O из баллонов, передаваемых по кругу. Считалось — без должных на то оснований, но с большой уверенностью, — что это поможет их усилиям по терраформированию. Сакс взял баллончик в руки и, прищурившись, посмотрел на него. Он уже заметил, что такие безделушки можно приобрести в туалетах: теперь там имелись целые фармакологические отделы, и настенные автоматы продавали закись азота, омегендорф, пандорф и другие вещества. Очевидно, вдыхание газов было распространено в этой среде. Сакс не слишком интересовался подобными развлечениями, но разве он мог отказаться? Ведь сама Джессика передала ему баллончик, а потом прислонилась к его плечу! Да уж, теперь поведение Сакса и Стефана явно расходилось!

Поэтому Сакс послушно надел маску, закрывающую рот и нос, и сразу же почувствовал под пластиком худое лицо Стефана. Он вдохнул

холодную струю газа, задержал ее ненадолго и почувствовал легкость — таково было субъективное восприятие. Было любопытно наблюдать, как настроение отзывалось на химические манипуляции, несмотря на то что эмоциональный контроль и здравый смысл пребывали в очень шатком равновесии. Не самое приятное состояние, на первый взгляд, но в тот момент ему было на это наплевать. Сакс ухмыльнулся. Он посмотрел поверх перил на крыши Берроуза и вдруг заметил, что в кварталах к западу и северу крыши были синими, а стены — белыми, что придавало им сходство с Грецией. Надо же, а старая часть города походила на Испанию…

Джессика крепко вцепилась в его руку. Возможно, ее способность сохранять эмоциональный контроль пошатнулась под воздействием веселящего газа.

— Пора выйти из альпийской зоны! — выпалила Клэр. — Меня тошнит от лишайников, мхов и травы! Наши экваториальные арктические пустыни превращаются в луга, у нас есть криволесье, они круглый год получают солнечный свет, а атмосферное давление у подножия уступов не отличается от давления в Гималаях.

— На вершинах Гималаев, — подчеркнул Сакс и

мысленно проверил себя. Это был поступок Сакса, почувствовал он — и добавил, как Линдхольм: — И в Гималаях есть высокогорные леса.

— Точно! Стефан, со времени своего прибытия ты проделал чудесную работу! Почему бы тебе, Беркину, Джессике и СиДжею не начать работать над субальпийскими растениями? Что, если вы сделаете миленькие перелески?

Они приветствовали идею очередным вдохом закиси азота. Мысль о соленых ледяных бассейнах, превращающихся в поля и леса, внезапно показалась Саксу невероятно смешной.

— Нам нужны кроты, — пробормотал Сакс, стараясь стереть ухмылку с лица. — Они, как и мыши-полевки, играют решающую роль в превращении арктических пустынь в луга. Но сумеем ли мы сотворить арктических кротов, способных выжить при высоком содержании CO_2 в атмосфере?

Его коллеги дружно расхохотались, но Сакс неожиданно для самого себя погрузился в раздумья.

— Послушай, Клэр, как ты считаешь, мы можем посмотреть на какой-нибудь ледник? Есть там полевые работы?

Клэр прекратила хихикать и кивнула.

— Конечно. Кстати, мы располагаем экспериментальной станцией с хорошей лабораторией на леднике Арена. С нами связывался биотехник из группы «Армскора», тот, который имеет нешуточное влияние на Временное Правительство. И они совсем недавно выказали желание посетить этот ледник! Думаю, они собираются построить похожую станцию в долине Маринер. Мы можем сопровождать их, показать им все красоты и провести полевые исследования. Убьем двух зайцев одним выстрелом.

Планы по подготовке поездки заставили их спуститься из кафе в лабораторию и пройти в головной офис. Одобрение было получено с легкостью, как и всегда в «Биотике». Короче говоря, Сакс усердно трудился, готовясь к полевым работам, и грезил о леднике. Рано утром он упаковал сумку, сел на метро и поехал к Западным воротам. Именно там, в швейцарском гараже, он заметил несколько человек из офиса в компании незнакомцев. Они еще не успели представиться друг другу. Когда Сакс подошел, Клэр увидела его и втянула в толпу. Выглядела она возбужденно.

— Хочу представить тебя нашим гостям! — воскликнула Клэр. — Стефан, познакомься с Филлис Бойл. Филлис, это Стефан Линдхольм.

Женщина в яркой блузке обернулась.

— Как поживаете? — произнесла Филлис, протягивая руку.

Сакс пожал ее ладонь.

— Хорошо, спасибо, — выдавил он.

Влад стянул его голосовые связки, чтобы, на всякий случай, придать голосу Сакса другое звучание, но все в Гамете сошлись на том, что его интонации ни на йоту не изменились. И теперь настороженная Филлис склонила голову набок.

— С нетерпением жду поездки, — сказал Сакс и покосился на Клэр. — Надеюсь, я вас не задержал?

— Нет, мы еще ждем водителей.

— Ясно, — Сакс отступил. — Приятно познакомиться, — вежливо обратился он к Филлис. Она кивнула и, окинув его взглядом, повернулась к другим собеседникам.

Сакс пытался сконцентрироваться на том, что Клэр говорила о водителях. Вероятно, управление вездеходом на Марсе теперь требовало отдельной специализации.

«Ничего себе», — подумал он. Конечно, опасаться мог лишь Сакс, не Стефан. Возможно, ему следовало наброситься на Филлис, заявить, что он знаком с ней по старым записям и восторгался ею годами. Хотя он понятия не имел, как кто-то мог восторгаться Филлис. Она прошла войну с огромными потерями — пусть и вместе с победи-

телями, но только она из первой сотни выбрала эту сторону. Коллаборационистка, так ее называли. Ну, конечно! По правде говоря, она была не одна такая из первой сотни. Василий оставался в Берроузе, Джордж и Эдвард были на Кларке с Филлис, когда астероид оторвался от троса и его выбросило из области эклиптики. Выжить после такого наверняка было не просто. Сакс и не думал, что это возможно, но сейчас убедился в обратном. Филлис стояла возле него и беседовала с толпой обожателей. Хорошо, что он узнал о ее спасении несколько лет назад. Иначе, увидев ее сейчас, он испытал бы настоящий шок.

Филлис — седая, голубоглазая женщина, носящая украшения из золота и гелиотропов — выглядела лет на шестьдесят, хотя родилась в том же году, что и Сакс. Но ей уже исполнилось сто пятнадцать! Ее блуза переливалась всеми цветами спектра: спина сияла оттенком индиго, но, когда Филлис поворачивалась и окидывала взглядом Сакса, ткань становилась изумрудно-зеленой. Сакс притворился, что не замечает ее пристального взора.

Наконец, прибыли водители, все погрузились в марсоходы и тронулись в путь. К счастью, Филлис села в соседнюю машину. Мощные марсоходы

двигались на север по бетонированной дороге, и Сакс не видел необходимости в специально обученных водителях, хотя признал, что ехали они быстро, разогнавшись до ста шестидесяти километров в час. Для Сакса, который привык к скоростям примерно в четыре раза ниже, мини-путешествие стало приятным развлечением. Остальные пассажиры жаловались на ухабы и слишком низкую скорость — вероятно, по сравнению с экспресс-поездами, которые курсировали по железным дорогам на скорости примерно 600 километров в час.

Ледник Арена лежал приблизительно в восьмистах километрах к северо-западу от Берроуза, спускаясь с нагорья Большой Сирт на север — к долине Утопия. А разместился он вдоль канала Арены на расстоянии в триста пятьдесят километров. Клэр и Беркин при участии других попутчиков рассказали Саксу о леднике, и Сакс отчаянно старался выказать всепоглощающий интерес. Но скучать ему не пришлось, потому что подробности были захватывающими: ведь именно Надя перенаправила прорыв водоносного горизонта Арены. (Некоторые из тех, кто был тогда с Надей, осели после войны в Южной Борозде и сообщили миру эту историю, которая

вмиг стала общественным достоянием.)

Похоже, коллеги Сакса действительно думали, что много знают о Наде.

— Она выступала против войны, — доверительно сообщила ему Клэр. — Надя делала все, что могла, чтобы предотвратить ее, а потом устраняла причиненный ущерб, когда война уже началась. Люди, которые видели ее в Элизии, говорили, что она не спала и постоянно принимала стимуляторы. Она спасла десять тысяч жизней за неделю работы в Южной Борозде.

— Что с ней случилось? — спросил Сакс.

— Никто не знает. Она исчезла.

— Она отправилась в Лоу-Пойнт, — встрял Беркин. — Если Надя была там во время затопления, то, вероятно, погибла.

— Да, — Сакс грустно кивнул. — Тогда были плохие времена.

— Ужасные, — убежденно произнесла Клэр. — Столько разрушений… Естественно, послевоенный урон отбросил терраформирование на десятилетия назад.

— Но прорывы водоносных слоев были полезны, — пробормотал Сакс.

— Да, но их можно было сделать и в мирное время. Мы бы проконтролировали процесс.

— Верно, — Сакс пожал плечами, и разговор продолжился без него.

После столкновения с Филлис участвовать в обсуждениях 2061 года стало опасно.

Сакс до сих пор не мог поверить, что Филлис не узнала его. Пассажирский отсек, в котором они сидели, имел блестящие магниевые панели над окнами, и среди лиц коллег мелькало лицо Стефана Линдхольма — лысого пожилого человека с крючковатым носом. Этот самый нос придавал его глазам не просто птичье, а прямо-таки ястребиное выражение. Четкие губы, волевой подбородок — нет, он совсем не похож на прежнего Сакса. Филлис, конечно, оставалась в неведении.

Но внешность — это еще далеко не все.

Сакс пытался не нервничать, пока они катили по дороге на север, и сконцентрировался на пейзаже. В пассажирском отсеке была куполообразная крыша, а окна выходили на все четыре стороны, и обзор был превосходный. Они ехали вверх по западному склону равнины Исиды, по той части Большого Уступа, которая выглядела словно подрезанная насыпь. Острые, как пилы, темные холмы Большого Сирта поднимались над северо-западным горизонтом. Воздух был чище,

чем в старые времена, и в пятнадцать раз менее разрежен. Пыли в нем поубавилось: снежные шторма прибивали мелкие частицы к земле и скрепляли их в ледяную корку. Конечно, ураганы часто ее разбивали, и пойманные частички клубились в воздухе, но то были локальные явления, а очищающие небо шторма постепенно уходили в другие — более высокогорные районы.

И небо меняло цвет. Прямо над головой оно было насыщенно-фиолетовым, а над западными холмами — белесым, переходящим в бледно-лиловый и еще какой-то странный оттенок, нечто между фиолетовым и бледно-лиловым, названия которого Сакс не знал. Глаз способен распознавать оттенки, отличающиеся лишь на несколько длин волн! Разумеется, небольшого количества названий цветов, лежащих между красным и синим спектрами, совершенно недостаточно для этого зрелища! Но, так или иначе, а цвета на небосклоне разительно отличались от золотистых и розовых красок прошлых лет. Пыльные бури всегда будут ненадолго возвращать небу его первозданный охристый оттенок, а когда атмосфера совсем очистится, цвет будет свидетельствовать о ее толщине и химическом составе. Интересно, что люди увидят в будущем? Сакс вынул из

кармана планшет, чтобы произвести некоторые вычисления.

Он уставился в маленький экран, вдруг сообразив, что это планшет Сакса Рассела и при проверке он точно попадется. Это было все равно, что носить в кармане настоящий паспорт.

Сакс отогнал от себя гнетущую мысль — теперь уже ничего не поделаешь! — и сосредоточился на пейзаже за окном. В чистом воздухе цвет неба определялся тем, как рассеивали свет молекулы воздуха, и поэтому толщина атмосферы являлась критическим параметром. Когда они только прибыли на Марс, давление воздуха составляло 10 миллибар, а сейчас — в среднем около 160. Но поскольку это давление было создано его весом, 160 миллибар на Марсе означали, что воздуха здесь почти втрое больше, чем в любой точке с таким же давлением на Земле. Поэтому 160 миллибар на Марсе должны рассеивать свет почти так же, как 480 миллибар на Земле. Значит, небо над головой должно быть темно-синего оттенка, который можно увидеть на фотографиях, снятых в горах, на высоте около четырех тысяч метров.

Однако цвет, просачивающийся в окна и купол их марсохода, был красным. И даже ясным утром после сильного шторма на Марсе Сакс никогда

не замечал того чистого синего оттенка, столь обычного для неба Земли. Он задумался. Странной особенностью марсианской гравитации являлось то, что колонна воздуха здесь поднималась выше, чем на Земле. Вероятно, мелкие частицы на Марсе легче поднимались вверх, и их выносило выше уровня облаков, поэтому ураганы не могли прибить их к почве. Сакс вспомнил туманные слои, которые они фотографировали — те достигали высоты в пятьдесят километров над уровнем облаков. Другим фактором мог стать состав атмосферы. Молекулы углекислого газа рассеивали свет эффективней, чем кислород или азот, а Марс, вопреки усилиям людей, до сих пор содержал в составе атмосферы больше CO_2, чем на Земле. Результат этих различий поддавался подсчету. Сакс вбил уравнение для закона распределения Рэлея, который утверждал, что энергия света рассеивается в единице объема воздуха обратно пропорционально длине волны падающего *света* в четвертой степени. Затем Сакс принялся царапать на экране планшета, меняя переменные, сверяясь со справочниками или подставляя цифры по памяти и наугад.

В результате Сакс понял, что если атмосфера уплотнится до одного бара, то небо, вероятно, ста-

нет белым, как молоко. Сакс также подтвердил теорию о том, что сейчас марсианское небо должно быть гораздо более синим, чем на самом деле, поскольку с таким рассеиванием интенсивность синего — в шестнадцать раз сильнее красного. Последний факт позволял предположить, что частички, парящие в атмосфере, и придавали всему красный цвет. Если данное объяснение верно, напрашивался вывод, что еще многие годы цвет и прозрачность марсианского неба будут варьироваться в зависимости от погоды и других параметров, влияющих на чистоту атмосферы…

Сакс продолжал таращиться в планшет. Он попеременно включал в формулы силу отблеска потолочного света в кабине, уравнение переноса излучения Чандрасекара, степень того или иного цвета и химический состав атмосферы с взвешенными частицами пыли. Затем он добавил в свои расчеты многочлены Лежандра для оценки степени углового рассеяния и не забыл присовокупить функции Риккати-Бесселя, чтобы рассчитать сечение рассеянного света. Он был занят большую часть пути к леднику Арена, упрямо игнорируя окружающий мир и ситуацию, в которой очутился.

К полудню марсоходы добрались до поселения,

носящего название Брэдбери. Оно было покрыто куполом класса Никосия и напоминало городки Иллинойса. Здесь имелись окаймленные деревьями асфальтированные улицы, крытые веранды двухэтажных каменных домов, покрытых черепицей, главная улица с магазином и паркоматами, центральный парк с белой беседкой под гигантскими кленами…

Марсоходы направились на запад по узкой дороге — через вершину Большого Сирта. Тропа оказалась сделана из черного песка, очищенного от камней и сбрызнутого фиксативом. В принципе, весь район был очень темным. Большой Сирт стал первым объектом на поверхности Марса, зафиксированным земными телескопами. 28 ноября 1659 года Христиан Гюйгенс различил Марс именно благодаря этим темным камням. Земля здесь иногда отливала фиолетовым, словно баклажан. Холмы и откосы, между которыми виляла дорожка, были угольно-черными, как и отдельно стоящие столовые горы с низкими кряжистыми гребнями. Гигантские камни на другой стороне, принесенные ледником, имели ржаво-рыжий оттенок. Они как будто настойчиво напоминали людям о том цвете, от которого те временно ускользнули.

Наконец, марсоходы перевалили через ребро скального основания, и у Сакса перехватило дыхание. Перед ним раскинулся ледник, рассекающий мир слева направо, словно след молнии, ударившей в землю. Выступ скальной породы на дальнем краю шел параллельно тому, который они миновали, и казался копией своего собрата. Могучие марсианские выступы даже походили чем-то на боковые морены, хотя на самом деле это были два параллельных гребня, которые направляли прорвавшийся поток.

Ледник достигал примерно двух километров в ширину. Толщиной он, казалось, был не больше пяти или шести метров, но, очевидно, бежал вниз по каньону, а значит, там имелись скрытые глубины.

Поверхность его частично выглядела как обыкновенный реголит — каменистый и запыленный — с мелким гравием наверху, так что льда не было видно. Другие фрагменты напоминали поверхность хаоса, но только полностью ледяного, с узлами белых сераков, торчащих из подобий валунов. Некоторые сераки представляли собой разбитые плиты, расставленные, как пластины на спине стегозавра. Их цвет варьировался от полупрозрачно-желтого и переходил к более тем-

ному, пламеневшему в лучах закатного солнца.

Здесь до самого горизонта царила абсолютная неподвижность, словно весь мир в один миг замер и оцепенел. Ледник Арена лежал тут уже сорок лет. Но Сакс не сразу вспомнил, когда в последний раз видел нечто подобное, и невольно бросал взгляды на юг, как будто поток мог прорваться в любой момент.

Станция «Биотик» располагалась в паре километров выше, на краю кратера, из которого открывался великолепный панорамный вид. Солнце опустилось к горизонту, и постоянные сотрудники станции уже заканчивали свою работу. Сакс прошел с Клэр и гостями из «Армскора», включая Филлис, в обзорную комнату, которая находилась на самом верхнем этаже. В просторном помещении можно было вдоволь полюбоваться раздробленной массой льда в затухающем свете дня.

Даже в такой ясный вечер горизонтальные лучи солнца окрашивали воздух в яркий насыщенно-красный цвет, и поверхность ледника сверкала как гигантская драгоценность. Багровые отблески бежали пунктирной линией между свежерасколотым крошевом и солнцем, но кое-где на поверхности ледника свет отражался под

очень странными углами. Филлис отметила, насколько большим казалось солнце теперь, когда солетта вышла на орбиту.

— Разве не чудесно? Зеркала почти различимы, правда?

— Похоже на кровь.

— Нет, на юрский период.

Сакс решил, что все это скорее напоминает звезду типа G на расстоянии около одной астрономической единицы. И все было замечательно, поскольку в действительности они находились на расстоянии полутора астрономических единиц от нее. Что же касается рубинов или динозаврьих глаз…

Светило скользнуло за горизонт, и красные вспышки мгновенно исчезли. Грандиозный веер тусклых лучей протянулся через небосклон. Затем розоватые зарницы взрезали темно-фиолетовое небо. Филлис ахнула, увидев настолько чистые и прозрачные цвета.

— Интересно, что порождает эти удивительные лучи? — спросила она.

Сакс автоматически открыл рот, чтобы рассказать про тени холмов или облаков за горизонтом, когда ему вдруг пришло на ум, что а) вероятно, это был риторический вопрос, и б) дать технический

ответ — значит, поступить так, как поступил бы Сакс Рассел.

Поэтому он захлопнул рот и подумал, что в такой ситуации мог сказать Стефан Линдхольм. Этот вид самосознания оказался новым для Сакса и причинял ощутимое неудобство, но ведь должен он хотя бы иногда изрекать нечто разумное! Увы, длительное молчание тоже было очень по сакс-расселловски и совсем не походило на Линдхольма, каким Сакс отыгрывал его до сих пор. Так что он постарался не ударить лицом в грязь.

— Только подумайте, как близко подошли к Марсу фотоны, — произнес Сакс. — Теперь они полетят через всю вселенную.

Коллеги покосились на него, услышав столь диковинную реплику. Но это вновь втянуло Сакса в группу. Что ни говори, а он добился поставленной цели!

Через полчаса они спустились в обеденный зал, чтобы съесть пасту под томатным соусом и свежеиспеченный хлеб. Сакс сидел за главным столом и не отставал от своих коллег. Он стремился казаться обычным, но отчаянно старался следовать неуловимым правилам светской беседы и социального дискурса. Вот что всегда ставило его в тупик! Забавно, но чем больше Сакс

размышлял о социальных коммуникациях и работе в команде, тем меньше он понимал. Сакс знал, что его всегда считали эксцентричным, и слышал анекдот о том, что вместо мозга у него — сотня мутировавших лабораторных крыс. Какой неловкий момент: он стоял в темноте за дверью лаборатории, слушая, как кое-кто из поколения постдоков весело рассказывает эту байку своим младшим коллегам, и ощущал крайний дискомфорт от того, что видел себя чужими глазами. Он словно стал кем-то другим, каким-то удивительно особенным персонажем.

Но теперь-то он превратился в Линдхольма — в свойского парня! А тот знал, как ладить с людьми. Он был тем, кто умел распить бутылку «Зинфанделя»[22] и мог внести свою лепту в общее веселье за ужином. Тем, кто интуитивно понимал скрытые алгоритмы доброго товарищества и мог функционировать в этой системе, даже не задумываясь.

Сакс потирал пальцем переносицу, пил вино, которое подавляло его парасимпатическую нервную систему до такой степени, что он становился менее зажатым и более разговорчивым, и болтал,

---

[22] Примечания: 22
Калифорнийское красное вино.

как ему казалось, весьма успешно. Правда, его слегка встревожило, что в разговор его неоднократно втягивала Филлис. Она сидела напротив и внимательно смотрела на него. Кстати, и он тоже поглядывал на нее очень и очень пристально! Для подобного рода вещей существовали свои протоколы, но Сакс их тоже никогда не понимал. Теперь он вспомнил, как Джессика опиралась на него в кафе, плеснул себе еще вина, кивнул и улыбнулся, с трудом размышляя о сексуальной привлекательности и ее причинах.

Кто-то задал Филлис неизбежный вопрос о ее спасении с Кларка, и когда она заговорила, то часто посматривала на Сакса. Может, она хотела заверить его, что рассказывает это в основном для него. Сакс вежливо слушал, борясь с желанием отвести взгляд, что могло бы выдать его волнение.

— Нас никто ни о чем не предупредил, — говорила Филлис. — Мы были в лифте на орбите Марса. Мы мучились, зная о том, что творилось внизу, на поверхности, и всеми силами пытаясь придумать способ остановить беспорядки… Внезапно нас тряхнуло, как при землетрясении, и мы полетели прочь из Солнечной системы. — Она улыбнулась и выдержала паузу, подождав, пока

стихнет смех.

Сакс понял, что она уже много раз рассказывала историю своего спасения в той же самой манере.

— Вы, должно быть, изрядно испугались! — заметил кто-то.

— Удивительно, но в чрезвычайных ситуациях нет времени бояться, — ответила она. — Как только мы разобрались, что произошло, то поняли одно: каждая секунда, проведенная на Кларке, уменьшала наши шансы на выживание. Поэтому мы собрались в командном центре, пересчитали людей по головам, обсудили ситуацию и подвели итоги. Все делалось в спешке, но без паники, если вы понимаете, о чем я говорю. Как бы там ни было, оказалось, что в ангарах находится стандартное количество транспортников класса «Земля — Марс», а расчеты искина показали, что почти для каждого из них нам понадобится направляющее ускорение. Мы сообразили, что сможем вернуться на плоскость эклиптики в тот момент, когда войдем в систему Юпитера. Нас как раз относило в направлении Юпитера, что было благословением. Ну, или стало благословением, когда дела пошли совсем плохо. Мы решили вывести грузовые суда из ангаров и держаться рядом с Кларком, а потом сцепить их и загрузить

до предела кислородом с Кларка, горючим и самым необходимым оборудованием. Мы отчалили на сооруженных на скорую руку спасательных суденышках лишь тридцать часов спустя, что сегодня кажется мне невероятным. Боже мой…

Она покачала головой, и Сакс подумал, что стал свидетелем того, как реальные воспоминания вторглись вдруг в ее историю, слегка растревожив Филлис. Тридцатичасовая эвакуация была проведена крайне быстро, и, без сомнения, время тогда промелькнуло, как в кошмарном сне, в состоянии, настолько отличающемся от нормального, что это сложно было вообразить.

— Мы забились в каюты, нас было двести восемьдесят человек… В конце концов, мы вышли в открытый космос, отсекая ненужные части транспортников. Оставалось лишь надеяться, что нам хватит горючего и мы сможем проложить курс к Юпитеру. Мы осознали, что у нас все получилось, лишь спустя два месяца. А потом началось самое трудное — мы десять недель входили в систему Юпитера! Мы использовали планету, как гравитационный рычаг, чтобы повернуть по направлению к Земле, которая тогда была ближе, чем Марс. Но мы крутанулись вокруг Юпитера так резко, что для торможения нам понадобились

атмосфера Земли и притяжение Луны, поскольку горючего у нас почти не осталось. И в тот момент мы в два раза превысили скоростной рекорд, поставленный людьми. Восемьдесят тысяч километров в час — думаю, примерно с такой скоростью мы шли, когда первый раз соприкоснулись со стратосферой. На самом деле это был неплохой результат, ведь у нас уже кончались еда и кислород. Мы голодали, но зато сделали это — мы увидели Юпитер вот с такого расстояния, — Филлис расставила большой и указательный пальцы на пару сантиметров друг от друга.

Все дружно рассмеялись, но отблеск триумфа в глазах Филлис не имел с Юпитером ничего общего. Хотя в уголке ее рта пряталась горечь: что-то в финале этой истории омрачало ее триумф.

— А вы были лидером, верно? — спросил кто-то.

Филлис повела рукой, дескать, не могу отрицать, как бы мне ни хотелось.

— Это были совместные усилия, — сказала она, — но иногда нужен ответственный человек, когда требуется принимать решения или взять ответственность на себя. А до катастрофы я была главной на Кларке.

Филлис широко улыбнулась, уверенная, что им

понравился рассказ. Все зааплодировали. Сакс удовлетворенно кивнул, когда она взглянула на него. Филлис была привлекательной женщиной, но, по его мнению, не очень яркой. А может, такая оценка являлась следствием того, что Филллис ему не слишком нравилась. Без сомнения, в некотором смысле она была умна и, конечно, обладала высоким IQ. И она была отличным биологом! Однако не каждый интеллект поддается тестированию. Сакс заметил данный факт еще в студенческие годы: люди, показывающие замечательные результаты в тестах на сообразительность, могли пойти на вечеринку и уже через час вызвать презрительный смех у окружающих. А самые легкомысленные университетские чирлидерши, умудрявшиеся дружить со всеми и оставаться крайне популярными, казались Саксу обладателями интеллекта столь же мощного, что и у любого блестящего, но неуклюжего математика. Вычисления социальных взаимодействий были гораздо вариативнее любой физики — что-то вроде новой области математики, каскадный рекомбинантный хаос, только еще сложнее. Словом, имелось две разновидности ума, а может, и больше: к примеру, пространственный, эстетический, морально-этический, интерактивный,

синтетический, аналитический… В общем, везде можно было натолкнуться на людей, который были по-своему умны, а уж среди них иногда попадались исключительные, почти гениальные личности…

Филлис купалась в лучах внимания слушателей, которые были младше нее (по крайней мере, внешне), и сияла от собственной значимости. Наверное, Филлис не принадлежала к действительно умным людям. Наоборот, она была непроницательна, когда дело касалось того, что о ней думают другие. Сакс, который знал за собой подобный недостаток, смотрел на нее с лучезарной линдхольмовской улыбкой. Но для него была очевидна тщета и даже некоторая самонадеянность ее представления. Самонадеянность всегда глупа. И часто скрывает неуверенность в себе. Трудно догадаться, что за успешной и привлекательной личностью кроется застенчивость и хрупкость. А Филлис, конечно же, была привлекательной…

После ужина они вернулись в обсерваторию и под сверкающей чашей из звезд устроили вечеринку. Кто-то принес инструменты и заиграл музыку в стиле «нуво калипсо», столь популярную в Берроузе, а другие принялись танцевать.

Мелодия неслась в ритме сотни ударов в минуту, согласно подсчетам Сакса, — он предполагал, что это идеальный ритм для физиологической стимуляции сердца, секрет настоящей танцевальной музыки.

И вдруг Филлис оказалась рядом с ним, хватая его за руки и втягивая в круг танцующих. Сакс едва удержался от того, чтобы не отпрянуть от нее. Теперь он не сомневался, что его ответная улыбка выглядела, в лучшем случае, вымученной. Насколько он помнил, он никогда в жизни не танцевал. Но то была жизнь Сакса Рассела. Вполне логично, что Стефан Линдхольм обожал всякие пляски. Поэтому Сакс начал мягко подпрыгивать вверх-вниз в такт басу стального барабана и принялся махать руками в отчаянной попытке имитировать добродушное удовольствие.

Чуть позже, пока молодые сотрудники «Биотика» еще танцевали, Сакс спустился на лифте в кухню, чтобы взять несколько упаковок холодного молока. Когда он снова вошел в кабину, то увидел Филлис — она возвращалась наверх со спального этажа.

— Давай я тебе помогу, — предложила она и взяла два из четырех молочных пакетов.

Забрав их, Филлис склонилась к Саксу — она

была на несколько сантиметров выше — и крепко поцеловала его. Сакс ответил на поцелуй, но был так шокирован, что не осознавал происходящего до тех пор, пока не отшатнулся. А воспоминание о ее языке между его губами оказалось очень ярким, как и второй поцелуй. Он попытался взять себя в руки, но по тому, как она рассмеялась, понял, что не преуспел.

— Смотрю, ты не такой сердцеед, каким кажешься, — произнесла она, что не на шутку его встревожило. Ничего подобного с ним никогда раньше не случалось. Сакс постарался сосредоточиться, и как раз в этот момент лифт замедлил ход и двери с шипением разъехались в стороны.

Филлис игнорировала его до конца вечеринки. Но когда все решили разойтись по комнатам и Сакс вновь направился к лифту, она проскользнула между закрывающимися дверями и в третий раз поцеловала его. Он обнял ее, приник к ее губам и стал размышлять, что бы в данной ситуации сделал Линдхольм. Кстати, не навлечет ли такое поведение лишние проблемы на него и на Филлис?

Она шагнула назад с мечтательным, затуманенным взглядом.

— Проводи меня в мою комнату, — прошеп-

тала она.

Немного пошатываясь, Сакс взял ее под локоть, словно чрезвычайно хрупкое лабораторное оборудование, и повел в крохотную комнатку, точно такую же, как и остальные спальни. Замерев на пороге, они опять обнялись. И хотя Сакс чувствовал, что это его последний шанс сбежать и не выглядеть дурнем, но почему-то поступил по-другому и стал весьма страстно ее целовать.

Она отклонилась, чтобы пробормотать:

— Можешь войти.

Что он и сделал без лишних слов.

В действительности его член был уже на полпути к своей слепой дороге, ведущей прямо к звездам, а все хромосомы громко пели — вот глупость! — в предчувствии шанса на бессмертие. Сакс очень давно не занимался сексом ни с кем, кроме Хироко. Те соития, хотя и были дружескими и приятными, не отличались страстностью, а скорее являлись продолжением их совместного купания. А вот Филлис, шарившая руками по его одежде, когда они, целуясь, упали на кровать, была явно возбуждена, что мгновенно передавалось Саксу. Филлис спустила с него штаны, и его член охотно выскочил на свободу, будто иллюстрируя эгоистичную генную теорию, а Сакс

игриво рассмеялся и рванул длинную вертикальную молнию ее костюма. Линдхольм, свободный от комплексов и тревог, был явно взбудоражен предстоящим. Это было понятно. Значит, и он, Сакс, должен испытывать то же самое. Кроме того, хотя Филлис ему особо не нравилась, он ее знал — то были узы первой сотни, воспоминания о годах, проведенных вместе в Андерхилле. Было нечто провокационное в осознании этого факта: сейчас он займется сексом с женщиной, с которой был знаком очень долго. Остальные в первой сотне оказались полигамны — вероятно, все, кроме них с Филлис. В общем, теперь они наверстывали упущенное. В конце концов, она была соблазнительна и, кроме того, желала его…

Но выводы, возникшие в его голове в ту минуту, были мгновенно забыты под напором сексуального влечения. Однако сразу же по окончании акта Сакс снова начал нервничать. Должен ли он вернуться в свою комнату, или ему надо остаться? Филлис заснула, перекинув руку через него, будто хотела убедиться, что он никуда не уйдет. Во сне все выглядят как дети. Сакс скользнул взглядом вдоль ее тела, шокированный различными признаками полового диморфизма. Она дышала спокойно и безмятежно. Как же все просто… Ее

пальцы лежали на ребрах его грудной клетки. И он не покинул ее, хотя и долго не мог заснуть.

После той ночи Сакс с головой ушел в работу, изучая ледник и окружающий ландшафт. Филлис иногда присоединялась к нему, но, бывая на виду, всегда держалась несколько отстраненно. Сакс сомневался, знает ли Клэр (или Джессика!) или кто-либо еще об их романе. Скоро ли коллеги поймут, что их встречи повторяются, причем регулярно? Здесь крылась очередная загвоздка: как Линдхольм должен реагировать на желание Филлис сохранять их отношения в тайне? Но, в конце концов, ничего уже не имело значения. Линдхольм был в той или иной мере принужден, из рыцарских ли побуждений или по причине уступчивости, действовать так же, как и Сакс.

В общем, они держали свои отношения в секрете, как скрывали бы их в Андерхилле, или на «Аресе», или в Антарктике. Старые привычки отмирают с трудом.

А учитывая текущую работу, хранить все в тайне было несложно. Лед и ребристая земля вокруг представляли собой весьма занимательное зрелище, там нашлось много чего для изучения и анализа.

Поверхность ледника Арены оказалась сильно разбита, как и предполагали научные источники. Во время прорыва ледник смешался с реголи-

том, и теперь его пронизывали заключенные внутри пузыри, насыщенные углекислым газом. Камни и валуны, застрявшие на этом уровне, ежедневно растапливали лед и снова вмерзали в него. Постепенно они погрузились в ледник на две трети. Сераки, возвышавшиеся над смятой поверхностью, как гигантские дольмены, при ближайшем рассмотрении оказались глубоко изрыты трещинами. Лед был хрупок, поскольку температура оставалась крайне низкой, и сползал вниз из-за слабой гравитации. Но движение было очень неспешным, будто при замедленной съемке, ведь источник ледника был опустошен. Вся масса в конечном итоге должна была очутиться на Великой Северной равнине. Подобные признаки можно было наблюдать и в новых разломах: свежие расселины, упавшие сераки, потрескавшиеся айсберги зияли тут и там… Но их быстро укрывали белоснежные ледяные цветы, чья соленость только ускоряла кристаллизацию.

Очарованный зрелищем Арены, Сакс обзавелся привычкой каждый день на рассвете выходить из станции и брести по обозначенному флажками пути на площадку, где работала команда «Биотика». В первые рассветные часы лед переливался всеми оттенками ярко-розового, отражая цвет

марсианского неба. Солнечные лучи били в поврежденную поверхность ледника, из расселин возле бассейнов клубился пар, и ледяные цветы переливались, как экстравагантные украшения. Если утро выдавалось безветренным, в туманную ловушку в двадцати метрах над головой мог попасть инверсионный след — остаток от перистых оранжевых облаков. Очевидно, вода ледника испарялась довольно быстро…

А пока Сакс шел вперед, вдыхая морозный воздух, и замечал множество интересных видов снежных водорослей и лишайников. Глядящие на ледник склоны двух боковых хребтов были усеяны ими особенно густо, прямо-таки испещрены пятнами зеленого, золотого, оливкового, черного, рыжего и многих других цветов, наверное, тридцати или сорока, если перечислять все оттенки. Сакс аккуратно переступал через псевдоморены, не желая топтать растительную жизнь, словно это были образцы в лаборатории. Хотя, вероятно, в том не было нужды. Лишайники оказались очень стойкими, и для выживания им требовались только камни, вода и свет. Впрочем, они были способны обходиться и без солнечного света. Они росли подо льдом, внутри Арены, в пористых кусках полупрозрачного камня, а уж

в гостеприимных разломах они по-настоящему процветали. Каждая щель, в которую заглядывал Сакс, щеголяла желтыми и бронзовыми шишечками исландского лишайника. Сакс иногда приносил их в лабораторию и смотрел на тонкие веточки в микроскоп, разглядывая разветвления стеблей, которые были окаймлены шипами.

На плоских камнях Сакс находил целую россыпь лишайников. Здесь встречались, к примеру, корковые и булавовидные лишайники, а еще — яблочно-зеленые листовые и кустистые красно-оранжевые виды, что свидетельствовало о высокой концентрации нитрата натрия в почве. Он видел собранные под морозными узорами, бледные болотно-серые лишайники, у которых при увеличении виднелись стебли, как у исландских собратьев. Собранные вместе, они казались нежными, как кружево. Червеобразные темно-серые растения под микроскопом обнаруживали разрушенные рожки. Но даже разбросанные по частям, они скреплялись в грибковые нити, продолжали расти и развиваться, цепляясь, куда только можно. Они размножались при помощи дробления: что ж, очень удобно в подобной среде.

В общем, лишайники благоденствовали, и

кроме тех видов, которые Сакс мог распознать с помощью изображений на дисплее наручной консоли, ему попадались и неизвестные экземпляры. Они не совпадали ни с одним образцом, представленным в списке. Эти растения заинтриговали его настолько, что он собрал несколько образцов, чтобы показать их Клэр и Джессике.

Но лишайники были лишь началом. На Земле участки раздробленного камня, только освободившиеся ото льда или появившиеся в связи с ростом молодых гор, назывались каменными полями. На Марсе такие зоны окрестили реголитом, и в целом так называлась чуть ли не вся поверхность планеты. Мир каменных полей. На Земле эти районы были издавна заселены микробактериями и лишайниками, которые, наряду с химическим воздействием, превращали камень в скудную почву, заполнявшую трещины между другими валунами. С течением времени в ней скапливалось достаточное количество органики, чтобы поддерживать новые виды растений. Подобные регионы назывались каменистыми пустынями. Название оказалось метким: они до сих пор никуда не делись, и поверхность земли была усыпана камнями, но сама почва уже имела прослойку около трех сантиметров и поддержи-

вала рост живучих растений.

А теперь похожий пейзаж появился на Марсе. Клэр и Джессика предложили Саксу пересечь ледник и спуститься вдоль боковой морены, и однажды утром, ускользнув от Филлис, он так и сделал. После получаса ходьбы он застыл у валуна высотой по колено. Прямо под ним обнаружился влажный участок почвы, мерцающий в солнечных лучах. Очевидно, таявшая вода бежала здесь почти каждый день, и сейчас, в абсолютной тишине, Сакс услышал под краем ледника журчание ручейков, которое напоминало звон крохотных деревянных колокольчиков. В этом миниатюрном дренажном бассейне, среди потоков бегущей воды, повсюду бросались в глаза яркие пятна — цветы. Серую каменистую пустыню внезапно сменял пестрый цветочный ковер, все вокруг оказалось усыпано красными, синими, желтыми, розовыми, белыми точками…

Цветы умещались на мшистых подушках-флоретах или скрывались в листьях. Все растения упрямо стелились по темной земле, которая была гораздо теплее воздуха, и только трава поднималась на несколько сантиметров вверх. Сакс на цыпочках перебирался с камня на камень, не желая наступить ни на одно растение. Он осто-

рожно опустился на колени, чтобы рассмотреть самые маленькие цветы, и выставил линзы лицевой панели на максимальное увеличение. В утренних лучах сияли непременные обитатели каменистой пустыни: смолевка бесстебельная с кольцами розовых соцветий на изумрудных подушечках, флокс шиловидный, пятисантиметровые веточки мятлика, блестящие, как осколки стекла… Рядом соседствовали флоксы, умело цепляющиеся за почву, чтобы закрепить свои там свои нежные корешки. Поодаль пылал первоцвет с желтым глазком и темно-зелеными листьями, тянущийся вдоль узких впадин, по которым вода сбегала в розетку. У многих растений были опушенные листья. Там были и ярчайшие незабудки с лепестками, плотно покрытыми антоцианами[23]. Они казались почти фиолетовыми — цвета марсианского неба при давлении в 230 миллибар, если верить вычислениям Сакса, сделанным по дороге к Арене. Странно, что у этого цвета не имелось названия, ведь он был таким выразительным! Может, он назывался

[23] Примечания: 23

Антоцианы (от *греч.* αυθος — цветок и κυανός — синий, лазоревый) — окрашенные растительные гликозиды, содержащие в качестве агликона антоцианидины — замещенные 2-фенилхромены, относящиеся к флавоноидам.

цианистый синий…

Сакс неторопливо изучал растения, используя полевой гид в наручной консоли, чтобы идентифицировать длиннолист, гречиху, карликовый люпин, карликовый клевер и его тезку камнеломку.

Надо же! Он никогда не видел ни одной камнеломки в дикой среде и долго смотрел на свои трофеи. Что за чудо — арктическая и болотная камнеломки с крохотными веточками, покрытыми длинными листьями, и бледно-голубыми цветами на конце!

Как и в случае с лишайниками, на леднике прижилось множество растений, которые Сакс не мог идентифицировать. Они демонстрировали признаки разных видов, но и с учетом использования генов не поддавались описанию. В них странным образом смешались особенности экзотической биосферы: некоторые выглядели как подводные растения или диковинные кактусы. Очевидно, то были сконструированные виды, хотя удивительно, что они отсутствовали в справочнике. А может быть, они просто мутировали…

Дальше виднелась широкая расселина, которая собрала глубокий слой гумуса, — там журчал ручей и высились кустики кобрезии. Она, как

и другие виды осоки, росла во влажной среде: похожий на губку дерн химически преобразовывал почву, выполняя важную работу по трансформации каменистой пустыни в альпийские луга. Когда Сакс заметил его, он увидел и бегущие по скалам водостоки, где теснились заросли кобрезии. Преклонив колени у подушки из микроскопических волокон, Сакс отключил увеличение линз и огляделся. Внезапно перед ним предстал пейзаж во всей красе. Участки каменистой пустыни были разбросаны по склону морены, словно узоры на персидском ковре, и разорваны ручейками, окаймленными льдом.

Вернувшись в лабораторию, Сакс долго рассматривал образцы растений через микроскоп, подвергая их тестам и обсуждая результаты с Беркином, Клэр и Джессикой.

— Это преимущественно полиплоиды? — спрашивал Сакс.

— Да, — отвечал Беркин.

На Земле на тех же высотах полиплоиды встречались довольно часто: что ж тут удивительного! Но странным было другое: удвоение, утроение или даже учетверение оригинального числа хромосом. За диплоидными растениями с десятью хромосомами следовали полиплоиды с

двадцатью, тридцатью или даже сорока хромосомами. Селекционеры годами использовали этот феномен, чтобы выращивать садовые растения, поскольку полиплоиды с увеличенным размером клеток, как правило, могли похвастаться крупными листьями, цветами и плодами. Вдобавок они отличались большим разнообразием, чем оригинальные виды. Адаптивность позволяла им занимать новые территории столь же успешно, как и растениям, обитающим в зоне ледника. На некоторых островах Арктики восемьдесят процентов растений являлись полиплоидами. Сакс предполагал, что данная стратегия позволяла избегать разрушающих последствий чрезмерных мутаций, проявляющихся в зонах с высоким ультрафиолетовым излучением. Ультрафиолет приводил к нарушениям в ряду генов, но если они копировались в другом наборе хромосом, то вероятность нарушения в генотипе снижалась и не препятствовала размножению.

— Мы обнаружили, что даже когда мы начинаем не с полиплоидов — а начинаем мы обычно именно с них, — они все равно меняются через несколько поколений.

— Вы определили механизм, запускающий трансформацию?

— Нет.

Очередная загадка! Сакс уставился в микроскоп, раздраженный причудливым разрывом в биологической науке. Но тут ничего нельзя было поделать, он сам занимался этим вопросом в пятидесятых в Эхо-Оверлуке. Оказалось, что полиплоиды действительно стимулировались более сильным ультрафиолетовым излучением, чем нужно, но клетки считывали эту разницу, а затем дублировали, иногда дважды или трижды, собственный хромосомный набор…

— Должен сказать, я удивлен тем, как все цветет.

Клэр счастливо улыбнулась.

— Я боялась, что после Земли эта планета покажется вам довольно скучным местом.

— Полагаю, я вообще ничего не ожидал, — сказал Сакс и прочистил горло. — Я думал, что увижу только водоросли и лишайники. Но каменистые пустыни меня просто поразили. Я считал, что процесс терраформирования будет более долгим.

— Но мы ведь находимся на Марсе, а не на Земле. Ты должен помнить, что мы не бросаем зерна и не ждем, что произойдет. Каждый вид был специально адаптирован, чтобы усилить его стойкость и скорость роста.

— Мы меняли семена каждую весну, — добавил Беркин, — и удобряли почву бактериями, вырабатывающими азот.

— Я был уверен, что популярностью пользовались денитрифицирующие бактерии.

— Они распространены преимущественно в толстых залежах натриевой селитры, чтобы выделять азот в атмосферу. Но когда мы занимаемся растениями, нам требуется побольше азота в почве, поэтому мы и распространяем именно эти бактерии.

— Однако процесс кажется мне чересчур стремительным. Все это богатство, наверное, выросло до установления солетты.

— Суть в том, — сказала Джессика из-за своего стола в другом конце комнаты, — что сейчас нет никакого видового соперничества. Условия, конечно, суровые, но на Марсе размножаются очень выносливые растения. К тому же, когда мы высаживаем их, нет конкуренции, которая могла бы им воспрепятствовать.

— Пустая ниша, — добавила Клэр.

— И условия на нашем леднике лучше, чем в других местах на Марсе, — заметил Беркин. — Когда Марс в афелии, в южном полушарии царит зима, а ведь там, между прочим, высокогорные

районы. Станции сообщают, что в холодные месяцы почва вымораживается полностью. Но здесь, в перегелии, зима мягче, и высота от силы километр. Условия щадящие, верно? Во многом они лучше климата в Антарктике. Особенно когда дело касается уровня CO_2, — продолжил он. — Интересно, это влияет на скорость развития, о которой ты упоминал? Похоже, растения дополнительно подзаряжаются.

— Хм, — одобрительно промычал Сакс.

Так или иначе, каменистая пустыня превратилась в настоящий сад — не дикий, но более-менее ухоженный и рукотворный. Сакс, конечно же, знал, что так происходит повсюду на Марсе, но пустыня с булыжниками выглядела совершенно естественно и могла любого ученого сбить с толку. И даже помня, что перед ним — искусственный сад, он изумлялся его интенсивному развитию.

— Теперь солетта направляет солнечный свет на поверхность! — воскликнула Джессика и неодобрительно покачала головой. — Естественное освещение составляет в среднем сорок пять процентов от земного, а с солеттой достигнет пятидесяти четырех процентов.

— Расскажите мне подробнее о солетте, — веж-

ливо попросил Сакс.

Его коллеги затараторили, перебивая друг друга. Группа транснационалов, возглавляемая «Субараси», построила круговой решетчатый массив из зеркальных солнечных парусов. Они были расположены между солнцем и Марсом и сконструированы таким образом, чтобы фокусировать свет, который иначе прошел бы мимо планеты. Вспомогательное кольцеобразное зеркало вращалось на полярной орбите, отражая свет на солетту, дабы уравновесить давление солнечного света, который перенаправлялся на Марс. Обе системы зеркал были огромными по сравнению с другими известными Саксу солнечными парусами, предназначенными для отражения света на поверхность. Даваемое ими усиление освещенности оказалось и впрямь значительным.

— Должно быть, они стоили баснословно дорого, — пробормотал Сакс.

— Еще бы! Транснациональные компании инвестируют столько, что ты не поверишь.

— И они еще не закончили, — встрял Беркин. — Они планируют запустить воздушную линзу в нескольких километрах от Марса! Она сфокусирует падающий от солетты свет, пока поверхность

не нагреется до фантастических температур в пять тысяч градусов…

— Пять тысяч!

— Да, думаю, я слышал как раз эту цифру. Они планируют растопить песок и реголит под ним, чтобы насытить атмосферу газами.

— А что же произойдет с Марсом?

— Они собираются осуществить эксперимент в отдаленных районах.

— В стоках, которые оканчиваются канавами, — пояснила Клэр.

— Каналами, — автоматически поправил ее Сакс.

— Да, точно.

Они засмеялись.

— Каналы со стеклянными стенами, — подытожил Сакс и озабоченно скрестил руки на груди.

Углекислый газ будет занимать среди других газов одно из главных, если не самое важное место! Но Сакс не хотел показывать свою заинтересованность в глобальных вопросах терраформирования. Он оставил щекотливую тему и углубился в работу.

— Вероятно, каменистые пустыни превратятся в альпийские луга очень скоро, — внезапно нарушил он паузу.

— Это уже случилось, — откликнулась Клэр.

— Правда?!

— Да, хотя они и маленькие. Но если пройти по западному склону примерно три километра, увидишь их своими глазами. На леднике есть альпийские луга и криволесье. Мы почти не сталкивались с трудностями и высаживали деревья, даже не приспосабливая их особо, поскольку множество видов елей и сосен на Земле прекрасно адаптировались к гораздо более низким температурам.

— Любопытно.

— Пережиток Ледникового периода, я полагаю. Но теперь он пришелся весьма кстати.

— Любопытно, — повторил Сакс.

Остаток дня он провел, пялясь в микроскоп, но вообще ничего не видя и целиком погрузившись в размышления о терраформировании. Жизнь по большей части — дух, говорила Хироко. Чуднейшей особенностью жизни было стремление к распространению, то, что Хироко называла зеленой силой, viriditas. Тяга к образцу, так он это понимал.

На рассвете следующего дня он проснулся в постели Филлис, которая запуталась в простынях рядом с ним.

Накануне после ужина вся группа отправилась отдыхать в обзорную комнату, что стало для всех привычкой, и Сакс продолжил беседовать с Клэр, Джессикой и Беркином. Джессика была дружелюбно настроена, впрочем, как и всегда. Филлис заметила это и прошла за Саксом в лифт, а затем к душевым, где набросилась на него со своими соблазняющими объятьями. Конечно, все закончилось тем, что они спустились на жилой уровень и помчались в ее комнату. И хотя Сакс чувствовал себя неуютно из-за того, что удрал, не пожелав никому спокойной ночи, он был очень страстен, когда занимался с Филлис любовью.

Теперь, глядя на нее, он с отвращением вспоминал их торопливое бегство. Чтобы объяснить такое поведение, не требовалось ничего, кроме азов простейшей социобиологии. Борьба за самца на самом примитивном животном уровне. Разумеется, раньше Сакс никогда не выступал объектом женской конкуренции, но тут было нечем гордиться. Очевидно, все это являлось следствием косметической хирургии Влада. Да, Влад преобразил черты его лица так, что Сакс стал сексуальным для женщин. Хотя для него оставалось загадкой, как сочетание одних черт может быть более привлекательно, чем сочетание других. Он

и раньше слышал научные объяснения сексуального влечения и понимал, почему некоторые из них могут считаться вполне обоснованными. Мужчина будет искать широкобедрую подругу, которая сможет выносить и родить ему детей. Кроме того, она должна обладать выразительной грудью, чтобы выкормить новорожденных. Ну, а женщина будет искать сильного партнера, который добудет им обоим пропитание и в будущем станет отцом их общего потомства. Это имело некоторый смысл, однако ни в одних книгах по социобиологии не упоминались черты лица! Ученые твердили одни и те же размытые фразы: широко посаженные глаза — хороший обзор, здоровые зубы — свидетельство здоровья, большой нос — меньший риск простудиться.

Однако взаимная симпатия, основанная на внешности, оказалась напрочь лишена подобного благоразумия. Это была случайная комбинация, отчего-то приятная глазу. Эстетическое суждение, в котором крохотные и нефункциональные особенности могли приобрести огромное значение. А практические соображения не играли тут никакой роли. В качестве примера можно было привести сестер-двойняшек, с которыми Сакс ходил в школу. Они были близнецами, но одна из

них казалась почему-то простоватой девчонкой, а вторая — изящной статуэткой. Красота сложилась из-за дополнительных или же отсеченных миллиметров плоти, костей, хрящей, которые попали под некий привлекательный образец.

Влад немного изменил его лицо, и теперь женщины соревновались за внимание Сакса, хотя он остался той же личностью, что и раньше. Личностью, к которой Филлис никогда не проявляла ни малейшего интереса прежде, когда Сакс был таким, каким создала его природа. Трудно не относиться к этому с долей цинизма. Его желали, а все дело заключалось в каких-то мелочах!

Сакс выбрался из постели и надел костюм для выходов на поверхность — надо сказать, очень легкий и удобный по сравнению со старыми стрейчевыми скафандрами. Нынешние модели были утеплены, отлично защищали от низких температур и, естественно, имели баллоны с воздухом. К счастью, в них даже не было необходимости создавать внутреннее давление, которое оберегало бы от синяков на коже. 160 миллибар хватало с лихвой, поэтому костюм представлял собой всего лишь теплую одежду, ботинки и шлем. Потратив несколько минут на то, чтобы одеться, Сакс покинул комнату и направился к

леднику.

Он шагал по изморози на центральной, обозначенной флажками тропинке через замерзшую реку. Затем свернул вниз к западному берегу и миновал цветочные ковры каменистой пустыни, покрытые наледью, начавшей таять под солнцем. Добравшись до места, где ледник образовывал безумный маленький ледопад, Сакс взял левее, следуя к одному из боковых ребер. Внезапно в воздухе разнесся громкий треск, за которым последовал низкий гул, отозвавшийся дрожью в животе. Арена двигалась. Сакс замер, прислушиваясь. Где-то внизу раздался приглушенный звон. Сакс пошел дальше, его захлестнула волна эйфории. Утренний свет был чист, и пар надо льдом поднимался, как белый дым.

А потом в сени огромных булыжников Сакс набрел на участок, заключенный в каменный амфитеатр и усеянный цветами, словно каплями радуги. А у подножия этой поляны раскинулся альпийский луг, обращенный на юг. Он был вопиюще зеленым: ковры травы и осоки взрезали покрытые льдом водоемы. В довершение всего, по краям амфитеатра, укрытые в трещинах и под камнями, росли карликовые деревца.

Сакс понял, что перед ним криволесье — следу-

ющая ступень в эволюции горных ландшафтов после альпийских лугов. Карликовые деревья, которые он заметил, представляли собой преимущественно белую и канадскую ели. И они, эти земные растения, выросли в суровых марсианских условиях и даже идеально вписались в окружающую среду! Вероятно, их высадили на Арене специально. Сакс огляделся по сторонам и увидел несколько широкохвойных сосен вперемешку с соснами обыкновенными. У всех оказались крепкие кряжистые корни. Это были самые морозоустойчивые деревья на Земле, и, похоже, команда «Биотика» придала им дополнительную устойчивость тамариска наряду с прочими полезными свойствами. Чтобы помочь им, были использованы все виды биоконструирования, однако в экстремальных условиях рост их замедлялся. Сейчас сосны, достигавшие тридцати метров в высоту, ютились в узких, высотой по колено, защитных карманах (последние были укорочены зимними ветрами и снежным покровом, словно ножницами для живой изгороди). Отсюда и название: криволесье. Эльфийский лес, в котором сосны первыми прижились на почве, созданной каменистыми пустынями и альпийскими лугами.

Сакс медленно мерил шагами амфитеатр, исследуя мох, осоку, траву и каждое отдельное сучковатое деревце. Они были перекручены, как будто их растили поколения специалистов по выращиванию бонсаев.

— Как хорошо! — восклицал он без конца, осматривая ветви и рисунок коры, которая отходила от стволов, словно слоеное тесто. — Хорошо для кротов. Для кротов, полевок, сурков и лис…

Но CO_2 до сих пор составлял в атмосфере почти тридцать процентов, а иногда и 50 миллибар! Млекопитающие быстро погибнут в такой атмосфере. Именно поэтому Сакс всегда выступал против двухэтапной модели терраформирования, когда CO_2 мог погубить все живое. Неужто разогрев планеты был единственной целью? Разумеется, нет. Целью были животные. Да и растения нуждались в присутствии млекопитающих и птиц. Правда, некоторые виды, произрастающие в каменистых пустынях, неплохо адаптировались к местным условиям, но этим нельзя было ограничиваться. «Биотик» создал и выпустил наружу кое-каких насекомых, но те оказались неповоротливыми, хилыми и еле-еле справлялись с функцией опыления. Имелись и другие симбиотические функции, которые тре-

бовали присутствия животных Можно было бы упомянуть аэрацию почвы кротами и полевками, распространение семян птицами и прочие вещи, которые ежесекундно происходили в биосфере Земли.

Нет, следовало снизить уровень CO_2 в атмосфере, возможно, до уровня в 10 миллибар, который был на Марсе до их прибытия (тогда CO_2 оказался единственным газом, присутствующим в атмосфере). Вот как раз о таком плане и говорили его коллеги: растопить реголит воздушной линзой не представляло никакой трудности. Правда, проблем потом точно не оберешься…

А пока Сакс любовался неожиданной красотой. Часы проходили, а он осматривал разнообразные виды, восхищаясь перевитым стволом и ветками, шелушением коры и россыпью иголок скрученной широкохвойной сосны. Она выглядела как настоящая эпатажная скульптура!

Сакс неуклюже сидел на коленях, склонив лицо к осоке, когда Филлис, Клэр и все остальные застали его врасплох. Они спускались по альпийскому лугу и что-то с жаром обсуждали. Саксу не понравилось, что они хохотали и беспечно топтали зеленую траву.

Позже Филлис не отходила от него ни на шаг, как она уже делала дважды до этого, и обратно они возвращались вдвоем. Сакс пытался играть роль местного гида, указывая на растения, которые он сам впервые увидел лишь на прошлой неделе. Но Филлис помалкивала и, кажется, даже не слушала, что он говорит. Казалось, она хотела, чтобы он слушал ее, был свидетелем ее жизни. Поэтому он сменил тему и начал закидывать ее вопросами. В конце концов, это была превосходная возможность узнать о текущей структуре марсианской власти. Даже если Филлис преувеличивала свою собственную роль в ней, информация могла быть очень полезной.

— Я удивляюсь, как «Субараси» удалось построить и установить лифт в столь краткий срок, — заявила она.

— «Субараси»?

— Да. Компания была главным подрядчиком.

— А кто оплачивал подряд, УДМ ООН?

— Нет. УДМ ООН сменило Временное Правительство.

— Получается, президент Временного Правительства, по сути, является президентом Марса.

— Вообще-то, власть просто передается от одного члена правления другому, а президент

не обладает особыми полномочиями. Можно сказать, что он — чиновник Временного Правительства. Должность используется для удобства медиа. Президент ведет собрания и выполняет черную работу.

— Но все-таки…

— Да-да! — Она засмеялась. — Многие мои коллеги мечтали о таких высотах, но не смогли ничего получить. Чалмерс, Богданов, Бун, Тойтовна… Кстати, что бы они подумали, если бы увидели его? Но они поставили не на ту лошадку.

Сакс прищурился.

— А зачем «Субараси» построила новый лифт?

— Так проголосовал руководящий комитет Временного Правительства. Его хотел конструировать «Праксис»… но никто не любит «Праксис».

— А теперь, когда лифт снова на месте, ситуация изменится?

— Конечно! Беспорядки нам не нужны. Эмиграция, строительство, терраформирование, коммерция… все это замедлилось. Нам с трудом удалось восстановить поврежденные города. Мы были практически на военном положении! Увы, но по-другому действовать у нас не получалось.

— Угу.

— А теперь все металлы, добытые за последние сорок лет, готовы войти на земной рынок, что невероятно оживит экономику обоих миров. У нас не только будет больше продукции с Земли! Скоро на Марс хлынут инвестиции! И нельзя забывать об эмигрантах. Уверена, мы сможем продвинуться далеко вперед.

— Значит, солетта — свидетельство успеха?

— Именно. Это прекрасный пример того, о чем я говорю. Существует огромное количество разнообразных программ для дальнейших вложений.

— Каналы со стеклянными стенами, — проворчал Сакс. С этим и впрямь не поспоришь. Все остальное, вроде мохолов, будет выглядеть тривиально.

Филлис рассказывала о сногсшибательных перспективах Марса и Земли, а Сакс качал головой, пытаясь очистить сознание от хаоса джоулей хотя бы на один квадратный сантиметр.

— По-моему, Земля испытывает серьезные проблемы, — вставил он.

— На Земле всегда так! — с жаром согласилась Филлис. — Нам давно пора к этому привыкнуть. И все же я настроена оптимистично. Конечно, спад сильно ударил по населению и затронул детей. Пострадали в основном менее развитые

страны… Но приток промышленных металлов отсюда простимулирует экономику везде, включая и предприятия, занимающиеся вопросами моделирования окружающей среды. К сожалению, похоже, что вымирание растительности решит множество проблем.

Сакс сосредоточился на участке морены, по которому они взбирались. Здесь медленное движение почвы и ежедневное таяние поверхностного льда на склоне спровоцировало упорное скольжение незакрепленного реголита. Сакс заметил зияющие провалы и ребра, которые казались серыми и безжизненными. Ближайший к нему скол напоминал черепицу. Сакс наклонился и обнаружил, что тот покрыт бурыми хлопьями лишайников. В глубине виднелся сгусток вроде пепла, и Сакс решил взять любопытный образец.

— Посмотри, — бесцеремонно обратился он к Филлис, — снежный печеночник.

— Прямо как грязь.

— Это гриб-паразит, который растет на нем. Растение на самом деле зеленое. Взгляни на маленькие листики! Видишь свежие побеги, которые еще не покрыты грибком?

Увеличенные листья казались зеленым полупрозрачным стеклом. Но Филлис только

скривилась.

— Кто его спроектировал? — спросила она тем тоном, каким обвиняют дизайнера в дурном вкусе.

— Не знаю. Может быть, никто. Некоторые из видов здесь попросту мутировали.

— Разве эволюция может развиваться с такой бешеной скоростью?

— А ты в курсе насчет эволюции полиплоидов?

— Нет.

Филлис побрела дальше, не слишком заинтересовавшись серым растеньицем. Снежный печеночник. Вероятно, слегка сконструированный или даже полностью натуральный. Экспериментальные виды, высаженные на леднике, дают пищу для размышлений. По мнению Сакса, наблюдать за ними было одним из самых увлекательных занятий.

Но Филлис не разделяла его интереса. Прежде она была первоклассным биологом, и Сакс не мог представить себе, что она лишилась любознательной пытливости, лежащей в основе науки. Ведь именно это качество заставляет людей докапываться до сути вещей! Но они старели. В их собственной неестественной жизни велика была вероятность того, что они сильно изменят-

ся, возможно, коренным образом. Эта идея не понравилась Саксу, но теперь он не мог от нее избавиться. Как и другие долгожители, он все с большим трудом вспоминал подробности прошлого, особенно своего среднего возраста. Порой он не мог сказать, что происходило в период между двадцатью пятью и девяноста годами. Как он жил на Земле, что он тогда делал? Его собственное прошлое потускнело и подернулось пеленой тумана. А без нормально функционирующей памяти изменения были неизбежны.

Когда они вернулись на станцию, он ушел в лабораторию. Сакс был взвинчен. «Наверное, — думал он, — мы сами стали полиплоидами, но не как индивиды, а на культурном уровне». Можно рассматривать людей как биологическую массу. Она прибыла на Марс и успешно — в целых четыре раза — увеличила свои нити памяти, а те, в свою очередь, обеспечивали ей адаптивность к выживанию в чужой среде, несмотря на вызванные стрессом мутации…

Но нет. Это скорее аналогия, а не реальное биологическое сходство. То, что в гуманитарных науках назвали бы гомерическим расположением аргументов, если Сакс правильно понимал термин. Имелись и другие аналогии, например,

из области литературоведения. Взять хотя бы метафору… Но и они были бессмысленны — скорее тут подразумевался вопрос фенотипа, но не генотипа, решил Сакс. В поэзии и в гуманитарных науках вообще, не говоря уже о социологии, насколько он мог судить, почти все было фенотипичным.

Но люди лишь бесконечно теоретизировали. Они никогда ничего не могли объяснить и постоянно искажали суть вещей. Можно сказать, это было своего рода непрерывное концептуальное пьянство. Сакс предпочел бы точность и четкость формулировок, почему бы и нет? Если снаружи 200 градусов по Кельвину, то почему бы так и не сказать, а не рассуждать о собачьем холоде, привлекая багаж невежественного прошлого? Нелепые высказывания вносят неразбериху в каждое столкновение с чувственной реальностью!

Что за глупость!

«Поэтому сойдемся на том, что культурных полиплоидов не существует», — подумал Сакс. Есть определенная историческая ситуация, череда того, что произошло ранее, — принятых решений, а также их последствий, охватывающих целую планету. Они эволюционировали или, лучше

сказать, развивались, в принципе, беспорядочно. Бессистемно. С такой точки зрения можно было рассуждать о некоем сходстве между историей и эволюцией. И то, и другое явилось следствием непредвиденных обстоятельств и цепи случайностей, а значит, здесь имелись общие схемы развития. Но разница, особенно на временной шкале, была столь велика, что сводила всю схожесть к литературной аналогии.

Нет, лучше концентрироваться на гомологиях — структурных сходствах, которые отражают реальные физические отношения. Возможно, так Сакс придет к нужному выводу. И это, конечно, будет ближе к научному методу. После столкновения с Филлис он хотел хотя бы подобия ясности.

И Сакс снова погрузился в изучение растений. Множество организмов, найденных им в каменистой пустыне, обладали опушенными листьями и плотной структурой, защищающей от жесткого марсианского ультрафиолета. Подобная адаптация вполне могла быть примером гомологии, при которых виды, имеющие одного предка, сохраняли общие родственные черты. Или же это была конвергенция, при которой виды разного типа становились схожи в силу функциональной необходимости. Нельзя отрицать и роли

биоинженерии: конструкторы могли добавлять одинаковые качества разным растениям, чтобы они имели равные преимущества.

Для того чтобы прояснить вопрос окончательно, требовалось идентифицировать растение, а затем проверить записи сотрудников «Биотика», понял Сакс. Ему очень хотелось узнать, какой вид был целиком и полностью сконструирован командой по терраформированию. Лаборатория «Биотик» в Элизии, работавшая под руководством Гарри Уайтбука, проектировала значительную часть самых успешных растений, особенно осоку и траву. Проверка по каталогу показывала следы генного вмешательства, а это означало, что сходство было частично обусловлено конвергенцией. Уайтбрук внедрял свои характеристики, вроде опушенных листьев, почти в каждое выращенное им растение.

Хороший пример из истории имитации эволюции! А поскольку они стремились создать биосферу на Марсе в кратчайшие сроки (возможно, в сто семь раз меньшие, чем время, затраченное на это на Земле), им придется постоянно вмешиваться в процесс эволюции. И марсианская биосфера не станет филогенезом, кратко повторяющим себя в онтогенезе — что за сомнительный термин! — но

будет кратким резюме всей истории эволюции. Или имитирует ее в тех пределах, которые допустимы на Марсе. Или направит вперед. История будет дирижировать эволюцией. Какая грандиозная мысль!

Уайтбук подходил к задачам со вкусом. Он разводил лишайники с глубоко расположенной корневой системой, которые преобразовывали соль в почве в своего рода пористые коралловые структуры. Новые растения становились похожи на оливковую или темно-зеленую массу семикристаллов. Ходить между ними было все равно что блуждать по лабиринту в лилипутском саду, покинутом и занесенном песком. Отдельные скопления растений были сломаны или покрыты причудливыми трещинами. Они даже выглядели больными и неуклюжими! Этот псевдонедуг, казалось, заставил окаменеть еще живые растения, обрекая их на тяжелое существование внутри покореженных малахитовых и нефритовых ножен. Но то были вполне удачные экземпляры. Сакс нашел несколько таких коралловых лишайников, растущих на гребне западного ребра морены, а также в более сухом реголите — за его пределами.

Он провел там пару дней, изучая все виды.

Однажды, пересекая гребень, он оглянулся на ледник и заметил песчаный вихрь, который закручивался над Ареной. Сакс невольно залюбовался сверкающим рыжим мини-торнадо. Спустя минуту на Арену налетел чудовищный ветер с порывами, по крайней мере, сто километров в час. Вскоре ураган усилился уже до ста пятидесяти километров. Сакс, недолго думая, сразу же скрючился за поросшим лишайником ребром. Порой он поднимал руку вверх, чтобы оценить скорость вихря. Однако он столкнулся с непредвиденными сложностями. Уплотнившаяся атмосфера повышала силу ветра, и порывы казались более быстрыми, чем были на самом деле. Все оценки, основанные на опыте, полученном в Андерхилле, теперь никуда не годились. Постепенно ветер ослабел до, наверное, восьмидесяти километров в час. Но положение оставалось трудным — повсюду кружил песок, ударяющий прямо в лицевую панель и снижающий видимость метров до ста. Проведя час в ожидании, пока буря стихнет, Сакс сдался и вернулся на станцию. Он шел по леднику аккуратно, двигаясь, как черепаха, от флажка к флажку, чтобы не сбиться с тропы. Последнее было особенно важно, если он хотел оставаться в стороне от опасных зон, испещренных трещи-

нами.

Перейдя ледник, Сакс направился к станции, думая о буйном торнадо, который предшествовал приходу ветра. Что за странные дела! Очутившись в безопасности, Сакс вызвал метеорологический канал и просмотрел всю информацию о погоде на день, а потом уставился на спутниковый снимок их региона. Очаг циклона надвигался на них с Фарсиды. При уплотнившейся атмосфере приходящие оттуда ветра стали по-настоящему сильными. Возвышенность всегда будет точкой привязки для марсианского климата, полагал Сакс. Большую часть времени в северном полушарии воздушные течения будут подниматься вверх и огибать северную оконечность, точно так же как земные северные течения огибали Скалистые горы. Но каждый раз в этот момент воздушная масса будет переваливать через край Фарсиды между вулканами, по мере подъема оставляя содержащуюся в ней влагу на западном ее склоне. Затем дегидрированные массы устремятся вниз по восточному склону, формируя мистраль, сирокко или фён. Да уж, с такими быстрыми и мощными ветрами у людей явно будут проблемы! Некоторые города под куполами, расположенные на открытых пространствах,

оказывались под угрозой. Возможно, придется вернуться в кратеры и каньоны или срочно укрепить купола.

Сакс размышлял о климате, и вопрос с погодой показался ему столь волнующим, что он захотел бросить ботанические изыскания и полностью погрузиться с метеорологию. В старые времена он поступил бы именно таким образом, нырнул бы в эту область науки на месяц или на год, до тех пор, пока его любопытство не было бы удовлетворено. Конечно, он сумел бы внести вклад в решение насущной проблемы…

Но то был сумбурный подход, ведущий к бессистемным экспериментам, даже к определенному дилетантизму. Теперь он стал Стефаном Линдхольмом, работающим на «Биотик», и должен отказаться от метеорологии. Сакс бросил тоскливый взгляд на спутниковые фотографии с заманчиво закрученными облаками и вздохнул. Он мог бы рассказать коллегам о вихре и, не напрягаясь, поболтать о погоде в лаборатории или за ужином. Кроме того, ему надо заниматься экосистемой Арены и растениями, решая вопрос их выживания! А поскольку он лишь недавно почувствовал на собственной шкуре особенности Арены, то ему нужно быть осторожным. Воз-

можно, ограничения, накладываемые его новой личностью, были не так уж плохи… Вероятно, ему придется сосредоточиться на чем-то одном, хотя он был не склонен к этому еще со времен защиты своей диссертации. Однако преимущества концентрации становились для него все более и более очевидны. Она могла сделать его самым талантливым из ученых.

На следующий день, когда ураган превратился в легкий ветерок, Сакс вновь направился к Арене. Он быстро нашел участок кораллового лишайника, который исследовал накануне. В трещинки каркаса забился песок, что наверняка было здесь в порядке вещей.

Сакс неторопливо очистил от песка одну трещинку и посмотрел внутрь, включив на лицевой панели двадцатикратное увеличение. Стенки раскола покрывали микроскопические реснички. Их можно было сравнить с вариацией опушенных листьев лапчатки весенней. Очевидно, такие поверхности не нуждались в дополнительной защите. Но какова же основная функция ресничек? Возможно, они отдавали избыточный кислород из тканей за пределы полукристаллической массы. Спонтанно или спланированно? Сакс прочитал описание на запястье от корки до корки и

добавил кое-что от себя, поскольку про реснички в справочнике ничего не упоминалось.

Вытащив портативную камеру из набедренного кармана, Сакс сделал снимок и затем положил образец ресничек в пакетик. Спрятав трофей вместе с камерой в карман, он двинулся дальше.

Сакс осторожно ступил на ледник. Он решил пройти по одному из многочисленных участков, где край Арены встречался с плавно поднимающимся склоном морены. Арена под полуденным солнцем ослепительно сверкала, словно повсюду были разбросаны осколки разбитого зеркала. Куски льда трещали под ногами. Водные потоки собирались в глубокие каналы, образуя ручьи, которые неожиданно исчезали в темных отверстиях. Эти расселины ледника отливали разными цветами голубого. Ребра морены сверкали как золото, казалось, что они вот-вот расплавятся под лучами солнца. Что-то в марсианском пейзаже напомнило Саксу о солетте, и он присвистнул.

Выпрямившись, он потянулся, чувствуя воодушевление и кураж. Теперь он был в своей родной стихии. Он — ученый за работой. Сакс всегда наслаждался свежими начальными усилиями естествоиспытателя, его пристальным наблюдением за явлениями природы: описани-

ем, категоризацией, таксономией — первичными попытками что-то объяснить, или, вернее, первыми шажками на пути к будущему объяснению. Какими счастливыми представлялись ему естествоиспытатели в своих записках: Линней с его дикой латынью, Лайель со своими камнями, Уоллес и Дарвин! Они проделали гигантские шаги от категоризации к теории, от наблюдения к парадигме! Сакс ощущал то же самое, застыв посреди ледника Арена в 2101 году, — со всеми этими новыми генно-модифицированными видами растений. Он находился в эпицентре процесса терраформирования, который начали люди, прибывшие на Марс.

Сакс знал, что терраформирование однажды потребует собственных теорий — эвоисторию, или историкоэволюцию, или просто ареологию. Или, возможно, viriditas Хироко. Конечно, теории проекта терраформирования будут включать в себя не только его первичные стадии и гипотезы, но и реальные результаты.

А если отнести терраформирование к естественной истории? Кто знает… Очень немногое из происходящего могло быть изучено в экспериментальных лабораториях, а история Марса должна будет занять должное место в сфере науч-

ных изысканий, равная среди равных. Здесь, на Марсе, любая иерархия обречена, и это была не бессмысленная аналогия, а точная констатация общеизвестных фактов.

Но насколько далеко продвинется Сакс, прежде чем его время на Марсе закончится? Поймет ли все Энн? Глядя на ледяную Арену, покрытую трещинами, Сакс задумался об Энн.

Айсберги и трещинки Арены казались очень четкими, словно увеличитель на его лицевой панели был до сих пор включен, только глубина резкости оказалась вдруг бесконечна. Бесчисленные оттенки молочного и розового на рябой поверхности, зеркальный отблеск талой воды, ухабистые бугры далекого горизонта — все в один миг стало хирургически чистым и ясным. И Саксу подумалось, что новое видение — не дело случая и вовсе не четкость, возникшая из-за слезы, скопившейся на роговице глаза. Нет, то был результат растущего концептуального понимания Марса. Своеобразное осознанное видение…

И вдруг он вспомнил, как Энн зло повторяла ему: «Марс — это место, которое ты никогда не знал и толком не видел».

Сакс воспринимал фразу Энн как литературный оборот. Но теперь перед его внутренним взором

предстал Кун. Именно Кун утверждал, что ученые, использующие разные парадигмы, живут в разных вселенных, настолько существенной частью реальности является теория познания. Поэтому последователи Аристотеля не видели маятника Галилея: для них это было просто тело, падающее с некоторым трудом. Да и современные ученые не отстают от своих предшественников! Они дискутируют об относительных преимуществах конкурирующих парадигм, используя одни и те же слова, но обсуждают абсолютно разные реальности.

Сакс прикусил губу. Сейчас, созерцая галлюцинаторную ясность ледника, он не мог не признать, что Арена лучше всего символизировала то, чем, по сути, всегда были их споры с Энн. Бесплодные разговоры расстраивали их обоих, и когда Энн выкрикнула свои слова, это утверждение, очевидно, было ложным в некотором смысле. Но возможно, Энн подразумевала, что он никогда не видел Марса, созданного ее парадигмой.

Что, несомненно, являлось истиной.

Теперь Сакс узрел Марс так, будто ступил на его поверхность впервые. Но трансформация произошла, пока он неделями концентрировался на частях марсианского пейзажа, которые Энн пре-

зирала, на новых формах жизни. Вряд ли Марс, который раскинулся перед ним, с его снежными водорослями, лишайниками и восхитительными персидскими коврами, окаймлявшими ледник, был Марсом Энн.

Но это был и не Марс его коллег по «Биотику» — отнюдь! Сейчас Сакс созерцал Марс, в который он верил всегда. Вот таким был именно его Марс.

И он развивался прямо у Сакса на глазах, он постоянно преобразовывался и трансформировался во что-то неизведанное.

У Сакса заныло сердце. Он почувствовал желание схватить Энн и потащить ее за руку по западной морене, крича во все горло: «Ну, что, видишь? Видишь?»

Вместо этого у него была Филлис, наверное, самая не склонная к философствованиям личность из всех, кого он знал. Сакс избегал ее, когда мог это сделать, и проводил дни на льду, под ветром и просторным северным небом. Он лазал по Арене, ползал по моренам и, как одержимый, изучал растения. Вернувшись на станцию, он беседовал за ужином с Клэр и остальными сотрудниками «Биотика». Они разговаривали о своих очередных находках и строили догадки о том, что это значило. Затем все вваливались в смотровую комнату и

болтали, а иногда танцевали, особенно по пятницам и субботам. Там всегда играла музыка в стиле «нуво калипсо» и звенели гитары. Стальные барабаны в быстрых синхронных мелодиях создавали сложные ритмические рисунки, которые Сакс воспринимал с трудом. Так, ритм пять четвертых соседствовал или даже сосуществовал с тактом четыре четверти. Иногда Сакс был уверен, что «нуво калипсо» придумали для того, чтобы сбить его с верного ритма. К счастью, современный танцевальный стиль сочетал в себе свободные движения и поощрял импровизацию. Поэтому, если Сакс терпел неудачу, он знал, что его неуклюжие потуги не вызовут презрительного смеха. На самом деле, танцы оказались неплохой забавой — нужно было просто двигаться, танцуя в одиночку, прыгая вокруг, выкидывая коленца… ну и еще временами попадать в такт.

Когда он вернулся к столу, Джессика воскликнула:

— Ты прекрасный танцор, Стефан!

Он расхохотался, тем не менее, польщенный, хотя и понимал, что Джессика проявила некомпетентность или пыталась ему польстить. Хотя, возможно, ежедневные прогулки по камням придали ему дополнительную ловкость. Любое

физическое действие, должным образом изученное и практикуемое, может быть исполнено с некоторым мастерством, если не с талантом.

Они с Филлис беседовали или танцевали друг с дружкой не больше, чем с остальными. Только забившись в свои комнаты, они обнимались, целовались, занимались любовью. Это был старый образчик скрытых отношений, и однажды утром, примерно в четыре, возвращаясь к себе, Сакс почувствовал пронзивший его укол страха. Внезапно ему показалось, что его безоговорочное соучастие в интимных отношениях должно навести Филлис на подозрения о том, что он был в числе людей из первой сотни. Кто еще вовлекся бы в столь странную интрижку с такой готовностью, словно для него это совершенно естественно?

Но позже Сакс решил, что Филлис не особо внимательна к подобным нюансам. Сакс практически бросил попытки понять ее логику и мотивы, поскольку данные были весьма и весьма противоречивы. По бесхитростной иронии, хотя они почти каждую ночь проводили вместе, ему оставалось лишь гадать, что у Филлис на уме. Она, казалось, интересовалась только межнациональными отношениями, центром которых

стал Шеффилд, и тем, что происходило на Земле: перестановками в исполнительных аппаратах и филиалах компаний, ценами на акции, явно эфемерными и бессмысленными. Вот что занимало Филлис. Как Стефан, он по-прежнему живо интересовался этой проблематикой и задавал ей животрепещущие вопросы. Однако когда он спрашивал о ежедневных изменениях и их значении в крупных стратегических сценариях, Филлис мялась и не желала отвечать ему внятно. Похоже, она думала только о собственной выгоде и о благополучии тех, кого знала лично. Корпорация, в которой она и ей подобные делали карьеру, являлась просто-напросто лестницей. Бывший исполнительный директор «Субараси» стал теперь во главе операций, связанных с лифтом. Исполнительный директор «Праксиса» скрывался где-то в глубинке. «Армскор» собирался взрывать десятки водородных бомб в мегареголите под северной полярной шапкой, дабы стимулировать рост Северного моря и прогреть его. Кстати, последнее обстоятельство интересовало Филлис больше, чем два предыдущих.

Возможно, имело смысл уделять внимание личным успехам людей, которые заведовали крупнейшими транснациональными компа-

ниями, и микрополитике в борьбе за власть. В конце концов, таковы были правила этого мира. Поэтому Сакс лежал рядом с Филлис, слушал ее и отпускал комментарии в стиле Стефана, пытаясь запомнить все факты. В такие минуты он часто задумывался, действительно ли основатель «Праксиса» был престарелым серфером, будет ли «Шеллалко» поглощен «Амексом» и почему руководящие верхушки транснационалов до сих пор так яростно соперничают друг с другом? Какой абсурд! Ведь они уже давно удовлетворили свои амбиции. Возможно, у социобиологии были ответы, и все объяснялось динамикой доминирования приматов. «Ну, а вопрос увеличения репродуктивного успеха в корпоративной области мог бы рассматриваться шире, чем примитивная аналогия, — думал Сакс и добавлял про себя: — Если рассматривать компанию как семью».

Конечно, в сегодняшнем мире, где можно жить независимо, должны были существовать методы самозащиты. Вероятно, сплоченность и корпоративная этика относились к их числу. Налицо было банальное «выживание наиболее приспособленных», которое Сакс всегда считал бесполезной тавтологией. Но если власть захва-

тывали социал-дарвинисты, тогда эта концепция приобретала значение как регулирующая догма установленного порядка…

Затем Филлис перекатывалась через него и целовала, и они входили в царство секса, где главенствовали совсем иные правила.

Взять, к примеру, следующее… Чем лучше он узнавал Филлис, тем меньше она ему нравилась, однако его влечение к ней почему-то только возрастало. Сексуальное желание колебалось согласно неким загадочным принципам, движимым феромонами и основанным на гормонах. Правда, иногда Саксу приходилось пересиливать себя, чтобы терпеть ее прикосновения, но порой он чувствовал возбуждение, которое казалось еще более мощным потому, что не имело ничего общего с любовью. Или еще более бессмысленно — влечение, обостренное неприязнью. Последняя реакция случалась крайне редко.

По мере того как их пребывание на Арене продолжалось, а новизна отношений стиралась, Сакс обнаруживал, что дистанцируется от занятий сексом и начинает фантазировать в процессе, глубоко погружаясь в образ Стефана Линдхольма. Этот Стефан любил воображать, что он ласкает женщин, которых Сакс едва знал или о которых

даже едва ли слышал, вроде Ингрид Бергман или Мэрилин Монро.

Однажды на рассвете, после очень беспокойной ночи, Сакс встал, чтобы прогуляться по леднику. Филлис пошевелилась, проснулась и решила присоединиться к нему.

Они оделись, выбрались наружу, где царил чистый фиолетовый рассвет, и побрели в тишине вдоль морены — к краю Арены. Спустя некоторое время они добрались до цепочки ступеней, вырезанных во льду. Сакс выбрал самую южную из обозначенных флажками тропинок через Арену. Он собирался взобраться на западную боковую морену и намеревался пройти как можно дальше.

Теперь они шагали среди ледяных, не выше колена, зубчатых стен, что оказались дырявыми, как швейцарский сыр, и были припудрены розовыми снежными водорослями. Филлис очаровало это фантастическое зрелище, и она отпускала комментарии по поводу сераков, сравнивая их поочередно то с жирафом, то с Эйфелевой башней, а то и с картой Европы. Сакс останавливался, чтобы осмотреть куски нефритового льда, насквозь пронизанные бактериями. В одном или двух местах нефритовый лед, собранный в

снежных углублениях, порозовел от вездесущих водорослей. Эффект получился странный: перед ними словно лежало широкое поле фисташкового мороженого.

Они двигались медленно и все еще были на леднике, когда цепочка плотных смерчей выскочила из ниоткуда, будто по мановению волшебной палочки. Коричневые пыльные дьяволы сверкали ледяными частицами и зигзагообразно летели прямо к ним. Внезапно смерчи заколебались, и резкий порыв ветра с ревом обрушился на Филлис и Сакса, так что они были вынуждены присесть, чтобы сохранить равновесие.

— Ну и буря! — крикнула Филлис ему в ухо.

— Нисходящий ветер! — ответил Сакс, наблюдая, как скопление сераков исчезает в пыли. — Приходит с Фарсиды. Мы должны вернуться на станцию!

И они повернули обратно по отмеченной флагами тропе, пытаясь хоть как-то сориентироваться. Но видимость продолжала падать — в конце концов, они не смогли различить следующий флажок.

— Туда! — заявила Филлис. — Пойдем, укроемся за айсбергами!

Она заковыляла к тускнеющему силуэту, при-

поднятому над ледником, и Сакс поспешил за ней, предупреждая:

— Осторожнее, у сераков есть трещины в основании!

Он потянулся, чтобы взять ее за руку, но она уже упала, провалившись в ловушку. Сакс успел схватить ее запястье и сам тяжело рухнул наземь, больно ударившись коленями о лед. Филлис заскользила вниз по уклону расселины. Ему следовало отпустить ее, но он продолжал инстинктивно сжимать пальцы, и его затянуло следом за ней. Теперь они оба неслись на самое дно. Снег промялся под ними так, что они снова упали, после короткого, но пугающего полета врезавшись в заледеневший песок.

Сакс, приземлившийся на Филлис, сел, целый и невредимый. Тревожные всасывающие звуки шли через интерком от Филлис, но вскоре стало ясно, что у нее просто выбило воздух из легких. Когда она отдышалась, то проверила свои ноги и руки на предмет переломов и объявила, что не пострадала. Сакс восхитился ее стойкостью.

Через минуту он обнаружил, что в ткани костюма над его правым коленом зияет дыра, и с облегчением вздохнул. Вот и весь ущерб! Сакс вытащил ремонтную ленту из набедренного

кармана и заклеил прореху. Колено по-прежнему сгибалось без всякой боли, и он быстро поднялся на ноги.

Расселина, в которую они провалились сквозь снег, оказалась метра на два выше его поднятой руки. Они очутились в некоем вытянутом пузыре, имеющем форму песочных часов. Его нижняя стена была ледяной, а верхняя — каменной, покрытой ледяной коркой. Неровный круг неба над головой отливал персиковым цветом, а в синеватой стене трещины мерцали отблески солнца.

Картина была очень живописной, однако ликовать было рано. Похоже, они действительно застряли здесь надолго.

— Сигнал с наших маяков будет обрезан, и они придут искать нас, — сказал Сакс, когда Филлис подошла к нему поближе.

— Да, — ответила она. — Но смогут ли они нас найти?

Сакс пожал плечами.

— Маяки ведут запись направлений.

— Но ветер! Вдруг видимость упадет до нуля!

— Будем надеяться, они справятся.

Расселина тянулась на восток, словно узкий и низкий коридор. Сакс пригнулся, и свет его головного фонарика осветил пространство меж-

ду льдом и камнем: оно продолжалось дальше, насколько он мог видеть, в направлении восточного края Арены. Вероятно, оно даже доходило до одной из маленьких каверн в боковой поверхности… Поделившись своей догадкой с Филлис, он отправился исследовать трещину, наказав ей оставаться на месте. Пусть поисковая группа наткнется на дыру и найдет в пузыре хоть кого-то живого…

За пределами яркого конуса света лед был насыщенного кобальтового оттенка. Сакс понял, что это эффект того же самого рэлеевского рассеивания, которое окрашивало небо в синий цвет. Даже при выключенном фонаре освещения оставалось достаточно, и Сакс предположил, что слой снега сверху оказался не слишком толстым. Вероятно, если задуматься, примерно той же толщины, что и высота их падения.

Филлис по внутренней связи спросила, как у него дела.

— Отлично! — откликнулся Сакс. — Наверное, расселина возникла в результате того, что ледник двигался по поперечному откосу. Думаю, что скоро обнаружу какой-нибудь выход.

Но выхода не было. Через сотню метров лед слева встретился со скальной поверхностью справа,

и образовался тупик.

Обратно Сакс шел очень медленно. Он внимательно осматривал лед и куски камня, которые были сколоты с откоса. В одной из трещин кобальт льда стал бирюзовым. Сакс вытянул руку в перчатке и выудил длинную изумрудную ленту, замерзшую на поверхности, но мягкую внутри. Это была дендритная масса сине-зеленых водорослей.

— Ого! — воскликнул он и, отщипнув несколько замерзших нитей, запихнул остальное в расселину.

Сакс читал, что водоросли закапывались в камень и лед разных планет, а бактерии проникали даже глубже, но найти одну такую — да еще столь далеко от солнца — было настоящим чудом. Он выключил фонарик, и мерцающий кобальт ледника мягко засиял вокруг него. Как водоросли выжили в столь холодном месте?

— Стефан?

Сакс встрепенулся.

— Смотри, — сказал он Филлис, вернувшись. — Я нашел сине-зеленые водоросли! Они повсюду!

Он протянул ей ладонь, но Филлис лишь пожала плечами. Сакс сел и, вынув из набедренного кармана пакет для образцов, положил в него

водоросли и уставился на них сквозь двадцатикратное увеличение. Линзы были недостаточно мощными, чтобы продемонстрировать ему все детали, однако он разглядел изящные дендритные нити, истончающиеся к концу. В его планшете хранился каталог с фотографиями такого же увеличения, но он не мог найти виды, которые бы походили на его добычу.

— Возможно, данная водоросль нигде не описана, — пробормотал Сакс. — Надо же! Начинаешь поневоле задумываться, не выше ли здесь скорость мутаций, чем обычно? Надо провести серию экспериментов и во всем разобраться.

Филлис ничего не ответила.

Продолжая поиск по каталогу, Сакс помалкивал. Он все еще думал о водорослях, когда они услышали скрипучий визг и шипение по радио, и Филлис начала звать группу на общей частоте. Скоро они услышали в интеркомах голоса, и через некоторое время чей-то круглый шлем показался в отверстии у них над головами.

— Мы здесь! — крикнула Филлис.

— Подождите немного! — отозвался Беркин. — У нас есть веревочная лестница!

И после крутящегося подъема они опять очутились на поверхности Арены. Ледник тускло

поблескивал в пыльном колеблющемся свете дня. Им пришлось пригнуться, чтобы противостоять ветру, который теперь превратился в ураган. Филлис смеялась, объясняя происшествие в своей обычной манере.

— Мы держались за руки, чтобы не потерять друг друга, и бах — мы уже внизу!

Их спасатели между тем сообщили, какой силы достигали самые мощные порывы ветра. Все, казалось, вернулось в норму, но когда они добрались до станции и сняли шлемы, Филлис напоследок одарила Сакса долгим изучающим взглядом. Это был очень любопытный взор: настороженный и пытливый, словно она о чем-то начала догадываться. Как будто на леднике он вел себя так, что выдал себя с головой, и Филлис узнала своего старого товарища, Саксифрейджа Рассела.

Всю северную осень команда «Биотика» продолжала работать на леднике. Постепенно дни становились короче, а ветра — холоднее. Замысловатые ледяные цветы вырастали на Арене каждую ночь. В полдень они слегка оплавлялись по краям, а потом, закаленные, служили основанием для сложнейших узоров, которые появлялись на следующее утро. Миниатюрные и острые кристаллические хлопья с треском разлетались от больших плавников и зубьев прямо под ними.

Люди не могли не крушить хрупкие фрактальные миры, шагая по ледяной корке. Они искали растения, скрытые под морозными узорами, чтобы увидеть, как те справляются с подступающим холодом. Глядя через ухабистую белую равнину, ежась от ветра, который проникал даже сквозь утепленный скафандр, Сакс думал, что суровая смерть от переохлаждения неизбежна.

Но внешний вид мог оказаться обманчив. Конечно, вымерзания было не избежать, но растения закалялись. Как утверждали садоводы «Биотика», они успеют акклиматизироваться до наступления зимы. Сакс, копавшийся в утрамбованном снегу, понял, что это трехэтапный процесс. Во-первых, фитохроматические часы

в листьях чувствовали уменьшение светового дня. Как ни крути, а дни и впрямь становились короче, а суровые бури, приходящие почти каждую неделю, участились. На ледник падал грязно-белый снег, а затем низкие пузатые кучевые облака двигались дальше. На втором этапе рост прекращался, карбогидраты перемещались к корням, а количество абсцизовой кислоты в листьях вырастало настолько, что они опадали. Сакс нашел множество тому доказательств: желтых или коричневых листьев, цепляющихся за ветки или укутывающих землю Арены. Они-то и обеспечивали живым растениям дополнительную теплоизоляцию. Во время этого этапа вода уходила из клеток в межклеточные ледяные кристаллы, а клеточные мембраны утолщались, пока в некоторых протеинах молекулы сахара не заменяли молекулы воды. Ну, а на третьем и самом холодном этапе вокруг клеток формировался гладкий лед, не повреждающий их структуру, — сам процесс назывался «витрификация».

Растения могли выдерживать температуру до 220 градусов по Кельвину, что приблизительно соответствовало средней температуре на Марсе до того, как туда прибыли люди. Сейчас эта был самый низкий предел из возможных. А снег, ко-

торый покрывал Арену толстым слоем во время штормов, служил термоизолятором, укутывая растения и защищая их от пронзительных ветров.

Теперь Сакс часто копался в сугробах онемевшими пальцами. Ледник казался ему весьма увлекательным местом. Кроме того, Арена была отлично адаптирована к спектрально выбранному синему свету, единственному, что проникал сквозь почти трехметровый снежный слой вглубь, — еще один пример рэлеевского рассеяния. Лично ему понравилось бы изучать зимний мир Марса и последующие шесть месяцев. Он обнаружил, что успел полюбить полевые работы на Арене, когда по небу скользили низкие темные тучи, а снег был плотным и утрамбованным. Он привык пересекать ледник в разных направлениях и наблюдать за любыми изменениями — климатическими или биологическими. Но Клэр хотела, чтобы он вернулся в Берроуз и поработал в лаборатории над тундровым тамариском в их марсианских колбочках, успех с которым был близок.

Филлис и остальные члены команды «Армскора» и Временного Правительства тоже собирались возвращаться. В один прекрасный день они

оставили станцию под ответственность команды садовников-исследователей, и караван марсоходов отправился обратно на юг.

Сакс застонал, когда услышал, что Филлис и ее группа поедут с ними. Он надеялся, что простое физическое разделение положит конец отношениям с Филлис, убережет его от ее испытующего взгляда. Но поскольку они возвращались вместе, он понял, что ему надо что-то предпринять. Ему следовало порвать с ней, если он хотел, чтобы все это, наконец, закончилось — тогда он почувствует себя свободным.

С самого начала идея закрутить с ней интрижку была плохой! Увы, в тот момент Сакс почему-то поддался необъяснимому всплеску влечения. Но теперь он охладел к Филлис и остался в компании человека, который в лучшем случае раздражал его, в худшем — был опасен. И его совсем не утешало, что он действовал безрассудно. Каждый его шаг на этом пути казался сущей мелочью, но в итоге он пришел к чему-то чудовищному.

А уже в первый вечер в Берроузе на его запястье пискнула консоль, и Филлис заявила, что хочет пригласить его на ужин. Сакс согласился и оборвал звонок, беспокойно бормоча что-то себе под нос. «Возможно, неловкая сцена не за горами», —

думал он.

Они вышли во внутренний двор любимого ресторана Филлис «Эллис Бут», который располагался к западу от горы Хант, и заняли угловой столик с видом на процветающий район между холмом Эллис и Столовой горой. Пейзаж был впечатляющим: новенькие особняки выглядывали из-за деревьев парка Принцесс. Возвышавшаяся рядом Столовая гора была так сильно застеклена окнами, что походила на гигантский отель. Горная гряда, видневшаяся вдали, была не менее кричащей.

Официант принес им графин с вином и ужин, ненадолго прервавший болтовню Филлис. Она тараторила в основном о строительстве на Фарсиде, но, похоже, жаждала поговорить и с обслуживающим персоналом: она охотно подписывала для них салфетки и спрашивала, откуда они и как долго пробыли на Марсе. Сакс только жевал, рассматривая Берроуз, и с тоской поглядывал на Филлис. Казалось, что ужин будет тянуться бесконечно.

Но, наконец, они встали из-за стола и спустились на лифте в долину. Блестящая кабина пробудила в Саксе воспоминания об их первой совместной ночи, что заставило его почувство-

вать неловкость. Возможно, Филлис разделяла его чувства, поскольку забилась в угол и угрюмо молчала. Потом на зеленом бульваре она чмокнула его в щеку, обняв быстро и крепко.

— Спасибо за чудесный вечер, Стефан, — сказала она. — Мы прекрасно провели время на Арене, я никогда не забуду наше маленькое приключение под ледником. Но сейчас я должна вернуться в Шеффилд и разгребать все, что там накопилось. Надеюсь, ты навестишь меня, если когда-нибудь приедешь в Шеффилд. Договорились?

Сакс пытался контролировать выражение лица и одновременно осознать, что бы почувствовал Стефан и что бы он сказал. Филлис была самодовольной женщиной. Вероятно, она забудет их ледниковый роман быстрее, если ее не будет мучить мысль, что она ранила кого-то, резко разорвав отношения. Возможно, она не станет ломать голову, почему разрыв был принят с таким облегчением. И Сакс постарался, чтобы голос его звучал печально и проникновенно.

— Ах! — произнес он, обидчиво поджал губы и отвернулся.

Филлис рассмеялась, как девчонка, и поймала его в страстные объятия.

— Что ты! — укоряла она Сакса. — Нам ведь

было весело, правда? И мы снова увидимся, когда я приеду в Берроуз или если ты соберешься в Шеффилд. У нас же нет иного выбора! Не грусти!

Сакс пожал плечами. Это было настолько разумно, что он едва мог придумать возражения покинутого любовника, которым он как раз и притворялся. Но им обоим уже исполнилось больше сотни лет, так что жизненного опыта им занимать не приходилось…

— Я знаю, — ответил он, улыбнувшись ей нервно и жалко. — Мне просто жаль, что час расставания пробил.

— Да, — она снова поцеловала его. — Мне тоже. Но мы обязательно встретимся, Стефан.

Он кивнул, уставившись на тротуар и чувствуя уважение к нелегкой актерской судьбе. Что делать теперь?

А Филлис, оживленно попрощавшись, упорхнула прочь. Сакс посмотрел ей вслед и невольно махнул рукой.

Он брел по бульвару Большой Уступ к горе Хант. «Вот и все», — думал он. Определенно, это было проще, чем он представлял. И ситуация оказалась чрезвычайно удобной. Но почему-то он был до сих пор немного раздражен. Сакс поглядывал на свое отражение в витринах магазинов, мимо

которых проходил и вздыхал. Беспутный старый дурень, да, красавчик? Ну, что бы это ни значило. Привлекательный, иногда, для некоторых женщин. Одна подцепила его, использовала как партнера в постели несколько недель подряд и отбросила, когда пришло время расставаться. Очевидно, то же самое происходило и с другими, чаще с женщинами, чем с мужчинами, если учитывать неравенство в культуре и процессе воспроизводства. Но теперь, когда процесс воспроизводства был вынесен за скобки, а культура разлетелась на куски…

Нет, Филлис действительно была ужасна. Но Сакс не имел права жаловаться: он согласился на это безо всякого давления. Он лгал ей с самого начала, скрывая под новой личиной не только свое прошлое, но и чувства по отношению к ней. А теперь он свободен от Филлис и не связан с ней никакими обязательствами.

Значит, сейчас ему ничего не угрожает.

Ощущая подъем, как после закиси азота, он подошел к огромной лестнице в крытом дворике горы Хант и начал спускаться по ступеням. Через некоторое время он уже был в своих скромных апартаментах.

Зимой в Берроузе в течение двух недель прохо-

дила ежегодная конференция по терраформированию. Она открылась второго февраля: это было десятое мероприятие, незатейливо названное организаторами «М-38: Новые результаты и новые направления». Город собирался принять ученых со всего Марса! Говорили, что сюда приедет около трех тысяч человек. Собрания проводились в главном конференц-центре Столовой горы, в то время как прибывших участников расселяли в городские отели.

Все в отделении «Биотик» в Берроузе посещали заседания, а потом неслись к горе Хант, если у них были текущие эксперименты, которые требовали контроля. Сакс, разумеется, чрезвычайно интересовался любыми вопросами терраформирования. Сразу же после открытия мероприятия он пошел в парк, взял кофе с выпечкой и направился в конференц-центр, где стал одним из первых прибывших в очереди у регистрационных столов. Саксу вручили пакет с программой и брошюрами, он закрепил бейджик на пальто и побрел по залам, потягивая кофе, читая названия докладов и посматривая на стенды участников.

Здесь Сакс, как и на леднике, вновь почувствовал себя в родной стихии. Научные конференции походили одна на другую, как близнецы. Навер-

ное, так было всегда. Схожесть была удивительной — вплоть до нарядов участников. Мужчины были облачены в консервативные, потертые профессорские пиджаки всех оттенков коричневого, рыжего и темно-бордового. Женщины, которых, наверное, было процентов тридцать от общей массы, щеголяли в непривычно тусклых и строгих деловых костюмах. Многие носили очки, хотя проблемы со зрением стали редкостью, поскольку их можно было решить хирургическим путем. Почти каждый из гостей вертел в руках программу мероприятий, и у всех были бейджики с именами, приколотые на лацкане блузки или пиджака.

В затемненных помещениях уже читались доклады. Как и всегда, выступающие стояли перед экранами, демонстрируя сложные графики, таблицы, молекулярные структуры и тому подобное. Они говорили в рваном ритме, подстраиваясь под темп сменяющихся изображений, и использовали указку, чтобы обозначать значимые части своих диаграмм… Аудитория, состоящая из тридцати-сорока коллег, преимущественно заинтересованных в описываемой работе, сидела на рядах стульев. Все внимательно слушали докладчиков и подготавливали вопросы, которые

можно было бы задать в конце презентации.

Для того, кто любил научный мир, это было весьма умиротворяющее зрелище. Сакс заглянул в пару помещений, но ни одно обсуждение не заинтриговало его настолько, чтобы нырнуть внутрь. Вскоре он обнаружил себя в зале, полном стендов, и начал неторопливо их просматривать.

«Увеличение растворимости полициклических ароматических углеводородов в мономерном и мицеллярном поверхностно активном растворе». «Спады, вызванные перекачкой в южной части Великой Северной равнины». «Эпителиальное сопротивление геронтологическому лечению третьей степени». «Сфера действия радиальных трещин в водоносных слоях на краях ударных кратеров». «Низкое напряжение электрополяции длинновекторных плазмид». «Нисходящие ветра канала Эхо». «Базовый геном новых поколений кактусов». «Сглаживание марсианских возвышенностей в регионах Аментес и Туррена». «Отложения слоев нитрата натрия на сухих песчаных отмелях». «Методы оценки профессионального воздействия загрязненной рабочей одежды на зеленые водоросли».

Как обычно, тематика оказалась чрезвычай-

но разнородной. Здесь главенствовали именно плакаты, а не доклады, что, впрочем, было неудивительно. Зачастую их авторами были молодые аспиранты университета Сабиси, или те, кого волновали вопросы периферийной конференции. Однако найтись тут могло все что угодно, а на это Сакс и рассчитывал.

На конференции он не заметил попыток организовать стендовые доклады более четко и структурно. «Географическое распределение ризокарпона на восточном взгорье Харит» детализировало выживаемость лишайников со сроком жизни до четырех тысяч лет в зависимости от высот и соседствовало с «Происхождением ледяной крупы в соляных частицах, найденных в перистых, высокослоистых и высококучевых облаках циклонических вихрей северной Фарсиды» — метеорологическим исследованием, имеющим некоторую ценность.

Сакса интересовало все, но внезапно его внимание приковал боковой стенд. Там были описаны аспекты терраформирования, к которым Сакс тоже успел приложить руку. К примеру, тема «Оценка совокупного тепла, высвобождаемого ветряными мельницами Андерхилла» сразу взбудоражила его любопытство. Сакс дважды прочел

название, чувствуя душевный подъем.

Средняя температура марсианской поверхности перед их прибытием достигала около 220 градусов по Кельвину. Одна из целей терраформирования, с которой соглашались все, заключалась в том, чтобы поднять среднюю температуру до точки замерзания воды, что составляло 273 градуса. Подъем средних температур на поверхности планеты более чем на пятьдесят три градуса был трудной задачей, требовавшей, по подсчетам Сакса, не менее 3,5 x 10 джоулей на каждый квадратный сантиметр марсианской поверхности. Сакс в своих моделях предполагал достичь значения порядка 274 градусов по Кельвину. С таким средним значением большую часть года планета была бы достаточно теплой, чтобы создать активную гидросферу, а значит, и биосферу. Многие выступали за еще больший прогрев, но Сакс не видел в этом необходимости.

В любом случае методы увеличения тепла в системе оценивались именно по предположительному подъему средних глобальных температур. Данный стенд как раз и анализировал эффект компактных нагревателей на ветряных генераторах, разработанных Саксом. Здесь утверждалось, что за семь десятилетий их вклад составил не

более чем 0,05 градуса по Кельвину. Сакс не мог найти ошибок в допущениях и вычислениях в модели, представленной на стенде. Конечно, увеличение тепла стало не единственной причиной, по которой были распространены ветряные генераторы… Сакс также хотел обеспечить теплом и укрытием первые криптоэндолиты, которые он планировал испытать на поверхности. К сожалению, эти организмы погибли практически сразу, как были выпущены, или вскоре после «испытательного срока».

Если говорить начистоту, этот проект не мог быть причислен к его лучшим творениям.

Сакс двинулся дальше. «Применения смоделированных химических данных в гидрохимических моделях: водораздел долины Дао, Эллада». «Повышение устойчивости пчел к CO_2». «Добыча верхних слоев воды комптоновских радиоактивных осадков в ледяных озерах долины Маринер». «Очистка частиц от следов реакций». «Глобальное потепление как результат высвобождения галоидоуглеводородов».

Последний снова заставил его остановиться. Стенд представлял работу атмосферного химика С. Симена и его студентов, и через минуту Сакс почувствовал себя значительно лучше. Когда в

2042 году Сакса поставили во главе проекта по терраформированию, он сразу же приступил к созданию заводов по производству и высвобождению в атмосферу специальной газовой смеси парниковых газов. Она в основном состояла из тетрафторида углерода, тексафторэтана и гексафторида серы, наряду с некоторым количеством метана и закиси азота. Стенд называл смесь «Коктейль Расселла», как нарекла ее команда Сакса, работавшая с ним в Эхо-Оверлуке. Галоидоуглеводороды в смеси представляли собой мощные парниковые газы, и лучшим их свойством являлось то, что они вбирали в себя планетарное излучение с длиной волны от восьми до двенадцати микрон — так называемые «окна», в которых ни водяной пар, ни CO_2 не обладали сопоставимой поглощающей способностью. Эти окна, будучи открытыми, позволяли фантастическому количеству тепла возвращаться назад в космос. Сакс, следуя классической модели МакКея и соавторов, в первую очередь попытался закрыть их. Его команда выпустила на свободу изрядную дозу «коктейля», чтобы тот содержался в атмосфере в пропорции десять или даже двадцать к миллиону.

После этого, начиная с 2042 года, значительная

часть усилий была брошена именно на строительство автономных заводов, разбросанных по Марсу. Они должны были производить газ из местных источников углерода, серы и флюорита, а затем выпускать его в атмосферу. С каждым годом количество газа увеличивалось. Работа продолжилась даже после того, как соотношение двадцать к миллиону было достигнуто. (Дело было в том, что люди хотели сохранить это соотношение в уплотняющейся атмосфере, а газы могли компенсировать постоянно идущий в верхних слоях атмосферы процесс разрушения галогенерированных углеродных соединений ультрафиолетовыми лучами.)

Как показывали таблицы, заводы успешно справлялись с задачей. В 2061-м, два десятилетия спустя, уровень парниковых газов в атмосфере достиг уровня примерно двадцать шесть к миллиону. Согласно подсчетам на стенде, это согревало поверхность приблизительно на двенадцать градусов по Кельвину.

Сакс двинулся дальше с довольной улыбкой на лице. Двенадцать градусов! Вот так достижение: свыше двадцати процентов всего необходимого им тепла! А ведь произошло это благодаря быстрому старту и правильным условиям. Грамотно

составленный газовый «коктейль» не подкачал! Какое изящное решение проблемы! В простой физике всегда есть нечто успокаивающее…

Но на часах было уже десять, начинался основной доклад Х. К. Борасджани, и Сакс поспешно ушел из комнаты.

Борасджани являлся одним из лучших атмосферных химиков на Марсе и рассматривал вопросы, касающиеся глобального потепления. Очевидно, он собирался представить свои расчеты совокупного вклада в потепление, который был сделан вплоть до 2100 года — даты перед началом эксплуатации солетты. Оценив всевозможные методики, ученый намеревался порассуждать о том, имели ли место быть какие-нибудь синергетические эффекты. В общем, доклад Борасджани был краеугольным камнем конференции, поскольку к нему имели отношение работы многих специалистов.

Борасджани планировал выступать в крупном конференц-зале, и тот уже был полон под завязку. В помещении собралось, по меньшей мере, две тысячи человек. Сакс проскользнул внутрь и застыл возле последнего ряда стульев.

Борасджани оказался миниатюрным темнокожим человечком с копной седых волос. Он крутил

указку перед большим экраном, на котором показывались модели различных методов нагрева поверхности, использующихся до сих пор. Сакс затаил дыхание. Черная пыль и лишайники на полюсах, орбитальные зеркала, доставленные с Луны, быстро сменяли друг друга. Затем наступила очередь мохолов и предприятий по выработке парникового газа. Потом появились изображения ледяных астероидов, направляемых в верхние слои атмосферы, бактерий для денитрификации и прочей органики.

Сакс инициировал каждый из процессов в 40-х и 50-х годах. Теперь он смотрел на экран даже с большим напряжением, чем прочие зрители. Единственным очевидным методом прогреть атмосферу, которого он избегал на начальных этапах, было высвобождение изрядного количества CO_2. Те, кто поддерживал данный метод, хотели запустить стремительный парниковый эффект с содержанием CO_2 в атмосфере до двух бар. Поборники метода настаивали, что это невероятно прогреет планету, остановит жесткое солнечное излучение и запустит рост растений. Без сомнения, утверждение было верным, но убийственным для людей и животных. Хотя защитники плана и говорили о второй фазе, в

которой CO_2 будет изъят из атмосферы и заменен пригодной для дыхания смесью, их технологии были грубы так же, как их временные шкалы (те вообще варьировались от ста до двадцати тысяч лет). И все это время небо оставалось бы молочно-белым.

Сакс нахмурился. Он предпочитал однофазную модель вот этой — упрямо рвущейся к конечной цели. Конечно, в таком случае, тепла им всегда будет не хватать, но Сакс считал, что неудобство стоит результата. И сделал все, что было в его силах, дабы заменить тепло, которое обеспечил бы им CO_2, чем-нибудь другим, например, мохолами. К несчастью, расчеты Борасджани свидетельствовали о том, что тепло, высвобожденное мохолами, было относительно низким. Все устройства повышали температуру, наверное, максимум на пять градусов по Кельвину. «Ничего не поделаешь», — подумал Сакс, тыча пальцем в планшет. Единственным надежным источником тепла являлось именно солнце. Поэтому на Марс каждый год активно внедрялось все большее количество вращающихся зеркал, сделанных из солнечных парусов. Они прибывали с Луны, где их создавали из местного, очень стойкого алюминия. По утверждению Борасджани, подобные

«флотилии» могли прогреть Марс еще примерно на пять градусов по Кельвину, если исходить из показателя средней температуры.

Снижение отражательной способности, область, которой никогда не уделяли много внимания, приумножила результат еще на два градуса… А порядка двухсот атомных реакторов, разбросанных по планете, тоже добавили в общий котел полтора градуса по Кельвину.

Затем Борасджани начал рассказывать о смеси парниковых газов. Однако вместо того, чтобы упомянуть двенадцать градусов, данных на стенде Симена, он привел цифру в четырнадцать градусов. Странно, но в подтверждение своих слов ученый процитировал статью Дж. Уоткинса двадцатилетней давности.

Сакс заметил, что в последнем ряду сидит Беркин, и шепнул ему прямо в ухо:

— Почему он не использует работу Симена?

Беркин ухмыльнулся и прошептал в ответ:

— Пару лет назад Симен опубликовал статью, в которой процитировал сложную схему взаимодействия ультрафиолета и галоидоуглеводородов из работы Борасджани. Он слегка ее модифицировал и сослался на Борасджани, но потом, когда снова использовал статью, то ссылался лишь на

собственные ранние публикации. Это взбесило Боразджани. Теперь он считает, что работы Симена по данному вопросу просто-напросто повторяют Уоткинса. В общем, всякий раз, когда он говорит о потеплении, то всегда делает отсылку на Уоткинса и притворяется, что Симена даже не существует.

— Ясно, — пробормотал Сакс.

Он выпрямился, против воли улыбаясь утонченной, но не слишком эффективной мести Боразджани. Симен был здесь и сидел на другой стороне зала, недовольный и насупленный.

А Боразджани тем временем перешел к тепловым эффектам от паров воды и CO_2, который был высвобожден в атмосферу. Все это вкупе с другими влияниями, по его подсчетам, прибавляло Марсу еще десять градусов по Кельвину.

— Кое-что может быть названо синергетическим эффектом, — вещал он, — поскольку десорбция CO_2 в основном стала результатом потепления. Однако я не могу утверждать, что синергия играла важную роль. Сумма тепла, созданная индивидуальными методами, довольно точно соответствует температурам, получаемым из погодных сводок по всей планете.

Экран продемонстрировал его последнюю таб-

лицу. Сакс сделал ее упрощенную копию у себя на планшете:

Борасджани, 14 февраля-2, 2102:
Галоидоуглеводороды: 14
H_2O и CO_2: 10
Мохолы: 5
Зеркала до солетты: 5
Снижение альбедо: 2
Ядерные реакторы: 1,5

Кстати, Борасджани даже не упомянул ветряные нагреватели — в отличие от внимательного Сакса.

Итоговая цифра оказалась следующей: 37,55 градуса по Кельвину! Весьма приличный шаг, по мысли Сакса, к их цели в пятьдесят три градуса и выше. Они занимались этим всего-то шестьдесят лет!.. Тем не менее уже в большинство летних дней температура достигала точки выше замерзания, позволяя процветать арктическим и высокогорным растениям, как он увидел воочию на леднике Арена. И все было сделано до ввода в эксплуатацию солетты, которая должна увеличить освещенность на двадцать процентов!

Началось обсуждение, и кто-то сразу поднял тему солетты. Борасджани спросили, была ли она

необходима, учитывая прогресс, который и так достигнут на Марсе? Борасджани пожал плечами точно так, как сделал бы Сакс.

— Что значит «необходима»? — парировал он. — Все зависит от того, сколько тепла вам нужно. Согласно стандартной модели, начатой Расселлом в Эхо-Оверлуке, важно сохранять уровень CO_2 настолько низким, насколько возможно. Если мы придерживаемся данной модели, тогда мы должны применять методы, компенсирующие недостаток тепла, которое было бы получено с помощью CO_2. Солетта может рассматриваться как компенсатор при вероятном сокращении CO_2 до пригодного для дыхания уровня.

Сакс утвердительно склонил голову.

Кто-то еще поднялся и спросил:

— Не считаете ли вы, что стандартная модель неадекватна, учитывая количество азота, которое, как мы теперь знаем, у нас есть?

— Нет, если весь азот будет выброшен в атмосферу.

Но это казалось маловероятным достижением, на что сразу же указали Борасджани. Достаточный процент от общей массы останется в земле, и по факту понадобится для растений. А ведь на Марсе была нехватка азота, о чем знал и Сакс…

Если они будут сохранять долю CO_2 в атмосфере на самом низком из возможных уровней, тогда процент кислорода поднимется на опасно высокую ступень — из-за своей воспламеняемости.

Кто-то встал и воскликнул, что существует возможность компенсировать нехватку азота иными инертными газами, в основном — аргоном. Сакс поджал губы: он вводил аргон в атмосферу с 2042 года, поскольку предвидел проблему. Значительное количество аргона и так содержалось в реголите, но выяснилось, что его было сложно высвободить. Теперь животрепещущая тема стала предметом постоянных дискуссий. Да уж, баланс газов в атмосфере стал настоящей проблемой!

Поднялась женщина, заявившая, что консорциум транснационалов под руководством «Армскора» строит шаттлы. Они будут собирать азот из атмосферы Титана, где его предостаточно, а потом — разжижать и транспортировать на Марс, сбрасывая в верхних слоях атмосферы. Сакс прищурился и сделал вычисления на планшете. Его брови взлетели, когда он увидел результат. Необходим целый флот шаттлов, чтобы выполнить задачу, да и корабли должны достигать огромных размеров. Неужто транснационалы

решили вложить деньги в такой авантюрный проект?

А все опять вернулись к обсуждению солетты. Она, в принципе, могла компенсировать пробел от пяти до восьми градусов по Кельвину, которые были бы потеряны, если бы люди уменьшили текущий уровень CO_2 в атмосфере. Вероятно, именно солетта и добавит Марсу тепла, решили участники конференции. Сакс кивнул. Теоретически, согласно его подсчетам на планшете, сумма равнялась двадцати градусам.

Кто-то заметил, что снижение уровня CO_2 будет трудной задачей. Мужчина, сидевший в последнем ряду, специалист из лабораторий «Субараси», сообщил, что доказательное обсуждение солетты и воздушных линз обязательно состоится чуть позже. Вот тогда-то на повестке дня и возникнут самые важные вопросы. Напоследок он добавил, что серьезные недостатки однофазной модели сделали двухфазную модель практически неизбежной.

Ученые закатывали глаза, услышав подобный вердикт. Борасджани объявил, что конференц-зал необходим для следующего доклада. Никто не прокомментировал его виртуозную модель, в которой были убедительно собраны отдельные

вклады исследователей. Но в некотором смысле дань уважения крылась в том, что никто также и не оспаривал модель Боразджани: его ведущая роль в данной области была принята как данность. Теперь слушатели вставали с мест, и некоторые направлялись прямо к Боразджани, чтобы закидать его вопросами. Десятки разговоров завязались после того, как остальные участники покинули конференц-зал и удалились в коридор.

Сакс и Беркин решили перекусить в кафе. Заведение располагалось снаружи, прямо у подножия горы Бранч. Здесь уже было много народа: все ели и одновременно обсуждали утренние доклады.

— Мы думаем, соотношение один к миллиарду…

— Нет, сульфаты — это консервативно!..

Судя по обрывкам разговора, люди за соседним столиком предполагали, что переход к двухфазовой модели действительно неизбежен. Одна женщина заявила, что надо поднять среднюю температуру выше 295 градусов по Кельвину (это было на семь градусов выше, чем средние температуры на Земле).

Сакс покосился на нее. К чему такая спешка! Он не видел причин разочаровываться достигнутым

прогрессом. Конечной целью проекта являлось не тепло, а пригодная для жизни поверхность. До сих пор результаты не давали повода жаловаться. Текущая атмосфера составляла в среднем 160 миллибар на начальном уровне и состояла из CO_2, кислорода и азота в равных долях с незначительным количеством аргона и других газов. Это была не та смесь, о которой мечтал Сакс, но все равно итог потрясал воображение. Они и так достигли отличных результатов, в особенности учитывая набор летучих веществ, с которого они начали. Это был существенный шаг на пути к финальной смеси, которую Сакс держал в уме. Его «коктейль», включающий раннюю рецептуру Фогга, содержал следующие ингредиенты:

300 миллибар азота
160 миллибар кислорода
30 миллибар аргона, гелия и прочего
10 миллибар CO_2 =…
Общее давление на начальном уровне — 500 миллибар.

Цифры были обусловлены физическими требованиями и разного рода ограничениями. Общее давление должно быть достаточно высоким, чтобы кислород поступал в кровь, кроме того, 500

миллибар были и на Земле — на высоте около четырех тысяч метров. То был почти крайний предел, при котором могли существовать люди. Учитывая близость к опасному уровню, в такой разреженной атмосфере стоило бы иметь более высокий, чем на Земле, процент кислорода. «Однако его не должно быть чрезмерное количество, иначе будет трудно тушить пожары», — подумал Сакс.

Одновременно с этим CO_2 нужно держать ниже десяти миллибар — в противном случае он будет оказывать отравляющее воздействие. Что касается азота, то чем больше его будет, тем лучше. 780 миллибар — вот идеальная величина! Но надо помнить, что запасы азота на Марсе составляли менее 400 миллибар… В общем, триста было искомой цифрой, которую разумно выделить в атмосферу, конечно же, с долей погрешности.

Сакс вздохнул. В действительности именно дефицит азота стал одним из главных препятствий, с которыми столкнулось терраформирование. Людям нужно было больше, чем они имели, — и в воздухе, и в почве.

Сакс уставился в тарелку и молча поглощал пищу, он уже не мог думать ни о чем другом, кроме терраформирования. Утренняя дискуссия дала

ему повод спросить себя, верные ли решения принимал он в 2042 году. И мог ли тогдашний набор летучих веществ оправдать его попытку создать пригодную для жизни человека поверхность в один этап? Разумеется, он знал, что прошлого не воротишь… но по-прежнему считал, что его решения были верными. С этим и впрямь ничего нельзя было поделать, если они хотели прогуляться по поверхности Марса без скафандров. А учитывая тот факт, что продолжительность их жизни теперь была значительно увеличена, они могли надеяться на лучшее.

Но кое-кто действительно беспокоился по поводу высоких марсианских температур и не уделял внимания атмосфере, пригодной для дыхания. Очевидно, эти ребята были уверены, что смогут раздуть уровень CO_2 и раскалить Марс, как сковороду, а потом быстренько понизить CO_2. Сакс хмыкнул. Любая двухфазная операция будет неаккуратна. Он был практически уверен, что при данном раскладе они точно застрянут в предсказанном на ранних этапах двухфазного моделирования тысячелетнем временном интервале.

Сакс потряс головой. Нет, он не видел в этом срочной необходимости. Неужели люди действи-

тельно готовы рискнуть столь огромным сроком для опрометчивого решения проблемы? Они настолько впечатлены современными технологиями, что поверили в свое могущество. Но они не всесильны…

— Как тебе пастрами? — спросил Беркин.

— Па… что?

— Пастрами. Сэндвич, который ты съел только что, Стефан.

— О!.. Хорошо. Наверное.

Днем доклады в основном посвящались вопросам, связанным с успехами в области глобального потепления. По мере того, как росла температура на поверхности Марса, а подземная биота проникала глубже в реголит, вечная мерзлота таяла, как и предполагалось. Но для некоторых чрезмерно холодных регионов это обернулось катастрофой. Одним из них была равнина Исиды. Продуманная речь ареолога из лаборатории «Праксиса» в Берроузе доходчиво описывала ситуацию. Равнина Исиды являлась крупным ударным кратером, размером примерно с Аргир, полностью стертым с северной стороны. Его южный обод стал частью Большого Уступа. Подземный лед сползал по крутому склону и миллиарды лет скапливался в бассейне. Теперь

он таял у поверхности, а зимой снова замерзал. Повторяющийся цикл приводил к тому, что лед непредсказуемо выгибался. Расширение по сравнению с аналогичными процессами на Земле было больше почти в два раза (причем карсты и бугры пучения превосходили земные в сотни раз). Теперь повсюду на Исиде зияли провалы или же, наоборот, появлялись крутые холмы. По всей равнине возникали курганы, которые уже испещрили окрестности.

После доклада и демонстрации нескольких головокружительных фотографий ареолог пригласила группу заинтересованных участников на экскурсию. Сакс присоединился к ним. Они направились к южному краю Берроуза мимо горы Мойрис и остановились возле стены защитного купола. Здесь квартал выглядел так, словно его разрушило землетрясение. Почва вздымалась, чтобы высвободить поднимающуюся массу льда, как лысый круглый холм.

— Вот отличный пример бугра пучения, — сказала ареолог с собственническими интонациями. — Ледяные массы тут относительно чистые по сравнению с вечной мерзлотой. Они ведут себя точно так же, как и камни, когда вечная мерзлота замерзает ночью или зимой: она расширяется,

и любые твердые тела, вставшие у нее на пути, выталкиваются к поверхности. В тундре на Земле есть много бугров пучения, но они не достигают столь впечатляющих масштабов. — Она повела группу дальше — к улочке, изрядно пострадавшей от оползней.

Сакс переступил через обломки бетона, взобрался на земляной вал и посмотрел на грязный холмик белого льда.

— Мы вскрыли его, как нарыв. Теперь мы растапливаем лед, направляя воду в каналы, — пояснила ареолог.

— За пределами города такой бугор может стать оазисом, — заметил Сакс, обратившись к Джессике. — Летом он прекрасно увлажнит почву. Мы должны создать семена и споры, чтобы подобные участки вне городов зазеленели.

— Верно, — согласилась Джессика. — Хотя надо быть реалистами: область вечной мерзлоты неминуемо сползет в северное море.

— Угу.

По правде говоря, Сакс забыл о бурении и добыче воды на Великой Северной равнине.

Когда они вернулись в конференц-центр, он поискал доклад, описывающий аспекты данной работы. Один из них как раз начинался в четыре

часа: «Последние достижения в процессе откачки вечной мерзлоты северной полярной шапки».

Сакс смотрел видеопрезентацию докладчика бесстрастно. Подземные ледяные линзы, тянущиеся от северной полярной шапки, походили на скрытую часть айсберга. Воды в них было примерно в десять раз больше, чем в самой полярной шапке. А в вечной мерзлоте Великой Северной равнины влаги скопилось поистине огромное количество. Но переместить ее на поверхность… Как и добыча азота из атмосферы Титана, это был грандиозный и почти нереальный проект. Сакс даже не рассматривал его в первые годы колонизации Марса. Тогда это было просто невозможно.

Солетта, азот с Титана, бурение северного океана, ледяные астероиды — транснационалы оперировали такими величинами, что Саксу было сложно осмыслить их идеи. Но транснационалы мыслили с размахом. Определенно, новые возможности конструирования и материаловедения и появление самовоспроизводящихся предприятий делали эти проекты осуществимыми. Однако начальные финансовые инвестиции были баснословными.

Тем не менее, Сакс принял кое-какие идеи, связанные с использованием новейшей техники.

Это было продолжением того, что они делали раньше. Прежде они решали проблемы при помощи усовершенствованных материалов, дизайна и гомеостатического контроля — и тогда их возможности значительно возрастали. Порой они и сами диву давались, глядя на свои достижения. А порой просто пугались. Да, терраформирование оказалось неизвестной величиной…

В любом случае примерно около пятидесяти буровых платформ уже было установлено на шестидесяти градусах северной широты. Они бурили колодцы и устанавливали на дне оборудование, растапливающее вечную мерзлоту. Здесь применялись нагреваемые галереи и гремели ядерные взрывы. Затем воду перекачивали наверх и распределяли по дюнам Северной равнины, где она опять замерзала. В конце концов, ледяной щит должен был растаять (частично под собственным весом). Вот тогда-то у них и появится океан в форме кольца вокруг шестидесятых или семидесятых широт. Без сомнения, люди получат в свое распоряжение хорошую термальную раковину, наподобие других океанов.

Сейчас она, правда, не растаяла и увеличивала альбедо, что для всей системы значило потерю тепла. Это был очередной пример их противоре-

чащих друг другу действий. Точно такой же, как и расположение Берроуза, если рассматривать его с такой точки зрения. Берроуз находился значительно ниже вероятного уровня моря и, уж конечно, лежал ниже собственно нулевой отметки. Некоторые даже говорили о строительстве дамбы, на случай непредвиденных обстоятельств, но никто не мог утверждать ничего наверняка.

В общем, Сакс был заинтригован.

Он посещал мероприятия каждый день, буквально поселившись в полутемных комнатках и просторных залах конференц-центра. Сакс непринужденно болтал с коллегами и авторами стендов, а иной раз наталкивался на старых знакомых. В таких случаях он притворялся, что не знает бывших напарников, и так сильно нервничал, что отчаянно старался их избегать. Но, вероятно, люди его не узнавали. Они просто проходили мимо Сакса, поэтому он чувствовал облегчение и мог спокойно концентрироваться на науке. Что он и делал с превеликим удовольствием. Ученые выступали с докладами, слушатели задавали вопросы, спорили о деталях, обсуждали выводы, и все это происходило под ровным флуоресцентным свечением конференц-залов.

Низкий гул вентиляторов и видеопроекторов стал здесь привычным звуком, как будто участники конференции находились вне времени и пространства, очутившись в воображаемом мире чистой науки. Сакс даже думал, что очутился в своего рода утопическом сообществе — уютном, ярком и защищенном. Для него научная конференция была глотком свежего воздуха: только тут он мог погрузиться в созерцание высот человеческого духа.

Однако позже все изменилось. Спустя пару дней заседания на конференции превратились в скандальные сборища на грани нервного срыва, чего Сакс никогда не наблюдал ранее и что ему не понравилось. Вопросы после презентаций были агрессивными, а ответы поспешными и оправдывающимися. Здесь явно велась игра в научный дискурс, которым Сакс тоже мог наслаждаться, но с некоторыми поправками. Ведь игра эта никогда не была честной: она часто разбавлялась спорами ради споров, борьбой за власть, движимой чем-то большим, чем обыкновенный эгоизм. Это не было похоже на бессовестное заимствование Симена и на изысканные ответы Борасджани, а напоминало прямые нападки на соперников.

К примеру, после завершения доклада о глу-

боких мохолах и возможности достичь мантии маленький лысый землянин встал и заявил:

— Не думаю, что базовая модель литосферы корректна, — и тотчас покинул зал.

Сакс недоуменно заморгал.

— Что с ним стряслось? — шепнул он Клэр.

Та покачала головой.

— Он работает в «Субараси» над воздушными линзами: им не нравится соперничество в программе по плавлению реголита.

— Господи!

После столь явного проявления грубости пришла очередь ответов и вопросов, но Сакс выскользнул в коридор и с любопытством посмотрел на ученого из «Субараси». О чем этот тип только думал?

Но «негодяй» был не единственным, кто повел себя неадекватно: постепенно каждый участник конференции почувствовал себя взвинченным и раздраженным. Конечно, ставки были высоки, и бугор пучения под горой Мойрис демонстрировал, что их действия, изучаемые и защищаемые на конференции, могут иметь плохие побочные эффекты. Они могут потратить на свои заоблачные проекты столько времени, а самое главное — жизней, — и все впустую… А на кону стояли

еще и финансовые мотивы!

Конференция близилась к концу. Программа переключалась с узких вопросов на более общие доклады и круглые столы, включая новые презентации, получившие меткое прозвище «монстры». Предполагалось, что их влияние будет настолько весомым, что затронет все прочие проблемы. Участники страстно дискутировали, касаясь не только науки, но затрагивая и политику. Они говорили, по сути, о том, что делать дальше, а не о том, что уже произошло. Это всегда делало вопросы весьма противоречивыми, но превзошло все пределы. Теперь ученые в открытую пытались использовать данные других докладов, чтобы защищать собственную точку зрения, какой бы она ни была. Они входили в ту несчастную область, где наука сползала в политику, где презентации становились заявками на вожделенный грант. Саксу было печально смотреть на то, как «зона сумрака» захватывала до сих пор нейтральную территорию конференции.

«Частично это результат природы наплодившихся «монстров»», — рассуждал Сакс, поглощая свой обед в одиночестве.

«Монстры» оказались настолько дорогими и сложными, что разрабатывались на контрактной

основе разными транснациональными корпорациями. На первый взгляд это была разумная стратегия, очевидный эффективный шаг, но и тут имелись свои камни преткновения. Некоторые аспекты проблемы терраформирования подвергались жесткой и часто необоснованной критике, а партии, защищавшие свои методы как «лучшие», манипулировали информацией для поддержания собственных идей.

«Праксис», к примеру, наряду со Швейцарией был одним из лидеров в области биоинженерии. Его представители-теоретики настаивали на так называемой модели экопоэзиса и утверждали, что сейчас нет необходимости ни в увеличении тепла, ни в увеличении газов. Вдобавок они считали, что биологических процессов при поддержке минимального экологического конструирования вполне достаточно для терраформирования Марса до уровня, предусмотренного в ранней модели Расселла. Сакс полагал, что они были правы, учитывая появление солетты, хотя и считал их временные прогнозы оптимистическими. Но он сам работал на «Биотик», поэтому его суждение, возможно, было искажено.

А вот ученые из «Армскора» были непреклонны и заявляли, что низкий уровень азота разрушит

хрупкие надежды экопоэзиса. Они настаивали на том, что дальнейшее промышленное вмешательство крайне необходимо: и, конечно же, «Армскор» строил транспортные шаттлы для Титана. А сотрудники из «Консолидэйтед», ответственные за бурение на Великой Северной равнине, подчеркивали жизненно важную необходимость гидросферы. Теоретики «Субараси», отвечающие за систему зеркал, расхваливали великую силу солетты и воздушной линзы, помимо прочего накачивающей в атмосферу Марса тепло и газы. «Вот что нужно для успешного терраформирования планеты», — говорили они в унисон.

Но Саксу сразу стало очевидно, почему ученые защищали одну программу, а не другую. Достаточно было просто взглянуть на их бейджики и увидеть институциональную принадлежность, чтобы предсказать, кого они намереваются поддерживать или атаковать. Саксу было мучительно видеть науку столь извращенно вывернутой. Ему казалось, что подобное отношение причиняет боль всем, даже тем, кто сам грубо нападает на оппонента.

Нервозная атмосфера и обидчивость словно клубились в воздухе конференц-залов. Все знали, что происходит, никому это не было по душе,

но никто не хотел ничего менять или просто признавать.

Вскоре Сакс посетил финальную утреннюю дискуссию о проблеме CO_2. Она моментально превратилась в яростную защиту солетты и воздушных линз со стороны двух ученых из экспертной группы «Субараси».

Сакс сидел в последнем ряду, слушал полные энтузиазма описания крупных зеркал и чувствовал себя несчастным и напряженным. Разумеется, солетта ему нравилась. Солетта являлась неким логичным продолжением проекта зеркал, которые он устанавливал на орбиту еще в начале терраформирования. Но низко расположенная воздушная линза оказалась чрезвычайно мощным инструментом! Направленная на поверхность на пределе своих возможностей, она бы испарила сотни миллибар газов (включая и пресловутый CO_2), что согласно однофазной модели Сакса не требовалось.

При любом разумном развитии событий CO_2 должен был оставаться заключенным в реголите. Разумеется, несколько сложных вопросов могли быть решены с помощью воздушной линзы! Но людям из «Субараси» следовало строго-настрого запретить растапливать реголит, не проконсуль-

тировавшись с кем-либо вне шлепающей на все печати комиссии Временного Правительства ООН.

Однако Сакс не хотел привлекать к себе внимания. Он сидел рядом с Клэр и Беркином с планшетом наготове, ерзал на стуле и надеялся, что кто-нибудь даст докладчикам отпор.

И дискуссия разгорелась! Ученый из «Мицубиси» (эта компания находилась в привычной и бесконечной вражде с «Субараси») поднялся и вежливо осведомился о взрывном парниковом эффекте, который может стать результатом высвобождения чрезмерного количества CO_2. Сакс энергично кивнул. Практик из «Субараси» живо возразил, что это было бы как раз то, на что они надеялись.

— Между прочим, чрезмерно большого выделения тепла не предвидится, — заявил он. — Атмосферное давление в семьсот или восемьсот миллибар в любом случае предпочтительнее пятисот.

— Но это — CO_2! — пробормотал Сакс.

Клэр склонила голову набок.

Борасджани поднялся и проворчал что-то недовольным тоном. К нему присоединились и остальные. Многие ученые до сих пор использо-

вали оригинальную модель Сакса как образец для своих действий и теперь настаивали на том, что удалить избыток CO_2 из атмосферы будет очень трудно. Но у них появились оппоненты из «Армскора» и «Консолидэйтед», равно как и из «Субараси», которые заявляли, что задача не представляет никакой сложности. Насыщенная CO_2 атмосфера — совсем не так уж плохо, утверждали они. Экосистема, состоящая преимущественно из растений, с устойчивыми к CO_2 насекомыми и (в будущем) генетически измененными животными, будет процветать в теплом, плотном воздухе. Ну, а люди смогут ходить по Марсу в легкой одежде и пользоваться дыхательными масками.

Последнее заставило Сакса заскрипеть зубами, и, к его радости, не только его одного. Ученые повскакали с мест, чтобы оспорить этот фундаментальный сдвиг в глобальном терраформировании. Атмосфера накалилась, в помещении послышались злобные выкрики:

— Мы тут не за тем, чтобы создавать джунгли!

— Вы предполагаете, что люди могут быть генетически спроектированы так, чтобы существовать при высоком уровне CO_2! Что за нелепость!

Вскоре выяснилось, что обсуждение не увенча-

ется успехом.

И действительно, никто никого не слушал. У каждого давно сложилось свое мнение, тесно связанное с интересами работодателя. Это показалось Саксу неприличным. Взаимная неприязнь и тон дискуссии заставили всех, кроме непосредственных участников, выйти вон. Коллеги Сакса сворачивали программки, выключали планшеты, шептались с соседями, а оппоненты сердито переругивались… Без сомнения, это был плохой расклад. Внезапно Сакс понял, что спорят они именно о политических решениях, которые никогда не будут приняты на уровне работающих здесь ученых.

Аудитория начала расходиться прямо в середине дискуссии. Ошеломленный председатель экспертной комиссии, чрезвычайно тактичная и милая японка, выглядела жалко. С трудом перекрывая громкие возгласы, она предложила закрыть заседание. Но люди и так покидали зал и быстро выходили в холл. Кое-кто никак не мог угомониться и продолжал отстаивать свою точку зрения, жалуясь коллегам и знакомым и что-то с жаром доказывая.

Сакс поплелся за Клэр, Джессикой и другими сотрудниками «Биотика» через канал на гору

Хант. Они поднялись на лифте на плато и пообедали у Антонио.

— Они собираются затопить нас CO_2, — буркнул Сакс, не имеющий сил держать язык за зубами. — По-моему, они не понимают, какой удар они нанесут по стандартной модели.

— Это совершенно другая модель, — произнесла Джессика. — Двухфазная модель тяжелой промышленности.

— Но люди и животные вынуждены будут оставаться под куполами практически бесконечно, — ответил Сакс.

— Может, исполнительные директора транснациональных компаний ничего не имеют против этого, — усмехнулась Джессика.

— Им нравится держать всех в клетках, — добавил Беркин.

Сакс скорчил рожу.

— Тем не менее у них есть солетта и линза, и они хотят их использовать, — сказала Клэр. — Они хотят баловаться, как дети. Солетта устроена как увеличительное стекло, которым все поджигаешь, когда тебе десять. Только она очень мощная. Они не могут удержаться и не испробовать ее. А затем назвать выжженные зоны каналами, вы понимаете…

— Как глупо! — рявкнул Сакс. Клэр и Беркин удивленно уставились на него, поэтому он постарался смягчить тон. — Вы и сами знаете, что они одержимы туманной романтикой. В случае их победы на Марсе будут проложены не полезные каналы, которые способны соединить водные резервуары! Даже если они попытаются использовать их, то получат в свое распоряжение берега из окалины.

— Они заявляют, что основным материалом будет стекло, — поправила его Клэр. — Кроме того, это гипотеза.

— Но мы не в игры играем, — проворчал Сакс.

Ему стало сложно сохранять присущее Стефану чувство юмора, когда он затрагивал столь важную тему. По какой-то причине его все чрезвычайно раздражало и огорчало. А ведь сперва события развивались так хорошо! Шестьдесят лет уверенных достижений могут быть уничтожены в один миг! Они собирались все сломать, интригуя и строя козни друг против друга. Они хотели воплотить еще более дорогие методы, но без какого бы то ни было согласования!

Они собирались уничтожить его план!

Дневная сессия, закрывающая мероприятие, была обычной формальностью. Сакс чувствовал

себя разбитым: уже ничто не могло восстановить его веру в неангажированную науку. Похоже, конференция сыграла с ним злую шутку…

Вечером, вернувшись в свои апартаменты, Сакс внимательно смотрел экологические новости. Уставившись в экран, он искал ответы на вопросы, которые толком не сформулировал. Падали скалы. Валуны всех размеров выталкивались из вечной мерзлоты повторяющимся циклом оттепелей и заморозков и группировались в характерные полигональные структуры. Камень ледников формировал овраги и скаты. Этот же лед высвобождал твердые скальные породы, а затем тянул их вниз, в ущелья. Там они и оседали и почему-то вели себя словно ледники. Северная низменность покрывалась буграми пучения, за исключением, разумеется, участков, где шло бурение и вода выкачивалась на поверхность.

То были изменения на огромной шкале, и теперь они стали очевидны повсюду. Они постепенно усиливались — по мере того как лето становилось теплее, а субмарсианская биота проникала глубже. Странно, но все по-прежнему коченело каждую зиму и немного подмерзало летними марсианскими ночами.

«Такой интенсивный цикл замерзания и тая-

ния разорвет любую поверхность», — подумал Сакс.

Нынешняя марсианская поверхность оказалась чувствительна, хотя на протяжении миллионов лет и просуществовала в холодном сухом стазисе. Многочисленные оползни случались ежедневно. Люди часто гибли и пропадали без следа. Путешествовать между городами стало опасно. Каньоны и свежие кратеры уже не являлись безопасным укрытием для длительного проживания или даже для ночевки.

Сакс прошел к окну и посмотрел вниз на огни Берроуза. Именно это Энн и предсказывала ему давным-давно. Естественно, она с отвращением читала доклады о текущих изменениях, она и остальные Красные. Для них катастрофы были своего рода знаками, что ситуация складывалась скорее плохо, чем хорошо. Прежде Сакс отбрасывал сомнения прочь: гравитационное перемещение пород открывало солнцу промерзшую почву и высвобождало потенциальные ресурсы нитратов… Теперь, когда конференция еще не стерлась из его памяти, он уже не был так самонадеян.

Но казалось, никто ни о чем не беспокоится. Не было заметно никаких Красных. Обрушение форм

рельефа рассматривалось как возможность не только для терраформирования, ставшего, вероятно, делом исключительно транснациональных корпораций, но и для горнодобывающей промышленности. Сакс смотрел репортаж о только что открытой золотоносной жиле с замиранием сердца. Удивительно, что столько людей вдруг почувствовали соблазн стать золотоискателями! Как будто время на Марсе пошло вспять: вернулся лифт, а с ним и начало двадцать второго века. Они заразились золотой лихорадкой, словно такова их судьба! Может, они считают, что их предназначение жить на границе, орудовать налево и направо зеркалами и линзами, заниматься космической инженерией, добычей ископаемых и строительством. А терраформирование, которое было его стезей, фактически целью его жизни в течение шестидесяти — и более — лет, превращалось в нечто иное…

Сакс начал страдать от бессонницы. Раньше она его почти не мучила, и теперь он осознал, насколько это некомфортно. Он просыпался, перекатывался с боку на бок, мысли его зацикливались, и все в голове шумело и гудело. Когда ему становилось ясно, что он уже не заснет, Сакс вставал и включал экран искина. Он смотрел все передачи подряд и даже новости, которые никогда прежде не любил.

Он видел симптомы неких социологических нарушений на Земле. Например, все выглядело так, будто они и не пытались скорректировать общество с учетом влияния роста населения, вызванного геронтологическим лечением. Должен был появиться элементарный контроль рождаемости, квоты, стерилизация — но в основном страны не делали ничего подобного. Вероятно, вечный низший класс не получал противовозрастную терапию и рос как на дрожжах. Густонаселенные страны третьего мира нищенствовали. Теперь, когда ООН доживала свой век, было трудно собрать общую статистику. Судя по одному глобальному исследованию, в развитых странах получало лечение семьдесят процентов населения, в то время как в бедных государствах — всего двадцать процентов.

«Если тенденция продержится долго, — думал Сакс, — это приведет к новому разделению на классы по физическим признакам».

Наверняка на Земле произойдет позднее возникновение или, точнее, повторное открытие мрачного марксовского видения, только еще более безнадежного, чем у Маркса. Правда, классовые различия будут основываться на физиологических признаках, вызванных биомодальным распределением, чем-то очень похожим на видообразование.

Расхождение между богатыми и бедными представляло угрозу для общества, но на Земле все воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Но разве такова природа вещей? Почему они не видели опасности?

Сакс не понимал землян и чувствовал себя опустошенным. Он сидел, дрожа, в мути бессонных ночей, слишком усталый, чтобы читать или работать, и тупо переключал земные новостные каналы — один за другим. Он хотел хоть какой-то ясности! Что же происходило на Земле? Он обязан это понять, если он хотел понимать Марс, поскольку поведение транснациональных компаний диктовалось ультимативно с Земли. Ему нужно осознание ситуации. Увы, новости

казались ему абсурдными и лишенными логики.

Значит, на Земле еще сильнее, чем на Марсе, сказывалось отсутствие всякого разумного плана.

Саксу требовалось объективное историческое видение, но, к сожалению, такого предмета не существовало. Аркадий, бывало, говорил, что история — ламаркианец[24] (зловещий намек, учитывая образование псевдовидов, вызванное неравномерным распределением антивозрастной терапии). Толку от этого было мало. Психология, социология, антропология… ничто из вышеперечисленного не вызывало доверия. Научные методы не применимы к людям, во всяком случае, так, чтобы они давали какую-то полезную информацию. Это была проблема фактов и ценностей, но поставленная несколько иначе. Человеческое бытие могло быть объяснено только в терминах ценностей! А последние оказались весьма устойчивы к научному анализу: выделение факторов для изучения, оспариваемые гипотезы, повторяемые эксперименты — научный аппарат, используемый в физических

[24] Примечания: 24

Приверженец теории французского ученого Жана-Батиста Ламарка (1744–1829), отрицавшего вымирание видов и считавшего источником эволюции стремление организмов к самосовершенствованию.

лабораториях, явно не мог быть пущен в дело. Ценности определяли историю — неповторяемую и случайную. В общем-то, это можно было назвать ламаркизмом или хаотичной системой, но даже само определение дисциплины лежало в области догадок.

И Саксу оставалось только гадать, о каких факторах шла речь, какие подходы могли быть приобретены с опытом и переданы будущим поколениям… А может, человечество просто крутилось в созданных по какому-то шаблону беспорядочных циклах? Он уже ничего не мог утверждать.

И он снова начал думать о естественной истории, которая захватила его на леднике Арена. К счастью, в данной области использовались научные методы исследования… Тем не менее эта дисциплина была настолько же сложна методологически, как и человеческая история — точно так же уникальна и устойчива к эксперименту. Но с человеческим сознанием, вынесенным за скобки, она часто была довольно успешна, хотя и базировалась в основном на наблюдениях и на гипотезах, которые могли быть проверены лишь дальнейшими наблюдениями.

«Вот она — настоящая наука», — думал Сакс.

Именно она открыла, среди хаотических случайностей, некоторые верные принципы эволюции: развитие, адаптацию, усложнение и многое другое, подтверждаемое дочерними дисциплинами.

Что им необходимо сейчас, так это знание четких принципов, влияющих на историю человечества.

Сакс почитал кое-что из историографии, и результат его не обнадежил. Монографии казались ему либо жалкой имитацией научных трудов, либо абстрактными работами — словом, искусством в чистом виде. Почти каждое десятилетие очередная историческая концепция пересматривала весь прошлый опыт, но, очевидно, ревизионизм доставлял удовольствие, не имеющее ничего общего с объективностью. Социобиология и биоэтика выглядели весьма многообещающе, но объясняли текущие процессы на крупных эволюционных шкалах.

А Саксу нужно было совсем другое, связанное с недавним прошлым и более-менее близким будущим. Сто лет его бы вполне устроило. Или даже пятьдесят.

Ночь за ночью он просыпался, ворочался в кровати, вставал, садился к экрану и ломал себе

голову, пытаясь мыслить логично. И по мере того, как долгие бдения продолжались, он обнаружил, что все чаще возвращается к передачам о 2061-м годе. Существовало множество компиляций о событиях того времени. Некоторые не стеснялись в названиях. «Третья мировая!» — так назывался самый длинный сериал, порядка шестидесяти часов документальных записей, плохо отредактированных и композиционно неряшливо выстроенных.

Достаточно было посмотреть пару серий, чтобы понять, что название не было чистой провокацией. В тот судьбоносный год войны вспыхивали по всей Земле. Аналитики неохотно называли это Третьей мировой — вероятно, они считали, что данный процесс не имел аналогов. Сакс быстро сообразил, что соперничество двух глобальных альянсов было здесь ни при чем. Ситуация оказалась гораздо сложнее и запутанней. Некоторые источники заявляли, что тогда началась война севера и юга, или нового и старого, или выступление ООН против наций, или наций против транснациональных компаний, или транснацио-

нальных компаний против «удобных флагов»[25], или армии против полиции, или полиции против граждан…

В общем, в тот момент на Земле разгорелись сразу все самые возможные конфликты. И действительно, тогда на шесть или восемь месяцев мир погрузился во тьму. Во время своих исследований в области «политической науки» Сакс наткнулся на псевдонаучный график Германа Кана, названный «лестницей эскалации». Кан пытался категорировать конфликты по их природе и серьезности. В лестнице было сорок четыре ступени, начиная с первой, обозначенной как «мнимый кризис». Далее вверх поднимались «политические и дипломатические жесты», «торжественные и формальные заявления», «значительная мобилизация». Потом были более скользкие понятия: «демонстрация силы», «тревожные проявления насилия», «серьезные вооруженные столкновения», «крупная всеобщая война». Затем шли неисследованные области: «на грани ядерной войны», «показательные по-

[25] Примечания: 25

Экономико-правовой термин, обозначающий совокупность условий, предоставляемых правительством страны нерезидентам — владельцам иностранных судов, готовых ходить под флагом страны, которая предоставляет эти условия.

сягательства на собственность», «уничтожение гражданского населения». Последней ступенью оказывалась сорок четвертая: «спазм, или нелепая война».

Да, Кан предпринял интересную попытку таксономии и логической последовательности, хотя в его теории и просматривались элементы фетишизации и чрезмерной детализации. Кроме того, категории Кана были абстрагированы от многочисленных войн прошлого. Но исходя из этой таблицы, можно было прямиком подняться прямо на сорок четвертую ступеньку, где и должен был располагаться 2061 год…

В таком диком водовороте Марс являлся не более чем одной красочной войной из пятидесяти.

Лишь некоторые новостные каналы посвящали малую толику времени роковому 2061 году. К несчастью, это были просто подборки видеоклипов, которые Сакс видел постоянно: замерзшая охрана Королева, разбитые купола, падение лифта и самого Фобоса. Попытки анализа марсианской ситуации были в лучшем случае поверхностны. Марс оказался экзотическим побочным шоу с парой-тройкой удачных видео, но в нем не было ничего, что вытягивало бы его из общей трясины.

Но однажды ближе к рассвету Сакса осенило. Если он хочет понять 2061-й, то должен сам собрать его по кускам из оригинальных источников и видеозаписей. Он должен создать правдивую картину из всех прыгающих кадров разъяренных толп, поджогов городов, пресс-конференций с отчаявшимися, разочарованными лидерами.

Однако даже выстроить события в хронологическом порядке оказалось непросто. Поэтому Сакс прибег к своему излюбленному старому стилю и практически выпал из реальности на несколько недель.

Сакс знал, что упорядочивание событий являлось крошечным шагом на пути к тому, чтобы собрать все воедино. Но он не сомневался, что только так и сможет приблизиться к пониманию проблемы. Он хотел докопаться до сути.

И Сакс не ошибся — спустя некоторое время структура начала обретать форму. Что ж, здравый смысл его никогда не подводил. Теперь Сакс мог утверждать, что именно возникновение транснациональных корпораций в сороковые годы заложило основу и стало конечной причиной войны. В те десятилетия, пока Сакс посвящал себя терраформированию Марса, родился новый земной порядок: тысячи крупных компаний

объединились в десятки колоссальных транснациональных корпораций.

«Это было нечто вроде рождения новых планет», — подумал Сакс после очередной бессонной ночи, подойдя к окну, и кивнул своим мыслям.

Но тогда же и возникли первые тревожные звонки. В основном транснациональные компании возникли в процветающих индустриальных странах и, конечно же, сразу стали стремиться к еще большей власти. При этом они намеревались захватить и остальной мир. Их политика напоминала Саксу то немногое, что он знал об имперских и колониальных системах и о том, что им предшествовало. Как-то раз Фрэнк сказал, что колониализм никогда не умирал, как считалось, но просто сменил название и нанял местную полицию. Мы все превратились в колонии транснациональных корпораций.

Это был цинизм Фрэнка, решил Сакс и пожалел, что он сам не обладает столь четким и резким мышлением. Однако ведь и колонии в мире были не равны… А транснационалы и впрямь оказались настолько могущественны, что низводили национальные правительства до состояния беззубых слуг. И ни одна корпорация не выказывала определенной преданности какому-либо

правительству или ООН. Они были детьми Запада, которые уже не думали о родителях, хотя по-прежнему поддерживали их. Например, Саксу стало очевидно, что в развитых государствах промышленность под сенью транснационалов процветала, в то время как развивающиеся страны не имели иного выхода, кроме как драться за право служить под чужим флагом. И поэтому, когда в 60-м корпорации попали под перекрестный огонь бедных стран, на их защиту пришла Семерка с ее военной мощью.

Но непосредственная причина? Ночь за ночью Сакс просматривал видео сороковых и пятидесятых в поисках следов. Наконец он решил, что к краю всех подтолкнула антивозрастная терапия. В пятидесятых данная методика распространилась в богатых странах, иллюстрируя огромное экономическое неравенство в мире, словно цветовое пятно на пробе под микроскопом. И по мере того, как терапия распространялась, ситуация становилась все более напряженной и непредсказуемой, упрямо поднимаясь по ступеням лестницы Кана.

Непосредственной причиной взрыва 61-го года, как ни странно, стали склоки по поводу марсианского космического лифта. Им владел «Праксис»,

но позже, а точнее, в феврале 2061 года, лифт захватила корпорация «Субараси», и это было явно не дружественное поглощение. «Субараси» тогда представляла собой конгломерат тех японских корпораций, которые не вошли в «Мицубиси»: она набирала силу, была очень агрессивна и амбициозна. Получив лифт — захват, одобренный УДМ ООН, — «Субараси» сразу увеличила эмигрантские квоты, приблизив ситуацию на Марсе к критической. В тот же момент на Земле соперники «Субараси» не возражали против экономического завоевания Марса, хотя «Праксис» официально подал иск в беспомощную ООН. Затем одна из стран, выступавших под флагом «Субараси», Малайзия, была атакована Сингапуром — базой для компании «Шеллалко». К апрелю часть Южной Азии была охвачена войной. В основном это были давние конфликты: Камбоджа против Вьетнама или Пакистан против Индии, но некоторые носили характер нападения на государства, объединенные флагом «Субараси» (к ним относились Бирма и Бангладеш). События в регионе помчались по лестнице эскалации со смертоносной скоростью. Старые распри наложились на новые транснациональные конфликты, и к июню войны распространились по всей Земле,

а потом перекинулись на Марс. К октябрю погибло пятьдесят миллионов человек, еще пятьдесят миллионов умерло впоследствии. Многие базовые медицинские службы были уничтожены или прекратили свою деятельность, и ужасающая разновидность малярии косила тысячи людей, не получивших ни должной профилактики, ни лечения.

Для Сакса этих фактов было достаточно, чтобы рассматривать войну как мировую. Краткие сроки вообще не имели значения. Он пришел к выводу, что в тот год возникло убийственное синергетическое сочетание, которое привело к столкновениям между транснационалами и революционными движениями (последние устраивали бесправные группы населения, выступающие против корпоративного порядка). Насилие заставило транснационалов разрешить свои споры или, по крайней мере, положить их под сукно, и все революции мигом потерпели поражение, особенно после вмешательства военных сил Семерки.

Действительно, именно Семерка решила спасти корпорации от расчленения их же собственными вассалами! Гигантские военно-промышленные нации сплотились на одной стороне, что позво-

лило закончить мировую войну гораздо быстрее, чем первые две. Она была быстрой, но страшной: тогда погибло почти столько же людей, сколько в предыдущих мировых войнах вместе взятых.

Марс же был объектом, своего рода небольшой компанией, в которой транснациональные корпорации слишком бурно среагировали на яркую, но дезорганизованную революцию. Когда она провалилась, Марс с благословения Семерки и других клиентов корпораций был взят в ежовые рукавицы. А Терра содрогнулась, потеряв сто миллионов человек.

С тех пор ничего не изменилось. Ни одна из проблем не была решена. И все опять могло повториться, что было вполне реально. Можно сказать, весьма вероятно.

Сакс продолжал мучиться бессонницей. И хотя он проводил дни в обычной рабочей рутине, теперь ему казалось, что он смотрит на вещи иначе, чем до конференции.

«Еще одно доказательство того, что вопрос видения зависит от принятой парадигмы», — мрачно думал он. Ему стало очевидно, что транснациональные корпорации были повсюду. Иной власти не существовало в принципе. Берроуз был городом транснационалов, и, насколько Сакс знал со

слов Филлис, Шеффилд — тоже. Не осталось никого из национальных научных команд, которые распространились в годы, предшествовавшие подписанию договора. Если учитывать, что члены первой сотни были либо мертвы, либо в бегах, вся традиция исследований Марса затухла. Любая существовавшая на данный момент наука была посвящена проекту терраформирования, и Сакс видел, во что она выродилась. Исследования велись без учета будущих перспектив.

Теперь в своих поисках Сакс почти не обнаруживал признаков традиционных национальных государств. Многие из них обанкротились, даже Семерка, и долговые обязательства были в руках транснационалов. Некоторые новостные репортажи заставляли Сакса думать, что корпорации воспринимали слабые страны как некие капитальные активы в новых договоренностях бизнеса и правительства, что явно выходило за рамки схемы плавания под удобным флагом.

Примером такой договоренности, правда, в модифицированной форме, и стал Марс. Планету наверняка приобрели транснационалы! Лифт был успешно установлен, поэтому экспорт металлов и импорт людей и товаров развивался очень быстро. Фондовые рынки Терры истерично

раздувались, словно пыжась от гордости, и этому не было конца, несмотря на то что Марс мог обеспечить Терру лишь некоторыми металлами в ограниченных количествах. «Если пузырь фондовых рынков лопнет, мир снова неминуемо покатится под откос», — рассуждал Сакс.

А может, и нет. Экономика оказалась странной областью, и существовали разумные доводы в пользу того, что рынок является герметичной сферой, которая может влиять только на самое себя. Но кто мог за это поручиться?

Сакс, бродивший по улицам Берроуза, поглядывал на табло фондовых рынков в окнах офисов и вздыхал. Люди принадлежали к иррациональной системе.

Эта истина получила подтверждение, когда однажды вечером к нему заявился Десмонд. Знаменитый Койот собственной персоной, заяц, маленький брат Большого Человека, застыл на пороге в ярком костюме строителя. Диагональные полосы аквамарина и королевского синего устремлялись вниз — к кислотно-зеленым ботинкам. Строители в Берроузе, а их было немало, предпочитали легкую и удобную обувь, что стало для них модным трендом. Ботинки отличались кричащими цветами, но очень немногие их

обладатели могли похвастать столь сногсшибательным флуоресцентно-зеленым оттенком.

Пока Сакс ошарашенно пялился на Десмонда, тот криво ухмыльнулся.

— Красивые, верно? И здорово отвлекают внимание.

Точно так же, как и его дреды, заправленные в объемный красно-сине-желто-зеленый берет. «Необычное зрелище в любой точке Марса», — отметил Сакс про себя.

— Давай-ка пропустим по стаканчику.

И Десмонд потащил Сакса к дешевому бару у края канала, встроенному в массивный пустой бугор вспучивания. Толпа строителей уже плотно обступила длинные столы, и говорили они преимущественно с австралийским акцентом. У самого края канала шумная группа завсегдатаев швырялась ледяными ядрами, каждое из которых было размером с пушечное. Тяжелые ледяные мячи лишь изредка долетали до травы на противоположном берегу, что вызывало радостные возгласы и часто — бесплатную закись азота для всех. Люди, прогуливавшиеся на другом берегу канала, осмотрительно делали большой крюк.

Десмонд взял четыре рюмки текилы и баллон ингалятора.

— У нас скоро будет расти агава, как думаешь?

— Уже растет.

Они сели в конце дальнего стола локоть к локтю, и Десмонд шептал Саксу на ухо, пока они пили. У него накопился целый список того, что Саксу следовало украсть в «Биотике». Запасы семян, споры, корневища, определенные питательные среды, некоторые трудносинтезируемые химические вещества…

— Хироко велела передать тебе, что ей срочно нужны биоматериалы, в особенности семена.

— А она не может вырастить их сама? Мне не нравится брать чужое.

— Жизнь — опасная игра, — ответил Десмонд, приветствуя мысль глубоким вдохом закиси и сразу же запив ее текилой. — Эх!.. — выдохнул он.

— Мне не нравится твоя идея, — добавил Сакс. — Я работаю с этими людьми.

Десмонд хмыкнул и ничего не ответил. Сакс вдруг понял, что его сомнения могут задеть Десмонда, который большую часть двадцать первого века провел, занимаясь воровством.

— Ошибаешься, дружище, — наконец произнес Десмонд. — Ты будешь брать семена и корешки у транснациональной корпорации, которая владе-

ет «Биотиком».

— Но это швейцарский коллектив, кроме того, там есть кое-кто из «Праксиса», — возразил Сакс. — А «Праксис» не выглядит таким уж плохим. Это очень свободная эгалитарная система. Кстати, она напоминает мне то, что сделала Хироко.

— Но они — часть глобальной системы, в которой кучка олигархов правит миром. Ты не должен забывать о контексте.

— О, поверь мне, я помню, — ответил Сакс, вспоминая свои бессонные ночи. — Но ты тоже должен проводить разграничения.

— Конечно. И одно из них состоит в том, что Хироко нужны семена, и она не может спокойно работать, учитывая необходимость прятаться от полиции, которую наняли твои чудесные транснационалы.

Сакс раздраженно заморгал.

— Хищение материалов — немного из того, что сопротивление еще может делать сегодня. Хироко согласилась с Майей, что очевидный саботаж выдаст существование сопротивления и приглашение к репрессиям и уничтожению «полусвета». Она заявила, что лучше на время исчезнуть и заставить их думать, что мы всегда

были в меньшинстве.

— Хорошая идея, — согласился Сакс. — Но меня удивляет, что ты прислушиваешься к Хироко.

— Ха! — Десмонд скорчил гримасу. — В любом случае, меня это тоже забавляет.

— Неужели?

— Нет. Но Хироко меня уговорила. Может, оно и к лучшему. В общем, у нас нехватка всяких биоматериалов, так что ты нас очень выручишь, приятель.

— А полиция? Вдруг она что-то заподозрит?

— Ей наплевать. Мелкое воровство здесь настолько распространено, что нас не заметят на общем фоне. На Марсе полно внедренных сотрудников.

— Вроде меня.

— Да, но ты делаешь это не только за деньги?

— И все-таки я не люблю воровать, — парировал Сакс.

Десмонд расхохотался, демонстрируя свой каменный верхний клык и асимметрию подбородка (да и всей нижней части лица).

— У тебя, похоже, синдром заложника, дружище. Ты работаешь с ними, ты узнал их ближе, ты им симпатизируешь. Ты должен помнить, во что они собираются превратить Марс. Давай прикан-

чивай свой кактус, и я покажу тебе кое-что, чего ты не видел, прямо тут, в Берроузе.

Поднялся шум, поскольку ледяное ядро долетело до противоположного берега, покатилось по траве и сбило с ног старика. Люди ликовали и поднимали сделавшую бросок женщину на плечи, но группка во главе со стариком уже направлялась к ближайшему мосту.

— Становится слишком шумно, — сказал Десмонд. — Нам пора.

Сакс опрокинул стопку, в то время как Десмонд последний раз вдохнул из ингалятора. Затем они убрались восвояси, чтобы не попасть в разгорающийся скандал, и начали подниматься по боковой дорожке на холм. Получасовая прогулка провела их мимо рядов колонн Байер до парка Принцесс, где они повернули направо и вскарабкались по крутому травянистому склону бульвара Тота. Выйдя за пределы Столовой горы, они свернули налево, на узкую полосу газона, и прошествовали к северной части купола, большой аркой охватывающего гору Черный Сиртис.

— Они опять начинают строить гробы для рабочих! — проворчал Десмонд. — Видишь, вон они — стандартные комнатушки «Субараси», правда, теперь жилые блоки встраиваются прямо

в гору! В Черном Сиртисе в первые дни Берроуза располагался завод по производству плутония, но тогда он находился далеко. А сейчас «Субараси» возводит жилье на городской границе. Значит, трудяги должны будут следить за производством и переработкой отходов к северу от впадин Нили, где есть реакторы, куда мусор в конечном итоге и попадает. Раньше операция очистки была почти полностью роботизирована, но автоматику сложно держать все время в онлайн-режиме. И «Субараси» решила, что ей гораздо выгоднее использовать людей. Дешевая рабочая сила!

— Но радиация… — начал Сакс.

— Ага! — воскликнул Десмонд со своей дикой ухмылкой. — Они получают сорок бэр в год!

— Шутишь!

— Отнюдь. «Субараси» честно предупреждает рабочих и дает им надбавки за вредность, а через три года трудяги получают бонус в виде антивозрастной терапии.

— А иначе им ее не видать?

— Жизнь с каждым днем дорожает, Сакс. И на терапию выстраиваются огромные очереди. Зато рабочие «Субараси» могут позволить себе королевское обслуживание! Им не надо даже думать о расходах! — иронично добавил Десмонд.

— Но сорок бэр! Нет никакой гарантии, что терапия исправит то, что может сделать облучение!

— Верно, — ответил Десмонд, нахмурившись. Не было необходимости упоминать Саймона. — Но им все равно.

— И «Субараси» делает это из экономии?

— Такова политика при крупных капиталовложениях, Сакс. Любое сокращение расходов имеет значение. Канализация в Черном Сиртисе тоже относится к данной системе. Видишь, как все отлично устроено: тут тебе и медицинская клиника, и гробы для жилья, и заводы, расположенные в горе.

— Ты шутишь! — повторил Сакс.

— Нет, приятель. Мои шутки будут повеселее.

Сакс отмахнулся от него.

— Слушай, — сказал Десмонд, — на Марсе нет регулирующих органов. Никаких СНиПов и прочих учреждений. Вот чего на самом деле добивались транснационалы, которые с цепи сорвались в шестьдесят первом! А теперь устанавливают собственные правила. И ты теперь знаешь одно из них.

— Что за глупости!

— Имей в виду, что подразделением «Субараси»

заведуют грузины, и у них, наверное, проснулись сталинские замашки. Это явный патриотический жест. «Субараси» думает управлять частью Марса, если не планетой целиком! Но таков бизнес. Конечно, топ-менеджеры «Субараси» — по-прежнему японцы, и они верят, что Япония стала великой страной, поскольку придерживалась жесткой политики. По их мнению, в шестьдесят первом они выиграли то, что потеряли после Второй мировой. «Субараси» на Марсе — самая бесчеловечная транснациональная корпорация, но и остальные не отстают. «Праксис» в этом плане аномален! Ты должен помнить мои слова, приятель.

— Исходя из твоей логики, ты вознаграждаешь их, занимаясь воровством?

— Кто знает… Но не забудь, именно ты устроился в «Биотик». Может, тебе надо сменить место работы?

— Нет.

— Так ты достанешь биоматериалы у «Субараси»?

— Нет.

— Тогда у «Биотика»…

— Вероятно, хотя у них мощная система безопасности.

— Но ты сумеешь.

— Думаю, что да, — пробормотал Сакс. — Я хочу кое-что взамен.

— Слушаю.

— Ты отвезешь меня посмотреть на ту зону, которую выжгла солетта?

— Еще бы! Я и сам хочу на нее взглянуть.

И уже на следующий день они покинули город и отправились на поезде на юг к Большому Уступу, выйдя на станции Ливия, где-то в семидесяти километрах от Берроуза.

Проскользнув за Десмондом в какой-то подвал, Сакс пошел за ним по сумрачному туннелю, а затем выбрался наружу и осмотрелся по сторонам. Они находились на заднем дворе станции технического обслуживания.

Внизу, в неглубоком грабене они нашли машину Десмонда и, дождавшись ночи, поехали на восток вдоль Уступа. Теперь они направлялись к убежищу Красных, скрытому в ободе кратера Дю Мартерея. Рядом с укрытием лежал узкий ровный участок, который Красные использовали в качестве взлетной полосы. Десмонд не представил Сакса хозяевам. Их провели в ангар в стене утеса, где они погрузились в потрепанный стелс-планер Спенсера. Вырулив на скальное основание, стелс

быстро разогнался и взмыл вверх, и Десмонд направил его на восток.

Некоторое время в кабине самолета царила тишина. Сакс уставился в иллюминатор. Он заметил признаки жизни на поверхности планеты лишь трижды: сперва купол над станцией у кратера Эскаланте, потом крохотную цепочку движущихся огней кругосветного поезда и, наконец, яркий проблеск на равнине за Большим Уступом.

— Как ты думаешь, что там? — поинтересовался Сакс у Десмонда.

— Понятия не имею.

Через несколько минут Сакс сказал:

— Я столкнулся с Филлис.

— Правда?! Она узнала тебя?

— Нет.

Десмонд засмеялся.

— Вот тебе и Филлис!

— Все старые знакомые меня не узнают.

— Да, но Филлис… Она до сих пор возглавляет Временное Правительство?

— Нет. Кажется, она не считает эту должность значимой.

Десмонд расхохотался.

— Глупая женщина! Но именно она смогла вернуть группу с Кларка назад к цивилизации.

Вот это поступок! Я-то думал, что они трупы…

— Ты в курсе подробностей?

— Да, я говорил о том случае с парочкой пострадавших. Наткнулся на них однажды ночью в Берроузе, в баре Пинго. Их невозможно было заставить заткнуться.

— А в конце полета не произошло ничего… странного?

— В конце? — переспросил Десмонд. — Ну, кто-то умер. Одна женщина сильно ударилась, когда они эвакуировались с Кларка. Филлис прекрасно подходила на роль врача, поэтому она постоянно заботилась о ней и думала, что бедняжка выживет, но, полагаю, у них кончились медикаменты… Те ребята, которые рассказывали мне об этом, излагали историю не очень внятно. Короче говоря, все завершилось плохо. Филлис устроила молитвенное собрание и молилась вместе с остальными, но женщина скончалась за несколько дней до того, как они подошли к Терре.

— Ясно, — тихо произнес Сакс. — А сейчас Филлис подрастеряла свою религиозность.

Десмонд фыркнул.

— Если хочешь знать мое мнение, она никогда не была верующей. Филлис поклонялась бизнесу. Посмотри на настоящих христиан, вроде людей

из Кристианополиса или Бингена! Они не обсуждают за завтраком барыши и не давят тебя елейной добродетелью. Добродетель, Святый Боже, вот самое неприятное качество в человеке. Будто дом, построенный на песке, понимаешь? Но христиане «полусвета» — они другие. Это и гностики, квакеры, баптисты, растафарианцы. Между прочим, все они — самые свойские ребята подполья. С ними всегда можно договориться, а уж если дело касается торговли — то им просто нет равных! Они готовы помочь любому. И никакого показушничества по поводу того, что они — лучшие друзья Иисуса. Они поддерживают тесные отношения с Хироко, и с суфиями тоже. У них, наверное, мистическое сотрудничество. — Он хохотнул. — Но Филлис и ее бизнес-фундаменталисты используют религию как прикрытие для вымогательства. Я это ненавижу! Если честно, я сам никогда не слышал, чтобы Филлис говорила о религии, после того как мы приземлились.

— И часто у тебя появлялась возможность послушать Филлис?

Десмонд ухмыльнулся.

— Чаще, чем ты думаешь! Я видел больше, чем ты за десятилетия, мистер Лабораторный Человек! У меня есть норки повсюду.

Сакс скептически хмыкнул, а Десмонд громогласно расхохотался и хлопнул его по плечу.

— Кто еще знает, что вы с Хироко встречались в Андерхилле?

Сакс замялся.

— Ладно. Я кое-что соображаю, старина. Хотя, конечно, любой мужчина в Андерхилле через многое прошел. Эта мегера сделала из нас настоящий гарем.

— Многомужие?

— Неверность, черт меня подери! Двадцать две супружеские измены.

— Да уж…

Десмонд снова рассмеялся.

Сразу после восхода солнца они увидели белые клубы дыма, поднимающиеся в небо. Сперва эти сгустки оставались единственной аномалией пейзажа. Через несколько минут терминатор планеты прокатился прямо под ними, а на восточном горизонте появилась широкая оранжевая полоса земли. Она протянулась с северо-востока на юго-запад и тоже была затянута дымом, который валил из одного ее участка. Впадина под ним клокотала, словно буйное вулканическое извержение, прикованное к этой точке, а выше сиял ослепительный луч света. Он был яркий и

плотный, как гигантский столб, но становился все менее различим по мере того, как рассеивался дым — на высоте примерно в десять тысяч метров.

Сакс принялся гадать, откуда взялся луч: до воздушной линзы оставалось еще порядка четырехсот километров. А потом он увидел нечто вроде призрачного облака, парящего над горизонтом. Он спросил у Десмонда, что это может быть, но Койот лишь пожал плечами.

А у подножия этой световой указки вопроса видимости уже не стояло. Этот столп словно перенесся сюда из ветхозаветных времен и теперь с легкостью раскалял и расплавлял камни на поверхности Марса. Сакс присвистнул. Вот что такое пять тысяч градусов по Кельвину на открытом пространстве!

— Надо быть поосторожней, — заявил Десмонд. — Если залетим в луч, то сгорим как мотыльки в свете лампы.

— Уверен, в дыму большая турбулентность.

— Ага. Я буду держаться от него подальше.

Сакс неотрывно смотрел вниз: там, где луч, окутанный дымом, встречался с оранжевым каналом, что-то бурлило. Через определенные промежутки времени наружу выплескивались

все новые клубы, зловеще подсвеченные снизу. К северу от точки кипения находился участок, где камень мог охладиться. Сакс задумался: ландшафт напомнил ему один фильм об извержении вулкана на Гавайях.

И пламенеющие волны вздымались именно к северу от канала, заполненного жидким камнем. Встречая неожиданное сопротивление, они выплескивались на темные берега. Ширина канала составляла порядка двух километров, и он простирался до самого горизонта. «Похоже, он достигает не меньше двухсот километров в длину», — решил Сакс.

Ложе канала, расположенное к югу от луча, уже заполнилось черной массой. Это и был совсем недавно расплавленный камень, который теперь покрывала паутина багровых трещин. Слишком четкая линия канала и столб света явно свидетельствовали о том, что все это — дело рук человека. Сакс задумчиво кивнул. Оно и понятно — ведь за многие тысячелетия на поверхности Марса вулканической активности не было и в помине.

Десмонд закончил облет, резко накренил стелс и взял курс на север.

— Луч из воздушной линзы движется на юг,

выше по линии мы сможем подлететь ближе.

Канал расплавленного камня быстро бежал на северо-восток, но когда самолет отдалился от выжигаемой зоны на достаточное расстояние, ландшафт изменился. Раскаленная лава спекалась по краям блестящей коркой, разбитой новыми оранжевыми трещинами. Сам канал приобрел угольно-черный цвет, равно как и берега по обе стороны.

Сакс зачарованно смотрел на эту непроницаемую полосу, бегущую по ржавым взгорьям Гесперии.

Десмонд накренил стелс и снова повернул на юг, подлетев еще ближе. Койот был суровым пилотом и безжалостно бросал самолет почти к земле.

Когда Сакс разглядел оранжевые трещины, жаркий восходящий поток круто подбросил стелс вверх, и Десмонд взял немного западнее. Здесь дымящийся поток озарял берега и изломанные линии холмов.

— Мне казалось, они должны быть стеклянными, — выдавил Сакс.

— Обсидиан. Кстати, я заметил несколько разных цветов. Это линии других минералов — они буквально впечатаны в стекло.

— Насколько далеко тянется выжженная полоса?

— Они режут от Цербера до Эллады, проходят как раз к западу от вулканов Тирена и Адриатической горы.

Сакс прищурился.

— Они говорили, что создадут канал между морем Эллады и северным океаном!

— Верно. Но они молниеносно испаряют карбонаты.

— Насыщают атмосферу?

— Да, но не забудь о CO_2! Они крушат все на своем пути. Мы не сможем дышать тут годами! Мы будем заперты в городах.

— Может, они считают, что сумеют удалить излишек CO_2, когда Марс прогреется…

Десмонд покосился на него.

— Ну, как? Полюбовался, приятель?

— Более чем.

Десмонд рассмеялся своим пугающим смехом и мигом накренил стелс. Теперь планер словно преследовал терминатор на западе и низко парил под длинными тенями рассветной земли.

— Подумай, Сакс. На некоторое время люди вынуждены будут оставаться в городах, что удобно, если ты хочешь держать ситуацию под

контролем. Ты прожигаешь разрезы летающим увеличительным стеклом, получаешь атмосферу в один бар и становишься хозяином влажной, теплой планетки. Кроме того, существует эффективный метод удаления двуокиси углерода… хотя, я уверен, что у транснационалов имеется еще какой-нибудь способ, промышленный или биологический, или оба. Да, думаю, они на все способны, поверь мне! А что потом? Все просто! Вуаля, и у них появляется Земля, и очень быстро! Правда, и денег придется потратить кучу.

— А эти проекты весьма дороги! — согласился Сакс. — Удивительно, что транснациональные компании соглашаются вложить в них инвестиции. Похоже, их действительно ничем не проймешь. А ведь мы значительно продвинулись к двухсот семидесяти трем градусам по Кельвину… Все-таки я не понимаю, где тут логика?

— Может, двести семьдесят три градуса для них — слишком скромная цифра. В конце концов, средняя температура замерзания немного холодновата. Своего рода сакс-расселловский подход к терраформированию. Практичный, но… — Десмонд ухмыльнулся. — А может, они торопятся. Земля в бедственном положении, дружище.

— Знаю, — бросил Сакс. — Я изучал вопрос.

— Молодец! На Земле давно творится хаос. Люди, лишенные терапии, совсем отчаиваются. Они стареют, а их шансы на получение возрастной терапии сводятся к нулю. А отдельным омолодившимся счастливчикам тоже живется несладко. Они, в особенности те, кто находится наверху, мечутся по Земле как угорелые и пытаются понять, что делать. Шестьдесят первый год доказал, что бывает, когда все вокруг рушится. Поэтому они скупают страны, словно перезрелые манго перед закрытием рынка. Но ничего уже не помогает. И правильный следующий шаг, который они видят, — свеженькая пустая планета, не вполне готовая для заселения, но близкая к этому. Полная скрытых и явных возможностей. Марс станет для них новым миром. За пределами досягаемости миллиардов, не получивших антивозрастную терапию.

Сакс посмотрел на Десмонда.

— Что-то вроде убежища, ты имеешь в виду. Она хотят сбежать на Марс, когда начнется очередная заварушка.

— Именно. Полагаю, в транснациональных корпорациях есть люди, которые хотят, чтобы Марс был терраформирован как можно скорее. И они готовы рискнуть любыми деньгами, да и

человеческими жизнями тоже…

— Угу, — буркнул Сакс.

И они оба замолчали.

Десмонд проводил Сакса обратно в Берроуз и решил пройти вместе с ним от Южной станции до горы Хант. Теперь они брели по бульвару, а над кронами деревьев Парк-Канала — в просвете между горой Бранч и Столовой горой — виднелся Черный Сиртис.

— Значит, они делают подобные глупости по всему Марсу? — спросил Сакс.

Десмонд утвердительно кивнул.

— Когда мы встретимся снова, я покажу тебе список.

— Но что за бессмыслица! — возмутился Сакс. — Это не принесет им выгоды в долгосрочной перспективе!

— Транснационалы живут сегодняшним днем.

— Но они прошли возрастную терапию! Полагаю, они будут у руля, когда на них обрушатся последствия их безумной политики!

— Они смотрят на вещи иначе. Кроме того, они могут быть заняты другими делами. К примеру, они частенько меняются креслами. Видишь ли, они стараются заработать себе исключительную репутацию, построив одну компанию, а потом их

нанимает кто-нибудь еще, и они снова пытаются проделать то же самое. Прямо игра в музыкальные стулья!

— Не имеет значения, кто на каком стуле сидит, если потолок комнаты может обрушиться в любую секунду! Они игнорируют законы физики!

— Конечно! Неужели ты не замечал этого раньше, Сакс?

— Замечал.

Разумеется, Сакс видел, что человеческое поведение иррационально и необъяснимо, но почему-то он никак не мог с этим смириться. Сам он считал, что транснационалы, взявшиеся за управление другими людьми, должны стремиться к равновесию и балансу. Они должны помнить о благосостоянии человечества и не забывать о системе, которая поддерживает биологическое существование человека.

Десмонд расхохотался, когда Сакс попытался развернуть перед ним свое видение проблемы.

— Но тогда зачем они берутся за столь неблагодарную работу? — раздосадованно воскликнул Сакс.

— Власть и выгода, — кратко ответил Десмонд.

— Ну, да, — пробормотал Сакс.

Он всегда мало интересовался подобными ве-

щами и недоуменно вскинул брови. Неужели имеется иная личная выгода, кроме свободы делать то, что хочешь? И что значила власть, если не абсолютную свободу? Парадоксально, но как только она у тебя появлялась, возникали и новые обстоятельства, в которых ты был вынужден жить, ограничивая и уменьшая эту свободу. Ты становился слугой собственного достатка, вынужденный, помимо прочего, постоянно защищать свое место в мире.

Естественно, при подобном раскладе свобода ученого с его лабораторией и командой являлась наивысшей из возможных свобод. Чрезмерное богатство, роскошь или власть просто мешали.

Десмонд невесело улыбался, пока Сакс описывал ему свою философию.

— Некоторым людям нравится указывать другим, что делать. Они обожают командовать. Иерархия, понимаешь ли. Естественно, они любят, когда им подчиняются. И да, они находятся на вершине, но каждый ограничен своей клетушкой. Но жить так — гораздо безопаснее твоей хваленой свободы. А многие еще и трусливы.

Сакс посмотрел на Десмонда в упор.

— Я думаю, это неспособность понимать концепцию убывающей отдачи. Как будто хорошему

нет предела. Что за нереалистичный взгляд! По-моему, в природе не существует процесса, который никогда не уменьшается количественно.

— Скорость света.

— Ха! Пример не уместен. Физическая реальность в расчетах, очевидно, роли не играет.

— Отлично изложено, приятель.

Расстроенный Сакс всплеснул руками.

— И опять-таки религия! Или идеология. Что там говорил Фрэнк? Воображаемые отношения в реальной ситуации?

— Фрэнк любил власть.

— В точку!

— Но он витал в облаках.

Они вернулись в квартиру Сакса и немного отдохнули, а затем поднялись на вершину горы, чтобы позавтракать у Антонио.

Сакс все еще думал об их споре.

— Проблема состоит в том, что люди с гипертрофированным стремлением к богатству и власти достигают положения, которое дает им все в избытке. Но позже они обнаруживают кое-что интересное. Оказывается, что они — господа в той же степени, что и рабы! Они зависят от своего положения, а это приносит им чувство горечи и неудовлетворенности.

— Как и Фрэнку.

— Да. Думаю, все обладающие властью люди немного неадекватны. Их души почернели от цинизма и саморазрушения. Они несчастны.

— Но они обладают властью.

— Да. И здесь-то и кроется главная наша проблема. Человеческие взаимоотношения, — Сакс умолк, чтобы прожевать один из роллов, которые принесли к их столику. Он очень проголодался. — Знаешь, они должны действовать по принципам экологических систем.

Десмонд загоготал, торопливо схватил салфетку и вытер подбородок. Он смеялся так громко, что люди за соседними столами начали оглядываться. Сакс даже встревожился.

— Какая идея! — прорыдал Десмонд и смахнул рукой слезы. — А-ха-ха! О, Саксифрейдж! Научное руководство, так?

— А почему бы и нет? — заупрямился Сакс. — По-моему, принципы, определяющие поведение доминирующих видов в стабильной экосистеме, элементарны. Держу пари, что группа экологов могла бы построить программу, которая привела бы к стабильному, доброкачественному обществу!

— Пустить бы тебя к управлению миром! — ры-

дал Десмонд, смеясь.

Он ткнулся лицом в стол и завыл.

— Не только меня.

— Ладно, хватит, — сказал Десмонд, взяв себя в руки. — Кстати, Влад и Марина годами работали над эко-экономикой. Они заставляли меня использовать азы эко-экономики в торговле между подземными колониями, представляешь?

— Я и не знал, — искренне изумился Сакс.

Десмонд покачал головой.

— Ты должен быть повнимательнее, дружище. Мы столько лет живем на юге по этим самым принципам эко-экономики…

— Мне надо еще во многом разобраться.

— Ага, — Десмонд широко ухмыльнулся, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться вновь. — Ты прав.

Основные блюда прибыли вместе с графином апельсинового сока, и Десмонд сразу занялся напитком. Он ударил краем своего стакана о стакан Сакса и провозгласил:

— Добро пожаловать в революцию!

Десмонд отбыл на юг, вытянув из Сакса обещание, что тот стащит для Хироко все, что может.

— Мне нужно увидеться с Ниргалом, — заявил он на прощание, обнял Сакса и был таков.

Прошел месяц. Сакс продолжал размышлять обо всем, что узнал от Десмонда и увидел в видеозаписях, медленно переключаясь с одного на другое. Он чувствовал себя подавленным. И по-прежнему плохо спал, почти каждую ночь мучаясь от гнетущих мыслей и пялясь в экран искина.

Однажды утром, после очередного утомительного и бесполезного приступа бессонницы, у Сакса пискнула консоль на запястье. Это была Филлис. Она приехала в город ради каких-то деловых встреч и теперь захотела поужинать с ним.

Сакс согласился с удивлением, Стефан — с энтузиазмом. Вечером они встретились у Антонио. Поцеловались в европейском стиле, после чего их препроводили к угловому столику с видом на город. Они что-то заказали (Сакс практически не чувствовал вкуса еды), небрежно обсуждали последние события в Шеффилде и говорили о «Биотике».

После чизкейка они задержались в ресторане, прихлебывая коньяк. Сакс не спешил уходить,

поскольку не был уверен, чего Филлис вообще хотела после ужина. Она не подавала никаких ясных сигналов и, кажется, тоже медлила.

— Это действительно ты, правда? — лукаво спросила она, откинувшись на спинку кресла.

Сакс чуть было не поперхнулся и склонил голову набок, выражая непонимание.

Филлис рассмеялась.

— Трудно поверить! Ты совсем не похож на старого Сакса Расселла. Ни за что бы не догадалась, что ты можешь быть таким любовником.

Чувствуя неловкость, Сакс отвел от нее глаза и принялся буравить взглядом стену.

— Я надеюсь, это больше характеризует тебя, чем меня, — сказал он с безразличием Стефана.

Близлежащие столики были пусты, официанты оставили их в одиночестве. Ресторан закрывался через полчаса.

Филлис улыбнулась, но взгляд ее был тяжел, и внезапно Сакс понял, что она злится. Смущенная, без сомнения, тем, что ее обманул человек, которого она знала восемьдесят лет. И разозленная, потому что он обманывал ее. Ну и что здесь такого? В конце концов, он выказал полное отсутствие доверия к ней, даже учитывая тот факт, что он с ней спал.

Нечестный поступок на Арене стал вновь прокручиваться у Сакса в голове, и он ощутил спазмы в желудке. Но что он мог поделать?

Сакс вспомнил ту минуту в лифте, когда она поцеловала его, и он был весьма обескуражен. Тогда он опешил от того, что она его не узнала, а теперь ситуация повторилась, только с точностью до наоборот. Какая ирония!

Но Сакс решил, что справится с неловкостью, как и в первый раз.

— Тебе есть еще что сказать? — требовательно спросила Филлис.

— С чего ты так решила?

Он развел руками. Она язвительно рассмеялась и оглядела его, плотно сжав губы.

— Как все элементарно и банально, — произнесла она. — Полагаю, они изменили тебе лишь нос и подбородок. Но глаза — те же и форма черепа, разумеется… Забавно, что некоторые вещи забываются.

— Верно.

На самом деле это была не забывчивость, а неспособность вспомнить. Сакс подозревал, что Филлис обладала очень цепкой памятью.

— Но я не могу вспомнить твое настоящее лицо, — продолжала Филлис. — Ты всегда си-

дел в лаборатории, уткнувшись носом в экран. Ты, кажется, носил белый халат… своего рода гигантская лабораторная крыса. — Ее глаза сверкали. — Но ты успел научиться копировать человеческие манеры, не так ли? И ты преуспел, Сакс. Ты смог заинтриговать старого друга, которому приглянулась твоя новенькая внешность.

— Мы не старые друзья, — буркнул Сакс.

— Конечно, — отрезала она. — Ты и твои приятели пытались убить меня. Они уничтожили тысячи других людей и разрушили большую часть Марса. И, очевидно, они до сих пор где-то скрываются, иначе тебя бы здесь не было, верно? Наверняка они прячутся повсюду, потому что когда я провела тест ДНК с твоей спермой, официальные записи показали, что ты — Стефан Линдхольм. Вот что сбило меня с толку на некоторое время. Но кое-что меня и насторожило. Когда мы упали в ту расселину. У меня в мозгу прямо что-то щелкнуло: это напомнило мне о том, что случилось, когда мы были в Антарктике. Ты, Татьяна Дурова и я находились наверху, на ригеле Нуссбаум, когда Татьяна споткнулась и вывихнула лодыжку. Дул страшный ветер, и нам пришлось ждать вертолета, чтобы вернуться обратно на базу. Мы пытались запастись терпением

и не паниковать, а ты нашел на камнях какой-то лишайник…

Сакс вытаращил глаза.

— Я ничего не помню.

Он не лгал. Год подготовки и обучения в сухих долинах Антарктиды был насыщен событиями, но сейчас он успел потускнеть и размыться, и инцидент на Нуссбауме пропал навсегда. Неужто все действительно было именно так? Сакс даже забыл, как выглядела бедная Татьяна Дурова.

Поглощенный собственными мыслями и увлеченный давними воспоминаниями, он пропустил часть того, что говорила Филлис, но затем уловил:

— …проверила по одной из копий баз данных и поняла, что не ошиблась. Я тебя раскусила, Сакс.

— Слоты памяти твоего искина, вероятно, сильно покорежены, — сказал он с отсутствующим выражением лица. — Говорят, космическая радиация перемешивает их схемы, если не вносить вовремя нужные коррективы.

Филлис проигнорировала его жалкую шутку.

— Суть в том, что люди, которые могут поменять записи Временного Правительства, представляют опасность. Боюсь, я не могу спустить все на тормозах. Даже если бы я и хотела.

— На что ты намекаешь?

— Послушай, Сакс, все сейчас зависит только от тебя. Ты можешь честно признаться, где вы прятались, и сказать мне, что у вас вообще происходит. Ты появился в «Биотике» шесть месяцев назад. Где ты пропадал?

— На Земле.

Она криво ухмыльнулась.

— Если ты выбираешь этот путь, я вынуждена прибегнуть к помощи своих партнеров. В системе безопасности каньона Касэй есть ребята, которые с легкостью просканируют твою дырявую голову.

— Давай, попробуй.

— Я не образно выражаюсь. Они не станут выбивать из тебя информацию под гипнозом или проверять на детекторе лжи. Это слишком старомодно. Они простимулируют гипоталамус и мозжечковые миндалины и начнут задавать вопросы. В таких случаях им сразу же отвечают без запинки.

Сакс задумался. Механизмы памяти были по-прежнему мало изучены, но, без сомнения, можно воздействовать на области мозга, отвечающие за воспоминания. Быстрое МРТ, УЗИ конкретных точек, кто знает, как это работает, но

процесс наверняка очень рискован для любого «пациента».

— Ну? — спросила Филлис.

Он смотрел на нее, а она ехидно и торжествующе улыбалась.

Филлис открыто насмехалась над ним. В сознании замелькали случайные мысли и яркие образы: Десмонд, Хироко, кричащие дети Зиготы… «Почему, Сакс, почему?»

Он пытался контролировать мимику, дабы не выдать своего отвращения к Филлис, вдруг волной поднявшегося в нем. Вероятно, такого рода отвращения и называются ненавистью. Через минуту Сакс прочистил горло.

— Полагаю, я лучше скажу тебе.

Она кивнула, будто это было решение, которое она приняла сама. Посмотрела вокруг: ресторан полностью опустел, официантка сидела за дальним столиком, покачивая бокал граппы.

— Что ж, — произнесла Филлис, — приглашаю тебя в мой офис.

Сакс неловко поднялся. Его правая нога занемела. Он поковылял за Филлис. Они попрощались с официанткой, вежливо вставшей из-за стола, и покинули ресторанчик.

Когда они вошли в лифт, Филлис нажала кноп-

ку уровня метро. Кабинка начала стремительно опускаться. Снова в лифте. Сакс глубоко вздохнул и пристально уставился на панель. Филлис проследила за его взглядом, а он сосредоточился и резким движением ударил ее в челюсть. Она врезалась в стену и мешком рухнула на пол, пытаясь отдышаться. Две средние костяшки на правой руке Сакса ужасно саднили.

Он ударил по кнопке второго этажа над уровнем метро. Там имелся туннель, который был выдолблен в горе Хант, — нечто вроде галереи, окаймленной магазинами, которые уже закрывались.

Сакс сграбастал Филлис под мышки и вздернул на ноги. Она была выше его, рыхлая и грузная, и когда двери лифта открылись, он приготовился кричать «Помогите!». Но снаружи никого не было. Тогда он закинул ее руку себе на шею и потащил Филлис к одной из машинок, которые стояли возле лифта на тот случай, если кто-то захочет покататься с ветерком или довезти сумки с покупками. Сакс утрамбовал ее на заднее сиденье, и Филлис застонала, как будто собиралась умереть. Сакс занял водительское место, вдавил педаль газа в пол, и машинка, зажужжав, поехала вперед. Внезапно Сакс понял, что с трудом дышит

и весь вспотел.

Миновав комнаты отдыха, он резко остановился. Филлис беспомощно съехала на пол, стеная громче, чем когда бы то ни было. Скоро она придет в себя, если уже не пришла. Сакс выскочил и побежал посмотреть, не заперт ли мужской туалет. Он был открыт. Вернувшись к машине, Сакс вытащил Филлис за плечи и взвалил ее себе на спину. Он покачивался под ее весом, пока не дошел до двери, потом сбросил Филлис на пол. Ее голова ударилась о бетонный пол, и стоны прекратились.

Сакс ногой распахнул дверь и затащил женщину внутрь. Плотно прикрыв створку, он запер задвижку и попытался отдышаться.

Сев на пол рядом с Филлис, Сакс посмотрел на нее. Она хватала ртом воздух, ее пульс едва прощупывался, но оставался ровным. Казалось, что она в порядке, просто провалилась в более глубокое беспамятство, чем после его удара в лифте. Ее кожа побелела и увлажнилась, рот распялился. Саксу стало жаль ее, но он вспомнил угрозы сдать его специалистам из службы безопасности, чтобы они выпытали его секреты.

Они действовали продвинутыми методами, но все равно это была пытка. И если бы они преуспе-

ли, то узнали бы не только об убежищах на юге… Если бы они уловили общую суть проблемы, то вытащили бы из мозга Сакса все необходимые детали. Он бы не смог устоять перед препаратами и модификаторами поведения.

Что же делать с Филлис? Сакс принялся лихорадочно размышлять. Тот факт, что у него был настолько хороший поддельный идентификатор, подразумевал целую скрытую инфраструктуру. Узнав о ней, спецслужбы могут запросто копнуть глубже и выкурить их всех. Хироко, Десмонда, Спенсера, который внедрился в систему каньона Касэй, и остальных… Ниргала и Джеки, Питера, Энн… Всех. Потому что он, Сакс, был не слишком умен и не сумел улизнуть от глупой и ужасной Филлис.

Сакс оглядел туалет. Он был размером с две кабинки, в одном конце — унитаз, в другом — раковина, зеркало и обычные настенные дозаторы: стерилизующие таблетки, расслабляющие газы. Он взглянул на них, задержав дыхание и задумавшись. По мере того, как план выстраивался у него в голове, он нашептывал в наручную консоль. Десмонд снабдил его весьма разрушительными вирусными программами. Сакс быстро запустил их в консоль Филлис и подождал, пока не за-

кончилась передача данных. Если повезет, он обрушит ее систему целиком. Любые защитные механизмы меркли перед этими вирусами, утверждал Десмонд.

Но оставалась сама Филлис. В автомате на стене была в основном закись азота в индивидуальных ингаляторах с двумя-тремя кубическими метрами газа. Площадь помещения достигала примерно тридцати пяти — сорока кубических метров. Вентиляционную решетку можно заткнуть полотенцами с крючка у раковины.

Сакс затолкал несколько денежных карт в автомат и купил все расслабляющие газы: двадцать баллончиков карманного размера с масками для рта и носа. Закись азота наверняка тяжелее воздуха Берроуза.

Он достал портативные ножницы из ключницы и вырезал лист из длинного рулона полотенца. Потом залез на бачок и перекрыл вентиляционную решетку, протолкнув лист в щели. Там еще оставались просветы, но они были крошечными. Сакс спустился и прошел к двери. Под ней тоже виднелась почти сантиметровая щель. Он вернулся обратно и отрезал еще несколько полос от полотенца. Филлис хрипела. Сакс опять направился к двери, скинул задвижку, распахнул

створку, вытолкнул баллоны с газом наружу и вышел в коридор. Напоследок он посмотрел на Филлис, лежавшую ничком, и закрыл дверь. Подпихнул под створку куски полотенца, оставив лишь одно небольшое отверстие в углу. Окинул взглядом коридор, сел на пол, взял баллончик и, пристроив гибкую маску к угловой дыре, выпустил внутрь все содержимое емкости. Он проделал это двадцать раз, складывая пустые баллончики в карманы, и даже смастерил для пустой тары пакет из остатков полотенца.

Наконец, Сакс поднялся и побрел к машине. Баллончики весело позвякивали в карманах. Сев на водительское сиденье, Сакс нажал на газ, и машинка дернулась вперед. Сакс почему-то вспомнил, как Филлис сбросило на пол в момент остановки. Наверное, ей было очень больно…

Он затормозил. Выскочил и побежал к туалету, звеня на ходу. Рванул дверь на себя, вошел, задержав дыхание, схватил Филлис за лодыжки и выволок ее наружу. Она слабо дышала и слегка улыбалась. Сакс подавил желание пнуть ее и кинулся к машине.

Он мчался к противоположной стороне горы Хант на полной скорости. Добравшись до цели, Сакс вызвал лифт и спустился до уровня метро.

Быстро сел на поезд и проехал через весь Берроуз до Южной станции. Его пальцы тряслись, а костяшки на руке опухли, посинели и болезненно ныли.

На станции Сакс купил билет на юг, но когда предъявил его контролеру, глаза у того округлились. Мужчина выхватил из кобуры пистолет, чтобы арестовать его, испуганно крича своим напарникам, чтобы те пришли ему на помощь.

Очевидно, Филлис очнулась раньше, чем рассчитал Сакс.

Часть пятая

Бездомные

Часть пятая
Бездомные

Биогенезис, в первую очередь, является психогенезисом. Данная истина никогда не была выражена сильнее, чем на Марсе, где ноосфера предшествовала биосфере. Слой мыслей сначала окутывал безмолвную планету издалека, населяя ее камнями и мечтами. Так продолжалось до той минуты, пока Джон не ступил на поверхность и не сказал: «Вот мы и на Марсе». В тот судьбоносный момент вспыхнула яркая зеленая точка и распространилась, как степной пожар, пока вся планета не запульсировала viriditas. Как будто она раньше чувствовала, что ей чего-то не хватает, а затем ожила по-настоящему. Так, в противостоянии разума и камня, ноосферы и литосферы, отсутствовавшая биосфера развернулась с поразительной быстротой, словно бумажный цветок в руках фокусника.

А может, все это просто казалось Мишелю Дювалю. Он страстно отдавался каждому признаку жизни в ржавой пустыне и схватился за ареофанию Хироко с рвением утопающего, которому

бросили спасательный круг. Хироко подарила ему новый способ видения. Чтобы практиковать его, Мишель перенял привычку Энн гулять по часу перед закатом. Он находил пронзительное удовольствие в каждом клочке травы и в каждой вытянутой тени, а в любом клубке осоки и лишайнике видел маленький Прованс.

Это стало его миссией, как он сейчас понимал ее: трудная работа согласования центробежной антиномии Прованса и Марса. Мишель чувствовал себя преемником давней традиции, поскольку в своих изысканиях он заметил, что в истории французской мысли часто преобладали попытки разрешить крайние противоречия. Для Декарта это были ум и тело, для Сартра — фрейдизм и марксизм, для Тейяра де Шардена — христианство и эволюция. Список мог продолжаться бесконечно. Порой Мишель думал, что особая черта французской философии — ее героическое напряжение и склонность долго восстанавливаться после свержения очередных теорий — пришла от повторяющихся попыток впрячь в телегу абсолютные противоположности. Вероятно, все они, включая и его самого, набрасывались на одну и ту же проблему. Действительно, мыслители его родины всегда сражались за свои

идеи, стараясь связать воедино дух и материю. И, возможно, именно поэтому французская мысль приветствовала сложные риторические фигуры вроде «семантического прямоугольника», структуры, которые смогли бы связать центробежные противоположности воедино и удерживать их вместе.

Вот в чем заключалась главная задача Мишеля. Он должен был терпеливо связывать зеленый дух и ржавую материю — открывать Прованс на Марсе. К примеру, накипные лишайники украшали части красной равнины, будто яблочный нефрит. А в жидких индиговых вечерах розовая атмосфера Марса окрашивала траву в коричневый оттенок. Цвет неба позволял травинкам лучиться изумрудной зеленью, и скромные полянки, казалось, вибрировали. Яркий отпечаток цвета на сетчатке… такой восторг.

И столь же потрясающе было видеть, как быстро пускает корни биосфера, которая постепенно распространялась по Марсу. В ней был неотъемлемый порыв к жизни, зеленый электрический разряд между полюсами камня и разума. Что за невероятная сила! Она протянулась сюда и коснулась генетических цепочек, вложенных последовательностей, создала новые гибриды,

помогла им адаптироваться и даже изменила окружающую среду, чтобы помочь им расти. Естественный чистый энтузиазм жизни для жизни был повсюду, он боролся и часто побеждал. А теперь у него были и направляющие длани — ноосфера, омывающая Вселенную. Зеленая сила, врастающая в ландшафт с каждым прикосновением пальцев человека.

Эти люди были настоящим чудом. Сознательные творцы, они двигались в неведомом мире как юные боги, владеющие огромной алхимической мощью. Поэтому любого встреченного на Марсе незнакомца Мишель рассматривал с любопытством. Глядя на безобидную внешность того или иного человека, он спрашивал себя, какие новые Парацельсы, или Исааки, или Холланды стоят перед ним. Могут ли они превратить свинец в золото или заставить камень цвести?

На первый взгляд американец, спасенный Койотом и Майей, был совершенно непримечательным. И, конечно же, он почти ничем не отличался от людей, встреченных Мишелем на Марсе. Наверное, он был лишь более любознательным и простодушным. Грузный, неуклюжий, смуглый мужчина с шутливым выражением лица. Но Мишель привык смотреть сквозь материю и видеть изменчивый дух — и вскоре понял, что они и впрямь натолкнулись на очередную загадку.

Мужчина назвался Артом Рэндольфом и заявил, что перерабатывал полезные материалы упавшего лифта.

— Углерод? — спросила Майя.

Но он либо не услышал сарказма, либо проигнорировал его и ответил:

— Да, но также… — и высыпал на них целый список редких брекчиевых минералов.

Майя посмотрела на него с удивлением, но он вроде бы не заметил. У него были только вопросы. Кто они? Что они тут делают? Куда они ведут его? Что это за машины? А их действительно не видно из космоса? А как они избавляются от тепловых сигналов? Почему им нужно, чтобы их не видели из космоса? Они часть легендарной потерянной

колонии или члены марсианского подполья? Да кто они вообще такие?

Никто не торопился ему отвечать, пока Мишель, наконец, не изрек:

— Мы — марсиане. Мы живем здесь сами по себе.

— Подполье! Невероятно! Честно говоря, я считал, что вы, ребята, миф. Как здорово!

Майя закатила глаза, а когда их гость попросил высадить его у Эхо-Оверлука, она зло рассмеялась.

— Хватит шутить!

— Что вы имеете в виду?

Мишель объяснил ему, что раз они не могут отпустить его, не выдав своего присутствия, ему придется присоединиться к ним.

— А я никому ничего не скажу, — выпалил Рэндольф.

Майя фыркнула.

— Это вопрос слишком важный для нас, и мы не собираемся доверять незнакомцу, — ответил Мишель. — А вдруг вы не сохраните секрета? Вам придется объяснить, как вы очутились так далеко от своей машины.

— Может, вы отвезете меня назад?

— Мы не хотим рисковать. Мы бы не подошли

близко, если бы не увидели, что у вас возникли проблемы.

— Я вам очень признателен, но должен сказать, на спасение ваши методы не очень-то и похожи.

— Другой альтернативы просто нет, — отрезала Майя.

— Верно. И я ценю то, что вы сделали, правда-правда. И я обещаю вам, что буду помалкивать. Кстати, по-моему, вы местные звезды. По телевизору постоянно крутят передачи про вас.

Даже Майя не сумела ничего толком возразить.

Они двинулись дальше. Майя по внутренней связи кратко переговорила с Койотом, который вел головной марсоход вместе с Касэем и Ниргалом. Койот был непреклонен: если они спасли человеку жизнь, они могут задержать его на время — для собственной безопасности.

Мишель сообщил суть переговоров пленнику.

Рэндольф нахмурился, пожал плечами и опять улыбнулся. Мишель никогда не видел столь быстрого примирения с резким жизненным поворотом. Хладнокровие этого человека его впечатляло. Теперь Мишель внимательно изучал его, одновременно поглядывая на экран передней камеры, а Рэндольф уже сыпал вопросами об

управлении марсоходом. Он лишь еще один раз упомянул про свое положение, взглянув на радио и контроллеры интеркома.

— Надеюсь, вы позволите мне послать сообщение моей компании. Пусть они обо мне не беспокоятся и поймут, что я в полном порядке. Я работаю на «Дампмайн», это часть «Праксиса». У вас с «Праксисом» на самом деле много общего. Они тоже любят секретность. Я бы на вашем месте связался с ними, клянусь. У вас ведь есть защищенные каналы для связи, да?

Ни Майя, ни Мишель ему не ответили. Чуть позже Рэндольф ушел в туалетную кабинку марсохода, и Майя прошипела:

— Он, очевидно, шпион. Он специально очутился там, чтобы мы его подобрали.

Такова была Майя. Мишель не стал ее переубеждать и вздохнул.

— Мы действительно относимся к нему как к шпиону, — пробормотал он.

Когда Рэндольф вернулся, то опять принялся задавать вопросы. Где они живут? А разве удобно постоянно прятаться? Мишель даже удивился. Сейчас поведение Рэндольфа превратилось в шоу или в хитроумный тест. Рэндольф выглядел открытым, простодушным, дружелюбным: его

смуглое лицо было почти что придурковатым, однако он очень пристально за ними следил. Да и с каждым вопросом он казался все более заинтересованным и довольным, словно ответы приходили к нему телепатически. Любой человек — огромная сила, а каждый землянин на Марсе — настоящий алхимик. И хотя Мишель давно забросил психиатрию, он до сих пор мог определить руку истинного мастера за работой. Он едва не расхохотался, когда почувствовал в себе растущую тягу выложить этому неповоротливому, смешному и неуклюжему Рэндольфу (марсианская сила тяжести давала о себе знать) всю подноготную о подполье.

Радио пикнуло. Сжатое послание, занявшее максимум пару секунд, прозвучало в колонках.

— Видите, — любезно указал Рэндольф, — вы можете точно так же отправить сообщение «Праксису».

Но когда искин закончил расшифровку, им стало не до шуток. Сакса арестовали в Берроузе.

На рассвете они вплотную подъехали к марсоходу Койота и целый день провели, обсуждая, что делать. Они сели в тесный кружок в жилом отсеке, хмурые и обеспокоенные — все, за исключением их пленника. Рэндольф занял место

между Ниргалом и Майей. Ниргал пожал ему руку и кивнул, как будто они были старыми приятелями, хотя оба не обмолвись друг с другом ни единым словечком. Но язык дружбы может быть и безмолвным…

Новости о Саксе пришли от Спенсера через Надю. Спенсер работал в каньоне Касэй, который являлся чем-то вроде нового Королева. Этот был городок служб безопасности, отлично защищенный и незаметный. Сакса забрали в одно из его подразделений, и Спенсер передал всю информацию Наде.

— Мы должны вытащить его оттуда, — заявила Майя. — Мы справимся. Он у них от силы несколько дней.

— Сакс Расселл? — спросил Рэндольф. — Ого! Не могу поверить. И кто вы такие, ребята? Эй, а вы Майя Тойтовна?

Майя яростно выругалась по-русски. Койот игнорировал Рэндольфа. Он ничего не сказал с тех пор, как поступило сообщение, и теперь возился со своим искином. Наверное, рассматривал погодные снимки со спутников.

— Значит, вы имеете право меня отпустить, — произнес Рэндольф в тишине. — Я не могу сказать им ничего сверх того, что они вытянут из Рас-

селла.

— Он будет молчать! — горячо возразил Касэй.

Рэндольф замотал головой.

— Его напугают, возможно, причинят небольшую боль, усыпят, подключат, накачают дурью и подчистят мозг в нужных местах. Они получат ответы на любые вопросы. Насколько я понимаю, они возвели свой метод в ранг науки. — Рэндольф посмотрел на Касэя. — А мы точно не знакомы? Впрочем, не обращайте внимания. Так или иначе, если они не выудят из него информацию по-умному, они сделают это по-другому. Все будет очень жестко.

— А у вас откуда такие сведения? — взвилась Майя.

— Общее образование, — расплывчато ответил Рэндольф. — Есть вероятность, что я ошибаюсь, но…

— Надо спасти Сакса, — пробурчал Койот.

— Но тогда они нас сразу же засекут, — возразил Касэй.

— Он и так нас знают. И вообще мы как-нибудь сумеем от них улизнуть.

— Кроме того, это наш Сакс, — добавил Мишель.

— Хироко бы не возражала, — кивнул Койот.

— Если она будет возражать, скажи ей: пусть проваливает! — воскликнула Майя. — Скажи ей: шиката га най!

— С превеликим удовольствием, — ухмыльнулся Койот.

Западные и северные склоны возвышенности Фарсиды были необитаемы — тут действительно не было ничего похожего на восточный спуск к Лабиринту Ночи. На Фарсиде имелось лишь несколько крошечных ареотермальных станций и водоносных скважин, поскольку почти вся область оказалась покрыта вечной мерзлотой и группами молодых ледников. Ветра с юга сталкивались с северо-западными циклонами, огибающими гору Олимп, и погода проявляла здесь марсианскую суровость: метели не были в регионе редкостью. Протоледниковая зона расширялась, простираясь до шести-семи километров по контуру, упираясь в подножия великих вулканов. В общем, Фарсида совсем не подходила для людей — тут было сложно возвести даже крупные ангары для стелсов и прочей техники.

Однако их марсоходы упорно двигались через затвердевшие снежные гребни и ехали вдоль лавовых курганов, которые служили на Фарсиде дорогами. Они направлялись прямо на север

и вскоре миновали громаду купола Фарсида — вулкана, размером почти с Мауна-Лоа, хотя по сравнению с Аскрийской горой он выглядел терриконом.

На следующую ночь они покинули Фарсиду и двинулись на северо-восток через каньон Эхо. Днем они укрылись в пещере возле гигантской восточной стены каньона, всего в нескольких километрах к северу от бывшей резиденции Сакса на вершине скалы.

Главной достопримечательностью каньона Эхо являлся Большой Уступ. Этот колоссальный утес в три километра высотой тянулся с севера на юг на тысячу километров. Ареологи рьяно спорили о его происхождении, поскольку ни одна из геологических сил, образующих форму ландшафта, не казалась достаточной для его «рождения». Возможно, все дело было в разломе, случившемся в незапамятные времена и отделившем дно каньона Эхо от плато Луны.

В юности Мишель посещал земной парк Йосемити и, разумеется, не забыл гигантские утесы заповедника. Но сейчас, стоя перед стеной, равняющейся по длине всему штату Калифорния, он оцепенел. Это был настоящий вертикальный мир, напоминающий отдельный континент.

Массивные плоскости красного камня как будто недоуменно таращились на запад, а лучи солнца освещали боковину колоссального каньона.

В северной оконечности невероятный утес сужался и делался пологим. Как раз за двадцатью градусами на севере его и прорезал широкий канал, который тянулся на восток через плато Луны и словно стремился к бассейну Хриса. То был знаменитый каньон Касэй, напрямую связанный с древними марсианскими потопами. Беглого взгляда на фото со спутника оказывалось достаточно, чтобы понять: любое наводнение в регионе когда-то бурлило именно в каньоне Эхо, а потом уже достигало разрыва в его величественной восточной гряде. Возможно, это был грабен. Затем масса воды поворачивала направо и неслась к равнине. Она обрушивалась на нее с невероятной силой и разрушала проход, который, в конце концов, приобрел форму кривой. Наводнения прошлого кипели на поворотах, перехлестывали через внешний берег и разрывали щели между камней, пока те тоже не превратились в извилистую сеть узких каньонов. Центральный хребет главного русла выглядел как знак бесконечности или похожий на слезу остров (форма не менее гидродинамическая, чем

позвоночник рыбы). Внутренний берег доисторического водостока прорезали еще два крупных каньона. Они выглядели как обыкновенные карьеры, нетронутые водой, и по ним можно было судить об изначальной форме канала — до эпохи древних наводнений. Два поздних удара метеоров о самую высокую часть внутреннего берега завершили формирование ландшафта, оставив после себя «свежие» крутые кратеры.

Марсоходы неторопливо ползли по склону внешнего берега. Это был скругленный локоть долины с кряжем в форме неизменного знака бесконечности и, конечно же, с валами кратеров — прославленными признаками Марса.

Мишель решил, что пейзаж весьма симпатичный, чем-то напоминающий Берроуз в его трехмерном величии. Галечное устье главного канала буквально молилось о том, чтобы быть заполненным холодной водой, которая, разумеется, разлилась бы здесь во всю ширь. Несомненно, при таком раскладе в регионе могли бы каждую неделю появляться новые русла и острова…

Но сейчас эта местность принадлежала структурному подразделению системы безопасности транснационалов. Огромные купола вздымались над кратерами на внутреннем берегу, а на

внешнем виднелась череда решеток, которые покрывали часть основного канала по обе стороны знака бесконечности. Однако ни купола, ни сам участок канала никогда не мелькали в новостях — да и на картах тоже ничего не было отмечено.

А Спенсер был тут с самого начала строительства. Его нерегулярные отчеты рассказали им о цели создания поселения. Тогда почти все, признанные виновными в совершении преступлений, отправлялись в пояс астероидов, чтобы отработать свой срок на шахтерских кораблях. Но некоторых людей Временное Правительство хотело держать в тюрьме прямо на Марсе, для чего и был создан город в каньоне Касэй.

Они спрятали марсоходы среди валунов перед входом в долину. Койот изучал погодные сводки. Майя возмущалась по поводу задержек, но Койот осаживал ее.

— У нас сложная задачка, — упрямо повторял он. — Это вообще невозможно осуществить, кроме как при определенных обстоятельствах. Нам надо подождать, пока прибудет подкрепление, и мы должны надеяться на подходящую погоду. Сакс и Спенсер тоже мне помогали, и это очень умно с их стороны, но начальные условия должны соответствовать, — неразборчиво закончил

он.

Койот вернулся к своим экранам, игнорируя остальных, и принялся что-то бормотать себе под нос. Его темное, худое лицо мерцало в свете экранов. «Вот настоящий алхимик, который склонился над перегонным кубом или тиглем и занят трансформацией планеты в нечто новое… Великая сила жизни проявляется везде и всегда», — думал Мишель.

Что касается погоды, то Койот, очевидно, нашел преобладающие шаблоны в воздушных потоках, привязанные к неким якорным точкам ландшафта.

— Вся суть в вертикальной шкале, — резко бросил он Майе, которая со всеми своими вопросами напоминала уже Арта Рэндольфа. — У Марса высота от основания до верхушки тридцать тысяч метров! Нас может запросто унести ураганом!

— Это как мистраль, — предположил Мишель.

— Да. Нисходящие ветра. И один из самых крутых обрывов Большого Уступа.

Тем не менее, в регионе разыгрывались преимущественно западные ветра. Когда они натыкались на утес Эхо, сразу же возникали восходящие потоки. Экстремалы из Эхо-Оверлука использовали их для прыжков, летая на планерах или в

прыжковых костюмах. Но довольно часто приходил циклон, приносящий бури с востока. Именно тогда вихрь несся через плато Луна, шлифуя снег и становясь все плотнее и холоднее. После таких эскапад в расселинах и огромных утесах случались снежные обвалы. Ураганы лишь подгоняли смертоносные лавины.

Койот молча изучал нисходящие воздушные потоки, пока не убедился, что при должных условиях (температурный контраст, штормовой ветер, дующий с запада на восток) у них действительно может все получиться. Он заявил, что любое легчайшее воздействие в определенных участках спровоцирует превращение нисходящих ветров в вертикальные тайфуны. Они-то и обрушатся на канал Эхо и неистово распространятся к северу и югу. Когда Спенсер рассказал им о природе и назначении нового поселения в каньоне Касэй, Койот тотчас захотел создать средство, чтобы провоцировать подобные воздействия.

— Идиоты построили свою тюрьму в аэродинамической трубе, — проворчал он в ответ на допросы Майи, — ну а мы сделаем вентилятор. Или скорее кнопку, которая его включит. В верхней части скалы мы заложили диспенсе-

ры нитрата серебра. Гигантские монструозные сопла шлангов. Дальше — несколько лазеров, чтобы поджечь воздух над зоной распыления. Это создаст неблагоприятную разницу давлений, перекрыв нормальный отток воздуха, поэтому, когда он прорвется, он станет сильнее. А ниже, на склоне скалы, заложена взрывчатка — она-то и добавит в ветер пыли, утяжелив его. Ветер разогревается, опускаясь, и если бы не снег и пыль, это замедлило бы его скорость. Я пять раз спускался вниз со скалы, чтобы установить и проверить оборудование. Вам стоило бы посмотреть. Там есть и турбины. Конечно, мощь всего аппарата ничтожно мала по сравнению с общей силой циклона… Между прочим, тонкие взаимозависимости — это ключ к погоде, а моделирование определило точки, где можно сдвинуть начальные условия в нужном нам направлении. Короче говоря, будем надеяться на лучшее…

— А раньше вы это пробовали? — осведомилась Майя.

Койот уставился на нее.

— Пробовали — на компьютере. Результат хороший. Если сюда придет циклон, который пронесется над плато Луна со скоростью ветра сто пятьдесят километров в час, ты сама все

увидишь.

— Они, наверное, знают о нисходящих ветрах там, в каньоне Касэй, — подчеркнул Рэндольф.

— Да. Но по их расчетам, такой ураган может прийти раз в тысячелетие, а мы, возможно, сумеем создать его самостоятельно, если — повторяю — наверху будут подходящие условия.

— Партизанская климатология! — воскликнул Рэндольф, сверкая глазами. — Как вы это называете, климатаж? Боевая метеорология?

Койот притворился, будто не обратил на реплику Рэндольфа внимания, но Мишель увидел за дредами быструю усмешку.

Койот неустанно предупреждал их, что система заработает лишь при определенных обстоятельствах. И теперь им пришлось сидеть и ждать, когда наступит «идеальная» погода.

В те долгие часы Мишелю казалось, что Койот хочет продавить себя через экран в небо.

— Давай! — бормотал жилистый Койот, прижимая нос к монитору. — Дуй, дуй, дуй. Приходи на холм, паршивец! Лети сюда и скрутись спиралью. Ну!

Он бродил по просторной кабине марсохода, пока другие пытались поспать, бормотал «погляди-ка» и указывал на детали орбитальных

снимков, которые не различал никто, кроме него самого. Задумавшись, Койот садился над прокручивающимися метеорологическими сводками, жевал хлеб и ругался, свистел, как ветер. Мишель лежал на узкой койке, подложив руку под голову. Он восхищенно наблюдал, как дикий человек ходит в полумраке своей берлоги: маленький, мрачный, загадочный шаман по имени Койот. А их пленник, скрючившийся на соседнем сиденье, тоже был свидетелем ночного действа. Рэндольф потирал челюсть с хорошо различимым скрежетом и выразительно смотрел на Мишеля, пока шепот Койота продолжался.

— Давай, черт тебя подери, давай. Шуууууу… Подуй, как октябрьский ураган…

Наконец, на второй день, как раз на закате, Койот встал и по-кошачьи потянулся.

— Ветер пришел.

Во время бесконечного ожидания некоторые Красные приехали из Мареотиса, чтобы помочь. Койот разработал план атаки вместе с ними, отталкиваясь от данных, которые присылал Спенсер. Они собирались разделиться и подойти к городу с разных сторон. Мишель и Майя должны были провести марсоход в испещренный трещинами внешний берег. Они могли спрятать-

ся у подножия столовой горы, не упуская из вида купола, поскольку именно под одним из них и располагалась медицинская клиника. Туда-то и водили Сакса, чтобы выколотить из него информацию. Но клиника, согласно отчетам Спенсера, была слабоохраняемой зоной — во всяком случае по сравнению с тюрьмой на внутреннем берегу, где Сакса держали между медицинскими сессиями. К сожалению, у сотрудников клиники не было четкого расписания, и Спенсер не мог точно утверждать, где находится Сакс и его тюремщики. Тем не менее, когда ударит ветер, медлить было нельзя. В момент урагана Мишелю и Майе следовало бежать к куполу внешнего берега и встретиться со Спенсером. Он должен был ждать их внутри и провести в клинику. Одновременно с этим самый крупный марсоход с Койотом, Касэем, Ниргалом и Артом Рэндольфом начнет сближаться с машинами Красных на внутреннем берегу. Другие марсоходы Красных будут отчаянно имитировать полноценную атаку со всех направлений, особенно с востока.

— Мы спасем Сакса, — заявил Койот, хмурясь в экран, — а ветер нам поможет.

На следующее утро Мишель и Майя сидели в машине в ожидании ветра. Отсюда можно было

вдоволь налюбоваться хребтом в форме знака бесконечности. Целый день они рассматривали заключенные в пузырь зеленые миры под куполами — маленькие террариумы с разнокалиберными видами на красное песчаное коромысло марсианской долины. Мишель изучал рукотворные прозрачные проходы и трубы, изогнутые наподобие арки. Это и впрямь напоминало Берроуз сорокалетней давности: городские заплатки, заполняющие пересохшее русло.

Мишель и Майя спали, ели, сидели и смотрели в окно. Майя мерила кабину шагами. С каждым днем она нервничала все больше и теперь расхаживала, как тигрица в клетке, учуявшая кровь и свежее мясо. Статическое электричество срывалось с ее пальцев, когда она нежно трогала Мишеля за шею, отчего ее прикосновения были болезненны. Майю невозможно было успокоить.

Мишель стоял позади и массировал ей шею и плечи, пока она сидела в кресле водителя, но это было все равно что пытаться размять полено, и она чувствовала, как напряжены его пальцы.

Их разговор был беспорядочен и обрывочен, блуждал случайными прыжками свободных ассоциаций. Вечером они обнаружили, что беседуют о днях, проведенных в Андерхилле: о Саксе

и Хироко, и даже о Фрэнке и Джоне.

— Помнишь, как рухнула сводчатая комната?

— Нет, — ответила она раздраженно. — А помнишь, как Энн и Сакс едва не сцепились, споря о терраформировании?

— Нет, — ответил Мишель, вздохнув. — Вылетело из головы.

Они могли долго перебрасываться вопросами, пока не начинало казаться, будто они жили в абсолютно разных Андерхиллах. Когда оба вспомнили что-то совсем не важное, это стало причиной ликования. Как заметил Мишель, в воспоминаниях всей первой сотни то и дело появлялись пробелы. «Наверное, лишь наше собственное детство на Земле намертво впечаталось в нашу память», — предположил он.

Первые годы, проведенные на Марсе, утекали, словно песок сквозь пальцы. Разумеется, они не забыли самые значимые события и хронологию, но другие инциденты, так или иначе завязшие в головах у каждого, почему-то разнились между собой.

Сохранение информации в сознании и ее извлечение из мозга очень интересовало нейропсихологов и психиатров. Положение усугублялось достигнутой в последнее время беспрецедентной

продолжительностью жизни. Иногда Мишель читал литературу по данному вопросу, и хотя он давно забросил клиническую практику терапевта, в качестве некоего неформального эксперимента он по-прежнему задавал вопросы бывшим коллегам.

Ну а сейчас он приставал к Майе: «Ты помнишь это? А то? Нет? И у меня ничего не выходит».

— Помню, как Надя командовала нами, — заявила Майя, что заставило его улыбнуться. — А еще — как чувствовался под ногой бамбуковый пол. А ты помнишь, как она орала на алхимиков?

— Нет! — вырвалось у Мишеля.

И так продолжалось без конца. Спустя несколько часов им стало казаться, что Андерхиллы, в которых они жили, принадлежали разным вселенным. Риммановы пространства, пересекающиеся лишь на плоскости бесконечности, где они блуждали вдали друг от друга, в своем собственном идиокосме.

— Я едва ли помню хоть что-то, — мрачно буркнула Майя. — Я до сих пор с трудом думаю о Джоне. И о Фрэнке тоже. Я вообще стараюсь не думать. Но потом что-то включается, и я проваливаюсь в воспоминания, забывая об остальном. У

меня в мозгу проносятся настолько яркие картинки, словно это событие случилось минуту назад! Или как будто все происходит заново. — Она вздрогнула под его ладонями. — Я их ненавижу. Ты понимаешь, о чем я?

— Конечно. Невольная память. Кстати, то же самое было со мной, когда мы жили в Андерхилле. Поэтому это не только вопрос старения.

— Нет. Такова жизнь. То, что мы не можем забыть. Мне все еще трудно смотреть на Касэя…

— Знаю. Они — странные дети. Да и Хироко тоже.

— Верно. А ты был тогда счастлив? После того, как ушел от нее.

— Да. — Мишель вернулся мыслью в прошлое, отчаянно пытаясь за что-то зацепиться. Естественно, процесс воспоминания являлся самым слабым звеном цепи. — Я определенно был счастлив. Это же вопрос принятия того, что я пытался подавить в Андерхилле. Что мы — животные… и сексуальные создания. — Он стиснул ее плечи сильнее, и мышцы перекатились под пальцами.

— А вот это невозможно забыть, — сказала она с коротким смешком. — А Хироко напомнила тебе о них?

— Да. Но не только Хироко. Евгения, Риа — каж-

дый из них. Не напрямую, конечно. Но иногда в открытую. Вроде того, что мы состоим из плоти и крови. Мы работали вместе, перекидывались взглядами, прикасались друг к другу. Помогало даже их отношение ко мне. У меня тогда возникли серьезные проблемы. И они как-то сумели достучаться до меня и соединить свое земное мироощущение с Марсом. У тебя, по-моему, никогда не было подобных проблем. А я страдал. Хироко спасла меня. Для нее это стало важнейшей задачей: создать на Марсе дом и научиться добывать себе пропитание. Она хотела, если можно так выразиться, заняться с ним любовью или оплодотворить его и стать акушеркой — совершить чувственный акт. Вот что спасло меня.

— А еще тела Хироко, Евгении и Риа… — Она посмотрела на него через плечо с кривой ухмылкой, и он рассмеялся.

— Готов поспорить, кое-что ты не забыла!

— Точно.

Был уже полдень, но на юге, вверх по горлу каньона Эхо, небо темнело.

— Может, ветер, наконец, придет, — произнес Мишель.

И, действительно, вскоре над Большим Уступом заклубилась масса свивающихся в крутые

спирали кучевых облаков. Их темные подбрюшья посверкивали молниями, которые ударяли в вершину утеса. Каньон затуманился, но купола над кратерами отчетливо вырисовывались на фоне каменистого ландшафта. Эти пузыри воздуха поднимались над зданиями и безмятежными деревьями, словно стеклянные пресс-папье, опрокинутые на ветреную пустыню. Полдень едва миновал. Мишель решил, что им придется сидеть в марсоходе до прихода ночи. Когда же начнется настоящий шторм?

Майя встала и зашагала из угла в угол, излучая ярость. Она что-то бормотала по-русски, нагибаясь, чтобы выглянуть в окно. Порывы набирали силу и били в марсоход. Ветер свистел и причитал над разбитыми камнями у подножия столовой горы позади машины.

Нетерпение Майи заставило Мишеля нервничать. Неужто он очутился в ловушке с диким зверем? Мишель плюхнулся на водительское кресло и взглянул на тучи, перекатывающиеся через Большой Уступ. Марсианская сила тяжести позволяла грозовому фронту возводить невероятные кучевые громады, и теперь гигантские серые массы с плоскими шапками, наряду с колоссальным обрывом под ними, делали мир

сюрреалистичным и нереальным.

Люди были на Марсе муравьями — беспомощными крошечными созданиями. Но сегодня ночью они попробуют спасти Сакса. Хватит ждать!

В одном из своих бесконечных поворотов Майя резко остановилась возле него, сжала мускулы между его плечами и шеей и стиснула их. Ее прикосновение послало ему мощный чувственный импульс, ведущий прямо к позвоночнику и к бокам, а затем и к внешней стороне бедер. Он сжался в ее захвате, повернул вращающееся кресло так, чтобы обхватить ее руками за талию, прижаться ухом к груди. Она продолжала массировать его плечи, и он чувствовал биение пульса. Теперь ему не хватало воздуха. Она нагнулась и поцеловала его макушку. Они потянулись навстречу друг другу, пока не переплелись, Майя продолжала массировать его плечи. Очень долго они стояли, не размыкая объятий.

Потом они перешли в жилой отсек и занялись любовью. Переполненные мрачными предчувствиями, они полностью отдались сексу. Без сомнения, все началось с разговоров об Андерхилле. Мишель живо вспомнил свою запретную страсть к Майе в те годы и зарылся лицом в ее

серебряные волосы. Он постарался слиться с ней изо всех сил, забраться прямо в нее. Она, как большая кошка, подавалась назад в такой же попытке взять его, и эти попытки окончательно унесли его прочь. Было так хорошо быть собой, свободно погрузиться во внезапный восторг: ничего, кроме стонов и вскриков и внезапных электрических разрядов чувственности.

После он лежал на ней, все еще оставаясь внутри. Она держала его лицо в ладонях и смотрела на него.

— В Андерхилле я любил тебя, — произнес он.

— В Андерхилле, — тихо повторила она. — А я тоже тебя любила. Правда. Я никогда не пыталась что-то сделать… Я бы почувствовала себя глупо, как с Джоном и Фрэнком. Но я любила тебя. Вот почему я разозлилась, когда ты ушел. Ты был единственным моим другом. Только с тобой я могла говорить начистоту. Лишь ты всегда слушал меня.

Мишель покачал головой.

— Не очень-то хорошо я справлялся со своей работой.

— Наверное. Но ты беспокоился обо мне, разве нет? Это была не просто твоя работа.

— Конечно. И я любил тебя, да. С тобой это

никогда не было обычной работой, Майя. Ты исключительная.

— Льстец, — улыбнулась она, толкнув его. — Ты вечно так делал. Старался объяснить в лучшем свете ужасы, которые я творила.

Она коротко рассмеялась.

— Да. Но там не было особых ужасов.

— Были, — возразила она и поджала губы. — А потом ты исчез! — Она тихонько ударила его по лицу. — Ты бросил меня!

— Я бы ушел в любом случае. Я должен был.

Ее губы грустно скривились, она посмотрела мимо, в глубокий каньон их общего прошлого. Теперь она явно сползала вниз по синусоидальной кривой настроения и погружалась во что-то темное и глубокое. Мишель смиренно наблюдал за столь стремительной переменой. Он очень долго был счастлив, а теперь печальное выражение лица Майи говорило ему одно: если бы он остался, то разменял бы все счастье (по крайней мере, свое конкретное и эгоистичное) исключительно на нее. Его «разумный оптимизм» давался бы ему труднее, что привнесло бы очередное противостояние в его жизнь, столь же центробежное, как Прованс и Марс: Майя и Майя.

Они лежали бок о бок, каждый погруженный

в свои мысли, смотрели наружу и чувствовали, как марсоход подпрыгивает на амортизаторах. Ветер по-прежнему усиливался, пыль неслась вниз по каньону Эхо и поворачивала в каньон Касэй: призрачное сходство с великим потоком, впервые прорезавшим этот канал. Мишель поднялся и проверил экраны.

— Достигает двухсот километров в час.

Майя хмыкнула. Раньше циклоны мчались гораздо быстрей, но с такой уплотнившейся атмосферой малая скорость была обманчива. Нынешние порывы были разрушительней старых бесплотных горлопанов.

Мишель понял, что они начнут действовать сегодня ночью, осталось только дождаться сигнального взрыва от Койота.

Поэтому они снова легли рядом — напряженные и расслабленные одновременно. Они делали друг другу массаж, чтобы убить время и отвлечься. Мишель удивлялся кошачьей грации Майи, ее длинному, мускулистому телу, древнему по годам, но оставшемуся во многом прежним. И как никогда красивым.

Закат, наконец, окрасил туманный воздух и монументальные облака на востоке, которые уже закрывали собой стену каньона.

Они встали, умылись, поели и, одевшись, устроились в водительском отсеке.

Теперь они снова были взвинченны от адреналина. А в тот момент, когда кварцевое солнце скрылось за горизонтом, на них накатилась бушующая ночь.

Марсоход задрожал на амортизаторах. Ветер снаружи завывал все громче. Порывы были столь сильными, что порой Мишель и Майя теряли равновесие. Машина с трудом приподнималась на пружинах и падала, как животное, пытающееся выплыть на поверхность потока.

Впрочем, позже порыв ослабевал, и тогда марсоход дико, по-звериному вздрагивал.

— Мы сможем выйти? — спросила Майя.

— Хм…

Мишелю доводилось бывать снаружи при урагане, но эта ситуация была для него в новинку. Все говорило о неслыханном буйстве. Анемометр марсохода регистрировал порывы в двести тридцать километров в час, однако они находились у подветренной стороны горы, и Мишель не мог утверждать, отвечают данные максимуму или нет.

Он проверил уловитель частиц и не удивился, когда обнаружил, что снаружи уже бушует полномасштабная пылевая буря.

— Давай подъедем поближе, — предложила Майя. — Мы быстрее доберемся до города и сможем сразу же вернуться в машину.

— Хорошая идея.

Они сели в водительские кресла и тронулись

с места. За пределами столовой горы ветер был жесточайший. Внезапно марсоход начал подпрыгивать, и Мишель решил, что еще секунда и они перевернутся. Если бы они шли к ветру боком, возможно, так бы и случилось, но тут имелись и свои плюсы. Ветер дул им в спину, и марсоход катился со скоростью пятнадцать километров в час, хотя мог выжать всего лишь десять. Мотор недовольно урчал, а водители пытались не врезаться в окрестные валуны.

— Как тебе погодка? — спросила Майя.

— Не думаю, что Койот сможет повлиять на нее.

— Партизанская климатология, — Майя фыркнула. — Этот Рэндольф — шпион. Я уверена.

— Вряд ли.

Камеры не показывали ничего, кроме беззвездных черных провалов. Искин марсохода вел их вслепую. Ну а записи и карты свидетельствовали о том, что они находились в двух километрах от самого южного купола поселения.

— Пора выбираться наружу, — сказал Мишель.

— Как мы найдем машину?

— Возьмем с собой нить Ариадны.

Они надели скафандры и направились к шлюзу. Когда внешняя дверь распахнулась настежь,

порыв ветра едва не сбил их с ног. Вихрь так и рвался в кабину марсохода.

Они ступили на каменистую поверхность Марса и тотчас упали от мощного толчка в спину. Мишель с трудом встал на четвереньки и посмотрел на Майю: она пребывала в таком же плачевном положении, как и он. Потянувшись к шлюзу, он взял катушку с тросом правой рукой, а левой схватил Майю за локоть. Затем сосредоточился и закрепил катушку на предплечье.

Путем проб и ошибок они обнаружили, что могут стоять, правда, с большим трудом. Сперва надо было наклониться вперед таким образом, чтобы голова оказалась на уровне пояса. Руки при этом следовало вытянуть — чтобы упасть на них, если не повезет и они снова опрокинутся на землю. Майя и Мишель побрели в темноту. Они то и дело спотыкались, а ветер не унимался: Мишель уже не различал ничего вокруг и старался просто не наткнуться на камни. Ураган, созданный Койотом, и впрямь оказался чудовищным. Но тут уже ничего нельзя было поделать. Зато стало очевидно, что никто из обитателей города не выглянет наружу.

Новый порыв заставил их рухнуть на колени, и Мишель решил не сопротивляться. «Как трудно

удержаться на месте и не покатиться вперед кубарем», — пронеслось у него в голове. Запястье было соединено с запястьем Майи проводом связи, и он спросил:

— Майя, ты в порядке?

— Да. А ты?

— Аналогично.

Однако в его перчатке зияла дыра — как раз над подушечкой большого пальца. Он стиснул руку в кулак, чувствуя, что запястье заледенело от холода. Но это не грозило мгновенным обморожением, как бывало раньше, да и синяков тоже не предвидится. Мишель извернулся, вытащил из кармана ремонтную ленту и залатал прореху.

— Полагаю, нам лучше не подниматься.

— Мы не можем ползти два километра!

— Сможем, если постараемся.

— Нет уж. Пригибайся и будь готов упасть.

— Хорошо.

Они встали, согнувшись напополам, и принялись осторожно продвигаться вперед. Черная пыль в виде сотни смерчей стремительно летела прямо на них, но навигационный дисплей Мишеля освещал лицевую панель у него под носом. Первый купол находился в километре, и, к изумлению Мишеля, зеленые цифры на часах

показывали 11:15:16. Неужели они шли целый час? Из-за воя урагана Мишель с трудом слышал Майю, хотя интерком располагался напротив его уха. С противоположной стороны — на внутреннем берегу — Койот и остальная компания, вероятно, уже имитировали нападение на жилые кварталы, но сказать наверняка было невозможно. Значит, они должны принять на веру, что жестокий ветер не сорвал первую часть операции или не слишком задержал ее.

То была тяжелая работа, но они упорно плелись к куполу на подкашивающихся ногах. Мишель смотрел вниз, чтобы не оступиться, и лишь иногда проверял, не разорвался ли провод, который их соединял. Так продолжалось бесконечно долго. Ноги Мишеля пылали от боли, а поясницу ломило, но неожиданно навигационный дисплей сообщил, что они приблизились к цели. Однако сами они не видели ровным счетом ничего. Ветер крепчал, и последние несколько метров они действительно проползли по твердому скалистому основанию. Когда они стукнулись в бетонное основание южного купола, часы на дисплее Мишеля показывали 12:00:00.

— Королевская точность, — прошептал Мишель.

Забавно! Спенсер ожидал их ночью, но они думали, что это им придется ждать, пока не наступит полночь. Мишель потянулся и аккуратно коснулся тента: он был туго натянут и пульсировал в такт порывам ветра.

— Готова?

— Да, — сразу откликнулась Майя.

Мишель выудил из набедренного кармана пневматический пистолет. Он чувствовал, что Майя делает то же самое. Оружие использовалось по-разному: от забивания гвоздей до уколов. Теперь они надеялись порвать с помощью стволов жесткое, но эластичное полотно. Они разъединили провод и прислонили пистолеты к невидимой вибрирующей стене. Стукнув друг друга локтями, они синхронно выстрелили по тенту.

Ничего не произошло. Майя подсоединила провод к запястью.

— Может, разрезать его?

— Давай поставим два пистолета рядом и попробуем еще разок. Материал прочный, но из-за урагана он может не выдержать…

Они опять разъединились, подготовились и сделали вторую попытку — их руки рвануло сквозь ограду, и они врезались в бетон. За громким хлопком последовал более тихий, потом

раздался оглушительный грохот и серия взрывов. Все четыре слоя купола, натянутого между двумя контрфорсами, быстро отшелушивались. Мишель подумал, что, если повреждена одна сторона, то и весь купол может запросто унести вместе с ветром. Он прищурился. Пыль летела среди тускло освещенных зданий с темными окнами, поскольку часть зданий оказалась обесточена. Похоже, некоторые окна были выбиты внезапной разгерметизацией, хотя начальные разрушения оказались не столь сильными, как следовало ожидать.

— Как ты? — спросил Мишель по интеркому.

Он слышал, как тяжело дышит Майя.

— Руку повредила, — ответила она. В рев ветра вклинился высокий писк сигнализации. — Давай искать Спенсера, — добавила она.

Майя рывком встала, и ее резко перетянуло через бетонное основание. Мишель сделал шаг вперед, тяжело упал внутрь и перекатился к Майе.

— Давай, — согласился он, и они оба ступили в город-тюрьму Марса.

Здесь царил хаос. Пыль превратила воздух в черный гель, льющийся по улицам безумным визжащим потоком. Мишель и Майя едва могли

слышать друг друга, даже после того, как подсоединили провод. Декомпрессия повыбивала окна и проломила стены зданий, на улицах лежали осколки стекла и куски бетона.

Они осторожно двигались плечом к плечу, часто соприкасаясь руками, чтобы не потеряться.

— Попробуй инфракрасный дисплей, — посоветовала Майя.

Мишель включил его. Изображение было кошмарным, взорванные дома горели зелеными кострами.

Спустя некоторое время они добрались до центрального здания, где, по словам Спенсера, держали Сакса. Фасад отсвечивал ярко-зеленым. Оставалось надеяться на переборки, защищающие подземную клинику, иначе получалось, что своей спасательной миссией они убили Сакса. А это, как рассудил Мишель, было вполне вероятно. Полы на первом этаже уже обрушились в подземные помещения.

Так что попасть ниже стало проблематично. Конечно, в здании имелась лестница, служащая запасным выходом, но обнаружить ее было непросто! Мишель переключился на общую частоту и подслушал истеричные переговоры на всех волнах. Купол над меньшим из двух крате-

ров сдуло, оттуда громко звали на помощь.

— Надо спрятаться и посмотреть, не выйдет ли кто, — предложила Майя по связи.

Они залегли за стеной, едва защищенные от ураганного ветра. Через минуту дверь распахнулась настежь: люди в скафандрах выскочили из здания и помчались через всю улицу. Когда они скрылись за углом, Майя и Мишель пробрались внутрь.

Они очутились в герметизированном коридоре с дверями: на одной из них имелась панель с красными огоньками (вероятно, это аварийный замок). Захлопнув тяжелую наружную дверь, они молча переглянулись. Гудели светодиодные лампы. Мишель протер перчаткой свою запыленную лицевую панель и поежился. В марсоходе они обсуждали подобный сценарий и разбирали всевозможные варианты, но ничего такого они не предвидели и не планировали. И вот час настал, и кровь бежала по венам, словно ее подгонял ураган.

Они разъединили шнур связи и, как по команде, вынули из карманов лазерные пистолеты, которыми их снабдил Койот. Мишель ударил по аварийному замку, и створка открылась, зашипев. Их встретили трое перепуганных мужчин

в скафандрах и без шлемов. Мишель и Майя выстрелили, и те упали, забившись в конвульсиях. Зрелище было жутковатым: можно было подумать, что у Майи и Мишеля вырывались молнии из пальцев.

Они оттащили свои жертвы в смежную комнату, выскочили обратно, заперли за собой дверь и кинулись в коридор. Мишель спрашивал себя, не слишком ли они переусердствовали с выстрелами: все могло закончиться нарушением сердечного ритма. Тело его как будто разрослось, скафандр сдавливал грудную клетку и горло. Мишеля бросило в жар, он тяжело дышал и передвигался яростными прыжками. Майя, по-видимому, испытывала то же самое. Она уверенно повела его вниз по коридору почти бегом. Вдруг свет в коридоре мигнул и погас. Майя включила лампу на шлеме: теперь они следовали за пыльным световым конусом до третьей двери направо, где, по словам Спенсера, и должен быть Сакс. Дверь оказалась закрыта.

Майя выхватила из кармана взрывчатку, закрепила ее над ручкой и замком и вместе с Мишелем отбежала на несколько метров назад. Когда Майя активировала детонатор, дверь рванило наружу вырвавшимся изнутри воздухом. Майя и Мишель

кинулись в помещение и увидели двух мужчин, которые пытались защелкнуть шлемы скафандров. Когда те заметили незнакомцев, один потянулся к поясной кобуре, а другой метнулся к Мишелю и Майе, но замешкался. В итоге ни один не успел выполнить задуманное до конца. Майя и Мишель опередили их и выстрелили: мужчины буквально впечатались в стену.

Вернувшись в коридор, Майя с Мишелем захлопнули дверь и направились вперед. За углом оказалась лестница, ведущая вниз. Они начали спускаться, и через минуту добрались до лестничной клетки с тяжелой дверью. Мишель указал на нее пальцем, а Майя, которая присвоила себе и оружие Мишеля, кивнула, подтверждая свою готовность.

Мишель выбил дверь, Майя вломилась внутрь. Мишель не отставал.

В помещении находился человек в скафандре и шлеме. Он склонился над телом, неподвижно лежащим на хирургической каталке, и, очевидно, производил над ним какие-то манипуляции. Прогремел выстрел. Человек в скафандре рухнул как подкошенный: тело покатилось по полу в неконтролируемом мускульном спазме.

Они бросились к каталке. Там лежал Сакс. Ми-

шель ужаснулся, посмотрев на него. Лицо Сакса превратилось в посмертную маску с двумя глазными впадинами и осунувшимся носом. Сакс был жив и еле-еле дышал: он так и не пришел в себя. Они высвободили его руки и ноги из креплений. К обритой голове Сакса в нескольких местах крепились электроды, и Мишель вздрогнул, когда Майя рывком отодрала их от черепа. Мишель выудил из набедренного кармана эластичный костюм экстренной помощи и натянул его на Сакса. Он грубо поворачивал его тело в спешке, но Сакс даже не застонал. Майя вытащила из рюкзака Мишеля капюшон и портативный баллончик. Они закрепили все это на одеянии Сакса и активировали костюм.

Майя так стискивала запястье Мишеля, что кости едва не трещали. Она снова подсоединила провод к запястью.

— Он жив?

— Думаю, да. Давай вытащим его отсюда, а разберемся потом.

— Посмотри, что они с ним сделали! Подонки!

Человек на полу пошевелился. Майя подошла и сильно пнула его ногой в живот. Затем склонилась, заглядывая через лицевую панель, и с изумлением воскликнула:

— Филлис!

Мишель потащил Сакса из комнаты и зашагал по коридору. Майя нагнала его. Кто-то показался впереди, и Майя вскинула пистолет, но Мишель отбил ее руку в сторону. Это был Спенсер Джексон: Мишель узнал его по глазам. Спенсер что-то заговорил, но из-за шлемов они не могли ничего толком разобрать. Тогда Спенсер перешел на крик.

— Слава богу, вы здесь! Они собирались его убить!

Майя выругалась по-русски и помчалась обратно. Швырнув что-то в комнату, она вылетела наружу и понеслась по коридору к Мишелю и Спенсеру. Раздался взрыв — и в стену напротив двери выбросило мусор. Коридор окутали клубы дыма.

— Нет! — заорал Спенсер. — Там же Филлис!

— Точно! — огрызнулась Майя.

Спенсер остолбенел.

— Идем! — настаивал Мишель, перехватывая Сакса поудобнее.

Он жестом приказал Спенсеру надеть шлем, и они вдвоем с Майей поволокли Сакса по коридору и вверх по лестнице на первый этаж.

Снаружи стало еще более шумно, чем раньше и

очень темно. Что-то катилось по улицам и даже летело по воздуху. Мишель получил удар в лицевую панель, зашатался и рухнул на землю.

Когда он встал, у него так сильно кружилась голова, что он с трудом воспринимал происходящее. Майя установила связь со Спенсером и шипела, жестко отдавая команды им обоим. Они потащили Сакса к стене тента и ползали туда-сюда, пока не нашли заякоренную железную катушку с тросом Ариадны. Но теперь им стало ясно, что они не смогут идти против ветра. Они были вынуждены опуститься на четвереньки и передвигаться по-звериному. Тот, кто оказался посередине, нес Сакса на спине, остальные поддерживали его с боков. Они пытались не потерять трос — их единственную зацепку, ведущую к марсоходу. И они упорно ползли к цели. Руки и колени Мишеля окоченели, а сам он таращился на черные потоки пыли и песка, который застилал лицевую панель. В какой-то момент он понял, что та изрядно поцарапана.

Они останавливались передохнуть и взваливали Сакса на спину следующему. Внезапно Мишель увидел себя стоящим на коленях. Он со свистом дышал и прислонил лицевую панель к какому-то валуну. Ветер завывал у него в ушах.

Мишель чувствовал красные песчинки на языке: горькие, соленые, серные — вкус марсианского страха или марсианской смерти… а может, просто его собственной крови, он не мог сказать. Мысли путались, шея горела, в ушах стоял звон, в глазах плавали красные пятна: крохотные человечки, наконец, покинули периферийное зрение и плясали прямо перед ним. Он понимал, что может в любой момент потерять сознание, а затем его едва не стошнило в скафандр. Тело свело в судорогах, и Мишель отчаянно старался поддерживать собственный вес: мерзкая пульсирующая боль пылала в каждом мускуле, в каждой клетке. После долгой борьбы рвотный позыв прошел.

Они позли дальше. Прошло два часа жестокого, бессловесного напряжения.

Онемение в коленях Мишеля уступило место острой, колющей боли, которая стала невыносимой. Порой они молча лежали и ждали, когда стихнет особо маниакальный порыв ветра. Поразительно, но при ураганной скорости он накатывал отдельными вихрями. Можно было сравнить стихию с серией ужасающих разрядов в прерывистой цепи электрического тока.

Они лежали ничком, пережидая сокрушающие удары, так долго, что иногда им становилось

скучно, и можно было о чем-то задуматься или подремать. Казалось, рассвет уже близок. Но когда Мишель посмотрел на дрожащие цифры на лицевой панели, то понял, что сейчас лишь половина четвертого утра.

И они двинулись вперед.

В конце концов, трос натянулся, и Мишель уткнулся носом в шлюз марсохода, к которому крепилась их нить Ариадны. Они отцепили ее, вслепую затолкали Сакса в шлюз и устало забрались вслед за ним. Закрыли наружную дверь и принялись закачивать воздух внутрь. Пол был усыпан песком. Пылинки кружились в потоках перегоняемого вентилятором воздуха, взмывали вверх туманной дымкой. Мишель смотрел в лицевую панель на костюме экстренной помощи Сакса, однако с таким же успехом он мог заглядывать и в маску ныряльщика. Сакс не подавал никаких признаков жизни.

Спустя некоторое время они стянули шлемы, ботинки и скафандры. Захромав, поковыляли в главный отсек марсохода и плотно прикрыли за собой дверь, чтобы не пустить пыль внутрь.

Мишель вымок от пота. Когда он вытер лицо, то обнаружил на своей ладони свежую кровь. Она даже не запеклась. Выяснилось, что кровь текла у

него из носа. Хотя свет был ярким, все тускнело на периферии зрения, и нутро марсохода показалось Мишелю застывшим и сумрачным. У Майи на бедре была рваная рана, и кожа вокруг нее побелела. Спенсер был измучен, невредим и растерян. Он снял капюшон с головы Сакса и запричитал.

— Нельзя отрывать электроды от черепа! Вы могли повредить его мозг! Вам нужно было дождаться меня! И о чем вы только думали!

— Мы не знали, придешь ли ты вообще, — возразила Майя. — Ты опоздал.

— Не надо было паниковать!

— Мы не паниковали!

— Если нет, то зачем вытащили его оттуда? И зачем убили Филлис?

— Она сама убийца, палач!

Спенсер затряс головой.

— Она была пленником, как и Сакс.

— Нет!

— Вы не знаете. Вы убили ее лишь потому, что вам так захотелось! Вы ничем не лучше их…

— Убирайся к черту! Они пытают нас! Ты их не остановил, вот мы и сделали это!

Сыпля ругательствами, Майя важно прошествовала к правому водительскому креслу и завела марсоход.

— Пошли сообщение Койоту, — приказала она Мишелю.

Мишель попытался вспомнить, как обращаться с радио. Его пальцы настучали краткое послание по защищенному каналу связи. После этого он вернулся к Саксу, который лежал на кушетке и едва дышал. Шок. У него с головы сорвали электроды. Его нос тоже кровоточил.

Спенсер осторожно вытер кровь с лица Сакса и понурился.

— Они используют МРТ и сфокусированный ультразвук, — мрачно изрек он. — Забрать его так… — Он покачал головой.

Пульс Сакса был слабым и неровным. Мишель занялся делом и принялся стаскивать с Сакса костюм. Его собственные руки двигались, как лучи-конечности морской звезды. Они не подчинялись ему, словно он пытался работать с поврежденным пультом дистанционного управления. «Я ударился, у меня сотрясение мозга», — подумал он.

Его мутило, к горлу подкатывала тошнота. Спенсер и Майя сердито кричали друг на друга, по-настоящему распаляясь, а Мишель не мог понять почему.

— Она была стервой! Тварью!

— Если бы людей убивали за то, что они твари, вы бы никогда не выбрались с Ареса!

— Прекратите, — сказал им Мишель. — Вы оба.

Он не вполне понимал, о чем они говорят, но было ясно, что они ссорились. Значит, он, Мишель, должен вмешаться. Майя, раскаленная добела яростью и болью, вопила без остановки. Спенсер кричал в ответ, его всего трясло. Сакс пребывал в коматозном состоянии. «Пожалуй, мне стоит опять заняться психотерапией», — подумал Мишель и хихикнул. Он поплелся к водительскому креслу и уставился на панель управления, которая расплывчато запульсировала под его руками. Черная пыль упрямо била в лобовое стекло марсохода.

— Езжай, — произнес Мишель и с тоской посмотрел на Майю.

Она сидела рядом, вцепившись пальцами в руль, и бурно рыдала. Мишель положил ладонь ей на плечо, но она сбросила ее.

Рука Мишеля, будто резиновая, отскочила, а он чуть не упал с кресла.

— Поговорим позже, — прошептал он. — Что сделано, то сделано. Пора возвращаться домой.

— У нас нет дома, — прорычала Майя.

Часть шестая

Тарикат

Часть шестая
Тарикат

[26]

Большой Человек пришел с большой планеты. Он был гостем на Марсе, как и сам Пол Баньян, — просто проходил мимо, заметил Марс и остановился, дабы осмотреться. И он был там, когда на Марс заглянул Пол Баньян, — вот почему они и подрались. Как вам, наверное, известно, Большой Человек выиграл в схватке. Но Пол Баньян и его синий бык Малыш умерли — и вокруг не осталось никого, с кем можно было бы поговорить. Находиться на Марсе для Большого Человека было все равно что пытаться жить на баскетбольном мяче. Он побродил вокруг, разрушая горы и вулканы, тщетно пытаясь приспособить Марс под себя, а потом сдался и убрался восвояси.

А все бактерии внутри Пола Баньяна и его быка Малыша выбрались наружу и начали циркулировать в теплой воде, заполняющей скальные

---

[26] Примечания: 26

Тарика́т (*араб.* ⊠⊠⊠⊠ — дорога, путь), или сулюк, — метод духовного возвышения и мистического познания Истины. Слово «тарикат» в значении «путь» употребляется в Коране.

пещеры глубоко под землей. Они поглощали метан и сероводород и выдерживали миллионы тонн породы, как будто издавна обитали на нейтронной планете. Их хромосомы распались, соединились вновь и принялись мутировать. При скорости размножения десять поколений в день им не понадобилось много времени для старого доброго естественного отбора самых приспособленных особей. Эта субмарсианская эволюционная история продолжалась не годы и столетия, но миллиарды лет. И она буквально начала прорываться вверх через трещины в реголите, выплескиваться наружу в промежутках между песчинками и выбираться к свету — прямо в холодную пустыню Марса. Живые создания распространились повсюду — крошечные, но крепкие и выносливые. Видите ли, под землей им уже не хватало места, а к тому времени, когда они выбрались на поверхность, во вселенной установились некоторые непреложные законы. Но и на каменистой поверхности Марса не было особых причин для увеличения их размеров. Так развилась уникальная биосфера, обитавшая в субстрате марсианских каньонов. Марсианские киты смахивали на новорожденных головастиков, а секвойи напоминали рога лишайника. Что-то другое

здесь просто не могло появиться. Это было некое двухвеличинное соотношение, при котором все на Марсе, в сотни раз превышающее размерами свои земные копии, наконец-то обернулось вспять.

Кроме того, эволюция породила маленьких красных человечков. Они как мы — или выглядят похоже, когда мы их видим, разумеется. Но мы замечаем их только периферическим зрением. Если вам удастся рассмотреть одного, вы сразу сообразите, что он напоминает изящную саламандру: темно-красный, хотя у его кожи, очевидно, есть способность менять цвет. Как правило, они сливаются по цвету с камнями, рядом с которыми находятся. Если вы рассмотрите такого человечка попристальнее, то обнаружите, что его кожа подобна лишайнику, смешанному с песком, а глаза у него рубиновые. Это удивительно, но не радуйтесь слишком сильно, потому что вы никогда не рассмотрите ни одного из них четко. Здесь вы столкнетесь с неизбежными трудностями. Мы не способны разглядеть их даже тогда, когда они сохраняют полную неподвижность и стоят как вкопанные. Мы бы вообще их не видели, если бы некоторые из них не решили, что могут замерзнуть и погибнуть. Вот тогда-то они и начинают прыгать

вокруг и попадают в наше периферическое зрение, порой сводя вас с ума.

Но когда вы замечаете их, они замирают, а если вы присматриваетесь к ним, они в мгновение ока исчезают — и вы уже не можете отыскать их снова.

Они живут повсюду, включая и наши дома. Обычно они ютятся в пыльных углах. А многие ли из нас могут утверждать, что в их комнатах нет пыли по углам? Думаю, нет. Она просто бросается в глаза, когда вы начинаете уборку, верно? Именно в такие дни маленькие красные человечки должны бежать опрометью из людских жилищ. Для них это катастрофа. Они давно догадались, что мы — огромные сумасшедшие идиоты, которые время от времени сжимают кулаки и прут на рожон.

Джон Бун был, можно сказать, первооткрывателем маленьких красных человечков. А вы чего ожидали? Он увидел их через пару часов после приземления. Позже он научился видеть их даже в те минуты, когда они замирали и не шевелились. Джон Бун попытался общаться с теми человечками, которых ему посчастливилось встретить на своем пути, а они, в свою очередь, перестали прятаться от него. И заговорили с ним! Они учи-

ли друг друга языкам, и вы можете услышать, как маленькие красные человечки используют крылатые словечки Джона Буна в своей речи. А потом толпа человечков решила путешествовать вместе с Буном. Им это нравилось, а Джон был не очень аккуратным, поэтому они могли быстро скрываться от любопытных глаз. Кстати, их было несколько сотен в Никосии в ту ночь, когда его убили. Вот что в действительности случилось с арабами, которые умерли той же ночью, — банда малышей казнила их. Ужасно.

В общем, они оказались верными друзьями Джона Буна и горевали так же сильно, как и мы, когда он погиб. Но с тех пор не было человека, который выучил бы их язык или узнал бы их столь же близко, как он. Джон оказался первым, кто начал рассказывать о них разные истории. Многое из того, что нам известно, пришло именно от Джона Буна. Человечки по-настоящему доверяли ему.

Говорят, что злоупотребление омегендорфом является причиной пятен, движущихся на периферии зрения. Но вам-то что за дело?

Конечно же, после смерти Джона маленькие красные человечки держали ухо востро. Они и теперь исподтишка наблюдают за нами своими рубиновыми глазами и пытаются понять, какие

мы и почему поступаем именно так, а не иначе. Между прочим, они могут водить нас за нос и получать то, что им нужно, — людей, с которыми они могли бы общаться и дружить. Их собеседники не будут выметать их прочь вместе с пылью и не станут разрушать планету.

Да, они наблюдают за нами. Целые города-караваны несут вокруг нас маленьких красных человечков. И они готовятся в очередной раз заговорить с нами. Но пока они гадают, с кем им стоит вести разговор. Они спрашивают себя, который из этих гигантских идиотов знает о Ка?

Так они нарекли Марс. Арабам это пришлось по душе, поскольку они именуют Марс словом «Кахира», и японцам тоже — ведь они называют красную планету «Касэй». В принципе, множество земных названий Марса имеют в своем составе слог «ка». Кстати, на некоторых диалектах маленьких красных человечков он произносится как М'ках, что добавляет звук, который также присутствует и в земных языках. Возможно, раньше у человечков была космическая программа. К примеру, они прилетали на Землю и становились нашими феями, эльфами, нашим маленьким народцем. В те далекие времена они рассказали людям, кто они и откуда… Но, с другой стороны,

возможно, сама планета предложила им этот звук, воздействуя на них гипнотическим образом. Вероятно, Марс повлиял не только на них, но и на всех мыслящих обитателей Солнечной системы, независимо от того, живут ли они на его поверхности или смотрят на красную звездочку в небе.

Забавно, но порой мне кажется, что все дело в красном цвете Ка.

Поэтому человечки смотрят на нас и спрашивают: кто знает Ка? Кто проводит время с Ка, изучает Ка? Кто любит прикасаться к Ка, гуляет по Ка и позволяет Ка проникать в себя, не трогая пыль по углам?

А сейчас человечки почувствовали, что готовы к новым контактам с нами. Очень скоро мы представимся тем из вас, кто будет нам по нраву, говорят они. Мы выберем того, кому нравится и Ка. Совершенно неважно, скольких мы сможем найти. Но вам лучше быть начеку, ведь у нас есть план.

Пора бросить все и выйти прямо на улицы в новый мир.

Надо освободить Ка.

Они ехали на юг в тишине, и марсоход подскакивал под ударами ветра. Час проходил за часом, а вестей от Мишеля и Майи не было. Они договаривались выслать сжатый радиосигнал, который напоминал вызванные молнией помехи, один — на случай успеха, другой — на случай неудачи. Но радио просто шипело, едва слышимое за ревом ветра. Чем дольше они ждали, тем сильнее боялся Ниргал. Что, если их напарников на внешнем берегу постигло несчастье, учитывая, насколько нелегкая ночка выдалась у них самих? Ниргал вспомнил, как отчаянно они продвигались вперед сквозь ревущую тьму. На них летели ошметки разорванных куполов и какого-то мусора, повсюду раздавались выстрелы… А вдруг случилось самое худшее? Их план теперь казался безумным, и Ниргал сомневался в здравомыслии Койота. Тот, разумеется, уткнулся в экран искина, что-то бормотал себе под нос и баюкал раненую лодыжку. Конечно, несколько дней назад все согласились с Койотом, включая и самого Ниргала. Майя и Спенсер вместе с Красными из Мареотиса помогали Койоту разрабатывать детали… Но никто не предполагал, что ураган будет настолько мощным и разрушительным.

А Койот, несомненно, являлся их лидером. И

теперь он выглядел еще более безумным, чем обычно: сердитым, обеспокоенным, напуганным.

Вдруг радио затрещало. Ниргал вздрогнул: ему померещилось, что молнии ударили прямо в марсоход. Тем временем за треском эфира последовала быстрая расшифровка сообщения.

Успех! Мишель и Майя нашли Сакса на внешнем берегу и спасли его.

Настроение у всех сразу взлетело от уныния до восторга, словно пущенное из рогатки. Они бессвязно кричали, смеялись, обнимались. Ниргал и Касэй заплакали от радости и облегчения. Арт (он сидел в марсоходе в часы рейда, а потом ездил по округе, подбирая их на черном ветру) хлопал каждого по спине. Они едва не отлетали в противоположный конец отсека, а Арт кричал: «Хорошая работа, парни!»

Койот, накачанный обезболивающими, оглушительно хохотал. Ниргал почувствовал легкость в теле и эйфорию. Какой перепад: взвинченность, паника, тревога, а затем волна счастья. У него закружилась голова, и он понял, что такие моменты запоминаются навсегда. Тебя поражает шокирующая реальность — некая истинная ткань материи жизни, которую ты ощущаешь

столь редко, — и все начинает пылать в тебе, как фитиль.

И сейчас Ниргал видел то же решительное триумфальное сияние на лицах друзей. Они были подобны одухотворенным диким животным.

Красные уехали на север, к своим убежищам в Мареотисе. Койот упорно гнал на юг, к точке рандеву с Майей и Мишелем. Они встретились в тусклом шоколадном рассвете в верхней части каньона Эхо. Группа марсоходов с внутреннего берега спешила к машине Майи и Мишеля, готовая вновь объединиться. Выскочив из шлюза, Ниргал пожал руку Спенсеру — маленькому, круглолицему, симпатичному мужчине. Ниргал заметил, что пальцы Спенсера тряслись. Тем не менее, он пристально разглядывал Ниргала.

— Привет, весьма наслышан о тебе, — произнес он.

— Все прошло очень хорошо, — уверенно заявил Койот и усмехнулся.

Ниргал почему-то подумал, что на самом деле они едва не погибли. Они ползали по внутреннему берегу, стараясь пережить тайфун, удрать от полиции и пытаясь найти марсоход, в то время как Арт рыскал повсюду, чтобы подобрать их…

Взгляд Майи оборвал всеобщее ликование.

Когда все немного опомнились, стало ясно, что дела в ее марсоходе идут не столь хорошо. Они освободили Сакса, но они же и опоздали. Майя сказала, что его жестоко пытали. Никто не знал, в каком он состоянии, поскольку он до сих пор был без сознания.

Ниргал первым направился в жилой отсек посмотреть на него. Сакс лежал без чувств на кушетке, его лицо было обезображенным. Мишель, последовавший за Ниргалом, сел рядом с Саксом. Мишеля тошнило после удара по голове. А Майя и Спенсер вроде бы поссорились. Они не объясняли причин, но не смотрели друг на дружку и не разговаривали. Майя пребывала в дурном настроении, Ниргал помнил этот взгляд с детства, хотя теперь он был еще мрачнее. Ее лицо посуровело, рот сжался перевернутым серпом.

— Я убила Филлис, — призналась она.

Воцарилась тишина. У Ниргала похолодели руки. Неожиданно он догадался, что каждый из их компании испытывает неловкость. Единственная женщина среди них была убийцей. Кроме того, было нечто странное в том, что сейчас все они, в том числе и сама Майя, явно не находили себе места.

Майя вскочила с сиденья, полная презрения к

их робости. Их мир пошатнулся после слов Майи, понял Ниргал, глядя на лица соратников. Похоже, они думали, что она сделала что-то страшное, совершила примитивный, инстинктивный, чисто биологический поступок. Нелогичный и неразумный акт.

Майя смотрела на них сверху вниз, презирая их ужас, глядя на них с враждебностью орлицы.

Наконец Койот шагнул к ней и поднялся на цыпочки, чтобы чмокнуть в щеку. Она не сводила с него изумленного взгляда.

— Ты правильно поступила, — пробормотал он, пожимая ее руку. — Ты спасла нашего Сакса.

Майя отшатнулась от Койота.

— Мы взорвали пыточную комнату, в которой они мучили Сакса. Пока не могу сказать, удалось ли нам повредить видеозаписи. Вероятно, нет… И они знают, что Сакса кто-то освободил. Поэтому нам рано радоваться. Они придут за нами и, конечно, не с пустыми руками.

— Вряд ли они сумеют похвастаться чем-то стоящим, — встрял Арт. — Мы где-нибудь затаимся, и они нас никогда не найдут.

— Заткнись! — бросила Майя.

— Ладно… Но ведь если они про вас знают, вам ведь больше нет нужды скрываться, верно?

— Мы снова в деле, — проворчал Койот.

Они целый день ехали на юг, поскольку пыль, поднятая ветром, скрывала их от спутников на орбите. Обстановка накалилась. Майя пребывала в черной ярости, с ней невозможно было разговаривать. Мишель сдерживал ее, обращаясь с ней аккуратно, как с неразорвавшейся гранатой. Он постоянно пытался сфокусировать ее внимание на конкретной проблеме, чтобы она могла забыть о той ночи. Но Сакс, который лежал на кушетке в жилом отсеке марсохода и всеми своими синяками напоминал пришибленного енота… нет, забыть о нем было совсем непросто. В конце концов, Ниргал начал часами сидеть рядом с Саксом, положив руку ему на грудь или на макушку. Но Сакс не просыпался. Даже без черных кругов вокруг глаз Сакс уже мало походил на прежнего Сакса Расселла, которого Ниргал знал ребенком. Ниргал испытал шок, увидев столь явные следы физического насилия. Они служили доказательством того, что во внешнем мире у них давно появились лютые враги. А в этом Ниргал как раз и сомневался в последние годы. Вид Сакса и пугал, и причинял боль: оказалось, что их противники способны изуродовать любого, кто встанет у них на пути! Они творили подобные вещи, причем

на протяжении всей истории, точно так, как сообщали неправдоподобные отчеты! Зря Ниргал не верил в это… А теперь и Сакс стал одной из миллионов жертв.

Пока Сакс спал, его голова безвольно каталась по подушке.

— Я сделаю ему укол пандорфа, — сказал Мишель. — А потом и себе.

— У него проблемы с легкими, — заметил Ниргал.

— Да? — Мишель приложил ухо к груди Сакса и прислушался. — Ты прав, там скопилась жидкость.

— Что они с ним сделали? — воскликнул Ниргал и посмотрел на Спенсера.

— Допрашивали его, пока держали в заключении. Понимаешь, они математически точно определили несколько относящихся к памяти участков в гипоталамусе. С помощью различных веществ, а также ультразвуковой стимуляции и МРТ они отслеживали правильные реакции Сакса. Знаешь, как бывает: в таких случаях бедняги просто отвечают на задаваемые вопросы, часто в течение длительного времени. А они… они как раз исследовали мозг Сакса, когда поднялся ветер, и у них вырубилось электричество. Включился

аварийный генератор, но… — Спенсер запнулся и кивнул на Сакса. — Самое плохое случилось именно тогда… или чуть позже, когда мы отсоединили его от аппарата.

Вот почему Майя убила Филлис Бойл. Конец сотрудничеству. Палач среди членов первой сотни.

Странно, но в ту же секунду Касэй, который ехал в другом марсоходе, пробормотал, что это уже не первый случай.

Кое-кто подозревал Майю в убийстве Джона Буна. Ниргал слышал историю от тех, кто считал, что исчезновение Фрэнка Чалмерса тоже было делом ее рук. Они называли ее Черной Вдовой. Ниргал игнорировал подобные пересуды. Он считал, что это злобные сплетни, которые распространяли недоброжелатели и завистники Майи. Но Майя определенно выглядела смертельно опасной. Она сидела в марсоходе и буравила взглядом радио. Она как будто размышляла, не нарушить ли молчание эфира, послав весть на юг: беловолосая, с крючковатым носом, со ртом, похожим на рану…

Ниргал дергался, находясь рядом с ней, хотя и пытался побороть свой испуг. Как-никак, но именно Майя была его учителем! Раньше Ниргал буквально впитывал ее нетерпеливые пояснения

математики, истории и русского. И он узнал ее лучше, чем любой из преподаваемых ею предметов! А сейчас он прекрасно понимал, что она не хотела становиться убийцей: под ее эмоциями, резкими, угрюмыми, маниакальными и депрессивными, корчилась и страдала одинокая душа. Гордая и исхолодавшаяся по теплу Майя!

И это была еще одна причина, по которой вся операция по спасению Сакса, несмотря на успех, обернулась катастрофой.

В конце концов Майя заявила, что они должны немедленно направиться к южному полюсу, чтобы сообщить подполью обо всех новостях лично.

— Не торопись, — осаждал ее Койот. — Они знают, что мы засели в каньоне Касэй. У них было время разговорить Сакса, и они, вероятно, в курсе, что мы попытаемся вернуться на юг. Вдруг они прямо сейчас глазеют на карту и видят, что экватор в основном заблокирован, начиная от западной Фарсиды вплоть до каньонов на востоке?

— Есть просвет между горой Павлина и Лабиринтом Ночи, — процедила Майя.

— Да, но там проходят крупные трассы и имеются трубопроводы, а еще установлены две секции лифта. Я могу, конечно, доехать до туннелей, которые тянутся под тем участком, но не желаю

напороться на врагов. Они уже могли засечь наши марсоходы, Майя!

— И что ты предлагаешь?

— По-моему, мы должны пойти в обход, к северу от Фарсиды и горы Олимп, а потом поехать вниз по Амазонии и пересечь экватор.

Майя скривилась.

— Нам нужно попасть на юг как можно быстрее. Они нам не помеха, Койот. Мне на них наплевать.

Койот задумался.

— Мы можем разделиться, — произнес он. — У меня есть сверхлегкий самолетик, спрятанный у подножия Эхо-Оверлука. Касэй покажет дорогу вам с Мишелем, и вы полетите на юг. А мы двинемся к Амазонии.

— Как насчет Сакса?

— Мы возьмем его к куполу Фарсида, где у богдановистов открыта отличная клиника. Это всего две ночи в пути.

Майя обсудила предложение Койота с Мишелем и Касэем, даже не взглянув на Спенсера. Мишель и Касэй сразу согласились, и Майя кивнула.

— Хорошо. Мы отправляемся на юг. А вы — гоните побыстрее.

Они ехали после захода солнца и спали днем — по старой схеме. Койот не ошибся: за две ночи они миновали каньон Эхо и добрались до купола Фарсида, вулканического конуса на северном крае возвышенности Фарсиды.

Там раскинулся купольный город класса Никосии, названный Куполом Фарсида, поскольку располагался на черном боку своего тезки. Город являлся частью «полусвета»: в основном его обитатели жили обычной жизнью, но многие из них оказались богдановистами. Они выручали беженцев, очутившихся в этом регионе, и контактировали с убежищами Красных в Мареотисе и на Большом Уступе. И они помогали горожанам, ушедшим в подполье или принадлежавшим ему с рождения. Самая крупная клиника в Куполе Фарсида принадлежала богдановистам, и персонал там был очень подкованный.

Когда они подъехали к куполу, то завели марсоход в ангар и выбрались наружу. Вскоре сюда прибыла машина «скорой помощи», помчавшая Сакса в клинику в центре города. Остальные пошли пешком по главной улице, обсаженной деревьями. Ниргал озирался по сторонам: после стольких дней, проведенных в отсеке марсохода, он чувствовал себя растерянным на открытом

пространстве. Арт с удивлением таращился на своих спутников — ведь они даже и не думали скрываться! — и покачивал головой. Добравшись до клиники, они решили посидеть в соседнем кафе, где можно было договориться с местными и снять на время какое-нибудь жилище.

Арт занял столик рядом с Ниргалом, и тот коротко объяснил ему концепцию «полусвета».

В клинике уже занимались Саксом. Через три часа Ниргалу разрешили проведать пациента. Ниргал вымылся, переоделся в предоставленную ему стерильную одежду и направился в палату следом за женщиной-врачом.

Саксу поставили аппарат искусственной вентиляции легких, в котором циркулировала какая-то жидкость. Ниргал видел ее через прозрачные трубки и маску на лице Сакса: она напоминала мутную воду. Зрелище оказалось страшноватым, все выглядело так, словно медики хотели утопить Сакса. Но эта лекарственная смесь на основе перфторуглерода просто-напросто транспортировала в легкие Сакса в три раза больше кислорода, чем доставлял бы ему воздух, и вымывала из его организма все яды. Кроме того, с ее помощью схлопнувшиеся дыхательные пути Сакса стали постепенно нормально функционировать. Мед-

брат, который находился в палате, доходчиво объяснил все Ниргалу.

— У него был отек, поэтому лечение несколько парадоксальное, но он выкарабкается.

Ниргал сел, положив ладонь на руку Сакса, и посмотрел на бегущую туда-сюда жидкость, которая спасала Саксу жизнь.

— Он как будто снова попал в эктогенный резервуар, — выдавил Ниргал и покосился на маску, прикрепленную к лицу Сакса.

— В утробу, — поправил медбрат, взглянув на Ниргала с любопытством.

— Да. Он перерождается. И даже выглядит по-другому.

— Не отпускай его руку, — посоветовал медбрат и вышел.

Ниргал попытался почувствовать Сакса. Он хотел ощутить борьбу его жизненных сил, которые должны были вытолкнуть Сакса в этот мир. Температура Сакса колебалась, то резко поднимаясь, то снова падая. Пришла группа врачей. Они склонились над Саксом со своими медицинскими инструментами и начали тихонько переговариваться.

— Здесь есть повреждения. В передней левой части. Ясно…

Женщина, которая проводила Ниргала в палату Сакса, произнесла:

— Подержи его голову, Ниргал. Слева, за ухом. Прямо над ним, да. Молодец. А теперь делай то, что ты всегда делаешь.

— Что?

— Ты и сам знаешь. Передай ему тепло.

И она поспешно удалилась прочь, смутившись собственным предложением или испугавшись его.

Ниргал собрался с духом. Нашел огонь внутри себя, постарался перенаправить его в свою руку, а затем отдать его Саксу. Своим внутренним взором Ниргал увидел это тепло. Сперва вспыхнул ослепительный свет, который стал разгораться все сильнее, а потом вдруг мягко озарил руку Ниргала зеленым и принял форму шара. Ниргал направил его в пострадавшие легкие Сакса. Спустя секунду он уже привычно начал искать тепло, исходящее от самого Сакса, и немного успокоился.

Шли дни, и большую их часть Ниргал проводил в клинике. Однажды ночью он возвращался из кухни, когда молодой медбрат прибежал к нему, схватил за руку и потащил за собой.

— Скорей! — приговаривал он, и Ниргал уско-

рил шаг.

Войдя в палату, он бросился к больничной койке. Сакс хрипло дышал, мускулы его тела судорожно подергивались. Три врача и несколько медтехников возились с оборудованием. Ниргал взял Сакса за руку. Один из врачей потянулся к Ниргалу, и молодой медбрат встал между ними.

Ниргал чувствовал, как что-то непонятное шевелится внутри Сакса, то уходя, то возвращаясь. Сосредоточившись, он направил в Сакса всю зеленую силу, какую только смог собрать. Внезапно Ниргал испугался: он вспомнил клинику в Зиготе и те долгие часы, которые он проводил возле Саймона. Тогда Саймон умирал, и на его лице появилось странное отрешенное выражение, а сейчас и Сакс выглядел точно таким же…

Лекарственная смесь вливалась в организм Сакса, циркулировала в его легких и выходила наружу. Ниргал потерял счет времени и смотрел на жидкость, думая о Саймоне. Его руки уже не горели, и он не мог вернуть тепло обратно. Интересно, а Сакс узнает, кто навещал его и сидел рядом, согревая его ладонями? Может быть… но разве это имеет значение?

Ниргал опустошил себя. Он вытолкнул из себя всю энергию, и мир вокруг него словно заледе-

нел.

А вдруг Сакс уйдет вслед за Саймоном? Неужели усилия Ниргала будут потрачены впустую? Может, он плохо старается?

— Почему, Сакс? — шепнул он Саксу прямо ухо. — Но почему, Сакс? А, Сакс? Почему?

Жидкость продолжала циркулировать без остановки. Палату заливал искусственный свет, оборудование гудело. Врачи колдовали над Саксом, бросая взгляды друг на друга и на Ниргала. Слово «почему» превратилось в простой звук и стало своего рода молитвой. Прошел час, потом еще… Ниргал оцепенел.

Спустя, казалось, целую вечность они очутились в некоем подобии стазиса. Ниргал не мог уже сказать, день за окном или ночь.

«Расплата за мертвых, — подумал он. — Мы платим за них».

Примерно через неделю после их прибытия легкие Сакса очистились от яда, и медтехники убрали из палаты прибор искусственной вентиляции. Сакс громко всхлипнул и закашлялся. Он мог самостоятельно дышать, как и остальные млекопитающие.

Врачи прооперировали его нос, хотя теперь у него была другая форма, почти такая же плос-

кая, как до ринопластики. Его синяки до сих пор впечатляли.

А спустя еще тридцать минут Сакс очнулся. Несколько раз моргнул. Огляделся по сторонам и вперил пристальный взор в Ниргала, вцепившись в его руку. Но ничего не сказал и вскоре уснул.

Ниргал покинул палату и вышел на зеленую улицу городка, над которым возвышался величественный купол. Черный с рыжими разводами, он напоминал приземистую Фудзияму. Ниргал побежал в своем размеренном темпе, нарезая круги по тротуару, пока не сжег лишнюю энергию. Сакс жив. Произошло нечто прекрасное, необъяснимое…

На противоположной стороне улицы, в комнатке над кафе он нашел Койота. Тот, прихрамывая, мерил шагами помещение, подходил к окну и что-то мурлыкал в ритме калипсо.

— Что дальше? — спросил Ниргал.

Койот всплеснул руками.

— Теперь, когда состояние Сакса стабилизировалось, нам надо уезжать. Ты вместе со Спенсером перенесешь Сакса в марсоход, и мы двинемся на запад, обогнув гору Олимп.

— Ладно, — согласился Ниргал. — Когда они

скажут, что Сакс готов перенести поездку.

Койот уставился на него.

— Они сказали, что ты спас его… Парень, ты воскресил Сакса из мертвых!

Ниргал смущенно покачал головой.

— Он и не умирал.

— Я понимаю. Но они так говорят, — Койот задумчиво посмотрел на Ниргала. — Ты должен быть осторожен, приятель.

Они ехали всю ночь, огибая склон северной Фарсиды. Сакс сидел на кушетке в заднем отсеке позади водителей. Через три часа Койот нарушил тишину.

— Я хочу заглянуть в шахтерский лагерь «Субараси» в Серонисе. — Он оглянулся на Сакса. — Что скажешь, дружище?

Сакс кивнул. Его синяки вокруг глаз чуть-чуть поблекли и стали зеленовато-лилового цвета.

— Почему вы не можете говорить? — спросил его Арт.

Сакс пожал плечами, издал пару хрипов.

Таким и было их путешествие на протяжении нескольких дней.

У подножия Фарсиды простирался массив параллельных каньонов, называемых Керавнскими каналами. Их насчитывалось около сорока. Дело в том, что лишь некоторые являлись самостоятельными каньонами, а другие были просто отдельно стоящими хребтами, глубокими расселинами или даже складками долины. Однако все они простирались к югу, врезаясь в район, богатый полезными ископаемыми, включая и руду. Гигантский базальтовый массив оказался настоящим сокровищем, и теперь здесь сутки напролет работали мобильные буровые установки.

Койот, изучающий карту, потирал ладони.

— Твое пленение развязало мне руки, Сакс. Поскольку они наверняка про нас знают, нет причин, по которым мы не могли бы отнять у них немного времени и прихватить с собой уран, верно?

Ночью их марсоход остановился у южной оконечности цепочки кратеров Тракта, самого длинного и глубокого из каньонов. Ландшафт поразил Ниргала. Относительно гладкая равнина оказалась расколота чем-то вроде ската, который врезался в землю наподобие траншеи примерно в три километра шириной и около трехсот метров глубиной. И эта каменная громадина стремилась на север, убегая за горизонт идеально прямой линией.

Утром они спали, как и всегда, а днем сидели в жилом отсеке, нервно поглядывали на фотографии со спутников и слушали инструкции Койота.

— Существует ли возможность, что мы убьем шахтеров? — спрашивал Арт, выставляя вперед свою квадратную щетинистую челюсть.

Койот хмыкнул.

— Не исключено.

Сакс неистово закивал.

— Поаккуратнее с головой, — сказал ему Ниргал.

— Я согласен с Саксом, — вставил Арт. — Я имею в виду, что, даже если забыть о морали, затея какая-то глупая — хотя бы с точки зрения здравого смысла. Послушайте, вы исходите из предположения, что ваши враги слабее вас и станут выполнять приказы, если вы пристрелите пару-тройку их шахтеров. Но люди — они не такие, и вам надо хорошенько подумать о последствиях. Вы спуститесь по каньону и убьете кучку работяг. Потом, конечно, прибегут их приятели и найдут тела. Они возненавидят вас навсегда. А если в один прекрасный день вы захватите власть на Марсе, они будут по-прежнему вас ненавидеть. Они будут готовы на все, чтобы помешать вам. Да и сейчас вы вообще ничего не добьетесь, поскольку новых шахтеров доставят сюда почти мгновенно. — Арт покосился на Сакса, который сидел на кушетке и не сводил с него взгляда. — С другой стороны, допустим, вы делаете что-то эдакое, что заставляет рабочих мчаться к убежищу, — вы запираете их в укрытии и всего лишь ломаете их технику. Они вызовут помощь, и через день-два кто-нибудь обязательно спасет их. Они будут в бешенстве, но их ход мыслей

станет иным! Они будут думать, что могли быть мертвы, а Красные просто поломали их машины и исчезли в мгновение ока! Они будут рассуждать именно так! Ведь вы могли убить их, но по какой-то причине пощадили! А службы спасения транснационалов разделят их мнение. И позже, когда вы захватите власть на Марсе или когда только начнете к этому готовиться, они вспомнят случай на шахте. Работяг охватит стокгольмский синдром, они начнут поддерживать вас, а затем и присоединятся! Как вам такой расклад?

Сакс с жаром закивал. Спенсер и Арт пытливо смотрели на Ниргала. А Койот молча таращился на собственные ладони, будто расшифровывал какие-то письмена. Наконец, он поднял взгляд и тоже уставился на Ниргала.

Ниргала охватило беспокойство.

— Верно. Хироко никогда не простит нас, если мы начнем убивать людей без причин, — произнес он.

Койот скривился. Похоже, в данный момент мягкость Ниргала ему претила.

— Мы совсем недавно убили кучу людей в каньоне Касэй.

— Это совсем другое! — возразил Ниргал.

— Почему?

Ниргал помедлил, и Арт перехватил инициативу.

— Мы разобрались с копами и палачами, которые схватили вашего друга и поджаривали его мозги. Они получили по заслугам. А парни в каньоне тупо сверлят камень.

Сакс помрачнел. Он глядел на них напряженно, и было ясно, что он все понимал и глубоко переживал. Однако он оставался нем, и Ниргал мог только догадываться, что у него на уме.

Койот смерил Арта пристальным тяжелым взглядом.

— Шахта принадлежит «Праксису»?

— Не знаю. В любом случае мне все равно.

— Хм… — Койот помолчал и принялся поочередно смотреть на всех, сидящих в марсоходе. — Ладно. Будь по-вашему.

Щеки Ниргала запылали.

Сразу после заката Ниргал выбрался из марсохода вместе с Койотом и Артом. Небо на востоке было темным, а на западе — звездным и багровым. В этом странном свете все вокруг стало хорошо различимо, наверное, на сотню метров, но одновременно пейзаж казался пугающим и незнакомым. Койот вел их, Арт и Ниргал шли друг за дружкой гуськом. Через лицевую панель

Ниргал видел, что Арт склоняет голову к стеклу шлема.

Основание Тракта было испещрено сеткой поперечных разломов, названных Растяжение Тракта. Слои пластов на данном участке образовали систему трещин, непроходимых для транспорта. Шахтеры добирались до лагеря, спускаясь на лифте по стене каньона. Но Койот заявил, что через Растяжение Тракта можно пройти, если свернуть на тропу между трещинами, которую он давно наметил для себя. Его дела в сопротивлении сделали Койота докой в непроходимых землях. Так и воплощались в реальность его легендарные визиты, в том числе и туда, куда никто, кроме него, никогда не добирался. Ниргал, иногда сопровождающий Койота в его путешествиях, бывал свидетелем удивительных авантюр. И они претворялись в жизнь лишь потому, что Койот и Ниргал покидали марсоход и шли пешком.

А теперь они пробежали по дну каньона размеренными марсианскими скачками, идеально получавшимися у Ниргала и с переменным успехом — у Койота. Арт был неуклюж и неуверен, он часто спотыкался, но не отставал. Ниргал почувствовал ничем не замутненное удовольствие от

бега. Все смахивало на некий балет на камнях, когда нужно было полагаться исключительно на собственные силы. Ниргал не сбивался с ритма: он ровно дышал, а баллон с воздухом подскакивал у него на спине. Постепенно он впал в транс — состояние, которое он уже изучил за долгие годы не без помощи нисея Нанао (тот занимался лунг-гом-па[27] на Земле, когда был послушником в Тибете). Нанао говорил, что древние бегуны вынуждены были нагружать себя, чтобы не улететь, но на Марсе, в принципе, это могло быть в порядке вещей. Ниргал пролетал над камнями, чувствуя волнение и испытывая экстаз.

Ему приходилось сдерживать себя. Ни Койот, ни Арт не учились лунг-гом-па, и теперь они отстали, хотя оба двигались довольно сносно: Койот — для своего возраста, Арт — для новичка на Марсе. Койот знал местность и бежал короткими вычурными танцевальными па, умелыми и четкими. Правда, Арт иногда оступался, пошатывался и терял равновесие. В тусклом свете звезд он напоминал неправильно запрограммированного робота, хотя и умудрялся сохранять скорость. Ниргал носился перед ними как собака.

---

[27] Примечания: 27

Лунг-гом-па — тибетская система упражнений, которые должны помочь достигнуть необыкновенной быстроты и легкости бега.

Дважды Арт падал в облаке пыли, и Ниргал подбегал проверить, как он, но оба раза Арт вставал. Затем он подпрыгивал, молча махал Ниргалу и бежал дальше.

После получасовой пробежки по каньону — столь прямому, что казалось, он был вырезан так умышленно, — в земле появились трещины. Вскоре они углубились и начали соединяться друг с другом, пока продвигаться дальше стало невозможно: дно каньона превратилось в островки отдельно стоящих плато. Глубокие щели между ними составляли два-три метра в ширину, но уходили вниз на тридцать-сорок метров.

Однако они не останавливались. Койот вел их через лабиринт, не задерживаясь ни на одной из многочисленных развилок. Конечно, он знал эту практически никем не исхоженную тропу и десятки раз поворачивал налево и направо. Он мгновенно преодолел слишком узкий участок, и Ниргал последовал за ним, задевая скафандром стены каньона. К счастью, после очередного поворота они выбрались на более свободное пространство.

Ниргал осмотрелся по сторонам. Они находились на северной стороне лабиринта расселин. Ниргал невольно залюбовался причудливым ри-

сунком расколотых крутых откосов и каменных островков. А прямо перед ними, у западной стены каньона, возвышался купол. Туго натянутый материал светился и смахивал на запыленный абажур. Внутри укрытия виднелись мобильные прицепы, вездеходы, буры, бульдозеры и другая техника. Ниргал понял, что это и есть рудник, названный Урановой Аллеей (именно здесь каньон оказался заполнен пегматитом, чрезвычайно богатым ураном). Шахта работала круглосуточно. Койот слышал, что добытый уран складировался здесь в течение многих лет еще до восстановления лифта и пока не был никуда транспортирован.

Койот побежал к куполу, Ниргал с Артом бросились за ним. Теперь Ниргал разглядел, что под куполом горели фонари, а в самом его центре стоял большой трейлер.

Койот приблизился к шлюзу и замер. Потом воткнул разъем своей консоли в разъем замка шлюза и принялся набирать какие-то цифры на дисплее. Внешняя дверь распахнулась. Сигнализация, вероятно, не включилась: никто даже не выскочил из трейлера. Они проскользнули под купол, прикрыли за собой внешнюю дверь, подождали, пока шлюз высосал и накачал воздух,

и осторожно открыли внутреннюю дверь.

Койот помчался к системам жизнеобеспечения, расположенным позади трейлера. А Ниргал поднялся по ступенькам к жилым отсекам. Он просунул «запирающий прут» Койота в ручку двери, повернул рычаг, который выделял фиксатив на поверхности прута, и прижал его к стенке трейлера. Сама махина, где отдыхали шахтеры, была сделана из материала на основе магниевого сплава. Полимерный клей создавал эффект керамической связки между прутом и прицепом, так что дверь оказалась заблокирована. Ниргал спустился на землю, обежал вокруг трейлера и проделал то же самое со второй дверью. Кинувшись к Койоту и Спенсеру, он чувствовал, как в его венах бурлит чистый адреналин. Все настолько походило на розыгрыш, что ему приходилось прилагать усилия, дабы помнить о взрывчатке, которую Койот и Арт размещали на складах и на парковке шахтерских «бегемотов». Ниргал присоединился к ним в беготне от одной машины к другой. Он взбирался по боковым лестницам, открывал двери вручную или при помощи электронной отмычки и кидал в кабины коробочки, выданные Койотом.

Но тут были и сотни тонн переработанного

урана, который Койот хотел отбуксировать подальше. К сожалению, это было невозможно, однако они пробежались до склада, загрузили ряд грузовых роботов и запрограммировали их идти по каньонам на север. Роботы должны были закопать груз в тех местах, где концентрация апатита достигала высокого уровня. Ниргал знал, что так можно скрыть радиоактивное излучение урана, и груз будет сложно найти. Спенсер, правда, начал спорить с Койотом, но тот возразил, что это лучший вариант. К чему им устраивать урановый склад в собственном марсоходе, вне зависимости от того, защищены ли контейнеры от утечек радиации или нет? У Спенсера не нашлось доводов возразить.

Когда они закончили, то побежали обратно к шлюзу, выбрались наружу и помчались изо всех сил. На полпути к откосам, они услышали взрывы под куполом. Ниргал оглянулся через плечо, но не увидел никаких изменений. Тент четко вырисовывался на фоне ночного неба, окна трейлера светились.

Он развернулся и понесся дальше, чувствуя, что почти летит. Ниргал искренне удивился, когда обнаружил, что Арт сумел его перегнать. Арт уже не шагал, а буквально парил над землей. Всю

дорогу к откосам он прыгал, как дикий гепардомедведь, и был вынужден дожидаться Койота, который повел их по тропе через лабиринт трещин. Преодолев очередное препятствие, Арт снова припустил так, что Ниргал решил попробовать поймать его. Он захотел понять, насколько быстро двигается Арт. Ниргал достиг ритма короткого забега и в конце концов проскочил мимо Арта. Похоже, его собственные антилопьи прыжки оказались в два раза длиннее — даже в таком режиме бега, когда требовалось переставлять ноги с максимально возможной скоростью.

Оба добрались до машины гораздо раньше Койота и ждали его в шлюзе, восстанавливая дыхание и ухмыляясь через лицевые панели. Пару минут спустя Койот ввалился внутрь: Спенсер занял водительское сиденье, и марсоход тронулся с места. У них еще оставалось шесть ночных часов, чтобы ехать дальше.

Они безумно хохотали над фокусом Арта, но тот лишь улыбался и отмахивался.

— Я не испугался! Вся суть в марсианской гравитации! Говорю вам, я просто бежал точно так, как и обычно, но ноги сами несли меня тигриными прыжками! Потрясающе!

Днем они отдохнули и с наступлением темноты

опять отправились в путь. В ту ночь они миновали устье каньона, бежавшего от Керавнского залива к куполу Юпитера. (Странно, что он не был ни прямым, ни синусоидальным: за это его и назвали Кривой каньон.) Когда взошло солнце, они укрылись под сенью кратера Qr, к северу от купола Юпитера.

Купол Юпитера был громадным вулканом даже по сравнению с Фарсидой. В действительности он превосходил размерами и любой вулкан на Земле, а располагался на возвышенности как раз между горой Аскрийской и Олимпом. Обе эти вершины были поистине колоссальны и нависали надо всем, словно плато континентов. Ну, а Юпитер казался в их тени компактным, дружелюбным и постижимым — таким, который можно и разбудить при желании.

Сакс молчаливо пялился в экран планшета. Иногда он робко нажимал на сенсорную клавиатуру и получал случайные последовательности текстов, карт, диаграмм, картинок, уравнений. Он склонял голову каждый раз без признаков узнавания.

Ниргал присел рядом.

— Сакс, вы меня слышите? — Сакс посмотрел на него. — Вы понимаете меня? Кивните, если

понимаете.

Сакс опять склонил голову набок. Ниргал вздохнул, завороженный взглядом Сакса, в котором сквозило явное любопытство.

Ночью Койот поехал на запад, к Олимпу. Перед рассветом он повел марсоход к стене выщербленного и расколотого черного базальта. То был край плато, изрезанный бесчисленными расселинами, как цепочка кратеров Тракта, только в гораздо большем масштабе. Ниргал подумал, эта пустошь стала громадным продолжением лабиринта Тракта.

Плато представляло собой свалку старой разбитой лавы. Следы ранних извержений горы Олимп покрывали мягкий туф и пепел доисторических извержений. Некоторые особенно глубокие расселины, изрезанные ветрами, погружались в туф и постепенно спускались к просторному туннелю, который принял округлую форму за эоны лет.

— Прямо как перевернутые замочные скважины, — изрек Койот, хотя Ниргал никогда не видел таких диковинных замочных скважин.

Койот повел марсоход в ближайший черно-серый туннель. Через несколько километров он притормозил у стены купола, отделяющего эмболию — выдутый ветром изгиб — от остального

пространства.

Это было первое тайное убежище, которое увидел остолбеневший Арт. Купол достигал двадцати метров в высоту и закрывал отрезок кривой около ста метров в длину.

Наконец, Арт встрепенулся и принялся удивляться размерам впадины, пока Ниргал не рассмеялся.

— Кто-то обосновался здесь, — буркнул Койот. — Помолчите хотя бы секунду.

Арт склонился над плечом Койота, чтобы услышать, что тот говорил по интеркому. Перед куполом была припаркована другая машина, неуклюжая и смахивающая на булыжник, как и марсоход Койота.

— Ага, — протянул Койот, отталкивая Арта, — на связи была Виджика. У них полно апельсинов, а еще найдется кава. Скоро у нас будет отличное застолье, я вам обещаю!

Они забрались в марсоход и подъехали к шлюзу. Круглая муфта протянулась и состыковалась с их внешней дверью. После того как все двери шлюза открылись, они перебрались внутрь, согнувшись и шаркая, поскольку тащили Сакса с собой.

Их встретили восемь рослых темнокожих

людей: пять женщин и трое мужчин. При виде Койота они радостно зашумели и расплылись в улыбках. Койот представил всех друг другу, хотя Ниргал знал Виджику по университету в Сабиси. Ниргал крепко обнял ее. Виджика улыбнулась и проводила их к плавному изгибу стены утеса, в просвет между трейлерами. Солнечные лучи пробивались сквозь вертикальную трещину в черной лаве. Другой слабенький поток света просачивался из глубокой расселины снаружи купола, так что на кромешную тьму можно было не жаловаться. Гости устроились на плоских подушках вокруг низеньких столиков, а некоторые из хозяев занялись делом у толстопузых самоваров. Койот разговаривал со своими приятелями, узнавал последние новости. Сакс оглядывался, моргая, и Спенсер тоже казался смущенным. Он жил на поверхности с 2061 года и получал всю информацию об убежищах из вторых рук. Сорок лет двойной жизни — неудивительно, что он выглядел шокированным.

Койот прошествовал к самоварам и принялся вынимать чашечки из высокого шкафа. Ниргал сел рядом с Виджикой, приобняв ее за талию, впитывая ее тепло и чувствуя легкость от долгого соприкосновения с ее стройной ногой.

Арт плюхнулся на подушку по другую сторону от Виджики и вклинился в разговор. Ниргал подумал, что Арт похож на огромного добродушного пса. Виджика представилась и пожала Арту руку. Он сжал ее изящные тонкие пальцы своей огромной лапищей и вроде бы захотел поцеловать их.

— Тут живут богдановисты, — объяснил ему Ниргал, засмеявшись над выражением его лица и передавая фарфоровую чашку. — Родители этих людей были заключенными в Королёве до войны.

— Ого! — воскликнул Арт. — С тех пор много всего случилось, да?

— Да, — подтвердила Виджика. — Мои родители отправились на север по Трансмаринерскому шоссе как раз перед тем, как его затопило. В конце концов, они добрались сюда. Возьмите у Койота поднос, пожалуйста, и раздайте чашки остальным.

Арт подчинился, а Ниргал продолжил разговаривать с Виджикой.

— Ты не поверишь, что мы нашли в одном из туфовых туннелей, — заявила она. — Мы теперь фантастически богаты.

Все получили свои чашки, прервались на минуту и одновременно сделали первый глоток, а

потом, после одобрительных возгласов и причмокиваний, вернулись к беседе.

Арт сел возле Ниргала.

— Попробуй, — обратился к нему Ниргал. — Все должны присоединиться, таков обычай.

Арт глотнул из чашки, глядя с сомнением на угольно-черную, дурно пахнущую жидкость. Его передернуло.

— Словно кофе с ядовитой лакрицей.

Виджика засмеялась.

— Это кава-кава, — пояснила она, — смесь кавы и кофе. Очень сильная — и вкус адский. Пить ее трудно. Но не сдавайтесь. Если допьете до дна, то поймете, что оно того стоило.

— Я вам верю, — Арт мужественно сделал второй глоток и содрогнулся. — Кошмар!

— Да. Но нам нравится. Некоторые извлекают из кавы каваин, но мы считаем, что это неправильно. Ритуалы должны быть в чем-то неприятны, иначе вы не будете уважать их должным образом.

— Верно, — произнес Арт, пока за ним наблюдали Ниргал и Виджика. — Что ж, я угодил в убежище марсианского подполья, — добавил он. — Я накачиваюсь жутким снадобьем в компании самых знаменитых потерянных членов

первой сотни. А также юных местных, никогда не бывавших на Земле.

— Подействовало, — заметила Виджика.

Койот общался с какой-то женщиной. Она сидела в позе лотоса на подушке и была лишь чуть ниже Койота, даже когда он стоял перед ней.

— Конечно, мне пригодились бы семена ромэна, — вымолвила она, — но и ты должен будешь взять себе что-нибудь полезное и ценное.

— Брось! — парировал Койот в своей обаятельной манере. — Кстати, вы даете нам больше азота, чем мы можем использовать.

— Но ты должен получить азот, прежде чем сможешь отдать его.

— Знаю.

— Получить, прежде чем дать, и дать, прежде чем его сожгут, — настаивала женщина. — Мы нашли огромную жилу нитрата натрия, это чистая белая селитра, и пустоши буквально напичканы ею. Похоже, залежи лежат между туфом и лавой, их около трех метров, а тянутся они, наверное, на много километров в обе стороны. Поэтому мы хотим избавиться от некоторого количества азота.

— Хорошо, — проворчал Койот. — Но это же не повод устраивать церемонию обмена дарами?

— При чем здесь церемонии? Вы сожжете во-

семьдесят процентов азота молниеносно.

— Семьдесят.

— Ладно, но мы получим семена, и на нашем столе будет приличный салат.

— Если вам удастся его вырастить. Салат — очень нежное растение.

— У нас есть замечательные удобрения.

Койот захохотал.

— Еще бы! Только ваши проекты пока еще повисли в воздухе! Я вот что скажу: мы дадим вам координаты погрузчика с ураном, который мы послали в Керавнский залив.

— И этот человек говорит мне о церемонии обмена дарами!

— Нет гарантии, что мы сможем забрать уран! — возразил Койот. — Зато вы будете знать, где он находится! Если вы его достанете, то сожжете еще один пикобар азота. Тогда мы будем в расчете. Ну как, договорились?

— По-моему, ты перегибаешь палку.

— Не болтай ерунды! А ваши залежи белой селитры? Вы теперь и впрямь богачи! Ее действительно много?

— Миллионы тонн. Говорю же, пустоши напичканы ею вдоль и поперек.

— Вероятно, мы возьмем у вас чуточку переки-

си водорода. Нам понадобится топливо, чтобы ехать на юг.

Арт склонился к ним, будто притянутый магнитом.

— Что такое белая селитра?

— По-настоящему чистый нитрат натрия, — ответила женщина.

Она описала Арту ареологию региона. Риолитовый туф — едва окрашенные скалы, окружавшие регион, были покрыты темной андезитовой лавой. Эрозия разрушала туф везде, а трещины в лаве обнажали его, формируя ущелья с туннелями, и заодно оголяли пласты селитры, которые были заключены между этими двумя слоями.

— Селитра — просто рыхлая горная порода и пыль, зацементированная солями натрия и нитратов.

— Слой, наверное, оказался там благодаря микроорганизмам, — заявил мужчина, стоявший позади женщины, но та замотала головой.

— Думаю, все дело в ареотермальном эффекте или в свете, привлеченном кварцем в составе туфа.

Они спорили задиристо — как дискутируют люди, обсуждающие одну и ту же проблему в сотый раз. Арт опять начал сыпать вопросами о белой

селитре. Женщина объяснила, что они действительно нашли чистую селитру, в которой было до восьмидесяти процентов нитрата натрия. В бедном нитратами марсианском мире она являлась сокровищем и стоила баснословно дорого.

Блок селитры лег на стол, женщина передала его Арту и продолжила спор со своим другом. Койот вел торг с другим мужчиной, обсуждая детские качели и горшки, килограммы и калории, равную и завышенную стоимость, кубические метры в секунду и пикобары. Торговался он мастерски и вызывал смешки у окружающих.

Неожиданно женщина прервала Койота, воскликнув:

— Послушай, мы не можем взять неизвестный контейнер с ураном, который еще непонятно, как достать! Это или огромный церемониальный дар, или грабеж, в зависимости от того, найдем мы уран или нет! Что за нечестная сделка, Койот? Я с тобой не согласна!

Койот насупился.

— Зря я не захватил уран с собой! Кстати, вы едва не закопали нас в своей белой селитре! Мы прекрасно путешествуем, и у нас есть семена, но не более того. И, конечно, не миллионы тонн залежей селитры! Нам, между прочим, нужна

перекись водорода и макароны — тоже. Это вам не роскошь, как семена салата! Поэтому если вы отыщете наш контейнер, можете смело использовать уран, и сделка будет честной. А если вы ничего не найдете, тогда пеняйте на себя! Значит, вы будете нам должны, правильно? Но в таком случае вы можете спалить семена дотла, и сделка опять будет честной.

— Нам понадобится неделя работы и горючее! — возмутилась женщина.

— Хорошо, возьмем еще десять пикобар и сожжем шесть.

— Договорились, — нехотя согласилась женщина. — С тобой трудно иметь дело, — расстроенно добавила она.

Койот кивнул и поднялся, чтобы наполнить их чашки.

Арт уставился на Ниргала, раскрыв рот.

— Объясни мне, что сейчас произошло.

— Ну, — начал Ниргал, чувствуя вызванную кавой благожелательность, — они торговались. Нам необходима еда и горючее, и мы были в проигрышном положении, но Койот выкрутился.

Арт взвесил блок белой селитры.

— Но что за разговоры: получить азот, отдать азот, сжечь азот. Вы что, сжигаете деньги, полу-

чив их?

— Частично.

— А обе стороны стараются уступить?

— Уступить?

— То есть остаться в накладе?

— В накладе? — повторил Ниргал.

— Дать больше, чем получают?

— Конечно.

— Ха! — Глаза Арта округлились. — Но вы не можете дать намного больше, чем у вас есть, я правильно понял?

— Да. Тогда это будет подарок.

Ниргал смотрел, как его новый приятель обдумывает услышанное.

— Но если вы всегда отдаете немножко больше, чем получаете, как вам удается вообще приобретать что-нибудь, чтобы отдавать? — не унимался Арт.

Ниргал пожал плечами, бросил взгляд на Виджику и с намеком сжал ее талию.

— Кое-что мы находим или делаем сами, — сказала Виджика.

— Ага.

— Это дар экономии, — заметила Виджика.

— Что-что?

— Это часть того, как здесь все устроено. Есть

денежная экономика для старой системы купли-продажи, где в качестве денег используется перекись водорода. Но люди в основном стараются использовать перекись водорода по максимуму, в чем и заключается дар экономии. Вот что придумали суфии и люди из дома Ниргала.

— И Койот, — улыбнулся Ниргал.

Хотя когда Ниргал бросал взгляды на своего отца, то видел, что Арту было сложно представить его теоретиком от экономики. В ту минуту Койот бешено стучал по экрану планшета, играя с каким-то мужчиной в простенькую игру.

Проиграв, он спихнул соперника с подушки, на которой тот сидел, и провозгласил, что его рука соскользнула.

— Да я тебя дважды побью! — заявил Койот, и они взгромоздили локти на стол, напрягли руки и начали поединок.

— Армрестлинг! — воскликнул Арт. — Вот это я понимаю!

Койот проиграл в считаные секунды. Арт сел, чтобы сразиться с победителем. Он быстро выиграл, и вскоре стало ясно, что никто не может устоять против него. Богдановисты даже объединялись — и уже три или четыре руки пытались положить руку Арта на стол, однако он опроки-

дывал любую комбинацию.

— Победа за мной! — горделиво произнес он и ухмыльнулся. — Сколько азота я вам должен?

Чтобы избежать участка разбитой земли к северу от горы Олимп, им пришлось сделать изрядный крюк. Они ехали целую ночь и привычно отсыпались днем.

В долгие ночные часы Арт и Ниргал сидели за рулем и разговаривали. Арт задавал ему сотни вопросов, да и Ниргал не отставал: он был очарован Землей, как Арт — Марсом. Они сработались, каждый был интересен собеседнику, а это всегда прочное основание для дружбы.

Когда мысль о самостоятельном контакте с землянами впервые посетила Ниргала в студенческие годы, он даже оторопел. Но опасная идея, пришедшая ему в голову однажды ночью в Сабиси, крепла день ото дня. Ниргал обдумывал ее месяцами и проводил изыскания, чтобы понять, с кем ему контактировать и каким образом. Чем больше он узнавал, тем сильнее росло в нем ощущение, что мысль, в принципе, неплохая, хотя он часто подвергал потенциальный союз с землянами обстоятельной критике. И Ниргал понимал, что все члены первой сотни, которых он знал, не рискнут пойти на контакт. Значит, это будет только его решение. Он разделит и риски, и ставки…

Он начал именно с «Праксиса», поскольку мно-

го читал о нем. Это был выстрел наугад, как и большинство действий, основанных на чистом инстинкте. Он вспомнил поездку в Берроуз, прогулку в офис «Праксиса» в горе Хант, несколько раз повторенный запрос прямой линии с Уильямом Фортом… Он получил линию, хотя, если честно, маленькая победа еще ничего не означала. Но в тот момент, когда он приближался к Арту на улице Шеффилда, Ниргал уже не мучился сомнениями. Он сделал все правильно — и, разумеется, «Праксис» тоже.

Ну, а в самом Арте было что-то очень хорошее и внушающее доверие. Открытость, простота, дружелюбие. Обращаясь к детскому словарю Ниргала — баланс двух миров.

Он поверил этому человеку.

Один из признаков правильного поступка — то, что со временем он кажется неизбежным. А теперь в марсоходе, когда в свете тепловизора сменяли друг друга марсианские дни и ночи, они все говорили и говорили…

Их долгие нескончаемые беседы помогли им стать друзьями. Импульсивный порыв Ниргала к Земле увенчался успехом. Он сам стал свидетелем этого, часами наблюдая за Артом, а иногда просто глядя на его заинтересованное лицо.

Они затрагивали любые темы и видели друг друга насквозь. Они говорили о своем прошлом, мечтах, надеждах и страхах. Но большую часть времени Ниргал пытался просветить Арта насчет Зиготы и Сабиси.

— Я жил в Сабиси несколько лет и посещал открытый университет иссеев. Тебе предоставляется полная свобода и никакого учета там не ведется. Ты посещаешь курсы, которые тебя увлекли, и имеешь дело только с преподавателями. — Он помолчал и добавил: — Вообще-то в Сабиси не жалуют официальные бумаги. Сабиси — столица «полусвета», как Купол Фарсида, только крупнее. Великий город. Я познакомился с кучей людей со всего Марса.

Романтика Сабиси сквозила в речах Ниргала. Воспоминания наводняли его разум. Он думал об изобилии событий, чувств и личных переживаниях тех лет — противоречивых и несовместимых одновременно, — и они казались ему единым прекрасным полифоническим аккордом.

— Наверное, ты приобрел захватывающий опыт, — вставил Арт. — Ведь ты же вырос в Зиготе.

— Это точно!

— Слушай, расскажи мне еще что-нибудь про

Сабиси.

Ниргал склонялся в кресле, чувствуя легкую дрожь, и продолжал делиться с Артом воспоминаниями.

Поначалу он глядел на все, разинув рот. Иссеи делали невероятные вещи. Пока первая сотня ругалась, боролась и рассеивалась по Марсу, началась война. Многие либо погибли, либо ушли в подполье. Ну, а японские поселенцы — двести сорок человек — основали поселение через семь лет после прибытия первой сотни. Они высадились на Марсе и сразу же принялись обустраиваться на месте. Они адаптировались к последующим переменам, включая и появление мохола возле их укрытия. Однако они взяли его под контроль и использовали отходы в качестве строительного материала. Когда уплотнившаяся атмосфера позволила им выбираться наружу, они возделывали окрестности, каменистую и высокогорную область, не очень-то и приспособленную для садоводства. Постепенно вокруг вырос разбросанный гномий лес, крошечных размеров криволесье, с островками альпийских лугов.

В роковой 2061 год иссеи не покинули свой дом. Сабиси считался нейтральной территорией, и транснациональные корпорации оставили их

в покое. Иссеи предпочитали изолированность. Они укрепляли камнем из мохола извилистые серпантины дороги и неприметные пещеры, в которых могли спрятаться люди с юга.

Вот так они и создали «полусвет», самое изощренное и сложное сообщество Марса. «Полусвет» кишел вроде бы совершенно незнакомыми людьми, которые встречались по ночам в своих комнатках, чтобы общаться, принимать пищу, заниматься любовью. Но самая главная заслуга иссеев заключалась в другом. Именно они основали университет Марса. Многие студенты, возможно, треть от общего числа, были молоды и рождены на Марсе. Были ли они людьми поверхности или подполья, они всегда без труда узнавали друг друга — ведь они являлись уроженцами этой планеты! Они быстро различали в собеседнике тысячи едва заметных черт, которых у землян не было и в помине.

Они собирались вместе, играли на музыкальных инструментах и предавались любви. Сперва лишь немногие из уроженцев поверхности были посвящены в дела подполья, пока не стало казаться, что все дети Марса являются естественными союзниками.

Среди преподавателей были не только иссеи,

но и нисеи, а сам университет был переполнен вольнослушателями, которые прибывали из отдаленных марсианских городов. Временами здесь жили даже гости с Земли. Студенты стекались отовсюду. Они учились в чудесном университете, гуляли в садах и на улицах, отдыхали возле открытых павильонов, у прудов, в кафе и на широких бульварах. Это был своеобразный марсианский Киото.

В первый раз Ниргал увидел Сабиси во время своего краткого визита с Койотом. Сабиси взбудоражил его воображение. Город показался ему шумным и перенаселенным. Повсюду слонялись толпы народа! Спустя несколько месяцев, устав от монотонных путешествий по югу, он вспомнил Сабиси, и его потянуло в этот город иссев.

Сабиси превратился для Ниргала в единственно возможный пункт назначения.

И он поехал в Сабиси. Наргал поселился в мансарде под крышей, которая была меньше, чем бамбуковая комната в Зиготе. Сказать по правде, она оказалась немногим больше, чем его постель. Он ходил на занятия, бегал, играл в музыкальных группах калипсо и засиживался допоздна в кафе. Он выучил столько, сколько мог вместить его планшет. Он понял, каким невероятно про-

винциальным и невежественным был он сам. Койот передавал ему перекись водорода, которую Ниргал продавал иссеям, получая неплохие деньги. Каждый день становился очередным приключением, ведь тогда Ниргал почти никогда ничего не планировал. А иногда он встречался со столькими людьми, что едва не валился с ног от усталости.

Он изучал ареологию и экологическое конструирование — дисциплины, которыми интересовался в Зиготе. Кроме того, Ниргал посещал лекции по математическому обоснованию и штудировал учебники вместе с Эцу. Он понял, что унаследовал от матери дар ясно видеть взаимодействие компонентов системы. Вскоре он погрузился в это целиком. Что за необыкновенное, увлекательное занятие! Сколько человеческих жизней было посвящено тому, чтобы накопить гигантский массив знаний! Какое разнообразие, дарующее безграничные возможности в этом мире!

Добравшись до дома, он растягивался прямо на полу своей мансарды. Иногда он засыпал на кушетке у своего друга — после разговора о Закавказской войне со ста сорокалетним бедуином.

Утром он просыпался и учился, а вечером играл

на стальных барабанах или маримбах с дюжиной латиноамериканцев и полинезийцев, напившихся кавы. После этого он ложился в постель с одной смуглой красавицей, женщиной страстной, как и Джеки (в лучшие свои моменты), но более простосердечной.

Порой он срывался с места и вместе с друзьями бежал на театральную премьеру. Они смотрели постановки пьес Шекспира, к примеру, «Короля Иоанна». В такие вечера Ниргал невольно проводил параллели, лежащие между Иоанном и бастардом. Вдобавок ему казалось, что и сами персонажи, и изломы их трагических судеб современны, как никогда…

Ниргал с содроганием смотрел главную сцену, в которой Иоанн приказывает убить юного Артура. А после спектакля он шел с друзьями через весь город, дискутируя о пьесе. Ниргал говорил, что сюжет «Короля Иоанна» напрямую перекликается не только с судьбами иссеев, но описывает ситуацию на Марсе и расстановку сил на Земле.

Потрясающе!..

И наступал следующий день. Некоторые из студентов устраивали себе полевые работы. Они носились по окрестностям до изнеможения, исследуя ландшафт и стремясь увидеть все своими

глазами, а потом могли остаться за городом. Тогда Ниргал вместе со своими приятелями ночевал в походной палатке, устроив кемпинг в крутом кратере на востоке от Сабиси. Они разогревали еду в марсианских сумерках, когда на фиолетовом небе загорались звезды, а альпийские цветы прятались в скальном основании, которое держало их всех, словно ладонь гиганта.

Дни непрерывного общения с незнакомыми людьми научили Ниргала многому. Он ценил их столь же сильно, как и часы, проведенные в университетской аудитории. Не то чтобы в Зиготе этому не уделялось внимания: ее обитатели тоже разнились между собой, и Ниргала мало чем можно было удивить.

Однако лишь в Сабиси он понял, что вырос в месте вроде психиатрической лечебницы для эксцентриков — людей, изрядно покореженных первыми напряженными годами на Марсе.

А Сабиси не переставал его изумлять. Люди, которые родились не в Зиготе — и северяне в особенности, — гораздо меньше контактировали друг с другом физически, чем привык Ниргал. Они не обнимались и не предавались взаимным ласкам, не толкались и не дрались. Они и не купались «всем выводком», как в Зиготе, хотя

некоторые научились этому в публичных банях Сабиси. Ниргал своими прикосновениями всегда заставал их врасплох. Он говорил диковинные вещи и любил бегать целыми днями.

Вскоре Ниргала вовлекли в самые разнообразные сообщества, ячейки и банды. Однако он знал, что сможет в любой момент их покинуть, хотя и стал негласным лидером уже нескольких неформальных организаций.

Так продолжалось из дня в день: днем Ниргал учился, встречался с друзьями в кафе и носился по городу как угорелый.

В Сабиси появилась и так называемая «компания Ниргала». Но он быстро научился уклоняться от славы, которая свалилась ему на голову. Правда, иногда ему нравилась роль вожака. Чаще всего это происходило в присутствии Джеки.

— Снова Джеки! — заметил Арт.

Ниргал упомянул ее не в первый раз и даже не десятый. И теперь кивнул, чувствуя, как бьется сердце.

Джеки тоже переехала в Сабиси некоторое время спустя после Ниргала. Она сняла комнату неподалеку и посещала часть курсов, которые выбрал Ниргал. Они выделялись среди сверстников, а когда встречались, то хвастались своими

победами. Забавно, но, судя по рассказам обоих, они часто оказывались в схожих ситуациях, когда один из них либо соблазнял кого-то, либо сам становился объектом соблазнения.

Но они были вынуждены отказаться и от этого сомнительного удовольствия, дабы не распугать всех партнеров. Тех, впрочем, было в избытке. В общем, они оставили друг друга в покое, кроме тех случаев, когда одному слишком сильно не нравился выбор другого. Таким образом, они оценивали собственных партнеров и безмолвно признавали влияние друг друга.

В тот период, сталкиваясь, они не произносили ни единого слова — редкое поведение и для Джеки, и для Ниргала! Но именно таким образом они и признавали свою, можно сказать, обоюдную власть друг над другом.

Они оба общались с ровесниками и преподавателями, заводили новые знакомства, друзей и любовников. Иногда они неделями не виделись, но на некоем глубинном уровне (Ниргал печально качал головой, пытаясь объяснить свои переживания Арту) они «принадлежали друг другу».

Если одному из них нужно было найти реальное доказательство их связи, другой тут же

азартно принимался за дело, и оба шли в этом до конца. Такое случилось всего лишь трижды за три года их пребывания в Сабиси.

Итак, Ниргал знал благодаря встречам с Джеки, что они оба связаны. Их объединяло детство в Зиготе и то, что произошло позже, но здесь крылось и нечто большее. Все, что они делали вместе, отличалось от их взаимоотношений с другими людьми и было гораздо сильнее.

Ни один из его знакомых не мог сравниться с Джеки по значимости или опасности. Ниргал обзавелся кучей друзей: сперва их было сто, а затем — пятьсот. И он никогда никому не отказывал. Он задавал вопросы, слушал и редко спал. Он посещал собрания пятидесяти различных политических организаций, соглашался со всеми, а ночи проводил в спорах, решая судьбу Марса и человеческой расы. С некоторыми людьми он ладил лучше, чем с другими. Он мог болтать с северянами и почувствовать мгновенную эмпатию — с нее-то и начиналась истинная дружба, которая могла длиться вечно. В основном так и происходило. Но иногда он бывал крайне поражен каким-либо поступком, абсолютно чуждым его пониманию, что опять напоминало Ниргалу, какое тесное и душное окружение было в Зиготе.

И поэтому он все-таки оставался невинен, словно фея, выросшая в раковине галиотиса.

— Нет, меня сформировала не Зигота, — сказал он Арту, глядя ему за спину (Ниргал хотел убедиться, что Койот спит). — Ты не можешь выбирать свое детство, оно просто случается. Но, когда ты вырастаешь, у тебя появляется выбор. Я выбрал Сабиси. И он сформировал меня по-настоящему.

— Возможно, — пробормотал Арт, потирая подбородок. — Но детство — это не только прошлое, но и мнение, которое ты формируешь о нем. Поэтому-то мы порой и остаемся детьми.

Однажды на рассвете сливовый цвет неба на севере был подсвечен эффектными ребрами хребта Ахерона. Горы нависали надо всем, как монолитный Манхэттен, еще не разрезанный на отдельные небоскребы. Пестрая, искромсанная каньонами земля под ребрами казалась нарисованной.

— Сколько лишайников! — воскликнул Койот.

Сакс забрался на соседнее сиденье и приклеился носом к ветровому стеклу. Он проявлял такое воодушевление, какого они не видели с момента его спасения.

Под одним ребром Ахерона виднелась линия

зеркальных окон, напоминающая бриллиантовое ожерелье, а на вершине гребня торчал длинный зеленый клок под эфемерным блеском купола.

— Похоже, там снова кто-то поселился! — заявил Койот.

Сакс кивнул.

— Интересно кто? — спросил Спенсер, смотревший им через плечо.

— Никто, — ответил Арт. Они уставились на него, и он продолжил: — Я слышал об этом во время вводных лекций в Шеффилде. Здесь реализован проект «Праксиса». Они перестроили все, что только можно, и наладили системы жизнеобеспечения. А теперь они ждут.

— Чего?

— Сакса Расселла. А еще — Танеева, Кол, Токареву… — Он посмотрел на Сакса и пожал плечами, словно извиняясь.

Сакс прокаркал что-то нечленораздельное.

— Эй! — всполошился Койот.

Сакс хорошенько прокашлялся, попробовал снова. Его рот округлился, и ужасный звук зародился в глубине его горла.

— О-о-о-о-о-о!..

Затем Сакс посмотрел на Ниргала, знаками

давая понять, что именно Ниргал может быть «переводчиком».

— Почему? — сообразил Ниргал.

Сакс кивнул.

Ниргал почувствовал, что его щеки вспыхнули, а по позвоночнику пробежался прямо-таки электрический разряд острого облегчения. Он подскочил на месте и крепко обнял Сакса.

— Вы понимаете!

— А то, что находится на Ахероне, — просто своеобразный символический жест, — добавил Арт. — Это была идея Форта, человека, который основал «Праксис». Может, они вернутся, сказал он людям в Шеффилде. Не знаю, продумывал он детали или нет.

— Форт очень странный, — буркнул Койот, и Сакс снова кивнул.

— Верно, — подтвердил Арт. — Но мне бы хотелось, чтобы вы с ним встретились. Почему-то он напоминает мне Хироко, с которой я заочно знаком по вашим рассказам.

— А он в курсе, где мы находимся? — спросил Спенсер.

Сердце Ниргала забилось чаще, но Арт ничуть не смутился.

— Понятия не имею, но думаю, он кое-что подо-

зревает. Он хочет, чтобы вы были здесь.

— Где он живет? — выпалил Ниргал.

— Не представляю. — Арт описал свою поездку к Форту. — Вероятно, где-то у Тихого океана. Но если бы я мог сообщить ему… — Он умолк и добавил: — Ну, может быть, позже.

Сакс смотрел через смотровое окно марсохода на горный хребет и на узкую линию освещенных окон, за которыми могли скрываться тихие стерильные лаборатории. Койот потянулся, положил ладонь ему на шею.

— Хочешь вернуться, да, дружище?

Сакс что-то невнятно прокаркал.

На пустой равнине Амазонии было несколько поселений. Они забрались в самую глушь, и марсоход стремительно катил на юг ночь за ночью.

Как всегда, они отсыпались днем в затемненном жилом отсеке. А поиск подходящих укрытий оставался насущной проблемой. На открытом пространстве их «булыжник» выделялся, словно валун, принесенный ледником, а Амазония представляла собой плоскую равнину. Они часто прятались в тени ближайшего кратера, который попадался им на пути. После завтрака Сакс часто упражнялся, выкашливая из горла непонятные слова. Он отчаянно старался научиться разгова-

ривать заново, но терпел поражение. После этого Ниргал очень расстраивался — даже больше, чем, казалось, сам Сакс, который вроде бы не слишком страдал. А в те последние недели Ниргал и не пытался поговорить с Саймоном…

Койот и Спенсер радовались и столь малому прогрессу. Они часами задавали Саксу вопросы и прогоняли его по тестам, которые нашли в планшетах. Оба пытались понять, что именно случилось с их другом.

— Очевидно, афазия, — предположил Спенсер. — Боюсь, допрос спровоцировал инсульт. А некоторые инсульты приводят к нединамической афазии.

— А есть еще и динамическая?

— Да. При такой афазии пациент не может ни читать, ни писать, у него возникают сложности с речью и поиском нужного слова, однако он все это осознает.

Сакс тотчас кивнул.

— При другом типе афазии пациент может постоянно болтать, однако его речь совершенно бессмысленна.

— Я знаю людей с подобной проблемой, — фыркнул Арт.

Спенсер проигнорировал шутку Рэндольфа.

— Мы должны доставить Сакса к Владу, Урсуле и Мишелю.

— Мы этим и заняты, — заявил Койот и, прежде чем лечь на свою койку, сжал руку Сакса.

На пятую ночь после того, как они уехали от богдановистов, марсоход достиг экватора и двойного барьера из упавшего лифтового троса. Койот и раньше преодолевал эту преграду — он шел через ледник, который образовался при прорыве водоносного слоя в 2061 году в долине Мангала. Тогда стремительный водный поток с кусками льда спустился по руслу на целых 150 километров. А когда вода замерзла, ледник закрыл собой оба отрезка упавшего троса — на сто пятьдесят второй долготе. Некоторое время назад Койот обнаружил тропу на необыкновенно гладком участке и вновь стал марсианским «первопроходцем».

К сожалению, когда они приблизились к леднику Мангала — свалявшейся массе покрытого гравием коричневого льда, который заполнил дно долины, — то обнаружили, что с последнего визита Койота все изменилось.

— А где же моя дорога? — вопрошал Койот. — Куда она подевалась?

Сакс захрипел и принялся махать руками, не

спуская глаз с долины Мангала.

Ниргалу было трудно воспринимать застывший пейзаж. Он напоминал визуальные помехи — клочки грязно-белого, серого, черного, рыжего, наплывающие друг на друга так, что невозможно было оценить ни расстояние, ни форму, ни размер ледника.

— Может, ты ошибся, и мы сбились с пути? — предположил он.

— Я ручаюсь, — ответил Койот.

— Ты уверен?

— Я оставил маркеры. Видишь, участок, который ныряет под боковую морену? За ним-то и должна находится моя дорога, ведущая вверх, на гладкий лед! Но она исчезла! Везде стены проклятых айсбергов. Вот черт! Я десять лет пользовался этим маршрутом! — кипятился Койот.

— Тебе повезло, что она продержалась так долго, — ответил Спенсер. — Марсианские ледники медленнее, чем земные, но они тоже подтаивают.

Койот зарычал. Сакс закашлялся и указал на внутреннюю дверь шлюза. Он хотел выбраться наружу.

— Почему бы нет? — пробормотал Койот, уставившись на карту на экране. — Мы вынуждены

торчать тут целый день.

И в предрассветных сумерках Сакс побрел по вспаханным завалам ледника. Ниргал внимательно за ним наблюдал. Сакс казался крошечным — прямоходящее существо с льющимся из шлема светом. Некая глубоководная рыба, тыкающаяся вокруг в поисках еды. У Ниргала заныло сердце. Он надел скафандр и вышел наружу, чтобы составить компанию старику.

Он сразу же окунулся в марсианское холодное, серое утро и переступал с камня на камень, следуя за Саксом в его неровном курсе через морену. Конус головного фонаря Ниргала поочередно подсвечивал жуткие маленькие миры. Дюны и камни вперемешку с колючими растениями заполняли трещины и впадины ледника. Все вокруг было блеклым, но растения все же отливали оливковым, хаки или коричневым — со случайными светлыми вкраплениями цветов, без сомнения, ярких под солнцем, но тусклых среди толстых листьев. Через интерком Ниргал слышал, как Сакс прочищает горло. Внезапно тот указал на камень. Ниргал нагнулся, чтобы посмотреть. В трещинах росло нечто вроде грибов с черными точками на сморщенных шапках, сбрызнутых белыми крупицамм «соли». Сакс

закаркал, когда Ниргал дотронулся до растения. Ниргал вздохнул: невозможно было понять, чего Сакс хочет.

— Р-р-р-р!

Ниргал отдернул руку, и они посмотрели друг на друга.

— Все в порядке, — пробормотал Ниргал, вновь пораженный воспоминанием о Саймоне.

Они подошли к соседнему островку листьев. Области, поддерживавшие жизнь растений, походили на крошечные комнатки, разделенные перегородками из камней и песка. На каждом морозном клочке каменистой пустыни Сакс, неловко спотыкаясь на ходу, проводил минут по пятнадцать. «Удивительно, что здесь выросло столько растений», — подумал Ниргал.

Лишь после того, как они заглянули в несколько ущелий подряд, Ниргал заметил, что некоторые виды повторяются снова и снова. Однако ни один из них не напоминал растения, которые они выращивали в Зиготе, да и в дендрариях Сабиси таких точно не было. Может, это флора первого поколения? Ниргал присмотрелся к лишайникам, мху и траве… Странно, но они все-таки показались ему знакомыми. Они ежились вместе и образовывали поляны, как и те, что росли в

высоко расположенных бассейнах Сабиси. Что за парадокс?

Сакс молчал, и лишь его фонарь служил указующим перстом. Ниргал помогал Саксу, часто направлял луч своего фонарика на ту же точку, чтобы усилить освещение. Наконец, небо порозовело, и солнце выкатилось из-за горизонта. Ниргал подумал, что они стоят в тени самого Марса.

— Др!.. — вдруг гаркнул Сакс и направил свет фонаря на покрытый гравием склон, выше которого раскинулась сеть веток: ее словно разместили там специально, чтобы удерживать обломки щебня.

— Др…

— Дриада, — догадался Ниргал.

Сакс решительно кивнул. Камни под ногами покрывали светло-зеленые заплаты лишайника.

— Яб-ло-ко. Крас-ный. Мох, — по слогам произнес Сакс.

— Эй! — воскликнул Ниргал. — Отлично!

Солнце уже отбрасывало их тени на каменистый склон. Цветки дриады озарились лучами, и Ниргал увидел лепестки слоновой кости и бананово-желтые тычинки.

— Дри-ада, — прокаркал Сакс.

Свет их фонарей стал теперь еле различим, и дриада засияла в полноцветии дня. Ниргал услышал странный звук по интеркому и заглянул в шлем Сакса — тот плакал, и слезы катились по его щекам.

Ниргал корпел над картографией района.

— У меня есть идея, — сказал он Койоту.

Ночью они отправились к кратеру Николсона, лежащему в четырехстах километрах к западу. Упавший трос должен был приземлиться как раз там, по крайней мере — на первом своем обороте. Ниргал считал, что рядом с ободом кратера будет расселина или проход.

Они взобрались на пологий северный склон Николсона и подъехали к разрушенному ободу. Марсоход затормозил. Перед взором Ниргала предстало жутковатое зрелище — черная линия пересекала жерло примерно в сорока километрах от марсохода. Она напоминала артефакт древней забытой расы гигантов.

— Большой Человек потерял… — начал Койот.

— Волос, — предположил Спенсер.

— Или черную зубную нить, — сказал Арт.

Внутренняя стена кратера была гораздо более крутой, чем склон, но по ободу вились многочисленные тропы, и им было из чего выбирать. Они без труда спустились по стабилизировавшемуся склону оползня и пересекли дно кратера, следуя изгибу западной внутренней стены. Вскоре они приблизились к тросу лифта. Тот появлялся из углубления, пробитого в ободе кратера, и гра-

циозно опускался на самое дно, как подвесной подземный мост.

Марсоход медленно потащился вперед. Там, где трос выходил из обода, он почти на семьдесят метров поднимался над жерлом, а опускался вниз лишь через километр.

Они направили видеокамеры марсохода вверх и с любопытством смотрели на монитор. Но на фоне звезд детали черного цилиндра слились в единое целое. Можно было только гадать, что произошло здесь на самом деле.

— Красиво, — заметил Койот, когда они проехали плавный изгиб эоловых отложений[28] над второй пробоиной в ободе кратера. — Будем надеяться, что у нас не будет проблем.

От южного края кратера Николсона они могли просматривать пространство на многие километры вперед, а на полпути к горизонту черная линия обозначала второе падение троса. Разрушения впечатляли: два вала выбросов шли параллельно друг другу, как своеобразная изгородь. В траншее, образовавшейся при ударе о

---

[28] Примечания: 28

Накопления тонкого рыхлого материала, принесенного ветром. Формируются за счет различных горных пород, в том числе песчаных, морских, дельтовых, аллювиальных, пролювиальных, озерных и флювиогляционных отложений.

равнину, самого троса почти не было видно.

Когда они подъехали ближе, виляя между громадными валунами (те были выброшены наружу), то увидели, что от самого троса осталась лишь разбитая груда черного щебня. Эта насыпь углерода достигала трех, а иногда и пяти метров в высоту. Ее края оказались очень круты, и взобраться по ним на марсоходе не представлялось возможным.

Но дальше на востоке в насыпи из обломков виднелась впадина, где они и обнаружили следы метеорита. Он разбил весь кабель и столь яростно разбросал обломки, что образовался новый низкий кратер. То был неупорядоченный хаос, теперь ни одного более-менее серьезного булыжника не стояло у них на пути, и все приободрились.

— Невероятно! — хохотнул Койот.

Сакс покачал головой.

— Деи… Деи…

— Фобос, — сказал Ниргал, и Сакс кивнул.

— Ты думаешь? — воскликнул Спенсер.

Сакс пожал плечами, но Спенсер и Койот с энтузиазмом принялись обсуждать такую возможность. Кратер имел овальную форму, что подтверждало гипотезу о низком угле падения. Сама идея о случайном метеоре, попавшем в

кабель за сорок лет после крушения лифта, была маловероятной, за исключением одного «но». Если все осколки Фобоса обрушились в экваториальной зоне, то один из них мог запросто ударить в трос. Здесь не было ничего удивительного.

— Это весьма кстати, — промурлыкал Койот, когда они обсудили свой маршрут через кратер и переправили марсоход на южную сторону.

Они припарковались у громадного скального обломка, надели скафандры и пошли на разведку.

Повсюду валялись куски брекчиевых пород. Ниргал принялся озираться по сторонам. Он уже не понимал, где разрушения, сделанные метеором, а где камни, которые выбросил трос. Но Спенсер неплохо разбирался в этой области и взял несколько образцов. Они, по его словам, были экзотическим углистым хондритом, вероятно, пресловутыми осколками Фобоса.

Для полной уверенности, конечно, требовался химический анализ. Когда они вернулись обратно в марсоход, Спенсер занялся образцами. Он осмотрел свои находки под стократным увеличением и с уверенностью заявил, что это настоящие осколки Фобоса.

— Аркадий показывал мне фрагмент Фобоса.

Он точно такой же!

Они передавали друг другу тяжелый, обугленный, черный кусок метеорита и качали головами.

— Брекчирование при падении изменило его, — произнес Спенсер и взвесил образец на ладони. — Думаю, его нужно назвать фобосит.

— Не самый редкий камешек на Марсе, — подытожил Койот.

К юго-востоку от кратера Николсона, протянувшись в сердце взгорья более чем на триста километров, раскинулись два параллельных каньона борозды Медузы. Койот решил придерживаться восточной Медузы — самого крупного из двух образований.

— Когда есть возможность, я предпочитаю двигаться по каньонам и приглядывать для себя пещеры или козырьки. Так я нахожу потайные убежища.

— А если ты наткнешься на поперечный уступ, который пересекает каньон? — поинтересовался Ниргал.

— Тогда я еду обратно. Можешь не сомневаться, я возвращался назад бессчетное количество раз.

И марсоход пополз по каньону, дно которого было преимущественно плоским.

На следующую ночь они опять двигались на юг. Внезапно дно каньона начало бугриться гигантскими ступенями, с которыми марсоход плохо справлялся. Спустя полчала они достигли еще более высокого уровня каньона. Сидевший за рулем Ниргал, нажал на тормоз.

— Я вижу дома!

Они столпились вокруг Ниргала, чтобы посмотреть через ветровое стекло. На горизонте, под восточной стеной каньона, притулилась группка белокаменных домиков. Купол над поселением отсутствовал. После внимательного изучения снимков, сделанных под разными углами и при разных фильтрах, Койот пожал плечами.

— Нет следов электричества или тепла. Похоже, никого и впрямь нет дома. Ха! Давайте-ка прогуляемся и посмотрим.

Марсоход приблизился к массивному сколу отвесной стены каньона и опять затормозил. С этого расстояния было прекрасно видно, что здания находятся на некотором расстоянии друг от друга. Они казались монолитными каменными блоками, словно при их строительстве использовалась селитра из пустошей к северу от горы Олимп. Светлые фигурки неподвижно застыли между зданиями, круглая площадь была окруже-

на белыми деревьями.

Ниргал ошеломленно заморгал.

— Статуи, — изрек Спенсер. — Каменный город!

— Ме! — рявкнул Сакс и сердито застучал по приборной панели, поразив своих друзей четырьмя резкими хлопками. — Ме! Ду! Са!

Спенсер, Арт и Койот расхохотались. Они хлопали Сакса по плечам, будто хотели повалить его на пол. А когда все угомонились, то облачились в скафандры, выбрались из марсохода и направились к каменному поселению.

Твердые стены, словно сделанные из цельного куска мыла, устрашающе сверкали в свете звезд. Здесь было около двадцати зданий, множество деревьев и пара сотен человек, а также десятки львов, свободно расположившихся между людьми. И статуи, и дома были вырезаны из камня, который Спенсер определил как алебастр.

Центральная площадь казалась заледеневший, будто вся жизнь тут неожиданно оборвалась вместе с течением времени. Ниргал подошел поближе. На площади имелся и переполненный фермерский рынок с торговцами, и толпа зевак, которые собралась вокруг мужчин, играющих в шахматы. Фигуры на доске были высотой по

грудь. Черные фигуры и темные квадраты резко контрастировали с окружением — оникс в алебастровом мире.

Другая группа каменных людей наблюдала за жонглером, а тот следил взглядом за невидимыми шарами. Три льва внимательно смотрели на представление, приоткрыв пасти. Ниргал подумал, что еще секунда, и они оживут. У какого-нибудь льва встанет дыбом шерсть на загривке, и он выхватит шар у жонглера, а люди начнут смеяться… Человеческие лица и морды хищников были почти лишены черт, но каждая из них каким-то образом выражала определенную эмоцию.

— Посмотрите на круговую расстановку зданий, — заметил Спенсер по внутренней связи. — Это архитектура богдановистов или нечто очень похожее.

— Богдановисты никогда не рассказывали мне ни о чем подобном, — возразил Койот. — Вряд ли они сюда добрались. Я не знаю никого, кто бывал в этих местах. Мы находимся далеко от цивилизации. — Он ухмыльнулся. — Кто-то изрядно потрудился!

— Люди порой делают странные вещи, — ответил Спенсер.

Ниргал бродил вокруг, не обращая внимания на реплики, звучащие в интеркоме. Всматривался в полустертые лица, взволнованно заглядывал в двери и окна белокаменных домиков. У него было такое чувство, что скульптор создал свое произведение для того, чтобы поговорить с ним, поделиться своим авторским видением.

Белый мир его детства пробивался наружу прямо сквозь зеленый цвет. Или сквозь красный — в данном конкретном случае… И было в этом нечто загадочное. Не просто неподвижность, но умиротворенность и гармония всех фигур, плавное спокойствие поз. Марс мог быть таким. Без необходимости прятаться, без распрей: дети бегают по рынку, львы ластятся к ним, как домашние кошки…

После затянувшейся прогулки по алебастровому городу они вернулись в марсоход и продолжили путешествие. Через пятнадцать минут Ниргал заметил очередное творение — белый барельеф лица, выступающий из скалы напротив города.

— А вот и Медуза, — заявил Спенсер, отставив кружку с напитком.

Василисковый взгляд горгоны смотрел назад, на город, тогда как змеи ее волос уползали в обрыв скалы, словно камень ухватил Медузу за

серпантиновый хвост и удерживал от появления на Марсе.

— Красиво, — признал Койот. — Кстати, если это не автопортрет скульптора, тогда я сильно ошибаюсь.

Марсоход поехал дальше, не затормозив, а Ниргал с любопытством уставился на исполинское изображение. В нем сквозили азиатские черты, но такое впечатление могли придать забранные назад волосы-змеи. Ниргал постарался запомнить барельеф, чувствуя, что из камня вырезан некто, смутно ему знакомый…

Они выбрались из каньона Медузы до рассвета и остановились, чтобы переждать день и спланировать следующий шаг. За кратером Бартона, который раскинулся перед ними, начиналась борозда Мемнония. Она рассекала землю на сотни километров, блокируя проход на юг. Им нужно было направиться на запад, к кратерам Уильямс и Эйриксон, затем — снова на юг, к кратеру Колумбия, а после проскользнуть через проход в борозде Сирен и опять двинуться на юг.

Они бесконечно лавировали среди кратеров, расселин, уступов и провалов. По сравнению с равнинами севера, южное нагорье было крайне сложным для навигации. Арт посетовал на это, и

Койот раздраженно оборвал его нытье.

— Мы на Марсе, а не в открытом космосе, приятель. На планете должен быть ландшафт.

Каждый день они вставали по звонку будильника ровно за час до заката. Они провожали последние солнечные лучи, поедая завтрак и наблюдая за резкими цветными тенями, которые были разбросаны по неровному марсианскому рельефу. И каждую ночь они вели марсоход, не имея возможности поставить его на автопилот, пробираясь сквозь разбитую местность километр за километром.

Ниргал и Арт часто дежурили вместе и продолжали вести долгие полуночные беседы. А когда звезды тускнели и рассвет окрашивал небо на востоке в ярко-фиолетовый цвет, они искали участок, где их «булыжник» был бы совсем незаметен (минутная задачка на этой долготе, практически вопрос остановки, как однажды выразился Арт).

Они поглощали наспех приготовленный ужин и через два часа любовались взрывным восходом солнца, во время которого пейзаж превращался в гигантское затененное поле. Потом шло совещание и редкие прогулки наружу, после чего лобовое стекло затемнялось, и они спали весь день.

В конце очередного ночного разговора, когда они вспоминали детство, Ниргал сказал:

— Похоже, до Сабиси я не понимал, что такое Зигота…

— Она необычная? — спросил Койот со спального мата позади. — Уникальная? Чудная? Хирокообразная?

Ниргал не удивился тому, что Койот подал голос. Старик часто ворочался и порой в полусне отпускал комментарии по поводу историй Ниргала и Арта. Они, впрочем, игнорировали его, и он тут же засыпал. Но на сей раз Ниргал ответил.

— Полагаю, что Зигота отражает Хироко. Она очень замкнута.

— Ха! — выдохнул Койот. — Прежде она была иной.

— Когда? — встрепенулся Арт, поворачиваясь в кресле и приглашая Койота к диалогу.

— Давным-давно, — ответил Койот. — В доисторические времена на Земле.

— Вы познакомились на Земле?

Койот утвердительно кивнул. Он никогда не откровенничал с Ниргалом насчет Хироко. Но теперь, в присутствии Арта — когда в целом мире не спали лишь они трое, — Койота потянуло исповедоваться. В свете инфракрасной камеры его

тонкое изломанное лицо приобрело другое выражение, отличное от его «дневного» — упрямого и немного угрюмого.

Арт склонился над ним и жестко спросил:

— А как вы попали на Марс?

— Боже мой, — произнес Койот и перевернулся на бок, подперев голову левой рукой. — Как трудно вспоминать прошлое! Это словно эпическая поэма, которую я выучил сто лет назад, но теперь едва ли смогу процитировать.

Он взглянул на них и прикрыл глаза, как будто вспоминая первые строки той эпической поэмы. Двое младших смотрели на старшего в ожидании.

— Конечно, инициатором стала Хироко. Мы быстро подружились. Познакомились в юности, когда учились в Кембридже. Нам обоим было холодно в Англии, и мы согревали друг друга. Это случилось до того, как она встретила Ивао, и задолго до того, как превратилась в мать-богиню. А в Англии у нас было много общего. В Кембридже мы оказались чужаками и отлично поладили. Между прочим, мы жили вместе пару лет. Очень похоже на то, что Ниргал рассказывал о Сабиси. Даже на то, что он говорил о Джеки. Хотя Хироко…

Койот зажмурился: наверное, он пытался сосредоточиться.

— Вы остались вместе? — спросил Арт.

— Нет. Она вернулась в Японию, и я последовал за ней, но мне пришлось уехать в Тобаго, когда мой отец умер. И ситуация усложнилась донельзя. Но мы были на связи, встречались на научных конференциях — и тогда либо ругались, либо клялись друг другу в вечной любви. Или то и другое одновременно. Мы и сами не знали, чего хотели. Нам чего-то явно не хватало, и мы искали ответ на какой-то невысказанный вопрос. Впрочем, не знаю… А вскоре начался отбор в первую сотню. Но я угодил в тюрьму в Тринидаде из-за протестов против законов «удобного флага». Хотя если бы я был на свободе, я бы не имел ни единого шанса. Я и не думал, что полечу на Марс. Но Хироко помнила наши клятвы, а может, считала, что я ей пригожусь. До сих пор не могу понять, что из двух. В общем, она связалась со мной и заявила, что вызволит меня из тюрьмы. Если я соглашусь присоединиться к ней, она спрячет меня на ферме «Ареса», а потом меня транспортируют в марсианскую колонию. Надо признать, она всегда мыслила дерзко.

— А вам ее идея не показалась безумной? — по-

интересовался Арт, сделав большие глаза.

— Конечно, показалась! — Койот рассмеялся. — Но все гениальные идеи безумны, верно? А в то время мои перспективы были весьма печальны. И если бы я не решился на авантюру, то мог бы навсегда распрощаться с Хироко. — Он покосился на Ниргала и криво усмехнулся. — Короче говоря, я сказал «да». Хироко могла похвастаться своими японскими друзьями. Это были настоящие сорвиголовы. Однажды ночью трое ребят в масках вывели меня из камеры, а вся охрана в тюрьме к тому моменту была мертва. На вертолете мы отправились на танкер, который доставил меня в Японию. Там уже вовсю кипела работа — японцы строили космическую станцию, которую русские и американцы использовали для создания «Ареса». Меня доставили туда на новеньком орбитальном самолете, и я проскользнул на «Арес» прямо перед завершением строительства. Они запихнули меня в кучу фермерского оборудования, которое заказала Хироко, и пожелали счастливого пути! Тогда я и начал жить сам по себе! Я голодал, пока «Арес» не стартовал к Марсу. Но Хироко позаботилась обо мне. Я спал в шкафу в углу свинарника и держался вне поля зрения. Это оказалось гораздо проще, чем можно поду-

мать, поскольку «Арес» и сам был немаленького размера. А когда Хироко перестала сомневаться в фермерской команде, она представила меня остальным. И ситуация упростилась. Хотя после приземления стало опять тяжело… особенно в первые недели. Я спустился в модуле с другими работниками, и они помогли мне устроиться в туалете какого-то трейлера. Хироко торопилась построить теплицы — лишь бы достать меня из туалета, по крайней мере, так она утверждала.

— Вы жили в туалете?

— Пару месяцев. Там было хуже, чем в тюрьме. А переехав в теплицу, я начал работать над сбором материалов, необходимых для будущего убежища. Ивао спрятал содержимое нескольких грузовых контейнеров прямо на старте, и на Марсе мы собрали из запчастей марсоход… Я покинул Андерхилл и начал изучать безумные ландшафты и подыскивать места для тайных укрытий. Я перетаскивал в эти берлоги запасы продовольствия и прочие вещи. Кстати, я провел на поверхности больше времени, чем кто бы то ни было, даже Энн. Когда на поверхность выбралась команда фермеров, я уже заделался волком-одиночкой. Только я и Большой Человек бродили по планете. И доложу вам, это было похоже на

рай. Нет, не так… То был Марс, истинный Марс! Думаю, я свихнулся тогда. Но я так его любил… Не могу об этом говорить…

— Вы, должно быть, нахватали облучения.

Койот расхохотался.

— Я пережил солнечный шторм на Аресе! Я получил столько рем, что первая сотня со мной, конечно, не сравнится… кроме, наверное, Джона. Вероятно, этот факт и сыграл решающую роль. И вот он — я, — Койот пожал плечами, взглянув на Арта и Ниргала. — Безбилетный пассажир.

— Поразительно, — пробормотал Арт.

Ниргал кивнул. Никогда раньше ему не удавалось разговорить отца хотя бы на десятую часть того, что он сообщил им сейчас.

Теперь Ниргал переводил взгляд с Койота на Арта, удивляясь, как Арту удалось провернуть подобный трюк. Но Арт и с самим Ниргалом проделывал то же самое. Ведь Ниргал рассказывал не только о Зиготе и Сабиси, но и охотно делился с Артом своими глубинными переживаниями. Он говорил с Артом начистоту, пытаясь объяснить (и себе, и ему), что для него значило то или иное событие — а это было гораздо сложнее, чем пустой треп двух приятелей.

Очевидно, таков был талант Арта, хотя Ниргал

не мог толком объяснить, в чем именно он заключался. Арт просто доброжелательно смотрел на собеседника и иногда задумчиво кивал головой. А еще в его глазах всегда пылал неподдельный интерес, и он без устали задавал всем и каждому смелые вопросы, игнорирующие нюансы и ведущие прямо к сути вещей. Ну, а они, в том числе и Ниргал, сразу же отвечали Арту. Они словно ждали от него новых вопросов, чтобы высказать свое мнение и вновь вернуться в прошлое. Даже старый отшельник Койот — и тот раскололся.

— Однако скрываться легко, — продолжал тем временем Койот. — Вы же меня понимаете, да? А вот активно действовать из подполья сложновато. — Он нахмурился и ткнул пальцем в Ниргала. — Именно поэтому мы должны вылезти из наших укрытий и сразиться в открытую! Вот почему я послал тебя в Сабиси, Ниргал!

— Что? — возмутился Ниргал. — Ты же сам сказал, чтобы я не ехал! Ты заявил, что Сабиси погубит меня!

— Как иначе можно было тебя заставить?

Ночная изолированная жизнь составила лучшую часть их путешествия, но в конце концов они достигли населенного региона. Здесь находился мохол, вырытый посреди кратеров Гиппарх, Ев-

докс, Птолемей и Ли Фан, и имелось несколько урановых шахт на склонах. Койот даже не предлагал устраивать тут саботаж, и они миновали мохол Птолемея, поскорее убравшись восвояси.

Потом они доехали до борозды Таумасия, пятого из шести громадных образований, встретившихся им по пути. Арт буквально сгорал от любопытства. Спенсер объяснил ему, что возвышенность окружена образованиями, которые появились в результате разломов. Вот почему здесь повсюду попадаются такие массивы, а когда они обогнут этот участок, то, конечно же, снова наткнутся на очередную борозду.

Сама Таумасия была колоссальной, а в ней расположился город Сензени-На. Его заложили у следующего из сорокаградусных мохолов, который вырыли самым первым: до сих пор он оставался самым глубоким из своих «собратьев».

К этому моменту они путешествовали уже две недели, поэтому решили сделать привал, отдохнуть и пополнить запасы из тайника Койота. Они проехали к югу от Сензени-На и почти на рассвете петляли между древними каменными буграми. Но когда они добрались до нижней оконечности оползня, скатившегося с разбитого уступа, Койот выругался. На земле виднелись отпечатки

следов марсохода, рассыпанные, смятые газовые баллоны, коробки из-под еды и контейнеры от горючего.

Арт прищурился.

— Ваш тайник? — спросил он, чем спровоцировал громкий приступ ругани. — Кто здесь побывал? Полиция?

Никто ему не ответил. Сакс бросился к правому водительскому сиденью, чтобы проверить оставшиеся запасы. Койот, яростно ворча, плюхнулся в левое кресло. В конце концов, он ответил Арту.

— Это не копы… только если они не начали пользоваться вишняковскими марсоходами. Нет, в моей берлоге гостили люди из подполья, будь они прокляты… Наверное, ребята из Аргира, я знаю их. Не могу представить, кто еще мог осмелиться на такое! Но им известны некоторые мои тайники, и они обозлились на меня, когда я устроил саботаж в шахтерском поселении в Харите. Ведь тогда поселок закрылся, и они потеряли основной источник ресурсов.

— Вам надо оставаться союзниками, — заметил Арт.

— Заткнись, — огрызнулся Койот.

И марсоход поехал прочь.

— Банальная старая история, — произнес Кой-

от с горечью. — Сопротивление разваливается на куски, и каждый набрасывается на бывшего друга, потому что это единственный противник, которого можно отдубасить. И так случается постоянно. Нельзя организовать ни одно движение — даже из пяти человек, — чтобы среди них не попался, по крайней мере, один идиот. — Он умолк и уставился в лобовое стекло.

Сакс постучал по датчику, и Койот вскинул голову.

— Сейчас! — резко ответил Койот и затормозил.

День был в самом разгаре. Они остановились в расселине между двух каменистых холмов, затемнили окна и легли на узкие койки.

— А сколько групп в подполье? — осведомился Арт.

— Никто не знает, — буркнул Койот.

— Вы шутите.

Ниргал ответил прежде, чем Койот успел опять завестись.

— Около сорока в южном полушарии. И атмосфера там накаляется. Есть несколько очень жестких организаций. Радикалы из Красных, расколовшиеся группы Шнеллинга, разные фундаменталисты… Да уж, проблем полно.

— А разве вы не работаете ради общей цели?

— Хороший вопрос, — Ниргал вспомнил жаркие споры в университете Сабиси, иногда переходившие в драки. — Может, и нет.

— А вы это не обсуждали?

— Формально — нет.

Арт вытаращил глаза.

— Вам надо это сделать, — заявил он.

— Что? — уточнил Ниргал.

— Вам нужно провести собрание всех групп подполья и обсудить, в чем вы не согласны по поводу ваших общих целей. Устроить диспут.

В марсоходе воцарилась тишина, которую нарушило скептическое фырканье Койота.

— У меня сложилось впечатление, что некоторые из подполья относятся к Гамете настороженно, потому что в ней есть члены первой сотни, — проговорил Ниргал. — Никто не хочет отказываться от независимости в пользу Гаметы, хотя она и признана самым лучшим и надежным убежищем.

— Но любые вопросы можно обсудить при личной встрече, — настаивал Арт. — Я прав, не так ли? Вам надо объединиться, особенно учитывая то, что службы транснационалов могут действовать более активно, после того как они

выколотили информацию из Сакса.

Сакс кивнул. Остальные погрузились в раздумья.

Спустя полчаса Арт начал посапывать, но Ниргал не мог уснуть. Он лежал на своей койке, таращась взглядом в потолок, и думал о словах Арта.

К Сензени-На они приближались, испытывая некоторые неудобства. Еда пока не закончилась, поскольку они разделили ее на порции, а вода и воздух в марсоходе перерабатывались столь эффективно, что потери были минимальны. Но горючее было на исходе.

— Нам надо примерно пятьдесят килограммов перекиси водорода, — объявил Койот.

Он подвел марсоход к краю колоссального каньона Таумасии, на противоположной стороне которого и расположился Сензени-На. За огромными листами стекла виднелись галереи с раскидистыми деревьями. Дно каньона было покрыто трубами-переходами, куполами и заводскими установками мохола. Ниргал увидел и сам мохол (это была гигантская черная дыра на юге), и хвост кургана, бегущий вверх по ущелью далеко на север.

У Ниргала мурашки побежали по позвоночни-

ку. Это был действительно глубочайший мохол Марса. В нижней его части скала становилась пластичной, «продавливаемой», как сказал Койот. Он достигал восемнадцати километров в глубину, тогда как литосфера начиналась где-то на уровне двадцати пяти километров.

Работа на мохоле оказалась почти полностью автоматизирована, и жители города никогда не бывали рядом. Роботы-погрузчики вытаскивали горную породу из шахты, используя в качестве горючего перекись водорода.

Койот присвистнул.

— Нам надо добраться до складов, которые находятся в основании каньона, и дело в шляпе, — заявил он.

Ниргал знал, что системы безопасности там устанавливались еще до беспорядков. Некоторые из них разрабатывал сам Джон Бун, но они не могли устоять против методов Койота. Кроме того, в искин Койота были закачены программы Джона Буна, так что проблем не предвиделось. Однако каньон был чрезвычайно длинным, поэтому лучшим спуском (по мнению Койота) являлась тропа, которая вилась в десяти километрах ниже мохола.

— Ладно, — согласился Ниргал, — я справлюсь.

— С пятьюдесятью килограммами? — спросил Койот.

— Я помогу Ниргалу, — встрял Арт. — Может, я и не способен к мистической левитации, зато бегать я умею.

Койот задумчиво кивнул.

— Я доведу вас до основания скалы.

Что он и сделал, и на рассвете Ниргал и Арт отправились в путь с пустыми рюкзаками, наброшенными поверх баллонов с воздухом. Они бежали трусцой по дну каньона к северу от Сензени-На. Ниргал был очень воодушевлен: он не сомневался, что их затея увенчается успехом.

Они быстро приблизились к комплексу, окружающему мохол. Свет звезд перекрывали городские огни, отражающиеся и на противоположной стороне каньона. Программа Койота молниеносно пропустила Ниргала и Арта через гаражный шлюз и на склад, словно они были местными жителями. Казалось, они не потревожили сигнализацию. Увы! Когда они очутились в помещении и начали запихивать контейнеры с перекисью водорода в рюкзаки, завыла сирена, а двери аварийных выходов закрылись.

Арт отбежал к противоположной стене, установил на ней взрывчатку и кинулся к Ниргалу.

Раздался оглушительный хлопок, и в стене склада образовалась внушительная дыра. Арт с Ниргалом выскочили наружу и помчались обратно, минуя гигантские экскаваторы и роботов-погрузчиков. Внезапно из шлюза прозрачной трубы-коридора показались люди в скафандрах. Злоумышленникам пришлось поспешно спрятаться за экскаватором — конструкции настолько огромной, что они схоронились в щели между звеньями гусеницы. У Ниргала стучал пульс в висках, а сердце бешено колотилось. Когда люди в скафандрах влетели в складское помещение, Арт выбежал из укрытия и установил еще одну взрывчатку. Вспышка света ослепила Ниргала, он нырнул в дыру в заборе и побежал прочь, не видя ничего, не чувствуя свою ношу. Килограммы горючего прыгали у него за спиной, вминая баллоны с кислородом в позвоночник. Арт перегнал его, совершенно не контролируя марсианскую силу тяготения. Он зигзагообразно прыгал вперед, словно невиданное животное. Ниргал расхохотался, попытавшись поравняться с ним и подстроиться под его ритм. Когда они стали бежать вровень, Ниргал решил показать Арту на собственном примере, как надо использовать руки. Следовало совершать мягкие плавательные

движения, а не делать безумные махи, которые кидали тело Арта из стороны в сторону. В конце концов, Ниргалу показалось, что Арт кое-что сообразил и начал копировать его манеру.

Они продолжали бежать. Ниргал пытался выбрать самый ровный путь по дну каньона, тот, где было меньше камней. К счастью, ночь выдалась ясная: они могли ориентироваться на местности, но Арт по-прежнему теснил его справа, заставляя Ниргала поторапливаться. Постепенно их бегство превратилось в спортивную гонку.

Ниргал мчался гораздо быстрее, чем бежал бы в одиночку или при любых других обстоятельствах. Очень важную роль здесь играли ритм, дыхание, распределение тепла в организме. Нельзя было забывать и о скафандре. Ниргал удивленно посматривал на Арта, тот не отставал, хотя не имел никаких преимуществ. Вот это мощь!

Они чуть не проскочили мимо Койота, который показался из-за скалы. Он так сильно их напугал, что оба чуть не упали на землю, словно кегли. Потом они взобрались по тропе Койота и аккуратно пошли по краю — снова под куполом звезд. Сензени-На, озаренный огнями, виднелся на противоположной стороне и напоминал космический корабль.

Очутившись в марсоходе, Арт закашлялся: он был не в силах восстановить дыхание после пробежки по дну.

— Ты должен… научить меня… ланг-гомпа, — сказал он Ниргалу. — Господи, ты прямо спринтер!

— Ты тоже. Не пойму, как тебе это удается.

— Страх, — Арт покачал головой, втягивая ноздрями воздух. — Ну и приключение, — добавил он и посмотрел на Койота.

— Это не моя идея, — отрезал Койот. — Если бы мерзавцы не украли мои запасы, нам бы не пришлось делать вылазку.

— Да, но вы вечно проделываете такие фокусы, верно? Вы рискуете. Я имею в виду, вам нужно что-нибудь другое. Зачем устраивать саботаж в провинции? Вам требуется четкая организация всего подполья.

Выяснилось, что пятьдесят килограммов были абсолютным минимумом, необходимым, чтобы добраться до дома. Поэтому они рванули на юг, отключив некритические системы жизнеобеспечения. Разумеется, в марсоходе сразу стало темно и прохладно. Снаружи тоже царил холод. Началась ранняя южная зима: ночи удлинялись, земля замерзала, дороги превращались в каток.

Соляные кристаллы, укрывающие сугробы, служили отправными точками для ледяных хлопьев, которые вырастали в заросли хрупких прозрачных цветов. Марсоход полз среди белых кристаллических полей. Они тускло сияли по ночам, превратившись в громадное одеяло инея, изморози и сугробов. Марсоход медленно тащился вперед, пока однажды ночью перекись водорода не кончилась.

— Зря не взяли побольше, — проворчал Арт.

— Уймись, — ответил Койот.

Теперь они двигались на заряде «умирающей» батареи. Рассеянный свет, отбрасываемый белым миром снаружи, сделал все вокруг каким-то призрачным. В марсоходе царил полумрак. Они почти не разговаривали — лишь водители могли позволить себе эту роскошь, да и то, когда надо было сообщить напарнику координаты.

Койот не сомневался, что с помощью батареи они смогут добраться до Гаметы, хотя по расчетам Ниргала они еле-еле укладывались в километраж. А вдруг что-то пойдет не так, к примеру, колеса завязнут в снегу и перестанут крутиться… Ниргал подумал, что им надо идти пешком или вообще бежать. Но Спенсер и Сакс не убегут далеко.

Однако на шестую ночь после вылазки за топливом морозная земля превратилась в чисто-белую линию, которая утолщалась к горизонту. Ниргал пригляделся и различил откосы южной полярной шапки.

— Похоже на свадебный торт, — ухмыльнулся Арт.

Теперь марсоход тащился со скоростью черепахи, но Ниргал знал, что Гамета находилась всего в нескольких километрах по часовой стрелке, если двигаться вдоль полярной шапки.

Спустя час после рассвета Койот завел пыхтящий марсоход в ангар, который притулился в ободе кратера Нади. Они прошли последний отрезок пешком, топча свежую наледь и отбрасывая длинные тени под исполинским козырьком сухого льда.

Гамета взбудоражила Ниргала. Здесь он испытывал странное чувство, как будто пытался натянуть старую одежду, которая стала ему чересчур мала.

Правда, сейчас, когда к ним присоединился Арт, визит в Гамету оказался интересен вдвойне. Ниргалу не терпелось показать новому другу свой дом. Каждый день Ниргал водил его на прогулки, рассказывая об особенностях Гаметы и знакомя с разными людьми. Пока что он наблюдал смену лишь выражений, открыто проявлявшихся на лице Арта: от удивления к изумлению, шоку и неверию.

Устройство Гаметы и впрямь поразило Арта Рэндольфа. Белый ледяной купол: его ветра, туманы, птицы, озеро. Деревня, всегда замерзающая и лишенная теней. Бело-голубые здания под полумесяцем бамбуковых домов-деревьев… Загадочное место. Да и сами иссеи показались Арту непонятными существами, словно пришедшими из другого мира.

— Я видел вас на видео, приятно познакомиться, — повторял Арт и тряс их руки.

После того как он был представлен Владу, Урсуле, Марине и Ивао, он пробормотал Ниргалу:

— Как в музее восковых фигур.

Ниргал повел его вниз, чтобы познакомить с Хироко, и она, как и всегда, была доброжелательна и отстраненна. Хироко отнеслась к гостю с тем же дружелюбием, с которым она относилась к Ниргалу. Мать-богиня всего мира. Они находились в ее лаборатории и чувствовали смутное раздражение хозяйки. Ниргал показал Арту автоклавы эктогена и объяснил их функцию. Глаза Арта превратились в два блюдца или, скорее, в два стеклянных шарика. Он удивленно потряс головой.

— Похожи на холодильники, — выдавил Арт и пристально посмотрел на Ниргала. — Тебе было одиноко?

Ниргал пожал плечами и заглянул в ближайшее окошко, напоминающее иллюминатор. Однажды он плавал там, видел разноцветные сны и трепыхался… Правда, сейчас это было трудно вообразить. Невероятно: миллионы лет его не существовало, а потом однажды в маленьком черном контейнере зародилась жизнь, спираль, которая перетекала от белого в зеленое…

— Ну и мороз! — заметил Арт, когда они вышли наружу, и нахлобучил на голову капюшон. Он был одет в одолженную ему куртку с наполнителем из специального волокна, но все равно

ежился от холода.

— Мы должны держать воду, покрывающую сухой лед, замерзшей, чтобы воздух оставался пригодным для дыхания. В Гамете температура всегда чуть ниже точки замерзания, но не намного. Мне самому нравится. Кажется, лучше и не бывает.

— Вспомнил детство!

— Ага.

Они навещали Сакса каждый день: тот каркал «Привет» или «Пока» и отчаянно пытался говорить. Мишель проводил с ним по несколько часов в день — тестировал его и что-то бормотал себе под нос.

— Влад и Урсула просканировали его мозг и обнаружили повреждения в левом речевом центре, — объяснил Мишель. — Это — нединамическая афазия, ее еще называют афазией Брока. У Сакса явные проблемы с поиском нужных слов. Иногда ему кажется, что он их нашел, но они оказываются синонимами или антонимами, или табуированными словами. Вам стоит послушать, как он говорит «плохие результаты». Он часто расстраивается, но при данном конкретном заболевании шансы на выздоровление очень высокие. Хотя процесс будет идти

медленно. Но постепенно другие части его мозга компенсируют функции поврежденного участка. В общем, мы упорно работаем. Приятно, что пока реабилитация продвигается хорошо. Очевидно, ситуация могла быть гораздо хуже. Сакс, тебе крупно повезло.

Сакс, который внимательно смотрел на них, чудаковато закивал.

— Я хочу учить. *Выступать*, — произнес он.

Из всех людей в Гамете, которым Ниргал представил Арта, с ним почему-то сошлась именно Надя. К изумлению Ниргала, этих двоих потянуло друг к другу мгновенно. Но ему приятно было это видеть, и Ниргал с нежностью наблюдал, как его учительница открыто и искренне общается с Артом. Ее лицо казалось древним, однако карие глаза с зелеными крапинками были, как и прежде, юными и лукавыми. Они излучали интерес и понимание, а порой — некоторое удивление к расспросам Арта.

Кончилось тем, что все трое часами сидели в комнате Ниргала и разговаривали. Они смотрели на деревню или любовались озером, которое виднелось в окне напротив. Арт ходил по периметру цилиндрической комнатушки и тыкал пальцем в срезы на гладком зеленом стволе.

— Вы называете их деревьями? — спросил он, уставившись на бамбук.

Надя засмеялась.

— Я назвала их деревьями, — уточнила она. — Это была идея Хироко — жить в них. А что?.. Отличная изоляция, невероятная крепость, никакой необходимости в строительных работах — надо только прорезать двери и окна.

— Думаю, вам пригодился бы бамбук в Андерхилле.

— Те виды, что у нас были, оказались слишком маленькими. Вероятно, мы могли бы использовать их в качестве галерей. В любом случае до последнего времени мы ими не занимались.

И Надя сменила тему, засыпав Арта вопросами о Земле. Каким образом они возводят дома и из чего? Собираются ли они использовать термоядерную энергию в коммерческих целях? Была ли ООН окончательно испорчена войной 2061 года? Пытались ли построить орбитальный лифт на Земле? Какой процент населения получает антивозрастную терапию? Есть ли между ними борьба за лидерство?

Арт отвечал на вопросы обстоятельно, и, хотя он сокрушался над неполнотой своих знаний, Ниргал очень многое почерпнул из них, да и Надя

тоже. И часто они оба смеялись.

Когда Арт снова начал приставать к Наде с вопросами, ее ответы были дружелюбными, но иногда осторожными. Говоря о своих текущих планах, она, конечно, углублялась в детали, охотно обсуждая проекты строительных площадок, на которых работала в южном полушарии. Но когда он спрашивал ее о ранних годах в Андерхилле в своем дерзком, прямом стиле, она молча пожимала плечами — даже если Арт интересовался методами строительства, Надя уклонялась от ответа.

— На самом деле я кое-что подзабыла, — сказала она.

— Неужели?

— Правда-правда. И это серьезная проблема. Сколько вам лет?

— Пятьдесят. Возможно, пятьдесят один. Я сбился со счета.

— Ну, а мне уже исполнилось сто двадцать. Не смотрите на меня так! Но, с другой стороны, возрастная терапия делает чудеса! У меня был курс два года назад: нельзя сказать, что я тинейджер, но чувствую я себя вполне сносно, а если честно, то просто замечательно. Хотя, по моему мнению, память является слабым звеном

в процессе омоложения. Полагаю, мозг не рассчитан на столь гигантский объем информации. А может, я не прикладываю должных усилий. Но проблемы возникают не только у меня. Возьмите, к примеру, Майю… Да что там говорить! Все мои ровесники жалуются на то, что информация частенько вылетает у них из головы. Недавно Влад и Урсула вплотную занялись вопросом, связанным с памятью. Забавно, что они не подумали об этом раньше, когда разрабатывали терапию.

— Может, думали, да и забыли.

Надя прыснула со смеху и, кажется, сама удивилась своей реакции.

Позже за ужином, снова обсудив ее строительные проекты, Арт заявил:

— Вам надо устроить встречу групп из подполья.

Майя сидела неподалеку от Арта и взглянула на него с тем же подозрением, с каким смотрела в каньоне Эхо.

— Нет, — отрубила она.

Ниргал подумал, что она выглядит гораздо лучше, чем перед их расставанием: отдохнувшей, высокой, стройной, изящной, обаятельной. Она, вероятно, отмахнулась от чувства вины после убийства, как от непонравившегося пальто.

— Почему? — спросил Арт. — Вам было бы гораздо лучше жить на поверхности.

— Разумеется. И мы бы сразу переехали в «полусвет», если бы это было так просто. Но на поверхности и на орбите сосредоточены значительные силы полиции и спецслужб. В последний раз они пытались расправиться с нами, уничтожить. А то, как они обошлись с Саксом, не убеждает меня в том, что они изменились.

— Конечно, вы правы! Но я думаю, есть вещи, которые вы можете сделать, чтобы эффективно им противостоять. Нужно собраться вместе, разработать стратегию… Наладить контакты с организациями на поверхности, которые будут с вами сотрудничать. Как вам моя идея?

— У нас уже есть база данных, — холодно возразила Майя.

Надя кивнула, а Ниргал перебирал в памяти года, проведенные в Сабиси. Встреча подполья…

— Люди из Сабиси, естественно, дадут свое согласие, — произнес он. — У них уже есть нечто подобное. Хотя и весь «полусвет» устроен таким образом…

— Вам стоит подумать о том, чтобы связаться и с «Праксисом», — добавил Арт. — Мой бывший босс Уильям Форт будет заинтересован во встрече

с вами. А члены «Праксиса» заняты инновациями, которые вам точно понравятся.

— Ваш бывший босс? — переспросила Майя.

— Ага, — ответил Арт и расплылся в улыбке. — Я теперь сам себе начальник.

— Лучше сказать, наш пленник, — сухо возразила Майя.

— Когда ты в плену у анархистов, разницы нет, верно?

Надя и Ниргал расхохотались, но Майя скривилась и отвернулась.

— А я одобряю твою идею, — сказала Надя. — Мы слишком долго позволяли Койоту управлять нашими связями.

— Я все слышу! — выкрикнул Койот, сидевший за соседним столом.

— А ты что думаешь? — обратилась к нему Надя.

Койот пожал плечами.

— Без сомнения, мы должны что-то предпринять. Они теперь знают наше местонахождение.

В помещение воцарилась гнетущая тишина.

— На следующей неделе я собираюсь на север, — сказала Надя, нарушив паузу и посмотрев на Арта. — Можешь составить мне компанию, если хочешь. Я и тебя, Ниргал, приглашаю. Я

собираюсь останавливаться в нескольких убежищах, поэтому у нас будет отличная возможность все обсудить.

— Спасибо! — воскликнул Арт с довольным видом.

Ниргал задумался. Пребывание в Гамете разбудило дремавшие части его сознания, и сейчас он ясно увидел два мира, которые переплетались между собой. Белый и зеленый — они были разделены и развивались в двух разных измерениях, но проникали друг в друга. Наверное, миры подполья и поверхности неуклюже соединились в «полусвете» и образовали новый мир вне фокуса и ограничений.

На следующей неделе Надя, Арт и Ниргал отправились на север. Из-за истории с Саксом Надя не хотела рисковать, поэтому сперва они отдыхали в открытых городах, которые попадались им по пути. Правда, потом Надя «оттаяла», и они делали остановки в убежищах. Вероятно, Надя многим не доверяла: в вопросах секретности она оставалась одним из самых консервативных «стариков». За годы напряженной жизни она, как и Койот, создала целую систему собственных укрытий, и они ехали от одного к другому, отсыпаясь днем и ожидая своей «ночной смены» в относительном

комфорте. Они не могли ехать в светлое время суток, поскольку за несколько лет туманное покрывало стало гораздо прозрачнее и тоньше, чем раньше. Теперь оно превратилось в легкий туман, который собирался в белые тучи, низко клубившиеся над шершавой, неровной землей.

Однажды сумрачным утром ровно в десять часов они спускались по каменистому откосу. Надя объяснила, что Энн определила его, как ранние остатки Южного каньона.

— Она говорит, что здесь есть десятки ископаемых фрагментов Южного каньона, вспоротого под разными углами во время последнего цикла прецессии.

Туман развеялся, и перед ними открылась панорама, которая простиралась на сотни километров вокруг. Ниргал успел разглядеть дорогу, ведущую к сияющим ледяным стенам в устье современного Южного каньона, — спустя миг облака снова сомкнулись и мягко укутали все в мутную, текучую белизну. Ниргал подумал, что они словно очутились в эпицентре метели со снежинками столь крошечными, что те смело бросали вызов гравитации и никогда не падали на землю.

Надя ненавидела такие моменты, вне зависимости от того, насколько краткими они были,

поэтому днем они продолжали прятаться. Они выглядывали из окон убежища и таращились на облака, которые порой ловили ослепительный отсвет ледяных глыб. Солнечные лучи прорезали в облаках бреши, озаряя гигантские хребты и величественные утесы. Однажды они даже видели «белую мглу», когда все тени исчезли в чисто-белом мире, где невозможно было различить и линию горизонта.

Иногда гало отбрасывало на пейзаж блеклые пастельные кривые, а один раз солнце пробило тучи, висящие низко над землей. Вот тогда-то местность и засияла, как ограненный бриллиант. Но вскоре картина слегка изменилась и стала напоминать пестрое лоскутное одеяло, а на некоторых участках появились неровные проплешины. Они так и мелькали в неустанно дующем ветре, а Рэндольф смеялся. Он не прекращал восхищаться ледяными цветами. Они разрослись до размеров кустарников и были утыканы шипами и кружевными веерами, врастающими друг в дружку по краям. Когда их плотный ковер закрывал собой землю, марсоход ехал прямо по ним и давил сотнями потрескивающие прозрачные лепестки. После таких дней долгие темные ночи служили отдохновением.

Время тянулось медленно. Ниргалу нравилось путешествовать с Артом и Надей, у них обоих был ровный нрав, и они практически всегда пребывали в хорошем настроении. Арту исполнился пятьдесят один, Наде — сто двадцать, а Ниргалу — двенадцать, что равнялось примерно двадцати пяти земным годам. Но расхождения в возрасте не имели для них никакого значения, и они вели себя друг с другом на равных. Ниргал мог спорить с ними, но они никогда не смеялись над младшим и не фыркали, даже когда слышали самые противоречивые его реплики.

В принципе, их идеи неплохо комбинировались между собой. В марсианском политическом плане они оказались ярыми сторонниками зеленой ассимиляции, по словам Нади, настоящими бунианцами. И у них был схожий темперамент, чего Ниргал никогда раньше ни с кем не чувствовал, ни с семьей в Гамете, ни с друзьями в Сабиси.

Они разговаривали ночь за ночью и отдыхали в некоторых убежищах юга, знакомя Арта с людьми и поднимая вопрос о собрании или конгрессе. Они свозили Арта в Богданов Вишняк и вновь поразили его воображение исполинским комплексом, встроенным в мохол. Круглые глаза

Арта были столь же красноречивы, как и его прерывистая речь. Арт всколыхнул в Ниргале череду воспоминаний, когда он впервые приехал сюда с Койотом и тоже был поражен этим зрелищем до глубины души.

Богдановисты были заинтересованы в собрании, но Михаил Янгель — единственный из выживших в 61 году единомышленников Аркадия — спросил Арта о долгосрочных целях мероприятия.

— Снова занять поверхность.

— Понятно! — воскликнул Михаил. — Я уверен, что вы сможете рассчитывать на поддержку наших ребят, хотя многие боятся даже заговаривать об этом.

— Мы делаем успехи, — сказала Надя, когда они отправились дальше на север. — Если богдановисты поддержат собрание, оно состоится с большой долей вероятности. Многие из подземных убежищ либо принадлежат богдановистам, либо находятся под их сильным влиянием, — добавила она и посмотрела на Арта.

После Вишняка они посетили укрытия вокруг кратера Холмс, известные как «индустриальное сердце» подполья. Эти колонии тоже состояли преимущественно из богдановистов, между ко-

торыми была очень незначительная разница в социальном положении — на это повлияли ранние марсианские философы (заключенный Шнеллинг, Хироко, Марина и Джон Бун). Франкоязычные утописты в Прометее. С другой стороны они строили свои поселения, основываясь на разнообразных литературных источниках: от Руссо и Фурье до Фуко и «Золотой ветви» — тонкости, не известные Ниргалу по время его первого визита сюда.

Сейчас они увлекались культурой полинезийцев, недавно прибывших на Марс: их просторные теплые залы украшали пальмы, лианы и мелкие водоемы. Арт заметил, что убежище смахивает на Таити, а не на Париж.

В Прометее к ним присоединилась и Джеки Бун, которую оставили там ее путешествующие друзья. Сперва она хотела поехать в Гамету, но затем предпочла отправиться дальше с Надей, которая была не прочь забрать ее с собой.

Теперь их компания стала больше, но окрепшая дружба между Надей, Артом и Ниргалом куда-то улетучилась. Ниргал и Джеки расстались в Сабиси, когда их отношения зависли в обычном неопределенном состоянии. Ниргалу не нравилось, что атмосфера в марсоходе переменилась,

а вот Арт не выказывал неудовольствия. Он был очень взволнован, увидев Джеки во плоти. Она оказалась выше его и крупнее Ниргала. Арт рассматривал ее, как ему казалось, украдкой, но они все замечали его взгляды, включая, разумеется, и Джеки. Надя закатывала глаза, и они с Джеки ссорились по пустякам, будто сестры.

Однажды, после того как в одном из убежищ Нади разыгралась очередная склока, Арт прошептал Ниргалу:

— Она прямо как Майя! Как считаешь? Голос, манеры…

Ниргал рассмеялся.

— Скажи ей это, и она тебя убьет.

— Угу, — промычал Арт и покосился на Ниргала: — А вы двое все еще?..

Ниргал пожал плечами. В некотором смысле вопрос был очень интересен: он часто откровенничал с Артом о своих взаимоотношениях с Джеки, и тот знал все подробности их «романа». Сама же Джеки, вероятно, планировала заняться Артом, добавив его в коллекцию своих миньонов, как она по обыкновению поступала с мужчинами, которые ей приглянулись или которых она считала важными. «Пока она не поняла еще, насколько важен Арт, но вскоре примется за

дело, — думал Ниргал. — И что тогда он станет делать?»

В общем, их путешествие уже не было прежним. Джеки преобразила все на свой лад. Она яростно спорила с Ниргалом и Надей и небрежно обхаживала Арта, очаровывая его и одновременно пытаясь составить о нем представление, словно он был объектом исследования. Она то стягивала с себя рубашку, чтобы обмыться губкой в убежище Нади, то клала ладонь на руку Арта, когда задавала вопросы о Земле, то вообще полностью его игнорировала и замыкалась в собственных мыслях.

Это было все равно, что жить в марсоходе с большой кошкой, пантерой, которая может мурлыкать у тебя на коленях или гонять тебя по отсеку, а может и свернуться в уголке с идеальной нервной грацией. Такова была Джеки. И ее смех звенел в воздухе, когда Арт или Надя что-то говорили, а ее красота и страстный энтузиазм в обсуждении Марса околдовывали Ниргала.

Когда Джеки узнала, что они собираются предпринять, то сразу одобрила их затею насчет подполья. Естественно, жизнь бурлила вокруг нее. И Арт, хоть и таращился на нее во все глаза, когда она купалась, хитро ухмылялся, насла-

ждаясь ее вниманием, когда они говорили про подполье. А однажды Ниргал увидел, как Арт смотрит на Надю, и оторопел…

В общем, хотя Джеки и нравилась Арту, он не поддавался ее ухищрениям. Он просто иногда ею любовался. Возможно, все дело было в дружбе с Ниргалом. Но Ниргал и в этом сомневался: вести себя так «по-братски благородно» не было принято ни в Зиготе, ни в Сабиси. А Джеки, похоже, намеревалась исключить Арта как неформального лидера и провести собрание подпольщиков сама.

Они посетили убежище неомарксистов в горах Митчелла, которые были такими же горами, как и остальная часть южного взгорья, — название являлось артефактом эры телескопов. Неомарксисты заявили, что поддерживают связь с итальянским городом Болонья и индийской провинцией Керала, где располагались офисы «Праксиса». У них нашлось множество тем для разговоров, и Арт был очень воодушевлен.

В конце визита один из подпольщиков сказал Арту:

— То, что вы делаете, замечательно, вы прямо как Джон Бун.

Джеки дернулась, уставившись на Арта, кото-

рый по-овечьи тряс головой.

— Нет, он не такой, — автоматически вырвалось у нее.

Но она начала относиться к Арту гораздо серьезнее. Ниргал лишь посмеивался про себя: любое упоминание о Джоне действовало на Джеки магически. Когда они с Надей обсуждали теории Джона, он с трудом мог понять, почему Джеки становится одержимой.

Конечно, то, что Бун хотел для Марса, было вполне разумно, и Сабиси являлся своего рода бунианским пространством. Но для Джеки это лежало за рамками рационального и, вероятно, касалось Касэя, Эстер, Хироко и даже Питера. Наверное, ее обуревал сложный комплекс чувств. Он затрагивал самые ее уязвимые места, находящиеся на недостижимом для всего прочего уровне.

Они двигались на север — в регион более суровый и дикий, чем тот, что остался позади. Марсоход полз по вулканической возвышенности южного нагорья, которую увенчивали пики Южного купола и патера Амфитриты. Два вулкана избороздили местность лавовыми потоками, и черные камни застыли причудливыми буграми, волнами и реками. В древности лава хлынула

на поверхность Марса добела раскаленными убийственными потоками. Даже сейчас происхождение этих следов, потрепанных веками, покрытых пылью и ледяными цветами, было совершенно очевидно.

Самыми заметными среди лавовых остатков были низкие хребты, которые, как драконьи хвосты, застыли в камне. Они извивались на многие километры, исчезая за горизонтом в обоих направлениях, и заставляли путешественников искать обходные пути. Эти дорсы были лавовыми каналами. Они оказались прочнее, чем поверхность, по которой они бежали. Но теперь, тысячелетия спустя, земля под ними истерлась, а сами курганы покоились тут, наподобие фрагментов упавшего лифтового троса.

Одна из дорс в регионе Дорса Бревиа недавно превратилась в убежище. Надя умело вела марсоход, держась поближе к окраинным лавовым хребтам. В конце концов, она остановилась у замаскированного ангара, выбитого в склоне гигантского кургана. Они выбрались наружу, и их приветствовала группка дружелюбных незнакомцев (правда, с некоторыми из них Джеки встречалась раньше).

В ангаре не было признаков того, что убежище

будет чем-то отличаться от предыдущих укрытий. Но когда Ниргал шагнул в цилиндрический шлюз и открыл вторую дверь, то на минуту лишился дара речи. Они очутились внутри громадного полого хребта. Пустое пространство имело цилиндрическую форму — настоящая труба с потолком! — и достигало двухсот метров в высоту и более трехсот метров в ширину (а может, и больше, потому что стены протянулись на столько, на сколько хватало глаз). Рот Арта распахнулся, словно модель туннеля в сечении.

— Ого! — восклицал он. — Посмотрите-ка! Ну и ну!

Лишь немногие дорсы были полыми, пояснили им хозяева убежища. Вот такими иногда бывают лавовые туннели. На Терре их сохранилось множество, хотя они не достигали крупных размеров и едва достигали высоты в два человеческих роста. Ну, а «труба» на Марсе оказалась в сто раз громадней, чем самое крупное образование подобного рода на Земле.

— Раньше здесь текли лавовые потоки, — объяснила Арту молодая женщина по имени Ариадна. — Они застывали и затвердевали по краям и на поверхности, после чего лава продолжала стекать по рукаву, пока поток не иссякал.

Затем лавовые ручьи бежали в огненное озеро, оставляя позади цилиндрические пещеры, иногда достигающие пятидесяти километров в длину.

Основание туннеля было относительно плоским и пригодным для заселения. Ариадна сообщила гостям, что они построили дома и разбили парки с искусственными прудами. Сотни молодых деревьев — сосна и бамбук — были специально высажены смешанными рощами. Трещины в верхней части туннеля служили источником света. Изготовленные из слоистых материалов фильтры источали те же визуальные и тепловые сигналы, что и остальная часть хребта, но пропускали внутрь своеобразные темно-золотистые завесы солнечного света. Таким образом, даже в самых отдаленных участках туннеля не было не единого намека на тьму.

Пока они спускались по лестнице, Ариадна рассказала, что туннель Дорсы Бревиа был около сорока километров в длину, хотя в нем имелись места, где верхняя часть опускалась еще ниже — и тогда лавовые пробки почти закрывали его.

— Конечно, мы не изолировали его целиком. Мы не способны снабдить теплом и кислородом такое пространство. Но мы уже закрыли

примерно двенадцать километров сегментами — по километру с перегородками из тента между ними.

— Ого! — завопил Арт.

Ниргал был тоже весьма впечатлен, Надя выражала свое восхищение громкими возгласами. Даже Вишняк не мог ничего противопоставить этому убежищу. Джеки помалкивала. Она обогнала их и почти спустилась по лестнице, которая вела от шлюза в подземный парк.

— Каждый раз, когда вы привозите меня в очередную колонию, я решаю, что она — самая громадная, но всегда ошибаюсь, — пробормотал Арт. — Почему бы вам сразу не сказать мне, что новое укрытие будет размером с бассейн Эллады?

Надя улыбнулась.

— Это убежище самое большое из мне известных.

— А почему вы живете в Гамете, где холодно, тесно и темно? Разве не могут люди из других убежищ разместиться именно здесь?

— Мы не хотим собираться в одном месте, — произнесла Надя. — Кроме того, наше убежище сравнительно молодое.

Спустившись к основанию туннеля, они очу-

тились в настоящем лесу. «Небесный» свод из черного камня был изрезан зубчатыми трещинами. Четверо путешественников последовали за хозяевами к группе деревянных домиков с крутыми крышами, загнутыми на углах вверх. В одном из зданий их представили пожилым мужчинам и женщинам в цветастых, мешковатых одеяниях и пригласили разделить трапезу.

Пока они ели, Ариадна продолжала рассказывать им об убежище. Его построили потомки людей, прибывших на Марс и присоединившихся к «пропавшим» в 2050 году. Сперва переселенцы ютились в маленьких укрытиях Дорса Бревиа, а помогали им люди из Сабиси. Они находились под сильным влиянием ареофании Хироко, и их общество представляло собой некий матриархат. Они изучали древние культуры матриархата, а их обычаи были основаны на минойской цивилизации и традициях североамериканских индейцев Хопи. Поклонялись они богини жизни Марса — персонифицированному аналогу viriditas Хироко (или божественному образу ее самой). Женщины владели имуществом и передавали его по наследству младшим дочерям. Ариадна назвала это правом наследования младшего: обычай пришел от индейцев Хопи. И, как у Хопи, после свадьбы

мужчина переселялся в дом своей жены.

— А мужчины согласны на такое отношение? — полюбопытствовал Арт.

Ариадна в ответ рассмеялась.

— Ничего не может сделать мужчину счастливее, чем счастливая женщина, так мы говорим. — И она посмотрела на Арта таким взглядом, что тот едва не перекатился через скамью, устремившись ей навстречу.

— Разумно, — пролепетал он наконец.

— Мы работаем на равных. Продлеваем туннели, занимаемся фермерством, растим наших детей… Все стараются совершенствоваться в чем-то еще помимо своей специальности: обычай идет от первой сотни и, вероятно, от Сабиси.

Арт кивнул.

— И сколько вас?

— Сейчас около четырех тысяч.

Арт изумленно присвистнул.

В полдень их провели по самому туннелю. Они преодолели несколько километров, огороженных сегментами: многие из них оказались засажены рощами, и в каждом имелся стремительный водный поток, расширенный кое-где и переходящий в запруду. Затем Ариадна проводила их обратно в первый зал под названием Закрос. Тут

было настоящее столпотворение. Треть жителей собралась в парке, чтобы устроить импровизированный пикник на свежем воздухе.

Ниргал и Арт бродили повсюду, общались с незнакомцами и наслаждались простой пищей: хлебом, салатом и рыбой, жаренной на костре. Люди с пониманием отнеслись к идее конгресса подполья. Они уже пробовали устроить нечто подобное, но в тот момент подпольщики их проигнорировали.

Старейшины показали гостям список убежищ своего региона, а одна из женщин заявила, что они будут рады принять конгресс у себя, поскольку у них достаточно места, чтобы разместить сколько угодно участников.

— Это было бы чудесно! — ответил Арт, бросив взгляд на Ариадну.

Надя тоже согласилась.

— Вы бы нас выручили, — произнесла она. — Многие противятся идее собрания, поскольку подозревают первую сотню в попытке взять контроль над подпольем. Но если провести его здесь, да еще с поддержкой богдановистов…

К ним подошла Джеки. Услышав о предложении, она повисла у Арта на шее.

— Наконец-то! Вот что бы сделал Джон Бун! Это

как собрание, которое он провел на горе Олимп!

Распрощавшись с хозяевами убежища, они направились на север, по восточной части бассейна Эллады. По ночам Джеки часто доставала Полин, искин Джона Буна, который она изучала и каталогизировала. Джеки прокручивала избранные места из записей Буна по поводу независимости. В целом, то были нестройные и бессвязные размышления человека с огромным пылом и энтузиазмом — и омегендорфом, — но без способностей к анализу. Но иногда Буну везло, и он вещал в манере знаменитых ораторов, что звучало увлекательно. Он умел строить свободные ассоциации, с которыми его идеи выглядели логично. Иногда они таковыми и являлись.

— Как часто он говорит о Швейцарии, — вымолвила Джеки.

Ниргал вдруг заметил, что она произнесла свою фразу с интонацией Джона. С некоторых пор она постоянно работала с Полин, и та сильно влияла на ее поведение. Голос Джона, замашки Майи. Так она несла с ними прошлое.

— Нужно пригласить на конгресс швейцарцев.

— У нас есть Юрген и группа из Оверхэнс, — оживилась Надя.

— Но они не такие уж и швейцарцы, да?

— Спроси у них, — ответила Надя. — Но если

ты имеешь в виду граждан Швейцарии, то их-то немало в Берроузе. Они помогали нам и не задавали лишних вопросов. Около пятидесяти человек из наших имеют швейцарские паспорта. Они — значительная часть «полусвета».

— Как и «Праксис», — вставил Арт.

— Да. В любом случае надо связаться с группой в Оверхэнс. Ручаюсь, у них есть контакты со швейцарцами на поверхности.

На северо-востоке от Адриатической патеры они посетили город, основанный суфиями. Первое поселение оказалось встроено в боковую стену каньона и представляло собой хайтек-версию столовой горы Верде. Изящные здания были ловко втиснуты в точки разрывов, там, где нависающие части отвесных скал отклонялись, спускаясь ко дну каньона. Крутые лестницы в трубах-переходах вели вниз по склону к бетонному ангару, вокруг которого раскинулись пузыри куполов и теплиц. Здесь жили люди, который изучали суфизм. Некоторые пришли из убежищ, другие — из северных городов. Кое-кто был местным, но приходили сюда и вновь прибывшие с Земли.

Теперь суфии надеялись поместить под купол весь каньон целиком. Они собирались исполь-

зовать материалы, разработанные для нового троса, которые были способны выдержать огромное полотнище.

Надя включилась в обсуждение конструкторских проблем, с которыми могли столкнуться разработчики проекта. Она радостно сообщила суфиям, что установка купола — непростая задача и хлопот с ним не оберешься. Парадоксально, но уплотняющаяся атмосфера и впрямь усложняла эти проекты, поскольку купола не могли держаться на давлении воздуха так, как раньше. И хотя прочность и несущая способность новой углеродной композиции была выше, чем им требовалось, элементы крепления, могущие выдержать задуманный вес, являлись проектами из области фантастики. Однако местные инженеры не сомневались, что создадут прочный купол из легкой ткани, а новые технологии не подкачают. Стены каньона, по их словам, были монолитны. Убежище находилось в верхней точке долины Реул — там, где древнее русло врезалось в твердый материал. Что ни говори, а хорошие точки для закрепления купола были повсюду.

Суфии не прятались от орбитальных спутников и работали в открытую. Их поселения в Жемчужной горе и в Руми, главные города суфиев

на юге, также не были скрыты от транснационалов. К счастью, их никогда никто не притеснял, а Временное Правительство не пыталось контактировать с ними. Это убедило одного из их лидеров, смуглого мужчину по имени Дуаль-Нун, в том, что страхи подполья преувеличены. Надя вежливо с ним не согласилась, а когда заинтригованный Ниргал начал задавать вопросы, она посмотрела на него в упор.

— Они охотятся за первой сотней.

Ниргал умолк и принялся изучать обстановку. Суфии вели их по прозрачному туннелю к поселению, которое располагалось наверху — в отвесной скале. (Они приехали задолго до рассвета, и Ду сразу пригласил их в гости, чтобы они хорошенько поели и отдохнули.)

Вскоре гости и хозяева уже сидели за длинным столом в помещении, где одна из стен представляла собой панорамное окно с видом на каньон. Суфии предпочитали белые одеяния, а люди из поселений под куполами на дне каньона носили обычные скафандры, по большей части оранжевые. Ниргал наблюдал за хозяевами. Они подливали гостям воду и продолжали беседу.

— Вы сейчас находитесь в своем тарикате, — сказал Ниргалу смуглый Дуаль-Нун.

Как он объяснил, это личный духовный путь, своеобразная дорога к реальности. Ниргал кивнул, пораженный точностью описания — он всегда ощущал свою жизнь чем-то подобным.

— Вы должны понимать, как вам повезло, — добавил Ду. — Вы должны уделять этому внимание.

После незатейливых блюд — хлеба, клубники и йогурта — им подали крепкий кофе. Затем суфии придвинули к стене столы и кресла и принялись танцевать сему, крутящийся хоровод. Они извивались и пели под игру арфистки и барабанщиков, и им подпевали жители каньона, которые изъявили желание присутствовать на трапезе. Когда танцоры приближались к гостям, они быстро дотрагивались ладонями до их щек: прикосновения были легкими, как взмах крыла. Ниргал покосился на Арта, ожидая увидеть те же круглые глаза — ведь Арт никогда не скрывал своих эмоций, сталкиваясь с проявлениями марсианской жизни. Но нет, Арт понимающе улыбался, пощелкивал пальцами в такт музыке и пел вместе с остальными. Когда танец закончился, он встал и продекламировал что-то на незнакомом языке — его слова вызвали улыбки суфиев и их громкие аплодисменты.

— Некоторые из моих преподавателей на Терре оказались суфиями, — объяснил он Ниргалу, Наде и Джеки. — Они были значительной частью того, что называют Персидским Ренессансом.

— И что ты процитировал? — спросил Ниргал.

— Это фарси, поэма Джалаладдина Руми, Мастера крутящихся дервишей. Никогда толком не помнил английский перевод, — сказал Арт и начал говорить нараспев:

– Я камнем умер и растением восстал,
Растеньем умер, диким зверем стал,
И, зверем умерев, теперь я человек,
Зачем же мне скорбеть, что мой недолог век…

Он вздохнул.

— Дальше я не помню. Но некоторые из моих учителей были прекрасными инженерами.

— Жаль, что их нет на Марсе, — заметила Надя, бросив взгляд на тех, с кем обсуждала купола над каньоном.

Суфии проявили энтузиазм, услышав идею о конгрессе подполья. Они подчеркнули, что их религия синкретична — она вобрала элементы не только от разных типов ислама, но также от старых азиатских религий, которые предшество-

вали этому вероисповеданию. Не забывали они и о новых веяниях, например о Бахаи. Но суфии не только рассказывали о себе — они внесли дельное предложение в идею конгресса. Они заявили, что подпольщикам нужно нечто гибкое, основанное на коммуникации. Их концепция дара уже повлияла на подполье, и некоторые суфийские теоретики работали с Владом и Мариной над деталями эко-экономики.

После этого гости и хозяева подошли к окну во всю стену и принялись ждать позднего зимнего рассвета. Суровый каньон лежал прямо на востоке, небо было еще темным. Внезапно Ду нарушил паузу и заговорил. Его, как и других, зацепила идея об общей встрече подпольщиков.

— Вам нужно поскорее встретиться с бедуинами и другими арабами, — произнес он. — Им не понравится, если они окажутся последними в вашем списке.

Фиолетовое небо на востоке посветлело, окрасившись в бледно-лиловый цвет. Противоположный край каньона был ниже, и они могли любоваться плато, которое раскинулось на востоке и доходило вплоть до пологой гряды холмов у горизонта. Суфии указали на расселину в холмах, где вставало солнце, и запели.

— В Элизии есть группа суфиев, — сказал Ду. — Они исследуют наши корни в митраизме и зороастризме. Ходят слухи, что на Марсе появились митраисты, поклоняющиеся солнцу, Ахура Мазда. Они считают солетту религиозным искусством, как витражные окна в соборах.

Когда небо приобрело ярко-розовый оттенок, суфии окружили гостей, мягко подтолкнули их еще ближе к окну и выстроили в определенной последовательности: Ниргала рядом с Джеки, Надю и Арта — позади.

— Сегодня вы наше витражное окно, — вымолвил Ду.

Чужие руки подняли запястье Ниргала: он коснулся ладонью пальцев Джеки и сжал их. Они быстро переглянулись и уставились на гряду холмов. Арт и Надя тоже держались за руки, свободные ладони они положили на плечи Ниргала и Джеки. Пение усилилось, хор голосов выводил слова на фарси, длинные и текучие гласные тянулись минутами, пока не смолкали. А когда солнце раскололо горизонт, над землей взорвался фонтан света. Он заструился в окно, затопив всю комнату, и они были вынуждены зажмуриться, так как на глазах у них выступили слезы.

Солетта и уплотняющаяся атмосфера дей-

ствительно сыграли свою роль: солнце теперь казалось гораздо больше, чем раньше. Бронзовый диск мерцал в горизонтальной нарезке далеких инверсионных слоев. Джеки стиснула ладонь Ниргала, и он, повинуясь импульсу, оглянулся. Там, на белой противоположной стене, их тени сливались в темный весомый гобелен. Сам белый цвет при этом был невероятно ярок и едва-едва окрашен радужными цветами глории, окружающими людей.

Уезжая, они последовали совету суфиев и направились к мохолу Лайеля, расположенному на семидесятой широте. Здесь в караван-сараях жили бедуины западного Египта, и Надя была знакома с одним из их лидеров. Они захотели его найти и начать с бедуинами переговоры.

Пока марсоход полз, Ниргал думал о суфиях и об их влиянии на подполье и «полусвет». Было важно помнить, что люди покинули поверхность по разным причинам. Они отбросили все прочь и рискнули своими жизнями, но поступили столь решительно ради самых разных целей. Некоторые надеялись основать абсолютно новые культуры, как в Зиготе, в Дорсе Бревиа или у богдановистов. Другие, как суфии, намеревались придерживаться старых традиций,

которые подвергались критике в земном мировом порядке. Теперь эти части сопротивления рассеялись по южным взгорьям — все они были перемешаны и одновременно разделены. Ниргал не мог назвать причину, по которой они бы захотели объединиться. Многие принципиально держались подальше от «доминирующих видов» — транснационалов, Запада, Америки, капитализма, — словом, тоталитарных систем, основанных на силе. Централизованная система являлась фактором, от которого они стремились сбежать — и как можно дальше. Подобный расклад не сулил успеха планам Арта, и когда Ниргал высказал свои опасения, Надя тоже согласилась.

— Вы американец, а значит, представляете для нас проблему.

Арт смутился.

— Но Америка всегда была плавильным котлом цивилизаций, — миролюбиво добавила Надя. — Эмигранты приезжали в Америку отовсюду и могли стать гражданами страны. По крайней мере, теоретически. По-моему, мы можем извлечь из земной истории урок.

— Бун пришел к выводу, что марсианскую культуру нельзя придумать, грубо говоря, на коленке, — встряла Джеки. — Он считал, что

это будет микс всего лучшего, что когда-либо существовало на Земле. Вот в чем заключается разница между бунианцами и богдановистами.

— Да, — произнесла Надя, нахмурившись, — но я полагаю, что они ошибаются. Конечно, мы не сумеем изобрести что-то, как выразилась Джеки, на коленке, но я не уверена, что культура Марса будет представлять собой микс из земных цивилизаций. Вдруг такая мешанина превратится в хаос и все развалится? Кто знает? А сейчас это вопрос сосуществования многих культур. Но если подобное возможно… — Она пожала плечами.

Проблемы, с которыми они могли столкнуться во время любого собрания, обрели плоть во время их визита в караван-сарай бедуинов. Те добывали полезные ископаемые в дальних районах юга между кратерами Дана и Лайеля, пещерами Сизифа и Серебристой Дорсой. Бедуины путешествовали в мобильных шахтерских установках в стиле, отточенном на Большом Уступе, а позднее ставшим для них традиционным. В общем, они просто собирали поверхностные отложения и двигались дальше. Караван-сарай оказался маленьким куполом, раскинутым в пустыне, словно оазис. Такие купола использовались в чрезвычайных ситуациях, или же когда люди хотели

размяться на открытом пространстве.

Никто не мог составить большего контраста изысканным суфиям, чем бедуины. Замкнутые, не склонные к сантиментам арабы, преимущественно мужчины, носили современные скафандры. Когда путешественники прибыли, шахтерский караван собирался уезжать. А когда они услышали, что собираются обсуждать вновь прибывшие, то заявили, что во всем должна разбираться их предводительница.

— Очередные бунианцы! Мы не хотим иметь с вами ничего общего.

И основная группа бедуинов уехала.

Гости поели вместе с другими бедуинами-мужчинами в самом крупном марсоходе кочевников. Женщины сновали по переходу, ведущему в соседнюю машину, подавая гостям и хозяевам пищу. Джеки смотрела на это исподлобья и сердито покусывала губы, превратившись в копию Майи. Молодой араб, сидевший рядом с ней, попытался завязать с ней светскую беседу, но потерпел поражение: Джеки проигнорировала его. Ниргал с трудом подавил смешок. Он обернулся к Наде и старому бедуину по имени Зейк — лидеру группы и давнему приятелю Нади.

— Ах, суфии! — добродушно протянул Зейк. —

Никто не трогает их, поскольку они безобидны. Как птицы.

Позже Джеки оттаяла по отношению к молодому арабу. Он был поразительно красивым мужчиной с длинными густыми ресницами, обрамляющими влажные карие глаза, с орлиным носом, пухлыми губами, широким подбородком и обаятельными манерами. Юноша не оробел перед сексуальностью Джеки — он и сам был таким же неотразимым и явно знал себе цену. Его звали Антар, он происходил из знатного рода. Арт, сидевший напротив них за низким столиком, пораженно взирал на Джеки и Антара. Похоже, его огорошило столь стремительное завязывание отношений, а вот Ниргалу после лет, проведенных в Сабиси, это было не в диковинку. Джеки еще не приняла окончательное решение в пользу Антара, но дело близилось к завершению, и Ниргалу доставляло странное удовольствие наблюдать за тем, как она обрабатывала юношу. Да уж, зрелище было занимательное! Джеки, гордая дочь величайших последователей матриархата со времен атлантов, и Антар, потомок самого радикального патриархата на Марсе, — грациозный юноша с поведением настолько безупречным, словно он был королем мира… Да, они оказались

весьма яркой парой.

После трапезы они оба исчезли. Ниргал откинулся к стене, едва ли что-то почувствовав. Он говорил с Надей и Артом, с Зейком и его женой Назик, которой разрешили присоединиться к беседе. Выяснилось, что Зейк и Назик — старожилы Марса: они встречались с Джоном Буном и были друзьями Фрэнка Чалмерса. Вопреки предсказаниям суфиев, Зейк охотно принял идею конгресса и согласился, что Дорса Бревиа станет отличным местом для его проведения.

— Нам нужно равенство без подчинения, — произнес Зейк с серьезным выражением лица.

Это было похоже на то, о чем говорила Надя во время путешествия, и привлекло внимание Ниргала.

— Конгресс будет сложно организовать, но, очевидно, мы должны попытаться и, конечно, избежать каких-либо столкновений. Я разнесу весть по арабским общинам. По крайней мере, среди бедуинов. Должен признать, на севере есть арабы, которые чересчур тесно сотрудничают с транснациональными корпорациями, особенно с «Амексом». Все африканские арабские страны одна за другой попали под влияние «Амекса». Странное сочетание. Но деньги… — Зейк при-

щелкнул пальцами. — Вы понимаете, о чем я… Но не волнуйтесь, мы свяжемся со своими друзьями. А суфии нам помогут. Они здесь становятся муллами, и другим муллам это не нравится — в отличие от меня.

Его встревожили другие события.

— «Армскор» захватил власть над Черноморской группой, а это может выбить из колеи кого угодно. Кстати, давнее лидерство некоторых африканских народов и службы безопасности стран — членов союза, большинство из которых являются полицейскими государствами, — только укрепилось. Сюда входят Украина, Грузия, Молдова, Азербайджан, Армения, Болгария, Турция, Румыния!.. — Он наморщил нос, загибая пальцы на руках. — Видите, что творится! Они строят базы на Большом Уступе, возводят пояс вокруг Марса! И они тесно сотрудничают со Временным Правительством. — Он покачал головой. — Они сотрут нас в порошок, если представится такая возможность.

Надя кивнула, а недоуменный Арт встрепенулся.

— Но вы не прячетесь! — воскликнул он.

— У нас есть убежища на случай нужды, — ответил Зейк. — И мы готовы драться.

— Думаете, будет заварушка? — спросил Арт.
— Уверен.

После крохотных чашек густого кофе Зейк, Назик и Надя говорили о Фрэнке Чалмерсе. Все трое улыбались особыми, восторженными улыбками. Ниргал и Арт молчали. Было крайне сложно составить мнение о человеке, умершем задолго до рождения Ниргала. В действительности это было шокирующее напоминание о том, как стары оказались сами иссеи, которые знали легендарного Фрэнка Чалмерса не понаслышке.

Наконец Арт не выдержал и выпалил:

— А каким он был?!

Трое пожилых людей задумались.

— Он был злым, — вымолвил Зейк, — хотя общался с арабами и уважал нас. Он некоторое время жил с нами и учил наш язык. Честно говоря, на свете существует мало американцев, которые могли с нами поладить. Мы любили его, но он не был здесь своим. В нем таилась загадочная тьма. Наверное, с ним что-то случилось на Земле. Однако он помалкивал, хотя порой выглядел как безумец… Но в нем мерцал гироскоп, крутящийся, словно пульсар. И у него бывали черные дни. Мы посылали его в разведку на марсоходе, надеясь, что одному ему будет лучше.

Но наша уловка не всегда срабатывала. Он мог сорваться на нас, несмотря на то что гостил в нашем караван-сарае. — Зейк невесело усмехнулся и погрузился в воспоминания. — Однажды он назвал нас рабовладельцами, крикнул свое оскорбление нам прямо в лицо.

— Рабовладельцами?

— Он рассердился, — пробормотал Зейк и отмахнулся.

— В конце концов он спас нас, — встряла Надя, выныривая из глубин собственных мыслей. — В шестьдесят первом.

Она рассказала им о долгом путешествии по долине Маринер, случившемся тогда же, когда произошел прорыв водоносного слоя Комптона, который затопил великий каньон. И как они почти ускользнули от наводнения, а затем поток нагнал и смыл Фрэнка.

— Он вышел, чтобы вытащить машину из камней, и если бы он не действовал так быстро, мы бы погибли.

— Счастливая смерть, — тихо сказал Зейк.

— Вряд ли бы он согласился с тобой.

Иссеи коротко рассмеялись, потянулись за своими чашками и подняли тост за покойного друга.

— Мне его не хватает, — призналась Надя, поставив чашку на столик. — Никогда не думала, что я его переживу.

Она опустила голову, и, глядя на нее, Ниргал почувствовал, как ночь ласкает и прячет их всех в свои объятия. Он никогда не слышал, чтобы она говорила о Фрэнке Чалмерсе. Многие из ее друзей погибли во время революции. И ее партнер, Богданов, за которым до сих пор следовало столько людей, — он тоже умер.

— Фрэнк всегда злился, — подытожил Зейк. — Но за ним пришла смерть, он стал героем. Счастливчик.

Из Лайеля они двинулись вокруг южного полюса против часовой стрелки. Они вновь отдыхали в убежищах или городах под куполами, обмениваясь товарами и последними известиями. Кристианаполис оказался самым крупным городом под куполом, центром торговли всех мелких поселений на юге Аргира. Укрытия здесь в основном населяли Красные. Надя попросила их передать новость о конгрессе Энн Клейборн.

— У нас должна быть радиосвязь, но она мне не отвечает.

Увы, в целом Красные явно давали им понять, что идея конгресса является неудачной и даже

пустой тратой времени.

К югу от кратера Шмидт находилось поселение коммунистов Болоньи, куда они и держали свой путь. Коммунисты жили в пустотелом холме, затерянном посреди дикой области южных нагорий. То был весьма сложный для передвижения регион с массой блуждающих обрывов и рвов, преодолеть которые марсоход не смог. Хозяева убежища дали им карту туннелей и лифтов, которые они установили, чтобы проходить овраги и спускаться с обрывов.

— Без них нам бы пришлось постоянно делать крюки.

Уютный поселок полинезийцев располагался близ туннеля, скрытого в оврагах. Они жили в короткой лавовой трубе, которую затопили водой, предварительно соорудив там три острова. Дайка по левому склону была высоко занесена снегом и льдом, но полинезийцы, родившиеся на земном острове Вануату, поддерживали в убежище привычную им температуру. Воздух показался Ниргалу горячим и влажным: ему было трудно дышать, даже просто сидя на песчаном берегу, окаймленном пальмами, которые клонились к темной воде. Он оглянулся по сторонам и подумал, что полинезийцы, вероятно, принадлежали

к тем людям, которые пытались перенести преемственность культурных традиций с Земли на Марс. Они также были последователями идеи примитивных форм правления, где бы в земной истории те не случались. Они давно мечтали поделиться своими взглядами с другими подпольщиками, поэтому убедить их присутствовать на конгрессе не составило труда.

Чтобы отметить идею «общего сбора», они собрались на пляже и устроили праздник. Арт сидел между Джеки и местной красоткой по имени Танна, блаженно улыбался и потягивал каву из половинки кокоса. Ниргал лег, вытянувшись на песке, и слушал, как Джеки и Танна оживленно беседуют о «туземных движениях», как называла их Танна. По ее словам, это была не только ностальгия о прошлом, но скорее попытка изобрести уникальную культуру, сочетающую в себе ранние земные цивилизации и высокотехнологичные марсианские достижения.

— Само по себе подполье является своеобразной Полинезией, — говорила Танна. — Маленькие островки разбросаны в безбрежном каменном море, некоторые обозначены на картах, а другие — нет. Но однажды здесь будет плескаться прозрачный соленый океан, и мы будем жить на

настоящих островах, процветающих под небом.

— Я выпью за это, — сказал Арт и отхлебнул кавы.

Несомненно, одним из главных признаков архаичной полинезийской культуры (на вливание которой так надеялся Арт) являлось их знаменитое сексуальное дружелюбие. Но Джеки злорадно все осложняла. Она растянулась на руке Арта, чтобы подразнить его, а может, чтобы выбить из игры Танну. Арт выглядел счастливым, но озабоченным. Он осушил свою кокосовую чашу одним махом и потерялся в блаженном смятении. Похоже, он никак не мог сделать выбор между Джеки и Танной. Ниргал едва не расхохотался. Судя по взглядам, которые он ловил, некоторые молодые женщины были тоже не прочь поделиться с гостем древней мудростью. С другой стороны, Джеки могла утихомириться и перестать изводить Арта. Ниргал вздохнул: ничего уже не имело значения. Ночь обещала быть долгой. Теплый ласковый мини-океан Нового Вануату манил к себе, как и купальни Зиготы. Надя весело плескалась на мелководье с полинезийцем, который казался в три раза младше ее. Ниргал встал, сбросил одежду и направился к воде.

На поверхности главенствовала зима. Даже на

широте восьмидесяти градусов солнце вставало лишь на пару часов. В короткие промежутки между рассветом и закатом на землю опускался туман. Он окутывал все вокруг пастельными тонами с металлическим отливом: иногда он был фиолетовым, алым и розовым, а порой — медным и бронзово-золотистым. Мерзлая земля улавливала и отражала все его оттенки, и тогда Ниргалу чудилось, что марсоход ползет по краю драгоценных камней: аметистов, рубинов и сапфиров.

В иные дни ветер ревел, сбрасывая покрывавшую марсоход наледь. Тогда мир становился подвижным, текучим и чуть ли не глубоководным. Они выбирались наружу и работали под скудными лучами, очищая колеса вездехода, а далекое солнце казалось заплаткой желтого лишайника.

Однажды, после того как закончился очередной шторм, который развеял туман, перед путешественниками открылось огромное пространство, покрытое сложной вязью ледяных цветов. А над северным горизонтом взъерошенных полей висело темное облако, поднимающееся в небо из какого-то таинственного источника.

Они сделали остановку и раскопали одно из убежищ Нади. Ниргал посмотрел на облако и

сверился с картой.

— Я думаю, там мохол Рэлей, — произнес он. — Койот запустил автоэкскаваторы во время первой нашей с ним поездки. Интересно, что из этого получилось.

— У меня есть разведывательный мини-марсоход, — откликнулась Надя. — Можешь взять его и посмотреть, если хочешь. Я бы тоже присоединилась к тебе, но мне надо возвращаться в Гамету. Послезавтра я должна встретиться с Энн. Очевидно, она услышала о конгрессе и сгорает от желания узнать информацию из первых рук.

Арт выразил желание встретиться с Энн Клейборн. Его впечатлил фильм об Энн, который он смотрел, когда летел к Марсу.

— Это все равно, что встретиться с Иеремией.

— А я поеду с тобой, — сказала Джеки, посмотрев на Ниргала.

Они договорились встретиться в Гамете. Арт с Надей направились туда в главном марсоходе, а Ниргал и Джеки устроились в мини-разведчике. Высокое облако до сих пор парило над ледяной шапкой. Оно напоминало густой столп серых лопастей, разорванных на плоскости и нехотя плывущих в разных направлениях. Когда они приблизились к этому участку, то сообразили,

что облако поднимается прямо из глубин молчаливой планеты. Подъехав к краю низкого обрыва, они обнаружили, что земля вдалеке очистилась ото льда. Теперь она была каменистой, как будто наступил разгар лета, но гораздо более темной.

Угольно-черный камень курился и шипел у длинных оранжевых трещин, казавшихся податливыми на ощупь. А в шести-семи километрах над ним волновалось гигантское облако — словно обжигающий пар мохола превратился в сверхновую звезду. Насыщенный газами дым вырывался наружу и тут же опадал.

Джеки повела марсоход к вершине высокого холма, и вскоре окрестности лежали перед ними как на ладони, включая и сам источник, который породил облако. Ниргал не мог оторвать от него глаз. Мохол Рэлей действительно превратился в низкий черный холм с зигзагами неистово-оранжевых трещин. Облако поднималось из его жерла, плотный дым клубился и стремился ввысь. Язык грубого камня тянулся по склону на юг — прямо к их марсоходу, а затем сворачивал направо.

Они сидели в кабине и молча наблюдали за происходящим. Внезапно холм, покрывающий мохол, опрокинулся, как крышка, и развалился

на куски. Жидкая расплавленная каменная порода ринулась вниз. Раскаленный поток затоплял черные сколы, искрил и плевался желтым, который быстро превращался в пламенно-оранжевый и тотчас темнел.

После все замерло. Лишь столп дыма продолжал клубиться над поверхностью разрушенного холма. Сквозь шум вентилятора и мотора они услышали басовитое урчание, перемежаемое звуками взрывов, которые сопровождались новыми выбросами дыма. Марсоход завибрировал на амортизаторах.

Но Ниргал и Джеки даже не шелохнулись и продолжили наблюдение. Ниргал — пристально, Джеки — возбужденно и с многословными комментариями. Она умолкла, когда куски лавы откололись от холма, выпустив наружу свежий поток расплавленной породы.

Джеки и Ниргал изумленно смотрели через инфракрасную камеру машины: холм смахивал на изумруд с сияющими белыми сколами. Язык лавы, лизавший равнину, стал ярко-зеленым. Почти час понадобился оранжевой лаве, чтобы стать черной в видимом спектре, но на инфракрасном экране изумрудный принял болотный оттенок всего за десять минут.

Да… зеленый изливался в мир, и сквозь него пробивался белый.

Они наскоро перекусили, а потом Джеки за руку вывела Ниргала из тесной кухни с тем же дружелюбием, что и в Новом Вануату. Ее глаза блестели, на губах блуждала лукавая улыбка. Ниргал не забыл эти знаки и обнял ее, когда они протискивались в маленький отсек за водительскими сиденьями. Он был счастлив из-за возобновившейся интимности, столь редкой и потому столь ценной.

— Готов поспорить, что снаружи жара, — заметил он.

Она резко повернулась и широко распахнула глаза.

Без лишних слов они оделись и направились к выходу. Стоя у шлюза, взялись за руки, на которые были натянуты защитные перчатки. Выбравшись наружу, они пошли по сухому рыжему щебню, крепко сжимая ладони друг друга. Огибая возвышенности и впадины высоких, по грудь, валунов, они шагали по направлению к лаве. В свободных руках Джеки и Ниргал несли маты из теплоизоляционного волокна. Они могли разговаривать, но предпочитали молчать. Ветер иногда дул в лицо, и даже сквозь слои скафандра Ниргал ощущал

жар. Земля задрожала под ногами, и у Ниргала в висках застучал пульс. Каждые несколько секунд повторялся приглушенный взрыв или резкий треск. Без сомнения, находиться здесь было опасно. Рядом маячил круглый холм, очень похожий на тот, на котором они припарковали марсоход. Не сговариваясь, они повернули туда и быстро поднялись по склону. Рук они не разнимали.

С вершины холма они могли видеть и черный поток, и неистово разбегающуюся сеть оранжевых трещин. Шум усилился. Ниргал решил, что новый лавовый поток помчится по противоположной стороне и будет еще более мощным.

Они наблюдали за происходящим, как загипнотизированные. Ниргал считал, что поток скоро даст о себе знать. Конечно, внезапный выброс мог затопить их, но это казалось маловероятным, и в любом случае в марсоходе они бы точно не спаслись от раскаленной лавы.

Все мысли исчезли, когда Джеки слегка отодвинулась и принялась снимать перчатку. Ниргал последовал ее примеру: он скатывал тянущуюся ткань, пока не освободил кисть и большой палец, а затем помахал рукой. По его прикидкам, температура достигала примерно 278 градусов — свежо, но не особо холодно. И вдруг его буквально

ударила теплая волна, а за ней — обжигающе горячая, наверное, около 315 градусов по Кельвину. На смену ей пришел морозный воздух, который Ниргал почувствовал в самом начале. Он начал стягивать вторую перчатку, сообразив, что с каждым порывом ветра температура тут значительно менялась. Джеки уже справилась с застежками своего одеяния, дернула за молнию впереди, и Ниргал увидел, как она снимает скафандр, обнажая верхнюю часть тела. Порыв ветра растрепал ее волосы, кожа Джеки покрылась пупырышками, словно рябь прошла по воде. Она склонилась снять ботинки, и баллон с воздухом лег в прогиб спины, а ребра выступили под кожей. Ниргал шагнул ближе и спустил ее штаны до самого низа. Она повернулась, прижала его к себе, опрокинулась навзничь и увлекла его за собой. Они едва не покатились с холма кубарем, но притормозили и принялись лихорадочно раскатывать маты — земля оказалась ледяной.

Они сбросили одежду. Она лежала на спине, баллон с кислородом торчал над ее правым плечом. Он лег сверху. Странно, но их тела были на удивление теплыми, они излучали жар, будто лава. Легкие и горячие порывы ветра омывали спину и бока Ниргала, а ее розовое и мускулистое

тело уже плотно обернулось вокруг него. Джеки обвила его руками и ногами, поразительно чувственными в солнечном свете. Они оба ударялись лицевыми панелями друг о дружку. Их шлемы усиленно перекачивали кислород, чтобы компенсировать утечки на плечах, затылке, у подбородка, на ключицах. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, разделенные двойным слоем стекла, которое, казалось, единственное удерживало их от того, чтобы слиться воедино. Ощущение было сильным и лишь таило в себе опасность: они стукались и стукались, желая соединиться, но зная, что ничем, в общем-то, не рискуют. В глазах Джеки имелся удивительный ободок — как раз между радужкой и зрачком, эти маленькие черные круглые окна были глубже любого мохола — провал в центр вселенной. Он должен был отвести взгляд, должен! Ниргал приподнялся и взглянул на ее стройное тело, которое, каким бы соблазнительным ни было, не завораживало так, как безбрежность ее глаз. Широкие, мускулистые плечи, овальный живот, женственно удлиненные бедра — он зажмурился, он должен был. Земля содрогалась под ними, двигаясь вместе с Джеки, и он будто погружался в саму планету — в ее дикое женское естество.

Он мог лежать совершенно неподвижно, они оба могли лежать неподвижно, но мир продолжал сотрясаться в нежном и сильном сейсмическом экстазе. Их принял в себя живой камень. Когда нервы Ниргала зазвенели и запели, он повернул голову, чтобы взглянуть на текущую магму, и все слилось воедино.

Они оставили вулкан и покатили обратно, в темноту туманного покрывала. На вторую ночь они достигли Гаметы. В тускло-сером свете плотных полуденных сумерек они поднялись наверх, под огромную ледяную шапку.

Неожиданно Джеки с криком склонилась вперед и, хлопнув по автопилоту, ударила по тормозам. Ниргал дремал и проснулся, вцепившись в руль и озадаченно таращась в темноту. Он не понимал, что случилось.

Обрыв, в котором размещался ангар, оказался разбит в дребезги — огромный ледяной кусок откололся, упав на крышу помещения. Лед на вершине скола был сильно искромсан, как после взрыва.

— Нет! — плакала Джеки, — Они взорвали его! Они убили всех!

Ниргал почувствовал себя так, будто его пнули в живот. Он искренне удивился, обнаружив,

что страх может ощущаться, как физическая боль. Разум его оцепенел, казалось, он ничего не чувствует — ни тоски, ни отчаяния, ничего. Он протянул руку и сжал плечо Джеки. Ее трясло, она с тревогой вглядывалась на колышущийся густой туман.

— Есть аварийный выход, — сказал он. — Их не могли застать врасплох.

Туннель шел через полярную шапку на Южной равнине, где имелось убежище.

— А если их никто не предупредил? — прошептала Джеки и сглотнула.

— Давай проверим сами, — заявил Ниргал, попытавшись взять ситуацию под контроль.

И марсоход поехал на максимальной скорости, сминая колесами ледяные цветы. Ниргал сконцентрировался на дороге и старался ни о чем не думать. Он боялся увидеть пустое безмолвное убежище… Он не мог расстаться с последней горькой надеждой, чтобы противостоять беде, которая обрушилась на них столь внезапно.

В какой-то момент он захотел, чтобы марсоход застрял и забуксовал на ледяной поверхности. Пусть они будут вечно ехать по часовой стрелке вокруг полярной шапки, не обращая внимания на растущее напряжение! Джеки со свистом

втягивала ноздрями воздух и время от времени стонала. Помертвевший Ниргал смотрел вперед. «Я ничего не чувствую», — с детским изумлением подумал он. Но непрошеный образ Хироко мелькал перед ним, словно его проецировали на лобовое стекло, — и теперь он плясал, как призраки в сером тумане. Имелась вероятность того, что удар пришел из космоса, а может, все дело было в ракете с севера. В таком случае никого, конечно, не предупредили. Зеленый мир исчезал из вселенной, оставляя лишь белый мир смерти. Цвета поблекли, как в этом сером зимнем утре.

Ниргал стиснул губы и сосредоточился на ледяной шапке. Теперь он вел марсоход с жестокостью, о которой и не подозревал. Шли часы, и он отчаянно пытался не думать о Хироко, Наде, Арте, Саксе, Майе, Дао или о ком-либо из всех остальных: его семье, соседях, городе, народе, который жил под маленьким куполом. Ниргал склонился к лобовому стеклу, игнорируя боль в скрученном желудке, и сфокусировался на вождении. Он не собирался упускать из вида ни единой кочки или ямки и огибал любые препятствия в тщетной попытке смягчить безжалостный заезд.

Им нужно было проехать триста километров по часовой стрелке, а потом двигаться наверх и

преодолеть почти всю Южную равнину, которая сужалась, сдавленная ледяными блоками. Ниргал знал, что другого пути нет, только этот, отмеченный портативными радиомаяками. Здесь из-за густого тумана Ниргал был вынужден немного снизить скорость, хотя мог, в принципе, этого и не делать: он хорошо знал дорогу.

Наконец марсоход достиг низкой стены, где и находилось убежище. Прошло лишь четырнадцать часов с момента их отъезда от ворот Гаметы — настоящий рекорд, учитывая неровную, замерзшую землю, но Ниргалу было все равно.

Если в убежище пусто, значит…

Его оцепенение сменялось паникой по мере того, как они приближались к стене возле пропасти. Там не было никаких признаков жизни, и страх прорывался наружу, как оранжевая магма из трещин в черной лаве. Ужас буквально выплескивался из его нутра, и Ниргал невольно вздрагивал, невыносимое напряжение разрывало каждую клетку его тела.

Но вдруг где-то внизу блеснул свет, и Джеки вскрикнула, будто пронзенная стрелой.

Ниргал дал газу, и марсоход поскакал к ледяной стене, практически врезавшись в нее. Ниргал ударил по тормозам, и машину занесло в сторону.

Когда марсоход затормозил, Джеки натянула шлем и ринулась в шлюз. Ниргал побежал за ней — после агонизирующего ожидания они выскочили наружу и кинулись к двери шлюза в неглубокой нише во льду. Дверь распахнулась, и четверо людей в скафандрах застыли на пороге, сжимая пистолеты. Джеки закричала на общей частоте, и через секунду они уже обнимались.

Пока все было хорошо, хотя, возможно, они просто хотели их успокоить. Ниргала все еще терзала цепь подозрений, но тут за одной из лицевых панелей он различил лицо Нади. Она подняла вверх большой палец, и он понял, что сдерживал дыхание, наверное, последние пятнадцать часов подряд, хотя, конечно же, он не дышал лишь с того момента, как выскочил из марсохода. Джеки рыдала от облегчения, Ниргалу тоже хотелось плакать, но он не мог выдавить из себя ни слезинки. Оцепенение и страх куда-то улетучились, но напоследок разбили его вдребезги, не оставив слез.

Надя молча повела их внутрь. Она все понимала, и, когда шлюз закрылся и в помещение начал закачиваться кислород, Ниргал смог различить голоса в интеркоме.

— Я так испугалась, я думала, вы умерли…

— Мы выбрались из аварийного туннеля и увидели, как они приближаются…

В убежище они сняли шлемы и угодили в крепкие дружеские объятия всех остальных. Арт хлопал его по спине, глаза у него едва не вылезали из орбит.

— Как я рад видеть вас обоих!

Он притянул Джеки к себе и по-медвежьи ее облапил. Отодвинул на расстояние вытянутой руки и посмотрел на мокрое, сопливое, с красными глазами девчачье лицо с одобрением и восхищением. Казалось, Арт только сейчас осознал, что она — тоже человек, а не кошачья богиня.

Пока они, пошатываясь, брели по узкому туннелю в жилые комнаты, Надя, хмурясь, рассказала им о недавних событиях.

— Мы видели, как они приближаются. Они поднялись по туннелю… и мы обрушили оба купола и заодно все туннели. Мы могли убить многих из них. Я не знаю, скольких они послали внутрь или насколько далеко продвинулись. Койот решил проследить за ними и попытаться это выяснить. В любом случае, дело сделано.

Переполненное убежище состояло из нескольких залов. На полу, стенах и потолке красовались изоляционные панели, установленные прямо на

полости во льду. Жилые комнаты расходились от главного центрального помещения, служившего кухней и столовой. Джеки обнялась со всеми, кроме Майи, и подошла к Ниргалу. Они прижались друг к дружке, Ниргал почувствовал, что она дрожит, и понял, что его тоже бьет озноб. Теперь они оба тряслись, словно на них воздействовала синхронная вибрация. Молчаливая, паническая поездка в марсоходе усилила их связь до предела — точно так же, как и их любовь рядом с вулканом, или даже больше… Ниргал уже не мог ничего толком себе объяснить: он слишком устал и вымотался, чтобы осознать мощные эмоции, льющиеся сквозь них обоих. Он отстранился от Джеки и сел, вдруг почувствовав внезапную опустошенность. Хироко присела рядом, и он тупо слушал, как она в деталях описывала произошедшее.

Атака началась с появления орбитальных самолетов, сбросивших группу захвата на плоскую площадку перед ангаром. У подпольщиков было очень мало времени: люди в ангаре растерялись: они позвонили в купол сообщить об опасности, но не активировали защитную систему Койота (о которой, очевидно, впопыхах забыли). Хироко призналась, что Койот жутко разозлился,

и Ниргал ей, конечно, поверил. «Нужно было остановить десантников еще в момент приземления», — заявил Койот. Однако ребята из ангара отступили под купол. После некоторого замешательства они собрали всех в аварийный туннель и наконец-то взяли себя в руки. Хироко приказала использовать швейцарскую защиту и обрушить купола, Касэй и Дао послушались. Оба купола взорвались, убив налетчиков, которые успели проникнуть внутрь, — те оказались погребены под многотонной толщей сухого льда. Судя по радиационному уровню, Риковер не пострадал от обвала, хотя его точно завалило, как и все остальное. Койот ушел вместе с Питером в свой личный аварийный туннель. Хироко не представляла, куда они направились.

— Думаю, что у орбитальных самолетов могут возникнуть проблемы.

Значит, Гаметы больше не было, как и живительной оболочки Зиготы. Ниргал отстраненно подумал, что в будущем полярная шапка растает и обнажит расплющенные останки людей. В данный момент их было действительно невозможно откопать.

А теперь им надо просто ждать. Ведь у них имелись только искины, скафандры да баллоны

с кислородом… Ниргал посмотрел по сторонам. Неужели подполье будет втянуто в открытую войну с Временным Правительством? У Ниргала к горлу подкатил ком. Что, если часть налетчиков выжили и затаились снаружи? Вдруг тем, кто спрятался в убежище, не дадут выйти наружу? А может, их подкараулят и пристрелят?

— Кто они? — спросил Ниргал.

Хироко покачала головой.

— Мы не знаем. Временное Правительство, как утверждает Койот. Но в его системе безопасности сотни разных подразделений, и надо выяснить, была ли это их полиция или какое-то подразделение сорвалось с поводка.

— Что нам делать? — осведомился Арт.

Наступила тишина. Наконец Хироко произнесла:

— Нам придется просить об убежище. Я думаю, в Дорсе Бревиа для нас найдется место.

— Как насчет конгресса? — спросил Арт, вспомнив о нем после упоминания Дорсы Бревиа.

— Думаю, сейчас он нужен как никогда, — ответила Хироко.

Майя насупилась.

— Сейчас нельзя устраивать подобные мероприятия! — воскликнула она. — Вы уже стольким

про него рассказали — всему Марсу растрезвонили!

— Мы должны были, — мягко возразила Хироко. — Вот в чем смысл.

Она оглядела всех, и даже Майя не посмела с ней спорить.

— Теперь мы должны рискнуть, — подытожила Хироко.

Часть седьмая

Как быть?

Часть седьмая
Как быть?

Несколько крупных зданий в Сабиси были облицованы полированным камнем, который подбирали по цветам, необычным для Марса: алебастр, нефрит, малахит, желтая яшма, бирюза, оникс, лазурит. Более мелкие постройки возводили из дерева. После ночных путешествий и дневного отдыха гости Сабиси с удовольствием прогуливались по вечерним улицам, окаймленным низкими домиками, или выбирались на бульвары, где росли платаны и канадские клены. Они стояли, не шелохнувшись, в садах камней или неторопливо брели по зеленым кварталам Сабиси. И все любовались кипарисами, обрамляющими каналы, — те иногда расширялись и превращались в пруды, где цвели лилии. Над водной гладью были раскинуты ажурные мосты, позволяющие смотреть на Сабиси с любого ракурса.

Город находился практически на экваторе, и зима ничего не значила: гибискусы и рододендроны цвели даже в афелии, а сосны и многочисленные виды бамбука тихо шелестели в теплом, свежем

воздухе.

Японцы приветствовали гостей как старых и дорогих друзей. Иссеи Сабиси, одетые в медного цвета защитные костюмы, ходили босиком. У них были длинные волосы, собранные в хвост на затылке, а еще — много серег и ожерелий. Один из них, лысый и седобородый с лицом, глубоко изрезанным морщинами, повел гостей на экскурсию, чтобы они могли размяться после долгой поездки. Его звали Кэндзи, и он являлся первым японцем, ступившим на Марс, хотя об этом уже никто не помнил.

У городской стены они восхищенно посмотрели на огромные валуны, балансирующие на вершинах близлежащих холмов: их формы были одна причудливее другой.

— Вы когда-нибудь посещали борозду Медузы?

Кэндзи улыбнулся и покачал головой. Он сказал им, что камни ками[29] на холмах полны комнат и складов и вместе с туннелями в насыпях мохола у них есть место, чтобы разместить много людей — примерно до двадцати тысяч человек. Его собеседники закивали. Такие сведения могли им пригодиться.

---

[29] Примечания: 29
Духовная сущность, Бог *(японск.).*

Кэндзи повел их обратно — в старую часть города, где гостям выделили комнаты в месте первого поселения. Эти помещения были поменьше и не так загромождены, как студенческие комнатушки. В них чувствовался налет возраста, они казались обжитыми, что делало их похожими на гнезда, а не на гостиничные номера. Иссеи до сих пор ночевали в некоторых из них.

Когда гости шли по коридору, они не смотрели друг на друга. Контраст между их историей и историей Сабиси шокировал каждого из них. Они глазели на мебель, взволнованные, смущенные и озадаченные...

А после вечерней трапезы, когда было выпито много саке, один из них произнес:

— Жаль, мы не смогли создать такое чудо!

Нанао заиграл на бамбуковой флейте.

— Для нас это было проще, — пояснил Кэндзи. — Мы родились в Японии. У нас имелся образец для подражания.

— Это не слишком похоже на ту Японию, которую я помню.

— Но Сабиси — не настоящая Япония.

Они взяли чашки, бутылки и взобрались по лестнице на крышу деревянной башенки, расположенной рядом с домом. Отсюда открывался

волшебный вид на весь Сабиси. Зазубренный массив валунов отчетливо выделялся на темном фоне. Близился последний час сумерек, и кроме бледно-лилового клина на западе небо сияло насыщенным, полуночным бархатом, щедро усыпанным звездами. Гирлянды бумажных фонарей светились в роще канадских кленов и навевали воспоминания.

— Мы и есть настоящая Япония. То, что вы видите в Токио сегодня, это транснациональные корпорации. На Земле сейчас властвует другая Япония. Конечно, мы никогда не сможем вернуться к прежним временам. В любом случае, это была феодальная культура с некоторыми чертами, неприемлемыми для нас. Наш город вырос из той древней культуры, однако мы стараемся найти иной путь, который заново расчистит старую тропу. Мы хотим заново осмыслить древнюю японскую цивилизацию и осесть на Марсе.

— Касэй Ниппон.[30]

— Да, но не только для Марса! Для Японии — тоже. Как модель для них, понимаете? Пример того, чем они могут стать в будущем.

Они пили рисовую водку под звездами. Нанао

---

[30] Примечания: 30
Марсианская Япония *(японск.).*

играл на флейте, а в парке под бумажными фонариками кто-то смеялся. Гости сидели, прислонившись друг к другу, и задумчиво молчали. Затем они немного поговорили об убежищах. Они были столь разными, но в них имелось и много общего…

— Конгресс — хорошая идея.

Гости оживились.

— Вот что нам нужно позарез! Ведь мы уже много лет собираемся вместе, чтобы праздновать фестиваль Джона, верно? Это замечательное и очень важное событие, и лишь так мы ощущаем единство, а потом можем вернуться к обычной жизни. А мир быстро меняется… Мы не можем притворяться кучкой заговорщиков. Нам необходимо договориться с остальными.

Сперва они обговорили детали: кто приедет на конгресс, какие вопросы будут обсуждаться.

— Кто напал на ваш купол?

— Службы безопасности из Берроуза, «Субараси» и «Армскора» организовали так называемое диверсионно-расследывательное подразделение. Они заставили Временное Правительство благословить операцию. Они, без сомнений, снова вторгнутся на юг. Мы и так ждали слишком долго.

— Они получили сведения… от меня?

Ответом было фырканье.

— Тебе не стоит переоценивать собственную значимость.

— В любом случае это не имеет значения. Все началось с восстановления лифта.

— И они строят второй на Земле, а значит…

— Надо действовать!

Но бутылочки саке шли по кругу и опустошались, и люди уже не были столь серьезны. Они болтали о прошедших годах, о том, что видели в необжитых районах, сплетничали об общих знакомых и рассказывали анекдоты. Нанао достал упаковку воздушных шаров. Они надули их, запустили в небо и смотрели, как те парят среди деревьев и домов. Потом они передавали по кругу баллончик с закисью азота, вдыхали его и смеялись. Звезды над их головами раскинулись, подобно мерцающей сети с мелкими ячейками. Один из них рассказывал истории о космосе, о поясе астероидов. Они пытались резать крышу ножами, чтобы нацарапать там свои имена, но не преуспели.

— Конгресс станет тем, что мы называем Нема Ваши. Закладкой фундамента.

Двое встали, опираясь друг о друга и покачива-

ясь, пока не нашли общий баланс. Наконец они подняли маленькие чашки в тосте.

— В следующем году на Олимпе!

— В следующем году на Олимпе! — ответили остальные и выпили.

Они начали прибывать в Дорсу Бревиа на сороковой М-год (L_s = 180^0, прочие координаты были несущественны). Подпольщики приезжали в мини-марсоходах и прилетали в самолетах со всего юга. Группа Красных и арабы из караван-сарая проверяли прибывающих еще на подходе, в пустошах.

Множество Красных и богдановистов разместились в бункерах, расположенных вокруг Дорсы. Они были вооружены на случай возможных проблем. Однако разведчики из Сабиси считали, что о конференции не знали ни в Берроузе, ни в Элладе, ни в Шеффилде. Когда они объясняли свою точку зрения, Красные и богдановисты с облегчением вздыхали: теперь они знали, что лазутчики и впрямь проникли во Временное Правительство и даже внедрились в структуру транснациональной власти на Марсе. Это было очередное преимущество «полусвета»: они могли работать на всех уровнях.

Когда Надя с Артом и Ниргалом приехали в Дорсу Бревиа, их провели в гостевые зоны Закроса, самого южного сегмента туннеля. Надя бросила рюкзак в комнатке с деревянными стенами и полом и забрела в парк, а после направилась на север. Минуя сегменты, она встречала своих

старых приятелей и незнакомцев — каждый пребывал в приподнятом радужном настроении.

Все эти люди, гуляющие в рощах и перелесках, принадлежали к разным группам подполья, но они так вдохновляли друг друга! Надя оглянулась на толпу, теснящуюся на пешеходных дорожках — там, наверное, собралось человек триста, — и рассмеялась.

Швейцарцы из Оверхэнс прибыли за день до предполагаемой даты начала конгресса. Говорили, что они разбили лагерь неподалеку Дорсы Бревиа и терпеливо ждали указанного срока. Они привезли с собой целый набор шаблонов протоколов для заседаний, и пока Надя и Арт слушали, как швейцарка описывала их планы, Рэндольф ткнул Надю локтем и прошептал:

— Мы создали монстра.

— Нет, — прошептала Надя в ответ, счастливо глядя на центральный парк.

Он раскинулся в третьем северном сегменте туннеля и назывался Лато. Солнечный свет лился из длинной бронзовой расселины в каменной крыше и заполнял гигантский цилиндрический зал каким-то фотонным дождем, которого Наде не хватало всю зиму. А еще она не уставала радоваться деревьям. Здесь росли сосны, кипарисы и

бамбук. Зеленые рощи виднелись из-за черепичных крыш и напоминали зеленые воды.

— Нам нужна структура, или здесь воцарится хаос, как во время студенческих каникул. А швейцарцам — все нипочем! Правда, надо дать им конкретную задачу, они же очень своеобразные ребята…

Арт кивнул. Он что-то тараторил, и иногда его трудно было понять. Вдобавок он не шел, он скакал огромными прыжками в пять-шесть шагов и полагал, что Надя от него не отстает.

— Просто заставьте их выпить кавы с анархистами, — выпалил он и принялся нарезать круги вокруг парка.

Надя улыбнулась. Ночью, когда она шла с Майей через Гурнию к открытым кухням, расположенным на набережной канала, она увидела поразительное зрелище. Арт тащил Михаила и других ястребов-богдановистов к столу швейцарцев, где Юрген, Макс, Сибилла и Присцилла непринужденно болтали с подпольщиками. Швейцарцы с легкостью переключались с языка на язык, как будто являлись роботами-переводчиками, — тем не менее их жизнерадостный гортанный акцент слышался в каждом слове.

— Арт — оптимист, — заметила Надя и покача-

ла головой.

— Арт — идиот, — буркнула Майя.

В убежище собрались представители пятидесяти подпольных групп. Конгресс должен был начаться следующим утром, поэтому была устроена шумная вечеринка. Дикие крики и песни разносились по всему Закросу и Фалазарну. Арабские завывания сливались с тирольскими йодлями, вариации «Вальсируя с Матильдой»[31] сменялись «Марсельезой».

Надя встала спозаранку. Она нашла Арта в павильоне в парке Закроса. Арт переставлял стулья в круг в классическом богдановистском стиле. Надя почувствовала укол боли и сожаления, будто призрак Аркадия прошел прямо сквозь нее. Ему бы понравилась эта встреча, к подобным вещам он призывал столь часто.

Она подбежала к Арту.

— А ты — ранняя пташка!

— Я проснулся и вообще не мог заснуть! — заявил он и потер щетинистый подбородок. — Я нервничаю!

Она рассмеялась.

---

[31] Примечания: 31

Австралийская народная песня, называемая «неофициальным гимном Австралии».

— Это займет несколько недель, Арт, ты же знаешь.

— Да, но самое главное начать!

К десяти часам все места были заняты. Павильон переполняли стоящие участники конгресса: стульев хватило не на всех. Надя пробралась к сектору Зиготы и с любопытством наблюдала за происходящим. Мужчин оказалось больше, чем женщин, да и подпольщики, рожденные на Марсе, тоже были здесь в большинстве.

Многие носили стандартные цельные скафандры, причем у Красных они были ржаво-рыжими. Остальные облачились в яркие церемониальные наряды: хламиды, платья, шаровары, костюмы и вышитые сорочки. Кое-где виднелись обнаженные торсы. На шеях и запястьях подпольщиков поблескивали ожерелья, бусы и браслеты, в ушах звенели крупные серьги. Богдановисты предпочитали аксессуары с кусочками фобосита: когда эти осколки разрезали на плоскости и отполировывали, они превращались в черные зеркала.

Швейцарцы стояли в центре, мрачные и суровые. Мужчины щеголяли в строгих банкирских тройках, а Сибилла и Присцилла — в темно-зеленых платьях. Сибилла призвала собрание к порядку. Затем она и остальные швейцарцы по

очереди объяснили мельчайшие подробности разработанной ими программы. Они делали паузы, чтобы ответить на вопросы, и просили, чтобы участники прокомментировали их выступления.

Группа суфиев в белоснежных рубахах и штанах прошла по периметру павильона. Суфии, двигаясь со своей обычной танцевальной грацией, передавали всем бамбуковые чаши и кувшины с водой. После этого делегаты, возглавляющие каждую группу, вылили немного воды слева от себя и осушили содержимое чаш.

Полинезийцы, которые находились у входа в павильон, тоже не бездействовали. Они наполняли стаканы кавой, кофе или чаем, и Арт передавал их всем желающим. Надя улыбнулась, увидев его, бредущего сквозь толпу. Арт напоминал суфия, шествующего в замедленной съемке, и на ходу смаковал каву.

Швейцарская программа должна была состоять из серии семинаров по конкретным темам: павильоны и беседки Закроса, Гурнии, Лато и Мальты являлись отличными площадками для их проведения. Мероприятия тщательно протоколировались. Заключения и рекомендации семинаров должны были послужить основой для обсуждений на следующий день — как раз

во время одного из двух общих собраний. Первое сосредотачивалось лишь на вопросах достижения независимости, второе — на конкретных стратегиях и методиках, словом, на целях и средствах, как отметил Арт, подойдя к Наде. Когда ознакомительная часть программы завершилась, все хотели приступить к работе и решили, что обойдутся без помпезной церемонии открытия конгресса.

Вернер напомнил собравшимся, что мероприятия начнутся через час, и отпустил участников восвояси. Люди принялись вставать со стульев, и в павильоне раздался гул голосов. Но прежде, чем толпа рассосалась, Хироко вышла вперед из сектора Зиготы и направилась к швейцарцам. На ней был бамбуково-зеленый свитер, простой и аскетичный. Высокая и стройная, она выглядела невзрачной и невесомой — однако все взгляды были прикованы именно к ней. Когда она воздела руки вверх, воцарилась тишина. Те, кто сидел, встали.

Надя затаила дыхание. «Мы должны остановиться прямо сейчас, — подумала она. — Зачем нам собрания, если здесь и сейчас мы обрели нашу общность, наше почтение к одному человеку».

— Мы — дети Земли, — вымолвила Хироко звучным голосом. — Но мы находимся в лавовом туннеле планеты Марс. Мы должны помнить, какая странная у нас сложилась судьба. В любом месте жизнь — загадка и драгоценное чудо, но тут, на Марсе, мы еще лучше чувствуем ее священную силу. Давайте же все вместе выполним нашу работу с почтением к ней.

Она широко развела руки, и ближайшие последователи Хироко, напевая, приблизились к ней и образовали круг. Остальные не замедлили присоединиться к ним, и вскоре пространство вокруг швейцарцев заполнила оживленная толпа, в которой уже не было незнакомых.

Семинары проводились в изящных строениях, разбросанных по паркам. Иногда участники сидели в полуоткрытых залах, граничивших прямо с сосновыми рощами. Швейцарцы уже выбрали руководителей семинаров, а остальные участники посещали те встречи, которые были им интересны, поэтому на некоторых было пять человек, а на других — пятьдесят.

Первый день Надя провела, бродя от семинара к семинару, поднимаясь вверх и спускаясь вниз по южным сегментам туннеля. Она обнаружила, что очень немногие поступили так же — толь-

ко Арт, пожалуй, являлся исключением, хотя в результате ему удавалось услышать лишь пару предложений на каждом мероприятии.

Надю заинтриговал семинар, посвященный событиям 2061 года. Она с интересом, но без удивления заметила среди присутствующих Майю, Энн, Сакса, Спенсера и даже Койота, равно как и Джеки Бун с Ниргалом. Павильон был забит до отказа. Надя задумалась, ведь оставалось еще столько серьезных вопросов о шестьдесят первом. Что, в принципе, случилось? Что пошло не так? Почему?

Но, послушав десять минут, она почувствовала, как сжимается опустошенное сердце. Расстроенные подпольщики принялись искренне и горько обвинять друг друга. Живот у нее скрутило, как не скручивало уже давно, когда на нее нахлынули воспоминания о неудавшейся революции.

Надя озиралась по сторонам. Она старалась концентрироваться на лицах, чтобы отвлечься от призраков прошлого. Сакс, сидевший рядом со Спенсером, был похож на птицу. Он кивал, когда Спенсер заявил, что тот роковой год научил их необходимости полной оценки всех военных сил марсианской системы.

— Это главное предварительное условие для

любого успешного действия, — вещал Спенсер.

Но клочок здравого смысла был заглушен кем-то, кто, кажется, искал предлог не предпринимать никаких действий. Вероятно, оппонентом Спенсера оказался кто-то из первопоселенцев, выступавший за немедленные массовые акции по защите марсианской экологии и вооруженные захваты городов.

Очень живо Надя вспомнила спор с Аркадием по этому вопросу и внезапно поняла, что она давно сыта по горло. Она направилась к импровизированной кафедре. Увидев ее, все замолчали.

— Я устала от дискуссий, которые проходят в военных терминах! — воскликнула она. — Нужно переосмыслить модель революции. Это не удалось Аркадию в шестьдесят первом, поэтому то роковое время и стало для всех кровавой мясорубкой. Послушайте меня, прошу вас! Успешная вооруженная революция на Марсе просто невозможна. Слишком уязвимы системы жизнеобеспечения.

— Но если поверхность пригодна для жизни, тогда системы жизнеобеспечения не так важны…

Надя покачала головой.

— Поверхность не пригодна для жизни и останется таковой еще в течение долгих лет. А если

бы она была пригодна для людей, мы все равно должны были бы переосмыслить революцию. Послушайте, даже когда людские бунты и волнения заканчивались победой, они порождали столько разрушений и ненависти, что всегда следовала некая чудовищная обратная реакция. Если вы выбираете насилие, вы создаете врагов, которые будут противостоять вам вечно. Вашими лидерами станут абсолютно безжалостные типы, а когда война закончится, новая власть будет не лучше старой.

— Не в… Америке, — проговорил Сакс и понурился в попытках подобрать нужное слово.

— Я толком ничего не знаю насчет Америки, но в большинстве случаев все происходило именно так, как я сказала. Насилие порождало ненависть, и в конце концов наступала обратная реакция. Это неизбежно.

— Точно! — согласился Ниргал со своим обычным, полным решимости взглядом, не слишком отличающимся от гримас Сакса. — Но если люди нападают на убежища и уничтожают их, то у нас не остается выбора.

— Вопрос в том, кто их послал, — отчеканила Надя. — А еще надо понять, кто выполняет черную работу. Сомневаюсь, что они имеют что-то

лично против нас. В данный момент они с такой же легкостью могут переметнуться и на нашу сторону, а не выступать против. Но сперва мы должны сфокусироваться на их командирах и хозяевах.

— О-без-глав-ливание, — сказал Сакс.

— Мне не нравится, как это звучит. Нужен другой термин.

— Обязательный выход на пенсию? — едко предложила Майя.

Аудитория засмеялась.

Надя бросила взгляд на старую подругу.

— Принудительная отставка, — заметил Арт, который застыл на пороге павильона.

— То есть переворот, — уточнила Майя. — Не сражаться с населением на поверхности, но просто сменить руководство и их телохранителей.

— Нельзя забывать и про армию, — настойчиво сказал Ниргал. — У нас нет никаких свидетельств того, что армия недовольна или, по крайней мере, равнодушна.

— Но будут ли они воевать без команд от руководства?

— Некоторые будут. Они же выполняют свою работу.

— Слишком многое поставлено на кон, — вы-

молвила Надя, обдумывая мысль. — Армии необходима идея патриотизма, или этнической принадлежности, или что-нибудь в этом духе — иначе они не будут стоять до последнего. Они знают, что их задача — защищать власть имущих. Внести в революцию элемент эгалитарной системы, и они будут считать, что это просто-напросто конфликт интересов.

— Вопрос выходного пособия, — хмыкнула Майя, и участники семинара расхохотались.

Но Арт серьезно спросил:

— Почему бы не изложить все в терминах? Если вы не хотите революции-войны, вам нужно заменить ее чем-то — так почему бы не экономикой? Назовем все практическими изменениями. Так поступают люди в «Праксисе», когда говорят о человеческом капитале или биоинфраструктуре, — они всегда моделируют ситуацию подобным образом. В некотором смысле такая идея может показаться вам нелепой, однако она имеет смысл для тех, у кого экономика — важнейшая из парадигм. В том числе и для транснационалов.

— Ага! — ухмыльнулся Ниргал. — Значит, мы уволим местное правительство, а их полицию повысим в процессе переподготовки?

— Верно.

Сакс покачал головой.

— Не можем достать их, — сказал он. — Нужна сила.

— Что-то должно измениться! Мир должен избежать еще одного шестьдесят первого года! — настаивала Надя. — Надо все переосмыслить. Вероятно, имеются другие исторические модели, о которых мы не упоминали. Какие-нибудь бархатные революции, например…

— В таком случае нам не обойтись без недовольного населения, — подал голос Койот, сидящий в заднем ряду. — Да и сама система должна начать распадаться на части. На Марсе нет подходящих условий. Люди здесь обеспечены и счастливы, что смогли закрепиться на Марсе.

— Но у Земли — проблемы, — подчеркнул Сакс. — Распадается на части.

— Хм, — пробормотал Койот, пересел к Саксу и принялся что-то с ним обсуждать.

Говорить с Саксом до сих пор было тяжело, но благодаря работе с Мишелем — уже возможно. Надя обрадовалась, увидев, что Койот советуется с ним как с равным.

Дискуссия тем временем вернулась на круги своя. Участники спорили о революционных теориях и пытались переосмыслить шестьдесят

первый, но им мешали застарелые обиды и непонимание того, что на самом деле произошло в те кошмарные месяцы. А когда Мишель и некоторые бывшие заключенные Королёва заспорили, кто действительно убил охрану, атмосфера накалилась.

Сакс встал и помахал над головой планшетом.

— Нужны сначала факты, — прокаркал он, — потом диализ… анализ.

— Хорошая идея, — мгновенно ответил Арт. — Если ваша группа кратко изложит историю войны, чтобы представить ее на конгрессе, мы сможем извлечь пользу из вашего доклада и обсудить методологию революции на общих собраниях.

Сакс кивнул и сел. Небольшая группка людей покинула собрание, остальные успокоились и собрались вокруг Сакса и Спенсера. Надя заметила, что теперь в павильоне находились преимущественно ветераны войны. Кроме того, здесь были Джеки, Ниргал и несколько ребят, родившихся на Марсе.

Сама Надя читала кое-какие изыскания по поводу шестьдесят первого года, которые Сакс проделал в Берроузе. Сейчас она надеялась, что с личными свидетельствами других ветеранов

они смогут прийти к пониманию изначальных причин войны — почти через полвека после ее окончания. (Но, как сказал Арт, когда они вместе обсуждали эту тему, — такая ситуация была типична.)

Вскоре они оба тоже покинули павильон. Арт шел, положив руку Наде на плечо. Несмотря на то что он столкнулся со многими подпольщиками, принадлежащими к различным фракциям, сейчас он выглядел на удивление притихшим. «Наверное, устал от впечатлений», — подумала Надя.

— Они сходятся лишь в некоторых вопросах, — признал он. — Но так всегда бывает… хотя бы вначале. Поглядим, что будет дальше.

Наступил второй день конгресса. После полудня Надя пришла на семинар, посвященный терраформированию. По мнению Нади, терраформирование являлось самым спорным вопросом, стоящим перед ними. Она не ошиблась. Павильон на границе парка Лато был набит битком, а перед тем как начать собрание, ведущий вывел участников в парк, разбитый возле канала.

Красные настаивали на том, что терраформирование было помехой их надеждам. Если марсианская поверхность станет пригодна для

жизни, он превратится в земные владения, заявляли они. А учитывая перенаселенность и экологические проблемы на Земле, все надежды будут возлагаться именно на Марс. Нельзя было забывать и о строительстве второго лифта, и о возможном преодолении гравитационных колодцев. В такой ситуации надо ждать неминуемой массовой эмиграции, после чего вообще исчезнет любая возможность марсианской независимости, заключили они.

Подпольщиков, выступающих за терраформирование, называли Зелеными, хотя они и не составляли определенное движение. Они возражали Красным, поскольку считали, что с жизнеспособными условиями на поверхности Марса можно будет селиться где угодно, и тогда подполье тоже автоматически переместится наверх. Конечно, властям будет гораздо сложнее его контролировать или атаковать, а значит, подпольщики займут чрезвычайно выгодное положение.

Две противоположные точки зрения обсуждались в самых разных вариантах и комбинациях. Энн Клейборн и Сакс Расселл также присутствовали на семинаре. Они часто комментировали речи Красных и Зеленых, пока те не умолкли,

подавленные авторитетом антагонистов. А затем все принялись наблюдать, как Энн и Сакс снова схлестнулись.

Надя безрадостно смотрела на медленно развивающееся столкновение и тревожилась за своих друзей. И она была не единственной, кого беспокоило это зрелище. Многие участники видели знаменитую запись спора Энн и Сакса в Андерхилле. Бесспорно, их история стала своеобразной легендой! То был великий миф первой сотни — миф тех времен, когда жизнь была проще и каждый упрямо стоял на своем.

Но в данный момент все усложнилось. Теперь, когда Энн и Сакс опять столкнулись лицом к лицу, уже не обращая внимания на участников, обстановка в павильоне наэлектризовалась. В воздухе витала смесь ностальгии, напряжения коллективного дежавю и явного желания, чтобы Энн и Сакс примирились для собственного блага… и для блага всех остальных.

«Впрочем, наверное, только я хочу, чтобы они пошли на мировую», — подумала. Надя.

Но они, похоже, жаждали продолжать спор. Тем не менее, вскоре Энн выдохлась и с трудом подбирала аргументы. Она вяло жестикулировала и была подавлена, безразлична, почти равнодуш-

на. Неистовая Энн со знаменитой видеозаписи исчезла.

— Когда поверхность будет пригодна для жизни, — произнесла она, и Надя заметила это «когда», а не «если», — на Марс прилетят миллиарды людей. Пока мы вынуждены жить в убежищах, логистика будет вынуждать удерживать численность населения в пределах миллионов. Это как раз то количество, которое необходимо для успешной революции. — Она пожала плечами. — Устройте ее прямо сейчас, если хотите. Наши убежища спрятаны, их — нет. Нарушьте герметичность, и не будет ни одного выстрела в ответ, они умрут, а вы выиграете. Терраформирование уничтожит данное преимущество.

— Я не буду участвовать в очередном кошмаре, — выпалила Надя, не в силах сдержаться. — Ты знаешь, во что превратились города в шестьдесят первом.

Хироко, которая молча сидела на последнем ряду, встала со стула.

— Нация, построенная на геноциде, — совсем не то, к чему мы стремимся, — вымолвила она.

Энн снова пожала плечами.

— Ты хочешь бескровной революции! Увы, такое невозможно.

— Я говорю о шелковой революции, — ответила Хироко. — Революции аэрогеля. Составная часть ареофании. Вот что меня удовлетворит.

— Ладно, — пробормотала Энн.

Поистине, никто не мог поспорить с Хироко! Только Энн…

— Повторяю, лучшим вариантом является тот, при котором поверхность планеты не будет пригодна для жизни, — вдруг заартачилась она и заметно приободрилась. — Переворот, о котором ты твердишь… Что ж, если ты захватишь электростанции в главных городах Марса и скажешь: «Теперь мы всем управляем», — население согласится, но, вероятно, из необходимости. Представь, что сюда прибудут миллиарды людей, которые смогут обустроиться на Марсе, а затем ты со своими замашками уволишь большую их часть и объявишь себя главным боссом… Уверена, они сразу же скажут: «Главной над кем?» — и проигнорируют тебя.

— Это, — сказал Сакс, — предполагает… взять власть… пока поверхность необитаема. И продолжать процесс… независимо.

— Они захотят добраться до тебя, — продолжила Энн. — И, обещаю, они это сделают.

— Нет, если они ослабнут.

— Транснационалы находятся под жестким контролем, — добавила Энн. — Прими мои слова к сведению, Хироко.

Сакс пристально посмотрел на Энн. Он молчал и, вместо того чтобы, как обычно, разбить ее доводы, казалось, еще сильнее фокусировался на них. Обдумав ее тираду, Сакс принялся говорить — с длительными, почти бесконечными паузами, которые невозможно было объяснить проблемами с речью. Надя вглядывалась в его «обновленное» лицо, и ей мерещилось, что с Энн спорит кто-то другой, не Сакс, а его брат, инструктор по танцам или бывший косноязычный боксер со сломанным носом… И сейчас он терпеливо пытался подобрать правильные выражения, не слишком в этом преуспевая. Но эффект был оглушительным.

— Терраформирование… необратимо, — прокаркал Сакс. — Будет тактически трудно… технически трудно… начать… кончить. Равное этому усилие… сделать. А может, нет… И… окружающая среда может быть… оружием в нашем случае… по нашей вине… В любой момент.

— Каким образом? — синхронно воскликнули несколько участников, но Сакс ничего им не объяснил. Он не отводил от Энн пытливого взгляда, а

та, в свою очередь, как-то странно посматривала на него, будто он вывел ее из себя.

— Если мы будем придерживаться курса на создание жизнеспособной поверхности, — произнесла она, — тогда Марс станет для транснациональных корпораций невиданным призом. Возможно, их спасением, если дела на Земле действительно настолько плохи. Они могут захватить власть и построить новый мир, а Землю послать к черту. Это если нам совсем не повезет. Ты видел, что случилось в шестьдесят первом. У них в распоряжении были гигантские армии, и они сохранили свою власть на Марсе.

Она замолчала. Сакс часто заморгал и кивнул.

У Нади просто разрывалось сердце. Они были такими бесстрастными, словно судьбы Марса и Земли вовсе их не заботили, а может, они уже отмели прочь свои эмоции и чувства, как никому не нужный старый хлам. Кто знает?.. Но все-таки в них таилась и тень сомнения, и это колебание весов отражалось в речи. Надя смотрела на них обоих. Вот она — Энн — будто сожженный солнцем пахарь с черно-белых даггеротипов, а Сакс — до сих пор обаятельный и чудом выживший после всех невзгод. Что за ирония судьбы! Они выглядели на шестьдесят, и взвинченная до

предела Надя с трудом могла поверить, что им обоим перевалило за сто двадцать. Они такие нечеловечески древние и такие изменившиеся… изношенные, настрадавшиеся, изнуренные, растраченные… или, по крайней мере, привыкшие не придавать особого значения простому обмену репликами.

Они-то как раз понимали, как мало значат слова в этом мире. И они замолчали, пристально буравя друг друга глазами. Они оба зашли в тупик и были истощены гневом.

Но остальные с лихвой компенсировали их задумчивость — молодые горячие головы яростно кинулись в бой. Красные рассматривали терраформирование как часть имперского процесса. Энн в сравнении с ними придерживалась умеренных взглядов, а они набрасывались даже на Хироко.

— Не называйте это ареоформированием, — кричала на нее какая-то представительница Красных.

Хироко в замешательстве уставилась на высокую, молодую женщину, белокурую валькирию, которая вопила на грани бешенства.

— Вы болтаете чушь о терраформировании — вот и все! Называя это ареоформированием, вы

бессовестно лжете.

— Мы терраформируем планету, — сказала ей Джеки, — а планета ареоформирует нас.

— Ложь!

Энн мрачно посмотрела на Джеки.

— Давным-давно твой дедушка сказал мне то же самое, — начала Энн, — и ты, вероятно, в курсе. Но я до сих пор жажду увидеть, где это ареоформирование.

— Оно происходит с каждым, кто рождается на Марсе, — убежденно ответила Джеки.

— Каким образом? Ты родилась на Марсе, чем ты отличаешься?

Джеки бросила на нее сердитый взгляд.

— Как и остальные местные, Марс — все, что я знаю, и я беспокоюсь о моей родной планете. Мы выросли, впитав в себя культуру, которая связана с древними и современными цивилизациями Терры. И теперь мы создаем марсианскую культуру.

Энн хмыкнула.

— Ну, и чем же ты отличаешься от нас самих? Ты напоминаешь мне Майю.

— Идите вы! — огрызнулась Джеки.

— Майя сказала бы точно так же. Значит, это и есть твое хваленое ареоформирование? Мы люди

— и мы ими и останемся вне зависимости от того, что твердил Джон Бун. Он много чего болтал, но пока его пророчества не сбылись.

— Пока нет, — с нажимом произнесла Джеки. — Но процесс замедляется, когда он в руках людей, у которых за последние пятьдесят лет не возникло ни одной мало-мальски оригинальной идеи. — Молодые участники семинара рассмеялись, услышав это. — А сейчас у некоторых появилась отвратительная привычка бросаться неуместными личными оскорблениями в политических спорах, — добавила она и скрестила руки на груди.

Джеки замолчала, глядя на Энн. Та казалась спокойной и расслабленной, хотя ее глаза и метали молнии. Дискуссия напомнила Наде, какой силой обладала Джеки. Без сомнения, за ней стояли почти все, рожденные на Марсе.

— Если мы не изменились, — вымолвила Хироко, обратившись к Энн, — как ты объяснишь своих Красных и ареофанию?

Энн задумалась.

— Это исключения, — наконец ответила она.

Хироко склонила голову набок.

— В нас живет дух Марса. Ландшафт оказывает значительное влияние на психику. Ты изучаешь

ландшафты, ты — Красная. Ты должна признать мою правоту.

— Это истина лишь для некоторых, — парировала Энн, — Большинство людей, очевидно, не чувствуют дух Марса. Города похожи друг на друга, как близнецы. По-моему, они взаимозаменяемы. Люди прилетают в какое-нибудь поселение на Марсе и начинают там жить… и в чем разница? Ее нет. Поэтому они заинтересованы в том, как разрушить землю за городской чертой, как они уже сделали на Терре.

— Их можно научить мыслить иначе.

— Вряд ли. Слишком поздно. В лучшем случае им можно приказать вести себя иначе. Но это не ареоформирование планетой, а банальная идеологическая обработка в лагерях перевоспитания!

— Убеждение, — возразила Хироко. — Пропаганда, убеждение примером и доказательствами. Я не имела в виду принуждение.

— Аэрогельная революция, — саркастически усмехнулась Энн. — Но аэрогель плохо воздействует на ракеты.

Несколько участников заговорили разом, и на минуту нить разговора была потеряна. Дискуссия моментально распалась на сотню мелких споров: люди уже не хотели сдерживаться, и каждый

принялся отстаивать свое мнение. Надя поняла, что так может продолжаться час за часом, день за днем.

Энн и Сакс сели. Надя пробиралась сквозь толпу к выходу из павильона и около выхода столкнулась с унылым Артом.

— Не могу поверить, — пробормотал он.

— Поверь.

Конгресс продолжался. Ежедневно проводились семинары (удачные или не очень), плавно перетекающие в ужин, за которым следовала традиционная вечеринка. Надя заметила, что если старые эмигранты предпочитали после трапезы вернуться к обсуждениям, то молодые местные воспринимали конгресс как дневную работу, а ночи отдавали празднествам. Они часто собирались возле большого теплого пруда Фестос. Даже их предпочтения явно свидетельствовали о том, насколько они различны между собой, и Надя считала этот вопрос весьма любопытным.

Сама же Надя полюбила проводить вечера в патио Закроса. Она делала заметки по поводу тех или иных встреч, разговаривая с участниками, и обдумывала все, увиденное накануне. Ниргал присоединялся с ней, как и Арт (если он не пытался заставить спорщиков выпить кавы, а потом пойти веселиться к Фестосу).

На второй неделе у нее появилась привычка вечером прогуливаться по трубам-переходам. Добравшись аж до самой Фаласарны, она поворачивала обратно, а потом встречалась с Ниргалом и Артом в патио, расположенном на лавовом пригорке в Лато. Эти двое стали добрыми друзьями во время их долгой поездки домой от каньона Касэй,

а в дни конгресса они буквально превратились в братьев. Теперь они обсуждали все, что только можно, сравнивали впечатления, делились теориями и излагали на суд Нади свои планы. В конце концов, они решили написать своего рода документ о конгрессе.

Они приняли Надю в свою компанию в качестве старшей сестры, а может, и бабушки. Однажды, когда они закончили трудиться над документом и, пошатываясь, побрели спать, Арт заговорил о «триумвирате». С нею в роли Помпея, без сомнений. Но Надя сделала все, чтобы повлиять на них с помощью собственного четкого анализа общей картины.

Она сказала, что разногласия среди групп подполья существовали всегда, и тут нет ничего удивительного. Тем не менее некоторые идеи являлись краеугольными. И, конечно же, все в основном вертелось вокруг вопроса терраформирования. А еще были те, кто выступал за и против революционного насилия. Сколько людей — столько и мнений: пока одни жили в подполье и сохраняли гонимую культуру, другие прятались еще «глубже» и пытались создать совершенно новое общество.

А для Нади становилось все более очевидным,

что самые значительные различия существовали между эмигрантами с Земли и теми, кто родился на Марсе.

Так или иначе, но конгресс только обострил эти разногласия, и никто не знал, как примирить спорщиков.

На следующую ночь к ним заглянул пришедший выпить Мишель Дюваль. Когда Надя описала ему проблему, он достал искин и начал строить диаграммы, основанные на том, что он называл «семантический прямоугольник». Используя схему Мишеля, они сделали сотню разных набросков различных дихотомий. Они упорно старались найти проекцию, которая помогла бы им понять, какие союзы и противостояния действительно возможны при данном раскладе. Они придумали дюжину интересных шаблонов, но нельзя было сказать, что их посетило ослепительное озарение, хотя один особенно хаотичный семантический прямоугольник показался многообещающим, по крайней мере — Мишелю. Насилие и ненасилие, терраформирование и антитерраформирование составляли четыре начальных угла, и во вторичной комбинации вокруг четырехугольника Мишель расположил богдановистов, Красных, ареофанию Хироко, мусульман и других консер-

ваторов.

Однако что эта комбинация означала на практике, пока было не ясно.

Надя стала посещать собрания, посвященные общим вопросам, относящимся к возможному марсианскому правительству. Они оказались так же неорганизованны, как и дискуссии о революционных методах, но менее эмоциональны и более основательны. Они проходили каждый день в амфитеатре, который минойцы вырезали в стене туннеля Малия. Участники, сидящие на полукруглых скамьях, видели заросли бамбука, сосновые рощи и терракотовые крыши на всем протяжении длины туннеля от Закроса до Фаласарны.

На собрания приходили несколько другие люди, чем на революционные дебаты. Сперва докладчик устраивал краткие дискуссии с несколькими участниками по поводу конкретной специфической проблемы, а уж потом начиналось общее собрание, где обсуждался очередной «свежий» доклад. Швейцарцы постарались на славу: здесь были затронуты всевозможные аспекты политики, экономики и культуры, так что обсуждения проходили бурно, но без взаимных оскорблений.

Влад и Марина посылали отчеты со своего се-

минара по финансам, при этом каждый из них оттачивал и расширял развивающийся концепт эко-экономики.

— Сегодня была захватывающая дискуссия, — сообщила Надя Ниргалу и Арту во время их ночного бдения в патио. — Многие критикуют оригинальную систему Влада и Марины, в том числе швейцарцы и ребята из Болоньи. Они, по сути, пришли к выводу, что система даров, которую мы впервые использовали в подполье, не самодостаточна, ее слишком трудно сбалансировать. Есть проблемы дефицита и накопительства, и когда мы начинаем устанавливать стандарты, это все равно что подарки, от которых нельзя отказаться, а это как раз противоречит системе. Вот о чем твердил Койот, который установил в подполье свою бартерную систему! Полагаю, мы движемся по направлению к более рациональной системе, в которой базовые потребности распределяются в регулируемой экономике перекиси водорода, и вещи оцениваются путем расчета их калорийности. Когда обеспечены базовые потребности, в игру вступает экономика подарков, использующая в качестве стандарта азот. Иными словами, имеются две плоскости — на одной находится нужда, на другой — подарок, или, как

сказали суфии, животное и человеческое, выраженное в разных стандартах.

— Зеленое и белое, — пробормотал Ниргал.

— А суфии довольны двойственной системой? — спросил Арт.

Надя кивнула.

— Сегодня, когда Марина объяснила взаимоотношения данных плоскостей, Дуаль-Нун заявил, что Мевляна не мог бы изложить концепцию лучше.

— Хороший знак, — обрадовался Арт.

Иные семинары не были настолько конкретны, а потому оказались менее плодотворными.

Надя побывала на одном мероприятии, посвященном будущим биллям о правах. В павильоне царила весьма недоброжелательная атмосфера. Надя быстро сообразила, что тема семинара лишь слегка затрагивала ворох социокультурных проблем. Многие участники наверняка сочли, что смогут убедить оппонентов не только в своем собственном превосходстве, но и в доминировании своей культуры.

— Я всегда говорил вам это, еще со времен Буна! — восклицал Зейк. — Попытка навязать нам один набор ценностей, не что иное, как ататюркизм. Каждому должно быть позволено идти

своим путем!

— Утверждение верно, но лишь до определенного момента, — парировала Ариадна. — А если некая группа настаивает на праве рабовладения?

Зейк пожал плечами.

— Такое недопустимо.

— Значит, вы согласны, что должен быть базовый билль о правах человека?

— Конечно, — холодно ответил Зейк.

— Любая социальная иерархия — своего рода рабство, — встрял Михаил от имени богдановистов. — Каждый должен быть абсолютно равен перед законом.

— Иерархия — естественное положение вещей, — возразил Зейк. — Ее нельзя избежать.

— Сказано арабом, — прокомментировала Ариадна. — Но здесь у нас не естественное положение вещей, а марсианское. И там, где иерархия ведет к подавлению, она должна быть упразднена.

— Иерархия благонамеренных, — буркнул Зейк.

— Или главенство равенства и свободы.

— Силой, если потребуется.

— Да!

— Насильственная свобода! — Зейк с отвраще-

нием махнул рукой.

Арт вкатил на подиум тележку с напитками.

— Может, нам стоит сконцентрироваться на реальных правах? — предложил он. — Изучить земные декларации прав человека и прикинуть, можно ли адаптировать их на Марсе.

Надя покинула павильон, чтобы посетить другие мероприятия. Использование земли, закон о собственности, уголовное право, вопрос наследования… Швейцарцы разбили вопрос о правительстве на поразительное количество подкатегорий. Анархисты чувствовали раздражение, и в первую очередь — Михаил (который уже сбежал с предыдущего семинара).

— Нам действительно нужно заниматься ерундой? — восклицал он. — Говорю вам, ничем из этого нельзя владеть!

Надя ожидала, что Койот будет среди тех, кто оспорит мнение Михаила, и затаила дыхание.

— Мы должны утвердить все это! — заявил Койот. — Даже если вы не хотите ничем владеть или хотите владеть минимумом, вы должны обосновать программы пункт за пунктом. Кроме того, минималисты стремятся к сохранению такой экономической и полицейской системы, которая даст им привилегии. Вот она — борьба за свободу

личности для вас, анархистов, которые мечтают, чтобы копы охраняли их от собственных рабов! Нет! Если вам нужен минимум собственности во владении, то аргументируйте все от начала и до конца.

— А как же быть с законом о наследовании? — взвился Михаил.

— Почему бы и нет? Это критичный вопрос! Я утверждаю, что наследства не должно быть вообще, за исключением некоторых личных вещей, например. А все остальное должно вернуться Марсу как часть дара, верно?

— Все остальное? — переспросил Влад. — А из чего оно точно состоит? Никто не будет владеть землей, водой, воздухом, инфраструктурой, генными банками, базами данных… Что еще можно передавать по наследству?

Койот пожал плечами.

— Недвижимость? Банковский счет? А разве у нас не будет денег? И разве люди не станут копить их, если смогут?

— Тебе надо посетить финансовый семинар, — посоветовала ему Марина. — Мы надеемся дать деньгам эквивалент в виде перекиси водорода и оценивать вещи в энергетических единицах.

— Но деньги будут существовать, верно?

— Да, но мы думаем над обратными процентами на сберегательных счетах. К примеру, если вы не пустите в оборот то, что заработали, это выпустят в атмосферу в виде азота. Ты удивишься, насколько сложно оставаться в плюсе при данной системе.

— Но если я пущу все в оборот?

— Тогда я с тобой соглашусь. После твоей смерти это должно вернуться к Марсу и быть использовано для общего блага.

Сакс, запинаясь, возразил, что такое решение противоречит биоэтической теории, согласно которой все существа, включая не только людей, но и животных, имеют сильное побуждение обеспечивать свое потомство. Это побуждение можно наблюдать и в природе, и в человеческих культурах, оно объясняет одновременно и эгоистическое, и альтруистическое поведение.

— Попробуйте поменять био… логичный… биологический… основание культуры… законом… Получите проблемы.

— Вероятно, должно быть минимальное право наследования, — сказал Койот. — Достаточное, чтобы удовлетворить животный инстинкт, но не достаточное, чтобы кормить обеспеченную элиту.

Марина и Влад, как по команде, принялись вбивать новые формулы в свои искины. Но Михаил, сидевший рядом с Надей и листающий программу мероприятий, недовольно скривился.

— Это и есть часть конституционного процесса? — пробормотал он, уставившись на буклет. — Районные кодексы, производство энергии, утилизация отходов, транспортная система, борьба с вредителями, законы о собственности, система жалоб, криминальное законодательство, арбитражный суд… законы в области здравоохранения?

Надя вздохнула.

— Полагаю, что да. Вспомни, как много работал Аркадий с архитектурой.

— Школьные расписания? Нет, я слышал о микрополитике! Что за глупости!

— Нанополитика, — произнес Арт.

— Нет, пикополитика! Фемтополитика!

Надя встала, чтобы помочь Арту развозить напитки к другим павильонам, где проходили семинары.

Арт неустанно бегал от одной встречи к другой. Он предлагал участникам чай, кофе или даже каву, слушал докладчиков максимум пару минут и двигался дальше. В день проводилось от

восьми до десяти встреч, и Арт каким-то образом успевал побывать на всех. А вечером, когда делегаты отдыхали, развлекаясь или прогуливаясь по туннелям, Арт углублялся в работу. Ниргал присоединялся к нему. Они внимательно просматривали записи семинаров на умеренно быстрой перемотке (при этом участники щебетали, словно птицы) и замедляли их только, чтобы делать заметки или обговорить некоторые моменты. Вставая посреди ночи, чтобы сходить в туалет, Надя брела мимо затемненной гостиной, где они оба корпели над очередной статьей. Иногда она видела их заснувшими в креслах. Их расслабленные, с приоткрытыми ртами лица мерцали в свете транслируемых с экранов дебатов о некомпетентности полиции.

Но утром Арт вставал одновременно со швейцарцами и вновь готовился к бою. Сперва Надя пыталась поспевать за ним, но обнаружила, что встречи за завтраком очень многообещающи. Правда, иногда участники сидели за столами, потягивая кофе и уплетая фрукты и маффины. В такие моменты она таращились друг на друга, словно зомби. «Ты кто? — словно говорил их замутненный взгляд. — Что я тут делаю? Где мы? Почему я проснулся не в своей постели?»

Но могло быть и совершенно по-другому: порой по утрам люди приходили сюда выспавшиеся и бодрые после душа. Они залпом выпивали кофе или каву и горели поделиться с другими своими новыми, конечно же, гениальными идеями и мыслями. И они были готовы сражаться, чтобы добиться прогресса. Если и остальные пребывали в таком же состоянии, вопросы решались на лету.

Одно из обсуждений собственности прошло именно так, и целый час казалось, что они решили все проблемы согласования человека и общества, личных возможностей и общественного блага, эгоизма и альтруизма… Но в конце встречи их заметки выглядели столь же смутными и противоречивыми, как и те, что были сделаны накануне.

— Надо опять смотреть запись собрания целиком, чтобы сделать нормальный отчет, — посетовал Арт, тщетно пытаясь набросать конспект.

Так что большинство утренних встреч были не очень-то и успешны, а постепенно и вовсе превратились в затяжные споры. Однажды утром Надя видела как Антар, молодой араб, с которым Джеки развлекалась в их поездке, говорил Владу:

— Вы лишь повторите социалистическую ка-

тастрофу!

Влад пожал плечами.

— Не спеши судить о том периоде. Социалистические страны находились под нападками капиталистических государств снаружи и коррупции — изнутри, ни одна система не может пережить подобный кошмар! Не стоит выплескивать ребенка вместе с водой — в таком случае мы потеряем множество справедливых и замечательных концепций. Земля находится в тисках системы, которая победила социализм, и это очевидно иррациональная и деструктивная иерархия. Как же нам быть с ней, чтобы нас не сокрушили? Мы должны везде искать ответы, включая и те системы, которые были побеждены нынешним порядком.

Арт толкал тележку с едой к соседнему павильону. Надя бросилась за ним.

— Боже мой, я бы хотел, чтобы тут был Форт, — причитал Арт. — Он должен быть здесь, правда…

На следующем собрании спорили о границах толерантности: о том, что не будет дозволено, какое бы религиозное значение этому ни придавалось.

— Скажите все мусульманам! — прокричал кто-то.

Юрген вылетел из павильона и с отвращением потряс головой. Цапнув с тележки ролл, он произнес с набитым ртом:

— Либеральная демократия утверждает, что толерантность необходима! Странно, стоит чуть отступить от либеральной демократии, как эти самые демократы становятся крайне нетолерантны.

— И как с проблемой справляются в Швейцарии? — спросил Арт.

Юрген пожал плечами.

— Кажется, никак.

— Боже, как бы я хотел, чтобы Форт был тут! — повторил Арт. — Я пытался связаться с ним некоторое время назад и рассказать о конгрессе… Я даже использовал швейцарскую правительственную линию, но мне никто не ответил!

Конгресс продолжался почти месяц. Недосыпание и, возможно, злоупотребление кавой все сильнее выматывали Арта и Ниргала. Наконец Надя начала гнать их ночами в постель. Она решительно подталкивала их к диванам и обещала сделать дайджест тех записей семинаров, которые они еще не пересмотрели.

Они спали в той же комнате, ворочаясь с боку на бок на узких диванчиках из бамбука и поро-

лона, и что-то бормотали во сне. Однажды ночью Арт резко сел на диване.

— Я утратил суть вещей, — серьезно сказал он Наде спросонья. — Я вижу теперь только формы. А где же содержание?

— Становишься швейцарцем? Ложись спать.

Он опрокинулся назад.

— Было безумием думать, что вы, ребята, сумеете сработаться вместе, — добавил он и зевнул.

— Спи.

«Может, это и впрямь безумие», — подумала она, когда он засопел.

Она встала и направилась к двери. Голова шумела, она чувствовала, что не заснет, и пошла в парк. Воздух был еще теплым, на каменном своде небес виднелись длинные трещины.

Внезапно туннель напомнил Наде одну из комнат на «Аресе», правда, во много раз увеличенную, но выполненную в той же эстетике. Беседки и павильоны, темные, пушистые комочки рощ… Игра в строительство мира. Но сейчас на кону был настоящий мир. Поначалу участники конгресса легкомысленно отнеслись к его огромному потенциалу, а некоторые уроженцы Марса были слишком юны и неудержимы, чтобы прочувствовать это. Но для стариков ситуация

стала иной. Они смогли подступиться к прежде неразрешимым проблемам и словно узрели узловатые кости, проступающие под усыхающей плотью. Остатки первой сотни, японцы из Сабиси, — тоже посетили конгресс. Они наблюдали и мучительно раздумывали над всем, что видели. Их отношение варьировалось от цинизма Майи до тревожного раздражения Марины.

В парке она заметила Койота. Хотя у него подкашивались ноги, он шел вперед рядом с молодой женщиной, которую держал за талию.

— О, любовь! — кричал он в длинный туннель и хохотал. — Нам с тобой предназначено судьбой осознать марсианский мир, печали полный, постараться не разбиться на осколки и построить мир своей мечты!

«Совершенно верно», — подумала Надя, улыбнувшись, и повернула обратно в гостевое жилище.

У них были веские причины для надежды. Хироко продолжала упорно добиваться одной цели. Она целый день посещала семинары, активно участвовала в обсуждениях и вселяла в людей уверенность, что их собрание — самое важное из всех, проходящих в данный момент. И Энн работала, хотя, как считала Надя, слишком

критично относилась ко всему, мрачнее, чем когда-либо… Спенсер, Сакс, Майя, Мишель, Влад, Урсула и Марина тоже вносили в конгресс свой посильный вклад.

Теперь первая сотня казалась Наде более сплоченной в своих усилиях, чем после того, как они создали Андерхилл, — как будто то был последний их шанс все исправить, оправиться от полученных ран. Сделать что-то в память о погибших друзьях.

И они были не единственными. Постепенно многие из подпольщиков поняли, что могут добиться чего-то ощутимого, и взяли себя в руки. Они ходили на те же собрания, что и первая сотня, и вместе пытались найти компромиссы и получить результаты — сперва хотя бы на экране в виде наглядных рекомендаций. Они терпели присутствие тех, кто был больше заинтересован в эпатаже, и продолжали держаться выбранного курса.

Надя фокусировалась на явных признаках прогресса и работала, чтобы держать в курсе Арта и Ниргала, а также следила, чтобы они ели и отдыхали. Иногда в их жилище заглядывали разные люди, которые заявляли: «Нам сказали принести запись доклада большой тройке», — и тогда Надя

кивала и улыбалась.

Некоторые участники особо ей запомнились, например женщина из Дорсы Бревиа по имени Шарлотта. Она являлась настоящим знатоком в своей области и придумала шаблон будущей конституции, сделанный со швейцарским педантизмом, где были чистые, еще не заполненные поля.

— Не унывайте, — сказала она им однажды, когда они сидели мрачные и нахохлившиеся. — Столкновение доктрин — это возможность. Американский конституционный конгресс был весьма успешен, а ведь начался он с очень сильных противоречий. Форма правительства, которую они создали, отражает недоверие этих групп друг к другу. Маленькие штаты боялись, что их подавят более крупные, но в Сенате все они считались равными, хотя в палате был численный перевес в пользу последних. Структура стала ответом на конкретную проблему, понимаете? То же самое и работа через посредников. Это узаконенное недоверие к власти. В швейцарской конституции найдется сотня подобных примеров. Так что мы можем отлично адаптировать земные схемы к марсианской действительности.

И они втроем — двое умных молодых мужчин и

одна тупая старуха — продолжили работать. Надя подумала, как странно наблюдать, кто становится лидером в таких ситуациях. Это необязательно был кто-то самый умный или информированный, как Марина или Койот, хотя их способности, как и они сами, очень ценились другими. Лидерами оказывались те, к кому прислушивались. Привлекательные люди. И среди столь мощных умов и личностей такой магнетизм был редкостью — настоящим сокровищем. Могущественной силой…

Она пришла на собрание, посвященное обсуждению отношений между Землей и Марсом после достижения независимости. Койот восклицал:

— Пошлем их к черту! Они сами виноваты! Пусть исправляют то, что натворили, а если смогут, мы прилетим с визитом и будем соседями. Но даже если мы попробуем помочь им, они нас уничтожат.

Многие из Красных и первопоселенцев Марса сочувственно кивали, Касэй выделялся среди них. Он с некоторых пор отдалился. Он являлся вожаком группы первопоселенцев Марса, сепаратистского крыла Красных, члены которого не хотели иметь с Землей ничего общего. Они в открытую призывали к саботажу, экотажу, вооруженному мятежу — любым средствам,

необходимым для достижения их целей. Наде было грустно видеть, что Касэй переметнулся на сторону столь несговорчивых жестких типов и даже возглавил их группу.

Майя встала, чтобы ответить Койоту.

— Хорошая теория, но нереальная, — заявила она. — Не уподобляйся Энн и ее Красным. Мы вынуждены будем иметь дело с Землей, поэтому лучше нам сейчас определиться, а не прятаться в кусты!

— Пока они в хаосе, мы — в опасности, — заметила Надя. — Мы должны делать все, что в наших силах и помочь остальным. Оказывать влияние, чтобы они шли в нужном нам направлении.

— Две планеты — одна система! — провозгласил кто-то.

— Что вы имеете в виду? — рявкнул Койот. — Мы — разные миры, мы точно можем быть разными системами!

— Обмен информацией.

— Мы для Земли существуем как модель эксперимента, — произнесла Майя. — Мысленный эксперимент для человечества, на котором можно кое-чему научиться.

— Настоящий эксперимент, — ответила Надя. — Это уже не игра, и мы не можем активно

занимать исключительно теоретические позиции.

Она посмотрела на Касэя, Дао и их товарищей в упор. Увы, ее речь не возымела на них никакого воздействия.

Новые семинары, обсуждения, быстрый перекус и еще встреча с иссеями Сабиси, чтобы обсудить «полусвет» как трамплин для их усилий. Наконец, настала пора ночной конференции с Артом и Ниргалом, но оба валились с ног от усталости, и она послала их спать.

— Поговорим за завтраком.

Надя тоже чувствовала себя очень измученной, но спать ей не хотелось, поэтому она решила прогуляться на участке к северу от Закроса, сперва пройдя через туннели. Недавно Надя обнаружила беговую дорожку, вырубленную высоко в западной базальтовой стене, где та находилась примерно под углом в сорок пять градусов. Оттуда открывался потрясающий вид на парки Дорсы Бревиа. А затем тропа сворачивала к ответвлению, ведущему к Кнососсу, и тогда Надя видела весь туннель целиком. Это был длинный узкий мир: фонари озаряли темные стены и круглые кроны высоких деревьев, высаженных по обе стороны. Рядом был разбит парк со множеством

беседок, украшенных цепочками бумажных фонариков — подарка японцев здешним жителям… Это было настолько красиво, что Надя с болью думала о долгих годах, проведенных в Зиготе, подо льдом, в морозном воздухе и при искусственном свете. Если бы они только знали о лавовых туннелях!

В Фестосе, соседнем сегменте, была набережная и огромный чистый пруд. Водоем переходил в широкий канал, неторопливо следующий по Закросу. Подводные огни на одном конце пруда превращали воду в искрящийся зеркальный кристалл, и Надя могла наблюдать, как там плещется группка людей. Их тела мерцали среди волн и исчезали в темноте. Амфибии, саламандры… Когда-то очень давно на Земле жили млекопитающие, которые обитали в воде, и по каким-то неизвестным причинам они стаями выбрасывались на берег. «Наверное, у них в океане тоже были серьезные политические дебаты, — сонно предположила Надя. — Выходить или не выходить из воды, как выходить, когда выходить…»

До нее донесся чей-то смех, и она пошла обратно, поглядывая на неровную цепочку фонариков-звезд. Теперь она направлялась в Закрос, шагая по дорожкам и траве набережной, а в ее голове

проносились беспорядочные, стремительные образы. Очутившись в гостевой комнате, она рухнула на кровать и мгновенно заснула, и на рассвете ей приснились дельфины, плывущие в небе.

Однако в середине сна ее грубо разбудила Майя, сказав по-русски:

— Здесь какие-то земляне. Американцы.

— Земляне, — испуганно повторила Надя.

Она быстро оделась и бросилась наружу.

И действительно, Арт стоял возле нескольких землян: мужчин и женщин ее роста и, очевидно, примерно ее возраста. Они неловко задирали головы, в изумлении осматривая цилиндрический зал. Арт представлял их участникам конгресса и одновременно объяснял землянам устройство убежища, что даже с его быстрой речью было затруднительно.

— Я пригласил из… но… и я не знал… — тараторил Арт. — Привет, Надя! Это мой старый босс, Уильям Форт.

— Помяни дьявола… — произнесла Надя и пожала руку старика.

У него было крепкое пожатие: лысый, курносый мужчина, загорелый и морщинистый, с приятным рассеянным выражением лица.

— …Они только что прибыли, богдановисты провели их сюда. Я пригласил мистера Форта некоторое время назад, но не получил ответа и не знал, прибудет ли он. Я порядком удивлен, но и рад, конечно.

— Вы пригласили его? — переспросила Майя.

— Да, и он очень заинтересован в том, чтобы помочь нам.

Майя смотрела пристально, но не на Арта, а на Надю.

— Я говорила тебе, он шпион, — процедила она по-русски.

— Я помню твои слова, — ответила Надя и обратилась к Форту по-английски: — Добро пожаловать на Марс!

— Я счастлив быть здесь, — заявил Форт.

И он действительно казался счастливым, глупо ухмылялся, будто пребывал в эйфории и не мог держаться приветливо-нейтрально или хотя бы спокойно. Его компаньоны чувствовали себя не столь уверенно. Их было около дюжины, и старых, и молодых: кое-кто робко улыбался, но в основном они кидали на подпольщиков растерянные или настороженные взгляды.

После первых неловких минут обмена приветствиями Надя повела Форта и его сотрудников в гостевые апартаменты Закроса. Когда пришла Ариадна, они уже распределили гостей по комнатам. Что еще они могли сделать? Тем временем новости о землянах-американцах облетели всю Дорсу Бревиа, и вскоре Надя была вынуждена

буквально отбиваться от любопытных. Вдобавок многие подпольщики выказали неудовольствие, узнав об американцах. Надя осаживала их. В конце концов, к ним прибыли важные гости во главе с лидером одной из крупнейших транснациональных корпораций. И у них не было ни «жучков», ни иных следящих устройств, по крайней мере так утверждали японцы из Сабиси.

В общем, нужно было что-то предпринять, поэтому Надя встретилась со швейцарцами. Она попросила их организовать общее собрание во время обеда и вернулась к землянам — она хотела проверить, все ли у них в порядке и как они себя чувствуют после длительного перелета. Выяснив, что они ни в чем не нуждаются, Надя пригласила землян выступить на собрании. Те с благодарностью согласились и явно приободрились. А Форт, похоже, даже начал сочинять речь.

Покинув гостевые комнаты, Арт столкнулся к целой ордой возбужденных подпольщиков.

— Что заставляет вас думать, что вы можете принимать такие серьезные решения? — требовательно спросила Майя. — Вы — посторонний! Вы как шпион среди нас! Заводите друзей и предаете нас за нашими спинами!

Подпольщики за ее спиной закивали. Арт сму-

тился, покраснел и молча развел руками. Затем он повел плечами, будто хотел увернуться от оскорблений Майи или проскользнуть в гущу толпы, где маячили более миролюбивые подпольщики.

— Нам нужна помощь, — пролепетал он. — Мы не можем в одиночку закончить то, что намереваемся сделать. «Праксис» — совсем другой, не такой, как прочие транснационалы, а эти люди… они вроде вас, поверьте мне.

— Что ты мелешь! — рявкнула Майя. — Ты — наш пленник!

Арт прищурился и всплеснул руками.

— Нельзя быть пленником и шпионом одновременно, не так ли?

— Ты можешь быть предателем любого сорта! — воскликнула Майя.

Джеки подошла к Арту и посмотрела на него строгим и пытливым взглядом.

— Вы понимаете, что группа из «Праксиса» может быть вынуждена остаться на Марсе навсегда, независимо от их желания? Прямо, как вы, Арт.

Он утвердительно склонил голову.

— Я сказал им о подобной возможности. Но, вероятно, они понимают, что у них нет выбора. Говорю вам, они жаждут нам помочь. «Праксис»

является единственной транснациональной корпорацией, которая делает все иначе. И у «Праксиса» действительно схожие с нашими цели! Они прилетели на Марс, чтобы встретиться с вами! Послушайте меня, они заинтересованы… Почему вас это так расстраивает? Теперь у нас есть шанс переломить ситуацию в свою пользу.

— Давайте посмотрим, что скажет Форт, — предложила Надя.

Швейцарцы созвали особое собрание в амфитеатре Малии, и, когда толпа делегатов собралась, Надя помогла провести вновь прибывших через ворота сегмента и показала им свободные места. Земляне пока еще трепетали перед размерами туннеля Дорсы Бревиа. Арт носился вокруг с выпученными глазами, стирая пот со лба и чрезвычайно нервничая. Его поведение смешило Надю. Почему-то прибытие Форта привело ее в доброе расположение духа, и она была уверена, что «Праксис» не может принести им вреда.

Она села в первом ряду рядом с людьми из «Праксиса» и наблюдала, как Арт повел Форта на сцену и представил его подпольщикам. Форт что-то сказал Арту и окинул взглядом аудиторию: вероятно, он беспокоился, что его будет плохо слышно в задних рядах. Набрав побольше воздуха

в легкие, Форт начал говорить. Его обычно тихий голос полился с уверенностью опытного оратора, прекрасно долетая до каждого слушателя.

— Я хочу поблагодарить людей из «Субараси» за то, что они доставили меня на юг, на эту конференцию.

Арт, собиравшийся уже вернуться на место, отпрянул назад, повернулся и прикрыл рот ладонью.

— Сабиси, — сказал он Форту вполголоса.

— Что-что?

— Сабиси. Вы сказали «Субараси», а это транснациональная компания. Город, через который вы ехали, чтобы добраться сюда, называется Сабиси. Сабиси означает «одинокий»… «Субараси» — «прекрасный».

— Прекрасно, — ответил Форт, покосившись на Арта.

И старый землянин продолжил говорить, а его проникновенный голос как будто обволакивал аудиторию. Сперва Форт в несколько запутанной манере рассказал об истории возникновения «Праксиса» и о теперешнем положении компании. Затем объяснил взаимоотношения своего детища с другими транснационалами. Надя не могла не заметить общие черты в отношениях

между корпорациями и тем, что происходило на Марсе сейчас. Марсианские фракции — подполье и мир на поверхности — тоже подвергали друг друга нападкам и одновременно пытались перетянуть соперника на свою сторону.

Несомненно, хитрюга Форт заранее продумал свою речь! И он отлично справлялся со своей задачей, захватив внимание толпы. Но когда он сказал что-то насчет экокапитализма и того, что рассматривает Землю как живую биосферу, а Марс — как пустую планету, пока еще не пригодную для комфортного обитания, трое или четверо Красных вскочили на ноги.

— Что вы имеете в виду? — крикнул один из них.

Арт сжал кулаки, и Надя занервничала. Ответ Форта оказался длинным и пространным. Согласно определению экокапитализма, сказал Форт, природа является биоинфраструктурой, а люди рассматриваются как человеческий капитал. Оглянувшись, Надя заметила, что многие нахмурились. Влад и Марина склонили головы друг к дружке, Марина что-то набирала на дисплее своей консоли.

Внезапно Арт рывком поднялся и спросил Форта, чем «Праксис» занимается сейчас и какую

роль он может сыграть для Марса. Форт уставился на Арта, будто не узнал его.

— Мы работаем над Мировым Судом. ООН до сих не оправилась после 2061 года, и сейчас многие считают ее пережитком Второй мировой, так же как Лига Наций оказалась пережитком Первой. Поэтому, можно сказать, мы потеряли своего лучшего арбитра в международных диспутах, а конфликты тем временем продолжаются, и некоторые — очень и очень серьезны. Многие из них были представлены на рассмотрение Мирового Суда одной или другой стороной, поэтому «Праксис» организовал сообщество так называемых «Друзей Суда». Там работают профессионалы: они заняты упрощением и адаптацией арбитражных методик под сегодняшние реалии и прочей волокитой. В общем, мы сами являемся частью новой технологии! Попробую объяснить наглядно — к примеру, если две интернациональных организации расходятся во мнениях и прибегают к помощи арбитров, они принимают участие в годичной программе Мирового Суда, а арбитр пытается найти выход, устраивающий обе стороны. В конце года Мировой Суд выносит вердикт по самой значимой проблеме, и если он удовлетворяет истцов, подписывается соглашение, которое

мы стараемся всеми силами сохранить, чтобы дело опять не дошло до суда. Индия заинтересовалась нашей деятельностью, и мы провели программу с сикхами в Пенджабе, и она до сих пор работает. Другие случаи были гораздо более трудоемкими, но весьма поучительными. Концепции частичного самоуправления отводится особая роль. Мы считаем, что нации никогда не были полностью независимыми. Нет, они были именно полуавтономными по отношению ко всему миру. Метанации, люди, культуры — каждый из них полуавтономен. А если же вернуться к экономике, то ценности полуавтономны по отношению к ценам… Возникла новая отрасль математики, которая пытается описать этот процесс в формальных логических терминах.

Влад, Марина и Койот пытались одновременно слушать Форта, совещаться друг с другом и делать записи. Надя встала и махнула Форту.

— А другие транснационалы поддерживают Мировой Суд? — осведомилась она.

— Нет. Метанциональные структуры избегают Мирового Суда и используют ООН для одобрения своих решений. Боюсь, они до сих пор верят в миф суверенитета.

— Но, кажется, это единственная система, кото-

рая работает при согласии обеих сторон.

— Да. Однако и «Праксис» очень заинтересован в ней и старается навести мосты между Мировым Судом и остальными влиятельными организациями на Земле.

— Почему? — спросила Надя.

Форт вскинул руки, напомнив Наде, что и Арт делал точно так же.

— Капитализм работает, только когда есть развитие. Но, к сожалению, сейчас на Земле нет ничего подобного. Мы в тупике. Следовательно, мы должны вернуться к истокам. Упростить все и создать условия для развития и роста.

Встала Джеки.

— Но на Марсе возможен рост в классическом капиталистическом стиле, верно?

— Полагаю, да.

— А может, вам как раз это нужно от нас? Новый рынок? Тот пустой мир, о котором вы говорили ранее?

— В «Праксисе» мы пришли к выводу, что рынок — малая часть сообщества, а мы заинтересованы во всем сообществе.

— И чего вы хотите от нас? — крикнул кто-то с задних рядов.

Форт улыбнулся.

— Я хочу наблюдать.

Вскоре собрание завершилось, и участники конгресса направились к выходу. Днем состоялись обычные семинары. Конечно же, прибытие группы «Праксиса» стало главной новостью для подпольщиков, и разговоры о них не утихали до самого вечера.

К несчастью для Арта, когда после ужина они, как всегда, собрались просматривать записи, стало очевидно, что Форт и его команда подействовали на конгресс как разъединяющая, нежели объединяющая сила. Многие не могли принять земную транснациональную корпорацию в качестве полноправного участника конгресса.

К ним наведался Койот, который обратился к Арту.

— Не рассказывай мне, что «Праксис» другой, — проворчал он. — Это древняя уловка. Если богатые начинают вести себя прилично, значит, они собираются нас облапошить. Я знаю транснационалов как облупленных! Система определяет все, и ее-то и надо менять.

— Форт и говорит об изменениях, — возразил Арт.

Но как ни парадоксально, а Форт сам оказался своим злейшим врагом из-за привычки исполь-

зовать в речи классические экономические термины. Единственные, кто заинтересовался таким подходом, были Влад и Марина. Ну, а богдановисты, Красные, иссеи, уроженцы Марса и большая часть эмигрантов почувствовали в этом скрытый подвох. Для них «Праксис» представлял собой обычный земной бизнес, и они не хотели становиться его частью. «Никаких дел с транснационалами, — восклицал Касэй на записи под аплодисменты, — никаких сделок с Землей, в какие бы слова они ни были облечены! Форт пересек черту!» Единственный вопрос для них теперь звучал так: отпускать или не отпускать группу Форта. Некоторые считали, что они, как и Арт, стали пленниками подполья.

Однако на той же самой встрече присутствовала и Джеки. Именно Джеки высказала точку зрения бунианцев, что все должно быть использовано ради дела. Она выступала против тех, кто встречал идеи Форта в штыки.

— Раз уж вы собираетесь брать их в заложники, почему бы не извлечь из этого пользу? — резко бросила она. — Почему бы не поговорить с ними?

Таким образом, к их прежним разногласиям добавились и новые. Похоже, подполье раскололось

на изоляционистов и сторонников двух миров.

В последующие дни напряжение только нарастало. Форт игнорировал недовольные взгляды и перешептывания за его спиной. В конце концов, Надя решила, что он либо слишком проницателен, либо ничего не замечает, кроме собственной персоны.

Швейцарцы попросили его провести семинар по текущей ситуации на Земле, и туда пришла ватага подпольщиков, а Форт и его компаньоны только и делали, что отвечали на их нахальные вопросы. На этой встрече Форт буквально впитывал все, что говорили о Марсе, но не поддерживал ни одну из позиций участников семинара. Он сконцентрировался на Земле и излагал сухие факты.

— Транснациональные компании слились, и теперь у нас насчитывается два десятка корпораций, — вещал он. — И каждая из них заключила контракт на разработку ресурсов с несколькими национальными правительствами. Кстати, мы называем такие корпорации наднациональными. Самые крупные из них — «Субараси», «Мицубиси», «Консолидэйтед», «Амекс», «Армскор», «Махджари» и «Праксис». Остальные десять-пятнадцать тоже причисляются к крупным, а уже

после них идут обычные транснационалы, которые быстро поглощаются наднациональными корпорациями. Последние теперь стали главной мировой силой, по крайней мере до тех пор, пока они контролируют Мировой валютный фонд, Всемирный банк, государства в составе «Одиннадцати» и не упускают из виду страны-клиенты.

Сакс попросил дать детальное описание наднациональных корпораций.

— Около десяти лет назад Шри-Ланка попросила «Праксис» взять контроль над местной экономикой и стать арбитром между тамилами и сингалами. Мы так и сделали, причем весьма успешно, но в момент соглашения стало ясно, что наши отношения с национальным правительством перешли на совершенно новый, даже уникальный, этап развития. Это, конечно, сразу же заметили в разных кругах. Несколько лет назад «Амекс» вступил в конфронтацию со странами «Одиннадцати», которые быстренько отозвали все свои активы из «Амекса» и разместили их на Филиппинах. Несоответствие между «Амексом» и Филиппинами оценивалось как соотношение валового продукта в пропорции сто к одному, в результате получилось, что «Амекс» фактически взял контроль над государством. Так и появилась

первая настоящая наднациональная корпорация, хотя это не было понятно до тех пор, пока их договоренность не скопировали в «Субараси», когда те переместили основную часть своих капиталов в Бразилию. Многие поняли, что старая политика «удобных флагов» уже не работает. А наднациональные корпорации тем временем взяли под контроль внешний долг и внутреннюю экономику своих стран-клиентов… Похоже на то, что ООН делала в Камбодже или «Праксис» в Шри-Ланке, но в гораздо более крупных масштабах. При таких договоренностях государство-клиент становится вынужденным агентом экономической политики наднациональной корпорации. В основном они принуждают клиентов к режиму жесткой экономии, но всем госслужащим платят больше, чем раньше, включая армию, полицию и разведку. Таким образом, страна куплена. И у каждой корпорации есть ресурсы на покупку нескольких стран. «Амекс» находится в подобных отношениях с Филиппинами, странами Северной Африки, Португалией, Венесуэлой и пятью-шестью мелкими государствами.

— «Праксис» тоже делает так? — спросила Марина.

Форт покачал головой.

— В некотором смысле, да, но мы стараемся придать нашим взаимоотношениям другую природу. Мы охотно сотрудничаем с крупными странами, чтобы наше партнерство было сбалансированным. Мы уже заключили сделки с Индией, Китаем, а также Индонезией. Это именно те страны, права которых на Марсе были ущемлены согласно договору 2057 года, поэтому они призвали нас, чтобы мы провели на Марсе исследование наподобие этого. Кроме того, мы инициировали партнерство с другими государствами, которые до сих пор сохраняют независимость. Но мы не переводим свои активы лишь в эти страны и не пытаемся навязывать им свою экономическую политику. Мы пробуем придерживаться формата транснациональных корпораций, но на наднациональном уровне. Мы надеемся, что для стран, с которыми мы сотрудничаем, мы выступаем альтернативой наднациональным корпорациям. Наравне с Мировым Судом, Швейцарией и некоторыми другими структурами вне пределов растущего наднационального порядка.

— «Праксис» другой! — заявил Арт.

— Система есть система, — настаивал Койот, сидящий на последнем ряду.

Форт пожал плечами.

— Думаю, мы формируем систему.

Койот покачал головой.

— Мы должны разодраться… разобраться с этим, — сказал Сакс и обратился к Форту: — Какая самая дольшая… большая?..

Он говорил неуверенно и невнятно, но Форт внимательно его слушал и отвечал в мельчайших подробностях.

Когда семинар закончился, слушатели даже не собирались расходиться, и швейцарцы попросили Форта провести еще несколько семинаров. Он с радостью согласился. Сакс присутствовал на каждом из них и продолжал задавать Форту вопросы, в ходе ответов на которые все узнали много нового о наднациональных корпорациях, их лидерах, внутренней структуре, странах-клиентах, отношении друг к другу, истории, особенности — о роли их организаций-предшественников в хаосе 2061 года.

— Почему, скажите… зачем разбивать яйца… то есть, я хотел сказать, купола?

Форт слабо ориентировался в исторических деталях и с горечью вздыхал. Увы, в его памяти почти не сохранилось воспоминаний о том времени! Но его отчет о текущей ситуации на Земле прямо-таки пестрел фактами, о которых

подпольщики даже не догадывались.

Вдобавок Форт помог им прояснить вопросы деятельности наднациональных корпораций на Марсе, которые прежде ставили всех в тупик. Наднациональные корпорации использовали Временное Правительство как посредника при решении собственных разногласий вроде территориальных споров. Они оставили в покое «полусвет», поскольку сообразили, что его связи с подпольем незначительны и легко контролируемы. И так далее.

Надя готова была расцеловать Сакса — что она и сделала к его величайшему удовольствию. Спенсер и Мишель тоже не были обделены ее вниманием: они поддерживали Сакса во время семинаров (хотя Сакс преодолевал свои речевые сложности, он часто краснел от смущения и бил кулаком по стене или по спинке стула).

— Что тогда «Праксис» хочет от Наса… — проговорил Сакс, врезал по стене павильона и поправился: — От Марса?

— Мы считаем, что благополучие на Марсе благоприятно отразится на Земле, — произнес Форт. — Совсем недавно сформировалась коалиция прогрессивных сил на Земле: самыми мощными из них являются Китай и «Праксис»,

а затем — Швейцария. Далее следует десяток более мелких игроков. И в первую очередь в этой связи нельзя забывать об Индии. Большинство наднациональных корпораций рассматривают ее как сливную трубу — сколько ни вкладывай туда средств, ничего не изменится. Но мы не согласны с их точкой зрения. Естественно, Марс тоже представляется нам одним из самых важных элементов данной системы. Ситуация на Марсе пока еще непредсказуема, и можно ожидать чего угодно. В общем, мы хотим найти здесь прогрессивные организации вроде вашей и начать с ними открытое сотрудничество. Как вам такая идея?

— Интересно, — ответил Сакс.

Надя с ним согласилась. Но среди подпольщиков были и те, кто оставался твердым противником того, чтобы иметь дело с земными корпорациями.

А конгресс продолжался. Другие семинары и дискуссии не утихали, часто по мере обсуждения расходясь на все более отдаленные позиции.

Ночью во время их обычного бдения в патио Надя покачала головой. Она искренне удивлялась способности людей не замечать общие черты друг друга и ожесточенно биться над малейшими

различиями.

— Может, мир слишком сложен для одного конкретного плана, — заявила она Арту и Ниргалу. — Вероятно, нам не стоило затевать что-то глобальное, надо было придумать нечто особенное, исключительное, что подходило бы только нам. А потом надеяться, что Марс справится с несколькими разными системами.

— Я так не думаю, — возразил Арт.

— А что же нам делать?

Он хмыкнул.

— Я еще не знаю. — И он с Ниргалом вернулся к просмотру записей, преследуя, как вдруг показалось Наде, вечно отступающий мираж.

Надя пошла спать. «Если бы они разрабатывали проект строительства, — подумала она, задремав, — я бы все уничтожила и начала заново».

Из сна ее выдернул гипнотический образ падающего здания. Распахнув глаза и отдышавшись, она решила не ложиться и собралась на очередную ночную прогулку. Арт и Ниргал спали прямо за столом. Быстро мельтешащие кадры озаряли комнату и лица двоих мужчин.

Ветер снаружи со свистом несся на север, в ворота Гурнии, и она последовала за ним, выбрав верхнюю тропинку. Щелкающие бамбуковые

листья, каменные небеса над головой… слабый отзвук смеха, разносящийся по туннелю от пруда Фестос.

Там царило веселье, и подводные огни пруда мягко сияли в полумраке. Надя различила платформу, которая находилась в дальней части туннеля и была расположена на высоком уступе стены. На ней теснились, наверное, восемь человек. Один из них встал на деревянную изогнутую доску и опустился на корточки. Затем он прыгнул с платформы вместе с доской, заскользил по каменной стене туннеля с дикими воплями и угодил в пруд. Когда он поднялся обратно на платформу, второй обнаженный мужчина с мокрыми волосами взял доску и тоже полетел вниз. В конце концов, он сорвался с каменного языка и пару секунду парил на доске над водой, а потом рухнул в пруд, подняв вверх тучу брызг. Окрестности огласились громкими ликующими криками.

Надя решила подойти поближе. Кто-то еще взбегал с доской вверх по лестнице, а мужчина, уже слетевший вниз, стоял на мелководье, зачесывая волосы назад. Надя не узнавала его, пока не добралась до края освещенного берега. Это был Уильям Форт.

Надя сбросила одежду и бросилась в воду, которая оказалась очень теплой — температуры тела или чуть выше, а еще один человек заскользил вниз по склону, словно серфер на невероятной каменной волне.

— Откос кажется крутым, — говорил Форт, который беседовал со своим компаньоном, — но с такой гравитацией можно делать, что угодно.

Женщина на доске скатилась до водной глади, выгнулась назад в идеальном прыжке ласточкой и вошла в воду. Она вынырнула, встреченная громом аплодисментов. Другая женщина позаимствовала у нее доску и побежала к ступенькам, вырезанным в склоне.

Форт поприветствовал Надю кивком, стоя по пояс в воде. Под древней, сморщенной кожей его тело оставалось жилистым. На его лице было то же выражение рассеянного удовольствия, что и во время семинаров.

— Не хотите попробовать? — спросил он у Нади.

— Может быть, позже, — ответила она, оглядывая людей и пытаясь понять, кто здесь собрался и какие фракции конгресса они представляют. Затем она поняла, что делает, и фыркнула с отвращением к себе — как она могла настолько

погрузиться в политику?

Однако она заметила, что в пруду плескались преимущественно молодые местные: из Зиготы, Сабиси, Нового Вануату, Дорсы Бревиа, мохола Вишняк, Кристианаполиса. Едва ли среди них были активно выступавшие делегаты, решила Надя. Может, тот факт, что они буйствовали тут ночью, вообще ничего и не значил. Многие прибыли из укрытий и городов, где публичные купальни были нормой, поэтому они привыкли плескаться с кем-то, с кем могли бы схлестнуться и при других обстоятельствах.

Еще одна наездница слетела, крича, по склону и исчезла в глубинах пруда. Люди устремились к ней, будто акулы на запах крови. Надя нырнула. Вода казалась солоноватой. Открыв глаза, она увидела сверкающие пузырьки, которые возникали отовсюду, и различила плывущие тела. Они по-дельфиньи извивались и были так грациозны! Неземное зрелище…

Она вынырнула, выжала мокрые волосы. Форт стоял среди молодежи, словно дряхлый Нептун, рассматривая их с бесстрастным любопытством. Надя подумала, что, наверное, эти ребята и были новой марсианской культурой, о которой говорил Джон Бун. Они пустили побеги среди стариков,

которые даже ничего не заметили. Передача информации из поколения в поколение всегда идет с миллиардом погрешностей, точно так же, как и в процессе эволюции. И хотя люди скрылись в марсианском подполье по разным причинам, спустя некоторое время они собрались здесь, в Дорсе Бревиа, и смогли начать диалог.

Они жили на Марсе — на планете, где до сих пор прослеживались черты палеолита, и создали свое уникальное сообщество, где были признаки древней культуры. Возможно, несмотря на все различия, они двигались к новой синтетической культуре, и не важно было, к какой, а может, оба эти процесса — адаптации и развития — протекали одновременно. Здесь крылась некая взаимосвязь.

Надя продолжала смотреть на Форта. Его лицо озарилось, когда Джеки Бун, во всем своем великолепии валькирии, спрыгнула со стены туннеля и полетела над ней, словно ядро из цирковой пушки.

Программа, разработанная швейцарцами, подходила к концу. Организаторы призвали участников к трехдневному отдыху, после которого должна была состояться заключительная общая встреча.

Арт и Ниргал провели уикенд в маленьком конференц-зале. Они бесконечно разговаривали и набирали что-то на своих искинах в некоем ускоряющемся отчаянии. Надя поддерживала их: она разряжала обстановку, когда они в чем-то не соглашались, и писала разделы, которые казались им чересчур трудными. Обычно, когда она переступала порог зала, один из ее друзей спал в кресле, а другой завороженно пялился в экран.

— Посмотри, — хрипел он, — что ты думаешь?

Надя делала какие-то замечания, расставляя тарелки с едой на столе, что часто пробуждало спящего.

— Выглядит многообещающе. Давайте вернемся к работе.

Утром в день общего собрания Арт, Ниргал и Надя поднялись на сцену амфитеатра. Арт, который не расставался с искином, стоял, глядя на собравшуюся толпу, будто парализованный ее видом. После долгой паузы он вышел вперед и произнес:

— Если честно, мы пришли к согласию по самым важным, можно сказать, краеугольным вопросам.

Его реплика вызвала смех аудитории. Но Арт поднял планшет над головой, будто каменную

скрижаль, и громко прочел с экрана:

— Рабочие замечания о марсианском правительстве!

Он посмотрел поверх экрана на участников: те быстро успокоились и обратились в слух.

— Первое. Марсианское сообщество будет состоять из множества разных культур. Лучше рассматривать его в качестве мира, а не в качестве нации. Должна быть гарантирована свобода вероисповеданий и культурных практик. Ни одно социокультурное сообщество не должно доминировать над прочими.

Второе. В рамках этой концепции разнообразия должно быть гарантировано, чтобы все люди Марса имели определенные неотъемлемые права, включая право на материальную основу существования, здравоохранение, образование и равенство перед законом.

Третье. Земля, воздух и вода Марса находятся под общим управлением человеческого сообщества и не могут принадлежать отдельному индивиду или группе лиц.

Четвертое. Плоды индивидуального труда принадлежат человеку и не могут стать собственностью другого человека или группы. Одновременно труд человека на Марсе является частью

общественного труда, направленного на общую пользу. Марсианская экономическая система должна отражать оба вышеупомянутых факта, сочетая личные и общественные интересы.

Пятое. Наднациональный порядок, главенствующий на Земле, в данный момент не способен сочетать в себе два предыдущих принципа и поэтому не может быть установлен на Марсе. Тем самым мы должны принять экономику, основанную на экологической науке. Цель марсианской экономики не устойчивое развитие, а устойчивое процветание биосферы Марса.

Шестое. Марсианский ландшафт должен быть сохранен человеческим сообществом. Поэтому цели наших экологических изменений должны быть минимальны, экопоэтичны и отражать ценности ареофании. Предполагается, что целью экологических изменений станут лишь части Марса до пяти километров высотой, которые будут пригодны для жизни человека. Уровни выше, составляющие порядка тридцати процентов поверхности планеты, останутся в первозданном виде и будут существовать как естественные, не населенные зоны.

Седьмое. Освоение Марса людьми — уникальный исторический процесс, поскольку это первое

освоение другой планеты человечеством. Как таковой, он должен протекать в духе почтения к Марсу, который является особом местом жизни во вселенной. Здесь мы устанавливаем прецедент для будущего освоения человеком Солнечной системы и предлагаем модель для дальнейшего отношения к Земле и ее экологии. Марс играет исключительную роль в истории человечества, и это нужно помнить при принятии жизненно важных решений.

Арт опустил руку с планшетом и уставился на аудиторию. Участники конгресса изумленно взирали на Арта сверху вниз.

— Ну, — произнес он, прокашлялся и повел рукой в сторону Ниргала.

Тот подошел к краю подиума и встал рядом с Артом.

— Это выжимка, которую мы сделали, изучив все семинары, — пояснил Ниргал. — Наверное, мы что-то упустили, и наши выводы, конечно, не могут быть бесспорными. Но мы полагаем, что данный документ будет одобрен почти всеми группами подполья. Мы также составили списки частично спорных моментов, и любой желающий сможет их прочитать. Мы уверены, что, даже если мы покинем нашу встречу, завязнув в раз-

ногласиях, мы все равно добьемся значительного результата. Цель таких конгрессов — больше узнавать о наших различиях, и я думаю, что это чрезвычайно важно в нашей ситуации, поскольку наше марсианское правительство остается пока еще эфемерной теорией. Но когда оно станет реальным — вот тогда-то мы и должны будем действовать. Но нам нельзя останавливаться и сейчас, ну а подобные документы помогут нам найти взаимопонимание между собой, — подытожил он и замолчал.

— У нас набралась куча конкретных замечаний по каждому из основных пунктов документа, — добавил Арт. — Мы обсудили их с Юргеном и Присциллой, и они предложили устроить недельную сессию встреч, где каждый день будет посвящен одному из главных семи пунктов, так что любой сможет внести туда свои комментарии. В конце мы посмотрим, что останется.

В зале раздался взрыв смеха.

— А как насчет обретения независимости в первую очередь? — выкрикнул Койот, как всегда из задних рядов.

— Мы не смогли выделить устраивающие всех пункты, — ответил Арт. — Возможно, нужно организовать специальный тематический семинар.

— Ха! — воскликнул Койот. — Все согласны, что мир должен быть справедливым. А вот как достичь этого — настоящая проблема.

— И да, и нет, — возразил Арт. — То, что мы имеем, — больше, чем простое желание восстановить справедливость. Что касается методов, полагаю, если мы снова рассмотрим их, держа в уме наши общие цели, решение найдется само собой. Подумайте сами, что наиболее верно приведет нас к этим целям? Какие средства соответствуют им? — Он оглядел аудиторию и пожал плечами. — Слушайте, мы пытались составить итог всех мероприятий нашего конгресса! Здесь было столько дискуссий и обсуждений, причем каждый имел свое собственное мнение… Кстати, если в документе не хватает конкретных предложений, как добиться независимости, то лишь потому, что вы, ребята, застряли на уровне философских обоснований ваших действий. Иногда вы забывали о Марсе и попросту начинали спорить между собой. Конечно, без разногласий не обойтись, но ведь надо видеть и лес за деревьями, верно? Поэтому в нашем документе мы попытались подвести итоги, и, вероятно, с его помощью мы вместе сможем понять четкую расстановку сил на Марсе, оценить, насколько они опасны

для независимости, и направить ваши усилия против наибольшей угрозы. Надя говорила о переосмыслении методологии революции, некоторые предлагали экономические модели, выкуп за счет заемных средств или нечто подобное, но когда я размышлял о целенаправленном воздействии, это напомнило мне о системе борьбы с вредителями. Знаете, система в сельском хозяйстве, где для уничтожения жуков используются разные вредные химикалии…

Люди засмеялись, но Арт не присоединился к веселью. Он казался ошеломленным тем, что основной документ не получил явной поддержки. Он выглядел разочарованным. И Ниргал смотрел сердито.

Надя обернулась и громко сказала:

— Как насчет аплодисментов нашим друзьям за то, что они проделали такую трудоемкую работу?

Все захлопали в ладоши. Раздалось несколько ободряющих криков. На какое-то мгновение все выглядели воодушевленными. Но вскоре собрание закончилось, и участники конгресса покинули амфитеатр, разговаривая друг с другом и о чем-то ожесточенно споря.

Поэтому дебаты продолжились — теперь во-

круг документа Арта и Ниргала. Пересматривая записи, Надя понимала, что подпольщики, в принципе, соглашались со всеми пунктами документа, кроме шестого, рассматривавшего уровень терраформирования. Красные приняли в штыки концепцию обитаемого пространства на низких высотах, подчеркивая, что под пятикилометровым рельефом лежит практически вся поверхность планеты, а более высокие уровни будут значительно загрязняемы при обитаемых долинах. Они говорили о «демонтаже» современных процессов терраформирования или о возвращении к крайне медленным биологическим процессам, названным экопоэтической моделью. Кое-кто выступал за наращивание CO_2 в атмосфере, который бы позволял процветать растительной, но не животной жизни, что было бы естественнее для Марса в целом. Другие настаивали, что поверхность должна оставаться наиболее близка к своему изначальному состоянию, а люди должны проживать в закрытых куполами долинах.

Некоторые подпольщики осуждали быстрое разрушение поверхности планеты промышленным терраформированием, особенно их возмущало затопление Великой Северной равни-

ны и прямая выплавка территорий с помощью солетты и воздушных линз.

Но по мере того, как проходили эти семь дней, становилось все более очевидно, что обсуждался только пресловутый шестой пункт декларации, тогда как в другие лишь вносились мелкие правки. Многие подпольщики оказались приятно удивлены такому согласию с проектом документа, и Ниргал не раз раздраженно отвечал: «Ну и что с того? Мы же не с потолка взяли, а записали то, что говорили люди».

Участники конгресса довольно кивали и вновь возвращались к обсуждению остальных пунктов документа. Надя только радовалась подобному раскладу. Неужто первоначальный хаос уступил месту сплоченной вдумчивой работе?

Несколько собраний прошли очень удачно: их участники наконец-то пришли к консенсусу по поводу нескольких политических договоренностей. Теперь различные аспекты государственности обретали форму, с которой могли согласиться большинство подпольщиков. С другой стороны, дискуссии о методах все еще не утихали. Надя выступала против Койота, Касэя, Красных, первопоселенцев и многих из богдановистов.

— Вы не можете добиться наших целей убий-

ствами!

— Они не отдадут нам Марс! Мы выиграем только с оружием в руках!

Однажды вечером после очередного шумного сборища большая компания покачивалась на мелководье пруда в Фестосе, пытаясь расслабиться. Сакс сел на подводную скамейку и понурился.

— Классическая проблема наказания… нет, насилия, — сказал он. — Радикалы, либералы. Которые никогда не договорятся. Не договаривались раньше.

Арт нырнул с головой и вынырнул, отфыркиваясь. Изнуренный и расстроенный, он заявил:

— А как насчет интегрированной борьбы с вредителями… или идеи обязательного выхода на пенсию?

— Принудительного, — поправила Надя.

— Обезглавливания, — произнесла Майя.

— Ладно вам! — воскликнул Арт, плеснув водой в их сторону. — Бархатная революция. Шелковая революция.

— Аэрогель, — добавил Сакс. — Легкий, сильный. Невидимый.

— Стоит попробовать, — пробормотал Арт.

Энн покачала головой.

— Никогда не сработает.

— Это лучше, чем повторение шестьдесят первого, — заметила Надя.

— Надо согласиться с кланом. С планом, — проговорил Сакс.

— Но мы не можем, — ответила Майя.

— Слишком широкий фронт, — настаивал Арт. — Давайте иметь дело с тем, с чем мы можем справиться.

Сакс, Надя и Майя одновременно замотали головами. Энн неожиданно громко расхохоталась. И все они начали хихикать, как подростки, неизвестно над чем.

Финальное собрание состоялось поздно днем в парке Закроса, где и начинался конгресс. В воздухе витала странная атмосфера затаенного смущения, и Надя почувствовала, что многие подпольщики опять сменили свое мнение. Похоже, они неохотно согласились с декларацией Дорсы Бревиа, ставшей теперь длиннее, чем оригинальный черновик Арта и Ниргала. Каждый пункт, зачитанный Присциллой, встречался возгласами одобрения, но кое-кто кричал громче за одни пункты, чем за другие. Когда Присцилла отложила планшет, аплодисменты аудитории оказались короткими и формальными. Никто не был доволен итогом, а Арт и Ниргал выглядели

опустошенными.

После аплодисментов воцарилась неловкая тишина. Никто не знал, что делать дальше. Отсутствие договоренностей по методам и впрямь мучило подпольщиков. И что теперь? Просто возвращаться домой? А он у них есть? Момент тянулся, неловкий, даже несколько болезненный — как им был нужен Джон! — и Надя вздохнула с облегчением, когда кто-то нарушил бесконечную паузу. Наде показалось, что в эту секунду разрушились чьи-то злые чары. Она оглянулась туда, куда указывали участники конгресса.

Там, на лестнице, которая вилась по уступам черного туннеля, стояла стройная женщина. Она была нага, боса, сероглаза и зеленокожа — и сияла в лучах полуденного солнца, падавших из потолочного окна. Женщина была полностью обнажена, если не считать покрывавшей ее краски. И то, что было нормально ночью у пруда, сейчас в дневном свете казалось опасным, провокационным и шокирующим. Это был вызов по отношению ко всем, кто находится здесь, в Дорсе Бревиа, — вызовом для их разума и восприятия.

То была Хироко. Она начала спускаться по лестнице размеренным, ровным шагом. Ариадна, Шарлотта и другие женщины Миноа стояли у

подножия лестницы, ожидая ее, вместе с ближайшими последователями Хироко из тайной колонии — Ивао, Риа, Евгенией, Мишелем и прочими. Внезапно они начали петь. Когда Хироко приблизилась к ним, они задрапировали ее лентами ярких красных цветов. «Обряд плодородия, — подумала Надя, — он взывает прямо к нашей древней палеолитической части сознания и смешан с философией ареофании Хироко».

Когда Хироко пошла вперед, за ней потянулась цепочка последователей, напевно выкликающих названия Марса: Аль Кахира, Арес, Аукаку, Бахрам… Туннель огласился архаичными звуками, в которых повторялось «ка… ка… ка…».

Хироко повела их по тропе, которая вилась сквозь деревья, — к людям, сидевшим в парке. Она шествовала среди своих последователей с торжественным, отстраненным выражением лица. Многие вставали, когда она проходила мимо. Джеки Бун присоединилась к ней, и Хироко взяла ее за руку. Они вдвоем пролагали путь сквозь толпу: старуха-матриарх, высокая, гордая, насквозь древняя, узловатая, словно древесные корни, изумрудная, как листья. Джеки была еще выше, юная и изящная, как танцовщица, с черными волосами, струящимися по спине.

Люди затаили дыхание, а затем по толпе прокатился вздох. И пока группа во главе с Хироко и Джеки спускалась по центральной дорожке к каналу, все стояли и следили за процессией. Суфии принялись танцевать и кружиться.

— Ана эль Хак, ана Аль Кахира, ана эль Хак, ана Аль Кахира, — повторяли они, следуя за Хироко.

Остальные присоединились к ним. Теперь все шли за группой, впереди которой вышагивали две прекрасные женщины: суфии со своими гимнами, другие — напевая фрагменты ареофании Хироко, остальные — молча, просто довольные тем, что могут свободно присоединиться к процессии.

Надя шла, держа за руки Ниргала и Арта, чувствуя себя счастливой. В конце концов, они были животными, какую бы среду обитания они ни выбрали. Ее переполняли эмоции, которые она редко испытывала, — то была сопричастность чуду жизни, принимавшему столь гармоничные формы.

У пруда Джеки стянула свой рыжий комбинезон, и они с Хироко вошли в воду по щиколотку, глядя друг на друга. Они держали свои сомкнутые руки над головой так высоко, как только могли. Женщины Миноа присоединились к рукотвор-

ному мосту. Старость и молодость, зеленый и розовый…

Первые колонисты Марса прошли под только что созданной аркой. Майя тоже была среди них, рука об руку с Мишелем. А затем под мостом матерей начали проходить самые разные люди. Это напоминало миллионное повторение древнего ритуала, нечто заложенное в их генах и естественное для каждодневной жизни. Суфии в белых развевающихся одеждах по-прежнему танцевали, и они задали образец для тех, кто остался одет, но тоже вошел в темную воду. Зейк и Назик проложили дорогу, напевая «Ана Аль Кахира, ана эль Хак», похожие на индусов в Ганге или баптистов в Иордане.

Многие все же сбросили одежду, и вскоре все очутились в пруду. Они оглядывались по сторонам, созерцая инстинктивное и одновременно сознательное перерождение, некоторые барабанили по поверхности воды, и ритмичные шлепки сопровождались брызгами и пением… Надя с изумлением подумала о том, каким чудом является человек. «Нагота опасна для социального порядка, — решила она, — поскольку так обнажается чересчур много реальности».

Люди стояли друг перед другом во всем своем

смертном, хрупком несовершенстве — удивительно прекрасные и одухотворенные. Румяный закатный свет туннеля мягко озарял их лица и тела, и эту красоту едва ли можно было понять или логически объяснить. В лучах солнца их кожа приобрела багряный оттенок, но, очевидно, его оказалось недостаточно для некоторых из Красных, которые раздобыли губки и окрашивали одну из своих женщин в пурпурный цвет. Наверное, они решили сделать так, дабы противостоять Хироко. Политические купания? Надя застонала. На самом деле пруд смывал все цвета, и вода становилась коричневой.

Надя проплыла по мелководью и толкнула Майю, а та заключила подругу в стремительные объятия.

— Хироко — гений, — сказала она по-русски. — Может, она и безумна, но гений — точно.

— Мать-богиня мира, — согласилась Надя и переключилась на английский.

Она поплыла в теплой воде к маленькой группе первой сотни и иссеев Сабиси. Там рядышком стояли Энн и Сакс: Энн — высокая и худая, Сакс — маленький и круглый, они выглядели, прямо как в старые дни в купальнях Андерхилла. И уже о чем-то спорили! Сакс говорил, скривившись

от усилий. Надя рассмеялась и плеснула в них водой. Форт подплыл к ней.

— Нужно было весь конгресс проводить именно таким образом, — заявил он. — Ой, он сейчас упадет! — И действительно, серфингист, который спускался по изогнутой стене, соскользнул со своей доски и позорно рухнул в пруд. — Слушайте, если вы хотите, чтобы я вам помог, я должен вернуться домой. Кроме того, через четыре месяца моя пра-пра-пра-правнучка выходит замуж.

— Вы можете вернуться так быстро? — спросил Спенсер.

— Да, у меня отличный корабль. Космическое подразделение «Праксиса» строит ракеты, использующие модифицированный двигатель Дайсона. Челноки постоянно ускоряются во время полета и летят по прямой линии между Марсом и Землей.

— Стиль главы корпорации, — произнес Спенсер.

— Их может использовать кто угодно в «Праксисе», если есть на то необходимость. Можете посетить Землю, и тогда сами все увидите своими глазами.

Никто не принял вызов Форта, хотя брови у некоторых взлетели. Однако Форт добился сво-

его, и никто из подпольщиков не решился его осаживать или ставить на место. Люди, как медузы, дрейфовали в медленных водоворотах, наконец успокоенные теплом, виной и кавой, передаваемой по кругу в бамбуковых чашечках, осознанием завершения того, ради чего они собрались. Конгресс был не идеален, говорили они, но зато они многому научились и приобрели бесценный опыт, а ведь это только первый шаг. А каким замечательным получился третий, а может, и четвертый пункт декларации, добавляли их собеседники, и остальные согласно кивали.

Это действительно было начало чего-то большого, правда, с серьезными недостатками (особенно, если возвратиться к декларации и пункту шесть), но поистине значимое событие, которое будут помнить все.

— Да, сейчас тут царит религия, — возразил кто-то из сидевших на мелководье. — Мне нравятся привлекательные тела, но смешивать государство и религию опасно.

Надя и Майя рука об руку прошли туда, где поглубже, заговаривая со знакомыми. Группа марсианских уроженцев из Зиготы — Рейчел, Тиу, Франц, Стив и прочие — увидели их и радостно завопили.

— Эй, две ведьмы! — кричали они и подбежали к ним, чтобы стиснуть в объятиях.

«Кинетическая реальность, — подумала Надя, — соматическая реальность, тактильная реальность — сила касания, Боже мой».

Ее призрачный палец запульсировал, чего не случалось в течение долгого времени.

Они направились дальше, таща за собой марсианских уроженцев из Зиготы, и вскоре увидели Арта, Ниргала и некоторых других мужчин. «Похоже, их как магнитом притянуло именно сюда, поскольку здесь находится Джеки», — пронеслось у Нади в голове.

Джеки стояла рядом с полузеленой Хироко, ее влажные волосы облепили обнаженные плечи, голова запрокинулась в смехе, закат сиял сквозь нее и придавал ей ирреальную, символическую мощь. Арт казался по-настоящему счастливым, и, когда Надя обняла его, он положил ладонь ей на плечо и уже не снимал свою руку.

Арт стал ее добрым другом, который прекрасно вписался в ее очень весомую соматическую реальность.

— Неплохо, — сказала Майя. — Так сделал бы Джон Бун.

— Нет, — ответила Джеки автоматически.

— Я знала его, — добавила Майя, бросив на Джеки острый взгляд, — а ты — нет, девочка. И я говорю, что Джон Бун поступил бы точно так же.

Они сверлили друг друга пристальными взглядами: древняя беловолосая красавица и молодая черноволосая — и Наде почудилось, что здесь есть нечто первобытное, первозданное…

«Вот они, две ведьмы», — подумала Надя и хотела сказать это братьям и сестрам Джеки, которые сгрудились позади. Но они, без сомнения, и сами знали это.

— Никто не похож на Джона, — парировала Джеки, пытаясь стряхнуть с себя колдовство Майи, и обняла Арта за талию. — Но сделано все было и впрямь хорошо.

Касэй приблизился в туче брызг и молча остановился рядом. Надя немного удивилась ему: человек со знаменитым отцом, легендарной матерью, прославленной дочерью… И он постепенно становится силой в кругу Красных и среди радикальных первопоселенцев. Он как будто завис на краю пропасти, но ему все нипочем.

Трудно было сказать, что думал Касэй о собственной жизни. Он бросил на Джеки взгляд, расшифровать который было сложно, но Надя поняла, что в нем сквозили гордость, зависть и

некий упрек.

— Джон Бун нам бы сейчас пригодился, — заявил он.

Отец Касэя, первый человек на Марсе, полный оптимизма Джон, который в Андерхилле любил поплавать в стиле баттерфляй… Джон Бун, обожавший подобные церемонии, хотя то была их повседневность на протяжении года или около того…

— И Аркадий, — встряла Надя, пытаясь разрядить обстановку. — И Фрэнк.

— Без Фрэнка Чалмерса мы можем и обойтись, — проронил Касэй.

В его голосе прозвучали горькие нотки.

— Что ты несешь? — воскликнула Майя. — Нам повезло бы, окажись он сейчас тут! Он бы в два счета справился с Фортом и его «Праксисом», и со швейцарцами, и со всеми вами, Зелеными и Красными! Фрэнк, Аркадий, Джон, как бы они пригодились нам сейчас! — И она умолкла, ее рот был сжат, уголки губ опущены.

Напоследок Майя взглянула на Касэя и Джеки, будто поощряя их к ответу, и отвернулась.

— Поэтому мы должны избежать еще одного шестьдесят первого, — глухо произнесла она.

— Так и будет, — заверил ее Арт и крепко об-

нял.

Надя печально посмотрела на них обоих. Накал чувств всегда быстро остывал.

— Не нам решать, — сказала она Арту. — К сожалению, это зависит не только от нас. Поживем, увидим.

— Теперь все будет по-другому, — настаивал Касэй.

— Не знаю.

Часть восьмая

Социальное конструирование

Часть восьмая
Социальное конструирование

Где вы родились?
Денвер.
Где выросли?
На камнях. Булыжниках.
Каким вы были в детстве?
Не знаю.
Опишите ваши впечатления.
Я хотел знать, почему.
Вы были любопытны?
Очень.
Вы играли с научными наборами?
Со всеми.
А ваши друзья?
Не помню.
Попытайтесь вспомнить.
Кажется, у меня было мало друзей.
Вы были амбидекстром?
Я не помню.
Подумайте о ваших научных экспериментах. Вы использовали обе руки, когда занимались ими?
Думаю, это часто было необходимо.

Вы писали правой рукой?

Конечно, как и сейчас. Ребенком я писал правой рукой!

А вы делали что-либо левой рукой? Чистили зубы, причесывались, ели, указывали на предметы, кидали мячи?

Я все делал правой рукой. Какая разница?

Понимаете ли, в случае афазии ярко-выраженные правши довольно хорошо укладываются в определенный шаблон. Их действия, если можно так выразиться, координируются в определенном участке мозга. Именно тогда мы и определяем проблему нашего пациента и точно можем сказать, какие участки мозга повреждены. И наоборот. Но у левшей и амбидекстров подобный шаблон отсутствует. Вероятно, их мозг устроен иначе.

Кстати, большинство детей эктогенов Хироко — левши.

Знаю. Я говорил про это с Хироко, она утверждает, что не знает почему. Она говорит, это из-за того, что они родились на Марсе.

Вы думаете, она дала вам правдоподобный ответ?

Ну… ведь и леворукость до сих пор плохо объяснена, а воздействие более слабой гравитации…

мы будем выяснять это сотни лет.

Полагаю, да.

Вам не нравится такая мысль?

Я предпочитаю получать ответы.

А если вы получите ответы на любые вопросы? Тогда вы будете счастливы?

Мне трудно вообразить нечто подобное. Очень малый процент моих вопросов приводит к ответам.

Но это же чудесно, вы не находите?

Отнюдь. Согласиться было бы не научно.

Вы рассматриваете науку лишь как ответы на вопросы?

Как систему для генерации ответов.

И какова ее цель?

…Знать.

И что вы будете делать с этим дальше?

…Узнаю еще больше.

Зачем?

Понятия не имею. Просто я такой.

А не должны ли вы в этой связи обратиться к самому себе? Разве вам не любопытно будет понять, кто вы на самом деле и почему ведете себя так, а не иначе?

Вряд ли можно получить четкие ответы на вопросы о… человеческой природе. Лучше думать

об этом как о черном ящике. Тут невозможно применять методологию. Ответ все равно будет неполным и недостоверным.

В психологии считается, что существуют научно определенные патологии, при которых человек хочет знать все, поскольку боится оставаться в неведении. Монокаузотаксофилия, как называл ее Пеппель, любовь к одной причине, которая объясняет все. Это может перерасти в страх нехватки причин, что лишь усиливает чувство тревоги. Человек начинает чувствовать повсюду опасность, а поиск знания становится защитной реакцией, своеобразным отрицанием страха. И самое худшее, это даже не поиск конкретной информации, потому что когда человек находит ответ на свой вопрос, тот перестает представлять для него интерес, поскольку уже не усугубляет его тревожность.

В общем, для таких индивидов реальность сама по себе ничего не значит.

Люди всегда стараются избегать опасностей. Но мотивов всегда несколько. И они разнятся от случая к случаю. Любые шаблоны — это вопрос, некоторые предположения, высказанные наблюдателем.

Согласно официальной точке зрения, психоло-

гия — наука, в которой наблюдатель становится тесно связан с объектом наблюдения.

Поэтому я и не считаю ее наукой.

Хотя это определенно наука. Один из ее принципов гласит, если хочешь знать больше, проявляй больше вовлеченности. Астрономы любят звезды. Иначе зачем бы их изучать?

Они загадочны.

А что вас волнует?

Меня волнует истина.

Истина — плохая любовница.

Я ищу не любви.

Вы уверены?

Не более уверен, чем кто бы то ни было другой, размышляющий о… мотивах.

Вы согласны с тем, что у нас есть мотивы?

Да. Но наука не может их объяснить.

И это тоже часть вашего великого необъяснимого?

Да.

И вы фокусируетесь на других вещах?

Да.

Но мотивы никуда не денутся.

Конечно!

Что вы читали в юности?

Самые разные книги.

Были у вас любимые?

Шерлок Холмс. Другие детективные истории. «Мыслящая машина». «Доктор Торндайк».

Родители наказывали вас, если вы расстраивались?

Кажется, нет. Они не любили, когда я шумел. Но, думаю, в этом отношении они ничем не отличались от других.

Они часто расстраивались?

Не помню.

Вы когда-нибудь видели, как они кричат или плачут?

Никогда не слышал, чтобы они кричали. Но, пожалуй, иногда моя мама плакала.

Вы знаете, почему?

Нет.

Вы спрашивали об этом?

Я не помню. Да и какая разница?

Что вы хотите сказать?

Я имею в виду, что у меня было некое прошлое. Я мог стать кем угодно в зависимости от своей реакции на… события. И если бы у меня было иное прошлое, возникли бы те же самые варианты. Думаю, что вся ваша цепочка вопросов бесполезна. В ней нет объясняющей точности. Вы имитируете научный метод.

Я считаю вашу концепцию науки столь же лаконичной и упрощенной, как и вашу деятельность. По сути, вы утверждаете, что мы не должны изучать человеческий разум научными методами, поскольку он слишком сложен, а сам процесс будет трудоемким и, грубо говоря, неподъемным. Не очень-то храбро с вашей стороны! Вселенная тоже сложна, но вы не предлагаете избегать ее. Откуда же такое отношение к вселенной, которая скрыта внутри вас?

Вы не можете изолировать факторы, повторить условия, провести контролируемый эксперимент и создать опровергаемые гипотезы. К вам неприменим аппарат.

Подумайте немного о первых ученых.

Греках?

Еще более ранних. Между прочим, доисторический период не был бесконечной сменой времен года. Мы склонны думать, что мифологии и страхи древних людей хранятся в нашем собственном бессознательном, но я не согласен с данным утверждением. Полагаю, что в течение тысячелетий эти люди были так же разумны, как и мы. Возможно, этот период продолжался более полумиллиона лет. А в каждом веке есть свои гении, и они вынуждены работать в контексте

своего времени, как и мы. Что касается ранних ученых, то здесь едва ли существовало хоть какое-то разумное объяснение — природа была так же цельна, сложна и загадочна, как и наш разум сейчас. Вероятно, у древних просто не было выбора. Им же надо было откуда-то начинать, верно? Всегда помните об этом. Понадобились тысячи лет, чтобы изучить растения, животных, научиться пользоваться огнем, изготовлять каменные орудия, лук и стрелы, строить убежища и мастерить одежду. Потом последовали гончарное дело, сельское хозяйство, металлургия. Цивилизация развивалось так медленно — с неимоверными усилиями! И все передавалось из уст в уста, от одного человека к другому. Думаю, что в то время люди часто сетовали на то, что жить чересчур сложно. И они мучились сомнениями… Зачем нам вообще заниматься наукой? Галилео сказал примерно так: «Древние имели все основания причислять первых ученых к лику богов, видя, как мало любознательности имеют заурядные умы. Крошечные намеки, с которых начались великие открытия, являлись частью не тривиального, но сверхчеловеческого духа».

Сверхчеловеческого! Или, возможно, лучшей части человеческого. Уверен, что в каждом поко-

лении были свои дерзкие умы. Истинные ученые. И в течение миллионов лет сложилась модель мира, парадигма достаточно точная и могучая, да?

Но разве мы не пытались столь же упорно — и безуспешно — понять себя?

Положим, пытались. Мы потратили на это столько времени! Вероятно, нам потребуется еще больше... Но мы уже добились некоторого прогресса. И он появился не вчера. Лишь благодаря наблюдениям греки открыли четыре типа темперамента, а совсем недавно мы узнали о человеческом мозге достаточно, дабы утверждать, что для этого феномена существует неврологическое основание.

Вы верите в четыре темперамента?

Да. Они подтверждаются экспериментально, если хотите. Как и другие положения о человеческом разуме. Возможно, это не физика, ну и что с того? Думаю, сложней и загадочней, чем вселенная.

Едва ли. В конце концов, мы состоим из атомов.

Но живых! Ведомых зеленой силой, оживленных таинственным духом!

Химические реакции...

Но что такое жизнь? Она превосходит реакции. В природе существует тенденция к усложнению, которая прямо противоположна физическим законам энтропии. Почему?

Не знаю.

Простите за тавтологию, но почему вам так не нравится слово «почему»?

Я не знаю.

Загадка жизни священна. Это наша свобода. Мы выброшены из физической реальности, мы живем в подобии божественной свободы, и тайна — ее неотъемлемая часть.

Нет. Мы существуем в физической реальности. Атомы крутятся. Большинство по заданным орбитам, некоторые — по случайным.

Хорошо. Здесь мы расходимся. Но, с другой стороны, задача ученого — исследовать все. Невзирая на трудности! Оставаться открытым, принимать неопределенность. Пытаться слиться с объектом познания. Признать, что существуют ценности, единые для вселенной. Любить ее. Работать и открывать ценности, по которым нам следует жить. А затем — привнести эти ценности в мир. Исследовать — и даже больше — творить!

Мне нужно подумать об этом.

Наблюдения никогда не бывает достаточно, его всегда не хватает… Кроме того, это был не их эксперимент. И Сакс отправился на поиски Десмонда.

— Питер до сих пор летает?

— Ага. Он проводит изрядное количество времени в космосе.

— Ясно. Поможешь мне связаться с ним?

— Конечно, — озадаченно ответил Десмонд. — Послушай, приятель, ты говоришь лучше с каждым днем. Что они с тобой сделали, Сакс?

— Антивозрастная терапия. А еще гормон роста, леводопа, серотонин и другие химические препараты. Какая-то вытяжка из морской звезды.

— Значит, они вырастили тебе новые мозги?

— Похоже на то, по крайней мере частично. Синергетическая стимуляция синапсов. Но без Мишеля ничего бы вообще не получилось.

— Ого!

— Так что перед тобой по-прежнему я.

Десмонд завыл, как дикий зверь.

— Вижу! Кстати, через пару дней я снова уеду, могу тебя забрать в аэропорт Питера.

— Спасибо.

«Вырастили новые мозги». Не самое точное описание. Повреждения были нанесены в задней

трети нижней части лобной доли. Ткани отмерли в результате нарушения фокусировки ультразвука при памяти-речевой стимуляции во время допроса. Инсульт. Афазия Брока. Сложности с моторикой речи, небольшие — с порождением звуков и с инициацией речи, лакуны в грамматике (в основном — существительные и простейшие формы глаголов, как определила серия тестов). К счастью, другие когнитивные функции остались не затронуты. Сакс не был уверен, верно ли понимает собеседников, но, насколько он мог судить, его мышление в принципе не изменилось: он легко справлялся с пространственными и другими не языковыми тестами. Но когда он пытался говорить, его разум и язык отказывались служить ему. Вещи утратили свои имена.

Странно, но даже без имен они оставались вещами. Сакс мог видеть их и размышлять о них в терминах формы и количества. Формула описания. Различные комбинации конических фрагментов и шести поверхностей вращения, симметричных относительно оси, плоскость, сфера, цилиндр, катеноид, ундулоид, нодоид. Формы без имен, хотя они тоже уподоблялись именам. Язык пространственных форм…

Но выяснилось, что запоминать без слов труд-

но. Нужно было этому научиться, использовать, например, метод дворца памяти, для начала — пространственный.

И Сакс стал рассматривать свой разум как некое физическое пространство вроде лаборатории Эхо-Оверлука. А поскольку он помнил Эхо-Оверлук достаточно хорошо, то мог бродить по воображаемому миру и разбивать его на участки — с именами или без оных. Каждый участок являлся конкретным объектом, иногда самым тривиальным, или же определенной географической областью. Слева находились все лаборатории Ахерона. Наверху расположился холодильник, Боулдер и Колорадо.

Постепенно Сакс натренировал свою память и запомнил все формы, исходя вдоль и поперек свою мысленную лабораторию.

Неожиданно названия и имена начали возвращаться. Но когда Сакс пытался кого-то позвать или что-то объяснить, из его рта вырывалось нечто нечленораздельное. И это случалось с ним постоянно. Даже после напряженных раздумий ему порой было трудно перевести свои мысли в языковую плоскость, которая слабо соответствовала его мыслительному процессу. И речь стала его работой. Ничто не могло сравниться с

запинающимся, беспорядочным, вероломным, на ощупь проделываемым процессом, который оканчивался обычно либо провалом, либо ошибкой. Сакс сильно расстраивался. Косноязычие причиняло ему душевную боль.

Хотя это было лучше, чем афазия Вернике, при которой можно было без запинки молоть бессмыслицу. Сакс лишь не мог подобрать правильные слова для вещей, в то время как некоторые люди проявляли признаки афазии Вернике без каких-либо повреждений мозга. Так однажды сказал Арт.

В общем, Сакс предпочитал свой вид афазии.

К нему наведались Урсула и Влад.

— Афазия для каждого протекает по-разному, — произнесла Урсула. — Есть шаблоны и совокупности синдромов, которые обычно сопровождают поражение определенных структур мозга у взрослых праворуких пациентов. Но способные индивиды попадают в категорию исключений. Мы видим, что твои когнитивные функции остались очень высокими для пациента с такими речевыми проблемами. Вероятно, большая часть твоих мыслей относительно математики и физики протекают вне языковой плоскости.

— Да.

— И если это было геометрическое, а не аналитическое мышление, то, полагаю, что оно шло именно в правом полушарии, а не в левом. А твое правое полушарие как раз не пострадало.

Сакс кивнул, не решаясь заговорить.

— Прогнозы выздоровления варьируются очень сильно, но улучшение есть почти всегда. Дети адаптируются весьма успешно. При травмах головы даже легкие повреждения могут вызвать серьезные проблемы, но дело практически всегда оканчивается полным выздоровлением. У ребенка может быть изъято при необходимости целое полушарие, функции которого переносятся на вторую половину. Это происходит благодаря невероятному развитию мозга в детстве. Для взрослых все обстоит иначе: их мозг уже сформировался и поражение конкретных очагов вызывает конкретные проблемы. Если навык разрушается в зрелом возрасте, вероятность значительных улучшений мала.

— Терапевт. Терапия.

— Верно. Но, видишь ли, мозг — это та часть тела, на которую антивозрастная терапия воздействует в наименьшей степени. Однако мы не сдаемся. Мы разработали комплекс стимуляторов

и можем использовать его наряду с терапией, применяемой при твоих повреждениях мозга. Есть вероятность того, что стимуляторы будут включены в комплекс терапии, если наши эксперименты продолжат показывать хорошие результаты. Понимаешь, мы не так часто испытывали данный комплекс на людях. Инъекция повышает пластичность мозга: происходит стимуляция аксонов, в спинном мозге увеличивается количество дендритов, а также повышается чувствительность синапсов… Особенно сильное воздействие идет на ствол мозолистого тела и на полушарие, противоположное поврежденному. В процессе обучения здесь могут образоваться совершенно новые нейронные сети.

— Делайте, — сказал Сакс.

Разрушение — это созидание. Надо снова стать маленьким ребенком. Язык можно рассматривать как пространство или своеобразную математическую грамоту, которая описывает всю лабораторию памяти. Чтение. Карты. Коды, замены, скрытые имена вещей. Триумфальное появление слов. Радость говорить. Каждый цвет измеряется числом, длиной волны. Песок… какой он? Оранжевый, кирпичный, белый, желтый, сиена, умбра, жженая умбра, охра. Небо — небес-

но-голубое, кобальтовое, лавандовое, лиловое, фиолетовое, индиго, баклажанное, полуночное. Просто смотреть на яркие таблицы со словами, видеть богатые, насыщенные цвета, слышать звуки… Нет, Сакс хотел большего. Имя для каждой длины волны видимого спектра, почему бы и нет? Длина волны в пятьдесят девять микрон гораздо более синяя, чем в шестьдесят, а в шестьдесят один она буквально пылает красным…

Им нужно найти пару дюжин новых определений для пурпура, как эскимосам — для снега. Люди всегда приводят этот пример, и у эскимосов действительно порядка двадцати слов для снега. Но у ученых накопилось порядка трехсот определений снежного покрова, хотя разве кто-нибудь отдавал должное ученым за столь внимательное отношение к миру? Нет двух одинаковых снежинок. Сущность. Бух, бух, боб, бочка, банка, барка, бомба. Бух. Место, где сгибается моя рука, — локоть! Марс похож на тыкву! Воздух холодный. Он отравлен углекислым газом.

Такими были фрагменты его внутренней речи, которая полностью состояла из старых клише, возникающих, без сомнения, из того, что Мишель называл «переученными» активностями в прошлом. Они настолько укоренились в сознании

Сакса, что пережили причиненные его мозгу повреждения. Стройная структура, хорошие данные, сколько-то частей на миллиард, плохие результаты. Затем, продираясь сквозь удобные формулировки, как через своего рода совершенно другой язык, зародилось иное восприятие. А потом возникли и первые фразы, с помощью которых он мог выразить увиденное и услышанное. Взаимодействие синапсов. Настоящая речь из любой сферы по-прежнему радовала. Пробуждение нормальности. И Сакс принимал это как должное. Мишель каждый день приходил поговорить, помогая ему выстраивать мозг заново. Для человека науки у Мишеля были весьма странные убеждения. Четыре элемента, четыре темперамента, алхимические формулы разного толка, философствования, выдающие себя за науку…

— Разве вы не спрашивали меня однажды, могу ли я превратить свинец в золото?

— Я так не думаю. Почему вы так часто разговариваете со мной, Мишель?

— Вы мне нравитесь, Сакс. Каждый день вы говорите что-то оригинальное.

— Мне нравится кидать вещи левой рукой.

— Вижу. Возможно, вы переучитесь на левшу. Или станете амбидекстром, потому что ваше

левое полушарие очень мощное. Мне кажется, оно не будет сильно отставать, несмотря на полученные повреждения.

— Марс похож на шар старого планетезималия[32] с железным сердечником.

Десмонд доставил его в убежище Красных в кратере Уоллес, где иногда останавливался Питер.

И сейчас Питер был там — высокий, стройный сын Марса. Быстрый и сильный, изящный, дружелюбный, хотя и беспристрастный, отдаленный, поглощенный собственной работой и своей жизнью. Похожий на Саймона. Сакс рассказал ему, что он хочет сделать и почему. Порой он запинался, но прогресс был налицо: теперь-то он сразу замечал свои запинки. Отдать шварговы! Все равно, что говорить на иностранном языке. Правда, для него любой язык превратился в иностранный. Кроме идиолекта форм. Но он не вызывал трудностей, наоборот, Сакс всегда с громадным облегчением обращался к нему. Он расчищал туман, затянувший названия вещей, восстанавливал связь языка и речи. Пусть даже и делал это новым, рискованным образом.

---

[32] Примечания: 32

Небесное тело на орбите вокруг протозвезды, образующееся в результате постепенного приращения более мелких тел, состоящих из частиц пыли протопланетного диска.

Зато у Сакса появился реальный шанс научиться. Иногда ему нравился его уникальный тип мышления. Индивидуальная реальность и в самом деле могла зависеть от его собственной научной парадигмы, но с гораздо большей вероятностью она зависела от его структуры мозга. Измени ее, и парадигма также трансформируется. Нельзя бороться с развитием. Или с прогрессирующим видоизменением.

— Понимаешь?

— Конечно, — сказал Питер, дико ухмыляясь. — Думаю, это отличная идея. Крайне важная. Мне потребуется пара дней, чтобы подготовить план.

Энн прибыла в убежище. Она казалась уставшей и плохо выглядела. Она резко поприветствовала Сакса, ее старая неприязнь была столь же сильна. Сакс не знал, как с ней общаться. Неужто на горизонте возникла очередная коммуникативная проблема?

Он решил подождать, пока с ней поговорит Питер, и посмотреть на развитие событий.

Он был терпелив. Теперь, если он ни с кем не разговаривал, его никто не беспокоил. Сплошное преимущество повсюду.

После беседы с Питером Энн вернулась, чтобы пообедать с Красными в их маленькой столовой.

Она смотрела на Сакса с любопытством. Таращилась на него через головы других, как будто исследовала скалу в марсианском ландшафте. Решительно и беспристрастно. Оценивающе. Изменения статуса в динамической системе — это единица данных. Так гласит теория, помогающая или создающая препятствия.

Кто ты? Зачем ты это делаешь?

Сакс встретил ее взгляд спокойно, попытался послать его обратно. Да, меня зовут Сакс. Я изменился. Кто ты? Почему ты такая же? Почему ты продолжаешь так на меня смотреть? Я перенес травму. Но я уже не стою на грани жизни и смерти. Я выкарабкался. Я согласился на экспериментальное лечение, я чувствую себя хорошо, я не тот человек, которого ты знала.

Ты что, вообще не изменилась?

Если достаточно единиц данных представляют помехи для теории, значит, теория ошибочна. А если она основополагающая, то требуется смена парадигмы.

Энн, наконец, села за стол. Вряд ли она прочла его мысли настолько детально. Но, тем не менее, как приятно встретиться с ней взглядом!

После обеда Сакс пришел ангар, где его ждал Питер, однако они стартовали с фундамента

взлетно-посадочной полосы лишь на следующее утро. Громадный, обтекаемый орбитальный самолет завибрировал, резко разогнался и взмыл в черное небо. Сакс откинулся назад, вдавленный в кресло, и дождался, пока судно преодолеет асимптотический[33] пик в верхней точке своего курса. Самолет замедлял скорость по мере того, как набирал высоту: теперь он уже не мчался круто вверх и полет превратился в мягкий подъем сквозь стратосферу.

Спустя некоторое время атмосфера разрядилась до предела: они находились на высоте в сто километров, где газы «коктейля Рассела» ежедневно уничтожались падающими сверху ультрафиолетовыми лучами. Но самолет мог выполнять и функции ракеты. Казалось, что его корпус плавится от жара — так ярко сияли на его гладкой обшивке закатные краски. Сакс внимательно смотрел через фильтрующее стекло кабины. Без сомнения, это сияние влияло на их способность видеть в темноте. Внизу раскинулся темный Марс, исключение составляли лишь слабо мерцающие ледники на равнине Эллада. Они

[33] Примечания: 33

Относящийся к асимптоте, то есть к такой прямой линии, к которой какая-либо кривая с бесконечной ветвью неограниченно приближается на бесконечно малое расстояние.

все еще поднимались по расширяющейся спирали. Звезды наполнили тьму, которая приняла форму полусферы, стоящей на огромной черной равнине. Ночное небо и Марс.

Они продолжали подниматься. Раскаленный орбитальный самолет стал полупрозрачно-желтым и флуоресцентным. Последний шедевр Вишняка, частично спроектированный Спенсером. Самолет был сделан из интерметаллических композитов, в основном из алюминиево-титанового сплава, преобразованного суперпластика для изготовления жаропрочных частей моторов, равно как и для внешних частей покрытия (те затуманились, когда они поднялись выше и чуть-чуть остыли). Сакс представил изящную решетчатую структуру алюминиево-титанового сплава с гобеленным узором нодоидов и катеноидов — те походили на крючья и глаза и бешено вибрировали от жара. Да, они могли делать подобные вещи… Орбитальные самолеты, летящие прямо в космос. Выйди на задний двор и лети на Марс в алюминиевой жестянке.

Сакс описал, что хочет сделать дальше. Питер рассмеялся.

— Думаешь, Вишняк способен на такое?

— Да.

— Есть некоторые проблемы в конструкции.

— Я знаю. Но они решат их. Я хочу сказать, не обязательно быть спецом по ракетам, чтобы разбираться в ракетах.

— Точно.

Питер принялся петь, чтобы скоротать время. Сакс подпевал, когда находил нужные слова. «Шестнадцать тонн» — что за жизнеутверждающая вещь!

Питер рассказал, как ему удалось спастись из падающего лифта. Он был вынужден два дня парить на орбите в скафандре для наружных работ.

— Почему-то мне там понравилось. Конечно, звучит странно…

— Я понимаю, — произнес Сакс, не отрываясь от стекла.

Формы здесь были геометрическими, а цвета — незамутненными и чистыми. Настоящими.

— Каково это заново учиться говорить?

— Мне надо концентрироваться. Усиленно думать. Я постоянно удивлялся… ведь я многое забыл: все в один миг просто исчезло. Особенно то, что я узнал непосредственно перед травмой. Но тот период оказался очень важен для меня. Я тогда работал на леднике. И еще мне нужно кое-что рассказать твоей матери. Внизу все ина-

че, чем она думает. Ты понимаешь, сама земля. Растения. Солнце, как новорожденная бабочка. Это так странно…

— Ты должен встретиться с ней.

— Она меня не любит.

— Я поговорю с ней, когда мы вернемся.

Альтиметр показал 250 километров над поверхностью планеты. Самолет продвигался в сторону Кассиопеи. Каждая звезда обрела свой цвет, отличный от прочих. Сакс насчитал по меньшей мере пятьдесят. Ниже, на восточном краю черного диска появился терминатор, словно полоски на зебре — песчаная охра и черный ночной. Тонкий полумесяц освещенного солнцем Марса вдруг превратил диск в гигантскую сферу. Шарик, крутящийся в галактике звезд. Величественная гора-континент Элизий нависала над горизонтом, ее форма была идеально выделена четкими тенями. Они смотрели вниз — на длину ее продолговатой седловины. Купол Гекаты был почти спрятан за конусом горы Элизий, а сбоку виднелся купол Альбор.

— Вот, — произнес Питер и кивнул.

На востоке показался край воздушной линзы, остальная ее часть пока пряталась в тени планеты.

— Мы уже близко? — спросил Сакс.

— Еще немного.

Напоследок Сакс взглянул на утолщающийся утренний полумесяц. На суровых взгорьях Гесперии — прямо за терминатором — клубилось облако дыма, которое парило над землей в утреннем свете. Зрелище было впечатляющим: клочья облака достигали их самолета и медленно истаивали в стратосфере. Линза скользила вдоль этого теплового слоя, используя его подъемную силу и давление солнечного света, чтобы удерживать позицию над выжигаемой зоной.

Вскоре вся линза озарилась солнцем и стала похожа на огромный серебряный парашют с темно-фиолетовым отливом. Шапка солетты была частью сферы примерно в тысячу километров в диаметре, ее центр находился в пятидесяти километрах над ее краем, крутящимся, будто фрисби. В вершине зияло отверстие, через которое струились солнечные лучи. Повсюду сверкали круговые полоски зеркал, составляющие чашу. Они отражали солнечный свет, собирали его в пучок и направляли на движущуюся точку на поверхности планеты. При этом плавился даже базальт. Зеркала линзы разогревались до 900 градусов по Кельвину, а жидкий камень внизу

достигал пяти тысячи градусов, испаряя летучие вещества.

Сакс подумал об исполинском увеличительном стекле, с помощью которого можно поджечь сухую траву и веточки осины. Дым, пламя, огонь. Концентрированные солнечные лучи. Фотонная атака.

— Разве мы уже не достаточно близко? Выглядит, будто мы прямо под ней.

— Нет, мы еще далеко за пределами края. Не будем слишком рисковать и забираться под солетту, хотя я полагаю, фокусировки не хватит, чтобы испепелить наш самолет. Так или иначе, она движется над сжигаемой зоной со скоростью тысячи километров в час.

— Как реактивные самолеты в моей юности.

— Угу.

Зеленые огоньки мигнули на одной из консолей.

— Мы на месте.

Питер потянул штурвал на себя, и самолет встал на хвост, поднимаясь к линзе, которая находилась сотней километров выше и намного западнее. Питер нажал кнопку на консоли. Корпус содрогнулся, когда ряд оперенных ракет появился из-под коротких и толстых крыльев, поднялся

вместе с самолетом, а потом воспламенился, как магниевые факелы. Ракеты выстрелили в сторону солетты. Булавочные уколы желтого огня против огромного серебристого НЛО, в конце концов, исчезли из виду.

Сакс стиснул губы, стараясь не моргать.

Передний край линзы начал расползаться. Солетта оказалась хрупкой конструкцией. Это была всего лишь вращающаяся чаша из полос солнечных парусов, и теперь она стремительно разваливалась у них на глазах.

Ее передний край заворачивался вниз, пока солетта не кувыркнулась вперед, потащив за собой скрученный кольцами серпантин. Вот она уже полетела вниз, и ее длинный отросток походил на спутанные хвосты связки сломанных воздушных змеев. Полтора миллиарда килограммов солнечного паруса расправлялись по мере того, как солетта падала по длинной траектории. То было обманчиво неторопливое движение — размеры солетты позволяли иллюзии длиться, — хотя, наверное, значительная масса материала еще не достигла своей предельной скорости.

Порядочная часть его сгорит, не долетев до поверхности. Кварцевый дождь.

Питер развернулся и пошел на снижение,

держась гораздо восточнее. Сейчас они могли наблюдать за падением солетты во всех подробностях. Линза добела раскалилась и засияла в утреннем темно-лиловом небе. Еще мгновение — она вспыхнула, как желтая комета с пушистым, спутанным серебряным хвостом, и рухнула на рыжевато-коричневую поверхность Марса.

— Хороший выстрел, — резюмировал Сакс.

Когда они вернулись в кратер Уоллес, их приветствовали как героев. Питер отвергал все поздравления.

— Благодарите Сакса! Полет — плевое дело… Очередная разведка, если не считать стрельбы. Не знаю, почему мы раньше до такого не додумались.

— Они установят другую линзу, — процедила Энн, стоящая поодаль, и с любопытством посмотрела на Сакса.

— Солетта очень уязвима, — заметил Питер.

— Ракеты класса «земля — космос», — сказал Сакс, нервничая. — Вы можете инвент… инвентаризировать все объекты на орбите?

— Мы уже сделали это! — ответил Питер. — Назначение некоторых мы не можем определить, но функции остальных очевидны.

— Хочу посмотреть список.

— Надо поговорить, — мрачно буркнула Энн.

Красные мигом убрались восвояси, вскидывая брови, словно толпа Артов Рэндольфов. Сакс сел в бамбуковое кресло и огляделся по сторонам. В маленькой комнате не было окон. Помещение смахивало на одно из цилиндрических убежищ Андерхилла, появившихся в самом начале. Форма была та же самая. И текстура. Кирпич никогда не выйдет из моды.

Энн подтянула кресло и села напротив, склонившись вперед, чтобы видеть лицо Сакса. Она постарела. Хваленая лидерша Красных, костлявая, терзаемая призраками прошлого. Он улыбнулся.

— Тебе не пора пройти антивозрастную терапию? — вырвалось у него.

Энн лишь скрестила руки на груди, проигнорировав его дерзость.

— Почему ты решил сбить линзу? — спросила она, сверля его взглядом.

— Она мне не нравится.

— Я знаю, — ответила она. — Но почему?

— Она не нужна. Марс и так прогревается достаточно быстро. Нет смысла ускорять процесс. Нам не нужно дополнительное тепло от солетты. Она выпускала много углекислого газа, который

трудно будет убрать. А он был очень хорошо упакован. Сложно извлечь CO_2 из карбонатов. Если только не плавить камень. — Он покачал головой. — Глупцы! Они сделали это, потому что могли. Каналы. Я не верю в каналы.

— То есть для тебя все было неправильным терраформированием.

— Верно. — Он спокойно встретил ее взгляд. — Я верю в терраформирование, которое сформулировали в Дорсе Бревиа. Ты тоже под ним подписалась. Если я правильно помню. — Она покачала головой. — Нет? Но Красные подписались? — Она кивнула. — Вот что имеет смысл. Я говорил тебе раньше. Среда, годная для человека до некоторых высот. Выше — разреженный ледяной воздух. Медленные процессы. Экопоэзис. Мне не нравится ни один из новых индустриальных методов. Может, немного азота с Титана. И хватит.

— Как насчет океанов?

— Не знаю. Видишь, что происходит, когда воду не откачивают?

— Как насчет солетты?

— Не знаю, — повторил он. — Дополнительное освещение означает меньший промышленный прогрев газами. Или другими методами. Но мы бы обошлись и без солетты. Я думал, что старых

зеркал было достаточно.

— Но ты их уже не контролируешь.

— Нет.

Они помолчали. Энн задумалась. Сакс рассматривал ее усталое лицо, спрашивая себя, когда в последний раз она проходила антивозрастную терапию. Урсула рекомендовала повторять процедуры минимум каждые сорок лет.

— Я ошибался, — произнесли его губы. Когда Энн уставилась на него, он попытался поймать мысль. Это был вопрос форм, геометрии, математической стройности. Каскадный рекомбинантный хаос. Красота — творение странного аттрактора. — Нам следовало подождать, перед тем как начинать. Несколько десятилетий изучения первичного состояния. Мы могли понять, как быть дальше. Я не верил, что все изменится настолько быстро. Моя оригинальная идея была ближе к экопоэзису.

Она вскинула голову.

— Слишком поздно.

— Да. Мне жаль… — Он уставился на свои ладони. Все линии были такими же, как всегда. — Ты должна пройти терапию.

— С какой стати?

— Энн, не говори так. Питер в курсе? Ты нужна

нам. Я серьезно, Энн. Послушай…

Она встала и вышла из комнаты.

Его следующий проект был гораздо сложнее. Питер не сомневался в успехе мероприятия — в отличие людей из Вишняка. Сакс объяснил свою идею так хорошо, как только мог. Питер помогал. Возражения обернулись практическими обсуждениями. Проект чересчур большой? Привлеките богдановистов. Невозможно украсть? Прервите работу сети наблюдения.

— Наука — это творение, — заявил Сакс.

— Причем здесь наука? — возразил Питер. — Тут сплошное конструирование.

Михаил не согласился, но высказывание ему понравилось. Экотаж, ветвь экологического проектирования. Весьма сложного в организации.

— Привлеките швейцарцев, — добавил Сакс. — Или хотя бы поставьте их в известность.

— Им не понравится сеть наблюдения.

— Сообщите «Праксису».

Идея начала обретать форму. Но прошло очень много времени, прежде чем они с Питером снова сели в орбитальный самолет. На сей раз они вышли из стратосферы и поднялись на двадцать тысяч километров, пока не приблизились к Деймосу. А затем полетели ему навстречу.

Притяжение луны было слабым, и все напоминало стыковку, а не приземление. Джеки Бун, помогавшая в проекте, вероятно, лишь для того, чтобы быть поближе к Питеру, вела самолет. Когда они приблизились, Саксу открылся прекрасный вид из окна кабины. Черная поверхность Деймоса оказалась покрытой толстым слоем пыльного реголита — кратеры были почти погребены под ним, их края казались круглыми ямками в темно-сером покрывале. Маленькая луна была неровной, а выражаясь точнее, состояла из нескольких округлых граней. Почти что трехосный эллипсоид. Потрепанный посадочный модуль прилунился возле кратера Вольтера, его лапы зарылись в пыль: медные шарнирные опоры и корпус тотчас потускнели.

Они выбрали собственное посадочное место на одном из хребтов между гранями, где более светлый голый камень торчал из пыльного покрывала. На хребтах виднелись старые шрамы сколов, которые обозначали, где удары астероидов отбивали куски луны. Джеки осторожно снизилась к хребту западнее кратеров Свифта и Вольтера. Деймос был гравитационно закреплен, равно как и Фобос, что оказалось очень кстати для их проекта. Эта точка на обращенном к Марсу

полушарии служила нулевым градусом широты и долготы, что было наиболее разумно. Их хребет располагался рядом с экватором, на девяноста градусах долготы. Десятикилометровая прогулка до нулевой точки.

Когда они приблизились к хребту, обод Вольтера исчез за черным изогнутым горизонтом. Включились сопла самолета, и пыль, покрывающая скальное основание, взметнулась вверх. Пожалуй, серое покрывало достигало толщины лишь в несколько сантиметров. Углистый хондрит возрастом в пять миллиардов лет. Они состыковались с громким стуком, отскочили в сторону и опять медленно поплыли вниз. Сакс чувствовал слабенькое притяжение. Вероятно, он весил тут не больше пары килограммов.

Другие ракеты принялись садиться на хребет по обе стороны от него, взметая в пустоту клубы вездесущей пыли. Все самолеты подпрыгивали при соприкосновении с луной и плавно опускались на каменистую поверхность: густые серые клубы застилали обзор.

Через полчаса на хребте выстроились в ровную линию восемь самолетов. Все вместе они представляли собой странное зрелище: интерметаллические сочленения округлых корпусов

блестели, как хитин под стерильным солнечным светом, в прозрачности вакуума их края были четко очерчены. Словно во сне.

В недрах каждого самолета находился один компонент системы. Роботы-бурильщики, проходчики и дробильщики. Продольные каналы для сбора воды, чтобы растопить лед в венах Деймоса. Перерабатывающая конструкция для отделения тяжелой воды, которая составляла примерно одну шеститысячную от обычной. Другая конструкция для выработки дейтерия из тяжелой воды. Токамак, который планировалось запитать на дейтерий-дейтериевой реакции синтеза. Наконец, направляющие сопла, хотя большинство их доставили самолеты, прилунившиеся на другой стороне спутника.

В основном работы по установки провели богдановисты, прибывшие на самолетах. Сакс облачился в громоздкий скафандр и вышел через шлюз на поверхность. Он хотел проверить, прилунился ли самолет с реактивным двигателем для района Свифта — Вольтера.

Подогреваемые ботинки были утяжелены, что радовало Сакса. Вторая космическая скорость составляла на луне не более двадцати пяти километров в час, а это означало, что, разбежавшись,

можно было допрыгнуть до орбиты. Сохранять равновесие оказалось трудно. Миллионы крохотных движений увлекали за собой. Каждый шаг поднимал приличное облако пыли, вяло оседавшее на камни, которые были повсюду. Выброс породы. Сакс старался обходить и лазейки-вмятины — следы падения множества метеоритов. Обогнув луну тысячу раз, они, в конце концов, падали и впечатывались в ее поверхность.

Сакс поднял какой-то булыжник. Настоящий черный бейсбольный мяч! Брось его с нужной скоростью, обернись, подожди, пока он облетит вокруг мира и поймай на уровне груди. Ты выиграл, приятель. Новый спорт.

Горизонт, казалось, был всего в паре сотен метров от них и заметно менялся с каждым шагом: края кратеров, сколы гребней, глыбы выскакивали из-за пыльного края, пока он плелся к нему. Люди на хребте между самолетами уже стояли — под другим, несколько неестественным углом.

Он прямо как Маленький Принц. Четкость предметов поражала. Его следы оставляли в пыли глубокую цепочку. Клубы, висящие над ним, оседали тем ниже, чем дальше он продвигался, пока не успокаивались через пять-шесть шагов.

Питер направился ему навстречу. Джеки не

отставала. Питер был единственным мужчиной из всех, кого знал Сакс, кто действительно нравился Джеки. Она вертелась вокруг него в той напряженной, беспомощной манере, в какой влюбленный крутится по орбите, надеясь однажды сойти с нее или сойти с ума. Однако — вот чудо! — Питер никак не реагировал на Джеки. Сердца своенравны. Все равно, что тяга Сакса к Филлис, женщине, которая ему не нравилась. Или его жажда одобрения от Энн, которой не нравился он. Сакс подумал о сумасбродных идеях Энн. Возможно, в них заключена некая рациональность. Если кто-то вьется вокруг вас, есть повод усомниться в его здравомыслии. Как-то так.

Сейчас Джеки плелась за Питером, как собачонка, их лицевые панели казались медными. По ее движениям Сакс понял, что она говорит с ним, упрашивает его о чем-то. Сакс переключился на общую частоту и услышал их разговор.

— …Почему они называются Свифт и Вольтер? — интересовалась Джеки.

— Они оба предсказали существование лун Марса — в книгах, которые написали за век до того, как были открыты спутники планеты, — ответил Питер. — В «Путешествии Гулливера» Свифт даже дает их расстояние от Марса и время

оборота вокруг него — и практически угадывает.

— Ты шутишь!

— Нет.

— Но как он мог все рассчитать?

— Не знаю. Полагаю, слепая удача.

Сакс прокашлялся.

— Последовательность.

— Что? — встрепенулись они.

— У Венеры нет луны. У Земли — одна, у Юпитера — четыре. Поэтому Марс должен иметь две. Поскольку их не видно с Земли, они должны быть маленькими. И находиться близко от Марса. Поэтому они должны быстро вращаться.

Питер рассмеялся.

— Свифт был умным человеком.

— Или его источник. Но это все равно слепая удача. Последовательность и совпадение ходят рука об руку.

Они добрались до соседнего скального хребта: с него открывался обзор на обод кратера Свифта и на далекий первый хребет. Серые самолеты казались миниатюрными филигранными статуэтками. Почти все небо занимал Марс — оранжевый гигантский шар. Ночь наползала на восток полумесяцем. Равнина Исиды была прямо над ними, и хотя Сакс не мог найти Берроуз, он

заметил долины к северу от него, испещренные белыми пятнами проплешин. Ледники, ползущие друг другу навстречу, чтобы стать ледяными озерами, началом промерзшего моря. Великий Северный океан. Облака гофрированным слоем припадали к планете, напомнив Саксу о том, как выглядела Земля с «Ареса». Это был холодный фронт, спускающийся по Большому Сирту. Узор облаков был в точности такой же, как и на Земле. Спиралевидные волны уплотняющихся частиц.

Сакс спустился с хребта и зашагал по равнине. Его удерживали лишь высокие жесткие ботинки, и лодыжки болезненно ныли. Он словно брел по дну морскому, только без сопротивления. Вселенский океан. Подошвы обуви зарылись в пыль. Никакого каменного основания на глубине в десять сантиметров, а потом — в двадцать. Пожалуй, здесь могло быть пять или десять метров глубины, если не больше. Мини-облачка опадали примерно за пятнадцать секунд. Микроскопические пылинки держались бы в воздухе любой атмосферы бесконечно. Но в вакууме все было по-другому. Выброс. Сила тяжести, конечно, слабовата. Всю пыль можно запросто стряхнуть в космос. Сакс пересек невысокую горную гряду и вдруг увидел отлогую равнину следующей

грани. Он подумал, что спутник имел форму некоего инструмента эпохи палеолита, чьи грани были отколоты древними ударами. Трехосный эллипсоид. Интересно, что у него была круглая орбита — одна из образцово-круглых в солнечной системе. Такого не ждешь ни от захваченного астероида, ни от выброса породы, взлетевшей с поверхности Марса при сильном ударе. Что оставалось? Очень старый захват. С другими телами на других орбитах, регулирующих его. Скол. Скал. Скалывания. Как изящен и красив язык! Камни ударяли по камням, прилетая из глубин космоса. Откалывали куски и отлетали прочь. Пока не падали вниз и не разбивались вдребезги. Все, кроме нескольких. Двух из сотен миллиардов. Лунная бомба. Заряженный пистолет. Вращающийся быстрее, чем Марс над ним, так что любой участок марсианской поверхности появлялся в небе один раз в шестьдесят часов. Удобно. Известное оказалось опаснее неизвестного. Не важно, что сказал Мишель. Топ-топ по девственному камню марсианской луны, с незамутненным сознанием. Маленький Принц. Самолеты выглядели абсурдно, как насекомые из сна, хитиновые, четкие, красочные, крохотные в звездно-черном небе на хребте — покрытом пылью камне. Сакс забрался

обратно в шлюз.

Спустя несколько месяцев он был один в каньоне Эхо. Роботы на Деймосе закончили свою работу, и дейтериевый стартер запустил двигатели. Тысячи тонн измельченной горной породы сбрасывались ежесекундно со скоростью двести километров в секунду. Вся она улетала по касательной к орбите, лежащей в ее плоскости. Через четыре месяца, когда будет сброшено около половины процента от массы луны, двигатель остановится. Согласно расчетам Сакса, Деймос тогда будет в 614 287 километрах от Марса — и на своем пути он полностью избавится от влияния планеты, снова став свободным астероидом.

А сейчас он напоминал серую картофелину неправильной формы. Он был не столь ярким, как Венера или Земля, за исключением новой кометы, ярко горящей на его краю. То еще зрелище. Новости обоих миров. Скандал! Даже в сопротивлении люди спорили за и против. Как же надоели склоки! Хироко, кажется, устала и собиралась сбежать. Сакс ведь не бесчувственный. Да, нет, что, где… Кто это сделал? Зачем?

Взбешенная Энн позвонила ему на наручную консоль, чтобы задать свои обычные вопросы.

— Это идеальная платформа для боевых дей-

ствий, — сказал Сакс. — Если бы они построили там военную базу, как на Фобосе, мы были бы беззащитны.

— То есть ты решил идти напролом, да, Сакс? Я угадала?

— Если бы Аркадий и его команда не занялись Фобосом, мы бы не справились с ним в будущем. Нас бы убили. А швейцарцы подтвердили, что такой план существовал.

Энн тряхнула головой и уставилась на него, будто он рехнулся. Сумасшедший диверсант. По мнению Сакса, она замечала соринку в чужом глазу и не видела бревна в своем собственном. Он решительно встретил ее отпор, и Энн разорвала соединение. Сакс пожал плечами и вызвал богдановистов.

— У Красных есть каталог… всех объектов на орбите вокруг Марса. Значит, нам нужна ракета-носитель «земля — космос». Спенсер поможет. Экваториальные бункеры. Неактивные мохолы. Понимаете?

Они с ним согласились. Не нужно быть спецом в ракетах. И если ситуация накалится, по ним не ударят из космоса.

Через час, а может, и позже, на мониторе машины, которую Сакс позаимствовал у Десмонда,

появился Питер.

— Сакс, у меня есть контакты с людьми, работавшими над лифтом, поэтому я кое-что разузнал. В общем, дело обстоит так: с началом ускорения Деймоса колебания троса, необходимые для того, чтобы избегать столкновений, теперь уже не синхронизированы. Похоже, при следующем проходе по орбите он может столкнуться с лифтом, но мои друзья не сумели достучаться до искина троса. Вероятно, он защищен от внешнего воздействия на случай диверсий, и они не могут объяснить ему, что скорость Деймоса изменилась. У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Пусть сам все увидит.

— Что?

— Скормите ему данные по Деймосу. Он должен их принять. Он запрограммирован, чтобы избегать столкновений с ним, и услышит эту информацию. Растолкуйте ему все досконально. И доверьтесь ему.

— Довериться?

— Поговорите с ним.

— Мы пытаемся, Сакс. Но защита против диверсии очень крутая.

— Он управляет колебаниями троса, чтобы не столкнуться с Деймосом. Пока это в его списке

целей, все должно быть в порядке. Просто дайте ему данные.

— Ладно. Мы попробуем.

Ночью Сакс вышел наружу. Бродил в темноте под огромным утесом Большого Уступа, в районе как раз севернее каньона Касэй, врезавшегося в эту стену. «Сэй» по-японски значит «звезда», «ка» — огонь. Огненная звезда. То же и в китайском, где слог «хуо» японцы произносили как «ка», а «синь» — «сей». Китайское слово из нескольких иероглифов «Хуо Синь» — звезда, пылающая в небе. Говорят, Ка были маленькими красными человечками, назвавшими ее. Мы живем в огне.

Сакс распределял семена в земле, твердые маленькие орешки, воткнутые прямо под песчаную поверхность дна каньона. Джонни Огненное Зерно. На юге виднелся Деймос, который не спеша летел сквозь звезды. Спутник катился на запад в собственном замедленном темпе. Теперь его как будто подталкивала вперед мерцающая комета, уже разорванная на восточном краю. Лифта, поднимающегося над Фарсидой, не было видно. Сакс прищурился. Что там еще? Новый Кларк — одна из тусклых звезд южного небосклона? Кто его знает, сложно сказать… Сакс случайно пнул

камень, нагнулся и посадил очередное семечко. После того, как семена закончились, он занялся лишайником. Вид, обитающий в каменистом субстрате каньонов: устойчивый, быстро размножающийся, отлично выделяющий кислород. С высоким отношением поверхности к объему. И очень сухой.

Сигнал на запястье. Сакс переключил звук на интерком шлема, поскольку продолжал вытаскивать комочки из набедренного кармана и зарывать их в песок, осторожно, чтобы не повредить корни осоки или других почвопокровных (те усеивали землю, как пушистые черные камешки).

На связи был Питер, говорил он возбужденно.

— Сакс, Деймос подходит, и, кажется, искин понял, что это не обычная точка в его орбите. Он вроде бы начал обсчитывать ее! Позиционирующие двигатели по всему сектору включились немного раньше, и мы надеемся, что система реагирует.

— А вы не можете рассчитать колебания?

— Мы пытаемся, но искин действительно упрямый мерзавец с кучей защитных непроницаемых программ. Но путем независимых подсчетов мы можем сказать, что это будет довольно близкий

проход.

Сакс выпрямился и накидал собственные подсчеты на наручной консоли. Сидерический период обращения Деймоса начался примерно на 109 077 секундах. Двигатели были включены — Сакс задумался, допустим, примерно, миллион секунд, — уже значительно разогнав спутник, но также и расширив радиус его орбиты…

Сакс набирал цифры в абсолютной тишине. Обычно, когда Деймос проходил мимо лифта, трос в данном секторе был полностью вытянут и находился на расстоянии около пятидесяти километров от спутника. Это достаточно далеко, чтобы гравитационные возмущения были очень малы и не принимались в расчет двигателями троса. На сей раз ускорение и направление движения Деймоса сбили временные координаты. Трос возвращался назад, в плоскость орбиты Деймоса, слишком рано. Поэтому главная задача заключалась в замедлении колебаний троса и корректировки его положения по всей длине. Настоящая головоломка, и неудивительно, что искин не мог отобразить свои действия детально. Наверное, он был занят, связываясь с другими искинами, чтобы получить вычислительные мощности, необходимые для маневра. Очертания

ситуации — Марс, трос, Кларк, Деймос — обладали математической точностью и красотой.

— Ладно, — произнес Питер. — Он к ним уже приближается.

— Твои друзья поднимаются на орбиту? — спросил Сакс.

— Они в паре сотен километров ниже, но уже в подъемнике на пути вверх. Они подключили меня к своим камерам и… Эй, вот он… Да! Ого! Он прошел мимо троса километрах в трех! Он как раз промелькнул прямо перед камерой!

— Чуть-чуть не считается.

— О чем ты?

— По крайней мере, в вакууме. — Но теперь это уже не просто пролетающий мимо метеор. — Как насчет выбросов от двигателя?

— Я спрошу. Сейчас они вне орбиты Деймоса.

— До связи.

Сакс отключился. Неплохой прогноз со стороны искина. Еще несколько проходов, и Деймос появится над Кларком, и не нужно будет регулировать колебания троса, дабы избежать с ним столкновения. Ну а пока навигационный искин принял во внимание реальную опасность, все будет в порядке.

Однако Сакс смотрел на это двояко. Десмонд

заявил, что будет счастлив увидеть, как трос опять обрушится на Марс. Но с ним соглашались немногие. Сакс решил не принимать однозначных решений, поскольку сомневался в том, что он сам чувствует по отношению к «пуповине» Терры. Он был уверен, что лучше воздержаться от необратимых действий.

Так что он наклонился к земле и положил крошечный лишайник в черную ямку.

Часть девятая

Экспромт

Часть девятая
Экспромт

Освоение новой страны — всегда вызов. Как только закончили устанавливать купол в долине Ниргал, «Сепарасьон дель Атмосфер» установила свои самые большие аэраторы мезокосма. Вскоре купол наполнился пятьюстами миллибарами азотно-кислородно-аргоновой смеси, которая была извлечена и отфильтрована из окружающей среды, составлявшей 240 миллибар. И жители начали переселяться из Каира, Сензени-На и из других мест двух миров.

Сначала люди жили в мобильных трейлерах, затем в портативных теплицах. Пока они возделывали почву каньона плугами и насыщали ее бактериями, они использовали эти теплицы, чтобы выращивать рассаду, деревья и бамбук для строительства домов. Они также культивировали пустынные растения и рассаживали их за пределами ферм. Сукновальная глина в основании каньона оказалась прекрасной основой для почвы, хотя в нее нужно было добавить биоты азота, калия — в ней было много фосфора и больше соли,

чем требовалось.

Поэтому люди постоянно удобряли почву, выращивали тепличные культуры и высаживали устойчивые к данному климату растения. Они торговали по всей долине: их поселения возникли во многих местах, как и тропинки между хозяйствами, и главная дорога, идущая посреди долины, вдоль искусственного канала. Долина Ниргал была самой засушливой областью, поэтому трубопровод из долины Маринер накачивал воду и заставлял маленький поток бежать без остановки. Потом вода собиралась у ворот Узбои и откачивались назад, к краю купола.

Каждое хозяйство занимало около половины гектара, и люди усердно работали, выращивая для себя пропитание. Большинство разделяло землю на шесть миниатюрных полей, посезонно меняя участки под зерновые и под пастбища. И у каждого хозяина надела имелась своя сельскохозяйственная теория. Многие выращивали культуры и на продажу: орехи, фрукты или древесину для строительства. Другие разводили кур, овец, коз, свиней и коров. Почти все коровы были миниатюрными — размером со свинью.

Люди предпочитали селиться в низинах и обосновывались возле канала, оставив верхнюю часть

каньона с его жесткой почвой нетронутой. Они привезли с собой пустынных животных юго-западной Америки, и теперь здесь жили ящерицы, черепахи и зайцы, а койоты, рыси и ястребы начали бесчинствовать среди кур и овец. У них случилось нашествие крокодиловых ящериц, потом размножился один из видов жаб. Популяции медленно устанавливали свои размеры, но случались частые резкие колебания численности. Растения распространялись сами по себе. Земля стала выглядеть, будто всегда была такой. Но красные каменные стены, отвесные и шероховатые, стояли, как и прежде, над новым обитаемым миром.

В субботу был базарный день, и люди спозаранку ехали в торговые поселения на забитых под завязку пикапах. Однажды утром, ранней зимой 2042 года, они собрались под темным облачным небом Плайя Бланко, чтобы продать морозостойкие овощи, молоко, сыр и яйца.

— Ты знаешь, как определить, в каком яйце находится живой цыпленок? Берешь их все, кладешь в воду и ждешь, пока они не успокоятся. А затем увидишь яйцо, которое будет подрагивать — и бинго! — там-то и сидит невылупившийся птенец. Кладешь его обратно под курицу, а

остальные можешь разбивать и готовить из них, что угодно...

— Кубический метр пероксида водорода — все равно, что тысяча двести киловатт часов! Кроме того, он весит полторы тонны. Вам столько не надо!

— Мы пытаемся получить соотношение сотен тысяч частей на миллиард, но пока безуспешно...

— Наведайтесь в центр образовательных технологий в Чили! Они здорово проводят ротацию. Туда стоит заглянуть!

— Буря приближается...

— Мы и пчел держим...

— Майя — так говорят в Непале, Бахрам — это на фарси, Морс — на уэльском. Да, звучит шепеляво, но я, наверное, произношу неправильно. У уэльсцев странное произношение. Может, они произносят Мос, Март или Марс...

Неожиданно все пришло в движение: по рынку прокатился слух, передаваемый из уст в уста со скоростью степного пожара.

— Ниргал здесь! Ниргал! Он будет говорить в павильоне...

И он действительно был на рынке. Ниргал быстро шел во главе растущей толпы, приветствуя старых друзей и пожимая руки незнакомцам.

Люди последовали за ним, набиваясь в павильон и на волейбольное поле к западу от рынка. Толпа нетерпеливо гудела в ожидании.

Ниргал встал на скамейку и начал говорить. Он рассказывал об их поселении, о других марсианских поселениях под куполами и о том, что это значило. Но по мере того, как он подбирался к главной проблеме двух миров, разыгралась буря. Молнии били в громоотводы, и вскоре начался дождь, который сменился градом, а потом и настоящим снегопадом.

Купол над долиной был круто поднят, будто церковная крыша. Пыль и мелкие частицы отталкивались статическими зарядами пьезоэлектрического верхнего слоя: дождевые потоки скатывались вниз, а снег сползал, собираясь в кучи у основания по обеим сторонам. Роботы, которые во время метели катались туда-сюда у основания купола, быстро убирали сугробы с помощью воздуходувов. Однако грязь была проблемой. Смешиваясь со снегом, она превращалась в холодную, твердую, как бетон, спрессованную корку, которая налипала на купол. Вся эта плотная тяжелая масса могла в любой момент прорвать материю, как случилось однажды на севере.

Поэтому, когда буря усилилась, а каньон по-

темнел, Ниргал прервал свою речь.

— Нам лучше подняться выше, — сказал он.

Люди набились в грузовики и поехали к ближайшему лифту, который как раз находился на стене каньона. Добравшись до вершины, некоторые сразу же садились в кабины снегоуборочных машины и ездили во всех направлениях, а большие воздуходувы распыляли над сугробами пар и очищали купол от наледи. Остальные люди выкатили из гаража паровые тележки и принялись собирать грязный снег с земли.

Ниргал тоже помогал, энергично бегая с паровым шлангом, — он как будто занимался новым видом спорта. Никто не мог поддерживать такой же темп, и хотя люди постепенно завязли в холодной бурлящей жиже, они не сдавались.

Однако плотные, черные низкие тучи бежали по небу и продолжали засыпать каньон снегом. Ветер окреп и поднялся до 180-ти километров в час, но никто не возражал: ураган очищал купол от грязи. Люди делали проход за проходом, двигаясь на восток, сталкивая грязные ручьи с обрыва в непокрытый каньон Узбои.

Когда буря закончилась, купол был относительно чист, но земля по обе стороны от долины Ниргал оказалась погребена под замерзшей

коркой, а люди вымокли насквозь. Они опять набились в лифт и спустились на дно каньона, измученные и замерзшие. Выбравшись наружу, они посмотрели друг на друга и едва не расхохотались — их скафандры были полностью черными, за исключением лицевых панелей. Ниргал снял свой шлем, неудержимо рассмеялся, нагнулся, поднял с земли ком грязи и швырнул в толпу. Кто-то сразу принял вызов — и между ними завязалась борьба. Многие сочли разумным не снимать шлемов, и это было странное зрелище: на темном дне каньона люди в скафандрах бросали друг в друга пригоршни грязи и бежали к потоку, поскальзываясь и ныряя на ходу.

Майя Катарина Тойтовна встала в дурном расположении духа, встревоженная сном, который она намеренно забыла, как только скатилась с постели. Сны были опасны, поэтому она и этот сразу же начисто смыла из собственной памяти, словно поработав там водометом. Она оделась, повернувшись спиной к маленькому зеркалу над раковиной, и поспешно вышла в коридор.

Спустившись по лестнице, которая вела в общую столовую, Майя осмотрелась по сторонам. Весь Сабиси был построен в узнаваемом марсианско-японском стиле, а дома в ее квартале вообще походили на сад камней: сосны росли на мшистой земле между полированными розовыми валунами. Майя хмыкнула — она считала эту аскетичную красоту неприятной. То был своего рода упрек ее морщинам.

Майя попыталась прогнать тоскливые мысли и потому сосредоточилась на завтраке. Мертвая скука повседневной рутины. За соседним столиком Влад, Урсула и Марина разделяли трапезу с какими-то иссеями: те брили головы и в своих рабочих комбинезонах смахивали на буддийских монахов. Один из них включил крохотный экран, висящий над столом, и началось земное новостное шоу, наднациональная передача из Москвы,

имеющая такое же отношение к реальности, как некогда газета «Правда». Некоторые вещи не меняются. Майя прислушалась: транслировалась англоязычная версия, английский язык диктора был лучше ее собственного, даже после стольких лет.

— А теперь последние новости на сегодня, пятое августа 2114 года…

Майя окаменела на стуле. Они находились в Сабиси, было $L_S = 246^0$, что очень близко к перигелию. У них сейчас 4 день второго ноября: короткие дни, ночи немного теплее в их сорок четвертый М-год. Майя понятия не имела, какая дата наступила на Земле, хотя, в принципе, ей было наплевать…

Но там сейчас был день ее рождения. Ей стукнуло — пришлось считать… да, конечно, ей сегодня стукнуло сто тридцать.

Чувствуя тошноту, она нахмурилась. Швырнула на тарелку недоеденный круассан, недовольно уставившись на него. Мысли рвались, как спорхнувшие с дерева птицы, — она не могла отследить их и поэтому почувствовала опустошенность. Что вообще означает этот ужасающий неестественный возраст? Почему они включили экран именно сейчас?

Она посмотрела на круассан, принявший вдруг зловещий вид, резко отодвинула стул и вышла на улицу — в тусклый свет осени.

Теперь она шагала по широкому главному бульвару старого квартала Сабиси, зеленому от уличной травы, красному от пышных канадских кленов. Высокое дерево заслонило низкое солнце, и листва вспыхнула алым. Майя пересекла площадь и, выбравшись за пределы квартала, обнаружила Илью Зудова. Он играл в кегли с маленькой девочкой, возможно, пра-пра-правнучкой Мэри Данкел. В Сабиси жили многие из первой сотни. Да, Сабиси превратился в их личный «полусвет», они отлично вписались в местную экономику и милые кварталы с уютными офисами, где швейцарцы выдавали им фальшивые документы. Все было на удивление убедительным и позволяло им перебраться на поверхность. Хотя они уже не прибегали к услугам пластических хирургов, которые преобразили Сакса, поскольку возраст и так все сделал за них. Они стали неузнаваемы. Майя могла гулять по улицам Сабиси, и люди видели только древнюю старуху, одну из многих. Если бы ее остановили спецслужбы Временного Правительства, они распознали бы ее как Людмилу Новосибирскую.

Ну и что с того?

Майя ускорила шаг, пытаясь сбежать от себя. С северной оконечности купола виднелась громадная каменная насыпь, извлеченная из мохола Сабиси. Она образовывала длинный синусоидальный холм, рвущийся к самому горизонту через криволесье Тиррены. Насыпь была спроектирована таким образом, что сверху она походила на гигантского дракона, вцепившегося когтями в яйца городских куполов. В затененной расселине, которая пересекала насыпь, как раз и находился один из его когтей. Солнце светило, как серебряный драконий глаз, нагло уставившийся на Марс.

На запястье раздался сигнал, и она раздраженно приняла вызов.

— Саксифрейдж здесь, — сказала Марина. — Мы собираемся встретиться в западном саду камней через час.

— Я буду там, — буркнула Майя и разорвала соединение.

Предстоял тот еще денек! Она направилась на запад и пошла вдоль городского периметра, рассеянная и подавленная. Сто тридцать лет. В Грузии, на берегу Черного моря, были абхазцы, которые, говорят, жили столько же без терапии.

Что ж, вполне возможно. Антивозрастная терапия распространилась на Земле лишь частично, следуя за изобарами денег и власти, а абхазцы всегда были бедны… но зато счастливы. Она хотела вспомнить, на что была похожа Грузия, там, где Кавказские горы встречались с Черным морем. Сухуми, так назывался город. Ей казалось, что она гостила в Сухуми в юности, ведь ее отец был грузином. Но в сознании не возникало ни единого образа. На самом деле она едва ли могла вспомнить хоть что-то на Земле: Москву, Байконур, вид с Нового Мира. В конце концов, перед ней возникло лицо матери. Та стояла за противоположным концом кухонного стола и горько смеялась. Она гладила или готовила… Майя помнила этот случай, поскольку вызывала его в памяти, когда ей бывало грустно. Но реальные образы… Ее мать умерла за десять лет до того, как терапия стала доступна, иначе она могла бы быть до сих пор жива. Ей исполнилось бы сто пятьдесят лет, совсем не ирреальный возраст. Современный возрастной потолок приближался к ста семидесяти годам и постоянно поднимался, словно он вообще никогда не остановится. Люди умирали от несчастных случаев, редких заболеваний да врачебных ошибок. А еще от убийств и

самоубийств.

Она добралась до западного сада камней, даже не заметив аккуратные узкие улочки кварталов Сабиси. Вот к чему приходят старики — не помнят только что произошедшего, поскольку не придают ему значения. Память теряется раньше, чем обретается, пожилые люди сильно сфокусированы на прошлом.

Влад, Урсула, Марина и Сакс сидели на парковой скамейке напротив первых домов Сабиси, которые не пустовали. По крайней мере, в них обосновались гуси и утки. Пруд, мост, берега, покрытые щебнем, бамбуковая роща… Они словно сошли с японской гравюры на дереве… Клише. За стеной купола клубилось тепловое облако мохола, плотное и многослойное, так как отверстие стало глубже, а атмосфера — более влажной.

Майя присела на скамейку напротив своих компаньонов, мрачно вперив в них взор. Пятнистые морщинистые старики и старухи. Они казались почти чужими, людьми, которых она не знала. Хотя глаза Марины с нависшими веками и полуулыбка Влада ничуть не изменились. (Впрочем, Влад оставался все тем же, что совсем неудивительно для мужчины, который восемьдесят лет жил с двумя женщинами, очевидно, в гармонии

и в полном согласии.) Некоторые поговаривали, что Марина и Урсула были лесбиянками, а Влад превратился в их компаньона или домашнего любимца.

Но никто не мог ничего утверждать с уверенностью. Урсула казалась довольной, как и всегда. Любимая общая тетушка. Да, сконцентрировавшись, их можно было узнать. Только Сакс выглядел совершенно иначе, щегольски одетый мужчина со сломанным носом, который он не потрудился исправить. Этот нос торчал в центре его лица, как некое обвинение против Майи, будто она это сделала, а не Филлис. Сакс не смотрел ей в глаза, а мирно пялился на уток. Те крякали у его ног, а он вроде бы изучал живность. Ученый за работой. Впрочем, сейчас он стал сумасшедшим ученым, который вносил хаос во все их планы без какой-либо рациональной основы.

Майя поджала губы и посмотрела на Влада.

— «Субараси» и «Амекс» повышают число военных во Временном Правительстве, — произнес он. — У нас есть новости от Хироко. Они переформировали подразделение, атаковавшее Зиготу, и сейчас движутся на юг, где-то между Аргиром и Элладой. Похоже, они не знают, где расположены убежища, но прочесывают подозрительные

места одно за другим. Недавно они вошли в Кристианаполис и заняли его как базу для операций. Их около пяти сотен, тяжеловооруженных и защищенных с орбиты. Хироко сказала, что ей с трудом удается удерживать Койота, Касэя и Дао от того, чтобы те не начали партизанскую войну вместе с первопоселенцами. Если они найдут остальные скрытые убежища, радикалы обязаны будут призвать к атаке.

«Дикая молодежь Зиготы пробудилась», — тоскливо подумала Майя. Они плохо их воспитали, эктогенов и все поколение сансеев — теперь некоторым из них исполнилось сорок, и они жаждали боя. А Питеру, Касэю и другим нисеям было почти семьдесят. В прошлом, на Земле, их бы считали опытными лидерами, но здесь, на Марсе, они по-прежнему оставались в тени своих неумирающих родителей. А что же они чувствовали по этому поводу? И как могли поступить под влиянием своих чувств? Может, некоторые понимали, что еще одна революция предоставит им шанс. Вероятно, единственный. Революция, в конце концов, вотчина молодых.

Старики молча смотрели на уток. Унылая, угнетенная группа.

— Что стало с жителями Кристианаполиса? —

спросила Майя.

— Некоторые ушли в Хираньягарбха. Большинство остались.

Если войска Временного Правительства захватили южные нагорья, то подполье могло просочиться в города, но с какой целью? Рассеянные по разным областям, они не могли угрожать порядку двоемирья, основанному по земному образцу. Внезапно у Майи появилось ужасное чувство, что весь проект независимости был иллюзией, мечтой, компенсаторной фантазией для дряхлых последователей заведомо гиблого дела.

— Вы знаете, почему так случилось, — выпалила она, глядя на Сакса. — Его спровоцировали крупные диверсии.

Сакс притворился, что ничего не расслышал.

— Жаль, что мы не смогли договориться о плане действий в Дорсе Бревиа, — посетовал Влад.

— Дорса Бревиа, — повторила Майя с презрением.

— Это была хорошая идея, — возразила Марина.

— Возможно, но без четкой программы, с которойм согласились бы все, конституционные вопросы стали просто… — Майя махнула рукой. — Замки на песке! Игра…

— Предполагалось, что каждая группа будет делать то, что считает лучшим, — вымолвил Влад.

— Похожая идея была и в шестьдесят первом, — подчеркнула Майя. — А теперь, если Койот и его радикалы начнут партизанскую войну и нарушат равновесие, мы опять вернемся в шестьдесят первый.

— Что, ты считаешь, нам надо делать? — полюбопытствовала Урсула.

— Мы должны взять все на себя! Мы решаем, что делать. Мы распространяем наш план в подполье. Если мы не возьмем на себя ответственность, то будем виноваты, как и раньше!

— Это то, что пытался сделать Аркадий, — заметил Влад.

— Да, но он хотя бы пытался! — откликнулась Майя. — Мы должны отталкиваться от его удачных проектов! — Она коротко рассмеялась. — Никогда не думала, что скажу это, но мы должны сотрудничать с богдановистами, и тогда к нам присоединятся остальные. Повторяю, мы должны взять ответственность! Мы — первая сотня, только мы обладаем реальным влиянием. У нас есть силы, чтобы действовать! Жители Сабиси помогут и богдановисты тоже.

— Нам нужен и «Праксис», — произнес Влад. —

И швейцарцы. Это должен быть переворот, а не мировая война.

— «Праксис» хочет помочь, — встряла Марина. — А как насчет радикалов?

— Нужно заставить их, — ответила Майя. — Перекрыть им ресурсы, захватить их членов…

— Тогда мы дойдем до гражданской войны, — возразила Урсула.

— Но их следует придержать! Если они начнут революцию слишком рано и наднационалы придут за нами, пока мы не готовы, мы обречены. Нескоординированные удары по ним должны быть остановлены. Они не достигают никаких конкретных целей, а просто донельзя усложняют ситуацию. Подумайте сами, что сделают в таком случае транснационалы? Они создадут очередную мощную защиту, а мы останемся в дураках… Столкнув Деймос с орбиты, мы лишь поставили их в известность о нашем существовании — и все! Мы ничего не добились!

Сакс, рассматривавший уток, ответил в своей странной ритмичной манере:

— Есть сто четырнадцать транзитных кораблей «Земля — Марс». Сорок семь объектов на марсианской орбите… орбите Марса. Новый Кларк — полностью защищенная космическая станция.

Деймос мог стать тем же самым. Военной базой. Платформой для оружия.

— Вечно тебя тянет на луну! — фыркнула Майя. — Что касается кораблей на орбите, нам придется заняться ими… как-нибудь позже.

И снова Сакс не подал виду, что услышал ее. Он пялился на проклятых уток, моргал и иногда бросал взгляды на Марину.

— Это должен быть вопрос обезглавливания, — вымолвила Марина, — как предлагали Надя, Ниргал и Арт в Дорсе Бревиа.

— Посмотрим, сможем ли мы найти шею, — сухо ответил Влад.

Майя свирепо уставилась на Сакса.

— Мы должны занять один из главных городов и организовать людей в единое сопротивление. Я хочу вернуться в Элладу, — заявила она.

— Надя и Арт в Южной борозде, — сказала Марина. — Нужно, чтобы первая сотня присоединилась к нам, и тогда у нас может что-то получиться.

— Первые тридцать девять, — поправил Сакс.

— Нам не обойтись без Хироко, — встрял Влад. — Только она может вразумить Койота.

— Никто на это не способен, — усмехнулась Марина. — Но Хироко нам и впрямь нужна. Я поеду в

Дорсу Бревиа и поговорю с ней. Надо попытаться контролировать юг.

— Койот не проблема, — фыркнула Майя.

Сакс вынырнул из своей задумчивости и покосился на Влада. Он по-прежнему избегал смотреть на Майю, хотя они обсуждали ее план.

— Комплексная борьба с вредителями, — произнес он. — Полезные растения растут среди сорняков. Именно тогда они — все вместе — и подавляют сорняки. Я займусь Берроузом.

В ярости от пренебрежительного отношения Сакса Майя вскочила со скамьи и пошла вдоль пруда. Добравшись до противоположного берега, она обеими руками вцепилась в перила ограждения. Теперь она пристально всматривалась в стариков — они до сих пор сидели на скамейке, как пенсионеры, и болтали о еде, погоде, утках и последнем шахматном матче. Чертов Сакс, будь он проклят! Он никогда не простит ей Филлис, эту мерзкую женщину…

Внезапно она очень четко расслышала их голоса. За тропинкой была изогнутая глиняная стена, огибающая почти весь пруд, и Майя стояла как раз напротив нее. Очевидно, стена играла роль «шепчущей галереи»: Майя различала каждый звук, их голоса возникали через долю секунды

после того, как старики открывали рот.

— Жаль, что Аркадий погиб, — произнес Влад. — Если бы он был жив, мы бы сразу собрали богдановистов.

— Да, — согласилась Урсула. — Он и Джон. И Фрэнк.

— Фрэнк, — презрительно бросила Марина. — Если бы он не убил Джона, ничего бы вообще не случилось.

Майя покачнулась и стиснула перила так, что костяшки пальцев побелели.

— Что? — не выдержав, крикнула она.

Старики вскинулись, посмотрев на нее. Она буквально оторвала себя от ограждения и бросилась к ним, дважды споткнувшись.

— Что ты имеешь в виду? — заорала Майя на Марину.

Слова помимо воли вырывались у нее из горла. Влад и Урсула встретили ее в нескольких шагах от скамеек. Марина сидела, выпрямившись как струна. Она смотрела куда-то в сторону. Влад раскинул руки, и Майя прорвалась прямо сквозь них к Марине.

— Ты что имеешь в виду, говоря такие мерзости? — закричала она с болью в голосе. — Почему? Арабы убили Джона, все знают это!

Марина поморщилась и тряхнула головой.

— Ну? — выпалила Майя.

— Она так сказала для красного словца, — произнес Влад. — Фрэнк много сделал, чтобы подорвать позиции Джона в те годы. Ты сама знаешь, что так и было. Некоторые говорят, он настроил мусульман против Джона.

— Как же! — рявкнула Майя. — Мы все ругались друг с другом, это ничего не значит!

Потом она заметила, что Сакс, наконец-то, смотрит прямо на нее. Теперь, когда она по-настоящему разъярилась, он застыл с очень странным выражением лица, холодным и не поддающимся расшифровке. Его взгляд был обвиняющим, мстительным… каким-то еще?..

Она кричала по-русски, ей отвечали, и она не думала, что Сакс понимает ее родной язык. Вероятно, ему просто стало любопытно, из-за чего они так схлестнулись между собой? Майя опять посмотрела на Сакса. В его пристальном взгляде сквозила явная неприязнь. Неужели он подтверждал слова Марины, вбивая их в Майю, как гвозди!

Майя развернулась и побежала прочь.

Обратная дорога вылетела у нее из головы, и она очнулась только перед дверью в свои апар-

таменты. Рванув створку на себя, она бросилась внутрь, будто в объятия матери. Оказавшись в просторной комнате с деревянным полом и стенами, она кинулась на кровать, но тотчас вскочила и огляделась по сторонам. Она была шокирована воспоминаниями о другой комнате, которую превратили из убежища в ловушку в иной момент страха и потрясения… Она не могла получить ответы на свои вопросы: у нее не было ни возможности забыть, ни возможности убежать…

Она содрогнулась, увидев свое отражение в зеркале над раковиной. На стене словно висел ее собственный портрет, заключенный в раму. Осунувшееся, древнее лицо, глаза с ярко-красными ободками вокруг радужки, как у ящерицы. Отвратительное зрелище.

Перед ее внутренним взором пронеслась картина из прошлого: момент, когда она поймала взгляд «зайца» на «Аресе»… Взгляд, увиденный сквозь банку с водорослями. Койот — шок, который оказался реальностью, а не галлюцинацией. Тем же самым могла быть и новость о Фрэнке и Джоне.

Она хотела вспомнить. Она отчаянно пыталась воскресить воспоминания о Фрэнке Чалмерсе.

Она говорила с ним той ночью в Никосии, в ничем не примечательной стычке, неловкой и напряженной. Фрэнк, как всегда, вел себя, будто его обидели и отвергли. Они были вместе, когда Джона ударили, оттащили на ферму и бросили умирать. Фрэнк не мог…

Но, конечно, там были подставные лица. Всегда можно заплатить людям, чтобы они сделали хоть что-нибудь за тебя. Вряд ли арабы интересовались деньгами как таковыми. Но гордость, честь… оплата честью или некими политическими квипрокво — некий вид валюты, печатать которую Фрэнк умел мастерски.

Она очень плохо помнила эти годы, в ее голове не возникало никаких четких деталей. Когда она погружалась в прошлое и заставляла себя вспоминать, она терялась. Ее пугало, как мало она находила. Разрозненные фрагменты, осколки цивилизации…

Однажды она настолько разозлилась, что швырнула со стола чашку кофе. Отколотая ручка валялась на столе, как недоеденный круассан. Но где это произошло и с ней ли или с кем-то другим? Она не знала!

— А-а-а! — невольно выкрикнула она, и изможденное, допотопное лицо вдруг опротивело ей.

Жалкая рептилоидная боль! Какая мерзость!.. А раньше она была красавицей, она гордилась своей привлекательностью и использовала ее как скальпель. Теперь же… В последние годы ее белоснежные волосы стали уныло-серыми, изменившись после последней терапии. И еще они выпадали, подумать только, отдельными клоками. Отвратительно… А когда-то была красавицей, давным-давно. Она гордилась своим царственно-ястребиным лицом, а сейчас — будто баронесса Бликсен (тоже редкая красотка в юности) — рассыпалась в сифилитическую ведьму Исак Динесен. И она живет и живет, как вампир или зомби — опустошенная ящерица в стотридцатилетнем человеческом теле. С днем рождения тебя, с днем рождения тебя…

Она шагнула к раковине и дернула зеркало в сторону, открывая заполненный лекарствами шкафчик. Миниатюрные ножницы лежали на верхней полке. Забавно, но где-то на Марсе изготовляли маникюрные ножницы, без сомнения, из магния. Она взяла их и потянула клок волос с головы, пока не стало больно, а потом отрезала всю прядь. Она как будто снимала с себя скальп. Лезвия затупились, но если она тянула достаточно сильно, они работали. Она должна

действовать осторожно, чтобы не порезаться, крохотные останки тщеславия не позволяли ей причинять себе чрезмерный вред.

В общем, это была долгая, нудная, кропотливая и тяжелая работа. Но она почему-то успокаивала, отвлекала — такая методичная и одновременно разрушительная. Первый срез получился достаточно неровным и требовал доработки, на что ушел почти целый час. Но этим дело не ограничилось: она никак не могла подравнять торчащие пряди и опять почувствовала раздражение.

В конце концов, она вооружилась бритвой и быстро расправилась с остатками волос, придавив туалетной бумагой обильно кровоточащие порезы. Она проигнорировала проявившиеся старые шрамы и старалась не обращать внимания на ужасные бугорки и впадины на голом черепе. Впрочем, это оказалось не трудно — ведь теперь в зеркале отражался настоящий монстр.

И она безжалостно уставилась на странного урода — андрогинного, увядшего, безумного. Орел превратился в грифа. Лысого, со сморщенной шеей, глазами-бусинами, носом крючком и безгубым ртом, загнутым вниз полумесяцем. Глядя на свое безобразное лицо, она долго не могла найти ни одной черты Майи Тойтовны.

Она стояла, заледенев в настоящем. Чужая для этого мира. И для всех.

Стук в дверь заставил ее подпрыгнуть и вернул к реальности. Она помедлила, вдруг устыдившись и даже испугавшись. Другая ее часть прохрипела:

— Входите…

Дверь открылась. Мишель увидел ее и застыл на пороге.

— Ну? — выдавила она, чувствуя себя голой.

Он сглотнул, кивнул.

— Красива, как всегда, — сказал он и криво ухмыльнулся.

Она была вынуждена рассмеяться. А потом плюхнулась на постель и разрыдалась. Она всхлипывала и не могла остановиться.

— Иногда я хочу перестать быть собой, — говорила она, вытирая глаза. — Я так устала от всего, что я сделала.

Мишель сел рядом с ней.

— Мы до конца заперты в собственной оболочке. Так мы платим за право мыслить. А чем бы ты предпочла быть: пленником или идиотом?

Майя покачала головой.

— Я была в парке с Владом, Урсулой, Мариной и Саксом, который меня ненавидит. То еще

зрелище! Но я поняла одно — мы должны что-то сделать, действительно должны. А потом я попыталась вспомнить все, что было, и вдруг подумала: какие же мы изломанные, искалеченные люди.

— Много всего случилось, — произнес Мишель и взял ее за руку.

— У тебя есть проблемы с памятью? — Майя поежилась и вцепилась в него, словно в спасательный круг. — Иногда мне бывает настолько страшно, что я предпочитаю амнезию. — Она коротко хохотнула. — Полагаю, я предпочла бы стать пленником, чем идиотом: это касательно ответа на твой вопрос. Если ты забываешь, ты освобождаешься от прошлого, но тогда все теряет значение. Спасения нет, — проговорила она и всхлипнула. — Помнишь ты или нет — не важно. Тебе всегда больно.

— В нашем возрасте часто возникают подобные проблемы, — мягко сказал Мишель. — Мы забываем события, которые с нами когда-то случилось. Ничего страшного. Есть упражнения, которые помогают тренировать мозг.

— Это не мускул.

— Знаю. Но когда ты их выполняешь, растет способность вспоминать. А сам акт запоминания

усиливает память. Логично, да? Синапсы укрепляются или заменяются физически.

— Но что, если ты не можешь взглянуть в лицо своим воспоминаниям? Ох, Мишель… — Она глубоко, прерывисто вздохнула. — Она… Марина заявила, что Фрэнк убил Джона. Она думала, будто я ее не слышу. И она сказала это, как непреложную истину! — Майя схватила Мишеля за плечо и сжала, словно ногтями могла выцарапать из него правду. — Мишель, ответь мне и не ври! Вы действительно так считаете?

Мишель покачал головой.

— Никто не знает, что случилось.

— А как же я? Я была в Никосии той ночью, а они — нет! Тогда я находилась рядом с Фрэнком! Он понятия не имел, клянусь!

Мишель задумчиво прищурился, и она воскликнула:

— Не смотри так!

— Я и не смотрю. Майя, пожалуй, я должен рассказать тебе все, что слышал сам, и я пытаюсь вспомнить. Ходили самые разные слухи! О том, что случилось с Джоном. И некоторые действительно утверждали, что Фрэнк… причастен. Или связан с саудитами, которые убили Джона. Что он встречался с тем, кто умер позже, в ту самую

ночь, ну, ты понимаешь…

Майя опять разрыдалась взахлеб. У нее скрутило живот и заныла поясница. Она положила голову на плечо Мишеля, ее грудь тяжело вздымалась.

— Я не вынесу, Мишель, я не смогу! Я не знаю, что случилось… как я могу вспомнить? Как я могу хотя бы думать о них? — хрипела она.

Мишель убаюкивал ее в своих объятиях и гладил по спине.

— Майя, Майя, — повторял он.

Прошло много времени, прежде чем она села прямо, поплелась к раковине и умылась холодной водой, избегая смотреть в зеркало. Она вернулась к кровати и села в мрачном расположении духа, наполняющем чернотой каждую мышцу.

Мишель опять взял ее за руку.

— Я иногда спрашиваю себя: вдруг знание поможет? Или, по крайней мере, поиск истины… Расследование и все такое прочее. Можно почитать про Джона и Фрэнка. Сейчас, конечно, уже есть книги. Поспрашивать других людей, которые были в Никосии, особенно арабов, которые виделись с Селимом аль-Хаилем, перед тем как он умер. Собрать свидетельства. Факты дают нам ощущение контроля. Это будет не просто

жалкая попытка вспомнить и не забвение. И, как ни странно, между данными альтернативами существует множество вариантов. Мы должны принимать наше прошлое, понимаешь? Мы должны сделать его частью того, чем мы стали, используя наше воображение. Но это сложный креативный процесс, требующий наших усилий. Хотя я знаю тебя, а тебе всегда лучше, когда ты действуешь. Не можешь сидеть и молча страдать.

— Не представляю, справлюсь ли я теперь, — произнесла она. — Мне невыносимо оставаться в неведении, но я боюсь знать. Я и не хочу. Особенно, если то, что сказала Марина, — правда.

— Постарайся понять свои чувства, — предложил Мишель. — Учитывая, что оба варианта болезненны, возможно, ты предпочтешь именно действия.

— Ну, — она шмыгнула носом, окинула комнату взглядом. Из зеркала на нее уставилось лицо убийцы. — Господи, какая я страшная! — выдохнула она, ощущая тошноту, и сглотнула.

Мишель встал и направился к зеркалу.

— Есть такая штука, называется «дисморфическое расстройство». Это связано с обсессивно-компульсивными расстройствами и депрессией.

Я давно замечаю у тебя его признаки.

— Сегодня мой день рождения.

— Хм. Твоя проблема поддается корректировке.

— Дни рождения?

— Дисморфическое расстройство.

— Я не буду сидеть на таблетках.

Он завесил зеркало полотенцем, повернулся и посмотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду? Это может быть банальная нехватка сератонина. Биохимическая недостаточность. Болезнь. Тебе нечего стыдиться. Каждый из нас принимает лекарства. Кломипрамин тебе поможет.

— Ладно, я подумаю.

— И никаких зеркал.

— Я не ребенок! — прорычала она. — Я знаю, как выгляжу!

Она вскочила и сдернула полотенце с зеркала. Сумасшедший рептилоидный гриф, свирепый птеродактиль. Что ж, впечатляющее зрелище. В некотором роде.

Мишель пожал плечами и слабо улыбнулся, и ей захотелось то ли ударить его, то ли поцеловать. Он любил ящериц. Она покачала головой, чтобы выбросить лишние мысли из головы.

— Ты говоришь, что надо действовать, — пробормотала она. — Я, конечно же, в текущей ситуации предпочитаю активность всем прочим альтернативам. — Она рассказала ему о новостях с юга и о своем предложении. — Они меня разозлили. Они ждут не дождутся, пока снова не случится беда. Все, кроме Сакса! Он со своими диверсиями, как говорящая обезьяна с гранатой! Ни с кем не советуется, кроме своих придурковатых друзей. А нам нужно быть более скоординированными!

— Хорошо, — с чувством произнес Мишель. — Я согласен. Нам нужно что-то предпринять.

Она посмотрела на него.

— Поедешь со мной в бассейн Эллады?

И он улыбнулся совсем другой улыбкой — искренней и радостной. В ней сквозило удовольствие от того, что она пригласила его присоединиться к ней!

Ее сердце сжалось и часто забилось.

— Да, — кивнул он. — Мне нужно закончить кое-какие дела, но я быстро управлюсь. Всего пара недель.

И он вновь улыбнулся. Он любил ее, она знала. Не просто как друг или терапевт, но и как любовник. Однако на некотором расстоянии. Порой

ей казалось, что он не подпускал ее к себе: то была своеобразная терапевтическая защита. Зато сейчас она могла дышать по-прежнему. Быть любимой и дышать. Иметь друга.

— И ты будешь со мной, хотя я и выгляжу как чудовище.

— Майя! — рассмеялся он. — Ты и сейчас красива, если хочешь знать. Ну и слава Богу! — Он обнял ее и отстранился, оглядывая. — Немного аскетично. Но тебе идет.

Она оттолкнула его.

— Никто не узнает меня.

— Никто из тех, кто тебя не знает. Нам пора. Ты голодна?

— Да. Мне надо переодеться.

Он сел на кровать и смотрел, как она переодевается, пожирая ее глазами, старый козел. Ее тело до сих пор было человеческим и, как ни удивительно, явно женским даже в столь нелепом предсмертном возрасте.

Она могла подойти, сунуть грудь ему в лицо, и он бы присосался к ней, как дитя. Но она быстро оделась, чувствуя, как постепенно собирается с духом и приободряется — самый лучший момент во всей синусоиде, словно зимнее солнцестояние для людей палеолита, момент облегчения, когда

понимаешь, что солнце все равно обязательно вернется.

— Вот и отлично, — заметил Мишель. — Ты нужна нам, Майя. У тебя, кстати, есть авторитет. Природное влияние. Нам надо начать работу повсюду, а тебе сконцентрироваться на Элладе. Превосходный план. Но нам нужно и нечто большее, чем злость.

Она натянула свитер через голову — скальп казался забавно голым и грубым — и изумленно посмотрела на него. Он наставительно поднял палец.

— Гнев пригодится, но нельзя полагаться только на него. Фрэнк буквально плавился от гнева, и посмотри, куда это его привело. Ты должна сражаться только с тем, что ненавидишь, за то, что ты любишь, понимаешь? Поэтому тебе надо понять, что ты любишь. Вспомнить это или создать.

— Верно, — ответила она с внезапным раздражением. — Я люблю тебя, но сейчас заткнись. — Она царственно вскинула голову. — Идем. Я и впрямь хочу есть.

Поезд из Сабиси, следующий по ветке Берроуз — Эллада, был длиной всего в четыре вагона: локомотив и три пассажирских вагончика, заполненных не более чем наполовину.

Майя направилась к последним сиденьям последнего же вагона. Люди иногда смотрели на нее. Казалось, отсутствие волос никого не волновало. В конце концов, на Марсе давно поселилась целая стая женщин-грифов с обветренными лицами, некоторые даже ехали в поезде. На каждой красовался рабочий комбинезон кобальтового, ржавого или светло-зеленого оттенка.

Своего рода клише, древние ветераны Марса, первопроходцы! Они видели все и готовы были насмерть замучить тебя скучными рассказами о пыльных бурях и заклинивших шлюзах.

Что ж, пусть будет так. Ей только помешало бы, если бы люди принялись толкать друг дружку локтями, восклицая «вот и Тойтовна!».

Внезапно она вновь почувствовала себя страшной и одинокой. И она ничего не могла тут поделать. Как глупо… Нужно, чтобы ее забыли. И ее внешний вид помогал в этом. Мир не любит некрасивых.

Она шлепнулась на сиденье и принялась озираться по сторонам. Вероятно, Сабиси посещали

японские туристы с Земли, они сгрудились впереди и оживленно болтали, оглядываясь через свои видеоочки и без сомнения записывая каждую минуту фильма своей жизни. Какая ирония! Их марсианские записи, которые никто никогда не посмотрит.

Поезд медленно заскользил вперед. Сабиси оставался все тем же маленьким городком под куполами в холмах, а неровная земля между поселением иссеев и главной трассой была усеяна громадными валунами и неглубокими пещерами, вырубленными в скалах. Северные склоны оказались облеплены снегом первых осенних бурь. Солнце ослепительными зайчиками отскакивало от гладких зеркал льда, плавающих в замерзающих прудах. Низкие темно-зеленые кусты, выращенные из многочисленных видов, которые доставили прямо с Хоккайдо, сделали пейзаж графически четким, словно здесь поработала рука художника. Это была коллекция садов бонсай, зеленые островки окружало неприветливое море битого камня.

Японские туристы громко восхищались окрестностями. Хотя, вероятно, они относились к эмигрантам, приехавшим из Берроуза. Возможно, они просто решили посетить первое место

приземления японцев и сейчас совершали марсианское паломничество подобно тому, как на Земле могли бы поехать из Токио в Киото. А если это обычные местные, которые вообще никогда не видели Японию? Кто знает… Ничего нельзя утверждать наверняка, это можно проверить, лишь увидев их походку. Но зачем?

Дорога бежала прямо к северу от кратера Жарри-Делож, который казался огромной столовой горой. Склоны украшали снежные завалы, то тут, то там виднелись деревья, уцепившиеся за землю своими корнями. Темно-зеленые лишайники сменялись светлыми альпийскими лугами и вересковыми пустошами, и повсюду пестрела россыпь валунов, попавших сюда после удара метеорита. В результате получилось красное каменное поле, окаймленное линией горизонта.

Майя с изумлением уставилась на яркий склон холма. Снег, лишайник, вереск, сосны: она знала, что мир изменился, пока они прятались под полярной шапкой. Да, раньше все было иначе, и она выживала, иногда давая себе передышку, чтобы не сломаться после череды перенесенных испытаний. В конце концов, ее сердце под давлением превратилось в минерал стишовит. Но сейчас ей было так трудно все осознать! Или даже

вспомнить, или просто почувствовать собственное прошлое…

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, чтобы расслабиться, позволить воспоминаниям течь свободно.

Перед ней проносилась гремучая смесь из разномастных картин. Фрэнк Чалмерс, гневно осуждающий, высмеивающий, мечущий громы и молнии. Мишель не ошибся: Фрэнк был злым человеком. Но в нем таилось и кое-что еще. Она знала это больше, чем кто бы то ни было. Она видела его спокойным (хотя теперь она могла бы с этим поспорить) и по меньшей мере счастливым. Он боялся за нее, заботился о ней, любил ее — в последнем она не сомневалась. Он яростно кричал на нее за мелкие измены или без конкретной на то причины… ведь он любил ее, верно?

Но каким он являлся на самом деле? Или, скорее, почему он был таким? Существовало ли разумное объяснение, почему они были такими? Она мало знала о нем до того, как они встретились. Целая жизнь в Америке, затем инкарнация. Грузный, сумрачный мужчина, которого она встретила в Антарктике, был почти потерян для нее, подавленный после того, что случилось потом на «Аресе» и на Марсе. Фрэнк… Он воз-

главлял НИСА, поднял марсианскую программу, естественно, в том же разрушительном стиле, который демонстрировал позже. Он был недолго женат, насколько она помнила. На что это было похоже? Бедная женщина. Майя улыбнулась, но затем снова услышала тоненький голос Марины: «Если бы Фрэнк не убил Джона», — и ее передернуло. Она уставилась на планшет на коленях. Японские пассажиры пели песню, очевидно, застольную, поскольку достали флягу и передавали ее по кругу. Жарри-Делож остался позади, и они скользили вдоль северного края раковины Лапигия, овальной низины, простиравшейся вплоть до самого горизонта. Лапигий кишел кратерами, и сейчас в каждом кольце существовала своя экология. Это было все равно, что заглядывать через крышу в разбомбленный магазин флориста. Корзины, в основном сломанные, разбросаны повсюду, но вот одна сохранившаяся из желтого гобелена. Палевая плитка, белые или бледно-бирюзовые персидские ковры…

Что-то она расчувствовалась. Она включила планшет и ввела в поиск: «Чалмерс».

Перед ней развернулась огромная библиография: интервью, книги, монографии, видео, целая библиотека его реляций к Земле, еще одна

библиотека комментариев. Сотни статей: дипломатические, исторические, биографические, психологические, психобиологические очерки — истории, комедии и трагедии повсюду, включая и оперу. Возможно, кто-то там, на Земле, злодейским голосом распевал ее мысли.

Она в ужасе отключила планшет. Через минуту она сделала глубокий вздох, включила его снова и развернула файл. Она не могла смотреть ни видео, ни фотографии. Она перешла к самым коротким биографическим статьям из популярных журналов, открыла первую попавшуюся наугад и начала читать.

Он родился в городе Саванна, штат Джорджия, в 1976 году, вырос в Джексонвилле, Флорида. Его отец и мать развелись, когда ему было семь. Он жил в основном с отцом, в квартире рядом с пляжем Джексонвилла, в районе, где в сороковых построили ряд дешевых пляжных отелей, за старой набережной, полной креветочных хибар и дешевых забегаловок. Иногда его забирали дядя и тетка — они проживали возле центра города, где преобладали небоскребы, выстроенные страховыми компаниями. Когда ему исполнилось восемь, его мать переехала в Айову. Его отец трижды присоединялся к Обществу анонимных

алкоголиков.

Он стал президентом своего класса в школе, капитаном футбольной команды, где играл центровым, и бейсбольной команды, где был кэтчером. Он возглавлял проект по очистке реки Сент-Джон от эйхорнии. «Его запись в выпускном журнале школы была настолько длинной, что сразу было ясно, что-то не так!» (чья-то цитата). Его приняли в Гарвард, дали стипендию, через год перевели в Массачусетский технологический институт, где он получил степени инженера и астронома. Четыре года он жил один в комнатушке над гаражом в Кембридже, и информации о том периоде набралось очень мало. Кажется, его тогда знали немногие. «Он ходил по Бостону словно призрак».

После колледжа он работал на военных в Форт-Уолтон-Бич, Флорида, и, похоже, много думал о своем будущем. Внезапно сменив род деятельности, он управлял одним из самых успешных гражданских проектов. Работа была связана с госбезопасностью, они строили жилье для карибских эмигрантов, прибывающих через Пенсаколу. Его знали тысячи людей — коллеги часто отзывались о нем в положительном ключе. «Все соглашались, что он был вдохновля-

ющим лидером, заботящимся об эмигрантах. Фрэнк трудился в поте лица, чтобы помочь им интегрироваться в американское общество». Он женился на Присцилле Джонс, красивой дочери обеспеченного семейства из Пенсаколы. Пошли разговоры о политической карьере. «Он был на вершине мира!»

Затем в 2004 году эта деятельность прекратилась, и спустя год он присоединился к программе подготовки астронавтов в Хантсвилле, Алабама. Тогда же его брак распался. В 2007-м он стал астронавтом и быстро занял пост «администратора полета». Одним из его самых долгих путешествий оказался шестинедельный полет на американской космической станции вместе с восходящей звездой Джоном Буном. В 2015 году он возглавил НАСА, а Бун стал капитаном космической станции. Чалмерс и Бун вдвоем вели проект «Марс Аполло», который спонсировало правительство. После того как Бун произвел в 2020-м первую посадку, они оба присоединились к первой сотне и отправились на Марс в 2027 году.

Майя смотрела на четкие черные буквы латинского алфавита. Популярные статьи с их остротами и восклицательными знаками имели, без сомнения, двусмысленные моменты.

Мальчик, росший без матери, с пьющим отцом. Идеалистическая юность с упорным трудом, высокий взлет, внезапная потеря работы и брак, распавшийся в тот же год. Стоило бы пристальнее всмотреться в этот 2005-й. Тогда Фрэнк, очевидно, был предоставлен самому себе. При таком раскладе ему было легко стать астронавтом в НАСА или в Главкосмосе. Он всегда пытался больше времени проводить в космосе и занялся административной деятельностью, чтобы иметь возможность летать чаще…

Краткие журнальные описания совпадали с тем Фрэнком, которого она знала. Нет, все дело было в его юности, в детстве. Каким же был Фрэнк?

Она опять вызвала оглавление, пробежалась по списку биографических материалов и нашла статью, озаглавленную «Разбитые обещания: Фрэнк Чалмерс и государственная безопасность». Майя нажала ссылку и увидела текст. Она прокрутила его ниже, пока не увидела имя.

> Как и многие люди со сложным складом мышления, Чалмерс справлялся со своей жизнью в Пенсаколе, наполняя ее непрерывной активностью. Если у него не было времени для отдыха, значит, у

него не было времени и для размышлений. В прошлом, вплоть до окончания школы, когда он без устали работал двадцать часов в неделю в компании по повышению грамотности, эта стратегия была для него успешна. А в Бостоне его академическая нагрузка превратила Фрэнка, по выражению его товарищей, в «человека-невидимку». Об этом периоде его жизни известно меньше всего. Говорят, что первую бостонскую зиму он жил в своей машине и пользовался душевыми в бассейне кампуса. Лишь когда ему удалось перевестись в Массачусетский технологический институт, он мог найти себе жилье…

Майя быстро листала вперед. Щелк, щелк.

В начале двадцать первого века полуостров Флориды являлся одним из самых беднейших в стране – с карибской эмиграцией, закрытием местных военных баз и ураганом Дейл, нанесшим региону значительные разрушения. «Казалось, что мы работаем в Африке», – говорил один из сотрудников службы государственной

безопасности. Эти три года характеризуют Чалмерса как ответственного, внимательного и заботливого человека. Он обеспечивал грантами общественные организации и оказал огромное влияние на все побережье. Чалмерс помогал тысячам людей, выжившим после урагана и вынужденным перебраться в импровизированные убежища. Он курировал образовательную программу, цель которой заключалась в том, чтобы научить пострадавших не только возводить новые дома, но и преодолевать психологические кризисы – после чего полученные навыки могли быть применены ими где угодно. Программа стала чрезвычайно популярной, но местные промышленники противодействовали ее развитию. Чалмерс выступал в оппозиции, и в первые годы двадцатого столетия он часто появляется в местных СМИ, с энтузиазмом защищая программу и позиционируя ее как часть массового всплеска социальной работы. Как гость редакции журнала «Форт-Уолтон-Бич», он писал: «Очевидное решение состоит

в том, дабы направить на проблему всю нашу энергию и работать над ней системно. Мы должны строить школы, чтобы наши дети умели читать, а затем учились на врачей и могли лечить всех своих пациентов, или на юристов, чтобы работать с власть имущими и устанавливать справедливость. Мы должны научиться строить для себя дома и фермы, если мы хотим прокормить наши семьи».

Результаты, полученные в Пенсаколе и в Форт-Уолтон-Бич, принесли в штат еще большее количество грантов из Вашингтона, а также дотации различных корпораций-партнеров. В разгар кризиса, в 2004 году, в Пенсаколе по программе работали уже двадцать тысяч человек. Весьма важным фактором, обеспечивающим так называемый «Ренессанс залива», стала именно женитьба Чалмерса на Присцилле Джонс – дочери одной из богатейших семей из Панама-Сити. Казалось, что данный брак ознаменовал создание нового союза нищих и привилегированных во Флориде. Помимо прочего сам Фрэнк Чалмерс и его супруга стали

сливками высшего общества не только Флориды, но и всего побережья Мексиканского залива.

Выборы 2004 года закончили этот безоблачный период. Внезапное прекращение деятельности Совета национальной безопасности было одним из первых действий новой администрации. Чалмерс два месяца провел в Вашингтоне. Он выступал с докладами в подкомитетах Палаты представителей и Сената, пытаясь продавить принятие закона о восстановлении программы. Закон прошел, но два сенатора-демократа от штата Флорида и конгрессмен из округа Пенсакола не поддержали Чалмерса, и Конгресс оказался не в состоянии переопределить исполнительное вето. По словам новой администрации, программа «угрожала рыночным силам» и была быстро свернута. Обвинительное заключение за лоббирование нарушений в области строительства и приговор девятнадцати конгрессменам, включая представителя Пенсаколы, последовали через восемь лет. К тому времени проект был мертв, а

его ветераны сменили род деятельности.

Для Фрэнка Чалмерса данный момент стал переломным. Он стал вести отшельнический образ жизни, хотя это удавалось ему с трудом. После переезда в Хантсвилл он развелся с женой. Присцилла вскоре повторно вышла замуж за друга семьи, с которым встречалась еще до знакомства с Чалмерсом. В Вашингтоне Чалмерс вел аскетичную жизнь и был полностью сосредоточен на НАСА. Он прославился своими семинарами, которые имели огромное влияние на судьбы НАСА. Очередной успех сделал Чалмерса известным на всю страну, но никто в НАСА или в Вашингтоне не мог утверждать, что является его другом. Напряженная работа стала для Чалмерса своеобразной отдушиной и прикрытием, хотя идеальный социальный работник с побережья Мексиканского залива исчез навсегда.

Волнение в передней части вагона заставило Майю встрепенуться. Японцы вставали, вынимали багаж и переговаривались. Теперь она

поняла, что они точно родом из Берроуза. Некоторые из них достигали двух метров в длину… Долговязые белозубые ребята с иссиня-черными волосами, улыбчивые и доброжелательные. Сила тяжести, диета, что бы там ни было, но люди, рожденные на Марсе, становились верзилами. Галдящие японцы напомнили Майе эктогенов из Зиготы, этих странных детей, выросших, словно сорняки… Теперь они рассеянны по планете, а их маленький мир улетучился, как и прочие до него.

Майя поморщилась и импульсивно перемотала статью к иллюстрациям. Она нашла фото двадцатитрехлетнего Фрэнка, запечатленного в начале своей правительственной работы. Темноволосый парень с резкой, уверенной улыбкой смотрел на мир таким взглядом, будто хотел сказать ему что-то новое. Каким же он был тогда молодым и одновременно — столь много повидавшим! Майя предположила, что невинность юности придала его взгляду такой кураж, хотя в действительности все было гораздо сложнее.

Фрэнк не мог похвастаться безоблачным детством. Он вырос бойцом, он всегда сражался с обстоятельствами и побеждал. В нем таилась сила, которую нельзя было сломить — по край-

ней мере, об этом свидетельствовала его улыбка. Не плюй против ветра. Как говорили у них на Камчатке.

Поезд замедлил ход и плавно подъехал к остановке. Майя прочитала название станции на табло. «Фурнье». Здесь ветка из Сабиси встречалась с главной магистралью Берроуз — Эллада.

Японцы из Берроуза высыпали наружу. Майя выключила планшет и последовала их примеру. Станция представляла собой купол на юге кратера Фурнье. Она выглядела примитивно — обычный Т-образный купол. Люди бродили по трем внутренним уровням, группами или поодиночке, большинство — в рабочих комбинезонах, но кое-кто — в деловых костюмах, или форме наднациональных корпораций, или же в повседневной одежде, которая сегодня состояла из штанов, рубахи и мокасин.

Майя почувствовала, что толпа людей внушает ей тревогу, и поежилась. Она неловко прошествовала мимо ряда киосков и переполненных кафе, окна которых выходили на магистраль. Никто не взглянул в лицо лысого, старого андрогина. Легкий искусственный ветерок обдувал ее бритую голову, она чуть-чуть успокоилась и заняла место в очереди за билетами на следующий поезд, ко-

торый направлялся на юг. Фотография из статьи до сих пор стояла перед ее внутренним взором. Неужели они были так молоды?

В час ночи пришел поезд с севера. Охранники выбрались из административной подсобки: под их скучающим взглядом Майя прижала запястье к портативному идентификатору и села на поезд. Это была стандартная процедура проверки, но, когда она искала свое место в вагоне, ее сердце бешено билось. Вероятно, специалисты из Сабиси не без помощи швейцарцев обманули новую охранную систему Временного Правительства. Но у нее имелись свои собственные причины бояться. Она была знаменитой Майей Тойтовной — одной из самых разыскиваемых женщин-преступниц на Марсе.

Пассажиры на местах поднимали взгляд, когда она шла по проходу, нагая под синим хлопковым комбинезоном. Обнаженная, но невидимая по причине неприглядности. Ну и что? Половина пассажиров вагона выглядели не лучшим образом. Здесь оказалась куча стариков! Ветераны Марса, которые выглядели на семьдесят, но могли быть вдвое старше, сморщенные, седоволосые, облученные и очкастые… И они были рассеяны среди высоких, свежих, молодых туземцев, слов-

но осенние листья среди вечнозеленых растений. Один из них походил на Спенсера Джексона и сидел впереди — как раз через три ряда от нее.

Майя закинула сумку на багажную полку и посмотрела на него. Лысая мужская голова — ничего особенного, верно? Однако она уже не сомневалась, что это Спенсер. Не повезло. По общепринятым правилам, первая сотня (в частности, первые тридцать девять) старались никогда не путешествовать вместе. Но всегда имелась вероятность случайного нарушения их договоренностей.

Она села у окна, любопытствуя, чем занимается Спенсер. Они с Саксом вроде бы основали технологическую команду в мохоле Вишняк и, как утверждал Влад, разрабатывали (а может, и испытывали) секретное оружие. Очевидно, Спенсер стал частью безумной преступной команды экотажников. Занятно. Это было на него не похоже, и Майя спрашивала себя, не оказывает ли он сдерживающего влияния на всю группу. Ехал ли он в Элладу или возвращался в убежище на юге? Она ничего не узнает до самой Эллады, поскольку, согласно протоколу, они должны игнорировать друг друга — если только не останутся наедине.

И она игнорировала и Спенсера (настоящего

или его двойника), и пассажиров, по-прежнему заходивших в вагон. Соседнее сиденье до сих пор пустовало. Наискосок от Майи расположились двое мужчин лет пятидесяти в деловых костюмах, наверное, эмигранты. Они путешествовали с парой точно таких же мужчин, занявших кресла прямо напротив Майи. Когда поезд выкатился со станции и из-под купола, они принялись обсуждать какую-то игру.

— Он отбил его на милю! Повезло, что вообще его нашел! Но и я не сплоховал!

Очевидно, гольф. Американцы или кто-то вроде них. Наднациональное руководство, отправившееся в Элладу, чтобы проконтролировать гигантский отдел своей корпорации. Майя вынула планшет и наушники. Она открыла «Новую Правду» и посмотрела крошечные изображения Москвы. Ей было трудно сконцентрироваться из-за голосов, и она задремала. Поезд мчался на юг. Репортер выражал обеспокоенность по поводу растущих разногласий между «Армскором» и «Субараси» в условиях развития Сибирского плана. Крокодиловы слезы! Русское правительство годами надеялось стравить двух монстров между собой и создать аукцион для нефтяных полей Сибири, а не иметь дело с объединенным фронтом

двух наднациональных корпораций, которые бы диктовали всем свои условия. Хотя, с другой стороны, удивительно, что две корпорации разорвали отношения. Но Майя была уверена, что долго «ссора» не продлится. Они должны держаться вместе, только так они и могут получить выгоду. Кроме того, все эти стычки касаются лишь вопросов распределения ресурсов, а не битвы за них. Даже если они повздорили, они не допустят, чтобы у них выбили почву из-под ног. Зачем им нарушать хрупкое равновесие? Наверняка они это знают лучше, чем Майя.

Она сонно откинула голову и посмотрела в окно, за которым мелькал марсианский пейзаж. Теперь они скользили по раковине Лапигии, и отсюда открывался панорамный вид на юго-запад. Местность напоминала границу между сибирской тундрой и тайгой, прямо как в новостной программе, которую она только что посмотрела. Замерзшие трещины на склонах были облеплены снегом и льдом, голые скалы покрыты лишайником. Повсюду виднелись невыразительные холмики, на которых рос оливковый и горчичный мох. Коралловые кактусы и карликовые деревья теснились в каждой впадине. Бугры пучения испещряли плоскую долину и напоми-

нали прыщи, заляпанные грязной мазью. Майя задремала.

Но образ двадцатитрехлетнего Фрэнка не давал ей уснуть. Она задумалась о том, что прочла, пытаясь сопоставить все факты воедино. Что заставило его отца трижды присоединяться к Обществу анонимных алкоголиков, а потом дважды — или трижды — выходить из него? Он, наверное, уходил в запой. Ну а его сын тем временем примерно учился в школе и вел себя как трудоголик. Не очень-то похоже на Фрэнка, которого она знала, даже если работа казалась не по-фрэнковски идеалистичной.

Фрэнк не верил в социальную справедливость. Он был политическим пессимистом, который постоянно защищал тылы, чтобы плохая ситуация не превратилась в катастрофу. Он сделал карьеру, следя за ущербом, и, как отмечали некоторые, был не чужд самовосхваления. Верно. Хотя Майя считала, что Фрэнк нуждался в контроле со стороны. Тогда он мог бы еще лучше выполнять свою работу. Но никто никогда не мог распутать нити этих двух мотивов. Они переплелись, как мох и камень там, на равнине за окном. Власть — многогранная штука. Если бы только Фрэнк не убил Джона…

Она уставилась на планшет, включила его, вбила имя Джона. Библиография была бесконечна. Она проверила: пять тысяч сто сорок шесть записей. И это только избранное. Фрэнк в лучшем случае оставил после себя три сотни работ. Она переключилась на оглавление и поискала «Смерть…».

Тысячи записей! Майя медленно прокручивала список. Связи с Берном, Мусульманское братство, Первопоселенцы, УДМ ООН, Фрэнк, она, Гельмут Бронски, Сакс, Саманта. Даже исходя из названий, можно было судить, какие теории причастных к его смерти будут выдвинуты. Конечно, конспирология невероятно популярна, она процветает всегда и везде. Люди хотели, чтобы подобные события были чем-то из ряда вон выходящим, а не банальным случаем частного помешательства. Итак, сезон охоты открыт.

Маяй скривилась и едва не выключила планшет. Что за отвратительный список, в нем нет ни намека на избирательность и логику! А может, она струсила? Она нажала на ссылку, и перед ней развернулась биография Джона. Майя уставилась на его фотографию. Призрак старой боли прошел сквозь нее, оставив бледную, безэмоциональную пустоту. Она переключилась на последнюю

главу.

Бунт в Никосии оказался первой вспышкой, обозначившей конфликты, которые давно тлели в марсианском сообществе. Именно события в Никосии привели к взрыву 2061 года. К тому моменту многие арабские специалисты жили в весьма суровых условиях и в непосредственной близости от этнических групп, с которыми часто возникали разногласия, причем многие из них имели глубокие исторические корни. Отметим, что в том же регионе проживал и административный персонал, чьи улучшенные жилищные условия и некоторые другие привилегии были очевидны. Гремучая смесь из нескольких групп населения собралась в Никосии для празднества, и жизнь в городе забурлила с новой силой.

Щелк, щелк.

Вспышка агрессии не получила удовлетворительного объяснения. Согласно одной из теорий, беспорядки в Никосии вызвал конфликт между арабами,

стимулируемый ливанской освободительной войной с Сирией. Тем не менее, это не объясняет нападения на швейцарцев, а также резкое повышение уровня немотивированного насилия в данной среде. Повторяем, что все это невозможно объяснить лишь в рамках арабского конфликта.

Официальные показания людей, бывших в Никосии в ту ночь, до сих пор не проливают света на истинные причины конфликта. Многие говорят о присутствии провокаторов, личности которых так и не были установлены.

Щелк, щелк.

В полночь Саксифрейдж Расселл находился в кафе в центре города, а Саманта Хойл осматривала городскую стену. Фрэнк Чалмерс и Майя Тойтовна встретились в западном парке, где за несколько часов до этого произносились речи. В Медине уже начались схватки. Джон Бун вышел на Центральный бульвар, чтобы проверить обстановку. Его примеру последовал Сакс Расселл, который вышел

к бульвару с противоположной стороны. Примерно через десять минут Буна окружили молодые люди, иногда идентифицируемые как «арабы». Их количество неизвестно, называются цифры «три» и «шесть». Буна сбили с ног и грубо потащили в Медину, прежде чем кто-либо из свидетелей успел среагировать. Поиски не дали никаких результатов. В полдень, в 12 часов 27 минут, группа спасателей обнаружила Буна на ближайшей ферме. Буна перевезли в госпиталь на бульваре Кипарисов. Расселл, Чалмерс и Тойтовна помогали его нести…

Волнение в вагоне заставило Майю отвлечься от текста. Она была в испарине, ее пальцы тряслись. Некоторые воспоминания были с ней всегда, как бы она ни пыталась подавить их. Вопреки собственному желанию Майя прекрасно помнила зеленый газон, тело, которое лежало на траве, озадаченный взгляд Фрэнка и зеркальное удивление на лице Джона.

Майя вскинула голову. Оказывается, в вагоне находились представители власти, и сейчас они неторопливо продвигались по проходу вперед.

Они проверяли документы, просили показать проездные. Еще двое расположились в задней части вагона. Майя выключила планшет. Она наблюдала за тремя полицейскими, которые приближались к ней, и слушала, как в ее висках стучит пульс.

Это явно что-то новенькое! Она никогда прежде не сталкивалась ни с чем подобным, да и остальные пассажиры — тоже. Все разом притихли. Любой в вагоне мог иметь поддельные удостоверения личности, что придавало молчанию оттенок солидарности. Люди таращились на полицейских, никто не смотрел на побледневшего соседа.

Трое копов были абсолютно бесстрастны. Они даже выглядели миролюбивыми и вроде бы совсем не обращали внимания на людей, которых допрашивали. Они шутили между собой, будто обсуждая местные ресторанчики, и продвигались от ряда к ряду быстро, как кондукторы. Люди послушно прикладывали свои консоли с идентификационными данными к их портативным сканерам, а полицейские с любопытством проверяли результаты. На каждого пассажира они тратили не больше двух секунд.

Они дошли до Спенсера, и сердце Майи за-

билось быстрее. Спенсер — если это был он — приложил запястье к считывателю, глядя прямо в спинку кресла перед собой. Вдруг что-то в этой руке с набухшими венами и старческими пятнами показалось Майе знакомым. Да, в вагоне сидел Спенсер Джексон, вне всяких сомнений. Она чувствовала, что не ошиблась. Сейчас он тихим голосом отвечал на вопросы. Коп со считывателем голоса и сетчатки задержал приборчик у лица Спенсера. Наконец он получил толстую линию на считывателе и пошел дальше. Через два ряда они доберутся до Майи.

Даже буйные бизнесмены притихли. Смотрели друг на друга с сардоническими гримасами, поднимали брови, будто подобные меры в вагонах были смехотворны. Никому не нравилось происходящее. Что за беспредел?

Майя воспряла духом и выглянула в окно. Они поднимались по южной стороне раковины. Поезд продолжал плавно скользить по магистрали, которая вилась по пологим холмам. Каждый следующий был выше предыдущего. Поезд всегда двигался с одинаковой скоростью, будто ковер-самолет, который парил над еще более волшебным ковром, сотканным в старинном стиле «мильфлер». А копы уже нависли над ней. Тот, что был

ближе, носил поверх рыжей униформы пояс с гаджетами, включая и станнер.

— Вашу наручную консоль, пожалуйста, — произнес полицейский.

У него имелся бейджик с фото и дозиметр, а также нашивка с надписью «Временное Правительство ООН». Тонколицый юный эмигрант лет двадцати пяти, хотя это было проще сказать по фото, чем по его уставшей физиономии. Парень обернулся и обратился к женщине-офицеру:

— Мне нравится пармезан, который они здесь делают.

Считыватель обдал запястье теплом. Женщина-офицер пристально наблюдала за Майей. Та проигнорировала ее взгляд и уставилась на запястье, жалея, что у нее нет оружия. Потом она посмотрела в глазок камеры считывателя голоса и радужки.

— Куда направляетесь? — спросил молодой человек.

— В Одессу.

Воцарилась тишина, которую через несколько секунд прервал высокий писк прибора.

— Приятной поездки.

И они ушли.

Майя попыталась замедлить дыхание. Считы-

ватель умел определять частоту пульса, и если она была выше ста десяти, полицейский обо всем сразу же информировался. В некотором смысле это был простейший детектор лжи. Очевидно, ей удалось остаться в рамках. Но ее голос, ее сетчатка… Их никогда не меняли. Швейцарский паспорт и впрямь мощная штука, если подменяет собой более ранние идентификационные записи при сверке в рамках свежей системы безопасности. Сделали ли это сами швейцарцы, специалисты из Сабиси, Койот или Сакс, или кто-то другой, о ком она не знала?

А может, ее благополучно вычислили и отпустили, дабы проследить и выйти на остальных из сбежавшей сотни? Последнее казалось настолько же вероятным, как и возможность обмануть гигантские базы данных… На Марсе возможно все.

Однако копы ее не тронули. Ей повезло.

Палец Майи автоматически включил планшет, и она, не задумываясь, вернулась к тому, что читала. Мишель прав. Она чувствовала решимость и ожесточенность, когда вновь погружалась в прошлое. В теории, объясняющие смерть Джона Буна. Его убили, а ее только что проверяла полиция, хотя она путешествует по Марсу в обыкновенном поезде. Было трудно не чувствовать тут

причинно-следственную связь. Если бы Джон был жив, ничего подобного бы никогда не случилось.

Кого же в Никосии можно подозревать в организации убийства? Перечислим их поименно. Расселл и Хойл могли убить Буна, исходя из резких разногласий по поводу марсианской политики; Тойтовна – после любовной ссоры; различные этнические и национальные группы в городе – из-за политических дрязг, реальных и воображаемых. Но определенно больше всего подозрений в те годы падало на Фрэнка Чалмерса. Хотя его видели с Тойтовной во время нападения (что в некоторых теориях делает Тойтовну пособницей или соучастницей), его взаимоотношения с египтянами и местными саудитами, а также длительный конфликт с Буном неизбежно привели к данному неутешительному выводу. Чалмерса не раз прямо называли убийцей Буна. Едва ли кто-то отрицает, что Селим аль-Хаиль был лидером трех арабов, которые, в конце концов, признались в содеянном, прежде чем покончили с собой или были устранены. Но

это лишь добавляет подозрений в дело Джона Буна, поскольку Чалмерс и Хаиль были знакомы. Самиздат и документы-однодневки утверждают, что «заяц», который находился в Никосии, видел, как Чалмерс разговаривал с аль-Хаилем в ту ночь. Поскольку «заяц» – это мифический персонаж, с помощью которого люди передают анонимные свидетельства марсианского сообщества, вполне вероятно, что историю рассказали очевидцы, которые не хотели раскрывать свои имена.

Майя переключилась в конец статьи.

Аль-Хаиль, словно одержимый, ворвался в отель, занятый египтянами, и признался в убийстве Буна. Он заявил, что был предводителем, а помогали ему Абу и Буланд Бессеисо из крыла ахадов Мусульманского братства. Тела Абу и Бессеиссо были найдены позже – в тот же день в Медине. Вскрытие показало, что причиной смерти стали коагулянты, которые Абу и Бессеиссо, очевидно, приняли самостоятельно или ввели друг другу. Итак, убийцы Буна были мертвы.

> Почему они сделали это и с кем состояли в заговоре, доподлинно неизвестно. Такая ситуация – далеко не первая и не будет последней, поскольку мы ищем ответы на вопросы, которых постепенно становится все больше и больше.

Пролистывая сноски, Майя была поражена тем, во что превратилась история убийства Джона Буна, обсуждаемая историками, учеными и сторонниками теорий заговора самого разного толка. Содрогнувшись, она выключила планшет. Развернулась к двойному окну и зажмурилась, пытаясь восстановить того Фрэнка, которого она знала, и Буна. Годами она едва ли вспоминала Джона, настолько сильной была душевная рана. О Фрэнке она тоже не хотела думать, но по иным причинам. А теперь она жаждала вернуть их обоих.

Но боль превратилась в призрак, и сейчас — ради собственной безопасности — она должна вернуть их. Ей нужно знать.

Мифический «заяц». Майя стиснула зубы, чувствуя невесомый, галлюциногенный страх, который она испытала, впервые увидев его сквозь стекло, его искаженное темное лицо, боль-

шие глаза…

Был ли он в курсе? Действительно ли он был в Никосии? Десмонд Хокинс, «заяц», он же Койот. Странный тип. У Майи сложились с ним особые отношения, но она сомневалась, что он расскажет ей о роковой ночи.

«Что случилось?» — спросила она Фрэнка, когда они услышали крики. Резкое пожатие плечами, взгляд в сторону. Экспромт. Кажется, она слышала это раньше? Он отвернулся. Похоже, не мог вынести ее взгляда. Как будто случайно проболтался.

Горные хребты, обрамляющие бассейн Эллады, расширялись на западе полумесяцем, который назывался горы Геллеспонт. Эта марсианская гряда так походила на земные горы! К северу располагалась магистраль из Сабиси в Берроуз, врезавшаяся в бассейн, хребты здесь были пониже, а местность смахивала на неровное дно бассейна. Земля буквально съезжала на север низкими концентрическими волнами. Магистраль торила свой путь вниз по холмистому склону, и очень часто приходилось поворачивать назад, спускаясь по пандусам, вырезанным в волнистых горах. Поезд сильно притормаживал на поворотах, и Майя могла подолгу смотреть на

голый базальт там, где они спускались. Иногда ей даже удавалось увидеть почти весь северо-запад Эллады, хотя до него оставалось еще три тысячи метров. Широкая, плоская равнина цвета охры, оливы и хаки ближе к горизонту превращалась в пеструю мешанину белого самых разных оттенков. Это был ледник, находящийся над самой глубокой точкой бассейна и необратимо тающий с каждым годом. Когда ледник освещало солнце, Майе казалось, что он подмигивал поезду, словно огромное разбитое зеркало. Тут уже появились пруды и более глубокие резервуары с холодной водой. В них так и кишела жизнь: время от времени она прорывалась на поверхность и выплескивалась на землю. Ледник имел практическое значение. Из водоносного слоя окружающих гор откачивали воду прямо на дно бассейна. Глубокая впадина в северо-западной части бассейна, где располагался Лоу-Пойнт и мохол, стала центром этого нового моря. Оно было около тысячи километров в длину, а в самом широком месте над Лоу-Пойнтом достигало трехсот километров. Сам же Лоу-Пойнт раскинулся в нижайшей точке Марса. Многообещающая ситуация, которую Майя держала в уме с первого дня приземления.

Город Одессу основали на севере бассейна: на один километр выше предполагаемого уровня моря. В общем, поселение находилось у залива, жаждущего воды. Таким образом, южная граница Одессы представляла собой зеленую набережную, которая вилась вдоль обрывистого побережья. Естественно, эта эспланада шла по внутренней стороны купола, прикрепленного к краю сухой дамбы. Когда Майя смотрела на дамбу, у нее создавалось впечатление, что от города сохранилась только половина, а южную часть Одессы отрезали еще в незапамятные времена.

Поезд добрался до станции, и пейзаж резко изменился. Поезд остановился, Майя забрала багаж с полки и вышла, следуя за Спенсером. Они не смотрели друг на друга, но, покинув станцию, смешались с пассажирами и направились к трамвайной остановке. Спустя минуту они сели в голубой трамвай, который бежал по «прибрежному» парку, граничащему с дамбой. В западной оконечности города они оба вышли на одной остановке.

Здесь, чуть выше рынка, затененного платанами, стоял трехэтажный жилой дом с внутренним двориком, где росли стройные молодые кипарисы. Каждый этаж здания отступал на шаг назад

от нижнего этажа, а на двух его верхних ярусах имелись балконы, соревнующиеся числом карликовых деревьев и ящиками с яркими цветами. Поднявшись по лестнице к воротам, ведущим во двор, Майя обнаружила, что архитектура чем-то напоминает ей скрытые аркады Нади. Солнце уже садилось, а выбеленные стены дома с синей черепичной крышей сделали его образцом средиземноморского стиля. Так мог бы выглядеть любой фешенебельный многоквартирный дом в Одессе на Земле.

У ворот она обернулась, чтобы бросить взгляд на платаны: солнце почти скрылось за горами Геллеспонт, и там, на далеком льду, его отблески казались желтыми, как растопленное масло.

Майя последовала за Спенсером через сад в дом, зарегистрировалась у консьержа, получила ключ и зашагала к лифту. Здание принадлежало «Праксису», и некоторые комнаты, включая ее и, без сомнения, Спенсера, были изолированы. Они вошли в лифт и молча поднялись на третий этаж. Апартаменты Майи находились в четырех дверях от временного жилища Спенсера.

Она сунула в скважину ключ, открыла дверь и переступила порог своей новой квартиры. Две просторные комнаты (одна — с кухонным угол-

ком и видом на ледник), ванная, балкон.

Она поставила сумку на кровать, покинула свои апартаменты, спустилась на лифте вниз и направилась на рынок, чтобы купить готовый ужин. Майя расплатилась с торговцами — те расхваливали свой товар, лежащий в тележках под широкими зонтами от солнца, — и пошла к ближайшей скамейке. Она поужинала шашлыками, запивая их греческим вином из маленькой бутылки, а затем принялась наблюдать, как народ прогуливается вдоль обрыва. Ближайший край ледяного озера был километрах в сорока, и сейчас самая восточная часть льда оказалась укрыта тенью гор: индиговые полосы протянулись с востока к отблескам розового.

Спенсер сел возле нее на скамейку.

— Красиво, — отметил он.

Она кивнула и продолжила есть. Предложила ему бутылку вина, он отказался и продемонстрировал ей недоеденный тамале. Она покачала головой.

— Над чем ты работаешь? — спросила она, когда расправилась с шашлыком.

— Делаю кое-какие важные детали для Сакса. Биокерамика среди прочего.

— Для «Биотика»?

— Для дочерней компании «Праксиса». Мы делаем раковины.

— Что?

— Раковины. Ты не ослышалась.

— Кстати, о «Праксисе»... — Она бросила на него взгляд.

— Саксу позарез нужна биокерамика.

— Для оружия?

— Да.

Она покачала головой.

— Ты можешь придержать его на поводке?

— Я попытаюсь.

Они смотрели, как льется с неба солнечный свет, перетекая к западу, будто раскаленное золото. На платанах зажглись фонари, стало холоднее. Майя чувствовала благодарность за то, что рядом в уютном молчании сидит старый друг. Отношение Спенсера к ней разительно отличалось от пренебрежения Сакса. Спенсер как будто просил прощения за то, что произошло после каньона Касэй, и прощал ее за то, что она сделала с Филлис. Она ценила это. И, в конце концов, Спенсер был одним из членов семьи. Они хорошо сработаются вместе.

Новый старт, новый город, новая жизнь — в который уже раз?

— Ты хорошо знал Фрэнка? — спросила она.

— Не очень. Не так, как ты или Джон.

— Как ты думаешь… он мог быть причастным к убийству Джона?

Спенсер вглядывался в голубой лед на черном горизонте. Потом он взял бутылку с вином, стоявшую на скамейке, сделал глоток. Посмотрел на нее.

— Какое это имеет значение теперь?

Как ни крути, но Майя и раньше не покладая рук трудилась в бассейне Эллады. И она всегда была убеждена, что его низкий уровень делает этот регион отличным местом для поселений. А сейчас земля на уровне одного километра над уровнем моря оказалась действительно густо заселена, так что дел у нее было невпроворот. У нее сохранились старые записи в искине. В данный момент она, как Людмила Новосибирская, собиралась их использовать.

Она работала в администрации гидрологической компании, которая затапливала Элладу. Компания являлась частью конгломерата организаций, развивающих бассейн. Среди них была и «Черноморская экономическая группа нефтяных компаний» — русская фирма, которая пыталась воскресить Каспийское и Аральское моря, ее дочерним предприятием «Дип-Уотерс» владел «Праксис». Задачей Майи была координация множества гидрологических процессов в регионе. Она собиралась увидеть сердце проекта «Эллада», прямо как в старые дни, когда была его движущей силой. Во многих смыслах это приносило удовлетворение, пусть иногда странное. Например, ее город Лоу-Пойнт — увы, единственное неудачное местечко! — с каждым днем затапливался все

сильней. Хотя, с другой стороны, что плохого в том, чтобы навсегда затопить прошлое?

Итак, у нее была работа и квартира, которую она наполнила подержанной мебелью, висячими кухонными принадлежностями и растениями в горшках. Одесса оказалась приятным городом. Здешние дома были построены в основном из желтого камня и покрыты коричневой черепицей. Сама Одесса раскинулась на склоне обода бассейна, который загибался внутрь сильнее, чем обычно. Все кварталы города смотрели в центр сухой прибрежной линии, и отовсюду открывался чудесный вид на бассейн на юге. Самые нижние районы были отведены под магазины, бизнес-центры и парки находились повыше — под жилыми кварталами и полосками садов.

А поскольку Одесса расположилась над тридцатью градусами южной широты, Майя переехала из осени в весну. Горячее солнце освещало крутые улочки верхней части города и растапливало зимний снег с края ледяной массы. Пики Геллеспонтских гор темнели на западном горизонте. Симпатичный городок.

Примерно через месяц после прибытия из Сабиси приехал Мишель и занял соседние апартаменты. По ее совету он установил смежную

дверь между их комнатами, и поэтому они смогли свободно курсировать по двум номерам, ни о чем не беспокоясь. Они жили семейной жизнью, которой у Майи никогда не было раньше, — это была некая норма, которую она нашла весьма расслабляющей. Она не пылала к Мишелю страстной любовью, но он стал ее другом, любовником и терапевтом. С его помощью она нашла некий внутренний стержень или якорь, который удерживал ее от полетов в занимательный мир гидрологии или в революционную горячку, а также не давал ей нырнуть в ужасную бездну политического отчаяния или самобичевания. Она ничего не могла поделать с синусоидальными колебаниями своего настроения, она ненавидела их и ценила все, что делал Мишель, чтобы сгладить эти перепады. У них не было зеркал, что наряду с кломипрамином помогало ослабить волнение. Но на дне кастрюль, а по ночам — в оконных стеклах, она видела печальное зрелище. И тогда она расстраивалась.

Спенсер жил с ними на одном этаже, и постепенно дом начал напоминать Андерхилл. Сходство даже усиливалось, когда кто-нибудь вдруг приезжал в город, используя ее апартаменты в качестве конспиративной квартиры. Встречая

кого-нибудь из первой сотни, они выходили на прогулку к сухому побережью, смотрели на ледник на горизонте и обменивались новостями, как делали старики повсюду. Первопоселенцы Марса, возглавляемые Касэем и Дао, становились все более радикальными. Питер работал на лифте, он стремился туда, как мотылек на огонь. Сакс, слава Богу, приостановил свой безумный экотаж и сконцентрировался на производственных проектах мохола Вишняк, строя ракеты класса «земля — космос». Майя лишь качала головой. Им нужна не военная мощь: здесь она разделяла мнение Нади, Ниргала и Арта и была на их стороне. Им надо найти что-то другое, но что конкретно?.. Она пока не знала. И этот пробел в мышлении стал новой точкой отсчета — той гирькой, которая тянула ее вниз в синусоидальных волнениях настроения, что сводило ее с ума.

Работа, связанная с координацией различных аспектов проекта затопления, вызывала у нее живой интерес. Она ехала в трамвае или шла пешком в офис в центре города и упорно обрабатывала отчеты, присылаемые командами по поиску воды и бурильщиками. Их рапорты были полны радужного оптимизма, поскольку все заверяли Майю, что воды будет вдоволь и они на-

полнят бассейн до краев. Правда, они постоянно требовали дополнительную технику и персонал и, в конце концов, буквально завалили кабинет «Дип-Уотерс» своими пожеланиями. Судить о конкурирующих запросах из офиса было сложно, а помощники Майи часто просто закатывали глаза и пожимали плечами.

— Все равно, что судить конкурс лжецов, — заявил кто-то из них.

Кроме того, со всей территории Эллады приходили отчеты о начале строительства очередных поселений. Разумеется, строители входили в состав Черноморской группы или прибыли из наднациональных корпораций, связанных с ней. «Темные лошадки»…

Одна из разведывательных команд, к примеру, обнаружила убежище под куполом, которого не существовало по документам, и оставила все, как есть.

Наверняка два крупных строительных проекта в каньоне Дао и системе Дао-Реул уже были заселены «под завязку», а официальные бумаги, естественно, являлись обычной отпиской. Конечно, кое-кто из местных либо жил, используя поддельный паспорт, как и Майя, либо вообще не значился в системе. Любопытно…

Круговую магистраль Эллады закончили возводить год назад. Это оказался сложный инженерный проект: неровный обод бассейна испещряли глубокие трещины, в нем было много кратеров, которые образовались после падения метеоритов. Тем не менее, мероприятие увенчалось успехом. Майя решила удовлетворить свое любопытство, прокатившись по магистрали и лично проинспектировав проект «Дип-Уотерс», а также взглянув на некоторые «свежеиспеченные» поселения.

В поездке Майю сопровождала молодая женщина-ареолог по имени Диана, которая присылала ей отчеты из восточной части бассейна. Ее доклады были немногословны и ничем не примечательны, но от Мишеля Майя узнала некоторые подробности биографии Дианы. Она была дочерью Поля, сына Эстер. Сама Эстер родила Поля вскоре после того, как покинула Зиготу: она помалкивала о том, кто являлся отцом ребенка. Им мог оказаться муж Эстер, Касэй, и тогда Диана могла быть племянницей Джеки, а также правнучкой Джона и Хироко. Но если это был Питер, как предполагали многие, тогда она могла быть причислена к дальней родне Джеки и автоматически становилась правнучкой Энн и Саймона.

В любом случае Майя нашла это интригующим. Кроме того, Диана была одним из йонсеев, марсиан в четвертом поколении, и Майе безумно хотелось с ней познакомиться.

Диана действительно оказалась примечательной личностью. Майя встретила ее в офисе Одессы за несколько дней до поездки и остолбенела. Своим огромным ростом — выше двух метров — подтянутая Диана действительно производила впечатление. Она отличалась текучей грацией, скуластыми азиатскими чертами лица и казалась представителем новой расы гуманоидов. А теперь она будет сопровождать Майю в новый уголок мира.

Оказалось, что Диана одержима бассейном Эллады и его скрытой водой. Она говорила об этом часами, так долго и подробно, что Майя уверилась в разгадке тайны ее рождения. Такой марсоманьяк мог быть лишь родственником Энн Клейборн, из чего следовало, что отцом Поля являлся именно Питер. Майя села в поезд рядом с великаншей Дианой, наблюдая за ней или глядя в окно на крутой северный склон бассейна. Задавая вопросы, она смотрела, как Диана упирается коленями в спинку кресла впереди. Просторных вагонов, к сожалению, еще не конструировали.

Одна вещь поистине поражала Диану — то, что в бассейне Эллады оказалось гораздо больше подземных вод, чем было предсказано ареологическими моделями. Открытие, сделанное в условиях полевых работ в последние десять лет, инициировало современный проект «Эллада», превратив гипотетическое море из славной идеи в ощутимую возможность. Это также заставило ареологов пересмотреть свои теоретические модели ранней марсианской истории и начать поиски в ободах других ударных бассейнов. Разведывательные экспедиции отправлялись в горы Харит и горы Нереид, окружающие Аргир, а также в холмы на юге равнины Исиды.

Вокруг Эллады исследование было практически закончено. Поисковые команды обнаружили порядка тридцати миллионов кубических метров воды, по крайней мере, так утверждалось, хотя некоторые исследователи говорили, что это далеко не предел.

— А как они узнают, что воды больше нет? — спросила Майя Диану, думая о запросах, которые скопились в ее офисе.

Диана пожала плечами.

— Когда станет ясно, что искали уже везде.

— А как насчет дна бассейна? Может ли за-

топление отрезать возможность подобраться к водоносным слоям?

— Нет, — заявила Диана.

Она рассказала Майе, что воды там почти не нашли. Дно бассейна оказалось высушено после удара планетоида, в результате которого оно образовалось. В эоловых отложениях оно насчитывало около километра в глубину — с подстилкой из жесткого слоя брекчиевидной породы, образовавшейся в результате краткого, но сильного сжатия в момент падения планетоида. То же давление стало причиной серьезных разрушений по ободу бассейна, которые высвободили огромное количество газов из внутренних слоев планеты. Летучие компоненты нижних слоев просочились выше и охладились, и водная часть данных компонентов собралась в жидком водоносном слое, который встречался в зонах вечной мерзлоты.

— Отличный удар, — заметила Майя.

— Верно, — улыбнулась Диана.

Она добавила, что, как правило, сами тела составляли одну десятую от размера кратера или образованного бассейна («Прямо как исторические личности», — подумала Майя). Вероятно, планетоид достигал приблизительно двухсот

километров в диаметре и упал на древнюю, испещренную кратерами возвышенность. Исследования подтверждали, что это был крупный астероид, состоявший из углистого хондрита с изрядным количеством воды и сплавом никеля и железа. При столкновении он развил скорость в семьдесят две тысячи километров в час и врезался в Марс под углом, направленным чуть на восток — последнее объясняло огромную вмятину к востоку от Эллады и относительно ровные, концентрические хребты Геллеспонта на западе.

Затем Диана объяснила Майе кое-что еще, чем вызвала у Майи поток ассоциаций, связанных с историей человечества. Чем больше воздействующее тело, тем меньше остается от него в итоге. Именно поэтому почти все осколки астероида испарились сразу после катастрофического падения. Однако под кратером Гледхилл имелся гравитационный болид, который некоторые ареологи считали частью планетоида — наверное, одной десятитысячной или даже меньшей частью оригинала, которая, по их заявлениям, снабдит людей всем необходимым железом и никелем, если только они решат выкопать его.

— Это реально? — осведомилась Майя.

— Не совсем. Дешевле разрабатывать астеро-

иды.

«Что они и делали», — мрачно подумала Майя. Вот чем при последнем режиме Временного Правительства ООН и ограничивался тюремный приговор — годы невыносимой работы в поясе астероидов, обслуживание специализированных шахтерских кораблей и роботов. Весьма эффективно, как выражались во Временном Правительстве. Тюрьмы находились очень далеко, но приносили баснословную прибыль.

Но Диана думала о чудесном зарождении бассейна. Удар произошел около трех с половиной биллионов лет назад, когда литосфера планеты была тоньше, а ее поверхность — горячее. Энергию, высвобожденную таким ударом, невозможно себе представить! Ведь даже вся энергия, добытая человечеством в течение всей его истории, — ничто по сравнению с этим! А последовавшая за ударом вулканическая активность была значительна. Вокруг Эллады появились десятки вулканов. Они возникли сразу же после падения планетоида, включая Южный Толус на юго-западе, патеру Амфитриты на юге, Адриатическую патеру и патеру Тиррен на северо-востоке. И, конечно же, поблизости от них имелись водоносные слои.

Два из них прорвались на поверхность еще в древности, оставив на восточном склоне бассейна характерные синусоиды прорезанных водой каньонов. Дао, к примеру, брал начало на рифленых склонах Адриатической патеры, а дальше — на юге — раскинулся его «собрат», соединенный с Дао парой гигантских долин. Он был известен, как система Хармахис-Реул, и простирался на целую тысячу километров вперед. Водоносные слои в основании этих впадин многие эоны заполнялись заново после прорыва. Строительные команды укрывали куполом Дао и работали на Хармахис-Реуле. Они собирались выпустить воду из водоносных слоев, чтобы она побежала вниз по защищенным каньонам вплоть до выхода на дно бассейна. Майя была крайне заинтересована в этих новшествах, и Диана, которая оказалась очень подкованной в данной области, собиралась отвезти ее к своим друзьям в Дао.

Их поезд скользил вдоль северного края Эллады, и почти все время в поле их зрения находился лед на дне бассейна. Они миновали городок на склоне холма, названный Севастополем, — в полуденном свете его каменные стены отливали флорентийским желтым, а затем поезд доехал и до Адовых Врат, поселения в нижней оконечно-

сти каньона Дао.

Они вышли со станции после полудня и уставились вниз, созерцая новенький город под куполом, который раскинулся под гигантским подвесным мостом. Мост поддерживал железнодорожную магистраль, соединяя края каньона прямо над его устьем, и башни моста находились в десяти километрах друг от друга. С края каньона, где располагалась станция, они видели расширяющееся устье каньона и основание бассейна, простирающееся под кудрявой солнечной решеткой, прочерченной облаками. А с другой стороны можно было любоваться узким вертикальным миром настоящего марсианского каньона. Пока они спускались по петляющей лестнице в город, купол над каньоном был незаметен. Лишь красноватая кайма на фоне вечернего неба указывала на то, что он существует — на тенте оседали мелкие частички, которые окрашивали материю.

— Завтра мы прогуляемся по каньону, — сказала Диана, — и осмотрим все как следует сверху. А уж потом спустимся на дно!

Наконец, они очутились на улице, в которой было семьсот пронумерованных шагов. Они побродили по городу и пообедали, а затем опять взобрались наверх и направились к офису «Дип-

Уотерс» (он находился прямо на стене каньона, под мостом).

Они заночевали в гостевых комнатах компании, а на следующее утро прошли в станционный ангар и взяли напрокат мини-марсоход.

Диана села за руль и поехала на северо-восток, держась края каньона, по дороге, которая вилась рядом с массивным бетонным основанием купола. Хотя материал был почти полностью прозрачен, огромная площадь крыши делала его слишком тяжелым для того, чтобы установить там якоря. Бетон загораживал вид на сам каньон, поэтому сперва Майя ничего толком не увидела. Вскоре Диана затормозила и припарковалась. Они нацепили шлемы, покинули кабину марсохода и взобрались по деревянной лестнице, которая, казалось, верхним своим концом упиралась в небо. Конечно, пристальный взгляд мог обнаружить прозрачную опору из аэрогеля, поддерживающую ее, а еще — дополнительные слои купола, простирающиеся от опоры к другим уже невидимым опорам. На вершине они обнаружили маленькую огороженную смотровую площадку, позволяющую рассматривать каньон на много километров как вверх, так и вниз — по течению.

Майя ахнула: внизу и в самом деле бурлил поток. По Дао текла река. Она заметила, что каньон как будто испачкан зеленой краской, если точнее, целой гаммой зеленых оттенков. Здесь росли деревья. Майя различила тамариск, тополь, осину, кипарис, платан, низкорослые дубы, снежный бамбук, шалфей. Дальше, на крутых осыпях и каменистых склонах, притулились разнообразные кустарники и низкие ползучие растения, а еще, конечно же, осока, мох и лишайники. Какой изысканный дендропарк!

Майя посмотрела на реку. Это был не прозрачный поток с белыми бурунами. Вода кое-где отливала ржавчиной. В стремнине и на перекатах она пенилась яркими оттенками розового.

— Классические марсианские тона, обусловленные крошечными частицами. Они распределены в воде, как ледниковый ил, и отражают цвет неба, — пояснила Диана.

Майя вскинула голову. Небо было туманно-лиловым, переходящим в фиолетовый. Облака застилали желтое солнце, которое напоминало радужку тигриного глаза.

Однако рыжая или нет — но то была настоящая река, тихая в одних местах, бурная в других, с гравием бродов, с песчаными отмелями, перепле-

тениями, крошащимися изогнутыми островками, с ленивыми слепыми рукавами, частыми порогами и даже с парочкой буйных водопадов. Они располагались выше по течению, и под первым из них виднелась пышная розовая пена. Ее клочки уносило дальше по течению, они цеплялись за валуны и коряги, торчавшие у берега.

— Река Дао, — вымолвила Диана. — Местные называют ее Рубиновой рекой.

— Сколько их здесь?

— Несколько сотен. В основном он живут рядом с Адовыми Вратами. У них есть фермы, и они разводят животных. Некоторые трудятся у начала каньона — они занимаются водоносными работами.

— Это один из самых крупных водоносных горизонтов?

— Да. Около трех миллионов кубических метров воды. И мы выкачиваем ее со скоростью потока, как вы сами можете видеть. Около ста тысяч кубических метров в год.

— Значит, через тридцать лет русло пересохнет?

— Верно. Хотя они могут накачать воду назад через трубу и выпустить ее снова. Или, кто знает, если атмосфера станет влажной, на склонах

Адриатической горы накопится изрядное количество снега, чтобы питать источник. Тогда уровень воды будет колебаться в зависимости от сезона, но это ведь нормально для рек, не так ли?

Майя уставилась вниз, этот вид напоминал ей что-то из юности… Исток Риони в Грузии? Колорадо, которую она видела однажды в Америке? Она не могла вспомнить. Все так смутно, вся ее жизнь…

— Как красиво, — произнесла она и покачала головой.

Здесь таилось что-то, чего она никогда не видела раньше, будто река существовала вне времени — пророческий взгляд в отдаленное будущее.

— Давайте проедем вперед и посмотрим на гору.

Майя кивнула, и они вернулись в марсоход. Пару раз после того, как они продолжили подъем вверх по склону, дорога поднималась достаточно высоко над основанием, и дно каньона открывалось перед ними во всей красе. Река пенилась и бежала по устью среди камней и растительности. Но Диана не останавливалась, и Майя не замечала следов поселений.

В верхнем конце укрытого куполом каньона располагался бетонный блок завода жизнеобес-

печения, где находилась насосная станция и машины, перерабатывающие газ. Лес ветряных мельниц стоял на пологом каменистом склоне к северу от станции, пропеллеры, развернутые на запад, неторопливо вращались. Над этим массивом высился широкий конус Адриатической патеры, вулкана, испещренного густой сетью лавовых каналов. Поздние трещины пробегали по более ранним и сливались в темные пятна. Снежный покров заполнил каналы, но не обнаженную черную породу между ними, которую пока не стесали сильные штормовые ветра.

Майя смотрела на исполинский темный конус, украшенный сотнями запутанных белых лент, которые рвались в фиолетовое небо.

— Как симпатично, — сказала она. — Гору видно со дна каньона?

— Нет. Но многие из наших сейчас работают сверху, на краю, у колодцев или у электростанции. Они видят гору каждый день.

— А поселенцы… кто они?

— Давайте я вас с ними познакомлю, — предложила Диана.

Майя кивнула, наслаждаясь стилем Дианы, который по-прежнему чем-то напоминал манеру Энн. Сансеи и йонсеи казались Майе странны-

ми, но Диана — в меньшей степени. Несколько заурядной, возможно, в сравнении с ее более экзотическими ровесниками и детьми Зиготы, зато приятно обыкновенной.

Пока Майя задумчиво рассматривала Диану, та вырулила в каньон. Марсоход пополз по крутой дороге, проложенной поверх древней насыпи на склоне у основания Дао. Именно здесь и случился первый прорыв водоносного слоя, и в этом месте почти не было хаотичных ландшафтов, только титанические осыпи склонов, навсегда погруженные в глубокий сон.

Основание каньона оказалось более-менее плоским. Вскоре марсоход уже катил по нему, как по реголитовой трассе, сбрызнутой фиксативом. Иногда дорога бежала вдоль реки. Спустя почти час марсоход выехал на зеленый луг, втиснутый в плавный изгиб широкой запруды. В центре в узле сосен и осин теснилась кучка покрытых черепицей крыш с бледным дымком, поднимающимся над единственной трубой.

Майя уставилась на поселение — загон и пастбище, огород, тележка, ульи, — удивляясь его архаичной гармонии и некоей отстраненности от плато красного камня и от самого каньона. По сути, это поселение словно находилось вне истории

и вне времени. Мезокосм. Что они думают, живя в своих маленьких домиках, — вспоминают ли они о другом Марсе или о Земле? Но почему насущные проблемы вообще должны их волновать?

Диана затормозила, а из дома тотчас выскочили несколько человек и побежали к марсоходу. Давление под тентом составляло 500 миллибар, что помогало поддерживать его вес, поскольку самое большое давление в атмосфере достигало 250 миллибар. Майя отключила шлюз и вышла наружу без шлема, чувствуя себя неуютно, как будто она не одета.

Поселенцы оказались молодыми уроженцами Марса. В основном они приехали сюда из Берроуза и Элизия. Они рассказали Майе, что в каньоне обосновалась и горстка землян. Майя кивнула. Она знала, что «Праксис» создал программу для адаптации на Марсе, нацеленную на граждан маленьких стран Земли. И действительно, совсем недавно в каньоне приветствовали дюжину швейцарцев, греков и индейцев племени навахо. Ближе к Адовым Вратам было поселение русских. В общем, в каньоне говорили на разных языках, но английский оставался главным и был первым языком практически для всех родившихся здесь детей.

У поселенцев были диковинные акценты, они делали странные ошибки в грамматике, и это резало слух Майи. Почти каждый второй глагол после первого звучал в настоящем времени. Например: «Мы пошли вниз по течению и видим, на реке работают швейцарцы. Укрепляют берега камнями и растениями. Они говорят, через три года русло реки будет промыто и вода станет чистой».

— Но она по-прежнему будет цвета скал и неба, — возразила Майя.

— Да. Но чистая вода все равно лучше соленой.

— Откуда вы знаете? — спросила Майя.

Они прищурились и нахмурились.

— Просто по тому, как она выглядит на ладонях?

Майя улыбнулась.

— Чудесно, что у вас столько места. Невероятно, сколько пространства можно закрывать куполом, не правда ли?

Кое-кто пожал плечами и усмехнулся.

— Мы очень ждем, когда можно будет жить без куполов, — сказал кто-то. — Нам не хватает дождя и ветра.

— Вы уверены?

— Конечно!

Они с Дианой забрались в марсоход, и тот пополз дальше, проезжая деревушки или отдельно стоящие фермы с овечьими пастбищами, виноградниками, садами и возделанными полями.

Майя смотрела на просторные теплицы, блестящие, словно научные лаборатории. Одни раз дорогу впереди перебежал койот. Потом на склоне, на зеленой лужайке, Диана заметила бурого медведя, а потом — и стадо овец. В деревнях люди торговали продуктами и инструментом на открытых рынках, обсуждали события дня. Они не следили за новостями с Земли и казались Майе поразительно несведущими в них. За исключением русского поселения — они говорили на каком-то суржике, но звук родной речи растрогал Майю до слез, и они сказали ей, что дела на Земле идут совсем плохо. Как обычно. А они добавили, что счастливы жить в каньоне.

Наконец они остановились на рыночной площади какой-то деревеньки. Там собралась целая толпа, в центре которой на импровизированном возвышении стоял Ниргал. Он жевал яблоко и энергично кивал, слушая своих собеседников. При виде Майи он бросился к ней и обнял, приподняв от земли.

— Майя, откуда ты взялась?

— Я на экскурсии. Сейчас я переехала в Одессу. А это Диана, дочь Поля. Ну, а ты что тут делаешь?

— Посетил долину. У них кое-какие проблемы с почвой, пытаюсь помочь.

— Расскажи!

Ниргал работал инженером-экологом и унаследовал некоторые таланты Хироко. Мезокосм каньона был относительно нов, и поселенцы до сих пор выращивали рассаду, чтобы высаживать ее вверх и вниз по течению. В принципе, почва оказалась неплохо подготовлена, но из-за недостатка азота и калия страдали многие культуры.

Они обсудили все это с Ниргалом, пока шли по рыночной площади. Ниргал успевал показывать ей злаки, овощи, фрукты и привозимые продукты, описывая экономику долины.

— Значит, поселенцы пока не на самообеспечении? — спросила Майя.

— Нет! Но у них всегда бывает хороший урожай, они торгуют с соседями или отдают его даром.

Ниргал, естественно, разбирался и в экологической экономике и уже обзавелся в каньоне приятелями. Люди часто подходили к нему, чтобы поздороваться или перекинуться парой словечек, и поскольку одна рука Ниргала лежала на плечах Майи, она тоже невольно вовлекалась

в крепкие дружеские объятия.

Ниргал представлял ее местному молодняку, и Майя сразу поняла, что все юнцы рады его видеть. Он помнил их имена, спрашивал, как идут дела, и задавал толковые вопросы. Они продолжали кружить по рынку, мимо столов с хлебом и картофелем, мешков с ячменем и удобрениями, корзин с ягодами и сливами, а за ними следовала целая процессия поселенцев.

В конце концов, они устроились за длинными сосновыми столами у дверей таверны. Остаток дня Ниргал провел возле Майи. Она смотрела на все эти юные лица, расслабленные и счастливые, и с изумлением отмечала, как Ниргал похож на Джона.

Люди, которые находились рядом с ним, преображались. Удивительно, но они тотчас становились сердечнее и внимательнее друг к другу. Появление Ниргала буквально осеняло их благодатью. Они наливали Диане и Майе напитки, кормили гостей обедом, приговаривая «все свое, все местное», разговаривали на быстром марсианском английском, со вкусом сплетничали и толковали сны.

А Ниргал всегда был особенным мальчиком. Такой же сказочный, как Хироко, и одновременно

— совершенно нормальный. Диана буквально приклеилась к нему с другой стороны, и остальные молодые женщины, казалось, мечтали быть на ее месте или хотя бы на месте Майи. А может, и были… в прошлом. Все-таки есть преимущество в том, чтобы быть древней бабушкой. Майя могла без стеснения опекать Ниргала, а он только ухмылялся, и никто ничего не мог тут поделать. Да, он обладал харизмой: четкая линия подбородка, смешливый, подвижный рот, широко посаженные карие, чуть азиатские глаза, густые брови, непослушные черные волосы, изящное тело. И он не был так высок, как большинство из них. Ничего экстраординарного. Но его обаяние, дружелюбие, интерес и склонность к веселью зачаровывали с первого взгляда.

— Как насчет политики? — спросила она его вечером, когда они вдвоем прогуливались по дороге. — Что ты им говоришь?

— Я использую декларацию Дорсы Бревиа. Думаю, мы должны немедленно начать воплощать ее в нашей повседневной жизни. Поселенцы в долине находятся вне официальной сети и живут по принципам другой экономики.

— Знаю. Это одна из причин, по которой я переехала сюда.

— Ага. И получается, что сансеи и йонсеи довольным своим укладом. Они считают, что обрели свой дом.

— Вопрос в том, что думает по этому поводу Временное Правительство.

— А что они могут сделать? По-моему, им наплевать, — ответил он, и Майя внезапно поняла, что Ниргал все время путешествовал по Марсу и наверняка видел гораздо больше мест, чем она сама. — Мы не светимся и не бросаем им вызов. Думаю, они не беспокоятся на наш счет. По-моему, они даже не в курсе, что мы рассеялись по планете.

— Вряд ли… — Возразила Майя и насупились.

Они стояли на берегу реки, шумно журчащей на мелководье, темно-фиолетовая поверхность едва отражала свет звезд.

— Такой силурийский вид, — сказал Ниргал.

— Как вы себя называете? — спросила Майя.

— В смысле?

— Это же вроде политической партии или социального движения, верно?

— Некоторые называют себя бунианцами, своего рода крыло первопоселенцев Марса. Не думаю, что это правильно. А я сам по себе. Может быть, я — Ка. Или Свободный Марс. Мы так говорим,

когда здороваемся. Смешно, да?

— Наверное, — пробормотала Майя, щекой чувствуя горячий влажный ветер.

Ниргал придерживал ее за талию. Альтернативная экономика, действующая вне рамок законов, была интересна, но и рискованна. Она могла стать теневой экономикой, управляемой криминалом, и маленькая идеалистическая деревенька была бы тогда бессильна. В общем, Майя считала, что это несколько иллюзорное решение проблем с Временным Правительством. Но когда она изложила свои соображения Ниргалу, он согласился.

— До финала еще далеко. Но нам не помешают союзники. Сейчас мы живем мирно, а позже, когда придет время…

Майя кивнула в темноте. Она подумала, что очутилась в уникальном Доме ребенка. Они вместе вернулись в деревню. Местные устроили вечеринку. По меньшей мере, пять девиц начали соревноваться за право остаться с Ниргалом, и со смехом, лишь отчасти критическим — будь она моложе, у них не было бы шансов, — Майя отправилась спать.

Утром они покинули деревеньку и продолжили путешествие вниз по течению реки. Через два

дня, в сорока километрах от Адовых Врат, марсоход добрался до поворота каньона. Теперь перед Дианой и Майей открывались все окрестности — Майя могла видеть даже башни, поддерживающие подвесной мост магистрали.

«Будто нечто из другого мира, — решила Майя, — с совершенно иной технологией». Башни достигали шестисот метров в высоту и отстояли друг от друга на десять километров — воистину грандиозный мост, в сравнении с которым сам город казался микроскопическим. Он еще час был виден на горизонте, а затем его можно было различить только снизу, с самого края каньона. Здания скатывались с крутых склонов, как эффектная земная деревушка в Испании или Португалии, — и все домики находились в тени грандиозного моста. Однако Майя знала, что есть мосты и покрупнее, как на Хрисе, а с постоянными успехами в материаловедении конца-края этому не было видно. Трос нового лифта, сделанный из углеродных нанонитей, имел большую прочность на разрыв, чем требовалось для его целей… Вполне естественно, что при помощи данного материала можно было соорудить практически любую конструкцию. Люди обсуждали мосты в долине Маринер и шутили о том, что

надо построить автомагистрали между тремя пиками Фарсиды и избавить местных от необходимости всякий раз подниматься и спускаться на пятнадцать километров.

Вернувшись в Адовы Врата, Майя и Диана вернули марсоход в ангар и пообедали в ресторанчике под вездесущим мостом — заведение находилось на крутом склоне долины. Диана решила навестить друзей, поэтому Майя вежливо откланялась и пошла в свою комнату в офисе «Дип-Уотерс». Оказавшись в апартаментах, она распахнула стеклянные двери, ведущие на балкон, и опять стала смотреть на мост. Его огромный пролет изгибался под звездами, напоминая каньон Дао.

Майя вспомнила о черной Адриатической горе, украшенной белыми лентами заснеженных трещин. Спать ей не хотелось, и она добрую половину ночи провела в кресле на балконе. Она сидела, завернувшись в одеяло, глядела в тень великого моста и думала о Ниргале, о молодых поселенцах и о том, что все это значило.

Следующим утром они должны были сесть на циркулирующий по Элладе поезд, но Майя попросила Диану отвезти ее на дно бассейна. Она намеревалась увидеть собственными гла-

зами, что происходит с водой, бегущей вниз и вливающейся в реку Дао. Диана с радостью повиновалась.

В нижней части города поток вливался в узкий резервуар, ограниченный мощной бетонной дамбой и насосом, расположенным в стене купола. За пределами купола вода текла по изолированной трубе, установленной на трехметровых пилонах. Трубопровод располагался на широком, слегка наклонном восточном краю бассейна, и они последовали вдоль него на другом марсоходе. Спустя десять минут разрушающиеся скалы Адовых Врат скрылись за низкими дюнами. Но башни моста были видны еще целый час, возвышаясь над линией горизонта.

Марсоход преодолел несколько километров, и Майя поняла, что трубопровод проложен прямо на красноватой равнине над коркой потрескавшегося льда. Можно сказать, что это был своеобразный ледник, который тянулся слева от марсохода чуть ли не до самого горизонта. По сути, здесь находился берег нового моря или, по крайней мере, его замерзшая часть, а сам трубопровод постепенно спускался вниз и пропадал в паре километров от берега.

Маленькое, почти стершееся кольцо кратера

вмерзло в лед, словно изгибающийся двойной полуостров. Диана решительно поехала вперед, и марсоход принялся вгрызаться в лед, пока не забуксовал. Диана остановилась. Теперь перед ними расстилался ледяной мир, лишь позади лежал пологий песчаный склон.

— Этот кусок берега простирается очень далеко, — пояснила Диана. — Видите?

И она указала на серебряные проблески на западе.

Майя взяла с приборной панели бинокль и смогла различить нечто вроде айсберга, за которым — ну надо же! — поднимались песчаные дюны. Неожиданно масса льда откололась: псевдогренландский ледник обрушился в песчаное море и молниеносно разбился в мелкое крошево. Появилась вода, столь же темная, как и в Рубиновой реке: влага хлынула прямо из песка. Поднялась пыль и понеслась прочь от потока, ветер унес ее к югу. Края нового потока побелели, но Майя знала, что это ничто по сравнению с той чудовищной скоростью, с которой замерзала вода в 2061 году. Пока вода еще промерзла, но ледяные кристаллы, конечно, продолжали упрямо расти.

Майя вздохнула. Очевидно, на Марсе потеплело, и атмосфера уплотнилась. В бассейне могло

быть примерно 260 миллибар, а температура снаружи составляла 271 градус по Кельвину. Приятный денек! Она стала пристально осматривать побережье в бинокль и через несколько секунд обнаружила сверкающие озерца талой воды, уже гладкие и замерзшие насквозь.

— Все меняется, — пробормотала Майя себе под нос.

Диана промолчала.

В конце концов, поток новой темной воды побелел целиком и застыл.

— Потом он прорвется на поверхность где-нибудь еще, — сказала Диана. — Это как отложение осадков. Главный канал для участка расположен к югу отсюда.

— Я рада, что все увидела. Давай возвращаться.

Они повернули в Адовы Врата и вечером поужинали вместе на той же террасе уже знакомого Майе ресторанчика под огромным мостом. Майя задала Диане множество вопросов о Поле, Эстер, Касэе, Ниргале, Рэйчел, Эмили, Реуле и остальных из стаи Хироко, а также об их детях и внуках. Чем они занимались? Что собирались делать? Сколько последователей было у Ниргала?

— И не сосчитать! Вы же его видели! Он часто путешествует, а местные заботятся о нем. Друзья,

друзья друзей и так далее…

— А как ты думаешь, они поддержат?..

— Революцию?

— Я хотела сказать движение за независимость.

— Называйте, как угодно, но я знаю одно: они всегда поддержат Ниргала. Земля стала их худшим кошмаром, который едва не погубил их жизни. Они не хотят, чтобы все опять повторилось на Марсе.

— Они? — переспросила Майя с улыбкой.

— И я тоже, — Диана улыбнулась в ответ. — Мы.

Пока они продолжали двигаться по часовой стрелке вокруг Эллады, у Майи появился повод вспомнить этот разговор. Консорциум из Элизия без каких-либо очевидных связей с наднациональными корпорациями или Временным Правительством завершил возводить купол над каналами Хармахис-Реул, использовав тот же метод, что и над каналом Дао. Сейчас в двух соединенных каньонах сотни людей размещали аэраторы, обрабатывали почву, выращивали и рассаживали начальную биосферу мезокосма каньона. Их передвижные парники и предприятия никогда не пустовали. Металлы и газы они

добывали на пустошах Гесперии на востоке, а затем доставляли сырье через устье Хармахиса, названное Сухуми. У них имелись стартовые программы и семена, и, кажется, они не слишком тесно общались с Временным Правительством. Они не спрашивали разрешения начать проект, и им активно не нравились представители власти из Черноморской группы, которые обычно выступали от лица наднациональных корпораций.

Однако им не хватало рабочих рук, и они были рады получить больше техников или специалистов из «Дип-Уотерс», а также любое оборудование, которое они могли присвоить из подразделений фирмы. Практически каждая группа, которую Майя встречала в системе Хармахис-Реул, просила о помощи. В основном здесь работал местный молодняк. Эти ребята не сомневались, что имеют те же шансы заполучить нужную технику, что и все остальные, хотя и не имели отношения ни к «Дип-Уотерс», ни к другой компании.

И везде южнее Хармахиса-Реула в неровных, образованных выбросами холмах за краем бассейна рыскали исследовательские команды. Они прочесывали местность в поисках водоносных слоев. Большинство работников оказались уро-

женцами Марса, как и многие люди, которые обосновались в поселениях каньона. Некоторые из них родились даже после 2061 года. И они были совершенно другими, они разделяли интересы и энтузиазм, совершенно не понятный иным поколениям. Порой Майя думала, что произошел генетический сдвиг или естественный отбор, в результате которого возникло биомодальное разделение. Теперь представители старого вида гомо сапиенс населяли планету вместе с новыми гомо арес, созданиями высокими и стройными, изящными и полностью принадлежащими Марсу. Неудивительно, что последние чувствовали себя на Марсе словно рыба в воде! Вдобавок они, похоже, не сомневались, что только их вклад в проект и может превратить бассейн Эллады в море.

И эта сложнейшая задача была для них абсолютно естественна. На одной остановке магистрали Майя и Диана вышли из поезда. Встретившись с друзьями Дианы, они взяли напрокат марсоход и поехали на хребты Дорсы Зеа, которая входила в юго-восточную четверть бассейна. Эти дорсы постепенно становились полуостровами под ледяным краем моря. Майя смотрела на расколотые щелями ледники, расположенные по обе

стороны, и качала головой. Она пыталась представить время, когда тут будет шуметь море, а древние скалистые базальтовые хребты будут смахивать на зубцы сигналов на сонаре какого-нибудь корабля. Неужели через некоторое время здесь появится настоящий дом для морских звезд, креветок и всего огромного разнообразия искусственно созданных бактерий? И хотя это должно было случиться уже не в столь отдаленном будущем, Майя не переставала изумляться.

А Диана и ее друзья, некоторые из которых имели греческие и турецкие корни, не испытывали ни малейшего трепета перед надвигающимся будущим. Их не пугал масштаб самого проекта. Они жили в каньоне и просто выполняли свою работу, для них это было соразмерно обычным человеческим возможностям — вот и все.

Кроме того, на Марсе всегда реализовывали подобные фараоновы проекты. Люди создавали океаны. Строили мосты, рядом с которыми Золотые Ворота казались игрушкой. Друзья Дианы даже не принимались за хребет, на который таращилась Майя, всерьез. Они самозабвенно болтали друг с другом, обсуждали их общих знакомых в Сухуми и смеялись.

— Как глупо! — резко бросила Майя. — Проект

превосходит все достижения человечества на Земле, связанные с изменением ландшафта! Ваше море будет размером с Карибское! На Земле никогда не было подобных проектов! Никогда!

Юная женщина с приятным лицом и гладкой кожей улыбнулась.

— Терра меня совсем не интересует, — заявила она.

Магистраль загибалась вокруг южного обода, пересекая поперечно несколько крутых хребтов и ущелий, носивших названия каньонов Аксиус. Складки бежали с неровных холмов обода к бассейну, заставляя магистраль чередовать огромные арочные мосты и глубокие ущелья и даже туннели. Поезд, в который они сели после Дорсы Зеа, был маленьким частным локомотивом, принадлежащим их офису в Одессе, поэтому Майя могла останавливать его, где пожелает. Она так и делала и выходила из вагона, чтобы пообщаться с поисковыми и строительными группами. На одной из остановок она встретилась с земными эмигрантами. Для Майи они оказались гораздо более понятными людьми, чем жизнерадостные местные. Они не были великанами, шатались повсюду с удивленным и вдохновленным видом или в тревоге и унынии,

но в любом случае — они осознали, насколько странным было их предприятие. Они пригласили Майю посмотреть на туннель в хребте, и она с радостью согласилась. Выяснилось, что это было старое лавовое образование: цилиндрическая труба начиналась возле патеры Амфитрита и достигала почти таких же размеров, что и Дорса Бревиа, но спускалась вниз под более острым углом. Инженеры закачивали в него воду из водоносного слоя Амфитриты и использовали его как трубопровод, ведущий к основанию бассейна.

Взбудораженный гидролог-землянин показал ей обзорную галерею, вырезанную в стене лавового туннеля. Черная вода бежала по дну, едва покрывая его, несмотря на 200 кубических метров в секунду. Грохот эхом отдавался в пустом базальтовом цилиндре.

— Разве не грандиозно? — требовательно спрашивали эмигранты, и Майя кивала.

Как хорошо, что она оказалась среди людей, чья реакция была ей понятна.

— Просто как чертовски большой барабан, да?

Но молодняк в поезде не особо реагировал на восклицания Майи: водопровод из лавового туннеля, конечно, крупный, так он ведь и должен быть таким, хотя и здесь тоже кое на чем эконо-

мят. Но участок хороший! Затем они вернулись к своим разговорам, и Майя провела остаток пути до следующей остановки в молчании.

После того как поезд обогнул юго-западный свод бассейна, они поехали к северу. Они миновали четыре или пять трубопроводов, построенных слева от гор Геллеспонт, голые зазубренные хребты которых напомнили Майе Неваду или Афганистан. Их пики были выбелены снегом. Майя глядела в окно, не отрываясь: на дне бассейна расползались заплаты грязного, разбитого льда, часто отмеченные светлыми пятнами новых разливов. На вершинах холмов у магистрали возводились городки под куполами. «Прямо тосканский Ренессанс», — подумала Майя.

— Предгорья станут популярным местом для поселений, — сказала она Диане. — Они окажутся между горами и морем, а некоторые из устьев каньонов превратятся в заливы.

Диана согласно кивнула.

Вскоре поезд добрался до последнего участка своего кругового маршрута. Здесь магистраль пересекал ледник Нистен, вернее, замерзшие остатки массива, который прорвался и затопил Лоу-Пойнт в 2061 году. Людям пришлось изрядно потрудиться: ледник достигал тридцати пяти ки-

лометров в ширину в своей самой узкой точке, а никто не располагал ни временем, ни оборудованием, чтобы построить над ним подвесной мост. Поэтому дело ограничилось лишь несколькими сваями, вбитыми сквозь лед в камень. Сами сваи с острыми выступающими ребрами установили на противоположных сторонах ледника: к ним крепился «умный» понтонный мост. Он перемещался по сползающему льду на особых подушках: те сжимались или расширялись, реагируя на подъемы и впадины ландшафта.

Поезд замедлил ход, чтобы проехать по этому пути, и плавно заскользил по подушкам. Наконец Майя увидела место, где ледник выпадал из зазора между двумя клыкообразными пиками, совсем рядом с кратером Нистен. Какие-то повстанцы с помощью взрыва обнаружили тут водоносный горизонт и выпустили один из пяти или шести крупнейших водных прорывов 61-го года — почти такой же большой, как и тот, что прочертил каньоны долины Маринер. Лед под ними был еще радиоактивным. Но сейчас пейзаж казался удивительно мирным и спокойным.

Последствием того ужасного наводнения стало разбитое поле ледяных блоков. Диана сказала что-то об альпинистах, которые любили спус-

каться по гладкой вертикальной поверхности просто ради удовольствия. Майю передернуло от отвращения. Люди действительно безумны! Она подумала о Фрэнке, унесенном прочь наводнением в долине Маринер, и выругалась вслух.

— Вы не одобряете? — спросила Диана.

Майя снова выругалась.

Изолированный трубопровод находился под понтоном и доходил до Лоу-Пойнта. Рабочие все еще осушали дно разбитого горизонта. Майя рассматривала здания Лоу-Пойнта. Она некоторое время жила там с инженером, имени которого не могла вспомнить. Теперь местные выкачивали остатки влаги из водоносного слоя кратера, чтобы залить этот и так полузатопленный город. Великий потоп 61-го превратился в узкий ручеек, регулируемый и направляемый в нужную сторону.

Майя почувствовала в себе крутящийся вихрь эмоций, разбуженный всем, что она видела. Она была опустошена и одновременно взвинчена до предела. А сколько ее еще ожидает впереди!..

Потоки внутри ее, сверкающие стрелы в ее разуме! Если бы только она могла надеть ярмо на собственный дух, осушить его, контролировать, сделать разумным… Но гидростатическое дав-

ление было таким сильным, что прорыв грозил разрушить ее самость. Нет, такой поток не удержишь трубопроводом.

— Все меняется, — сказала она Мишелю и Спенсеру. — Мне кажется, мы уже ничего не понимаем.

Она вернулась в Одессу, счастливая и встревоженная, назойливо любопытная, ищущая все новое. На стене над своим столом в офисе она повесила рисунок Спенсера. Алхимик швырял толстый том в волнующееся море. Надпись внизу гласила: «Я утопил свою книгу».

Майя покидала квартиру с утра пораньше и шла вдоль берега в «Дип-Уотерс». Офис компании располагался рядом с пока еще сухим портовым районом поблизости от другой фирмы «Праксиса», называющейся «Сепарасьон Дель Атмосфер».

Майя была боссом команды, занимающейся синтезом, и координировала полевые подразделения «Дип-Уотерс». Помимо прочего она сконцентрировалась на малых мобильных проектах, которые велись на дне бассейна. На таких участках разрабатывали неглубоко залегающие полезные ископаемые, а также перераспределяли лед. Иногда Майя занималась дизайном этих мини-блуждающих поселений, наслаждаясь возвращением к эргономике, самой первой ее профессии, не считая собственно космонавтики. Работая в течение дня в разных кабинетах, она

смотрела на свои зарисовки и чувствовала наплывы дежавю. В такие моменты она спрашивала себя, не делала ли она все то же самое раньше, в прошлом. Она удивлялась также, почему именно эти навыки прочно засели в ее памяти, а другие знания оказались столь эфемерны. При всем своем желании она не могла вспомнить, как училась эргономической экспертизе, хотя справлялась с работой просто прекрасно, несмотря на десятилетия, которые прошли с тех пор, как она получила диплом.

Но разум продолжал играть с ней в странные игры. Время от времени ощущение дежавю возвращалось навязчиво, как ночной кошмар, и казалось, будто каждое отдельное событие дня уже случалось раньше. Это было очень неприятно. Майя боялась, что настанет день, когда весь мир превратится в тюремную камеру, а она станет ее узником. Даже здесь она порой чувствовала себя заводным механизмом, который не способен делать что-то самостоятельно и автоматически повторяет запрограммированные операции. Однажды, когда это ее состояние длилось уже больше недели, она была выбита из колеи. Она словно оцепенела. Никогда смысл ее жизни не подвергался таким жестоким нападкам. Мишель

был озабочен происходящим и заверял ее, что это, вероятно, ментальные проявления физических проблем. Майя отчасти ему верила, но, поскольку лекарства почти не помогали, проку от объяснений Мишеля было мало. Она могла лишь терпеть, держаться и надеяться, что все пройдет само собой.

И жуткое состояние действительно ослабело, а потом и улетучилось. В свою очередь, Майя решила выкинуть недавний кошмар из головы и поскорее о нем забыть. А когда приступ вернулся, она сказала Мишелю:

— Господи, похоже, меня опять накрыло!

А он ответил:

— Разве ты мне это уже сегодня не говорила?

И они оба смеялись, а она отчаянно пыталась справиться. Она погружалась в каждодневную рутину и составляла планы для поисковых команд. Она давала им назначения, которые были основаны на отчетах ареографов, полученных с обода, а также на результатах других поисковых команд, уже вернувшихся в город. То была интересная, вдохновляющая работа, своего рода гигантская охота за сокровищами. И она требовала постоянного совершенствования в ареографии и в секретных привычках воды, спрятанной в

глубинах Марса.

Это увлечение помогло ей немного справиться с дежавю, и через некоторое время оно стало просто навязчивым ощущением, от которого страдал ее разум, — худшим, чем возбуждение, но лучшим, чем подавленность. Правда, затем ее разум делал новый вираж, и тогда Майе казалось, что ничего подобного с ней раньше не происходило, пусть даже она при этом всходила на подножку трамвая. «Жамевю» — назвал ее состояние Мишель и озабоченно покачал головой. Он считал, что «жамевю» — весьма опасная штука. Но тут ничего нельзя было поделать. Иногда было невыносимо жить с кем-то, кто настолько хорошо разбирался в психологических проблемах. Можно превратиться в объект для изучения. Им понадобится несколько псевдонимов, чтобы описать ее случай.

Так или иначе, но бывали дни, когда ей везло и она чувствовала себя действительно прекрасно. Она работала, как трудоголик, заканчивала где-то между четырьмя и семью часами, усталая и довольная. Шла домой в характерном свете вечереющей Одессы — город лежал в тени Геллеспонта, но небо оставалось изумительно ярким. Облака ослепительно сверкали, проплывая над

ледником, и все пылало отраженным светом, который переливался бесконечно разнообразной чередой оттенков красного и синего. И так было каждый день…

Майя лениво шагала под раскидистыми деревьями, проходила в ворота здания «Праксиса» и смотрела на окна своей квартиры. Мишель уже был дома, и они вместе ужинали, а он рассказывал ей о специфике своих терапевтических сессий. Его клиентами становились тоскующие по Земле эмигранты или долгожители с самыми разными жалобами, вроде дежавю Майи или нарушений Спенсера. Среди них встречались и люди с потерей памяти, аномией, фантомными запахами и другими проблемами. В общем, Мишель перечислял ей характерные геронтологические недуги, которые редко проявлялись у молодых. Майя расценивала это, как зловещее предупреждение, что антивозрастная терапия, вероятно, не предоставляла мозгу того восстановления, в котором он нуждался. К Мишелю почти не приходили нисеи, сансеи или йонсеи, что удивляло его.

— Хороший признак с точки зрения дальнейшей жизни на Марсе! — сказал он однажды вечером, когда вернулся после спокойного дня в

своем офисе на первом этаже.

Майя пожала плечами.

— Они могут быть безумны, но не догадываются о своем состоянии. Мне кажется вполне вероятным такой расклад, особенно после того, как я проехалась вокруг бассейна.

Мишель посмотрел на нее в упор.

— Безумны? А может, они просто другие?

— Не знаю. По-моему, они не понимают, что делают.

— У каждого поколения есть свои секретные общества. Их можно назвать ареопагами. В их природе преобразовывать планету. Ты должна со мной согласиться.

Когда Майя возвращалась домой, квартира благоухала провансальской стряпней Мишеля, а на столе стояла початая бутылка красного вина. Они частенько ужинали на балконе, и когда Спенсер бывал в городе, он навещал их, как и другие гости. За едой они обсуждали свою работу, говорили о событиях на Марсе и на Земле.

Так и проходила ее жизнь, в типичной la vie quotidienne,[34] и Мишель делил с ней кров. Мишель со своей лукавой улыбкой, лысый мужчина,

---

[34] Примечания: 34
Повседневность *(франц.)*.

элегантный француз, ироничный, с чувством юмора, всегда такой логичный и объективный…

В сумерках над темными, ощетинившимися пиками Геллеспонта сиял розово-серебристый цвет, который сменялся фиолетовым и сгущался до лилового и угольно-черного. В такое время их голоса невольно смягчались. Мишель называл этот период «часом между собакой и волком». Они убирали посуду со стола и возвращались в комнату, мыли тарелки и стаканы — все привычно, знакомо. Мир тогда целиком пребывал в своем дежавю, и Майя чувствовала себя счастливой.

Обычно Спенсер приходил, чтобы звать ее на собрания, которые устраивало одно из сообществ верхнего города. Они были связаны с первопоселенцами Марса, но участники мероприятий не походили на радикалов, которых возглавлял Касэй на конгрессе в Дорсе Бревиа. Скорее, они смахивали на друзей Ниргала из Дао. Более юные, не слишком догматичные, самодостаточные и уверенные в себе. Майю беспокоили подобные встречи, даже несмотря на то, что она хотела их посетить.

Накануне очередного собрания она была раздражительной и тревожной. Но делать было нечего, после обеда в небольшой компании

друзей Спенсера они отправились на собрание. Сперва они ехали в трамвае, а затем шли пешком и, наконец, добрались до самой верхней оконечности Одессы, где располагались дешевые комнаты.

Здесь целые здания становились своеобразными крепостями. Местные жители платили ренту и работали в нижнем городе, стараясь отмежеваться от официальной экономики. Они устраивали мини-фермы в парниках, на террасах и на крышах, придумывали свои проекты, строили, производили сельскохозяйственные орудия для продажи и обмена друг с другом. Их собрания проходили в общих залах или в маленьких парках, скверах и садах. Иногда к ним присоединялись группы Красных, приезжавших откуда-то издалека.

Майя начала с того, что попросила всех представиться поименно. Выяснилось, что большинству из них исполнилось двадцать, тридцать или сорок, что они родились в Берроузе, Элизии, Фарсиде, в лагерях Ацидалийской равнины или на Большом Уступе. Здесь также присутствовал некоторый процент ветеранов Марса и эмигранты, часто из России, что Майе было приятно. Они работали агрономами, инженерами-экологами,

рабочими-конструкторами, техниками, городскими управляющими или обслуживающим персоналом. И каждого безумно интересовала альтернативная экономика.

Их общежития представляли собой однокомнатные квартирки с общими ванными в конце коридора. Они ходили на работу в нижний город пешком или ездили на трамваях мимо укрепленных особняков у береговой линии, где жили управляющие наднациональных компаний.

Все сотрудники «Праксиса» занимали скромные апартаменты, что вызывало уважение со стороны участников. Молодые уроженцы Марса, которые присутствовали на собрании, прошли курс антивозрастной терапии и считали это само собой разумеющимся. Они были шокированы, когда узнали, что на Терре терапия использовалась как инструмент контроля, и добавили данный факт к списку злодеяний Земли. Они отличались прекрасным здоровьем и едва ли знали, что такое плохое самочувствие или переполненные поликлиники. Местные лечились тем, что выходили наружу в легком скафандре и, сняв шлем, делали пару глотков воздуха. По поверью, это убивало любые микробы и вирусы. Они были высокими и физически сильными. Они смотрели на мир с

тем решительным выражением, которое было Майе знакомо: она уже видела его у Фрэнка, запечатленного на одной старой земной фотографии.

В их глазах были идеализм, острая злость, понимание, что многое устроено неправильно, и убежденность, что только они способны сделать мир лучше. Юность, подумала она. Обычная клиентура революции.

А теперь они сидели в маленькой комнатушке, чтобы поспорить об актуальных делах. Они казались уставшими, но счастливыми. Они воспринимали собрание как вечеринку, своего рода развлечение. Майя поняла, что этим нельзя пренебрегать. Она, как и раньше на таких мероприятиях, вышла в центр комнаты и присела на край стола.

— Я — Майя Тойтовна. Я была здесь с самого начала.

Она говорила о прошлом — на что их жизнь была похожа в Андерхилле — и о прочих вещах. Она старательно вспоминала детали и словно брела в потоке прошлого. Она как будто была самой историей и пыталась объяснить, почему все на Марсе сложилось именно так, а не иначе.

— Вы никогда не сможете вернуться, — повторяла она.

Да, многое изменилось. Земля была закрыта для них навсегда: и для эмигрантов, и для родившихся на Марсе — для них-то в особенности. Они все стали марсианами. Теперь они должны добиться независимости и жить в собственном государстве, суверенном или хотя бы полуавтономном. Полуавтономии может быть достаточно — учитывая реалии двух миров, она позволит называть Марс свободным. А при текущем раскладе они являлись не более чем собственностью и не имели реальной власти над своими судьбами. Их дом разбирали на металлические пластины, которые транспортировали на космических кораблях. Это было бессмысленной тратой времени и сил и не приносило выгоды никому, кроме кучки наднациональной элиты, которая управляла двумя мирами как собственным феодом. Нет, им нужно освободиться, но не так, чтобы полностью отрешиться от ужасной ситуации на Земле! Им надо иметь возможность давить и оказывать влияние на то, что там происходит. Иначе они будут лишь беспомощными свидетелями катастрофы, и их тоже затянет в вихрь — вслед за первыми жертвами. С этим нельзя смириться. Необходимо действовать.

Общественные группы охотно воспринимали

эти послания, поскольку относились к «традиционалистам» — к первопоселенцам Марса. Богдановисты из города и некоторые Красные разделяли мнение Майи, а она — и сейчас, и на каждой предыдущей встрече — подчеркивала важность совместной координации действий.

— Революция — не место для анархии! Если мы попытаемся заполнить Элладу каждый сам по себе, то можем запросто уничтожить всю нашу работу и наши усилия пойдут прахом! Мы можем потерять этот район и все испортить! Поверьте мне, так мы ничего не добьемся и проиграем. Поэтому мы должны объединиться. Мы упустили свой шанс в шестьдесят первом и потерпели фиаско. Мы мешали друг другу, а не помогали, понимаете? Мы сглупили! А сейчас мы должны работать сообща…

— Скажите это Красным, — возразил кто-то из богдановистов.

Майя пронзила взглядом аудиторию и ответила:

— В данный момент я разговариваю с вами. Вам не понравится, если я буду общаться с ними.

В комнате зазвучал смех, они расслабились и представили себе, что Майя будет им выговаривать. Майя, известная, как Черная Вдова, Злая

Ведьма, которая могла проклясть их, Медея-убийца, была влиятельной персоной. Она имела над ними власть и временами показывала когти. Она задавала им сложные вопросы, и хотя они были безнадежно наивны, иногда они давали впечатляющие ответы, особенно если говорили о Марсе. Некоторые из них собрали поразительное количество информации: опись оружейных наднациональных корпораций, системы аэропортов, расположение коммуникационных центров, списки и расположение программ для спутников и космических объектов, сети, базы данных. Иногда, слушая их, казалось, что все возможно. Конечно, они были юными и поразительно невежественными, поэтому Майя часто чувствовала свое превосходство, но в них была заключена удивительная жизнеспособность, энергия и здоровье…

Кроме того, они были взрослыми, и, наблюдая за ними, Майя понимала, что хваленый опыт являлся лишь вопросом ран и шрамов, а юные умы по отношению к старым умам могут быть тем же, что молодые тела по отношению к дряхлым. В общем, они оказались сильнее и не были изломаны. И ей приходилось всегда помнить об этом, хотя она наставляла их столь же строго, как

детей в Зиготе.

После собраний ей стоило большого труда смешаться с аудиторией и просто разговаривать с людьми и слушать их истории. Обычно через час после начала собрания Спенсер объявлял, что Майе пора идти. Подразумевалось, что Майя приезжала на встречи из другого города, хотя она видела некоторых из участников собраний на улицах Одессы, и они, безусловно, знали, что она проводит много времени в городе.

Однако Спенсер и его друзья придерживались установленных ими же правил, и сегодняшняя встреча тоже не стала исключением. Сперва они даже проверили, что за ними никто не следит, и лишь потом немного расслабились. Большая часть группы исчезла на лестницах верхнего города еще до того, как они добрались до западного района, где располагалось здание «Праксиса». Затем они проскользнули в ворота, и дверь с лязгом закрылась, напоминая, что двойной номер, который она занимала с Мишелем, был надежным убежищем.

Как-то раз ночью, после острой дискуссии с группой юных инженеров и ареологов, она включила планшет, нашла фото юного Фрэнка и распечатала копию. Снимок в статье был из

старой газеты, изображение получилось черно-белым и зернистым. Она приколола фотографию к боку кухонной полки над раковиной, испытывая странные и противоречивые ощущения. Мишель поднял взгляд от своего искина, уставился на лицо Фрэнка и одобрительно кивнул.

— Поразительно, сколько всего можно узнать, взглянув человеку в лицо.

— Фрэнк так не думал.

— Просто его пугала эта возможность.

— Хм, — сказала Майя.

Она не могла восстановить в памяти того Фрэнка, которого знала, зато она не забыла выражения лиц людей, которые присутствовали на собрании. Действительно, лица выдавали все. Они как будто нацепили маски, за которыми нельзя было спрятаться.

Она посмотрела на фотографию.

Наднациональные корпорации невозможно контролировать. Они портят Марс. Они эгоистичны, они заботятся только о себе. Наднационализм — новый вид национализма, только без патриотизма. Это патриотизм денег, болезнь! Люди страдают не столько здесь, сколько на Земле. И если ничего не изменится, люди начнут страдать и на Марсе. Корпорации уничтожат нас.

Все сказано без слов — знающим, самоуверенным, справедливым взглядом Фрэнка. Мы могли бы стать циниками, без сомнения, Фрэнк был тому доказательством. Можно сломить нашу страсть или утратить ее в беспринципности, которая столь заразительна. Мы должны начать действовать до того, как это произойдет, иначе будет слишком поздно. Время значит все. Если мы правильно его рассчитаем…

Спустя неделю она получила сообщение с Геллеспонта. Нашли огромный водоносный слой, расположенный на изрядном расстоянии от бассейна и очень глубокий по сравнению с остальными. Диана предположила, что в более ранний период ледник скользнул за пределы Геллеспонта и под землей скопилось около двенадцати миллионов кубических метров. Какое богатство! Похоже, новый слой повышал объем найденной воды с восьмидесяти до ста двадцати процентов и мог заполнить бассейн до километрового контура.

Новость была потрясающей, и вся группа подразделения собралась в офисе, чтобы обсудить ее и распланировать работу на картах. Ареограферы уже чертили пути трубопроводов через горы и спорили о преимуществах трубопроводов

разного типа. Море Лоу-Пойнт, которое здесь ласково называли «пруд», уже поддерживало биотическую общность, основанную на пищевой цепочке антарктического криля. Кроме того, на самом дне имелась расширяющаяся тающая зона, ее подогревал мохол и аккумулировал вес льда, который давил сверху. Возрастающее давление воздуха и по-прежнему поднимающаяся температура обещали, что поверхность продолжит интенсивно таять. Конечно, айсберги тоже начнут скользить и сталкиваться друг с другом, разбиваясь, нагреваясь от трения и солнечного света, пока не станут паковым льдом, а затем и скоплением мелких льдин. Вот тогда-то новая закаченная вода, направленная так, чтобы увеличивать кориолисову силу, и начнет движение против часовой стрелки.

Они говорили и не могли остановиться, обсуждая уже не фантастический, а вполне реальный сценарий. Наконец они вышли на улицу, чтобы отпраздновать событие, но сначала решили прогуляться. Они остановились, только увидев обрывистый берег, который возвышался над каменистой равниной пустого бассейна. Но настоящее их не сдерживало. На праздновании они выпили много водки — столько, что возвращать-

ся в офис было бессмысленно.

В общем, когда Майя добралась до их с Мишелем объединенных апартаментов, она была не в той форме, чтобы встречаться с Касэем, Джеки, Антаром, Артом, Дао, Рэйчел, Эмили, Францем и их друзьями. Все они столпились в ее гостиной. Выяснилось, что они просто проезжали мимо и направлялись в Сабиси, где собирались встретиться с людьми из Дорсы Бревиа, а затем махнуть в Берроуз и поработать там пару месяцев. Они небрежно поздравили Майю с открытием нового водоносного слоя (все, кроме Арта). В принципе, им было наплевать на «пруд». Майя внезапно разозлилась, и опьянение лишь усугубило ситуацию. Она свирепо посмотрела на Джеки — та вешалась на шею гордого Антара (его назвали так в честь непобедимого рыцаря преисламского эпоса, как он однажды ей объяснил) и на сурового Дао. Они оба напрягались от ее прикосновений, но, кажется, не возражали, когда Джеки подмигивала им или заигрывала с Францем. Майя скривилась. Кто знал, на какие извращения способны эктогены, воспитанные, словно котята. А теперь они стали бродягами, цыганами, радикалами, революционерами — как Ниргал, за исключением того, что у него была

профессия и план, в то время как эти ребята… «Ладно, не стоит спешить с выводами», — одернула она себя. Но ей все равно стало неуютно.

Она поговорила с Касэем, который был гораздо серьезней, чем остальная ватага юных эктогенов — сероволосый взрослый мужчина напоминал Джона чертами лица, но не выражением. Каменный клык Касэя сверкал, когда он мрачно взирал на поведение своей дочери. К сожалению, в тот момент он был полностью поглощен планами захвата системы безопасности своего «тезки» — каньона Касэй. Похоже, он воспринимал перенос Королёва в каньон, как персональное оскорбление. Наверняка урон, нанесенный комплексу во время операции по освобождению Сакса, не показался Касэю достаточной мерой наказания, и он опять рвался в бой. Касэй, выращенный в пробирке, обладал характером — возможно, унаследованным от Джона… Однако он не был похож ни на Джона, ни на Хироко, что Майе очень нравилось. Тем не менее план по уничтожению каньона являлся ошибкой. Правда, они с Койотом уже написали программу, которая взламывала коды всех шлюзов, и спорить с Касэем было бесполезно. Он намеревался напасть на охрану, запереть местных жителей в вездеходы, запро-

граммированные курсом на Шеффилд, а потом взорвать все в каньоне.

Майя понимала, что вероятность того, что план Касэя сработает, крайне мала, но он оказался непробиваемым. Что ж, это было объявлением войны, серьезной сменой той хрупкой стратегии, которую они вели с тех пор, как Спенсеру удалось убедить Сакса не сбивать ничего с орбиты. Они-то как раз собирались просто исчезнуть с лица Марса: никаких репрессий и диверсий, ни души в убежищах, которые были найдены…

Странно, но даже Энн уделила внимание безумной авантюре Касэя. Майя напомнила об этом самому Касэю, пока он расхваливал свою идею, и попыталась убедить его вернуться к ней, когда настанет подходящее время.

— Но тогда мы, вероятно, не сумеем взломать коды, — возразил он. — Такой шанс больше не повторится. Они прекрасно знают о нашем существовании — ведь Сакс и Питер сбили воздушную линзу и побывали на Деймосе! Нам незачем прятаться! Может, они думают, что у нас есть целая армия!

— Послушай, многие из нас хотят сохранять покров тайны. Невидимое непобедимо, как говорит Хироко. Не забудь, что они увеличили количе-

ство охранных служб после диких выходок Сакса! А если они потеряют каньон Касэй, то смогут значительно увеличить контингент. А тогда мы вряд ли вообще справимся с ними…

Касэй покачал головой. Джеки вмешалась с другой стороны комнаты, сказав ободряюще:

— Не беспокойся, Майя, мы знаем, что делаем…

— Нечто, чем ты сможешь гордиться! Вопрос в том, сможем ли мы разделить твои чувства? Ты же у нас принцесса Марса?

— Надя — принцесса Марса, — фыркнула Джеки и направилась в кухонный закуток.

Майя хмуро посмотрела ей вслед и заметила, что Арт с любопытством наблюдает за ней. Он не отвел взгляда, когда она уставилась на него. Майя передернула плечами и бросилась в спальню, чтобы переодеться. Мишель уже был там: убирался, расчищая место на полу, чтобы люди могли устроиться на ночь. Вечер обещал быть беспокойным.

На следующее утро Майя проснулась спозаранку. Голова раскалывалась от похмелья, она вяло поплелась в ванную комнату, чтобы принять душ… и едва не налетела на Арта.

— Хочешь позавтракать? — шепотом предложил он и осторожно перешагнул через спящих,

которые устроились прямо на полу.

Майя кивнула. Когда она оделась, они спустились вниз и пересекли парк над обрывистым берегом, пылавшим в лучах восходящего солнца. Они выбрали маленькое кафе со столиками, вынесенными на тротуар. Внезапно Майя заметила, что на выбеленной стене здания была выведена по аккуратному трафарету надпись вроде граффити. Она гласила:

НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬСЯ

— Боже! — вырвалось у Майи.

— Что?

Она указала на граффити.

— Ага, — сказал Арт. — Уверен, в ближайшие дни это будет красоваться на всех стенах Шеффилда и Берроуза. Печально, да?

— Ка свидетель.

Они уселись за круглым столом, заказали выпечку и турецкий кофе. Свежий ветерок обдувал их лица. Ледник на горизонте блестел как бриллиант, а под его громадными глыбами угадывалось какое-то движение.

— Фантастическое зрелище, — произнес Арт.

Майя пристальнее взглянула на грузного землянина, обрадованная его отзывом. Он был

оптимистом, как Мишель, но более осторожным и одновременно — непринужденным. У Мишеля это была политика, у Арта — характер. Она всегда считала его шпионом, с той самой секунды, когда они спасли его после столь «удачной поломки»: он мог работать на Уильяма Форта и его «Праксис», или на Временное Правительство, или на кого-то еще… Хотя теперь он прижился в их среде и даже стал близким другом Ниргала, Джеки и Нади.

Кроме того, они сотрудничали с «Праксисом» и зависели от него в планах ресурсов, защиты, информации о Земле. Теперь Майя уже немного сомневалась в том, что Арт следил за ними с определенной целью, и вопрос звучал так: кого вообще надо считать шпионом?

— Ты должен остановить Касэя, — сказала она.

— Не думаю, что он и его ребята будут ждать моего разрешения.

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Поговори с ними.

Арт вытаращил глаза.

— Если бы я обладал такой силой убеждения, то был бы давно свободен.

— Ладно тебе!

— Полагаю, они боятся, что не смогут снова

взломать коды, — заметил Арт. — Но Койот, кажется, уверен, что знает протокол. И вычислить его им помог Сакс.

— Поговори с ними, — повторила она.

— А смысл? Они, скорее, прислушаются к тебе.

— Верно.

— Давай устроим соревнование, кого Джеки послушает меньше!

Майя расхохоталась.

— Любой может выиграть.

Арт ухмыльнулся.

— Поделись своими рекомендациями с Полин. Пусть она сымитирует голос Буна.

— Хорошая идея! — Майя засмеялась.

Они обсуждали проект «Эллада», и Майя объяснила важность открытия к западу от Геллеспонта. Арт находился в контакте с Фортом и растолковал Майе сложности последнего решения Мирового Суда. «Праксис» начал дело против «Консолидэйтед», который хотел привязать космический лифт к Колумбии, что было близко к месту в Эквадоре, которое облюбовал «Праксис». Нельзя было допускать, чтобы обе точки находились в столь опасной близости друг от друга. Суд принял решение в пользу «Праксиса», но «Консолидэйтед» проигнорировал вердикт и быстро построил

базу на территории страны-клиента. Более того, «Консолидэйтед» уже приготовился начать маневры по спуску троса! Другие наднациональные корпорации обрадовались подобному раскладу. Они потирали руки, потому что Мировому Суду был брошен вызов, и они поддерживали «Консолидэйтед», как могли, создавая различные помехи «Праксису».

— Но корпорации постоянно грызутся между собой, верно?

— Да.

— Так надо начать между ними большую свару.

Брови Арта взлетели еще выше.

— Опасная игра!

— Для кого?

— Для Земли.

— Меня не колышет Земля, — грубо ответила Майя, смакуя каждое слово.

— Добро пожаловать в наш клуб, — грустно вымолвил Арт, и она снова рассмеялась.

К счастью, банда Джеки скоро уехала в Сабиси. Майя решила посмотреть на новый водоносный слой. Она села на поезд, следующий против часовой стрелки вокруг бассейна: он скользил через ледник Нистен и дальше на юг по западному склону, минуя городок на склоне Монтепульчиано, и добирался до крохотной станции Йонизплац. Там она взяла на прокат марсоход и поехала по дороге, которая вилась по горной долине через крутые хребты Геллеспонта.

Проложенная в реголите трасса была весьма ухабистой. Покрытие скреплял фиксатив, по обе стороны дороги были расставлены радиомаяки и ограждения, которые защищали марсоходы от талых сугробов грязного снега и каменного крошева.

Странная местность! Из космоса Геллеспонт имел определенную визуальную и ареоморфологическую связность, поскольку выброс породы прошел в обратном направлении от бассейна концентрическими кругами. Но здесь эти грубые круги были почти неразличимы, остались лишь случайные каменные шары, осколки, хаотично упавшие с неба.

Фантастическое давление, порожденное ударом, привело к причудливым метаморфозам,

к примеру гигантским расколотым конусам и исполинским коническим булыжникам. Такие валуны часто покрывала сеть трещин, причем некоторые из них смахивали на настоящие расселины, в которые мог запросто въехать марсоход. Но здесь попадались и обычные камешки, размером с голову: их тоже испещряли трещины, и они напоминали древние керамические изделия какой-то погибшей цивилизации.

Майя вела маросоход по этой изломанной земле, немного напуганная видом камней. Некоторые из конусов приземлились на кончик и так и стояли, не шелохнувшись. Другие, под которыми была мягкая поверхность, продавили ее и стали своеобразными дольменами. Гигантскими рядами клыков. Высокими, покрытыми шапками колоннами лингамов, вроде того, который прозвали Членом Большого Человека. Хаотичные выпуклые напластования окрестили тарелками в раковине. Стены колоннообразного базальта походили на гексагоны. Имелись и другие стены — гладкие и сияющие, как куски яшмы.

Последнее концентрическое кольцо выброса выглядело как земная гряда, вроде гор Гиндукуш в Средней Азии, да еще с галопирующими в небе облаками. Трасса пересекала гряду через крутой

перевал меж двумя бугристыми пиками. Майя выбралась из марсохода, прищурилась от сильного ветра и принялась оглядываться по сторонам. Здесь не было ничего, кроме иссеченных гор — повсюду вздымались пики и хребты, с белыми пятнами снега и серыми тенями облаков. Вдалеке расположились черные кратеры, что придавало ландшафту по-настоящему внеземной вид.

Склон впереди опускался к Зеил Ноя, известной своими кратерами. Там был разбит лагерь искателей. Марсоходы стояли, образовав круг, словно вереница крытых повозок. Майя поехала вниз по ухабистой дороге, достигнув лагеря только к вечеру. Ее приветствовала группа старых друзей-бедуинов, а также Надя, которая прибыла на место бурения в качестве консультанта. Они все были впечатлены сделанным открытием.

— Водоносный слой выходит за пределы кратера Проктор и, вероятно, достигает Кайзера, — заявила Надя. — Полагаю, он тянется далеко на юг, а значит, может быть дополнен водоносным слоем Южного Толуса. Хорошо бы точно определить его северные пределы!

— Конечно! — откликнулась Майя и начала набирать текст на наручной консоли, чтобы все выяснить.

Они говорили о воде во время ужина, лишь изредка прерываясь, чтобы обменяться другими новостями. Потом они разместились в марсоходе у Зейка и Назик и расслабились, поедая шербет, который Зейк передавал по кругу. Сам Зейк глядел в угли медной жаровни, на которой Назик два часа назад приготовила шиш-кебаб.

Беседа неизбежно скатилась к текущей ситуации. Майя повторила то, что она говорила Арту: дескать, им нужно раздуть ссору между наднациональными корпорациями на Земле и тогда все изменится, возможно, в их пользу.

— Нет! Тогда начнется мировая война, — оборвала ее Надя. — А если они продолжат свои склоки, это будет самая худшая из всех войн. — Она понурилась. — Но ведь есть же иной способ, правда?

— Нам не придется вмешиваться, чтобы все началось, — добавил Зейк. — Они уже на пути к открытому конфликту.

— Ты думаешь? — спросила Надя. — Наверное, тогда мы должны попытаться совершить переворот.

Зейк покачал головой.

— Это для них запасной выход. Можно заставить их бросить это место только силой.

— Насилие бывает разное, — заметила Надя. — Мы находимся на планете, где поверхность все еще убийственна для людей. Надо найти что-то на Марсе — в его недрах или на поверхности — и не стрелять в людей. Должны существовать новые методы ведения войны. Я говорила с Саксом, и он согласен.

Майя скрестила руки на груди, Зейк ухмыльнулся.

— Его оригинальные способы напоминают старые, насколько я могу судить! Он сбил линзу, и нам это понравилось! Что касается увода Деймоса с орбиты… тут я ничего не могу сказать. Но я понимаю мотивы Сакса. Он думал о будущем. Когда в дело вступают крылатые ракеты…

— Мы должны быть уверены, что до такого кошмара дело не дойдет, — произнесла Надя и нахмурилась.

У нее на лице появилось сердитое выражение, которое возникало всегда, когда она отстаивала свои идеи. Майя оторопела. Надя, революционный стратег… нет, такое невозможно! Конечно, Надя рассматривала это как защиту, словом, некий строительный проект. А может, так и было, просто строительный проект предназначался для другой среды.

— Тебе надо встретиться с людьми из Одессы, — предложила ей Майя. — В городе много последователей Ниргала.

Надя кивнула и потянулась за кочергой, чтобы сгрести угли в центр жаровни. Они смотрели на огонь, редкое зрелище на Марсе, но Зейк слишком любил пламя, чтобы отказаться от него насовсем. Тончайший слой серого пепла трепетал над помарсиански оранжевыми углями. Зейк и Назик тихо переговаривались между собой, размышляя вслух о ситуации с арабами на планете, которая, как всегда, оставалась сложной. Традиционалисты часто кочевали с караванами, добывая металлы, воду и находя ареотермальные точки. Они вели себя безобидно и не делали ничего, что могло бы выдать их как тех, кто стоял вне порядка наднациональных корпораций. Но они тоже чего-то ждали и были готовы действовать.

Надя сказала, что хочет спать, и когда она ушла, Майя нерешительно попросила:

— Расскажите мне о Чалмерсе.

Зейк смотрел на нее спокойно и бесстрастно.

— Что конкретно?

— Мне надо знать, был ли он причастен к убийству Буна.

Зейк недовольно поморщился.

— Тогда на Никосию опустилась непроглядная ночь, — пожаловался он. — Арабы без конца говорят про тот случай, и это начинает утомлять.

— И что они говорят?

Зейк покосился на Назик.

— Проблема в том, что они все твердят разные вещи, — вымолвила Назик. — Никто толком не представляет, что же произошло. Правда никому не известна.

— Но вы были в Никосии. Не молчите. Пожалуйста, расскажите о том, что вы видели.

Зейк смерил Майю пристальным взглядом.

— Ладно, — он вздохнул, собираясь с мыслями. Торжественно, словно свидетель под присягой, он произнес: — Мы собрались в Хаджр-аль-кра-Мешаб после всех ваших речей. Люди злились на Буна из-за слухов, будто он остановил строительство мечети на Фобосе, и его речь не убедила их в обратном. Нам никогда не нравилось марсианское сообщество, о котором он вещал. Мы продолжали возмущаться, а Фрэнк в тот момент как раз проходил мимо. Должен признаться, что при виде Фрэнка мы сразу воодушевились. Нам казалось, он единственный, кто мог выступить против Буна. Да, Фрэнк вдохновил нас и наполнил нас отвагой. Он проявлял неуважение к Джону

и шутил, а мы еще сильнее злились на Буна. Фрэнк был единственным крепким бастионом, противостоящим ему. Я обычно раздражался на Фрэнка, когда он лишь подзуживал молодежь. Селим аль-Хаиль и его друзья из ахадского крыла тоже были в Никосии. Они пребывали в ярости не только из-за Буна, но и из-за фетахского крыла. Дело в том, что ахады и фетахи расходились по множеству вопросов: панарабы против националистов, отношения с западом и с суфиями… в младшем поколении Братства накопилось столько спорных тем!

— Сунниты и шииты? — уточнила Майя.

— Нет. Скорее, либералы и консерваторы, когда либералы считают себя светским крылом, а консерваторы — религиозным, а не сунниты и шииты. И аль-Хаиль являлся лидером консерваторов, ахадов. Он был в караване, с которым Фрэнк путешествовал тогда. Они частенько разговаривали, и Фрэнк прямо вгрызался в него, как он умел, до тех пор, пока не чувствовал, что понимает тебя или понимает твою партию.

Майя медленно кивнула. Да, он был именно таким.

— В общем, той ночью аль-Хаиль начал говорить с Фрэнком, но резко замолчал, когда Фрэнк

зло посмотрел на него. Затем Фрэнк куда-то исчез, ну а аль-Хаиль ушел почти сразу после него.

Зейк замолчал и глотнул кофе.

— Это был последний раз, когда я видел их обоих вместе в ту ночь. А перед убийством Буна все стало совсем безобразно. Кто-то вырезал призывы на окнах Медины. Крыло ахадов решило, что это сделали фетахи, и напало на них. Они начали драться по всему городу, они сцепились даже с бригадами американских строителей. Случилось что-то нехорошее. Были и другие стычки. Казалось, что все вдруг обезумели.

— Я это помню.

— Мы поняли, что Бун пропал, и пошли к Сирийским воротам, проверяя коды на шлюзах, чтобы узнать, не покидал ли кто-нибудь Никосию. Мы обнаружили, что кто-то вышел и не вернулся, поэтому собирались отправиться на поиски, когда услышали новости о Буне. Мы оцепенели, а затем кинулись в Медину, где собрались все, и каждый кричал нам, что это правда. Я примерно полчаса продирался сквозь толпу, чтобы попасть в госпиталь. Я видел его. Ты тоже была там.

— Я забыла.

— Поверь, я видел тебя. А вот Фрэнк… он к тому времени уже ушел. Я взглянул на Буна и побежал

наружу. Я сказал остальным, что это действительно правда. Даже ахады впали в ступор. Помню, что я заметил Назира, Агейла, Абдуллу…

— Верно, — подтвердила Назик.

— Но аль-Хаиля, Рашида Абу и Буланда Бессейсо не было с нами. Мы вернулись в дом, выходящий на Мешаб, когда в дверь забарабанили. Мы ее открыли, и аль-Хаиль ввалился в комнату. Ему было очень плохо, он потел, затем его вырвало, кожа у него горела и пошла пятнами. У него начались судороги, и он едва мог говорить. Мы провели его в ванную комнату, но ему становилось хуже с каждой минутой. Мы позвали Юсуфа и попытались переправить Селима в клинику в нашем караване, когда он остановил нас. Он прошептал: «Они убили нас». Мы спросили, о чем он, и он ответил: «Чалмерс».

— Он так сказал? — требовательно произнесла Майя.

— Я спросил: «Кто это сделал?» — и он ответил: «Чалмерс».

И будто издалека Майя услышала голос Назик:

— Но было кое-что еще.

Зейк склонил голову.

— Я спросил: «Что ты имеешь в виду?» — и он ответил «Чалмерс убил меня. Чалмерс и Бун». Он

выплевывал это слово за словом. Он сказал: «Мы планировали убить Буна». Назик и я застонали, а Селим схватил меня за руку. — Зейк протянул обе руки, как будто схватился за невидимую руку. — «Он собирался вышвырнуть нас с Марса». Я никогда не забуду, как он это сказал. Он верил, что Бун каким-то образом собирался отправить нас восвояси.

Зейк скептически поджал губы.

— А дальше?

— Он… — Зейк тяжело вздохнул. — У него начались припадки. Сначала парализовало горло, а потом и тело… — Он сцепил пальцы. — Он перестал дышать. Мы пытались реанимировать его, но тщетно. Я не знал, что делать… Трахеотомия? Искусственное дыхание? Лекарства от паралича? — Зейк пожал плечами. — Он умер у меня на руках.

Воцарилась тишина. Майя смотрела на Зейка, погруженного в воспоминания. Прошло более полувека с той ночи в Никосии, а Зейк уже был стар тогда.

— У тебя потрясающая память, — произнесла Майя. — А у меня почти все вылетело из головы…

— Я не забыл ни единой детали, — мрачно про-

говорил Зейк.

— У него есть иная проблема, — тревожно заметила Назик. — Он слишком много помнит. Он плохо спит.

— Хм, — пробормотал Майя. — А что насчет двух остальных?

Зейк встрепенулся.

— Не могу говорить с уверенностью. Мы с Назик возились с Селимом остаток ночи. Были споры по поводу того, что делать с телом. Или забрать его в караван и скрыть случившееся, или немедленно привлечь власти.

«Или пойти к властям с трупом убийцы», — подумала Майя, рассматривая настороженное лицо Зейка.

Возможно, тогда он тоже спорил, а теперь говорил о том событии несколько иначе.

— Я не знаю, что произошло. Мне не удалось выяснить. Ахады и фетахи, и Юсуф… в общем, многие слышали, что сказал Селим. Это могли быть их враги, друзья, они сами. Они умерли позже той ночью, в комнате Медины. Из-за коагулянтов.

Зейк умолк, наполнил свою чашку кофе и жестом предложил крепчайший напиток Назик и Майе. Они отказались.

— И это было только начало, — продолжил Зейк. — Вот за что я могу ручаться. Ха! — Он невесело усмехнулся. — Доводы, домыслы, теории заговоров самого разного толка! Как банально, да? Никого не убивают просто так. Со времен вашего Кеннеди, вопрос в том, сколько историй можно придумать, чтобы интерпретировать набор фактов. В этом вся суть — главное удовольствие теорий заговора: не в правдивом объяснении, а в историях. Сказки Шахерезады!

— Ты не веришь ни в одну из них? — с внезапной надеждой спросила Майя.

— Не верю. У меня нет причин. Ахады и фетахи конфликтовали, а Фрэнк и Селим были как-то связаны. Вот что повлияло на события в Никосии… дурно повлияло… — Зейк пригубил кофе. — Я ничего не знаю, как и остальные. Прошлое… Аллах прости меня, но годы, как демоны, мучают меня ночами.

— Мне жаль.

Майя встала. Ярко освещенная кабина марсохода вдруг показалась ей тесным и кровавым застенком. Посмотрев на проблеск звезд за окном, она буркнула:

— Хочу прогуляться.

Зейк и Назик кивнули. Назик помогла ей на-

деть шлем.

— Не задерживайся, — посоветовала она Майе.

Небо было опутано привычной зрелищной россыпью звезд, с розовато-лиловой дугой на западном горизонте. Горы Геллеспонт возвышались на востоке, отблески окрашивали их пики в пурпурный цвет, врезающийся в индигово-лиловый. Цвета были настолько чистыми, что линия перехода как будто вибрировала.

Майя плелась к обнаженной породе примерно в километре от нее. В трещинах под ногами что-то росло, лишайник или кудрявая коллибия, вся зелень казалась черной. Иногда она ступала на камни. Растениям и так несладко приходилось на Марсе, чтобы еще давить их. И они, и люди уже достаточно настрадались… Прохлада сумерек становилась ощутимой, но не пугала ее: она чувствовала перекрестье нагревающих волокон на коленях при каждом шаге. Она брела вперед, моргая, чтобы прояснить взгляд. Над головой мерцали звезды. Где-то на севере лежал Фрэнк Чалмерс, погребенный под толщей льда и осадочной породы. Легкий скафандр служил ему гробом. Погиб, спасая остальных от потока. Хотя сам он всем сердцем презирал бы столь пафосную формулировку. Он бы настаивал на том, что

это несчастный случай, неверно рассчитанное время. А людей он спас лишь благодаря тому, что в нем было больше сил, чем в ком бы то ни было, — ведь он питал их собственной ненавистью. А на кого же он злился? На Майю, на Джона, на УДМ ООН и на всю Землю в придачу. На бывшую жену и на своего отца, на мать и на себя самого.

На целую вселенную.

Да, на Земле, оказывается, однажды родился самый злой человек из всех когда-либо живущих. Ее любовник. И убийца ее второго любовника — ее вечной любви — Джона Буна. Джон мог бы спасти их всех и стать ее вечным партнером. Навсегда. А она натравила их друг на друга.

Небо стало звездно-черным, и только на западе тлела темно-багровая полоса. Слезы иссякли вместе с чувствами. Ничего не осталось, кроме черного мира с горькой багровой раной, кровоточащей в ночи.

Некоторые вещи нужно забыть. *Шиката га най.*

Вернувшись в Одессу, Майя сделала единственное, что она могла, — старательно стерла рассказ Зейка из своей памяти и погрузилась в работу над проектом «Эллада». Она проводила долгие часы в офисе, сидела над отчетами и отправляла команды рабочих в различные места для бурения и для строительства. С открытием западного водоносного слоя экспедиции искателей воды стали не так актуальны, больше внимания уделялось отведению и выкачиванию уже найденных водоносных слоев, а также строительству инфраструктуры поселений на ободе. Бурильные отряды двигались за поисковыми, а за ними шли прокладчики труб. Команды, устанавливающие купола, трудились на всем протяжении круговой магистрали и даже выше в каньоне Реул за Хармахисом, где они помогали суфиям справиться с сильно разрушенной стеной каньона. Эмигранты прибывали в космопорт между Дао и Хармахисом и сразу направлялись в верхнюю часть Дао, где вместе с уроженцами Марса преобразовывали Хармахис-Реул и устанавливали совершенно новый купол вдоль его края. Это изощренное упражнение в логистике было частью старой

мечты Майи о развитии Эллады, но теперь, когда почти все воплощалось в реальность, Майя чувствовала странное напряжение. Она уже не была уверена, чего она хочет для Эллады, для Марса или для себя. Иногда подступали спасительные смены настроения, а в месяцы после визита к Зейку и Назик — хотя она и не сопоставляла эти события между собой — резкие колебания от восторга до отчаяния, с равнодушием посередине. В такие часы Майя пребывала в мрачном настроении, не зная, куда качнется маятник ее мозга в следующий раз.

Она часто срывалась на Мишеля. Ее раздражало его спокойствие, и она обвиняла его в неискренности. Ей казалось, что его пресловутая гармония с окружающим миром не стоит и ломаного гроша. Неужели годы, проведенные с Хироко, ответили на все его вопросы?

— Это ты виноват, — говорила она ему с нажимом, надеясь на ответную реакцию. — Ты ушел, когда я нуждалась в тебе. Ты не сделал свою работу!

Мишель не обращал внимания на ее вспышки гнева и разговаривал с ней как с ребенком, пока она не выдыхалась и не умолкала.

Он перестал быть ее терапевтом, он давно стал

ее любовником, а если ты не можешь разозлить любовника, то какой вообще в этом смысл? Майя видела ужасное положение, в которое ставила себя, когда ее партнер одновременно являлся ее терапевтом: объективный взгляд, тихий голос Мишеля и его профессиональная манера сохранять дистанцию порой коробили ее. Невыносимо было находиться под судом стороннего наблюдателя, который был выше всего этого и у которого не было ни проблем, ни душераздирающих неконтролируемых эмоций. Ей хотелось опровергнуть его терапевтическую логику и разрушить его принципы.

Однажды она не выдержала и заорала:

— Я убила их обоих! Я загнала их в ловушку, чтобы они сцепились между собой! Мне нужна была власть над ними! Я сделала это специально, а от тебя не было никакого проку! Поэтому ты тоже виноват!

Он бормотал что-то, начиная испытывать беспокойство. Наверное, он понимал, что вскоре разыграется шторм, такой же, как тот, который приходил в бассейн через горы Геллеспонт. Она засмеялась и дала ему пощечину, а когда он попятился, сильно толкнула его.

— Давай, трус, защищайся! — кричала она, пока

он не убежал на балкон и держал дверь закрытой, упершись в нее пяткой.

Он отвернулся от нее, смотрел на деревья и изрыгал проклятия на французском, пока она яростно колотила в дверь. Наконец она разбила оконное стекло, и осколки градом посыпалось у него за спиной, он рванул дверь на себя, все еще глухо ругаясь по-французски, а она вытолкала его вон.

Но обычно он просто ждал, когда она устанет и разрыдается, и тогда он начинал говорить с ней по-английски, что означало вернувшееся к нему спокойствие. А чуть позже, со слегка раздраженным видом, он начинал очередную терапевтическую сессию.

— Смотри, — пояснял он, — мы все тогда находились под огромным давлением, осознавали мы это или нет. Мы оказались, если можно так выразиться, в искусственной и очень опасной ситуации. Имелись сотни вариантов, при которых мы все могли погибнуть. Мы должны были добиться успеха. Некоторые из нас справлялись с напряжением лучше прочих. Я справлялся не так уж хорошо, как и ты. Но мы уцелели. И давление никуда не делось, что-то поменялось, но что-то осталось прежним. Но, если хочешь знать

мое мнение, сейчас мы справляемся лучше. По большей части.

Затем он выходил из дома, сидел в кафе у обрыва и час или два нянчил рюмку с бальзамом из черной смородины, рисовал на планшете силуэты лиц, едкие карикатуры, которые стирал тотчас по завершении. Иногда Майя присоединялась к нему и угрюмо сидела рядом с рюмкой водки в руке. Как бы объяснить ему, что иногда ей и впрямь помогала терапия и она снова начинала чувствовать подъем? Какие слова найти, чтобы не получить в ответ слабое сардоническое пожатие плечами, унылое и подавленное?

Хотя он все и так знал. И прощал.

— Ты любила их обоих, — говорил он, — но по-разному. Но тебе в них кое-что не нравилось. Но, что бы ты ни делала, ты не можешь нести ответственности за их поступки. Это был их выбор, ты являлась лишь фактором.

Ей становилось легче, когда она слышала это. И она продолжала сражаться. Все будет хорошо. Ей станет легче на пару недель или, по крайней мере, на несколько дней. Прошлое было истрепано, продырявлено. В ее голове трепыхался разрозненный набор образов, но в конце концов она забудет те годы навсегда. Хотя самые прочные

воспоминания наверняка останутся, потому что они скреплены болью и раскаянием. Чтобы забыть их, понадобится больше времени, даже если они так разрушительны, болезненны и столь бесполезны. Да! Они бесполезны.

Лучше сосредоточиться на настоящем.

Думая об этом как-то раз днем, она долго смотрела на фото юного Фрэнка у раковины. Ей казалось, что надо снять и выбросить его снимок. Убийца. Надо сосредоточиться на настоящем. Но ведь у нее тоже руки в крови. Именно она и подтолкнула Фрэнка к убийству. Если кто-нибудь кого-нибудь вообще к чему-то подталкивает. В любом случае они стали соучастниками. Поразмышляв еще немного, она решила не трогать фото.

Прошло несколько месяцев. Она давно привыкла к марсианской смене дней и ночей. Недели сливались воедино, и шестимесячные сезоны стали обыденностью. Ну а фотография Фрэнка постепенно превратилась в важную деталь обстановки, вроде подставки для каминных щипцов, или деревянных лопаток, или медно-донных кастрюль и сковородок, или кораблика под парусами с солонкой и перечницей. Порой ей казалось, что она находится не в своей квартире, а на сцене, где все подготовлено для нового

акта пьесы. И какой бы постоянной она ни была, однажды ее снесет, она исчезнет полностью, как исчезли все прошлые сцены, когда она шла к очередной реинкарнации. Или нет?

В марсианском году было двадцать четыре месяца. Первое число часто приходилось на понедельник, а затем наступал следующий месяц — все с тем же извечным понедельником. Иногда Майя думала, что это цифра зафиксирована там навсегда. Правда, после длительной, почти бесконечной трети марсианского года начинался другой сезон и другой месяц, Он состоял из двадцати семи дней, и его первое число падало на воскресенье! Через какое-то время эти воскресенья тоже казались вечной нормой, и так продолжалось месяц за месяцем, а марсианский год делал свой медленный оборот.

Она знала, что за пределами Эллады открыли еще несколько значительных водоносных слоев, и все усилия полностью переключились на их разработку. Швейцарцы создали так называемый «ходячий трубопровод», сделанный специально для Эллады и для областей Великой Северной равнины. Хитроумные швейцарские приспособления равномерно распределяли подземную влагу по поверхности, и можно было покрыть

основание бассейна, не создавая ледяных гор прямо у выходов водопроводов, как предполагалось изначально.

Майя отправилась с Дианой, чтобы самой посмотреть на одну из этих труб в действии. С дирижабля, парящего над конструкцией, трубы были поразительно похожи на лежащие на земле садовые шланги, извивающиеся туда-сюда под высоким давлением разбрызгиваемой воды.

На земле все было еще более впечатляющим, даже странным. Трубопровод был огромным и величественно перекатывался по слою гладкого распределенного льда, приподнятый над ним на пару метров приземистыми пилонами, оканчивавшимися большими лыжами понтонов. Трубопровод передвигался вперед со скоростью в несколько километров в час благодаря давлению воды, извергаемой из сопел. Сама же вода направлялась в конструкции под разными углами, регулируемыми компьютером. Когда трубопровод соскальзывал до крайней точки своего изгиба, двигатели поворачивали сопла, а он притормаживал и менял направление.

Вода била из сопел толстыми белыми струями, изгибаясь и расплескиваясь по поверхности брызгами красной пыли и белых морозных струй.

Затем вода текла по земле большими грязными потоками, замедляясь, собираясь в лужи, успокаиваясь, затем светлея и медленно превращаясь в лед. Однако это был не чистейший лед. Питательные вещества и нити некоторых бактерий добавлялись в воду из биорезервуаров, расположенных за береговой линией. У нового льда был молочно-розовый оттенок, и таял он довольно-таки быстро. Расширяющиеся лужи талой воды, на самом деле — многокилометровые мелкие озера часто образовывались летом, солнечной весной и осенью. Гидрологи сообщали о больших тающих озерах под поверхностью льда. Температура по всему Марсу продолжала расти, и поскольку слой льда на поверхности бассейна становился толще, нижние слои, очевидно, таяли под давлением. Огромные пласты льда над тающими зонами скользили вниз даже при легчайшем наклоне. Они трещали, грохотали и скапливались в гигантские разбитые груды по всему пространству самой глубокой точки бассейна, в участках, превратившихся в фантастические пустоши сдавленных хребтов, сераков и озер. Растаявший лед вновь замерзал каждую ночь, и вскоре бассейн превратился в невообразимо раздробленный хаос.

По такой поверхности невозможно было передвигаться. Тем не менее оставался единственный реальный способ наблюдения — с воздуха.

Однажды осенью сорок восьмого М-года Майя решила присоединиться к Диане, Рэйчел и их друзьям, дабы отправиться в поездку к поселению на возвышенности в центре Эллады. Его успели назвать Остров Минус Один, хотя он еще не являлся полноценным островом, поскольку Дорса Зеа еще не была покрыта водой (хотя ее собирались затопить в ближайшие дни). Диана и другие гидрологи офиса заявили, что надо взглянуть на историческое событие, и Майя с ними согласилась.

Как раз перед планируемым отъездом в их с Мишелем апартаментах появился Сакс собственной персоной. Он ехал из Сабиси в Вишняк и решил повидаться с Мишелем. Майя обрадовалась, узнав, что скоро уедет и ее не будет в городе во время его, безусловно, короткого визита. Ей до сих пор было неприятно находиться рядом с Саксом, и чувства, вероятно, были взаимны. Он по-прежнему избегал смотреть ей в глаза и говорил только с Мишелем и Спенсером. Ну и пусть! Конечно, Спенсер и Мишель постоянно общались с Саксом во время его реабилитации, но все равно

это выводило ее из себя.

Когда он услышал о ее приближающейся поездке на Минус Один и спросил, может ли присоединиться, Майя скривилась. Но Мишель бросил на нее умоляющий взгляд, острый, словно молния, и Спенсер быстро спросил, может ли он тоже присоединиться, без сомнения, для того чтобы она не спихнула Сакса с дирижабля. И она раздраженно кивнула.

В общем, спустя три дня они отправились в путь со Стефаном Линдхольмом и Джорджем Джексоном — стариками, которых Майя не потрудилась представить прочим, заметив, что Диана, Рэйчел, Франц и остальные, конечно же, в курсе.

Молодежь угрюмо наблюдала, как они взбирались по ступенькам гондолы дирижабля, и Майя раздраженно поджала губы. С Саксом поездка обещала стать совершенно другой.

Полет из Одессы на Минус Один занял около суток. Дирижабль был меньше, чем стрелоголовые гиганты прошлых лет. Это было судно в форме сигары, носившее имя «Три бриллианта», и гондола, служившая килем, была длинной и вместительной. Мощные сверхлегкие пропеллеры помогали дирижаблю сопротивляться сильным марсианским ветрам. Но Майе по-прежнему казалось,

что судно дрейфует, едва слушаясь руля, гудение моторов было практически не различимо в завываниях западного циклона. Повернувшись спиной к Саксу, она прошла к окну и посмотрела вниз.

С первых минут подъема вид из окна был фантастическим, поскольку Одесса под своим куполом на северном склоне представляла собой симпатичное зрелище из листьев и черепицы. А через пару часов полета на юго-восток ледяная равнина бассейна покрыла практически все видимое пространство, как будто они летели над Арктикой или над ледяным миром.

Они находились на высоте приблизительно в несколько тысяч метров. Дирижабль летел со скоростью пятьдесят километров в час. Раздробленный пейзаж под ними повсюду был грязно-белым и кое-где испятнан растопленным льдом цвета пурпурного неба, вдруг вспыхивающего серебром, когда в нем отражалось солнце. Какое-то время на западе был отчетливо виден спиральный узор полыньи, длинные черные изогнутые полосы открытой воды, обозначающие расположение затопленного мохола Лоу-Пойнт.

На закате лед превратился в мешанину из розового и оранжевого цветов. Он сиял, будто

слоновая кость, и был перечеркнут размашистыми черными тенями. А дирижабль все летел под звездами, над светящейся растрескавшейся белизной. Майя беспокойно спала на скамейке под окном и проснулась до рассвета, ставшего еще очередным чудом цвета: пурпур в небе оказался гораздо темнее розового льда. При такой инверсии мир казался просто ирреальным.

После полудня они снова увидели землю. Над горизонтом парили овальные холмы цвета охры, поднимающиеся прямо изо льда. Каждый достигал сотни километров в длину и пятьдесят — в ширину. Это был Элладский эквивалент центральной возвышенности, встречающейся на дне средних размеров кратеров. Холмы оставались недосягаемы для планируемого уровня воды, обещая будущему морю довольно-таки весомый центральный остров.

На этом этапе поселение Минус Один в северо-западной точке высокогорья выглядело очень скромно. Здесь находились взлетно-посадочные полосы и стартовые площадки для ракет с ощетинившимися шестами для дирижаблей, возле которых притулились маленькие зданьица. Некоторые располагались под временными куполами, другие стояли отдельно, ничем не укрытые,

как бетонные блоки, сброшенные с неба. Там никто не жил, лишь хранилось техническое и научное оборудование. Хотя проезжавшие мимо ареологи порой ночевали в них.

«Три бриллианта» развернулся и пришвартовался к одному из шестов, после чего его притянули к земле. Пассажиры покинули гондолу по телескопическому трапу, и станционный служащий показал им аэропорт и жилые районы.

После заурядного обеда в столовой поселка они оделись и вышли наружу, побродили между хозяйственных построек, а затем спустились вниз, к месту, которое один из поселенцев назвал будущей береговой линией.

Они с удивлением обнаружили, что отсюда пока не видно никакого льда. Вплоть до горизонта, расположенного примерно километрах в семи, это была просто низкая песчаная равнина, усыпанная камнями.

Майя бесцельно шагала за Дианой и Францем, у которых, кажется, завязывался роман. Рядом с ними шла пара местных, которые жили на станции, оба — младше Дианы, они страстно держались за руки. Они были выше двух метров ростом, но не такими гибкими и подвижными, как большинство рожденных на Марсе: эта па-

ра работала с тяжелыми весами, накачавшись так, что теперь у них были пропорции земных тяжелоатлетов, несмотря на их высокий рост. Это были огромные люди, но все же очень легконогие, они будто танцевали на рассыпанных по пустому берегу камнях. Майя смотрела на них, удивляясь этому новому виду. За ее спиной шагали Сакс и Спенсер, она даже что-то сказала об этом по старой привычке первой сотни. Но Спенсер лишь ответил что-то по поводу генотипа и фенотипа, а Сакс проигнорировал замечание, свернув вниз по склону равнины.

Спенсер пошел с ним, Майя побрела следом, медленно передвигаясь между всеми новыми видами растительности. В песке между разбросанных камней произрастали пучки травы, а также низкие цветущие растения, сорняки, кактусы, кусты и даже какие-то искривленные деревья, приткнувшиеся у края камней. Сакс бродил вокруг, ступая очень осторожно, нагибаясь, чтобы осмотреть растения, и распрямлялся с отсутствующим взглядом, словно кровь отлила от его головы, пока он нагибался. Может быть, так выглядел удивленный Сакс — зрелище, которого Майя, кажется, не видела раньше. Она остановилась оглянуться. И в самом деле,

было удивительно обнаружить такую процветающую жизнь — тут никто никогда ничего не высаживал. Хотя, возможно, это сделали ученые, останавливавшиеся в аэропорту. А бассейн был низким, теплым и влажным… Молодые марсиане выше по склону танцевали над ним, изящно избегая растений и не обращая на них никакого внимания.

Сакс остановился перед Спенсером и запрокинул шлем так, чтобы смотреть прямо в лицевую панель собеседника.

— Все эти растения будут затоплены, — сказал он с любопытством, будто задавая вопрос.

— Верно, — ответил Спенсер.

Сакс бросил быстрый взгляд на Майю. Его спрятанные в перчатки пальцы подергивались в возбуждении. Он что, обвинял ее теперь и в убийстве растений?

— Но органика поможет поддержать будущую водную жизнь, верно? — добавил Спенсер.

Но Сакс едва ли смотрел вокруг. Майя заметила, как он морщится, глядя мимо нее, будто испытывает боль. Затем он снова забрел в сложный гобелен камней и растений. Спенсер поймал взгляд Майи и поднял защищенные перчатками ладони, как будто извиняясь за то, что Сакс ее

игнорирует. Майя развернулась и принялась взбираться вверх по склону.

Наконец вся группа пошла вверх по закручивающемуся спиралью хребту, за береговую линию, к возвышенности к северу от станции, где было достаточно высоко, чтобы увидеть лед вплоть до западного горизонта. Аэропорт лежал под ними, напоминая Майе Андерхилл или антарктическую станцию — планируемый будущий город на острове, который должен был скоро появиться. Молодежь, грациозно ступая по камням, рассуждала о том, каким будет этот город. Они были уверены, что он станет курортом на берегу моря. Каждый гектар земли будет застроен или занят садами. Вокруг обоснуются лодочные пристани в подходящих углублениях берега, с пальмовыми деревьями, пляжами, беседками… Майя закрыла глаза и попыталась представить то, что описывала молодежь, открыла глаза снова, чтобы увидеть камни, песок и маленькие захудалые растения. В голову ничего не шло. Что бы ни принесло будущее, для нее это будет сюрпризом, она не могла сформировать новый образ, своего рода жамевю, давящее на настоящее. Внезапное предчувствие накрыло ее, и она постаралась сбросить его. Никто не мог представить себе

будущее. Пустота в ее разуме ничего не значила, она была нормальна. Только присутствие Сакса беспокоило ее, напоминало о том, о чем она не могла позволить себе думать. Нет, пустое будущее было благословением. Свобода от дежавю. Невероятное благословение.

Сакс шел позади нее, глядя вниз, на бассейн под ними.

На следующий день они вновь взобрались на «Три бриллианта», поднялись в небо и поплыли на юго-запад, пока капитан не бросил якорь к западу от Дорсы Зеа. Прошло уже довольно много времени с предыдущего визита Майи в эти места, и теперь хребты стали тонкими каменными полуостровами, простирающимися далеко в изломанный лед к острову Минус Один и один за другим исчезающими подо льдом. Только самый большой полуостров все еще представлял собой неразбитый хребет, разделяющий две шероховатые ледяные массы. Западная оконечность была явно на двести метров ниже восточной. Это, по словам Дианы, была последняя линия земли, соединяющая Минус Один и обод бассейна. Когда этот перешеек будет затоплен, центральная возвышенность станет настоящим островом.

Ледяная масса на восточной оконечности

оставшейся дорсы была близка к линии хребта. Капитан дирижабля выпустил еще якорного троса, и они поплыли по ветру на восток, пока не оказались прямо за хребтом, где ясно увидели, что лишь несколько метров камня не затоплено. На восток уходила линия «бродячего трубопровода» — синий шланг медленно скользил туда-сюда на своих лыжах-пилонах, и из сопел разбрызгивалась на лед вода. Под гудение пропеллеров они слышали снизу внезапный треск и стон, приглушенные удары и звуки, похожие на звук выстрела. Диана объяснила, что подо льдом была вода и вес новой воды на поверхности приводил к тому, что некоторые участки льда царапали едва затопленную дорсу. Капитан указал на юг, и Майя увидела линию айсбергов, взлетевшую в воздух, словно подброшенную взрывом по дуге в разные стороны и снова упавшую на лед и разбившуюся на тысячу кусков.

— Нам, вероятно, стоит чуть сдать назад, — пояснил капитан. — Для моей репутации будет лучше, если нас не собьет куском айсберга.

Сопло бродячего трубопровода развернулось в их сторону, а затем с легким сейсмическим ревом последний оставшийся хребет был затоплен. Бурный поток воды побежал по камням и скатился

по западному склону водопадом в двести метров высотой, который обрушивался вниз пышной белой пеленой. В окружении огромного ледяного мира, простирающегося от горизонта до горизонта, это была всего лишь струйка, но она упорно лилась. Вода на восточной стороне теперь струилась по каналам, водопады грохотали, а вода на западе растекалась сквозь треснувший лед сотней потоков. Волосы на затылке Майи встали дыбом. Она подумала, что, наверное, причиной тому были воспоминания о наводнении в долине Маринер, но сказать точно уже не могла.

Постепенно шум водопада стих, а через час он замедлился и совсем замерз, по крайней мере — на поверхности. Несмотря на солнечный осенний день, снаружи было восемнадцать градусов ниже точки замерзания воды, и череда изорванных кучевых облаков приближалась с запада, обозначая холодный фронт.

Водопад наконец-то успокоился, но оставил за собой свежую стену льда, покрывшего камень тысячью гладких белых трубок. Хребет превратился в два несмыкающихся выступа, как и прочие хребты Дорсы Зеа, погруженные в лед, словно ряд одинаковых ребер или полуостровов.

Море Эллады превратило Минус Один в насто-

ящий остров.

После этого круговые поездки на поезде и различные перелеты над Элладой уже воспринимались Майей иначе. Она считала переплетенную сеть ледников в равнине новым морем, поднимающимся и наполняющим гигантский бассейн. А вода под ледяной поверхностью рядом с Лоу-Пойнтом прорывалась наружу весной и летом и замерзала осенью и зимой. Сильные ветры поднимали волны в полыньях, которые иногда разбивали лед, создавая крупные участки обломков — те так оглушительно трещали, громоздясь друг на друга, что разговаривать в дирижабле над ними было весьма затруднительно.

В сорок девятый М-год уровень потоков из всех откачиваемых водоносных слоев достиг максимума, вливая совокупно две с половиной тысячи кубических метров воды в море в день. При данных показателях вода должна была достигнуть километровой отметки через шесть марсианских лет. Для Майи это был совсем короткий срок, особенно, когда они могли наблюдать прогресс своими глазами — с гондолы дирижабля. Зимой суровые бури, сходившие с гор, покрывали дно бассейна сверкающим белым снегом, весной он таял, но новый край ледяного моря подходил

ближе, чем он был прошлой осенью.

В северном полушарии дела тоже обстояли неплохо, как было ясно из новостей. Кроме того, Майя сама частенько ездила в Берроуз и могла наблюдать за постоянными изменениями ландшафта. Северные дюны Великой Северной равнины затапливались, а водоносные слои под равниной и в районе полярной шапки безостановочно выкачивались буровыми установками, так что вода поднимались все выше по мере того, как внизу скапливался лед. Летом с тающей полярной шапки стекали вниз широкие реки, прорезавшие каналы в слоистом песке и стремившиеся влиться в ледяное море. Через пару месяцев после того, как Минус Один стал островом, в новостях показали кусок земли Великой Северной равнины, исчезающий под потоком, идущим сразу с запада, востока и севера. Вероятно, это было последнее соединительное звено между ледяными языками, и теперь на севере появилось море, закольцованное вокруг полушария. Конечно же, оно было частично замерзшим и покрывало лишь половину суши между шестнадцатой и семнадцатой широтой, но Майя видела фотографии со спутников. Невероятно, но в том регионе уже были огромные ледяные заливы,

простиравшиеся прямо к югу — в глубокие впадины Хриса и Исиды!

Затопление оставшейся части Великой Северной равнины заняло бы еще двадцать марсианских лет, поскольку воды там требовалось побольше, чем для Эллады. Но и откачивали там тоже больше, процесс шел быстро, и подрывная деятельность Красных едва ли могла сказаться на результате. Даже участившиеся случаи саботажа и экотажа не могли помешать работе, поскольку новые внедрявшиеся методы добычи были гораздо радикальнее и эффективнее. По новостным каналам рассказывали об этих последних методах, которые включали в себя ряд мощнейших подземных термоядерных взрывов. Они растапливали вечную мерзлоту, обеспечивая насосы изрядным количеством воды. На поверхности взрывы отдавались внезапным сотрясением льда, что превращало айсберги в пенящуюся кашу. Поверхность превращалась в ледяную корку, под которой плескалась вода. Точно такие же взрывы под северной полярной шапкой служили причиной наводнений практически столь же сильных, как и 61-м году. И весь поток воды стекал вниз, в Великую Северную равнину!

В офисе Одессы они следили за работой кол-

лег с профессиональным интересом. Последнее распределение кубометров подземной воды вдохновило инженеров Великой Северной равнины установить конечный уровень воды ближе к собственно нулевой отметке — показателя, установленного еще в эпоху небесной ареологии. Диана и прочие гидрологи из «Дип-Уотерс» считали, что понижение уровня суши в Северной равнине, несомненно, приведет к снижению уровня моря ниже нулевой отметки. Но в северном полушарии были уверены, что и это принято во внимание и они достигнут желаемого результата.

Игра с различными уровнями моря на карте искина в офисе дала понять, какова в итоге будет форма будущего океана. Во многих частях Большой Уступ сформирует его южную береговую линию. Иногда это значило легкий склон, архипелаги — там, где поверхность будет размыта, и кое-где — отвесные прибрежные скалы. Дыры кратеров послужат хорошими заливами. Массив Элизия станет отдельным континентом, как и остатки полярной шапки — участки земли под ней частично поднимались над нулевой отметкой.

Вне зависимости от того, какой уровень моря

они выбирали для отображения на картах, южный рукав океана покрывал равнину Исиды, которая располагалась ниже Великой Северной равнины. Но и в нее тоже вкачивались водоносные слои, поэтому древняя суша превращалась в залив, а строители уже возводили дамбу вокруг Берроуза. Город был расположен достаточно близко к Большому Уступу, и его уровень оказался ниже нулевой отметки. Подобно Одессе, в будущем он превратится в морской порт океана, окольцовывающего мир.

Плотина, которую возводили вокруг Берроуза, достигала двухсот метров в высоту и триста — в ширину. Майю раздражала идея дамбы для защиты города, хотя судя по спутниковым снимкам, то был очередной параноидальный монумент. Массивная дамба тянулась в форме подковы, упираясь обеими концами в склоны Большого Уступа, и была поистине исполинской. Кое-кто уже хотел построить прямо на ней фешенебельный район Лидо, в водной части которого располагались бы причалы для частных лодок. Но Майя помнила, как однажды она стояла на дамбе в Голландии, когда земля по одну ее руку была ниже, чем Северное море — по другую. Это сильно сбивало с толку, похлеще, чем невесомость.

Кстати, согласно сухой сводке земных новостей, все дамбы в данный момент находились под давлением медленно повышающегося уровня моря, вызванного глобальным потеплением, начавшимся два века назад. Данная проблема ставила под угрозу некоторые регионы Земли, а Северный океан Марса только за ближайшие десять лет должен был подняться на целый километр! Кто мог быть уверен, что им удастся точно отрегулировать его конечный уровень, чтобы такой защиты оказалось достаточно? Майя очень беспокоилась по этому поводу, хотя, конечно же, они пытались сделать то же самое в Элладе и собирались достичь успеха. И они выбивались из сил, поскольку расположение Одессы давало мало пространства для маневров. Но гидрологи говорили о том, чтобы использовать прорезанный воздушной линзой канал в качестве отводного пути в Северный океан, если нечто подобное им когда-нибудь понадобится. Для них это было неплохим решением, а вот у Северного океана такого выхода не было.

— Они всегда могут откачать избыток в бассейн Аргира, — заявила Диана.

На Земле бунты, поджоги и диверсии стали повседневным оружием тех, кто не получал ан-

тивозрастной терапии, — смертных, как их еще называли. Вокруг мегаполисов вырастали стены, укрепленные пригороды. Те, кто получил терапию, могли жить в своих крепостях, используя видеосвязь, портативные генераторы, продукты из теплиц и кислород из воздушных фильтров. Фактически такие укрытия были аналогами городов под куполами на Марсе.

Однажды вечером, устав от Мишеля и Спенсера, Майя вышла, чтобы поесть в одиночестве. Все чаще она ощущала страстное желание побыть одной. Она направилась к угловому кафе у пешеходной дорожки с видом на обрывистый берег, села за столик снаружи и заказала итальянскую закуску и спагетти. Вокруг шумели деревья, увитые световыми гирляндами. Отвлеченно ела, попивая кьянти, и слушала местную музыкальную группу. Солист прижимал к груди что-то вроде аккордеона, только кнопочного, инструмент назывался бандонеон, остальные играли на скрипке, гитаре, пианино и контрабасе. Высохшие старики примерно ее возраста бесшабашно развлекались живой хмельной музыкой ярких меланхоличных напевов: цыганские песни, танго, забавные мелодии, которые они, кажется, придумывали на месте… Когда она поела, то еще

долго сидела за столиком, слушала музыку и качала бокал вина. Потом она попросила кофе и стала наблюдать за другими обедающими, за листьями над головой, далекой ледяной шапкой за краем обрыва, тучами, собирающимися над Геллеспонтом. Пытаясь не думать. Некоторое время ей это удавалось, и она благодарно сбежала в старую Одессу, прибрежный город, столь же милый и печальный, как дуэт скрипки и аккордеона. Но люди за соседним столиком заспорили, какой процент населения Земли получает антивозрастную терапию — одни выступали за десять процентов, другие за сорок, и никак не могли остановиться. Разговор выдернул Майю из воспоминаний.

— Налицо — явный признак информационной войны! — громко говорил кто-то.

— Нет, просто уровень царящего на Земле хаоса! — возражал другой спорщик.

Майя отвернулась от них, заметила заголовок экрана, размещенного над баром, и прочла строчку новостей. Мировой Суд приостановил процессы на время переезда из Гааги в Берн, а «Консолидэйтед» воспользовались возможностью, чтобы захватить холдинги «Праксиса» в Кашмире. Это может означать серьезный пере-

ворот или войну против правительства Кашмира, начатую базой «Консолидэйтед» в Пакистане. Что, несомненно, вовлечет Индию, которая не так давно тоже имела контакты с «Праксисом». Индия против Пакистана, «Праксис» против «Консолидэйтед». Большая часть населения не получает терапии и уже доведена до отчаяния…

Когда Майя вернулась ночью домой, Мишель сказал, что это нападение означает новый уровень признания Мирового Суда, поскольку «Консолидэйтед» приурочило свой ход к перерыву в его работе. Но Майя была не в настроении слушать его. Разорение Кашмира и аннулированное решение по «Праксису»: что за кошмар творится на Земле? Мишель был упрямо оптимистичен и иногда даже казался ей глупцом или, по крайней мере, несносным типом. Следовало признать: они жили в ухудшающейся обстановке. Безумие на Земле приближалось к точке кипения, поднимаясь вверх и падая вниз по безжалостной синусоиде, даже более ужасной, чем кривая безумия, овладевшего Майей. Скоро они снова окажутся в эпицентре одного из тех неконтролируемых пароксизмов и будут пытаться избежать уничтожения. Она чувствовала это. Они опять покатятся с горы.

Она начала ужинать в угловом кафе каждый вечер, чтобы слушать музыкантов и оставаться в одиночестве. Она сидела спиной к бару, но было уже невозможно ни о чем не думать. Земля — их проклятие, их первородный грех. Она пыталась понять это, увидеть так, как увидел бы Фрэнк, пыталась услышать его голос, анализирующий ситуацию. «Группа одиннадцати», Большая Семерка плюс Корея, Азания, Мексика и Россия все еще обладали основной властью на Земле. У них имелись армии и капиталы. Единственную реальную конкуренцию старым динозаврам составляли наднациональные корпорации, которые объединились, как Афины, из транснационалов. Наднациональные корпорации (а в экономике двух миров по определению хватало место лишь дюжине), конечно же, были заинтересованы в захвате власти в странах «Одиннадцати», как они уже проделали это с маленькими государствами. Наднациональные корпорации, которым это удастся, вероятно, выиграют и конкурентную борьбу, идущую между ними. Разумеется, некоторые из них пытались властвовать в «Группе одиннадцати», стравливая противников друг с другом или подкупая конкурентов, чтобы разбить их союз. И соперничество не утихало ни на

минуту: одни корпорации старались наладить отношения с «Одиннадцатью» в попытке привлечь их на свою сторону, другие концентрировали усилия на бедных странах или «Молодых тиграх» в надежде укрепить их. В общем, существовал сложный баланс сил: мощные старые нации выступали против крупнейших наднациональных корпораций вместе с Исламской Лигой, Индией, Китаем и меньшими корпорациями. И все развивалось так непредсказуемо! Шаткое равновесие, естественно, не могло длиться вечно. Кроме того, большая часть населения Земли жила в Индии и Китае — парадоксальный факт, которого Майя не понимала и в который до сих пор не могла поверить. Ей было совершенно непонятно, какую сторону примет эта половина человечества…

Но почему нужно было столько конфликтов? «Почему, Фрэнк?» — думала она, слушая рваную мелодию танго. Чем руководствовались управляющие наднациональных корпораций? Ей виделась его циничная усмешка, та, которую она так хорошо знала. «Империи — это долгожители, — заметил он однажды, — а идеи империй живут дольше всего». «У них бывает долгий период полураспада, — заявил он в другой раз. — А период полураспада идеи империи продолжает-

ся, наверное, целую вечность».

Получалось, что земные лидеры жаждали стать Чингисханами, правителями мира, и цена их не заботила. А среди них были исполнительные директора наднациональных корпораций, лидеры «Группы одиннадцати», генералы армий…

А воображаемый Фрэнк спокойно и жестоко продолжал говорить в ее голове: «Земные ресурсы ограничены. Планета перенаселена. Многие должны умереть. Борьба за ресурсы будет яростной. Сражающиеся будут рациональны и доведены до безумия».

Музыканты играли, их терпкая ностальгия стала еще более острой. Близилась марсианская зима, и они играли на фоне снежных закатов, когда весь мир погружался во тьму. Наступал час между собакой и волком. Было что-то скромное и храброе в хрипе бандонеона, в слабых напевах, раздающихся у кафе. В них чувствовалась нормальная жизнь, упрямо вцепившаяся в связку огней под оголенными ветвями деревьев.

Майю охватывало знакомое мрачное предчувствие. Такое было и в годы перед 61-м. И хотя она не могла вспомнить отдельных событий и кризисов, сформировавших предвоенный период, она помнила это чувство, вплоть до тактиль-

ных ощущений и запахов. Да, тогда все казалось незначительным, и даже лучшие дни блекли и веяли холодом под черными облаками, грудой собиравшимися на западе. Радости городской жизни оборачивались фиглярством на грани отчаяния, все сидели, повернувшись спиной к бару и шумно общались между собой, стараясь противостоять нарастающему давлению беспомощности.

Пожалуй, именно здесь, в ресторане с видом на обрыв, ее накрыло с головой настоящее дежавю.

Поэтому, когда они отправились по краю Эллады и встретились с группой «Свободный Марс», Майя приободрилась и стряхнула с себя хандру. Наконец-то она покинула Одессу!

Теперь она разговаривала с людьми, которые истово верили, что своими действиями можно все изменить. Похоже, их не страшили никакие опасности. От них Майя узнала, что Ниргал повсюду убеждал местных в том, что ситуация на Земле критична и для них самих — вне зависимости от расстояний. И это возымело эффект. Некоторые даже знали свежие новости о «Консолидэйтед», «Амексе», «Субараси», а также были осведомлены о последних налетах полиции ООН на южные взгорья, заставивших людей покинуть Оверхэнс и другие убежища. Юг опустошался, его обитатели перебирались в Хираньягарбха, Сабиси, Одессу или на восток в каньоны Эллады.

Некоторые из молодых местных считали, что действия ООН на юге были в принципе полезны, поскольку служили поводом к ответным действиям. Майя пресекла подобные мысли.

— Они могут не беспокоиться о времени! — заявила она. — Мы должны о нем думать, мы должны ждать своего часа. И тогда действовать сообща. Если вы этого не видите… вы глупцы!

Но Фрэнк всегда бил свою аудиторию. Значит, этим людям тоже требовалось нечто большее — и, уж конечно, они заслуживали большего. Чего-то позитивного, что одновременно вело бы их и вдохновляло. Правда, Фрэнк редко следовал собственным словам…

Их нужно соблазнить, словно ночных танцоров на обрывистом берегу. Возможно, в другие ночи они танцевали на других берегах. Политик или оратор должен собрать крупицы этой эротической энергии, иначе все становилось лишь вопросом борьбы за выживание.

И она соблазняла их. Она делала это, даже когда была взволнованна, или напугана, или пребывала в плохом настроении. Она стояла между ними, думая о сексе с рослым, гибким мужчиной, а потом садилась в центре и задавала им вопросы. Она жадно ловила их взгляды и улыбалась. Они были такими высокими, что, когда она прислонялась к столу, а они сидели на стульях, ее глаза оказывались на уровне их глаз. Она без устали вовлекала их в беседы настолько интимные и приятные, насколько это было возможно. Чего они хотели от жизни, от Марса? Часто она громко смеялась их ответам, захваченная врасплох их наивностью или мудростью. Они уже виде-

ли себя более радикальными марсианами, чем можно было вообразить. По-настоящему независимыми, эгалитарными, справедливыми и счастливыми. И в некотором смысле они и вели себя соответственно. Многие имели свои наделы в разрастающемся коммунальном сообществе, они занимались альтернативной экономикой и почти не контактировали с экономикой Временного Правительства или наднациональных корпораций. Их интересовала эко-экономика Марины, ареофания Хироко, суфии, Ниргал и бродячее цыганское «молодежное правительство». Они считали, что будут жить вечно, и знали, что родились и выросли в мире чувственной красоты. Ограничение куполов было нормально для них, но лишь как ступень развития. То была просто теплая уютная утроба мезокосма, за которым неизбежно последует выход на свободную, пригодную для жизни поверхность — рожденную ими, да! В терминах Мишеля они были зародышами, юными богами, творящими свой мир, или людьми, которые инстинктивно жаждали вырваться на свободу.

С Земли приходили дурные вести, и число участников собраний росло. На этих собраниях царила атмосфера не страха, но решимости (при

этом Майя часто вспоминала взгляд с фотографии Фрэнка над ее раковиной). Битва за Нигерию между бывшими союзниками, «Армскором» и «Субараси», окончилась использованием биологического оружия, обе стороны отрицали свою ответственность. Люди, животные и растения Лагоса и прилегающих территорий были выкошены ужасными болезнями. И на собраниях молодые марсиане говорили зло, их глаза сверкали из-за отсутствия какой-либо законности на Земле, отсутствия достойной доверия власти. Наднациональный порядок слишком опасен, чтобы позволить ему править на Марсе!

Майя позволила им говорить целый час, прежде чем сказала им просто:

— Знаю.

Да, это было так. Она почти плакала, глядя на них, — ведь они были так шокированы несправедливостью и жестокостью. Потом она прошлась по пунктам декларации Дорсы Бревиа, описывая тот конгресс и объясняя каждый пункт и его последующую реализацию на Марсе.

Они были взбудоражены, и эта часть дискуссии распалила их сильнее, чем любые жалобы на Землю: они стали не столь раздраженными и заметно воодушевились. И пытаясь визуализиро-

вать будущее, основанное на декларации, Майя заставляла их смеяться. Они рисовала для них нелепые сценарии коллективного счастья, где все живут в мире и гармонии. Им была знакома вздорная, ограниченная реальность их общежитий, и рассказы Майи вызывали у них взрывы хохота. Когда они смеялись, в их глазах загорался свет, даже она чувствовала легкую улыбку, преображавшую невидимую карту морщинок ее лица.

И тогда она оканчивала собрание, понимая, что проделала хорошую работу. В конце концов, в чем смысл Утопии без радости? Зачем борьба, если в ней нет смеха юности? Это было тем, чего никогда не понимал Фрэнк, по крайней мере в свои последние годы.

Она отказывалась от мер безопасности Спенсера и вместе с участниками собраний выходила из комнаты. Они спускались по лестнице и оказывались на улице. Иногда они гуляли вдоль берега, заглядывали в кафе или отдыхали в парке. Майя пила с ними вино, а порой и ужинала. В такие моменты она не сомневалась, что нашла один из ключей к революции, (кстати, о существовании которого Фрэнк даже не знал, лишь подозревал, глядя на Джона).

— Конечно, — произнес Мишель, когда она

вернулась в Одессу. — Но Фрэнк вообще не верил в революцию. Он являлся дипломатом, циником, контрреволюционером. Радость была ему не свойственна. Для него это был вопрос выживания.

Однако с некоторых пор Мишель частенько с ней не соглашался. Он научился взрываться, а не утешать ее, когда она чувствовала потребность в борьбе, и она была признательна ему (драться ей хотелось все реже и реже).

— Да ладно тебе! — возразила она в ответ на его характеристику Фрэнка, а потом потащила Мишеля в постель, где насиловала его просто ради удовольствия, чтобы вовлечь его в царство секса и радости.

Она-то понимала, что Мишель считал своим долгом компенсировать ее перепады настроения, и была благодарна за стабильность, которую он пытался подарить ей. Но иногда, паря на вершине кривой, она не видела причин не наслаждаться своим эфемерным счастьем. Краткие моменты невесомости казались подобием духовного оргазма… И она буквально волокла его к этому уровню, и тогда он тоже улыбался, как и она сама.

Затем они могли вместе спуститься вниз, выйти за ворота, пройти к ее кафе, в расслабленном

и мирном настроении сесть спиной к бару. Они слушали музыканта, терзавшего гитару и отбивавшего ритм фламенко, или стариков, которые играли бесконечное танго. Майя успокаивалась, что-то рассказывала Мишелю о работе в бассейне, а потом умолкала.

Однажды летним вечером сорок девятого М-года они со Спенсером пошли в кафе. Они долго сидели в сумерках, наблюдая за скопившимися медными облаками, сияющими над далеким льдом под пурпурным небом. Западные ветры гнали воздушные массы над Геллеспонтом, и выразительный облачный фронт стал частью их повседневной жизни. Правда, некоторые тучи были особенными, металлическими, осязаемыми, словно минеральные статуи, которые никогда не снесет ветром. Из их черных брюх изрыгались молнии, которые били прямо в лед.

Внезапно раздался низкий рык, земля слегка задрожала, и серебряные приборы рассыпались по столу. Они схватили стаканы и встали, как и все остальные. Взволнованная Майя увидела, что они все бессознательно смотрят на юг, на лед.

Люди выбегали из парка на обрывистый берег и становились напротив стены купола, глядя вдаль. Там, в затухающем индиго заката, было

заметно какое-то движение — как раз на краю черно-белой массы. Что-то тяжелое перекатывалось по равнине…

— Вода, — произнес кто-то рядом с Майей.

Все двинулись вперед, как на траверзе, не выпуская стаканы из рук и без единой мысли в голове. Они приблизились к бетонному основанию купола и замерли напротив невысокой, по грудь, стены, всматриваясь в тени на равнине. Черное на черном с вкраплениями белых пятен, мечущихся туда-сюда… На секунду Майя вспомнила наводнение в долине Маринер и содрогнулась, загнав воспоминание обратно, как рвотный позыв. Она была шокирована его едкостью и отчаянно пыталась убить эту часть своего сознания. Море Эллады шло к ней — ее море, ее идея, заполняющая теперь склон бассейна. Миллионы растений умрут, как приучил ее помнить Сакс. Бассейн талой воды Лоу-Пойнта становился все больше, соединяясь с другими резервуарами воды, растапливая подтаявший лед, разогретый долгим летом, бактериями и потоками тепла от взрывов, произведенных на глубине. Наверное, разбился какой-то гигантский айсберг, и теперь поток зачернял равнину к югу от Одессы. Ближайший край находился уже в пятнадцати километрах

от людей.

Теперь бассейн в основном смахивал на смесь соли и перца, с преобладанием перца впереди и соли позади. Земля светлела, в то время как небо темнело, что всегда придавало пейзажу ирреальный вид. Морозный пар вился над водой, сверкая отраженным светом Одессы.

Прошло, наверное, полчаса, а все на краю обрыва стояли и смотрели в полной тишине, которая кончилась, лишь когда поток начал замерзать, а сумерки сменились ночью. Тогда окрестности огласили человеческие голоса и электронная музыка в кафе двумя домами ниже. Раздался звонкий смех. Майя вернулась в бар и заказала шампанское для их столика, чувствуя бодрящий подъем и эйфорию. На сей раз ее настроение звучало в унисон с реальным миром. Она хотела отпраздновать причудливое зрелище их вырвавшейся на свободу мощи, которую они пестовали столько времени.

И Майя предложила тост всему кафе:

— За море Эллады и моряков, которые будут ходить по нему, избегая штормов и айсбергов на пути к дальнему берегу!

Они приветствовали ее тост, а люди выше и ниже по обрыву подхватывали его, передавая

дальше. То была поистине буйная минута. Цыганский оркестр разразился некой вариацией матросской песни, и Майя почувствовала, что расплывается в улыбке. Да, давненько ей не было так хорошо! Даже обсуждение вероятности другой волны, способной накрыть и смыть Одессу, не могло согнать с ее лица эту улыбку. В офисе они очень точно просчитали всевозможные погрешности — Майя знала, что любая крупная волна была маловероятна и практически невозможна.

Одесса находилась в безопасности.

Но продолжали прибывать новости издалека, грозя по-своему затопить их. На Земле войны в Нигерии и Азании спровоцировали резкий всемирный конфликт между «Армскором» и «Субараси». Христианские, мусульманские и индусские фундаменталисты одновременно объявили антивозрастную терапию делом Сатаны. Множество не получивших лечения примкнули к движению, захватывая местные правительства и совершая прямые, возглавляемые толпами нападения на подразделения наднациональных корпораций в пределах их досягаемости. Ну, а сами корпорации пытались реанимировать ООН и выставить ее как альтернативу Мировому Суду. И многие из крупнейших клиентов корпораций,

включая и «Группу одиннадцати», пошли на попятную. Мишель считал это победой, поскольку так они демонстрировали страх перед Мировым Судом. Он также считал, что любое укрепление международного органа вроде ООН лучше, чем его отсутствие. Значит, на Земле были созданы две конкурирующие арбитражные системы, причем одна — контролируемая корпорациями, что позволяло легче уклоняться от решений той, которая им не нравилась.

На Марсе дела обстояли лучше. Полиция ООН беспрепятственно рыскала на юге, если не считать пары-тройки необъяснимых взрывов их автоматизированных машин, Прометей стал последним скрытым убежищем, которое обнаружили спецслужбы. Из всех больших убежищ только Вишняк оставался недоступным, и его жители затаились, надеясь, что до них не дотянутся лапы корпораций. Однако Южный полярный регион перестал быть частью подполья.

Учитывая обстоятельства, неудивительно было, что участники собраний напуганы. Требовалась смелость, чтобы присоединиться к явно уменьшающемуся, словно остров Минус Один, подполью. Как предполагала Майя, людей приводила туда злость, а также возмущение и надежда.

Но они были напуганы. Они сомневались, что этот шаг пойдет им на пользу. Было так просто внедрить шпиона в ряды вновь прибывающих… Иногда Майя ловила себя на том, что ей трудно им доверять. Вдруг они не те, за кого себя выдают? И она опять изводила себя тревожными мыслями.

Во время очередной полуночной встречи с новичками она заметила молодого человека, чей взгляд ей очень не понравился. После собрания Майя удалилась со Спенсером и его друзьями в свою комнату, где обнаружила Мишеля.

— Не беспокойся, — сказал он, когда она поделилась с ним своими опасениями.

— Что ты имеешь в виду? — взвилась она.

Он пожал плечами.

— Члены сообщества следят друг за другом. Они хотят убедиться, что ничем не рискуют. А команда Спенсера вооружена.

— И ты молчал?..

— Думал, ты знаешь.

— Не держи меня за дурочку!

— И не думаю, Майя. В любом случае это все, что мы можем сделать, если только не решим скрыться.

— Я и не предлагаю! Считаешь меня трусихой?

Кислое выражение мелькнуло у него на лице,

он буркнул что-то себе под нос, глубоко вздохнул и прокричал ей прямо в лицо одно из своих французских ругательств. Но она видела, что это было сознательным решением с его стороны. Наверное, он вообразил, что ссоры хорошо на нее влияют, а ему позволяют расслабиться, следовательно, они допустимы, когда неизбежны. Стычки тоже стали своеобразной терапией, и это, конечно, было неприемлемо. Ею манипулировали. Она бездумно шагнула к кухонному уголку, схватила медную кастрюлю и швырнула в него. Он был настолько ошарашен, что едва успел уклониться.

— Putaine! — взревел он. — Pourquoi ce fa? Pourquoi?[35]

— Не надо меня опекать, — ответила она, удовлетворенная тем, что он разозлился по-настоящему, и не остыв сама. — Ты — чертов мозгоправ! Если бы ты справлялся со своей работой, первая сотня не спятила бы и мир бы не пошел под откос! Только ты во всем виноват!

Она хлопнула дверью и умчалась в кафе, чтобы поразмышлять над тем, как ужасно иметь в партнерах труса, и над собственным омерзительным

---

[35] Примечания: 35
Шлюха! Зачем так поступать? Зачем? *(франц.)*

поведением. Как быстро она утратила самоконтроль и набросилась на него…

Он не пришел к ней, хотя она сидела кафе до самого закрытия.

Когда Майя вернулась домой, легла на кушетку и заснула, раздался легкий стук в дверь. Она вздрогнула и открыла глаза, а Мишель вскочил с кровати, посмотрел в глазок и распахнул дверь.

В коридоре стояла Марина. Она кинулась в комнату, рухнула на кушетку рядом с Майей и, взяв ее за руку своими трясущимися пальцами, сказала:

— Они захватили Сабиси. Службы безопасности… Хироко и все последователи были там с визитом. Еще там были южане, они переехали в Сабиси после рейдов. И Койот тоже. И Нанао, и Эцу, и все иссеи…

— Они не сопротивлялись? — спросила Майя.

— Они пытались. Нескольких убили на железнодорожной станции. Они были в панике, но я думаю, что кое-кто мог скрыться в лабиринтах мохола. Копы окружили город и ворвались в него! Прямо как в Каире в шестьдесят первом, клянусь!

Она разрыдалась. Майя с Мишелем сидели по обе стороны от нее, а она уткнула лицо в ладони

и всхлипывала. Это было настолько не в духе обычно суровой Марины, что до Майи, наконец, дошел смысл происходящего.

Выпрямившись, Марина вытерла глаза и нос. Мишель дал ей упаковку бумажных платков. Она спокойно продолжила:

— Боюсь, многие из них уже убиты. Я находилась снаружи с Владом и Урсулой. Мы спрятались в убежище, замаскированном под булыжники, и три дня оставались там, а затем пробрались к ангару и взяли вездеход. Влад отправился в Берроуз, Урсула — в Элизий. Мы хотим оповестить всех из первой сотни. Особенно Сакса и Надю.

Майя встала, оделась, прошла по коридору и постучала к Спенсеру. Вернувшись обратно, она поставила чайник, стараясь не смотреть на фотографию Фрэнка, который глядел на нее, будто говоря: «А я тебя предупреждал. Так оно и случается». Она понесла чашки с чаем в гостиную и неожиданно поняла, что ее руки дрожат так сильно, что горячая вода проливается на пальцы. Мишель был бледен, на лбу его выступил пот, он не слышал ничего из того, что говорила Марина. Если группа Хироко находилась в Сабиси, это означает, что вся его семья погибла… В лучшем случае их взяли в плен. Майя передала им чашки,

вошел Спенсер и выслушал историю. Майя взяла халат и набросила его на плечи Мишеля, коря себя за недавний приступ раздражительности. Она села возле него и крепко его обняла, пытаясь безмолвно сказать, что она тоже его семья и теперь ее игры закончились. Она сыта ими по горло и никогда не станет относиться к нему, как к собачонке или мальчику для битья… Она любит его. Но его бедро было как теплый фарфор, он не замечал ее руки и едва ли осознавал, что она была тут.

И Майя поняла, что в моменты тяжелейших несчастий люди меньше всего могут что-то сделать друг для друга.

Она встала и налила чая Спенсеру, избегая смотреть на собственное бледное лицо в темном кухонном окне, прищуренный хищный взгляд которого она не выносила. Никогда нельзя оглядываться.

Они были вынуждены ждать рассвета. Надо было впитать в себя новости и выстоять под их напором. И они разговаривали, слушали историю Марины, которая вспоминала все новые и новые детали. Они звонили по телефонам «Праксиса», дабы выяснить хоть что-нибудь еще. Сидели, сгорбленные и тихие, пойманные в ловушку

своих мыслей — их собственную вселенную. Минуты тянулись как часы, часы — как годы. Это было адски извращенное пространство, время полуночного бодрствования — этот самый древний из человеческих ритуалов, когда люди безуспешно пытались понять смысл каждой случайной катастрофы.

Наконец наступил рассвет. Небо было затянуто тучами, капли дождя испятнали купол. Спенсер начал выходить на контакт со всеми группами в Одессе. В тот день они распространяли по городу новости, о которых не сообщалось в информационных сетях. Но все и так догадывались, что произошло нечто ужасное, поскольку Сабиси вдруг выпал из информационного пространства, даже в том, что касалось хозяйственных вопросов. Повсюду летали слухи, приобретая вес в отсутствии подтвержденных известий. Они были диаметрально противоположными: от провозглашения независимости Сабиси до его полного уничтожения. Но во время напряженных встреч, которые продолжались неделю, Майя и Спенсер рассказали всем историю Марины. Долгие часы они проводили, обсуждая, что можно сделать. Майя решительно убеждала людей не начинать активных действий до того, как они будут гото-

вы, и часто натыкалась на стену непонимания. Они были в ярости и боялись. К тому же в тот момент вокруг Эллады произошло много всяких происшествий. На самом деле они случались по всему Марсу — демонстрации, мелкие диверсии, нападения на места дислокации служб безопасности и полицию, взломы искинов, нарушения работы систем.

— Мы должны показать им, кто здесь настоящие хозяева! — восклицала Джеки по сети, и ее голос, казалось, звучал отовсюду.

Арт соглашался с ней.

— Я думаю, обширные гражданские протесты могут остановить их. Пусть ублюдки подумают дважды, прежде чем сотворить еще что-либо подобное.

Однако спустя некоторое время ситуация стабилизировалась. Сабиси вернулся в сеть и в расписание поездов, жизнь пошла своим чередом, хотя уже и не была такой, как прежде. Полицейское подразделение оставалось на территории города, контролировало ворота и станцию и пыталось обыскать закоулки лабиринтов мохола. Майя подолгу общалась с Надей, которая работала в Южной борозде, а также с Ниргалом и Артом, и даже с Энн, которая позвонила из убежища в

Золотом Роге. Они сошлись на том, что, несмотря на случившееся в Сабиси, им надо воздержаться от общего восстания. Пока.

Сакс связался со Спенсером, заявив, что «ему нужно время». Что успокоило Майю, поскольку она нутром чуяла — их час еще не настал. Их провоцировали, надеясь, что они ринутся в бой, не подготовившись. Энн, Касэй, Джеки и другие радикалы — Дао, Антар и Зейк — не хотели ждать и смотрели на отсрочку пессимистично.

— Вы не понимаете, — говорила им Майя. — На Марсе растет целый новый мир, и чем дольше мы ждем, тем сильнее он становится. Наберитесь терпения.

Примерно через месяц после закрытия Сабиси они все получили на наручные консоли короткое видеопослание от Койота. Лицо Койота было необыкновенно серьезным, он сообщил, что ушел лабиринтом секретных туннелей мохола и теперь вернулся на юг, в свое личное убежище.

— Что с Хироко? — спросил Мишель. — Что с Хироко и остальными?

Но Койот уже исчез.

— Не думаю, что они схватили Хироко, — выпалил Мишель, меряя шагами комнату. — Ни Хироко, ни других! Если бы их взяли в плен, Вре-

менное Правительство заявило бы о своей победе. Готов спорить, Хироко увела группу в подполье. Им не нравилось, как идут дела после Дорсы Бревиа, они не любят компромиссы, правда же? Все, что случилось с тех пор, только подтверждало этот факт! И они не могут доверить нам строить мир на Марсе! Им нужен их собственный мир! Вот им и подвернулся шанс снова исчезнуть. Может, нападение на Сабиси вынудило их сделать это, не предупредив нас.

— Наверное, — пробормотала Майя, стараясь, чтобы ее голос звучал убедительно и мягко.

Похоже, Мишель просто-напросто отказывался поверить в очевидное. Он отрицал саму реальность, но если ему это помогало, то почему бы и нет? А Хироко… способна на все. Но ответ Майи должен походить на ответ Майи, иначе Мишель бы сообразил, что она лишь поддерживает его, и она спросила:

— Но куда бы они направились?

— Полагаю, назад в хаос. Там еще есть старые убежища.

— А как же ты?

— Они со мной свяжутся, — задумчиво ответил он и добавил: — А может, они понимают, что теперь моя семья — это ты.

Значит, он чувствовал ее руку в тот жуткий час.

Он вымученно улыбнулся ей, она моргнула, а потом схватила и едва не раздавила его в объятиях. (Ребра и в самом деле едва не треснули, когда она продемонстрировала ему, как сильно его любит и как ей не нравится его измученный вид.)

— Они правы, — заявила она. — Но им следовало связаться с тобой.

— Я уверен, так и будет.

Майя понятия не имела, что думать о шаткой теории Мишеля. Койот ускользнул через лабиринт в насыпях мохола, и весьма вероятно, что он помог бежать всем, кто попался ему на глаза. Наверное, Хироко оказалась первой в списке спасенных. Майя без сомнения спросит Койота об этом, как он только появится, но пока ей оставалось ждать и надеяться на лучшее.

Итак, Хироко и ее внутренний круг пропали. Они мертвы, арестованы или скрылись — как бы то ни было, а их движению нанесли жесткий удар. Хироко являлась моральным лидером для многих в сопротивлении.

Но она была слишком странной. Некая часть Майи, в основном бессознательная и безответная, не сильно была опечалена тем, что Хироко

невольно сошла со сцены. Майя никогда не умела общаться с Хироко или понимать ее, однако она ее любила. Одновременно с этим ее нервировало то, что поблизости бродит огромная, непредсказуемая, все усложняющая сила. Вдобавок ее раздражало, что среди женщин была столь влиятельная и мощная фигура, на которую сама Майя не могла повлиять. Конечно, ужасно, если всю группу Хироко схватили или еще хуже — убили. Но если они снова решили исчезнуть, что ж, это весьма кстати…

Это все упростит, причем как раз в нужный момент, а Майя получит больше потенциального контроля над приближающимися событиями.

В общем, она всем сердцем надеялась, что теория Мишеля была правдива. Майя кивнула ему и притворилась, что согласна с реалистичностью его анализа. А затем отправилась на собрание, дабы успокоить местных. Проходили недели и месяцы, и казалось, что они пережили кризис. Но ситуация на Земле ухудшалась, и Сабиси, их университетский город, драгоценность «полусвета», жил практически на военном положении, а ведь Хироко была их сердцем. Даже Майя, сначала немного обрадовавшаяся тому, что избавилась от нее, чувствовала подавленность из-за ее от-

сутствия. В конце концов, концепция свободного Марса являлась частью ареофании, и сводить ее к простой политике, к выживанию сильнейших не стоило…

Они приуныли. Зимой в новостях с Земли твердили об обострении конфликтов, и Майя заметила, что люди хотели отвлечься. Вечеринки становились громче и разнузданнее, на обрыве проходили шумные празднества, а в особые ночи, вроде Фастнахта или Нового года, туда приходил весь город. Люди танцевали, пили и пели с каким-то яростным весельем, а на стенах домов виднелись красные граффити: НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬСЯ. ОСВОБОДИТЕ МАРС. Но как? Как?

Вскоре наступил пятидесятый марсианский год, и люди отпраздновали его как большой юбилей. Торжество получилось совершенно диким. Майя гуляла с Мишелем туда-сюда по обрыву и из-под маски с любопытством наблюдала за танцующими. Она смотрела на длинные молодые тела, в основном обнаженные до пояса, как будто с древнеиндийской иллюстрации, груди и животы изящно покачивались под бой стальных барабанов нуво калипсо… Лица людей скрывали маски. О, это было странно! Юные чужаки так невежественны и так красивы! И этот город, ко-

торый она помогала строить, стоявший на сухом берегу…

Она чувствовала, что готова взлететь — мимо точки равноденствия! — и взмыть вверх, как стрела. Восхитительный бросок эйфории! Возможно, то была случайная работа ее биохимии, а может, на ней просто сказалась мрачная ситуация двух миров, вошедших в час между собакой и волком. Так или иначе, но Майя чувствовала это наслаждение нутром. И она втянула Мишеля в полукруг танцующих и танцевала сама, пока не стала липкой от пота. Она чувствовала себя великолепно.

Позже они сидели в ее кафе. «Вот оно и произошло — маленькое воссоединение первых тридцати девяти», — невольно подумала она.

Здесь были Мишель, Спенсер, Влад, Урсула, Марина, Илья Зудов, Мэри Данкел (ей удалось ускользнуть из Сабиси через месяц после того, как город был закрыт), Михаил Янгель, который приехал из Дорсы Бревиа, и Надя из Южной борозды.

Великолепная десятка.

— Как мало нас осталось, — заметил Мишель.

Они заказывали водку бутылку за бутылкой, как будто могли затопить память об остальных девяноста, включая бедную команду фермеров (те

в лучшем случае рассеялись по Марсу, а в худшем — были убиты). Русские среди них, которых в тот вечер оказалось, как ни странно, большинство, провозглашали земные традиционные тосты. «Выпьем! Ваше здоровье! Наливай! Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах! Первая колом, вторая соколом, остальные — мелкими пташками! Между первой и второй перерывчик небольшой! Давай еще по маленькой! Чокнемся! Будем! Поддай! Хорошо пошла! Вздрогнем! Пей до дна!» — и так далее, пока Мишель, Мэри и Спенсер не пришли в ужас.

— Прямо как снег и эскимосы, — заявил Мишель.

И они снова танцевали, вдесятером водили хоровод, опасно изгибавшийся в толпе молодежи. Пятьдесят долгих марсианских лет, а они до сих пор живы и даже пляшут как оголтелые. Какое чудо!

Но в слишком предсказуемых колебаниях настроений Майи наступил роковой пик, после которого последовал резкий спад. Он начался, когда она заметила одурманенный взгляд из-за другой маски. Потом она увидела, как все расходятся, стараясь ни с кем не пересечься, сохранив свой приватный мирок, в котором не нужно ни с

кем общаться, кроме любовника на ночь. И они были точно такими же.

— Нам пора! — окликнула она Мишеля, который прыгал перед ней в такт оркестру, наслаждаясь стройными молодыми марсианками. — Надоело!

Но он захотел остаться, как и остальные, и она отправилась домой одна, через ворота и сад, вверх по ступеням в их апартаменты. За спиной раздавались громкие веселые вопли. Празднество продолжалось без нее.

А там, на шкафу над раковиной, молодой Фрэнк улыбался ее горю. «Конечно, так всегда и происходит, — говорил его юный, целеустремленный взгляд. — Мне тоже это знакомо, я учился на своих ошибках. Юбилеи, свадьбы, счастливые моменты — они улетают. Они никогда ничего не значат». Улыбка жесткая, яростная, решительная, и глаза… словно окна пустого дома. Она смахнула с кухонного стола чашку кофе, и та разбилась об пол, отлетевшая ручка закрутилась. Майя закричала, осела на пол, обхватив руками колени, и заплакала.

На следующий день празднества пришли вести о повышенных мерах безопасности в Одессе. Похоже, ООН учла уроки Сабиси и собиралось

захватить новые города более аккуратно. Людей обязали сменить паспорта, а возле шлюзов-выходов и даже ангаров выставили кордоны полицейских, которые проверяли документы у всех и каждого. О мирной прогулке к поезду не могло быть и речи!

Поговаривали, что власти охотились только на первую сотню, которую обвиняли в попытке свержения Временного Правительства. Но Майя хотела посещать собрания «Свободного Марса», и безотказный Спенсер соглашался брать ее с собой.

— Пока мы еще что-то можем, — заявила она.

Однажды ночью они вдвоем поднимались по лестнице в верхний город. Впервые после событий в Сабиси с ними был Мишель, и Майе казалось, что он неплохо восстанавливается от удара, полученного в ту ночь, когда Марина постучалась в их дверь.

Но на собрании к ним присоединилась Джеки Бун и ее команда, Антар и отпрыски Зиготы, прибывшие в Одессу на кольцевом поезде Эллады. Они пытались скрыться от подразделений ООН на юге и были крайне разозлены нападением на Сабиси. Майю поразил их воинственный настрой. Исчезновение Хироко и ее группы заставили

эктогенов переступить черту. В конце концов, Хироко была матерью многим из них, и теперь они галдели, что пришла пора выйти из укрытия и начать полномасштабное восстание.

— Нельзя терять ни минуты, если мы хотим спасти Сабиси и скрывающихся колонистов! — восклицала Джеки.

— Вряд ли им удалось схватить людей Хироко, — возразил Мишель. — Полагаю, они с Койотом ушли в подполье.

— Вам просто хочется в это верить, — парировала Джеки.

У Майи дрогнули губы.

— Они бы дали о себе знать, если бы действительно попали в беду, — заупрямился Мишель.

Джеки покачала головой.

— Они бы не ударились в бега сейчас, когда мир может обрушиться в любую секунду! — Дао и Рейчел кивнули. — А как насчет Сабиси и блокировки Шеффилда? Здесь будет то же самое. Нет, Временное Правительство собирается взять нас под контроль! Мы должны с ними сражаться!

— Жители Сабиси подали в суд на Временное Правительство, — произнес Мишель, — а сейчас они находятся в своем родном городе. Кроме того, они на свободе.

Джеки ответила неприязненным взглядом, словно Мишель был дураком, чересчур оптимистичным и напуганным. Сердце Майи забилось быстрей, она почувствовала, как скрипнули зубы.

— Остынь, Джеки! — рявкнула она. — Мы не готовы.

Джеки уставилась на нее.

— Если слушать вас, мы никогда не будет готовы! Будем ждать, пока они не запрут нас всех под замок, и тогда мы вообще будем бессильны и проиграем! Я уверена, именно этого вы и добиваетесь!

Майя вскочила со стула.

— Ты что, совсем рехнулась? Есть четыре или пять наднациональных корпораций, борющихся за Марс точно так же, как они дерутся за Землю. Если мы поднимем восстание, мы лишь на время прекратим междоусобицу. Мы должны выбрать правильный момент, и когда они нанесут друг другу урон, у нас будет шанс на успех. Иначе мы опять вернемся в шестьдесят первый — в конвульсии, кровь и хаос прошлого! Надеюсь, ты не забыла, сколько людей погибло в тот год?

— Вечный шестьдесят первый! — вскричала Джеки. — Вот ваша идеальная отговорка, чтобы

ничего не делать! Сабиси и Шеффилд заблокированы, Берроуз закрыт, Хираньягарбха и Одесса станут следующими! Каждый день вниз на лифте спускается полиция, сотни людей уже убиты или посажены за решетку, как моя бабка, которая была настоящим лидером для нас всех, а вы до сих пор трещите о шестьдесят первом! Прошлое превратило вас в трусов!

Майя метнулась и стукнула ее по голове. Джеки прыгнула на нее — Майя врезалась в край стола и задохнулась от боли и злости. Джеки ударила ее, но Майя сумела поймать ее запястье и укусила предплечье Джеки так сильно, как только могла, пытаясь разорвать ее мышцы. Затем их рванули друг от друга и удерживали на расстоянии. Комнату огласили вопли, все орали, в том числе и Джеки.

— Дрянь! Убийца! Убийца!

И Майя слышала, как из ее горла, между тяжелыми вздохами, вылетают ругательства:

— Маленькая тупая шлюха, маленькая тупая шлюха!

Ребра и зубы болели. Кто-то старался заткнуть рот и ей, и Джеки.

— Ш-ш-ш, тихо, они услышат нас, они донесут, придет полиция! — приговаривал Спенсер.

Наконец, Мишель убрал руку со рта Майи.

— Маленькая тупая шлюха, — прошипела Майя в последний раз и рухнула на стул.

Она обвела всех тяжелым взглядом, который сковал как минимум половину присутствующих в комнате. Джеки отпустили, и она начала ругаться вполголоса. Майя встала.

— Заткнись! — бросила она Джеки так зло, что Мишель снова стал между ними. — Ты таскаешь мальчишек за члены и воображаешь себя лидером, — глухо прорычала Майя. — Да у тебя нет ни единой мысли в голове — хоть шаром покати!

— Я не желаю ничего слышать! — взвилась Джеки, и все вновь зашикали и вытолкнули ее в холл.

Майя решила, что Джеки посрамлена. Она набрала воздух в легкие и использовала оставшееся время, чтобы бешеным шепотом в пух и прах раскритиковать эктогенов за их инфантилизм. Потом она даже взяла себя в руки и привела массу аргументов в пользу выжидательной позиции. Ее едкий гнев иногда прорывался сквозь рациональные доводы в пользу терпения, расчета и контроля. Никто не посмел ее опровергнуть. Теперь они взирали на нее, как на окровавленного гладиатора. Сама же Майя чувствовала себя на-

стоящей Черной Вдовой, хотя ее зубы ныли после укуса, и ей с трудом удавалось поддерживать идеальный образ интеллигентного спорщика. На ее губах блуждала самодовольная улыбка, ее трясло, она боролась с поднимающимся чувством унижения и продолжала говорить, холодная, страстная и властная. Встреча завершилась угрюмым молчаливым согласием большинства, любые восстания было решено отложить на неопределенный срок и продолжать держаться в тени.

Спустя несколько минут она уже плюхнулась на сиденье трамвая между Мишелем и Спенсером, стараясь не разрыдаться. Им пришлось приютить Джеки и ее компанию, пока те оставались в Одессе, в конце концов их жилище было безопасным. И выхода из ситуации не было. А офицеры полиции стояли перед комплексом жизнеобеспечения и около офисов: они проверяли наручные консоли, прежде чем пустить кого-либо внутрь. Если бы она не пошла на работу, копы могли бы постучать в дверь ее апартаментов и вежливо поинтересоваться причиной ее отсутствия, а если бы она сидела в своем кабинете в «Дип-Уотерс», она бы тоже не смогла отвертеться от них. И не было никакой

гарантии, что ее идентификационная карта и швейцарский паспорт сработают! Ходили слухи, что дробление информации, начавшееся после 61-го года, прекратилось, началось создание крупных интегрированных систем, в которых содержались даже довоенные данные. Отсюда и появилось требование новых паспортов. И если ее просканируют по одной из этих систем, она попадется. Ее отправят на какой-нибудь астероид или в каньон Касэй: будут пытать, как Сакса, и поджарят ее мозг…

— А может, наш час пробил? — обратилась она к Мишелю и Спенсеру. — Если они изолируют все города и магистрали, что нам тогда делать?

Они промолчали. У них не было ответа на ее вопрос. Внезапно проект борьбы за независимость показался ей фантазией, неосуществимой мечтой — как и в то время, когда ее исповедовал Аркадий. Но Аркадий был столь оптимистичен и так сильно ошибся! Они никогда не будут свободны от Земли. Никогда. Они навечно с ней связаны.

— Я хочу поговорить с Саксом, — произнес Спенсер.

— И Койотом, — добавил Мишель. — Надо поподробнее расспросить его о том, что случилось в Сабиси.

— И Надю тоже, — сдавленно сказала Майя.

Наде было бы стыдно за поведение Майи, если бы она увидела ее на сегодняшнем собрании. Майя поежилась. Ей нужна Надя, единственный человек на Марсе, суждениям которого она все еще верила.

— Что-то странное творится в атмосфере, — пожаловался Спенсер Мишелю, когда они пересаживались на другой трамвай. — Мне хочется услышать мнение Сакса. Уровень кислорода поднимается быстрее, чем я ожидал, особенно на северной Фарсиде. Как будто выпустили выводок удачных бактерий без каких-либо самоубийственных генов. Сакс собрал свою старую команду из Эхо-Оверлука. Они до сих пор живы и работают в Ахероне и Да Винчи над своим таинственным проектом. Конструируют что-то вроде этих проклятых обогревательных ветряков. В общем, я хочу посоветоваться с Саксом. Мы должны работать вместе, иначе…

— Иначе повторится шестьдесят первый! — настаивала Майя.

— Я знаю. Ты права, Майя. Я разделяю твою точку зрения. Надеюсь, что остальные — тоже.

— Надежды недостаточно.

А это означало, что в данный момент ей надо

действовать в одиночку. Ей придется постоянно скрываться, двигаясь от города к городу, от одного безопасного поселения к другому, как годами это делал Ниргал, без дома и без работы… Она будет встречаться с членами революционных ячеек, стараясь удержать их всех от опрометчивых поступков. Нельзя дать им выступить слишком рано!

Неужели она не сможет работать над проектом моря Эллады? Что ж, этот отрезок жизни завершен.

Она сошла с трамвая и быстро направилась в сторону обрыва, резко повернулась, пересекла парк и поспешила к дому. Поднялась на лифте и побрела по знакомому коридору, чувствуя старость и сильную усталость. Бездумно сунула электронный ключ в скважину, переступила порог и посмотрела на свои вещи, на стопки книг Мишеля, репродукцию Кандинского над диваном, скетчи Спенсера, потрепанный обеденный стол и стулья, кухонный уголок… Все было на своих местах, включая и фотографию возле раковины. Сколько жизней назад она узнала это лицо?

Ладно, мебель разойдется куда-нибудь. Она стояла посреди комнаты, изможденная и несчастная,

скорбя о тех годах, что проскользнули незаметно. Почти десять лет продуктивной работы, настоящей жизни унесла очередная пыльная буря истории. Теперь ей надо сменить курс или хотя бы переждать, изо всех сил пытаясь сделать так, чтобы все они выжили. Проклятый шаткий мир, бессмысленные обязанности, неумолимый бег сквозь настоящее, попутно разрушающий жизни! Ей нравились апартаменты, она привыкла к размеренному ритму жизни в Одессе — жизни с Мишелем, Спенсером, Дианой, коллегами по работе, музыкой в кафе и маленькими ежедневными удовольствиями.

Она исподлобья посмотрела на Мишеля, который застыл в дверях. Она взирал на комнату так, словно хотел увековечить все в памяти, в том числе и саму Майю. Поймав ее взгляд, он пожал плечами. Француз!..

— Уже скучаю, — произнес он и вымученно улыбнулся.

Он был совсем не бесчувственный и все понимал. Он догадался, что на сей раз дело было не только в ее капризе или причуде. Нет, сейчас Майя столкнулась с почти безвыходной реальностью.

Она сделала над собой усилие, улыбнулась в

ответ, подошла и взяла его за руку. В коридоре образовался затор, поскольку из лифта вышли дети Зиготы. Ублюдки, они могли бы переночевать у Спенсера.

— Ничего, мы прорвемся, — сказала она. — И однажды вернемся сюда.

В ярком утреннем свете они прошли к станции. Возле своего любимого кафе она чуть помедлила — посмотрела на влажные стулья, перевернутые на столах, — и поплелась дальше. На станции они рискнули воспользоваться старыми идентификаторами и без проблем получили билеты. Сели в поезд, который ехал против часовой стрелки до Монтепульчиано, а через час сошли с него, надели арендованные легкие скафандры и шлемы и выбрались наружу, за пределы купола.

Теперь она спускались по холму, направляясь в один из крутых оврагов предгорий. Здесь, в замаскированном под булыжник вездеходе, их ждал Койот. Он повез их сквозь сердце Геллеспонта, по ветвящейся сети каньонов. Марсоход полз через перевалы в горных хребтах, настолько хаотичных, насколько могут быть хаотичны камни, падающие с небес. Майя думала о том, что угодила в ночной кошмар безумных лабиринтов, пока марсоход не спустился по западному склону. Там он миновал кратер Рабе и покатил по испещренным кратерами холмам Земли Ноя.

Они снова ускользнули из сетей, проделав путь, которым Майя никогда не пользовалась раньше.

Койот очень помог на начальном этапе. Майя решила, что он изменился, был подавлен захва-

том Сабиси, даже встревожен. Он не отвечал на их вопросы о Хироко и других колонистах. Он говорил: «Я не знаю», так часто, что она начала верить ему, особенно, когда лицо его скривило узнаваемое человеческое выражение горя. Знаменитая невозмутимость и беззаботность изменили ему.

— Я и вправду не знаю, спаслись они или нет. Я находился в лабиринте насыпей, когда начался захват, и помчался к машине… Я подумал, что пригожусь им снаружи. Но никто не вышел. Я был на северной стороне, а они могли воспользоваться выходом на юге. Они оставались в лабиринте, а у Хироко есть несколько убежищ — на самый крайний случай, как и у меня. Больше мне ничего не известно.

— Давай поедем и сами все проверим, — предложила она.

И он повез их на север, в одну из точек на магистрали Шеффилд — Берроуз, по длинному узкому туннелю. Они провели ночь в черной щели, пополнив запасы во встроенных шкафах и заснув беспокойным сном спелеологов. Неподалеку от Сабиси они спустились в другой скрытый туннель, марсоход опять пополз вперед, и спустя некоторое время вырулили в пещерку, служив-

шую гаражом.

Койот объяснил им, что они находятся в лабиринте, который извивался в насыпях мохола. Здесь было полно и пещер геометрически правильной формы: они располагались неподалеку от выходов и напоминали сквозные катакомбы эпохи неолита, подсвеченные лентами ламп и подогретые вентиляцией. В одном из таких мини-укрытий их приветствовал иссей Нанао Накаяма. Он выглядел на удивление умиротворенным. Сабиси вернули своим хозяевам, и хотя повсюду в городе рыскали офицеры, полицейские, конечно, плохо представляли себе всю протяженность лабиринтов насыпи.

Разумеется, спецслужбы не могли полностью прекратить попытки жителей Сабиси помогать подполью. По словам иссея, хоть Сабиси и перестал быть открытым «полусветом», они все равно продолжали свою работу. Однако Нанао не знал, что случилось с Хироко.

— Мы не видели, чтобы их забирала полиция, — сказал он, — но и здесь, после того как все успокоились, их не нашли. Они пропали. — Нанао дотронулся до своей бирюзовой серьги и озадаченно нахмурился. — Мне, кажется, они сбежали, — произнес он. — Хироко всегда заботилась

о том, чтобы у нее имелся запасной выход, и то же самое мне говорил Ивао, когда мы напились у пруда с утками. Полагаю, что исчезновение — это в манере Хироко, а не Временного Правительства. Думаю, что именно так она и поступила. Но я все болтаю и болтаю!.. Вы наверняка проголодались и хотите помыться и поесть. Позже вы сможете побеседовать с сансеями и йонсеями, которые спрятались с нами, им это тоже пойдет на пользу.

Они остались в лабиринте на пару недель, и Майя действительно встретилась с несколькими группами пустившихся в бега. Она пыталась воодушевить их, уверить, что они снова смогут появиться на поверхности, даже в Сабиси, что, конечно же, случится довольно скоро. Меры безопасности усиливались, но сети могли дать сбой, да и Марс не мог находиться под тотальным контролем Временного Правительства — альтернативная экономика давала о себе знать. Швейцарцы изготовят им новые паспорта, «Праксис» обеспечит работой, и они вернутся к делу. Главное — координировать усилия и противостоять искушению ударить слишком рано.

После очередной такой встречи Нанао сказал, что Надя занимается подобной деятельностью в

Южной борозде, а команда Сакса умоляет предоставить им еще немного времени. В общем, у них наметилось некоторое согласие в политике, по крайней мере среди представителей старшего поколения. Ниргал тесно сотрудничал с Надей, поддерживая эту стратегию.

Несомненно, им следовало сосредоточиться на самых радикальных группах, где Койот имел наибольшее влияние. Он хотел посетить убежища Красных лично, и Майя с Мишелем отправились с ним, чтобы прокатиться до Берроуза.

Район между Сабиси и Берроузом испещряли кратеры, поэтому по ночам они ехали между сплющенными холмами, а по утрам останавливались в укрытиях, переполненных Красными. Те не очень гостеприимно отнеслись к Майе и Мишелю. Но Койота Красные слушали внимательно и делились с ним новостями о местах, названий которых Майя даже не знала. На третью ночь они спустились по крутому откосу Большого Уступа, через архипелаг столовых гор, и вдруг вышли на гладкую равнину Исиды! Со склона бассейна открывался вид на много километров вперед, и Майя увидела насыпь, подобную насыпи мохола в Сабиси. Это был огромный изгиб, тянущийся от кратера Дю Мартерей по Большому Уступу,

на северо-запад к Сиртису. Койот сказал, что это новая дайка, построенная роботами, которых пригнали из мохола Элизия. Колоссальная дайка смахивала на одну из базальтовых дорс юга, за исключением бархатистой текстуры, выдававшей в ней извлеченный из-под поверхности реголит, а не вулканический камень.

Майя уставилась на гигантский хребет. «Нет, они уже не в состоянии контролировать последствия собственных действий, которые расходятся волнами», — подумала она.

Они могли бы выстроить бастионы, чтобы сдерживать их, но выдержат ли эти укрепления очередное цунами?

Потом они вернулись в Берроуз, въехали через юго-восточные ворота по своим швейцарским идентификационным картам и остановились в безопасном месте, где жили богдановисты из Вишняка. Богдонависты теперь работали на «Праксис». Просторная и светлая конспиративная квартира находилась примерно в полпути от северной стены горы Хант. Из ее окон открывался панорамный вид на центральную долину, ведущую к горе Бранч и Двухэтажному холму. Этажом выше располагалась танцевальная студия, и большую часть дня они проводили под

легким «топ-топ-топ-топ». На севере, прямо над горизонтом, нечеткое облако пыли и пара обозначали место, где роботы до сих пор трудились над дайкой. Майя смотрела туда во время завтрака, размышляя о новостных репортажах по телевидению и о длинных посланиях «Праксиса». Затем она занималась делами подполья, организовывала встречи на квартире или общалась с соратниками по видеосвязи. Увы, это совсем не походило на жизнь в Одессе, сложно было развить какие-то приятные привычки, что заставляло Майю нервничать и мрачнеть.

Зато она могла гулять по улицам Берроуза, шатаясь среди тысяч незнакомцев, вышагивать вдоль канала, сидеть в ресторанах у парка Принцесс или подниматься на лифте на вершину не слишком популярной Столовой горы. И везде, куда бы она ни шла, она видела аккуратные трафаретные граффити: ОСВОБОДИТЕ МАРС и БУДЬТЕ ГОТОВЫ. Или, как будто галлюцинация, предупреждение, сделанное ей ее собственной душой: НИКОГДА НЕЛЬЗЯ ВОЗВРАЩАТЬСЯ. Насколько она могла судить, красные надписи игнорировались местными: их не обсуждали и часто счищали командами уборщиков. Но они продолжали появляться: обычно на англий-

ском, а иногда — на русской кириллице. Старый алфавит вызывал у Майи ассоциации с давно потерянным другом, а порой она думала, что это просто вспышки их коллективного бессознательного, если оно у них еще осталось. Странно, но почему-то краткие послания на стенах домов никогда не теряли свой электрический разряд. Какой мощный эффект оказывало столь примитивное средство! Люди могут начать делать все, что угодно, если повторять им это регулярно.

Ее встречи с ячейками различных организаций сопротивления оказались успешными, хотя ей стало ясно, что среди них есть масса глубоких разграничений самого разного толка. Взять, к примеру, неприязнь, которую питали Красные и первопоселенцы Марса к богдановистам и группе «Свободный Марс» (Красные считали ее сообществом Зеленых, а следовательно — почти врагами). Такое отношение могло породить проблемы. Но Майя выбивалась из сил, и к ней действительно прислушивались, поэтому она чувствовала удовлетворение. Вскоре она смягчилась и к Берроузу, и к своей жизни подпольщика. Кроме того, Мишель вкупе со швейцарцами, «Праксисом» и богдановистами, которые позже покинули Берроуз, помог ей свести к минимуму

все риски, и теперь Майя могла часто встречаться с группами подполья и не бояться быть пойманной. И каждая встреча немного продвигала их вперед. Единственная неразрешимая проблема заключалась в том, что множество групп жаждали выступить немедленно. Многие, казалось, придерживались радикального направления Красных, возглавляемых Энн, и молодых, горячих голов, окружавших Джеки. В городах происходило все больше диверсий, что вызывало лишь соответствующее усиление полицейского надзора до тех пор, пока не начинало казаться, что скоро начнется открытый протест. Майя решила, что она является своего рода тормозом, и мучилась от бессоницы, думая о тех людях, которые должны были услышать ее послание. Помимо прочего она должна была напоминать богдановистам и другим ветеранам о силе их движения, подбадривать их, когда у них опускались руки. На окраинах Энн и ее Красные продолжали угрюмо громить станции.

— Все должно быть иначе, — повторяла Майя, но, похоже, Энн было наплевать.

Однако имелись и обнадеживающие знаки. Надя в Южной борозде пыталась организовать мощное движение, которое уже подчинялось

ей, и близко сотрудничала с Ниргалом и его сподвижниками. Влад, Марина и Урсула заняли свои старые лаборатории в Ахероне, работая на биоинженерную компанию «Праксиса», под его эгидой и формальным руководством. Они держали постоянную связь с Саксом, который со своей командой терраформирования скрывался в убежище кратера Да Винчи. Кстати, Сакса горячо поддерживали минойцы из Дорсы Бревиа. Обитаемые части огромного лавового туннеля протянулись еще дальше на север, чем было во времена конгресса, и новые сегменты дали приют беженцам из разрушенных или покинутых южных убежищ. Вдобавок в Дорсе Бревиа разместились целые отрасли производств. Когда Майя просматривала видео, она была потрясена. Люди ездили на машинах из одного защищенного куполом сегмента в другой и усердно работали в рассеянном свете, который приникал сквозь фильтры щелей. Они, если говорить начистоту, занимались исключительно военной промышленностью. Они строили стелс-самолеты, стелс-машины, ракеты «земля — космос» и «земля — земля», компактные убежища, некоторые из которых уже были установлены в лавовых туннелях на тот случай, если Дорса Бревиа будет

атакована. А еще они изготовляли огнестрельное ручное оружие, а по словам минойцев, Сакс тоже приложил свою руку к их достижениям, лично разработав линейку экологического оружия.

Подобная деятельность, как и само разрушение южных убежищ, способствовало тому, что в Дорсе Бревия царила атмосфера «военной лихорадки». Майя была очень обеспокоена. Сакс, находящийся в центре всего этого, был гениальным упрямцем, свихнувшейся обезьяной с гранатой. Настоящий безумный ученый! Он ни разу и не поговорил с ней напрямую, а его удары по воздушной линзе и Деймосу, хотя и весьма эффективные, по мнению Майи, стали причиной активизации Временного Правительства и атаки на юг. Она продолжала сочинять послания, в которых призывала к сдержанности и самообладанию, пока не получила раздраженный ответ Ариадны: «Майя, мы знаем. Мы сотрудничаем с Саксом и понимаем, чего хотим достигнуть, а твои слова либо ошибочны, либо очевидны. Если хочешь помочь, поговори с Красными, а нас не трогай».

Майя выругалась в ответ на видео и обсудила ситуацию со Спенсером.

— Сакс считает, что если мы начнем наступление, то нам потребуется оружие. Хотя бы на

всякий случай. Что ж, очень разумно, — произнес Спенсер.

— А что случилось с идеей обезглавливания?

— Может, он считает, что строит гильотину. Слушай, поговори с Ниргалом и Артом. Или даже с Джеки.

— Ага. Я хочу пообщаться с Саксом. Черт возьми, он должен когда-нибудь нарушить свой обет молчания по отношению ко мне! Заставь его сделать это, ты сможешь?

Спенсер согласился попробовать. Однажды утром он позвонил Саксу по выделенной частной линии в присутствии Майи. На звонок ответил Арт, пообещав постараться привести Сакса.

— Он сейчас занят, Майя. А мне все нравится! Вообрази, местные называют его «генерал Сакс».

— Господи помилуй!

— Ха! Они говорят и «генерал Надя», и «генерал Майя».

— Едва ли они называют меня так.

Скорее, Черная Вдова или сука. Убийца. Майя знала это. Выражение лица Арта подсказывало, что она права.

— Ладно! — продолжил он. — В отношении Сакса они наверняка шутят. Народ болтает о мести лабораторных крыс и о прочей ерунде.

— Ну-ну…

Идея революции, казалось, жила собственной жизнью. Это был импульс, независимый от человеческой логики. А они лишь делали то, что собирались сделать уже давно. Вне чьего бы то ни было контроля. Даже их коллективные усилия, разрозненные и тайные, как сейчас, не координировались и не соответствовали четким установкам. У них не было даже конкретной программы или хотя бы четкого представления об их дальнейших действиях. Они просто продолжили что-то делать. Каждый день.

Она попыталась объяснить это Арту, и он кивнул.

— Полагаю, что так люди и творят историю. Неаккуратно, возможно, резко… Ты как будто пытаешься оседлать тигра и умчаться на нем прочь. В подполье очень много разных людей, у них всех имеется свое собственное мнение. Но я думаю, что сейчас мы справляемся лучше, чем в прошлый раз. На Земле я работаю с несколькими проектами, веду переговоры со швейцарцами и Мировым Судом и так далее, а «Праксис» снабжает нас подробной информацией о том, что происходит между наднациональными корпорациями. Это значит, что мы стали подкованными

ребятами.

— Верно, — признала Майя.

Новости и аналитические отчеты, высылаемые «Праксисом», были более надежны, чем любые коммерческие передачи или новости.

Ну, а наднациональные корпорации продолжали сползать в то, что здесь, на Марсе, подпольщики называли наднациональным суицидом — иными словами, они следили за процессом пошагово. «Субараси» взял верх над «Мицубиси», затем над своим заклятым недругом «Армскором», а потом схлестнулся с «Амексом», который пытался отколоть США от «Группы одиннадцати».

Они наблюдали за войной корпораций изнутри. Это было и впрямь не похоже на ситуацию 50-х годов. Но все равно не слишком утешало.

Наконец на экране позади Арта появился Сакс и посмотрел на нее.

— Майя! — воскликнул он.

Она с трудом сглотнула. Простил ли он ее за Филлис? Понял ли, почему она осмелилась на убийство? Его новое лицо не давало ей подсказок, оно было столь же бесстрастно, как и старое: по-прежнему незнакомое, оно стало загадочным и абсолютно непроницаемым.

Майя собралась с силами и спросила Сакса о его планах.

— Их нет, — ответил он. — Мы еще готовимся. Нам нужно дождаться триггера. Краеугольного события, с которого все начнется. Есть пара возможностей, за которыми я слежу. Но пока ничего не происходит.

— Хорошо, — сказала она. — Но послушай, Сакс…

И она рассказала ему обо всем, что ее тревожило. Об усилении войск Временного Правительства, поддерживаемом крупными центристскими корпорациями, о постоянном стремлении к насилию в радикально настроенных течениях подполья, о чувстве, будто они скатываются в старую колею. И пока она говорила, он моргал в своей неизменной манере, и она поняла, что он действительно слушает ее — после стольких лет! Наконец-то!.. И она продолжила говорить, высказав ему все, в том числе о ее недоверии к Джеки. Она даже упомянула про свой страх оставаться в Берроузе. Это была исповедь или молитва, она умоляла рационального ученого не позволить им опять скатиться в безумие. Только не это!

Она отстраненно слышала свое робкое бормотание и теперь понимала, как сильно напугана.

А он моргал с нейтральной, прямо-таки крысоподобной симпатией.

После ее сбивчивой речи он пожал плечами и коротко ответил. Теперь с ней общался «генерал Сакс»: суровый, серьезный, отвечающий ей из странного мира собственного разума.

— Дай мне двенадцать месяцев, — заявил он, — мне нужно еще немного времени.

— Ладно, Сакс, — произнесла она, почему-то приободрившись. — Я сделаю все, что смогу.

— Спасибо, Майя.

И он пропал. Она сидела, уставившись в экран искина, чувствуя опустошенность, печаль, облегчение. Пока прощена.

И она решительно вернулась к работе, встречаясь с группами почти еженедельно. Иногда она предпринимала поездки за пределы сети в Элизии и Фарсиде, чтобы поговорить с другими подпольщиками. Койот сопровождал ее в долгих ночных путешествиях, которые напоминали ей о 61-м годе. Мишель заботился о безопасности, защищая ее с помощью команды местных, включая и эктогенов Зиготы (они перевозили ее из одной конспиративной квартиры в другую и обеспечивали новыми документами). И она говорила без конца. Вопрос был не только в том, чтобы

заставить их ждать! Она хотела скоординировать подполье, заставить согласиться с тем, что все они — настоящие или потенциальные союзники. Иногда ей казалось, что у нее все получается, она видела это по лицам людей. В иные дни все усилия уходили на то, чтобы включать тормоза — изношенные, сгоревшие — и останавливать радикалов.

Их было очень много, кроме того, их количество постоянно увеличивалось. Энн и Красные, Касэй и первопоселенцы, богдановисты под предводительством Михаила, бунианцы Джеки, арабские радикалы, возглавляемые Антаром — давним дружком Джеки, Койот, Дао, Рэйчел… Она будто пыталась остановить лавину, которая уже подхватила ее саму, и отчаянно цеплялась за камни, катясь вместе с ними вниз. В такой ситуации исчезновение Хироко почти превращалось в катастрофу.

Вернулись приступы дежавю. Они были еще сильнее, чем раньше: ведь прежде она жила в Берроузе, во времена, подобные этим, и реальность настоящего накладывалась на прошлое. Чувство было жутковатым и тревожным: это была основательная, непоколебимая убежденность, что в прошлый раз все происходило точно так же, и

вечные повторения действительно неизбежны…

Она просыпалась в холодном поту и шла в ванную комнату, на ходу думая, что и раньше все происходило именно так — и мышечные спазмы, и легкое недомогание, и боль. А гораздо позже, вечером, она встречалась с Ниргалом и его друзьями, и понимала, что это настоящий приступ, а не совпадение.

Все опять повторялось, и она напоминала себе заведенный механизм. Взмахи судьбы. «Не обращай внимания, такова реальность, — думала она. — Мы игрушки в руках судьбы. По крайней мере, ты не знаешь, что будет дальше».

Она часами говорила с Ниргалом, пытаясь его понять и заставить его понять себя. Она училась у него на собраниях и подражала ему, его блестящей, спокойной, дружелюбной уверенности, которая влекла к нему людей. Они оба были знамениты, о них обоих говорили в новостях, их обоих разыскивало Временное Правительство. Им обоим теперь приходилось держаться в стороне от людных улиц. И между ними была связь, она училась у него всему, чему могла, и надеялась, что он точно так же учится у нее. В любом случае она обладала влиянием. Это были правильные отношения, ее лучшая связь с молодежью. Это

делало ее счастливой и дарило ей надежду.

Но все это происходило в безжалостной хватке всепобеждающей судьбы! Уже виденное, всегда готовое — всего лишь химия мозга, по словам Мишеля. Задержки или повторения нервных сигналов давали ей ощущение, будто настоящее — это часть прошлого. А может быть, так оно и было. Майя приняла свой диагноз и пила все, что он ей выписывал, не жалуясь и не надеясь. Каждое утро и каждый вечер она открывала отделение в контейнере, который он подготавливал ей на неделю, и принимала таблетки, не задавая вопросов. Она не срывалась на него, больше не чувствуя такой необходимости. Возможно, бессонная ночь в Одессе исцелила ее, или он наконец подобрал верное сочетание лекарств. Она надеялась на это и ходила с Ниргалом на встречи, возвращаясь в комнату под танцевальной студией полностью изможденной. И все же очень часто не могла заснуть. Ее здоровье ухудшилось, начались проблемы с пищеварением, радикулит, боли в груди… Урсула рекомендовала пройти еще один курс антивозрастной терапии. Говорила, что это всегда помогает. А с последними методами сканирования несоответствий в геноме — быстрее, чем когда-либо. Это займет самое

большее неделю. Но Майе казалось, что у нее нет лишней недели.

— Потом, — ответила она Урсуле. — Когда все закончится…

Иногда по ночам Майя не спала и читала о Фрэнке. Она забрала с собой фотографию из Одессы и приколола на стену у кровати на конспиративной квартире в горе Хант. Она все еще чувствовала давление его наэлектризованного взгляда, поэтому иногда в бессонные ночи читала о нем и пыталась больше узнать о его дипломатических усилиях. Она пыталась понять, что ему удавалось, и действовать так же, а вместе с этим старалась выяснить, что из сделанного им было, по ее мнению, не верно.

Однажды ночью в своей комнате, после напряженного визита в Сабиси и встречи со все еще прячущимся в лабиринте сообществом, она заснула над планшетом, где была открыта книга о Фрэнке. Внезапно она проснулась, беспокойно прошла в гостиную, выпила воды, затем вернулась и снова принялась за книгу.

В ней рассказывалось о периоде между конвенцией 2057 года и началом беспорядков в 61-м. В те годы Майя была ближе всего к Фрэнку, но она плохо помнила тот период, словно вспышки мол-

ний, моменты электрической интенсивности, разделенные длинными промежутками чистой темноты. Повествование в книге не пробуждало в ней ни малейшего чувства узнавания, несмотря на то что ее имя упоминалось довольно часто. Историческое жамевю…

Койот спал на диване и стонал во сне. Неожиданно он открыл глаза и огляделся в поисках источника света. Проходя мимо в ванную, он заглянул Майе через плечо.

— Ага, — многозначительно протянул Койот. — О нем много чего пишут.

Майя промолчала. Когда же Койот вернулся, она сказала:

— Полагаю, ты знаешь больше.

— Верно.

Майя посмотрела на него в упор.

— Дай-ка мне угадать! Ты тоже был в Никосии, — заявила она, вспомнив, что читала где-то об этом.

— Ты права.

Он тяжело опустился на диван, уставился в пол.

— Я видел, как той ночью Фрэнк швырял камни в окна, он прямо-таки играючи начал бунт. — Койот поднял взгляд и посмотрел ей в глаза. — Он

разговаривал с Селимом аль-Хаилем в парке примерно за полчаса до того, как на Джона совершили нападение. Понятно тебе?

Майя стиснула зубы и уставилась в планшет, игнорируя его. Койот растянулся на диване и захрапел.

По-настоящему старые новости!.. Зейк ясно дал понять, что никто никогда не развяжет роковой узел, что бы они там ни видели или думали! Никто не мог быть ни в чем уверен, когда речь шла о столь далеких годах: ведь даже их собственные воспоминания всякий раз неуловимо менялись! Единственное, чему можно было верить, так только этим непрошеным извержениям из недр, нечаянным прыжкам в прошлое (однако слишком уж ярким, чтобы быть правдой). Кроме того, они часто касались не важных событий. И Койот был просто очередным недостоверным источником из ряда прочих.

Когда слова текста на экране стали вновь различимы, она продолжила чтение.

> Попытки Чалмерса остановить разгул насилия в 2061 году были безуспешны, поскольку он просто не знал всего масштаба проблемы. Как и большинство прочих из

первой сотни, он не мог на самом деле представить действительное население Марса в 2050-х годах, которое тогда уже превышало миллион человек. Чалмерс считал, что сопротивление возглавляет и координирует известный ему Аркадий Богданов, и даже не подозревал о том, что Оскар Шнеллинг имеет влияние в Королёве. Не догадывался он ни об активном движении Красных за освобождение Элизия, ни о тех безымянных пропавших, которые сотнями покидали поселения. Пребывая в неведении и не умея представить масштабов проблемы, он обозревал лишь малую ее часть.

Майя откинулась, вытянулась, оглянулась на Койота. Было ли это правдой? Она попыталась подумать о тех годах, вспомнить их. Фрэнк все знал, не так ли? «Мы играем с огнем, как дети». Разве не говорил ей Фрэнк нечто подобное примерно в тот темный период? Или она ошиблась и просто вспомнила старую поговорку?

«Играем с огнем». Высказывание буквально повисло в воздухе — отдельно от любого контекста, который мог бы действительно все

объяснить! И она была твердо уверена в одном: Фрэнк осознавал, что существует огромная масса возмущенных и желающих дать отпор! Фрэнк был проницательным, как автор мог упустить данный факт?! Если уж на то пошло, мог ли хоть какой-нибудь историк, сидя в кресле и просматривая записи, быть в курсе того, что знали они. Мог ли он уловить, как они чувствовали, то время разрозненную, молниеносную природу ежедневного кризиса? Бури и ураганы, с которыми они боролись?..

Она опять попыталась вспомнить лицо Фрэнка и увидела его образ, жалко сгорбившийся над кофейным столиком, белая ручка от кофейной чашки крутится под ногами, и чашку разбила она сама. Но почему? У нее что, амнезия? Старческий маразм? Она принялась листать книгу дальше: с каждым параграфом пролетали месяцы — то был сухой анализ, полностью отстраненный от ее скудных воспоминаний. Вдруг взгляд ее зацепился за одно предложение, и она принялась читать, как будто рука на горле заставляла ее не отрываться от текста.

Со времен их первой связи в Антарктике, Тойтовна имела власть над Чал-

мерсом, которая никогда не ослабевала вне зависимости от того, насколько она мешала его собственным планам. Таким образом, когда он вернулся из Элизия в последний месяц перед восстанием, Тойтовна встретилась с ним в Берроузе, и они оставались вместе неделю, в течение которой всем было ясно, что они ссорятся. Чалмерс решил остаться в Берроузе, где конфликт переживал критическую точку, Тойтовна хотела, чтобы он вернулся в Шеффилд. Однажды ночью он пришел в одно кафе возле канала настолько разозленный и обезумевший, что официантка испугалась. Потом появилась Тойтовна, все ожидали скандала. Но он просто сидел и молча слушал ее. Тойтовна долго говорила ему обо всем, что их связывало, неустанно повторяла ему об их совместном прошлом и о том, что они значат друг для друга. В конце концов, она убедила Чалмерса вернуться в Шеффилд, где он не способен был контролировать растущее насилие в Элизии и Берроузе. Так началась революция.

Майя уставилась в экран. Нет, все было по-другому! Что за чушь! Связь в Антарктике? Нет, никогда!

Но однажды она спорила с ним в каком-то ресторане и, без сомнения, за ними наблюдали. Как трудно вспомнить! Но эта глупая книга, полная необоснованных спекуляций, не имеет отношения к историческим реалиям. А вдруг любая история именно так и выглядит, если ты свидетель событий и можешь судить более-менее объективно?

Повсюду ложь. Она стиснула зубы, закаменела, пальцы принялись скрести затылок, как будто она могла вырыть мысли из головы. Но это было все равно, что царапать камень. И сейчас, когда она пыталась вспомнить конкретную стычку в кафе, ей на ум не приходило ни единого зрительного образа. Фразы из книги заслонили общую картину.

«…она говорила ему обо всем, что их связывало…» Нет! Нет!

Наверное, он сидел, сгорбившись над столом, а потом поднял на нее взгляд и…

…и опять перед ней было юное лицо Чалмерса с той старой фотографии, которая висела в ее кухонном уголке в Одессе.

Майя застонала, заплакала, впившись зубами в стиснутые кулаки и всхлипывая.

— Ты в порядке? — вяло спросил Койот с дивана.

— Нет.

— Нашла что-то?

— Нет.

Книги стерли Фрэнка. И время. Годы прошли, и для нее — даже для нее — Фрэнк Чалмерс превращался в не что иное, как в крохотный исторический персонаж из ряда многих. Человечек, на которого смотришь с обратной стороны телескопа. Имя в какой-нибудь книге. Кто-то, о ком читают наряду с Бисмарком, Талейраном, Макиавелли. А ее Фрэнк… умер.

Все чаще несколько часов в день она проводила с Артом, просматривая отчеты «Праксиса», пытаясь найти какие-нибудь схемы и понять их. Они получали от «Праксиса» огромное количество данных, и у них появилась проблема, обратная той, что стояла в кризис перед 61-м годом, — не недостаток информации, а ее переизбыток. Вопросы только множились, и порой Майя приходила в отчаяние. Дюжина стран обратились к ООН, все — клиенты «Консалидэйтед» или «Субараси», они требовали закрытия Мирового Суда,

поскольку его функции были избыточны. Наднациональные корпорации охотно поддержали этот запрос. Сам же Мировой Суд долгое время выступал в качестве органа ООН, и кое-кто утверждал, что будущее решение ООН — совершенно правомочно и законно. Но в результате были прерваны некоторые находившиеся на рассмотрении иски, что привело к столкновениям между Украиной и Грецией.

— Что происходит? — возмущалась Майя и гневно смотрела на Арта. — Кто-нибудь вообще занимается Мировым Судом?

— Конечно. У наднациональных корпораций есть и президенты, и советы директоров, они собираются вместе и обсуждают текущие проблемы, ищут выходы из кризиса… Это как Форт и «восемнадцать бессмертных» в «Праксисе», хотя «Праксис» более демократичен, чем остальные. Кстати, именно руководители корпораций назначают исполнительный комитет Временного Правительства, который принимает решения на местном уровне. Я даже могу назвать пару-тройку имен, но не думаю, что они обладают такой же властью, как люди на Земле.

— Забудь.

Естественно, ответственность несли люди.

Но никто ничего не контролировал. Виноваты были обе стороны. Точно так же это было справедливо и для сопротивления. Особенно, когда дело касалось диверсий против буровых платформ в Северном океане, которые приобрели повальный характер. Майя догадывалась, кто был там зачинщиком. Она говорила с Надей о том, чтобы побеседовать с Энн, но Надя лишь качала головой.

— Без вариантов. Я не могу поговорить с ней со времен Дорсы Бревиа. Она одна из самых радикальных Красных.

— Как всегда.

— По-моему, раньше она была другой. Но сейчас прошлое уже не имеет значения.

Майя покачала головой и вернулась к работе. Она упорно работала вместе с Ниргалом, слушая его инструкции и давая ему советы. Ниргал превратился в ее лучшее связующее звено с молодежью. Вдобавок он оказался самым влиятельным, харизматичным и одновременно сдержанным. Он, как и Майя, хотел дождаться ключевого момента, а затем предпринимать согласованные действия. Но то была, разумеется, лишь одна из причин, по которой Майю тянуло к нему. Его теплота, открытость, приподнятое

настроение и отношение к ней тоже играли немаловажную роль.

Ниргал разительно отличался от Джеки, хотя Майя знала, что их связывают тесные, сложные отношения, берущие начало еще в детстве. Но теперь они словно стали чуждыми друг другу, что совсем не расстраивало Майю. Конечно, Ниргал и Джеки сильно расходились в плане политики. Джеки, как и Ниргал, была лидером и собирала толпы последователей под своим бунианским крылом первопоселенцев Марса, которые выступали за скоропалительные действия. Данный факт делал ее союзницей Дао, но не Ниргала, по крайней мере в том, что касалось политики.

А Майя выбивалась из сил, чтобы поддержать Ниргала в среде марсианской молодежи. На собраниях она всегда выступала за зеленую, умеренную, не насильственную, координируемую из центра общую стратегию. Но она чувствовала, что многие новички среди юных местных все больше увлекались Джеки и первопоселенцами, в основном, Красными радикалами, которые выступали за насилие и анархию…

Майя была недовольна. А стачки, демонстрации, уличные схватки, диверсии и экотаж подтверждали ее выводы. И дело было даже не

в том, что новообращенные молодые марсиане шли к Джеки: к ней присоединялись и эмигранты из числа только что прибывших! Опасная тенденция ставила Майю в тупик, и однажды, после того как они проработали отчет «Праксиса», она пожаловалась Арту.

— Неплохо иметь на нашей стороне как можно большее число эмигрантов, — дипломатично ответил он.

Когда он не вел прямых переговоров с Землей, то просто слонялся вокруг, между группами сопротивления, пытаясь найти их точки соприкосновения. Такова была его собственная тактика.

— Но почему они присоединяются к ней? — требовательно спросила Майя.

— Знаешь ли, эмигранты прилетают на Марс, а потом слышат о демонстрациях или даже участвуют в какой-нибудь стачке, начинают расспрашивать местных, слушают всякие истории и чувствуют свою сопричастность к событиям, — задумчиво проговорил Арт. — Некоторые считают, что если они присоединятся к очередной демонстрации, то их сразу зауважают, понимаешь? Наверное, есть и марсианские молодые женщины, которые по слухам могут

проявить благосклонность, верно? И они идут туда с расчетом, что если помогут местным, то одна из этих больших девочек пригласит их, в конце концов, проводить себя до дома.

— Ладно тебе, — буркнула Майя.

— С некоторыми так и случается.

— А Джеки получает своих новых рекрутов.

— Я не уверен, что эти же методы не работают и для Ниргала. И вряд ли люди понимают разницу между ними. Здесь есть тонкая грань, а ты более информированна, чем они.

— Хм.

Она вспомнила, как Мишель говорил ей, как важно бороться за то, что ты любишь, против того, что ненавидишь. И она действительно любила Ниргала. Он был прекрасным молодым человеком, лучшим из всех рожденных на Марсе.

И, безусловно, не следовало презирать подобную мотивацию, ту эротическую энергию, которая вела людей на улицы… Хотя им стоило быть более мыслящими существами. Джеки из кожи вон лезла, только бы привести их к еще одной глупой, незапланированной революции, а результаты могли быть катастрофическими.

— Вот одна из причин, по которой люди следуют за тобой, Майя.

— Что?

— Ты меня слышала.

— Не будь дураком…

Хотя ей было приятно слышать это из уст Арта. Может, ей надо перенести свою борьбу за контроль и на этот уровень тоже. Хотя у нее не будет преимуществ. Зато она создаст партию стариков. Хотя, по сути, старики уже давно гуртовались вместе…

Майя покачала головой. А ведь это была ее идея, которую она выпестовала еще в Сабиси, что иссеям следует взять контроль над сопротивлением и направлять подпольщиков по верному курсу. И многие из них посвятили именно этому десятилетия своей жизни! Но ничего не сработало. Их превзошли числом. А теперь почти все они — неоперившиеся новички Марса и эмигранты с Земли — рвались в бой. Иссеи могли лишь попытаться оседлать тигра. И продолжать свое дело…

Она вздохнула.

— Устала?

— Опустошена. Работа меня убивает.

— Отдохни.

— Иногда, разговаривая с людьми, я чувствую себя осторожным консервативным трусом и скептиком. Вечно «не делай этого», «не делай

того». Надоело! Иногда я спрашиваю себя, а что, если Джеки права?

— Ты шутишь? — спросил Арт, округлив глаза. — Ты — одна из тех, на ком все держится, Майя. Ты, Надя, Ниргал. И я. Но у тебя… у тебя есть аура.

«Репутация убийцы, ты хотел сказать», — подумала она.

— Ты просто устала. Отдохни. Скоро полночь.

Как-то раз Мишель разбудил ее, когда она только задремала. Выяснилось, что в другом полушарии служба безопасности «Армскора» предположительно внедрилась в «Субараси» и перехватила лифт. Наступил хаос, и в минуту неопределенности отчаянные первопоселенцы Марса попытались захватить гнездо лифта в Шеффилде. Попытка провалилась, группа захвата была уничтожена, кончилось тем, что «Субараси» вернули контроль и над Шеффилдом, и над Кларком, и над большей частью Фарсиды.

Там уже наступил полдень, и огромная толпа высыпала на улицы Шеффилда, выступая против насилия или захвата — было сложно сказать наверняка. Толпа не имела конкретной цели. Полусонная Майя и Мишель смотрели, как отряды полиции в легких скафандрах и шлемах рассека-

ли группы демонстрантов на мелкие сегменты и отгоняли их слезоточивым газом и резиновыми дубинками.

— Дураки! — закричала Майя. — Что они творят? Они обрушат на нас земную военщину!

— Похоже, они рассредоточиваются, — сказал Мишель, глядя в маленький экран. — Кто знает, Майя… Такие картинки могут пробудить людей. Они выиграют первое сражение, но потеряют поддержку повсюду.

Майя разметалась на диване и зевнула.

— Возможно, — произнесла она. — Но теперь будет еще сложнее сдерживать людей столько времени, сколько нужно Саксу.

Мишель, уткнувшись в экран, отмахнулся.

— Как долго, по его мнению, ты сможешь справляться?

— Понятия не имею.

Они смотрели, как репортеры трещат о террористическом насилии. Майя застонала. Спенсер за экраном другого искина разговаривал с Нанао из Сабиси.

— Кислород быстро накапливается. Там должно быть что-то без генов самоубийства. Уровень углекислого газа? Да, он снижается. Да, есть тьма полезных бактерий, перерабатывающих углерод.

Они разрастаются как сорняки. Я спросил Сакса, он просто моргает… Он неконтролируем, как и Энн. А она устраивает диверсии, где только может.

Когда Спенсер закончил говорить, Майя спросила его:

— Сакс еще хочет, чтобы мы сдерживали это?

Спенсер пожал плечами.

— Полагаю, он ждет событие, которое сочтет триггером. А сейчас с ним, похоже, бессмысленно вступать в диалог. Но если мы не остановим Красных и первопоселенцев, не важно будет, чего там хочет Сакс.

Поползли недели. Постоянные уличные демонстрации продолжились в Шеффилде и перекинулись на Южную борозду. Майя считала, что они лишь навлекут на себя усиление полицейских сил, но Арт возражал в поддержку митингов.

— Мы должны дать понять Временному Правительству, насколько разросся протест, чтобы они не пытались давить нас вслепую, ты понимаешь, о чем я? Нам нужно, чтобы они чувствовали — нас много и мы их не любим. Если хочешь знать мое мнение, толпы на улицах — единственное, что пугает правительство.

И вне зависимости от того, соглашалась Майя

или нет, теперь она действительно ничего не могла поделать. Проходили дни, и она продолжала просто упорно работать, путешествуя и встречаясь с одной группой за другой. В ее теле каждый мускул звенел струной, и ночами она ворочалась в кровати, проваливаясь в измученный сон на час-два перед рассветом.

Однажды утром северной весной 52-го М-года (2127-го земного) она проснулась, чувствуя себя лучше, чем обычно. Мишель спал, она оделась, вышла на улицу, прогулялась по центральному бульвару и направилась к небольшому кафе возле канала. В такие часы ей нравилось в Берроузе. Несмотря на усиленные меры безопасности на воротах и станциях, здесь иногда по-прежнему можно было свободно бродить повсюду, и в толпе ее едва ли могли вычислить и арестовать. Она села за столик, выпила кофе и съела булочку, наблюдая за низкими серыми тучами, которые тащились параллельно склону Сиртиса и двигались к дайке на востоке. Циркуляция воздуха под куполом была достаточно интенсивной, чтобы физические ощущения соответствовали марсианскому пейзажу. Это было странно, настолько Майя привыкла к тому, что бурное небо не соответствует равномерному току воздуха под

куполом. Стройная, дугой изогнутая труба моста от холма Эллис к горе Хант кишела людьми, спешащими на работу.

Нужно жить нормальной жизнью. Она вскочила, расплатилась и пошла куда глаза глядят. Она шагала мимо рядов белых колонн Байерса, через парк Принцесс к новым куполам, возведенным вокруг бугров пучения, где располагались фешенебельные дома. Здесь, в высоко расположенном западном районе, можно было увидеть весь Берроуз. Майя оглянулась — город лежал перед ней как на ладони. Она полюбовалась раскидистыми деревьями и бульварами, четкой геометрией улиц и каналов. Огромные столовые горы напоминали ей средневековые земные соборы… Отвесные скальные обрывы испещряли трещины и складки, и лишь горизонтальные линии мерцающих окон выдавали, что внутри есть пустоты, что каждая такая гора — сама по себе целый город.

И этот мир жил на красной песчаной равнине, под огромным невидимым куполом, соединенный с другими мирами пешеходными мостиками, сверкающими ярким блеском мыльных пузырей. Ах, Берроуз!

Она поглядела на тучи и пошла обратно по

узким улочкам, обрамленным фасадами домов и садами. Вскоре она вернулась в гору Хант, в их квартиру под танцевальной студией. Мишеля и Спенсера не оказалось дома, и сперва она просто стояла у окна и опять наблюдала за тучами, бегущими по небу. Она пыталась выполнить за Мишеля его терапевтическую работу, обуздать свое настроение и притянуть его к некоему стабильному центру. С потолка доносилось легкое нестройное топ-топ-топ. Началось очередное занятие. Затем топот раздался в коридоре перед дверью, и кто-то громко постучал. Она бросилась в холл открывать дверь, сердце билось, как потолок под ногами танцующих.

Это были Джеки, Антар, Арт, Ниргал, Рэйчел, Франц и остальные эктогены Зиготы. Вся орава ввалилась внутрь и принялась трещать со скоростью звука, так что Майя не могла разобрать ни единого слова. Она приветствовала их так сердечно, как только могла, учитывая присутствие Джеки. Собравшись с силами, она изгнала из взгляда ненависть и поговорила с каждым из них, даже с Джеки, об их планах. Они прибыли в Берроуз, чтобы организовать демонстрацию в Парк-Канале. Все ячейки были извещены, и они надеялись, что к ним присоединится множество

тех, кто пока еще толком не определился.

— Надеюсь, это не вызовет ответных репрессий, — заметила Майя.

Джеки триумфально улыбнулась.

— Помни: никогда нельзя возвращаться, — произнесла она.

Майя закатала глаза и пошла заваривать чай. Она старалась подавить горечь. Они встретятся со всеми лидерами ячеек в городе, и Джеки очарует их, она будет убеждать их начать восстание немедленно, действуя без какой-либо стратегии. Майя ничего не могла поделать с этим — увы, время, когда из Джеки можно было выбить дурь, прошло.

И она занялась своими гостями, забирая их куртки, раздавая бананы и сбрасывая ноги с диванных подушек. Она чувствовала себя динозавром среди млекопитающих, динозавром в новом климате, среди быстрых теплокровных существ, которые презирали ее, расхаживали вокруг, увертывались от ее ударов и бегали за ее волочащимся хвостом.

Пришел ссутулившийся Арт, как всегда неряшливый и расслабленный, и принялся греметь чайными чашками. Она спросила его, что слышно от Форта, и он сообщил ей кое-какие земные но-

вости. «Субараси» и «Консолидэйтед» находились под атакой армий фундаменталистов. Похоже, что последние заключили между собой союз, хотя то было лишь иллюзией, поскольку христианские и мусульманские фундаменталисты ненавидели друг друга и презирали индуистских радикальных лидеров. Наднациональные корпорации использовали возрожденную ООН и ясно давали понять, что они будут должным образом защищать свои интересы. «Праксис», «Амекс», Швейцария и Индия прибегали к помощи Мирового Суда, но больше к нему никто не обращался.

— По крайней мере, они боятся Мирового Суда, — сказал Мишель, который пришел вместе со Спенсером через несколько минут после Арта.

Но Майе казалось, что безумное соперничество между корпорациями превращается в войну между преуспевающими и смертными, которая могла стать гораздо более взрывоопасной. И это будет тотальная война, а не обезглавливание.

Они с Артом обговорили ситуацию, пока занимались сервировкой. Шпион или нет, но Арт знал Землю, у него были острые политические суждения, а также интуитивное видение проблемы. Он был словно мягкий вариант Фрэнка. Было ли данное сравнение верным? Так или иначе, но Арт

и впрямь чем-то смутно напоминал Фрэнка, и ей это даже нравилось. Правда, никто, кроме нее, не видел сходства между Фрэнком и неуклюжим хитрецом Артом: это было только ее восприятие.

Через некоторое время в квартиру набилась куча народа: к ним пожаловали лидеры ячеек и люди из соседних поселений. Майя устроилась в кресле и наблюдала за Джеки. «Все сопротивление пришло сюда ради тебя, Джеки», — мрачно думала она.

То, как Джеки использовала образ своего деда, размахивая им будто флагом, под которым собиралось ее войско, выглядело тошнотворно. Не Джон собирал к ней ее последователей, а белая блузка с широким декольте. Шлюха! Неудивительно, что Ниргал отстранился от нее.

Теперь она увещевала их со свойственным ей пылом и энтузиазмом, выступая за восстание, не заботясь о том, сплоченны их ряды или нет. А для так называемых бунианцев Майя была не кем иным, кроме как древней любовницей великого человека, а может, и причиной его смерти. Окаменелая одалиска, исторический конфуз, объект мужской страсти. Елена Троянская, вызванная обратно Фаустом, иллюзорная и странная. Ах, наверное, она скоро совсем рехнется, старая пе-

речница… Но она хранила молчание и спокойно смотрела на них, обеспечивая гостей едой и питьем. Другого выбора у нее не было.

Теперь она стояла на кухне, глядя в окно на крыши жилищ Берроуза. Она потеряла все влияние, которое имела на сопротивление. Мир развалится раньше, чем Сакс или хотя бы кто-нибудь из них будет готов. Джеки весело разглагольствовала в гостиной, организовывая демонстрацию. Она вовлекала в чудовищную авантюру десять тысяч человек или даже все пятьдесят, кто его знает?.. Если полицейские будут усмирять толпу слезоточивым газом и резиновыми пулями, дубинками, то пострадают невинные люди, может, кого-то убьют. Они погибнут в Берроузе, хотя могли бы мирно прожить тысячи лет. Но Джеки продолжала вещать, радостная и беспечная, горящая, словно пламя.

Солнце светило сквозь просвет в тучах: серебряное и зловеще громадное. Арт пришел на кухню и сел за стол, переключая что-то на искине, влипнув лицом в экран.

— Получил сообщение от «Праксиса» на консоль, — пробормотал он, уткнувшись в искин носом.

— Ты что, близорукий? — раздраженно спро-

сила Майя.

— Не думаю… Ого! Ка бум… Слушай, тащи сюда Спенсера.

Майя окликнула Спенсера, который тут же ринулся на кухню. Джеки проигнорировала их и продолжала говорить. Спенсер сел за стол рядом с Артом, тот откинулся на спинку стула, разинув рот. Спенсер начал читать сообщение, а через пять секунд резко выпрямился и посмотрел на Майю со странным выражением лица.

— Вот оно, — сказал он.

— Что?

— Триггер.

Майя подошла и стала читать послание с экрана. Внезапно она привалилась к столу, почувствовав странное ощущение невесомости. Им не надо было сдерживать лавину. Она сделала это, она успела… В момент фиаско им улыбнулась удача!

Ниргал пришел спросить, что происходит, привлеченный их тихими переговорами. Арт сказал ему, и глаза Ниргала зажглись, он не мог сдержать возбуждения.

— Это правда? — спросил он, обернувшись к Майе.

Она бы расцеловала его, однако просто кивнула,

не в силах говорить, и направилась в гостиную. Джеки все еще проповедовала, и Майя прервала ее с величайшим удовольствием.

— Демонстрация отменяется.

— О чем вы? — спросила Джеки, потрясенная и раздосадованная. — Почему?

— У нас революция.

Часть десятая

Фазовый переход

Часть десятая
Фазовый переход

Они занимались серфингом, когда прибежал ученик и принялся прыгать по пляжу, давая понять, что случилось нечто невероятное. Все выскочили на влажный песок и стали слушать новости. Спустя час они уже были на пути в аэропорт и вскоре взлетели в маленьком космическом самолете исследовательского отдела. Челнок носил имя «Голлум». Они направились на юг и, находясь над Панамой, набрали высоту в пятьдесят тысяч футов. Челнок задрал нос вверх, пилот включил ускорение, и на несколько минут они оказались прижаты к противоперегрузочным креслам. Трое пассажиров разместились в кокпите — прямо за кабиной пилотов. В иллюминаторы виднелась обшивка самолета. Сперва она казалась оловянной, а потом засияла яркими красками. Когда к солнечно-желтому добавился пылающий бронзовый оттенок, они почувствовали себя ветхозаветными Седрахом, Мисахом и Авденаго, спокойно сидящими в раскаленной печи.

Затем покрытие самолета чуть потемнело, а пилот выровнял машину. Теперь они летели примерно на высоте восемьдесят миль над Землей и смотрели вниз на Амазонку и становой изгиб Анд. Пока челнок держал курс на юг, один из пассажиров, геолог, объяснил ситуацию своим спутникам.

— Ледовый щит западной Антарктики покоится на скальном основании, расположенном ниже уровня моря. Однако это континентальная земля, а не дно океана, и под западной Антарктидой расположена своеобразная зона бассейнов и хребтов, очень активная геотермально.

— Западная Антарктика? — уточнил Форт, нахмурившись.

— Ее меньшая часть, с полуостровом, направленным в сторону Южной Америки и шельфовым ледником Росса. Западный ледяной щит находится между хребтами полуострова и трансантарктическими горами, в центре континента. Взгляните на глобус. — Он вытащил из кармана резиновый глобус, детскую игрушку, надул его и передал по кругу. — Итак, западный ледяной щит находится на скале ниже уровня моря, но почва там теплая, и есть даже несколько подледных вулканов, поэтому сам лед немного подтаял.

Вода, конечно, смешалась с вулканическими выделениями и образовала так называемый тилль. У данного вещества консистенция зубной пасты. Когда ледник скользит по тиллю, он двигается быстрее обычного, и в районе западного щита начались оползни, которые позже превратились в настоящие ледяные потоки. Их берега тоже формирует лед, который, если можно так выразиться, неторопливый. Постараюсь объяснить… например, ледяной поток движется со скоростью два метра в сутки, в то время как лед вокруг проходит два метра в год. А его параметры таковы: пятьдесят километров ширины и километр глубины. В общем, это настоящая река, стекающая с полудюжиной других потоков в шельфовый ледник Росса. — Он кончиком пальца прочертил невидимые линии на глобусе. — Теперь потоки и щит сошли со скального основания и начали дрейфовать в море Росса, это называется линией налегания.

— Глобальное потепление не за горами? — осведомился приятель Форта.

Геолог покачал головой.

— Потепление особой роли не играет. Оно немного подняло температуру и уровень воды, но дело явно в другом. Проблема заключается в том,

что мы до сих пор находимся в межледниковом потеплении, которое началось в конце последнего ледникового периода, оно-то как раз и посылает тепловой импульс вниз, сквозь твердый покров полярных районов. Данный импульс идет уже восемь тысяч лет! А линия налегания западного щита восемь тысяч лет представляет собой движущийся остров. Сейчас происходит серьезное извержение одного из подводных вулканов. Оно длится почти три месяца. Линия налегания стала отступать со все увеличивающейся скоростью еще несколько лет назад, а она находилась очень близко к точке извержения. Похоже, что вулканическая активность сдвинула линию налегания, и теперь океанская вода бежит между ледяным щитом и скальным основанием, точно в жерло активного вулкана. Вот почему щит раскалывается. Он поднимается, соскальзывает в море Росса, и айсберги уносит прочь течениями.

Его слушатели уставились на детский глобус. Самолет уже летел над Патагонией. Геолог отвечал на их вопросы, указывая на те или иные области на глобусе. По его словам, такого рода вещи случались и раньше — и далеко не единожды. Западная Антарктика была океаном, сушей и ледяным щитом множество раз в течение

миллионов лет — с тех пор, как тектоническое движение поместило материк туда, где он сейчас находился. И оказалось, что там имелось несколько нестабильных участков, имеющих отношение к долгосрочным изменениям температуры. Геолог назвал их «триггерами нестабильности» и добавил, что именно они приводили к самым значительным изменениям.

— С точки зрения геологии эта климатологическая ерунда практически мгновенна. Гренландский щит — веское доказательство того, как за три года мы перешли от ледникового периода к межледниковому состоянию. — Геолог покачал головой.

— А разломы в самом щите? — спросил Форт.

— Мы считаем, что обычно они занимают пару сотен лет, а значит, и происходят очень быстро! Они являются инициаторами трансформаций. Но на сей раз извержение вулкана усложнило ситуацию. Посмотрите на банановый пояс[36].

Он указал вниз — на другой стороне пролива Дрейка виднелся узкий ледяной гористый полуостров, расположенный в том же направлении, что и оконечность Огненной Земли.

---

[36] Примечания: 36

Участок большого географического региона с мягкими климатическими условиями.

Пилот аккуратно накренил самолет вправо, затем влево и начал широкий, ленивый поворот. Внизу виднелись знакомые очертания Антарктики, сделанные как будто со спутниковых фотографий, правда, сейчас континент был словно раскрашен блестящими красками и четко прорисован. Кобальтовый синий океана, цепочка циклонических облачных систем, закручивающихся спиралью далеко на севере, текстурированный блеск солнца в воде и масса льда с флотилией крошечных айсбергов — таких белых на темном фоне!

Но четкая геометрическая форма континента теперь оказалась испятнана зияющими сине-черными трещинами — как раз в районе за запятой Антарктического полуострова. И море Росса стало еще более изломанным фьордами и радиальной сеткой бирюзовых трещин. От берега моря Росса вверх по направлению к южной части Тихого океана дрейфовало несколько слоистых айсбергов: они уплывали прочь, словно оторванные куски континента. Самый крупный мог, пожалуй, сравняться с южным островом Новой Зеландии!

После созерцания этого зрелища геолог указал им на некоторые детали раздробленного и умень-

шившегося западного ледяного щита. Ученый обозначил место, где, по его мнению, располагался активный подледный вулкан, хотя в этой точке не было ничего особенного. Но они продолжали зачарованно смотреть в иллюминаторы.

— А вот и шельф Ронне, — сказал геолог, — и море Уэдделла. Туда также сползает лед. А на дальнем краю шельфа Росс располагался Мак-Мердо. Лед протолкнуло через залив, и он прошел по всему участку.

Пилот пошел на второй круг над континентом.

— И какой эффект это все возымеет? — поинтересовался Форт.

— Согласно теоретическим моделям, уровень Мирового океана поднимется на шесть метров.

— Шесть метров! — присвистнул Форт.

— Конечно, для полного подъема потребуется несколько лет, но процесс уже начался. Этот катастрофический разлом за три недели поднимет уровень моря на два или три метра. А остатки щита будут дрейфовать год или, возможно, пару лет, что добавит нам еще три метра.

— Но разве из-за этого может подняться уровень во всем океане?

— Увы.

— Неужто в Антарктике столько льда?

— Судите сами, внизу, прямо под нами, находится большая часть мировых запасов пресной воды. Можно лишь порадоваться, что восточный антарктический щит стабилен. Если бы соскользнул он, подъем составил бы шестьдесят метров.

— Ничего себе, — пробормотал Форт.

Они завершили еще один облет.

— Нам лучше возвратиться, — заметил пилот.

— Конец пляжному отдыху, — заявил Форт, отводя взгляд от окна. — Полагаю, нам пора собирать вещи.

Когда началась вторая Марсианская революция, Надя находилась в верхней части каньона долины Шалбатана, к северу от долины Маринер.

В некотором смысле можно сказать, что именно Надя все и начала.

Она временно покинула Южную борозду, чтобы пронаблюдать за завершающей стадией проекта, который затронул Шалбатана. (Точно так же было и в каньоне Ниргал, и на востоке Эллады.) Крыша-купол покрывала участок Шалтабана, где уже царил мягкий умеренный климат. Здесь имелась и речушка: ее подкачивали насосы из водоносного слоя Льюиса, расположенного в 170 километрах к югу. Сама Шалбатан представляла собой длинную череду лениво изогнутых латинских букв «S», и дно каньона выглядело весьма живописно, но установку купола это затрудняло.

Правда, Надя руководила проектом, уделяя ему лишь малую долю своего внимания, поскольку она всецело сфокусировалась на стремительно развивающихся событиях на Земле. Она каждый день выходила на связь со своей группой в Южной борозде, а также с Артом и Ниргалом в Берроузе, и они информировали ее о последних новостях. Она очень интересовалась делами Ми-

рового Суда: тот пытался закрепиться как арбитр в растущем конфликте «Субараси» и «Группы одиннадцати», выступая против «Праксиса», Швейцарии и конгломерата Индии и Китая. Как говорил Арт, организация хотела стать «уникальным мировым судом». После того как начались бунты фундаменталистов, а наднациональные корпорации приготовились защищаться, попытка эта казалась Наде обреченной на провал. Надя пришла к печальному выводу, что события на Земле опять войдут в штопор и Терра погрузится в в хаос.

Но экономические кризисы перестали иметь какое-либо значение, когда Сакс позвонил ей и сообщил о разломе западного антарктического ледяного щита. Надя приняла звонок за рабочим столом, сидя в конструкторском трейлере. Услышав новость, она уставилась на лицо Сакса на экране.

— Что ты имеешь в виду? Он треснул?

— Его приподняло со скального основания. Там происходит извержение вулкана. Океанические течения разбили щит.

Видеоролик, который он переслал, показывал Пунта-Аренас, чилийский портовый город, доки и улицы которого уже затопило. Затем Надя

увидела Порт-Элизабет в Азании, где ситуация оказалась практически продублирована.

— Насколько быстро все происходит? — спросила Надя. — Это приливная волна?

— Нет. Больше похоже на серьезный прилив. И отлива никогда не будет.

— Значит, времени для эвакуации достаточно, — сказала Надя, — но люди вряд ли смогут возвести укрепления, не говоря уже о дамбах! Шесть метров!

— Да, но только в течение следующих нескольких недель, а может, и месяцев. Теперь никто ни в чем не уверен. Я прикинул, что примерно четверть населения Земли будет затронута.

— Боже мой, Сакс…

Наверное, сейчас начнется всемирное массовое бегство на возвышенности — в глубь континентов! Надя уставилась в экран, оцепенев от прояснявшегося масштаба катастрофы. Прибрежные города смоет с лица земли. Очень трудно было вообразить глыбы льда, способные поднять уровень океана хотя бы на метр, а сейчас речь шла о целых шести метрах! Вот оно — шокирующее доказательство, что мир действительно тесен. А западный антарктический щит оказался поистине огромным. Он покрывал около трети

континента и, по словам репортеров, был около трех километров толщиной. На Земле творилось что-то страшное… Сакс продолжал говорить о восточном антарктическом ледяном щите, который, очевидно, пока никому не угрожал. Надя тряхнула головой, чтобы освободиться от лишних мыслей и сконцентрироваться на новостях. Бангладеш нуждался в полной эвакуации, а это было порядка триста миллионов человек, не говоря уже о прибрежных городах Индии, таких как Калькутта, Мадрас, Бомбей. А еще Лондон, Копенгаген, Стамбул, Амстердам, Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Джакарта, Токио и другие крупные мегаполисы. Миллионы людей жили на берегу, а мир давно страдал от перенаселения и дефицита ресурсов. А теперь и суша будет поглощена соленой водой.

— Сакс, — выдавила она, — мы должны помочь им.

— А что мы можем? Кстати, у нас что-то получится сделать для них, если мы сами будем свободны. Сперва одно, потом другое.

— Ты обещаешь?

— Да, — ответил он, удивленно глядя на нее. — То есть… Я сделаю все, что в моих силах.

— Хорошо, — задумчиво произнесла Надя. — Ты

подготовился?

— Да. Мы хотим начать с ракетных ударов по военным спутникам и спутникам-шпионам.

— Как насчет каньона Касэй?

— Дела обстоят очень неплохо.

— Когда ты хочешь начать?

— Как насчет завтра?

— Завтра?

— Я хочу расправиться с каньоном Касэй побыстрее. Условия сейчас превосходные.

— Что ты собираешься делать?

— То, что мы уже обговаривали. Не стоит терять ни минуты.

— Ясно, — сказала Надя и наморщила лоб. — Мы, образно говоря, зайдем за солнце?

— Да.

Эта позиция визави с Землей теперь была скорее символической, поскольку связь дублировалась через десятки астероидов, но даже самым быстрым шаттлам понадобилось бы несколько месяцев, чтобы добраться с Земли до Марса.

Надя набрала полные легкие воздуха.

— Ладно, — произнесла она.

— Я знал, что ты согласишься. Я позвонил в Берроуз и сообщил им новости.

— Увидимся в Андерхилле? — уточнила она.

Андерхилл являлся их местом встречи на случай чрезвычайной ситуации. Сакс оставался в убежище кратера Да Винчи, где было много ракетных шахт, поэтому они оба могли добраться до Андерхилла за сутки.

— Да, — ответил он. — Завтра. — И отключился.

Так она начала революцию.

Она нашла канал, по которому показывали спутниковые снимки Антарктики, и уставилась на экран, потеряв дар речи. Дикторы и эксперты болтали, не умолкая. Одни заявляли, что катастрофа была экотажем, подготовленным специалистами «Праксиса», которые наверняка просверлили дыры в ледяном щите и установили водородные бомбы у скального основания Антарктики.

Надя взяла себя в руки.

— Прекратите! — крикнула она с отвращением.

Другие каналы не выдвигали подобных диких обвинений, но и не опровергали их. Несомненно, массмедиа намеревались отвлечь население такими теориями, чтобы люди окончательно не впали в панику. Да и борьба наднациональных корпораций на взаимное уничтожение была в

самом разгаре. И новости о потопе уже стали ее частью.

Она вздрогнула. Неужели 61-й повторится опять? Она чувствовала, как знакомо скручивает желудок — гораздо сильнее, чем раньше, словно внутри нее болезненно пульсировал тяжелый железный орех. Месяц назад она начала принимать лекарства для профилактики язвы, но, похоже, они не могли справиться с мучительными ощущениями. «Успокойся, — говорила она себе. — Время пришло. Ты ждала этого, ты готовилась. Ты заложила фундамент. Сейчас наступил хаос. В центре любого фазового перехода есть зона каскадного рекомбинантного хаоса. Но можно проанализировать и преодолеть его».

Она принялась расхаживать по трейлеру. Внезапно Надя замерла и бросила взгляд на идиллическую красоту дна каньона Шалбатана с его жемчужно-розовым потоком и стройными деревьями, среди которых были и тонкие тополя, выросшие на берегах и островах. Существовала вероятность, что, если все пойдет наперекосяк, каньон Шалбатана никто никогда не заселит. Здесь останется пустой надувной мир, который позже сметут грязевые ураганы. Купол разорвется, и экология мезокосма просто-напросто

исчезнет. Какая ирония…

Она пожала плечами, разбудила экипаж и велела им готовиться к отъезду в Андерхилл. Она объяснила им причину, и, поскольку они в той или иной степени тоже являлись частью сопротивления, они встретили новость ликованием.

Наступил рассвет. Весенний денек обещал быть теплым и не слишком ветреным. Сегодня можно было бы работать в расстегнутых комбинезонах и без шлемов — только в масках и в капюшонах. Теперь лишь тяжелые ботинки напоминали Наде о громоздких прогулочниках первых дней. Пятница, $L_s = 101^0$, второй день июля-2, пятьдесят второго М-года. Она проверила по наручной консоли земную дату, посмотрела на светящиеся цифры и буквы: «12 октября 2127 года». Надо же, близится сотая годовщина их прибытия, хотя, кажется, никто не собирался праздновать юбилей.

Сто лет! Как странно…

Еще одна июльская революция, и одновременно — октябрьская. Насколько она помнила, двести лет прошло со времен революции большевиков. Очередная странная мысль. Но и они пытались. Все революционеры на протяжении мировой истории человечества. В основном отчаявшиеся крестьяне, которые боролись за жизни

своих детей. Как в ее России. Сколько же произошло в горьком двадцатом веке? Тогда люди рисковали своими жизнями ради лучшей доли, а заканчивалось все, как водится, катастрофой. Это пугало, словно история была чередой атак на человечество. Люди продолжали страдать и терпели поражение за поражением.

Но, будучи русской, мудрой сибирячкой до мозга костей, она решила воспринимать октябрь как добрый знак. Или напоминание о том, чего не следует делать ни при каких обстоятельствах, наряду с воспоминаниями о 61-м годе. Она бы хотела посвятить этот момент каждому из них: героическим страдальцам советской катастрофы, друзьям, погибшим в роковом 61-м: Аркадию, Алексу, Саше, Роальду, Джанет и Саманте… Всем, кто преследовал ее в снах и в слабых воспоминаниях, крутящихся, словно электроны вокруг железного ореха, внутри нее. Они предупреждали и направляли ее, не давая ей все испортить, чтобы сделать все на этот раз правильно, искупить смысл их жизни и их смерти. Она помнила, как кто-то сказал ей: «В следующий раз революции лучше пойти иначе».

И вот она началась. Но были также партизанские подразделения первопоселенцев Марса

под командой Касэя, которые не поддерживали контакт с главами ячеек в Берроузе, и тысячи других факторов, большинство из которых невозможно было проконтролировать. Каскадный рекомбинантный хаос. Будет ли этот раз чем-то отличаться?

Они погрузились в вездеходы и направились к маленькой станции на железнодорожной магистрали в нескольких километрах к северу. Там они сели на грузовой поезд, шедший по отдельной ветке, предназначенной для работ в Шалбатане, и достигли основной магистрали Шеффилд — Берроуз. Оба города были оплотом наднациональных корпораций, и Надя боялась, что могут возникнуть проблемы с обеспечением безопасности на железной дороге. В этом отношении Андерхилл имел стратегическое значение, поскольку при захвате он мог перекрыть магистраль. Именно поэтому она хотела удалиться подальше и от Андерхилла, и от самой железной дороги. Она хотела подняться в воздух, как уже делала в 61-м. Все инстинкты, приобретенные в те несколько месяцев, пытались заявить о себе, как будто и не было прошедших с тех пор шестидесяти шести лет. И эти инстинкты говорили ей — «прячься».

Пока они скользили над пустыней к юго-западу, перекрывая расстояние между Офиром и каньоном Ювента, она поддерживала связь со штаб-квартирой Сакса в кратере Да Винчи. Команда техников Сакса пыталась имитировать его сухой стиль общения, но было очевидно, что они так же возбуждены, как и молодежь в ее команде строителей. Пятеро подручных Сакса сразу же скинули ей сообщения о том, что они установили заграждение из ракет «земля — космос», которые Сакс в последние десять лет распорядился разместить в спрятанных на экваторе шахтах. Этот заградительный залп был похож на фейерверк и сбил с орбиты все известные оружейные платформы наднациональных корпораций, а также множество их спутников связи.

— Мы поразили восемьдесят процентов первой же волной!

— Мы запустили собственные спутники связи!

— Теперь мы работаем по индивидуальным целям…

— Ваши спутники работают? — прервала их Надя.

— Думаю, да. С уверенностью можно сказать только после полного тестирования, а тут все сейчас немного заняты.

— Проверьте один сейчас же. Назначьте кого-нибудь отвечать за это, слышите? Нам нужны резервные каналы, много резервных каналов!

Она переключилась на одну из предоставленных Саксом безопасных частот. Несколько секунд спустя она уже говорила с Зейком, который был в Одессе, помогая координировать акции в бассейне Эллады. По его словам, там пока все шло согласно плану. Все началось лишь несколько часов назад, но, похоже, организаторская деятельность Мишеля и Майи не прошла даром. Члены ячеек в Одессе выходили на улицы и рассказывали всем о происходящем, инициируя спонтанные массовые забастовки и демонстрации. Они заняли вокзал, обрыв и большую часть других общественных мест, так что стачка должна была перерасти в захват целого города. Городские служащие Временного Правительства отступали к железнодорожной станции и системам жизнеобеспечения города, на что и рассчитывал Зейк.

— Когда они окажутся внутри, мы перепрограммируем искин центра жизнеобеспечения, и они будут заперты. Мы контролируем все жизненно важные системы Одессы, и у них не останется никакого выбора, разве что они взорвут себя сами. А нам надо быть начеку. Многие служащие — это

сирийцы под руководством Рашида Ниязи, и я веду переговоры с ним, чтобы никто из его людей не решил примкнуть к числу «мучеников».

— Вряд ли найдутся люди, которые захотят пожертвовать собой ради наднациональных корпораций, — возразила Надя.

— Нельзя быть ни в чем уверенным. Но пока все хорошо. В других местах Эллады было еще проще. Силы безопасности минимальны, а население, в том числе местные и радикальные эмигранты, действуют сообща. Они просто окружали полицейских, провоцируя их. Кончалось все либо противостоянием, либо разоружением копов. Дао и Хармахис-Реул провозгласили себя свободными каньонами и пригласили всех желающих при необходимости присоединиться к ним.

— Здорово!

Зейк услышал возбуждение в ее голосе и предостерег:

— Не думаю, что в Берроузе и Шеффилде будет так же легко. Мы должны остановить работу лифта, чтобы они не начали стрелять по нам с Кларка.

— По крайней мере, Кларк никуда не денется с Фарсиды.

— Да, но захватить его было бы неплохо. Глав-

ное, чтобы сам лифт не рухнул, как в прошлый раз.

— Верно. Кстати, Красные вместе с Саксом разработали план захвата.

— Аллах, помилуй нас! Мне пора, Надя. Передай Саксу, что программы для систем жизнеобеспечения сработали идеально. И я думаю, что мы можем подтянуться и примкнуть к вам на севере. Если мы вовремя обезопасим Элладу и Элизий, наши шансы в Берроузе и Шеффилде возрастут.

Надя кивнула.

Еще более важным фактором являлось то, что они до сих пор были на связи друг с другом. Это стало ключевым моментом операции. Надя не могла забыть ужасные картины 61-го года, которые словно вспыхивали в ее памяти электрическими разрядами страха и боли. И не могла забыть то чувство полной беспомощности, охватившее ее, когда все коммуникации рухнули. После этого все стало бесполезно, они уподобились насекомым с оторванными усиками-антеннами и бессмысленно крутились вокруг своей оси.

Поэтому в последние несколько лет в разговорах с Саксом Надя постоянно настаивала на том, что им необходимо усилить каналы коммуни-

кации. И Сакс понял ее: он постарался на славу и вывел на орбиту целый флот спутников связи, невидимых и защищенных настолько, насколько было возможно. Пока они функционировали без сбоев. И железный орех внутри нее хоть и не исчез, по крайней мере, уже не очень сдавливал ее ребра. «Спокойно, — говорила она себе. — Сосредоточься на сути. Есть лишь текущий момент. Сконцентрируйся на настоящем».

Их железнодорожная ветвь, год назад перенаправленная во избежание столкновения со льдом Хриса, достигала экваториальной линии. Там-то они и пересели на маленький поезд, состоящий из трех вагонов, и направились по местной ветке на запад.

Команда Нади из тридцати человек собралась в головном вагоне, чтобы посмотреть новости, которые транслировались на экранах.

На официальных каналах Южной борозды царило озадаченное и противоречивое настроение. Обычные сводки погоды мешались с короткими видеосюжетами о многочисленных стачках в разных городах. Надя поддерживала постоянную связь с Да Винчи и с конспиративной квартирой «Свободного Марса» в Берроузе. Поглядывая на большой плоский экран, она не забывала све-

ряться с данными, которые поступали прямо на консоль на ее запястье. Она жадно впитывала потоки информации, будто слушала полифоническую музыку. Выяснилось, что она без проблем способна воспринимать два источника новостей, хотя Наде их все равно не хватало. «Праксис» посылал непрекращающиеся отчеты о катастрофе на Земле, спутанные, но не столь противоречивые и смутные как в 61-м, информируя их о текущей ситуации. Репортажи на Земле была посвящены переселению людей на надежные участки суши, которые не были подвержены риску наводнений. Как и предсказывал Сакс, прибрежные зоны страдали от высоких приливов. Война между наднациональными корпорациями продолжалась: они обрушивали друг на друга хирургически точные удары. Обезглавливающие перевороты, рейды спецподразделений и контррейды на различные штаб-квартиры сопровождались правовыми акциями и разного рода пиаром, включая и целый ряд исков, представленных в Мировом Суде, что, в принципе, обнадеживало. Однако стратегические маневры перед лицом глобального наводнения казались ничем. И даже в худших своих проявлениях — Надя видела взрывающиеся здания, сбитые

самолеты, дороги в воронках от взрывов после обстрелов проезжающих лимузинов — все же это было гораздо лучше братоубийственной войны, при которой погибли бы миллионы.

Внезапно новостные сводки прервались шокирующим репортажем из Индонезии, и Надя затаила дыхание. Радикальная освободительная группа из восточного Тимора, созданная по образцу перуанского «Светлого пути», заразила остров Ява пока не идентифицированным вирусом. Помимо жертв наводнения там были сотни тысяч инфицированных несчастных! На континенте подобная эпидемия действительно могла стать настоящей катастрофой, и не было гарантии, что такого не случится. Тем не менее, эта чудовищная диверсия стала исключением: на Земле не было иных открытых конфликтов, кроме войны правящей верхушки. Ладно, пусть наднациональные корпорации еще повоюют… Тактика у них была практически такая же, как и на Марсе. Но подполью не следовало праздновать победу. Корпорации в совершенстве овладели методами борьбы и могли повернуть их против марсиан — если и не сейчас, когда «монстров» застигли врасплох, то позже, после того как они вновь соберутся с силами.

А среди женевских отчетов «Праксиса» появились зловещие признаки того, что мобилизация уже началась: огромный шаттл с так называемыми экспертами по безопасности покинул земную орбиту за три месяца до текущих событий и должен был достигнуть Марса в ближайшее время. По данным пресс-релиза ООН, эта новость должна была взбодрить полицейские силы, борющиеся с повстанцами и террористами.

Надю отвлек сигнал поезда, который ехал по кольцевой магистрали. Вот они плавно скользят по ухабистому плато долины Офир, а в следующую секунду крупный экспресс из пятидесяти вагонов с шумом мчится мимо. Но он не сбавил скорости, и Надя не смогла увидеть ни единого пассажира, сидящего за затемненными стеклами. Поезд пролетел мимо них и скрылся за горизонтом.

Новостные шоу продолжались в маниакальном ритме, репортеры были поражены происшествиями дня. Восстания в Шеффилде, забастовки в Южной борозде и борозде Гефеста, события шли одно за другим столь быстро, что Надя с трудом верила в них.

Когда они прибыли в Андерхилл, Надю преследовало чувство нереальности происходящего.

Сонное и полузаброшенное старое поселение гудело активностью, словно в первый марсианский год. Сочувствующие сопротивлению прибывали с маленьких станций вокруг Ганга и каньона Гебы, а также с северной стены каньона Офир. Местные богдановисты сплотили их, организовав выступление против полицейских Временного Правительства, которые выстроились на вокзале. Это привело к противостоянию сразу же за пределами станции — прямо под навесом, который защищал галереи и первый сектор сводчатых убежищ, казавшихся теперь хрупкими и потрепанными.

Когда поезд затормозил, Надя заметила мужчину, вероятно, служащего. Он прижимал ко рту мегафон и был окружен примерно двадцатью телохранителями. Напротив него стояла буйная толпа и что-то вопила. Надя выскочила из вагона и подбежала к краю группы, наступающей на станционного смотрителя и его охрану. Конфисковав второй мегафон у очень удивившейся женщины, Надя закричала: «Станционный смотритель! Эй!» Она повторяла эти слова по-английски и по-русски, пока люди не притихли и не уставились на нее. Команда ее строителей просочилась сквозь толпу, и Надя направилась

к группе мужчин и женщин в бронежилетах. Станционный смотритель оказался старожилом Марса, его лоб избороздили морщины. Дюжие охранники носили эмблемы Временного Правительства и казались напуганными. Надя опустила мегафон и представилась:

— Я Надя Чернышевская. Я построила ваш город. А сейчас мы берем контроль над ним. На кого вы работаете?

— На Временное Правительство ООН, — решительно ответил станционный смотритель, глядя на нее так, словно она поднялась из могилы.

— Какое подразделение? Наднациональная корпорация?

— «Махджари».

— «Махджари» уже сотрудничает с Китаем, а Китай — с «Праксисом», а «Праксис» — с нами. Мы союзники, если вы еще не в курсе. И не важно, что вы об этом думаете, нас здесь гораздо больше. — Она закричала в толпу: — Все, у кого есть оружие, поднимите руку!

Взметнулся целый лес рук. Надя удовлетворенно кивнула: она знала, что каждый человек из ее команды тоже имел станер, строительный пистолет или лучевое оружие.

— Мы не хотим кровопролития, — сказала Надя,

глядя на смотрителя и его телохранителей. — Мы даже не хотим брать вас в плен. Вот наш поезд, можете забрать его и отправиться в Шеффилд, чтобы присоединиться к остальным из вашего подразделения. Вы узнаете, как обстоят дела. Если вы не согласны, мы сейчас уйдем со станции и взорвем ее. Мы в любом случае захватим ее, и глупо умирать, раз революция уже свершилась. Я советую вам отправляться в Шеффилд, где вы при желании сможете подняться на лифте. А если вы намерены сотрудничать со «Свободным Марсом», можете присоединиться к нам сейчас.

Она спокойно смотрела на смотрителя, чувствуя себя расслабленной и уверенной в себе. Активные действия приносили облегчение. Мужчина склонил голову, чтобы посоветоваться со своими людьми, они шептались около пяти минут. Затем он снова взглянул на нее.

— Мы возьмем ваш поезд.

Так Андерхилл стал первым освобожденным городом.

Ночью Надя вышла в парк трейлеров, расположенный у бетонного основания купола. В двух убежищах, которые еще не переделали в лаборатории, до сих пор громоздилось оригинальное оборудование первых жилых помещений. Осмот-

рев их, а потом прогулявшись между старыми убежищами и Алхимическим кварталом, она наконец вернулась туда, где жила еще в самом начале.

Она легла на расстеленный на полу матрас, чувствуя полную опустошенность.

Было по-настоящему странно лежать одной посреди призраков прошлого, пытаясь снова почувствовать присутствие давно минувших дней. Надя уставилась в потолок. Несмотря на усталость, она не могла заснуть и задремала лишь перед самым рассветом. Но даже тогда ее мучило беспокойство о не распакованных грузах из ракет, о программе робота-каменщика и о том, что надо связаться с Аркадием на Фобосе. Она проснулась, когда ощутила призрачное покалывание в пальце.

Надя застонала и медленно встала. Она едва могла представить, что просыпается в суматошном мире, где миллионы людей ждут, что принесет им этот день. Оглядывая тесный склеп своего марсианского жилища, она никак не могла сосредоточиться, и вдруг ей почудилось, что стены движутся. Они словно тихо вибрировали, Надя прищурилась, но илллюзиция не исчезла. Она стояла в рассеянном утреннем свете и слов-

но смотрела сквозь древний стереоптикон[37], в котором отображалось сразу четыре измерения, пульсирующих в галлюциногенном свете.

[37] Примечания: 37
Диапроектор со сменой диапозитивов методом наплыва.

Они позавтракали в просторном зале убежища, где однажды Энн и Сакс спорили о плюсах терраформирования. Сакс выиграл спор, но Энн упрямо продолжала его, как будто он все еще не был разрешен.

Надя сфокусировалась на экране искина и на новостях о наводнениях, льющихся с него этим субботним утром. Верхняя часть экрана была отведена конспиративной квартире Майи в Берроузе, нижняя — отчетам «Праксиса» с Земли. Майя действовала, как всегда, героически, трепеща от мрачных предчувствий. Она убеждала всех, кто попадался ей на глаза, что пока не следует идти напролом и надо поберечь силы для решительного броска. Майя очень осунулась, но Надя чувствовала, что ее переполняет кипучая энергия. Методично пережевывая завтрак и почти не замечая чудесный вкус местного хлеба, Надя слушала, как Майя рассказывает о последних событиях. В Берроузе был полдень, и день выдался насыщенный. Лихорадило каждый город на Марсе. На Земле затапливало прибрежные зоны, и массовое переселение порождало хаос в глуби материков. Новая ООН осудила бунтовщиков Марса как бессердечных оппортунистов, которые использовали время беспрецедентных страданий

для достижения своих корыстных целей.

— Справедливо, — сказала Надя только что прибывшему из кратера Да Винчи Саксу. — Думаю, позже они нам это припомнят.

— Только если мы не поможем им.

— Хм… — Пристально рассматривая Сакса, она предложила ему хлеб.

Несмотря на изменившиеся черты, он с каждым днем все больше походил на прежнего Сакса. Сейчас он стоял перед ней, бесстрастно моргая и осматривая кирпичные стены зала. Казалось, он вообще не думает о революции.

— Ты готов лететь в Элизий? — спросила она.

— Хотел спросить тебя о том же.

— Отлично. Я сбегаю за сумкой.

Когда она закинула искин и одежду в свой черный рюкзак, раздался сигнал на наручной консоли. На связи был Касэй, его длинные тусклые волосы беспорядочно разметались вокруг глубоко изрезанного морщинами лица, и это была самая странная смесь Джона и Хироко. Рот Джона в тот момент, когда он широко ухмылялся, восточные глаза Хироко, сузившиеся от удовольствия.

— Привет, Касэй! — удивленно произнесла Надя. — Ты вроде бы никогда не звонил мне

раньше.

— Особые обстоятельства, — ответил он, нимало не смутившись.

Она привыкла думать о нем как о суровом человеке, но начавшаяся революция, очевидно, сильно его тонизировала. Она вдруг поняла по его взгляду, что он всю жизнь ждал этого.

— Слушай, мы с Койотом и группой Красных находимся в каньоне Бореалис. Мы захватили атомный реактор и плотину. Местные ребята вызвались нам помогать…

— Замечательно! — прокричал кто-то у него за спиной.

— Да, мы получили серьезную поддержку ото всех, за исключением службы безопасности. Примерно сто человек заперлись рядом с реактором. Они угрожают взорвать его, если им не предоставят безопасный проход в Берроуз.

— И?.. — спросила Надя.

— И?.. — повторил Касэй и рассмеялся. — Койот сказал, мы должны спросить тебя, что делать.

Надя фыркнула.

— Поверить не могу.

— Ха! Но Койот действительно так сказал, а мы стараемся баловать старика, когда можем.

— Тогда предоставьте им безопасный проход

в Берроуз. По-моему, это элементарно. Пусть в Берроузе будет лишняя сотня копов, это не важно, а вот чем меньше реакторов будет взорвано, тем лучше. У нас еще с прошлого раза полно радиации.

Сакс вошел в комнату, пока Касэй обдумывал ее совет.

— Ладно, — ответил он наконец. — Я позже позвоню, сейчас мне пора. Ка.

Надя хмуро уставилась на пустой экран консоли.

— Что стряслось? — спросил Сакс.

— Меня застали врасплох, — призналась Надя и описала ситуацию, пытаясь вызвать Койота. Он не ответил.

— Ты же у нас координатор, — заявил Сакс.

— Угу, — Надя закинула рюкзак на плечо. — Идем.

Они вылетели в новеньком самолетике 5IB, маленьком и очень быстром. Сакс выбрал круговой маршрут, который вел на северо-запад через Северное море и избегал укрепленных баз наднациональных корпораций на Аскрийской горе и в Эхо-Оверлуке. Вскоре они уже увидели лед, наполняющий равнину Хриса, — разломанные грязные айсберги с розовым снежным лишайником и

аметистами талой воды. Старая, отмеченная маяками дорога к Северному каньону, конечно, давно исчезла. Вся система, которая направляла воду на юг, тоже была забыта, став лишь технической сноской в исторических трудах. Надя вдруг вспомнила, как выглядела марсианская земля, когда она увидела ее впервые. Бесконечные холмы и впадины, похожие на туннели аласы[38], гигантские черные барханы — слоистый пейзаж среди последних песков перед полярной шапкой… испарился, загроможденный льдом. А сама полярная шапка теперь представляла собой ряд огромных растопленных участков и ледяных потоков, рек грязи и замерзших озер. Жидкая каша сползала по склону с круглого плато, на котором и покоилась шапка. Лед и вода стремились к охватывающему планету Северному морю.

В общем, о приземлении не могло быть и речи. Надя нервно наблюдала за приборами. Она прекрасно знала, что в любую минуту может произойти непредвиденный сбой, ведь техническая поддержка была не на высоте, а риск ошибки — слишком высок.

Затем на юго-западном горизонте появились

[38] Примечания: 38

Пологосклонная и плоскодонная ложбина овальной формы диаметром до нескольких километров и глубиной до 30 м.

облака бело-черного дыма: их относил к востоку сильный ветер.

— Откуда они? — спросила Надя, переходя на левую сторону самолета, чтобы взглянуть поближе.

— Каньон Касэй, — ответил Сакс с пилотского кресла.

— И что случилось?

— Он горит.

Надя уставилась на Сакса.

— Что ты имеешь в виду?

— В долине — густая растительность. И вдоль подножия Большого Уступа — тоже. Богатые смолами деревья, кусты и деревья с огненными семенами. Виды, которым для распространения нужен огонь. Созданные в «Биотике». Колючая смолистая толокнянка, терновник, гигантская секвойя и некоторые другие.

— Откуда ты знаешь?

— Я их посадил.

— А теперь поджог?

Сакс кивнул. Бросил взгляд на дым.

— Но, Сакс, разве процент кислорода в атмосфере не очень высок?

— Сорок процентов.

Она смотрела на него, начав внезапно что-то

подозревать.

— И ты это устроил! Сакс, ты мог воспламенить весь мир!

Она уставилась вниз, на основание дымовой колонны. Там, в исполинском корыте каньона Касэй, виднелась ослепительно-белая линия. Огонь бежал вперед: он был не желтым, а походил на расплавленный магний.

— Пожар теперь не потушишь! — закричала она. — Ты поджог мир!

— Лед, — ответил Сакс. — Вниз по ветру нет ничего, кроме льда, покрывающего Хрис. Будет выжжено лишь несколько тысяч квадратных километров.

Надя замерла, пораженная и шокированная до глубины души. Сакс бросал взгляды на огонь, но в основном смотрел на панель управления, его лицо приобрело любопытное выражение: холодное, рептилоидное — совершенно не человеческое.

Из-за горизонта в изгибе каньона Касэй появились строения служб безопасности. Купола яростно пылали, словно смоляные факелы, кратеры на внутреннем склоне казались пляжными мангалами, выбрасывающими в воздух длинные огненные языки. Вероятно, по каньону Эхо дул ветер, перетекавший в каньон Касэй и раздував-

ший колоссальный костер. Огненный шторм. И Сакс смотрел на него, не мигая, лишь желваки ходили под скулами.

— Бери на север, — приказала ему Надя. — Не хочу это видеть.

Он заложил вираж, а она покачала головой. Тысячи квадратных километров выжжено, вся растительность, так усердно взращенная, погибла. А ведь глобальный уровень кислорода, уже повысившийся до значительных показателей… Она с опаской покосилась на странное существо, сидящее в кресле пилота.

— Почему ты не рассказал мне, Сакс?

— Я не хотел, чтобы ты меня остановила.

Ясно.

— Значит, я могла? — осведомилась она.

— Да.

— Хочешь сказать, что держишь меня в неведении?

— Только насчет пожара, — ответил Сакс. Желваки продолжали ходить под скулами в ритме, который вдруг напомнил ей Фрэнка Чалмерса. — Всех заключенных уже отправили на астероиды. Здесь располагался тренировочный полигон для тайной полиции. Для тех, кто никогда не сложит оружие. Для палачей. — Он поднял на нее свой

рептилоидный взгляд. — Без них будет лучше.

И он вернулся к управлению самолетом.

Надя вновь решилась посмотреть на яростную белую линию огненного шторма, когда через систему связи самолета к ней поступило зашифрованное сообщение. На сей раз на связи был Арт, почти спятивший от беспокойства.

— Мне нужна твоя помощь, — затараторил он. — Люди Энн захватили Сабиси, и многие жители вышли из лабиринта, чтобы вернуться в город, но Красные требуют, чтобы они убирались.

— Что?

— Энн не знает, то есть, я так думаю, Энн пока об этом ничего не знает! Она не отвечает на мои звонки. По сравнению с Красными, она — настоящая бунианка. Но я смог связаться с Иваной и Раулем и добился, чтобы они притормозили Красных в Сабиси, пока я не свяжусь с тобой. На большее я не способен.

— Но почему я?

— Мне кажется, Энн велела им слушать тебя.

— Опять!

— Ну а кто еще, если не ты, Надя? Майя нажила себе кучу врагов, пытаясь сдерживать потенциальные восстания последних лет.

— Я думала, ты у нас крупный дипломат.

— Верно! Но все, чего я добился, — согласия дождаться твоего решения. Это лучшее, что я смог сделать. Прости, Надя. Я выполню всю, что от меня потребуется.

— Тебе лучше постараться после того, как ты меня так подставил!

Он ухмыльнулся.

— Не моя вина, что верят именно в тебя, Надя.

Она отключилась и попробовала несколько каналов Красных. Она не сразу смогла найти Энн. Но пока переключала каналы, Надя получила достаточное количество информации. Она поняла, что там собрались молодые Красные радикалы, которых Энн наверняка прокляла (по крайней мере, Надя на это надеялась).

Пока революция балансировала на грани, люди были заняты тем, что взрывали платформы в Северном море и обрушивали купола. Они подрывали железнодорожное полотно, угрожая прервать сотрудничество с другими восставшими, если те не присоединятся к экотажу и не поддержат все их требования. Обстановка накалялась.

В конце концов, Энн ответила на звонок Нади. Энн смахивала на мстящую фурию, справедли-

вую и слегка безумную.

— Слушай, — без предисловий начала Надя, — независимый Марс — лучший твой шанс добиться своих целей. Если ты попытаешься использовать революцию для решения собственных проблем, люди тебе это припомнят, помяни мое слово! Можешь выступать за все, что хочешь, когда мы возьмем ситуацию под контроль, а до тех пор любые твои требования являются шантажом. Ножом в спину. Заставь Красных в Сабиси вернуть город его жителям.

— Почему ты считаешь, что они меня послушают? — зло ответила Энн.

— Я думаю, что ты разумный человек!

— Я не в том положении, чтобы командовать людьми.

— Хотя бы поговори с ними! Объясни им, что даже более мощные революции, чем наша, терпели поражение из-за подобных глупостей. Скажи им, что нужно держать себя в руках!

Энн отключилась, не ответив. Надя выругалась по-русски.

Искин продолжал сыпать новостями. Экспедиционный корпус Временного Правительства возвращался с южных взгорий и, похоже, был на пути к Элладе или к Сабиси. Шеффилд оставал-

ся под контролем «Субараси». Берроуз был под вопросом, вероятно, силы безопасности в городе еще не сдались. Но беженцы шли в город из Сиртиса и других мест, и там началась крупная стачка. Судя по видеотрансляциям, население проводило время вне дома — местные запрудили улицы, парки и скверы, выступая против Временного Правительства или просто пытаясь наблюдать за происходящим.

— С Берроузом надо что-то делать, — произнес Сакс.

— Верно.

Они снова полетели на юг — мимо купола Гекаты на северной оконечности массива Элизий к космопорту Южной борозды. Полет занял двенадцать часов, а, свернув на запад, они пересекли девять часовых поясов, а заодно и линию перемены дат на 180 градусах долготы. В итоге они добрались до шлюза Южной борозды в полдень воскресенья.

Южная борозда и другие города Элизия сразу выступили за «Свободный Марс». Они сформировали своего рода географический анклав. Южный рукав льдов Северного моря теперь бежал между массивом Элизия и Большим Уступом, и, хотя лед уже был исчерчен магистралями на понтонных

мостах, Элизий превращался в островной континент. В трех самых крупных поселениях Южной борозды кипела бурная деятельность. Люди быстро заняли офисы корпораций и все центры жизнеобеспечения. Спецслужбы Временного Правительства лишились возможности получить подкрепление в виде атак из космоса, так что некоторые из них сняли форму, переоделись в гражданское и растворились в толпе, а другие сели на поезд в Берроуз и уехали восвояси. Элизий стал неоспоримой частью «Свободного Марса».

В офисах «Мангалавида» Надя и Сакс нашли вооруженную группу повстанцев, занявших студию. Теперь они круглые сутки были заняты штамповкой видеоотчетов для четырех новостных каналов. Репортеры в открытую симпатизировали революции и брали подробные интервью у людей во всех независимых городах и более мелких станционных поселениях. Ночь они собирались посвятить монтажу событий предыдущего дня.

Кое-какие отдаленные шахтерские станции в радиальных расселинах Элизия и в горах Флегра полностью управлялись наднациональными корпорациями, в частности «Амексом» и «Субараси». Там-то и находились новые эмигранты,

которые закрылись в своих лагерях и либо сидели тихо, либо начинали угрожать всякому, кто пытался их потревожить. Некоторые даже заявили, что собираются отбить планету или держаться до прибытия подкреплений с Земли.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовала Надя. — Избегайте и игнорируйте. Сломайте их систему коммуникаций, если сможете, но не трогайте людей.

Отчеты из других мест Марса были многообещающими. Сензени-На находился в руках бунианцев, хотя они и не имели никаких связей с Джеки. Это были иссеи, нисеи, сансеи и йонсеи, которые тотчас назвали свой мохол Джон Бун и провозгласили Таумасию «нейтральной территорией Дорсы Бревиа». Королёв, теперь всего лишь маленький шахтерский городок, восстал почти столь же яростно, как и в 61-м. Местные жители, многие из которых были потомками прежних заключенных, переименовали город, назвав его «Сергей Павлович Королёв», и объявили его зоной анархии, свободной от документов. Здания тюрьмы решено было переделать в огромный рынок и жилое общественное пространство, где с особым гостеприимством ждали беженцев с Земли.

Никосия тоже стала свободным городом. Каир

оставался под контролем служб безопасности «Амекса». Одесса и остальные поселения бассейна Эллады рьяно стояли за независимость, хотя круговая железная дорога была уже кое-где перерезана. В этом плане поезда на магнитной подушке оказались не слишком удачны. Для их работы требовалась функционирующая магнитная система, которую было очень легко сломать. Поэтому поезда шли порожняком или вовсе были отменены, поскольку люди предпочитали вездеходы и самолеты. Они хотели быть уверенными, что не застрянут в глубинке, сидя в поезде, лишенном нормальных колес.

Остаток воскресенья Сакс и Надя провели в офисе. Они занимались мониторингом событий и давали советы в проблемных ситуациях, если их об этом просили. Наде казалось, что дела идут, в принципе, хорошо.

Но в понедельник пришли плохие новости из Сабиси. Экспедиционный корпус Временного Правительства прибыл из южных взгорий и после отчаянной ночной схватки с партизанскими отрядами Красных захватил часть города на поверхности. Красные и жители Сабиси отступили в лабиринт и расположенные неподалеку убежища. Было ясно, что кровопролитные бои

продолжатся и под землей. Арт предсказывал, что спецслужбы не смогут проникнуть в лабиринт. Он утверждал, что неудача заставит их покинуть Сабиси и сесть на поезд или на самолет до Берроуза, дабы объединиться с находящимися там подразделениями. Однако Надя была настороже. Бедный Сабиси оказался изрядно потрепан в боях.

В понедельник вечером, в сумерках, Надя и Сакс решили перекусить и выбрались наружу. Южная борозда прославилась своим ландшафтом: гигантские секвойи возвышались над подлеском из сосен и можжевельника, ниже шли дубы и осины. Пока Надя вместе с Саксом направлялись к парку у реки, люди из «Мангалавида» представляли их новым группам повстанцев. В основном это были незнакомцы, но каждый из них был рад поздороваться с Надей и ее спутником. Было странно видеть столько счастливых людей вокруг. Внезапно Надя почувствовала себя по-настоящему свободной. Здесь не было никакого официоза, все улыбались и непринужденно разговаривали друг с другом… Когда рушился социальный порядок, не было однозначных путей развития событий. Наравне с анархией и хаосом могла возникнуть и уникальная общность.

Они поели в открытом ресторанчике у центрального потока и вернулись в офис «Мангалавида». Надя села перед экраном и начала выходить на связь с максимально возможным числом организационных комитетов. Она ощущала себя Фрэнком образца 61-го, который звонил всем в неистовом возбуждении. Правда, сейчас они отлично контактировали с Марсом, и, хотя Надя не являлась главным лидером, она прекрасно представляла, что происходит. Информация стала их сокровищем. Железный орех в желудке начал понемногу превращаться в деревянный.

Через пару часов она начала задремывать в коротких перерывах между звонками. В Андерхилле и Шалбатане давно пробила полночь, а она не спала с тех пор, как Сакс позвонил с новостями об Антарктике. Она провела четыре или пять бессонных дней. «Стоп, нет, — подумала она, — три дня». А ей казалось, что прошло уже недели две…

Едва она прилегла на диван, раздались крики: люди выбежали в коридор и бросились к лифтам. Вскоре они сгрудились на каменной площади, где и стояло здание «Мангалавида», украшенное флагами. Надя устало споткнулась о Сакса, схватившего ее за руку, чтобы она не упала. Очевидно, в куполе зияла дыра. Кто-то показывал пальцем

вверх, но Надя ничего не могла рассмотреть.

— Нам лучше уйти, — заявил Сакс с легкой удовлетворенной ухмылкой. — Давление под куполом лишь на сто пятьдесят миллибар выше, чем снаружи.

— То есть крыша не улетит, как лопнувший шарик, — резюмировала Надя, с содроганием вспоминая купола кратеров в 61-м.

— Однако внутрь проникает воздух снаружи, который по преимуществу состоит из кислорода и азота. И в этой смеси еще очень много CO_2, хотя и не настолько, чтобы мгновенно задохнуться.

— Но если дыра была бы больше… — начала Надя.

— Верно.

Она покачала головой.

— Чтобы быть в безопасности, нам надо сперва обезопасить планету.

— Ага.

Зевая, Надя вернулась внутрь. Снова села за экран и начала смотреть четыре новостных канала «Мангалавида», быстро переключая их с одного на другой. Города открыто выступали за независимость или пока еще о чем-то раздумывали и медлили. Спецслужбы Временного Правительства контролировали системы жиз-

необеспечения некоторых поселений, а местные жители продолжали оставаться на улицах. Некоторые города, являющиеся собственностью корпораций, поддерживали Временное Правительство, но в случае с Брэдбери-Пойнт и каньоном Хуо Синь дело обстояло парадоксальным образом. Ведь города верхней части Большого Уступа принадлежали «Амексу» или «Махджари», а те люто враждовали между собой на Земле. Надя задумалась о том, какой эффект это будет иметь на северные поселения, и пожала плечами. Было очевидно, что их проблемы только начались.

Несколько важных городов оставались в руках «Субараси» и «Амекса», и к ним, как магнитом, тянуло отдельные подразделения спецслужб Временного Правительства и наднациональных корпораций. Берроуз, вероятно, был главным их них, но то же было справедливо и для Каира, Лассвица, Садбери и Шеффилда. На юге убежища, которые не были покинуты или разрушены экспедиционным корпусом, выходили из тени. Богданов Вишняк возводил на поверхности купол — прямо над старой стоянкой роботов, трудившихся возле мохола. Итак, юг возвращался к своему статусу оплота сопротивления, как и сле-

довало ожидать. Тем не менее, Надя сомневалась, что это даст подпольщикам фору. А северная полярная шапка находилась в столь шатком состоянии, что уже не имело значения, кто будет ее контролировать. Лед продолжал таять и сползать в Северное море, но полярное плато каждую зиму покрывалось новым слоем снега, и сейчас это был самый негостеприимный район Марса, где почти не осталось поселений.

Значит, борьба шла за умеренные и экваториальные широты: за пояс вокруг планеты, ограниченный льдами Северного моря на севере и двумя бассейнами на юге. И, конечно же, за орбитальное пространство. Атака Сакса на объекты наднациональных корпораций имела успех, а его маневр с Деймосом оказался по-настоящему удачным ходом. Но лифт до сих пор находился под эгидой наднациональных корпораций, которые явно ждали подкрепления с Земли. Ну, а команда Сакса в Да Винчи уже использовала большую часть вооружения во время первой атаки.

Что касается солетты и кольцевого зеркала, то они были столь громадными и одновременно хрупкими, что защитить их не представлялось никакой возможности. Если бы кто-то захотел повредить их, ему бы все удалось. Но Надя не видела

причин для такого вандализма. Если бы нечто подобное произошло, она бы сразу начала подозревать Красных. А если они осмелятся на это… Что ж, они могут обойтись и без дополнительного света, как обходились раньше. Надо бы узнать мнение Сакса по этому поводу. И поговорить с Энн. Обязательно. А может, стоит помолчать и оставить все мысли при себе. Посмотрим, что будет дальше…

Надя не заметила, как заснула. А проснулась она, услышав урчание в желудке. Она безумно проголодалась.

Сакс читал что-то с экрана.

— Дела в Сабиси идут паршиво, — сказал он, увидев, что она пытается подняться.

Она поплелась в ванную комнату и приняла душ. Вернувшись в офис, заглянула ему через плечо и читала, пока он говорил.

— Спецслужбы ничего не смогли поделать с лабиринтом и отправились в Берроуз. Но посмотри…

Он вывел на экран два изображения. Наверху был горящий Сабиси. Город полыхал столь же яростно, как и громадный каньон Касэй. Внизу возникло изображение войск, заполонивших вокзал в Берроузе. Они были экипированы в легкую

броню и, разумеется, вооружены, причем и солдаты, и офицеры вздымали сжатые кулаки вверх. Похоже, Берроуз переполняли подразделения разномастных спецслужб, которые захватили гору Бранч и Двухэтажный холм, превратив их в место постоянной дислокации. Теперь вместе с войсками Временного Правительства там находились службы безопасности «Субараси» и «Махджари» — фактически в Берроузе были представлены все крупные корпорации.

Надя задалась вопросом: а что на самом деле происходит между ними на Земле? Может, они пришли к некоему соглашению или временному перемирию в результате кризиса? Она позвонила Арту, чтобы узнать его точку зрения.

— А вдруг у марсианских подразделений нет связи и они действуют по своему усмотрению? — предположил Арт. — Они могут быть полностью независимы.

— Но если мы еще на связи с «Праксисом»…

— Точно. Кстати, мы кое-кого глушим. Корпорации даже не представляли, какой поддержкой пользуется сопротивление, так что мы застали их врасплох. Стратегия Майи заключалась в том, чтобы сидеть тихо и не высовываться, и ее тактика сыграла нам на руку. Кроме того,

подразделения могут быть в меньшинстве. В таком случае мы можем рассматривать Марс как независимую планету, в общем, сейчас у нас тут вечерника в самом разгаре, идет борьба за власть. А что, если позвонить в Берроуз и сказать тем ребятам что-то вроде: «Послушайте, Марс — целый мир, он достаточно велик. Здесь могут мирно уживаться множество разных правительств, давайте у вас будет свое и Берроуз в придачу. И еще: не пытайтесь выступать против нас»? Как думаешь, это сработает?

— Вряд ли спецслужбы наднациональных корпораций мыслят подобными категориями, — ответила Надя. — Всего три дня прошло с того момента, как началась революция. — Она указала на экраны телевизоров. — Смотри-ка, вон и Дерек Гастинг, глава Временного Правительства. Когда мы только вылетели, он возглавлял миссию в Хьюстоне, он опасен, умен и очень хитер. Он продержится до прибытия подкреплений.

— И что нам делать?

— Не знаю.

— Мы не можем просто оставить Берроуз в покое?

— Будет лучше, если мы выйдем из-за солнца с полностью контролируемой планетой. Если

в Берроузе будут героически сражаться земные войска, они гарантированно пошлют кого-то на выручку. Назовут операцию миссией спасения и продолжат драться за планету.

— Захватить Берроуз со всеми войсками — ох как непросто!

— Ты прав.

Сакс, который дремал на соседнем диване, приоткрыл один глаз.

— Красные говорят о том, чтобы затопить его.

— Что?

— Он ниже уровня льда в Северном море. А подо льдом — вода. Без дайки…

— Нет, — оборвала его Надя. — В Берроузе — двести тысяч человек и лишь несколько тысяч военных. Людей нельзя будет эвакуировать. Это безумие. Повторение 61-го года! — Внезапно она разозлилась. — Они что, рехнулись?

— Может, это просто угроза… — проговорил Арт.

— Угрозы бесполезны, если люди, которым ты угрожаешь, не верят в них, — парировала она.

— А если они поверят?

Надя покачала головой.

— Гастинг не настолько глуп. Черт, да он эвакуирует своих людей через космопорт, а население

утонет! И именно мы станем монстрами, а Земля расправится с нами! Нет! Этого нельзя допускать!

Она вскочила и решила поискать себе чего-нибудь на завтрак. Глядя на ряд булочек на кухне, Надя поняла, что аппетит пропал. Она налила трясущимися руками чашку кофе и направилась обратно в офис.

В 2061-м Аркадий столкнулся с отщепенцами, которые направили астероид к Земле. Это была лишь угроза. Но астероид был сметен чудовищным взрывом — самым мощным из всех когда-либо созданных человечеством. А затем беспорядки на Марсе превратились в самоубийственную войну. И Аркадий ничего не мог сделать, чтобы это остановить.

И все могло случиться снова.

Она переступила порог офиса.

— Мы должны ехать в Берроуз, — сказала она Саксу.

Революция презирает законы и правила. Но так же, как природа не терпит пустоты, люди ненавидят анархию.

Поэтому старые привычки взяли над людьми верх. Она закрепились повсюду, словно бактерии в камнях, а за ними последовали процедуры и протоколы: целая каменистая пустыня социального дискурса на пути к своей высшей точке — лесу законов… Надя видела, что некоторые люди действительно приходили к ней для разрешения споров, доверяя ее суждениям. Может, она и не была начальником, но имела не меньшее влияние. «Универсальное средство», как называл ее Арт, или «генерал Надя», как злобно бросила Майя. Надя лишь вздрогнула в ответ, хотя Майя, вероятно, ждала подобной реакции. Наде нравилось то, что Сакс сказал в переговорах со своей верной бандой техников, похожих на него самого в юности: «Надя — признанный третейский судья, поговорите с ней».

Да, такова была сила терминов: скорее, третейский судья, нежели генерал. Ответственная за переговоры, которые Арт окрестил «фазовым переходом». Она слышала, как он сказал это в середине длинного интервью для «Манаглавида» с тем невозмутимым выражением лица, которое

невозможно было понять. В общем, Наде оставалось только гадать, шутил ли Арт или говорил серьезно… «Не думаю, что мы стали свидетелями революции. Похоже, мы просто сделали совершенно естественный шаг, более эволюционный, то, что в физике назвали бы фазовым переходом».

Последующие его комментарии были столь же пространны, и Надя сообразила: Арт и сам толком не знал, что такое фазовый переход. Но она разбиралась в физике, и концепция показалась ей интересной. Испарение земных властей, конденсация местной силы, и вот наступает оттепель… Занятно! Плавление происходит, когда тепловая энергия частиц достаточно велика, чтобы преодолеть внутрикристаллические силы, которые удерживают их в определенном положении. А может, считать наднациональные корпорации кристаллической структурой? Но потом все большую роль играет то, удерживают ли их вместе ионные или межмолекулярные связи. Хлорид натрия, ионная связь, плавится при температуре 801 градус по Цельсию. Метан, межмолекулярная связь, — 183 градуса по Цельсию. И какая тогда будет связь? И температура?

В данном случае плавилась сама аналогия.

Но, конечно же, термины оказывали весомое давление на человеческий рассудок. Фазовый переход, борьба с вредителями, принудительная отставка — Надя предпочитала все это старому неумолимому слову «революция». И была рада, что постоянно слышала его и в новостях, и на улицах.

Но в Берроузе и Шеффилде оставалось порядка пяти тысяч тяжеловооруженных войск. И они до сих пор считали себя полицией, столкнувшейся с вооруженными бунтовщиками. А чтобы справиться с ними, требовалось нечто реальное, а не простая игра в слова.

Однако все шло лучше, чем она смела надеяться. В некотором смысле это был вопрос демографии. Оказалось, что каждый рожденный на Марсе вышел на улицу или занял городские офисы, вокзалы, космопорты. В общем, никто не бездействовал. И на стороне подполья было немало старожилов Марса, так же как и новых эмигрантов.

— Называй их вновь прибывшими, — советовал по телефону Арт. — Переселенцами или колонизаторами, в зависимости от того, к кому они хотят присоединиться. Так делает Ниргал, и это помогает людям во всем разобраться.

Ситуация на Земле была не столь прозрачна. «Субараси» продолжала борьбу за власть со своими южными соперниками, но в условиях всемирного потопа сводки с наднационального фронта исчезли с главных новостных полос. И было сложно сказать, что большинство землян думают о конфликте на Марсе.

А шаттл с подкреплением для служб безопасности уже приближался к орбите. Подполье мобилизовалось, чтобы идти на Берроуз. Арт, находящийся в Берроузе, выбивался из сил. Он разыскивал сомневающихся людей, которые подумывали о сопротивлении войскам, и укреплял их в мысли, что это отличная идея. Удивительно, но Арт умудрялся даже натравливать свежеиспеченных новичков на тех, кто выступал против подпольного плана! Надя считала Арта хитроумным дипломатом: спокойным, простым, скромным, симпатичным «свойским парнем» — когда он говорил с людьми, он опускал голову ниже, создавая у них впечатление, будто они руководят процессом. А он был по-настоящему упорным. Арт обрабатывал множество групп, включая партизанские соединения Красных и первопоселенцев Марса, которые были уверены, что готовятся к штурму или осаде. Надя знала это,

поскольку держала связь с Красными и первопоселенцами, в том числе — с Иваной, Джином, Раулем, Касэем. И хотя они согласились считать ее третейским судьей, вокруг было полно гораздо более радикальных членов движения, для которых она ничего не значила и даже являлась помехой! Вот что ее действительно беспокоило. Она не сомневалась, что, если бы Энн всецело поддерживала ее, к ним бы присоединились почти все радикалы. Она пожаловалась на это Арту после того, как увидела официальное обращение Красных, собирающихся идти к Берроузу с запада. Арт умело взялся за дело и добился того, что Энн ответила на звонок, а он перенаправил его Наде.

И Энн снова возникла на экране, фурия времен Французской революции, бледная и мрачная, как всегда. Их последние переговоры о Сабиси лежали на душе Нади тяжким грузом. Проблема исчерпала себя, когда силы Временного Правительства опять захватили город, а затем сожгли его. Энн, очевидно, до сих пор злилась, что раздражало Надю.

После неловких приветствий их разговор почти сразу превратился в яростную дискуссию. Энн твердила, что революция — это шанс пустить под откос все усилия по терраформированию и убрать

с планеты столько городов и людей, сколько возможно, если необходимо — насильственным путем. Испуганная ее апокалиптическим видением, Надя спорила с ней до хрипоты. Но Энн полностью ушла в свой мир.

— Я буду счастлива, если Берроуз будет уничтожен, — холодно заявила она.

Надя стиснула зубы.

— Если ты уничтожишь Берроуз, погибнет все. Куда денутся люди, живущие там? Ты станешь массовым убийцей. Саймону было бы стыдно за тебя.

Энн нахмурилась.

— А власть развращает. Позови Сакса. Я устала от твоей истерики.

Надя переключила звонок на Сакса и выбежала из комнаты. Энн ошибалась: опасны глупцы, развращающие власть. Но, наверное, она тоже перегнула палку — с Энн надо быть терпеливой. Может, она оттолкнула ее своей резкостью и несдержанностью… Но Надю пугала темная сторона Энн — тьма, с которой никто ничего не мог поделать. Страх разъедал сильнее, чем власть. Соедините их вместе…

Однако она надеялась, что сумела повлиять на Энн. Теперь она решила поговорить с Мишелем,

который вместе с Майей находился в Берроузе.

— Неудачный ход, — осторожно отметил он. — Стратегия, вытекающая из страха.

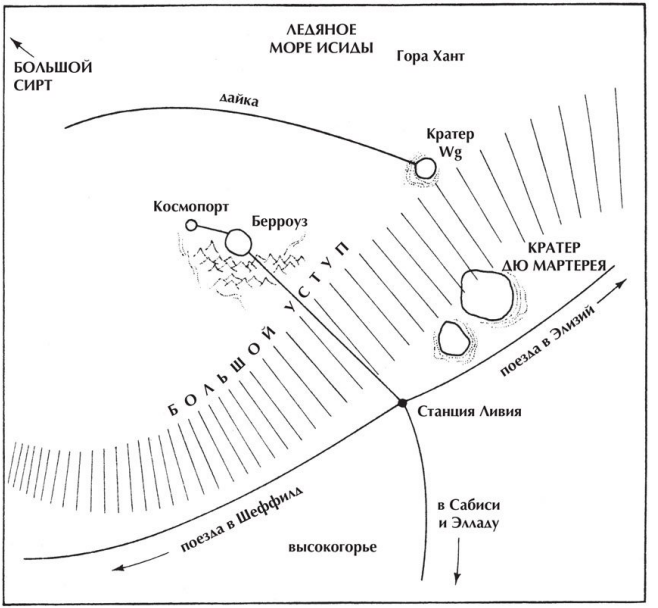
Надя вздохнула. Она боялась. Революция означала разрушение одной структуры и создание другой, но ломать легче, чем строить, и вовсе не обязательно, чтобы все всегда продвигалось успешно. Удивительно, но революционный процесс напоминал возведение арки. Пока не сконструированы обе колонны, а ключевой камень не положен на место, любой, даже самый слабый, толчок мог обрушить всю конструкцию.

В среду вечером, спустя пять дней после звонка Сакса, около сотни людей покинули Берроуз на самолетах. (Ходили слухи, что железнодорожная магистраль слишком уязвима для диверсий.) Надя тоже отправилась в дорогу: она устала сидеть на месте. Сакс присоединился к ней.

Самолетик летел всю ночь напролет и наконец приземлился на каменистую посадочную полосу возле убежища богдановистов в стене кратера Дю Мартерей, который располагался на Большом Уступе, к юго-востоку от Берроуза. Солнце выкатилось из-за горизонта, будто капля ртути, свет изрезал отдаленные холмы на севере низкой равнины Исиды. Еще одно новое ледяное море,

чье продвижение на юг было остановлено лишь аркой дайки: та изгибалась, как длинная, земляная плотина, чем она, собственно, и являлась.

Дабы получить хороший обзор, Надя поднялась на верхний этаж убежища Дю Мартерей. Там имелось панорамное окно: оно было замаскировано под горизонтальную трещину под ободом кратера и позволяло смотреть на Большой Уступ, дайку и упершийся в нее лед. Надя долго любовалась марсианским пейзажем, потягивая кофе, смешанное с доброй порцией кавы. К северу простиралось ледяное море с его сбившимися в кучу сераками, айсбергами, вставшими на дыбы льдинами и плоскими белыми листами подмерзших озер талой воды. Чуть подальше бугрились холмы Большого Уступа, усыпанные зарослями колючих кактусов, которые расползались по камням, словно коралловые рифы. Разновысотные поля черно-зеленого тундрового мха украшали русла холодных ручьев, текущих с Большого Уступа. Другие потоки казались диатомовыми водорослями, застрявшими в складках красного камня.



Окрестности Берроуза

А в отдалении, отделяя пустыню ото льда, бежала новая дайка — свежий темный шрам, рассекший две реальности.

Надя пристально изучала ее в бинокль. Южная оконечность представляла собой реголитовую насыпь: она доходила прямо до обода кратера Wj,

который поднимался примерно на полкилометра от нулевой отметки — намного выше ожидаемого уровня моря. Дайка стремилась на северо-запад от кратера, и Надя с помощью бинокля могла созерцать ее на протяжении примерно сорока километров, пока та не исчезала за горизонтом, как раз к западу от кратера Xh. Тот был окружен льдом, и его багровое нутро напоминало гигантское сливное отверстие. Везде, насколько хватало глаз, лед упирался в края дайки. Со стороны пустыни дайка достигала порядка двухсот метров в высоту, хотя об этом было трудно судить, поскольку под ней пролегала глубокая траншея. На противоположной стороне лед также громоздился достаточно высоко — на полпути к вершине и даже выше.

На вершине дайка расширялась приблизительно до трехсот метров. Столько выкопанного реголита! Надя уважительно присвистнула — это несколько лет работы команды роботов-драглайнов[39] и каналокопателей. Но рыхлый реголит! Надя подумала, что как ни была велика дайка по человеческим меркам, она не в состоянии сдержать ледяной океан. А ведь лед являлся самой

---

[39] Примечания: 39
Тип экскаваторов.

простой задачей — когда он растает, волны и течения унесут реголит, как грязь. И он уже таял. Говорили, что везде под грязно-белой поверхностью лежали огромные резервуары талой воды, в том числе прямо у дайки, просачиваясь в нее.

— Они не планируют заменить насыпь бетоном? — спросила она у Сакса, который подошел к ней.

— Нет, — ответил он, уставившись в собственный бинокль. Надя приготовилась к плохим новостям, но он продолжил: — Ты смотришь на дайку с алмазным напылением. Она прочная и способна простоять несколько миллионов лет.

— Ого! — вырвалось у Нади.

Потрясающе, хотя, возможно, дайка будет подтекать снизу. Но в любом случае частицы будут поддерживать систему, и ошибке тут не место, поскольку Берроуз находился в 20 километрах южнее дайки и метров на 150 ниже. Странноватое место для поселения. Надя направила бинокль в сторону города, но он лежал как раз за горизонтом, где-то в 70 километрах к северо-западу. Конечно, дайки весьма эффективны. Голландские дайки держались веками, защищая население и сотни квадратных километров, но лишь до последнего наводнения. Однако и сейчас эти дайки

выполняли свою миссию: они будут целиком затоплены лишь в тот момент, когда вода пойдет в обход через Германию и Бельгию. Надя покачала головой. Как все сложно устроено на свете…

Она направила бинокль вдоль зазубренных камней Большого Уступа. То, что на расстоянии выглядело как цветы, на самом деле оказалось массивными скоплениями коралловых кактусов. Поток напоминал лестницу с огромными ступенями. Неровный каменистый склон кирпичного оттенка придавал суровому пейзажу сюрреалистическую красоту. Надя поежилась: ее пронзил нежданный пароксизм страха. Вдруг что-то пойдет не так, ее убьют, и она никогда не увидит эволюционирующий Марс? Могло случиться все, что угодно. Что, если ракета ударит с небес прямо сюда — и тогда все они могут попрощаться с жизнью? А может, какой-нибудь напуганный командир батареи в космопорте Берроуза действительно знает точные координаты укрытия? В таком случае он разберется с подпольщиками превентивными методами, и они будут мертвы через несколько минут.

Но они всегда выживали на Марсе. Каждый мог умереть в любую секунду, и неблагоприятные стечения обстоятельств были тому доказатель-

ством.

Надя отмахнулась от тревожной мысли и пошла вслед за Саксом.

Она хотела поехать в Берроуз, чтобы быть в центре событий и судить о них самостоятельно. Ходить везде и наблюдать за жителями города, видеть, что они делают и говорят. Позже в четверг она сказала Саксу:

— Давай поедем в Берроуз.

Но выяснилось, что это невозможно.

— Усиленная охрана на всех воротах, — заявила Майя, когда связались через наручную консоль. — Поезда проверяются очень тщательно. То же самое и с подземкой в космопорт. Город закрыт. По сути, мы — заложники.

— Но мы видим то, что происходит, на экранах, — встрял Сакс. — Разницы нет никакой.

Надя невесело согласилась. Очевидно, шиката га най. Но ситуация ей не нравилась. Наверное, она почти зашла в тупик, по крайней мере на местном уровне. И ее безумно беспокоила ситуация в Берроузе.

— Расскажи мне поподробнее, — попросила она Майю.

— Они сохраняют контроль над инфраструктурой, — ответила Майя, — системы жизнеобеспе-

чения, ворота и так далее. Но их недостаточно, чтобы заставить людей сидеть по домам и не высовываться. В общем, они не знают, что делать дальше.

Надя кивнула: она сама чувствовала то же самое. Все больше спецслужб и полицейских прибывали в Берроуз. Они приезжали в город на поездах из других поселений под куполами, которые уже сдались. Новоприбывшие подразделения присоединялись к войскам в Берроузе. Они круглосуточно караулили системы жизнеобеспечения и офисы корпораций, беспрепятственно передвигаясь повсюду тяжеловооруженными группами. Они разместились в жилых районах горы Бранч, Двухэтажного холма и горы Черный Сиртис. Их командиры постоянно встречались в штаб-квартире Временного Правительства в Столовой горе, но пока не отдавали приказов.

Иными словами, все находилось в подвешенном состоянии. Офисы «Биотика» и «Праксиса» в горе Хант являлись информационными центрами, передавая новости с Земли и Марса, распространяя их по Берроузу через доски объявлений или через компьютерные сети. Эти «массмедиа», наряду с «Мангалавидом» и другими частными каналами, означали, что все были

отлично информированы о последних событиях на Терре и на Марсе. На бульварах и в парках иногда собирались толпы людей, но гораздо чаще жители разбредались малыми группами, слонялись повсюду в некоем активном параличе, чем-то среднем между всеобщей забастовкой и кризисом с заложниками. И все ждали, что же случится дальше. Казалось, что настроение у людей хорошее, магазины и рестораны по-прежнему работали, а интервью, которые делали репортеры, буквально искрились дружелюбием.

Наблюдая за ними во время ужина, Надя чувствовала страстное желание быть в Берроузе. Как бы она хотела поговорить с людьми сама! В десять часов вечера, осознав, что не спала уже очень давно, она опять позвонила Майе, попросила ее надеть очки с камерой и прогуляться по городу. Майя выглядела столь же издерганной и нервной, как и Надя, но была счастлива повиноваться.

Майя быстро покинула свою конспиративную квартиру, предварительно нацепив на нос «умные» очки. Видеозапись с них сразу же транслировалась на экран, возле которого сидела напряженная Надя. Сакс и еще пара-тройка человек заглядывали Наде через плечо, и вскоре все они смотрели на прыгающую картинку и

слушали беглые комментарии Тойтовны.

Майя шла по бульвару Большого Уступа к центральной площади. Очутившись среди лоточников Парк-Канала, она замедлила шаг и огляделась по сторонам, чтобы дать Наде панорамный обзор. Здесь оказалось много людей, они болтали друг с другом, наслаждаясь почти праздничной атмосферой. Две женщины остановились рядом с Майей: они вели оживленный разговор о Шеффилде. Группа эмигрантов подошла к Майе и спросила, что будет дальше, очевидно, уверенные, что она их не подведет.

— Разве такая старуха может дать вам дельный совет? — с отвращением буркнула Майя, и Надя невольно улыбнулась.

Затем стайка молодых людей узнала Майю и подбежала к ней, чтобы радостно ее поприветствовать. Надя наблюдала за встречей глазами Майи. Похоже, в Берроузе у Майи появились настоящие фанаты! Так вот, значит, как выглядел мир для нее! Неудивительно, что она была особенной. Люди глазели на нее, словно она была опасной богиней, пришедшей к ним из мифов…

Но это вызывало излишнее беспокойство. Надя боялась, что ее подругу могут арестовать службы безопасности, и она так и заявила в консоль. Но

изображение задергалось из стороны в сторону, когда Майя покачала головой.

— Какие копы, Надя! — проворчала Майя. — Спецслужбы дежурят у ворот и на станциях, а я держусь от них подальше. Кроме того, копам незачем меня арестовывать! У них и так весь город под колпаком.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, она направилась за армированным автомобилем, проехавшим по бульвару, не сбавив хода.

— У нас любой может нарваться на полицию, — мрачно подытожила Майя.

Она пересекла парк, развернулась и направилась к Столовой горе. Надя поняла, что в Берроузе было холодно: каналы покрылись ледяной коркой, поблескивающей в свете фонарей. Но службы безопасности зря надеялись, что из-за температуры энтузиазм толпы поугаснет. Как бы ни так! Парк был переполнен, и с каждой минутой люди все прибывали. Местные жители толпились у беседок, сидели в кафе или стояли возле оранжевых обогревательных колец. И куда только ни смотрела Майя, везде были толпы народа. Кто-то слушал музыкантов или тех, кто вещал через мегафоны. Другие смотрели новости на наручных консолях или экранах планшетов.

— Митинг в полночь! — кричал кто-то. — В полночь!

— Что еще за митинг? — изумилась Майя. — Наверное, Джеки постаралась.

Она резко оглянулась, и картинка смазалась. Сакс бросился к соседнему экрану и вызвал конспиративную квартиру в горе Хант. Ответил Арт, кроме него, в квартире никого не было. Джеки действительно созывала массовую демонстрацию в полночь, и новость распространялась городскими средствами массовой информации. Ниргал был с ней.

Надя передала информацию Майе, и та сердито выругалась.

— Черт бы ее побрал! Здесь слишком взрывоопасная обстановка, чтобы устраивать митинги!

Но они уже ничего не могли поделать. Тысячи горожан стекались по бульварам к Парк-Каналу и парку Принцесс. Майя принялась озираться по сторонам: Надя увидела, что у подножия Столовой горы собралась изрядная толпа. Мосты-трубы, перекинутые через парк, были также запружены людьми.

— Все начнется в парке Принцесс, — заявил Арт с экрана Сакса.

— Тебе надо поторопиться, — сказала Надя

Майе. — Тебе стоит там выступить и удержать ситуацию под контролем.

Майя кивнула, и, пока она пробиралась сквозь толпу, Надя продолжала говорить с ней, засыпая ее ворохом советов. Кто знает, что могло произойти на митинге? Слова буквально выскакивали у Нади из горла, а когда она делала паузу и задумывалась, Арт добавлял что-то от себя. Наконец, Майя спросила:

— Постойте-ка! Это все правда?

— Не беспокойся, — ответила Надя.

— Как же! — прокричала Майя в консоль. — Вы в своем уме? Что я скажу сотням тысяч людей, всем в обоих мирах?

— Доверься нам, — произнесла Надя. — Просто дай нам шанс.

Майя побежала. Другие шли в том же направлении, что и она, направляясь вверх по Парк-Каналу, к возвышенности между холмом Эллис и Столовой горой. Камера «умных» очков давала дергающуюся картинку чьих-то возбужденных лиц, спин и затылков. Люди оборачивались на крики Майи с требованием посторониться и пропускали ее вперед. Раздались громкие крики, и толпа митингующих уплотнилась. Майе была вынуждена притормозить и стала протискивать-

ся между группами людей. Большинство из них были молодыми высоченными марсианами, и Надя кинулась к экрану Сакса, чтобы смотреть картинку, передаваемую по новостному каналу. Изображение скакало взад-вперед, между камерой, установленной на платформе возле края старого бугра пучения в парке Принцесс, и камерой наверху, на одном из пешеходных мостов. Под обоими углами было видно, что толпа собралась огромная, возможно, восемьдесят тысяч человек — так предположил Сакс, уткнувшийся носом в экран, как будто считал их по головам. Арт сумел подключиться к Майе параллельно с Надей, и они продолжали говорить с ней, пока она пробивалась вперед.

Антар закончил короткую зажигательную речь на арабском, пока Майя преодолевала последний отрезок пути, и на платформу взошла Джеки. Она встала перед микрофоном и начала говорить. Ее голос усиливался колонками, установленными в бугре пучения, а затем разносился через вспомогательные динамики, развешанные по периметру парка. Он был и в мегафонах, и на планшетах, и на запястьях — везде, поскольку отражался легким эхом от Столовой горы и холма Эллис. Тем не менее одобрительные крики ми-

тингующих мешали Наде разобрать слова.

— Не позволим Марсу стать запасной площадкой… Правящий класс, напрямую ответственный за разрушение Земли… крысы, бегущие с тонущего корабля… Если мы позволим, устроят хаос и на нашем Марсе! Но этого не случится! Мы теперь — свободный Марс! Свободный Марс!

Джеки тыкала пальцем в небо, и толпа оглушительно скандировала, быстро войдя в единый ритм:

— Свободный Марс! Свободный Марс!

Внезапно на платформу поднялся Ниргал. Когда люди увидели его, многие из толпы начали приветствовать его громогласным: «Нир-гал!» Лозунг «Свободный Марс»» тоже не стихал, так что в итоге получилось: «Свободный Марс! Нир-гал! Свободный Марс! Нир-гал!» — будто огромный хоровой контрапункт.

Дойдя до микрофона, Ниргал помахал рукой, требуя тишины. Возгласы не прекратились, но теперь кричали лишь «Нир-гал! Нир-гал! Нир-гал!» — с явным энтузиазмом, вибрируя в звуке одного общего голоса, словно каждый в толпе был его приятелем и невероятно обрадовался его появлению. Надя вдруг подумала, что, проскитавшись большую часть своей жизни, Ниргал

действительно мог быть их другом.

Крики постепенно стихли, и наконец шум толпы превратился в обычное громкое гудение, хотя усиленное техникой приветствие Ниргала перекрыло его. Пока он вещал, Майя продолжала упорно идти к бугру пучения. Митингующие внимательно слушали Ниргала и теперь ей стало несколько легче продираться сквозь толпу. Но затем она остановилась и стала смотреть на Ниргала, как зачарованная, — похоже, только в момент воплей и аплодисментов, которыми заканчивались его высказывания, она вспоминала, что ей нужно двигаться вперед. Стиль его речи был сдержан, спокоен, дружелюбен, неспешен. Его было проще расслышать.

— Марс стал настоящим домом для тех, кто родился на этой планете, — произнес Ниргал и сделал минутную паузу, чтобы переждать крики толпы.

«В основном там собрались местные, — отметила Надя про себя. — Наверняка Майя едва доходит им до плеча».

— Наши тела состоят из атомов, которые еще недавно были частью реголита, — продолжал Ниргал. — Мы — марсиане до мозга костей. Мы — живые частицы Марса. Мы — люди, которые

постоянно обогащают Марс. Мы пестуем Марс. Здесь наш родной дом. И нам никогда нельзя возвращаться.

Его прервали новые крики в ответ на этот прекрасно знакомый слоган.

— Что касается тех, кто родился на Земле… Ведь тут собрались самые разные люди, верно? Когда кто-то прилетает на Марс, одни хотят остаться и тоже сделать его своим домом — и мы зовем их поселенцами. Другие просто работают на Марсе, чтобы позже вернуться, и их мы называем гостями или колонизаторами. Но сейчас местные и поселенцы — наши естественные союзники. В конце концов, местные — не что иное, как дети первых поселенцев. Марс — дом для каждого из нас! Что касается гостей, для них тоже есть место на Марсе. Когда мы говорим, что Марс свободен, мы не говорим, что он закрыт для землян. Отнюдь! Мы все — дети Земли, так или иначе. Это наша утроба, и мы рады помочь Земле, чем только сможем.

Шум стих, толпа, казалось, была удивлена заявлением Ниргала.

— Но очевидный факт, — продолжал Ниргал, — состоит в том, что все происходящее на Марсе должно твориться не по воле колонизаторов

или кого-либо с Земли. — Радостные возгласы заглушили часть его речи. — Простое заявление нашего желания самоуправления… нашего естественного права… движущей силы истории человечества. Мы — не колония и не позволим относиться к себе подобным образом. Колоний больше не существует. Мы — свободный Марс!

Раздались вопли, перетекающие в слаженный напев: «Свободный Марс! Свободный Марс!».

Ниргал набрал воздуха в легкие.

— А что мы собираемся сделать теперь, как свободные марсиане? Мы будем приветствовать каждого землянина, который захочет присоединиться к нам, либо с целью пожить на Марсе некоторое время, а затем вернуться, либо остаться здесь навсегда. И мы намерены сделать все, чтобы помочь Земле в ее экологическом кризисе. У нас есть некоторый опыт борьбы с наводнениями. — Ниргал на минуту замолчал, пока громогласные крики не стали тише. — Итак, мы можем помочь. Но наша поддержка отныне и навсегда никогда не будет проходить через наднациональные корпорации, изыскивающие из нее прибыль. Она станет подарком. Она принесет населению Земли больше пользы, чем они смогли бы извлечь из нас как из колонии. Это нужно

понимать буквально, как объем ресурсов и работ, которые будут переданы с Марса на Землю. И мы верим, что все в обоих мирах будут приветствовать появление свободного Марса!

Он отступил на шаг, а толпа опять принялась скандировать. Ниргал стоял на платформе, улыбаясь и махая рукой. Он выглядел довольным, но немного потерянным, как будто не знал, что делать дальше.

В продолжение его речи Майя пробивалась дюйм за дюймом вперед, и теперь в ее камере Надя видела край платформы. Майя добралась до первого ряда. Ее руки замелькали перед камерой, и Ниргал наконец заметил ее.

Он рассмеялся, пошел прямо к ней и помог взобраться на платформу. Он провел ее к микрофонам, и Надя поймала последнюю картинку удивленной и расстроенной Джеки Бун, перед тем как Майя сняла свои очки. Изображение на экране Нади дико крутанулось и застыло, показывая доски платформы. Надя выругалась и опять поспешила к экрану Сакса. Сердце ее подкатывало к горлу.

Сакс смотрел новостной канал, который транслировал картинку с перехода, изогнувшегося от холма Эллис к Столовой горе. С этого ракурса

они видели людское море: люди окружили бугор пучения, заполнили центральную площадь Берроуза и сгрудились в Парк-Канале. Здесь, несомненно, собрались практически все горожане. На импровизированной сцене Джеки кричала что-то в ухо Ниргалу. Не ответив ей, он подошел к микрофонам на середине ее увещеваний.

— Майя Тойтовна! — провозгласил он.

Крики стали еще более оглушительными.

Майя прошла вперед рубленым шагом и скомандовала в микрофон:

— Тихо! Спасибо! Спасибо… Успокойтесь. У нас есть несколько важных объявлений.

— Господи, Майя! — выдохнула Надя, вцепившись в спинку кресла Сакса.

— Марс теперь независим, да. Но, как сказал и сам Ниргал, это не означает, что Марс существует в изоляции от Земли. Такое попросту невозможно. Мы объявляем суверенитет в соответствии с международными законами и обращаемся к Мировому Суду для официального подтверждения нашего статуса. Мы подписали предварительные договоры, утверждающие независимость Марса, и установили дипломатические отношения со Швейцарией, Индией и Китаем. Мы также инициировали неэксклюзивное экономическое

партнерство с «Праксисом». Это, как и все наши будущие договоренности, сделано не ради выгоды, но для максимальной пользы обоих миров. Кроме того, эти соглашения положат начало формальным, легальным, полуавтономным отношениям с различными юридическими органами Земли. Мы уверены в немедленном подтверждении и ратификации вышеупомянутых договоренностей Мировым Судом, ООН и прочими правомочными органами.

Толпа воодушевленно загудела, правда, не столь сильно, как после речи Ниргала. Майя умолкла. Когда отдельные возгласы стихли, она снова заговорила.

— Что касается ситуации на Марсе, мы собираемся организовать встречу именно здесь, в Берроузе! Мы сделаем декларацию Дорсы Бревиа отправной точкой для создания свободного марсианского правительства.

Аудитория всколыхнулась.

— Да-да, — нетерпеливо сказала Майя, пытаясь угомонить толпу. — Тихо! Слушайте! Но сначала мы должны обратиться к проблеме оппозиции. Как вы знаете, мы стоим рядом со штаб-квартирой спецслужб Временного Правительства ООН в Столовой горе, и в данный момент они тоже слу-

шают нас! — Она указала рукой по направлению к Столовой горе. — Если они не выйдут, чтобы присоединиться к нам, тогда… — Майя повысила голос, стараясь перекричать свист и речевки, — я скажу им, что мы не желаем им зла. Полагаю, что Временное Правительство обязано наблюдать за уникальным развитием Марса. Но пусть оно прикажет спецслужбам прекратить контролировать нас. Вы не можете нас контролировать! — воскликнула Майя, и ей принялись вторить чьи-то безумные вопли. — Повторяю, мы не хотим вам зла! Мы заверяем вас, что предоставим доступ в космопорт, где самолеты смогут забрать вас в Шеффилд, а оттуда на Кларк, если вы не хотите присоединиться к нам в нашем новом предприятии. Это не осада и не блокада, а просто…

Она вновь замолчала, вскинула обе руки, и толпа ответила ей.

Надя пыталась пробиться к Майе, стоявшей на сцене, но та, очевидно, ничего не слышала. Наконец, Майя взглянула на запястье. Картинка дрожала: руки Майи тряслись.

— Майя, ты чудо! Я горжусь тобой!

— Кто угодно может рассказывать сказки.

— А удастся ли тебе сделать так, чтоб эту сказку повторяли на каждом перекрестке? — громко

произнес Арт.

— Посмотрим, — ответила Майя.

— Поговори с Ниргалом, — встряла Надя. — Заставь их с Джеки действовать вместе. Пусть они убедятся, что на Столовую гору не будут совершать налеты. Убеди их.

— Ха! — воскликнула Майя. — Да. Мы позволим Джеки баловаться, как же!

И мини-камера на запястье начала крутиться во все стороны, а шум был такой, что ничего нельзя было разобрать. Камеры «Мангалавида» транслировали более четкую картинку, и Надя увидела группу людей, которые совещались на сцене.

Надя села на стул, чувствуя себя настолько измотанной, как будто именно ей пришлось держать речь перед жителями Берроуза.

— Майя была великолепна, — резюмировала она. — Она вспомнила все. Какой оратор! Теперь нам осталось лишь воплотить это в реальность.

— Она уже сделала все за нас, причем только что, — заявил Арт. — Все в обоих мирах видели митинг! «Праксис», разумеется, начеку! Швейцария нас, естественно, поддержит. Потрясающе!

— Временное Правительство может не согласиться, — охладил их пыл Сакс. — Я получил

сообщение от Зейка. Красные диверсионные отряды спускаются с Сиртиса. Они захватили западную оконечность дайки. Движутся на восток вдоль нее. Они приближаются к космопорту.

— Мы хотим избежать кровопролития! — вскинулась Надя. — Что они себе позволяют!

Сакс пожал плечами.

— Спецслужбам такой расклад не понравится, — пробормотал Арт.

— Мы должны поговорить с ними напрямую, — ответила Надя, нахмурившись. — Я общалась с Гастингсом, когда он контролировал нашу миссию. Я не много о нем помню, но, по-моему, он не был орущим безумцем.

— Надо с ним встретиться, — подытожил Арт.

Надя прошла в соседнюю комнату и, сев перед экраном, сделала звонок в штаб-квартиру Временного Правительства в Столовой горе. Хотя было около двух часов ночи, ее перенаправили к Гастингсу минут через пять. Она узнала его мгновенно, хотя и сказала, что давно забыла его лицо. Миниатюрный, узколицый, затравленный и вспыльчивый технократ. Увидев ее на экране, он скорчил рожу.

— Опять вы. Мы послали неправильную сотню. Я всегда это говорил.

— Не сомневаюсь.

Надя изучала его физиономию, пытаясь представить, что за человек возглавлял контроль миссии век назад. Теперь он глава Временного Правительства. Он часто раздражался из-за них, пока они летели на «Аресе», разглагольствовал по поводу малейших отклонений от правил и приходил в ярость, когда они забывали отсылать ему видеоотчеты в заключительной стадии полета. Бюрократ правил и регламентов, из разряда людей, которых Аркадий презирал. Но человек, с которым можно договориться.

Или ей так казалось поначалу. Надя спорила с ним десять или пятнадцать минут. Она заявила, что демонстрация, которую он видел в парке Берроуза, была частью того, что происходило на Марсе повсюду. Сейчас вся планета противится планам Временного Правительства, поэтому они могут отправиться в космопорт и улететь.

— А мы не собираемся покидать Марс, — отчеканил Гастингс.

Он похвастался, что подразделения спецслужб контролируют системы жизнеобеспечения и Берроуз принадлежит ему целиком и полностью. Красные могут захватить дайку, но они не станут разбивать ее, потому что в городе двести тысяч

человек, которые, в принципе, являются заложниками. Подкрепления должны прибыть со следующим шаттлом, который должен выйти на орбиту в течение суток. В общем, митинг ничего не значил. Сплошное позерство.

Сперва Гастингс казался более-менее спокойным и самодовольным, но потом Надя услышала нотки раздражительности в его голосе. Похоже, он получил директивы с Земли, согласно которым должен был сидеть в Берроузе и ждать подкреплений. Без сомнения, подразделениям в Шеффилде было приказано то же самое. И Берроуз, и Шеффилд до сих пор находились в руках Временного Правительства, а дополнительные силы спецслужб должны были прибыть с минуты на минуту. Неудивительно, что они считали, будто контролируют ситуацию. В этом они были правы.

— Когда люди одумаются, — сурово вдалбливал ей Гастингс, — мы снова придем к власти. В любом случае единственное, что сейчас имеет значение, это наводнения на Земле. Крайне важно поддержать Землю в столь тяжелое время.

Надя сдалась. Гастингс был упрям, кроме того, он имел свою точку зрения и свои резоны. Даже несколько. Поэтому она вежливо закончила

разговор, попросив разрешения перезвонить ему позже. «Надеюсь, я неплохо скопировала дипломатический стиль Арта», — подумала она и вернулась к остальным.

Глубокой ночью они продолжили мониторинг отчетов, приходящих из Берроуза и других мест. События развивались с огромной скоростью, и Надя не могла позволить себе пойти спать. Сакс, Стив, Мэриан и другие богдановисты в Дю Мартерее чувствовали себя точно так же. Они сидели, ссутулившись, на стульях, чувствуя ломоту в мышцах и жжение в глазах, а на экранах перед ними мелькали картинки. Некоторые Красные откололись от основного движения сопротивления, следуя собственной программе. Теперь они усиливали свою кампанию диверсий прямыми нападениями по всей планете, занимая маленькие станции. Иногда Красные запихивали местных жителей в марсоходы и взрывали их поселения, но иногда оставляли все, как есть.

Очередная «Красная армия» успешно штурмовала службы жизнеобеспечения в Каире, убив множество полицейских и заставив всех сдаться. Победа воодушевила их, но в остальных местах результаты были не столь хороши. После звонков нескольких выживших выяснилось, что атака

Красных на системы жизнеобеспечения в Ласвице уничтожила их и сильно повредила купол. В итоге люди, которые не успели спрятаться в безопасных зданиях или в марсоходах, погибли от удушья.

— Что они делают?! — закричала Надя.

Ей никто не отвечал. Эти Красные игнорировали звонки, как и Энн.

— Если бы они хотя бы обсуждали с нами свои планы, — со страхом сказала Надя. — Мы не можем пустить все на самотек, это слишком опасно…

Сакс поджал губы и озабочено посмотрел на нее. Они пошли в столовую, чтобы позавтракать (уже наступило утро) и чуть-чуть отдохнуть. Надя через силу заставила себя глотать пищу. Внезапно она поняла, что прошла уже неделя после первого звонка Сакса. Странно, но она никак не могла вспомнить, что вообще ела в эти дни. Поразмыслив, она поняла, что очень голодна, и принялась ковыряться в яичнице.

Спустя некоторое время Сакс склонился к ней.

— Я хочу с тобой кое-чем поделиться, — произнес он.

— Что-что? — спросила Надя, не донеся вилку до рта.

— Дело касается того шаттла со спецслужбами на борту, — загадочно ответил Сакс.

— Что с ним? — пролепетала Надя.

После полета над каньоном Касэй Сакс уже не казался ей разумным. Вилка в ее руке задрожала.

— У меня есть план, — ответил он. — Его разработала моя группа в Да Винчи.

Надя попыталась собраться с силами.

— Расскажи мне.

Оставшаяся часть дня прошла как в тумане, поскольку Надя отчаянно старалась связаться с группами Красных, работала с Артом, переправляла послания на Землю и рассказывала Майе, Ниргалу и остальным в Берроузе последние новости Сакса.

Ускоренный темп событий как будто зацепился за бешено крутящийся винт и теперь мчался с неконтролируемой скоростью. У них не хватало времени, чтобы поесть, отдохнуть или даже сходить в туалет. Но все требовалось делать, как и раньше, поэтому Надя побрела в ванную комнату и долго стояла под душем, затем проглотила спартанский обед из бутерброда с сыром и растянулась на диване, чтобы поспать. Но это был неглубокий, чуткий сон, в котором ее разум продолжал топтаться на месте, обдумывая события

дня, слушая голоса в комнате. Ниргал и Джеки не ладили. Превратятся ли их стычки в общую грандиозную проблему для всех?

Надя встала столь же измотанная, как и час назад. Кто-то еще рассказывал о ссоре Джеки и Ниргала. Надя побрела в ванную комнату и отправилась на поиски еды.

Зейк, Назик и другие арабы прибыли в Дю Мартерей, пока она спала. Зейк заглянул на кухню.

— Сакс говорит, шаттл скоро будет.

Дю Мартерей находился в шести градусах от экватора, и его расположение позволяло им прекрасно видеть данный конкретный вход в атмосферу, которого ждали сразу после заката. Погода благоприятствовала, небо было безоблачным и прозрачным. Солнце садилось, восток потемнел, цветная дуга к западу над Сиртисом сверкала радужным спектром, меняясь от желтого к оранжевому, от зеленого к бирюзовому и от синего к густо-фиолетовому. Когда солнце скрылось за черными холмами, цвет неба стал насыщеннее, как будто свод его вдруг вырос в сотню раз.

И посреди ярких красок цветов, между двух вечерних звезд словно из ниоткуда появилась ослепительная белая точка: она прошила небо,

оставив короткий, прямой инверсионный след. Это было обычное эффектное появление челноков с аэродинамическим торможением, когда они входили в верхние слои атмосферы, — почти столь же различимое днем, как и ночью. Всего минута уходила у этих «метеоров», чтобы прочертить небо от одного края до другого.

Но вдруг шаттл, который был еще высоко на западе, побледнел, превратившись в одну из еле заметных звезд. И пропал.

Комната для наблюдений за небом в Дю Мартерее была набита битком. Зрелище оказалось беспрецедентным, хотя многих уже предупредили о нем накануне. Зейк тоже находился в комнате и наблюдал за челноком, таявшем в небе. Спустя минуту он попросил ученого объяснить исчезновение шаттла для тех, кто до сих пор был не в курсе происходящего.

Выяснилось, что окно для аэродинамического торможения было узким — как и для «Ареса» в самом начале. Оно не предполагало места для ошибки. В итоге техническая команда Сакса в кратере Да Винчи снарядила ракету, нагруженную металлическими обломками («Словно бочонок с железным ломом», — как сказал Сакс), и запустила ее как раз несколько часов назад.

Груз взорвался за пять минут до приближения шаттла, разметав обломки в очень широкий по горизонтали, но узкий по вертикали пояс. Вход в атмосферу, конечно же, осуществлялся компьютером шаттла, поэтому, когда его радары обнаружили металлический мусор, навигационный искин располагал весьма ограниченными вариантами выбора. Поднырнуть под пояс означало войти в более плотные слои атмосферы и попросту сгореть. Но и проскользнуть в поясе как-то по-другому тоже было опасно — шаттл мог банально прохудиться и развалиться на куски. Шиката га най, учитывая вшитые в него допустимые риски! В общем, искин был вынужден прекратить торможение, пролетев над обломками, и уйти из атмосферы. Сейчас шаттл направлялся за пределы Солнечной системы со скоростью сорок тысяч километров в час.

— А у них есть другой способ замедлиться, кроме аэроторможения? — спросил Зейк Сакса.

— Нет. Поэтому они им и пользуются.

— Значит, шаттл обречен?

— Не обязательно. Они могут использовать другую планету как гравитационный рычаг для разворота и вернуться сюда или отправиться на Землю.

— Они летят к Юпитеру?

— Ну, Юпитер сейчас на другой стороне.

Зейк усмехнулся.

— К Сатурну?

— Они пройдут мимо целого ряда астероидов, — ответил Сакс, — и смогут изменить свой крах… свой курс.

Зейк рассмеялся, и хотя Сакс продолжал говорить о стратегиях смены курса, гул голосов перекрыл бормотание безумного ученого.

Вероятно, теперь можно было не беспокоиться о пополнении с Земли. Пока что. Но Надя подумала, что данный факт заставит силы Временного Правительства в Берроузе почувствовать себя загнанными в ловушку. Обстановка накалялась, а еще Красные продолжали двигаться к городу с севера, что, несомненно, лишь усиливало напряженность. Ночью группа Красных в снабженных оружием машинах захватила дайку. Они уже приблизились к космопорту Берроуза, расположенному в десяти километрах на северо-западе от города.

Майя появилась на экране в точно таком же виде, как и во время своей пламенной речи.

— Если Красные захватят космопорт, — сказала она Наде, — спецслужбы будут заперты в

Берроузе.

— Мы этого не хотим. Особенно сейчас.

— Ясно. Вы не можете контролировать их?

— Они с нами не советуются.

— Я думала, ты великий лидер Красных.

— А я думала, это ты, — огрызнулась Надя.

Майя рассмеялась, резко и безрадостно.

Вскоре из «Праксиса» поступил очередной отчет: целый пакет земных программ, ретранслируемых «Вестой». В основном репортажи были посвящены потопу, в частности катастрофе в Индонезии и в других прибрежных регионах. Однако не обошлось и без политических новостей. Выяснилось, что военная верхушка некоторых стран — клиентов Южного клуба национализировала холдинги, которые ранее принадлежали корпорациям. По оценке «Праксиса», это могло означать только одно — явное недовольство политикой корпораций постепенно перерастало в открытую борьбу. Что касается массовой демонстрации в Берроузе, она наделала много шума и, несомненно, обсуждалась в кабинетах правительств и на форумах Терры. Швейцария подтвердила, что установила дипломатические отношения с марсианским правительством, которое «будет назначено позже», как с ухмыл-

кой отметил Арт. «Праксис» сделал то же самое. Мировой Суд объявил, что быстро рассмотрит иск, поданный Мирной нейтральной коалицией Дорсы Бревиа против ООН (массмедиа Терры прозвали его «Марс против Земли»). Шаттл отчитался в неудачной попытке войти в атмосферу Марса. Очевидно, они собирались разворачиваться у астероидов. Надю очень обрадовало то, что ни одна из новостей не претендовала на Земле на первые полосы, поскольку наводнение до сих пор являлось самой актуальной темой. Миллионы беженцев были повсюду, и многие из них — в крайней нужде…

Значит, они начали революцию в самый подходящий момент. На Марсе почти все города были под контролем движения за независимость. Правда, Шеффилд оставался крепостью наднациональных корпораций. Питер Клейборн уже был там, командовал повстанцами на горе Павлина. Он прекрасно координировал их деятельность, и они даже не могли отвлечься на Берроуз. Дело в том, что кое-кто из радикалов сопротивления сторонился Фарсиды, да и ситуация в Шеффилде была весьма сложной, не оставляющей места для маневра.

Некоторые время спустя повстанцы стали кон-

тролировать Арсию и Аскрийскую гору, научную станцию в кратере Zp на горе Олимп и большую часть Шеффилда. Но гнездо лифта и весь квартал, окружающий его, был в руках вооруженной полиции.

В общем, хотя Питер и захватил Фарсиду, он не мог прийти на помощь в Берроуз. Надя коротко переговорила с ним, описав ситуацию и умоляя позвонить Энн и попросить ее усмирить Красных. Он обещал сделать, что сможет, но не был уверен, что мать послушает его.

Затем Надя безуспешно попыталась выйти на связь с Энн. Потом решила переговорить с Гастингсом, и он ответил на звонок, но диалога не получилось. Он уже не походил на того самодовольного, полного презрения человека, с которым она говорила накануне.

— Этот захват дайки! — зло проорал он. — Что вы хотите доказать? Думаете, я поверю, что они разрушат дайку, когда в городе двести тысяч человек и многие уже на вашей стороне? Что за абсурд! Нам очень не нравится, что жизнь населения ставится под угрозу! Предупреждаю, я не отвечаю за то, что случится, если ваши люди разрушат дайку и всю равнину Исиды! Уберите их оттуда!

Гастингс побагровел от ярости и разорвал соединение раньше, чем Надя смогла ему ответить. Похоже, он отвлекся на кого-то за пределами экрана. «Он боится», — констатировала Надя, чувствуя, как внутри задергался железный орех. Он не справлялся с ситуацией. Да, совершенно верно. Но ее напрягло выражение его лица. Она даже попыталась пробиться к нему снова, но Гастингс проигнорировал звонок.

Спустя пару часов Сакс разбудил ее, заснувшую прямо на стуле, и она узнала, о чем беспокоился Гастингс.

— Подразделение спецслужб Временного Правительства, которое сожгло Сабиси и уехало на боевых машинах, попыталось… перехватить у Красных дайку, — процедил Сакс. — Вероятно, схватка происходила на том краю дайки, что расположен возле городской черты. И от Красных только что поступило сообщение, что часть дайки прорвана.

— Что?..

— Взорвана. Они пробурили дыры и заложили заряды, чтобы использовать их… как угрозу. Во время боя все кончилось тем, что они их взорвали.

— Боже мой! — Сон как рукой сняло, унесло

собственным внутренним взрывом, вспышкой адреналина. — Есть подтверждения?

— Видно крупное облако пыли, закрывающее звезды.

— Боже мой! — повторила Надя и бросилась к ближайшему экрану, сердце глухо стучало в груди. Было три часа утра. — Есть ли шанс, что лед заблокирует дыру и послужит дамбой?

Сакс нахмурился.

— Вряд ли. Все зависит от того, насколько большая образовалась дыра.

— Можем ли мы закрыть ее контрвзрывами?

— Не думаю. Вот видео, которое прислали Красные с юга. — Сакс указал на экран, где транслировалась инфракрасная картинка: темные пятна слева, изумрудно-черные всполохи справа, зеленые флуоресцентные кляксы посередине. — В центре — зона взрыва, она теплее, чем реголит. Полагаю, взрыв был произведен напротив водного резервуара. Вероятно, лед расплавился как раз за местом прорыва. Так или иначе, сейчас тот участок подтоплен и вода продолжает размывать дыру. У нас проблема, Надя.

— Сакс! — воскликнула она и оперлась о его плечо, уставившись в экран. — Люди в Берроузе, что им делать? Проклятье, о чем думала Энн?

— Может, она здесь ни при чем.

— Энн или все Красные?!

— Их атаковали. Это могла быть чистая случайность. Или кто-то на дайке решил, что их оттеснят от взрывчатки. В таком случае у них был единственный шанс использовать ее. — Сакс поджал губы. — Подобные ситуации всегда кончаются плачевно.

— Проклятье! — Надя затрясла головой и закашлялась. — Мы должны что-то сделать! — пробормотала она, лихорадочно думая. — А вершины столовых гор достаточно высоки, чтобы оставаться над уровнем воды?

— На некоторое время. Но Берроуз расположен в самой низкой точке впадины. Именно поэтому его тут и разместили: ведь края впадины дают далекий горизонт. Столовые горы тоже зальет. Не уверен, насколько быстро, поскольку не знаю скорость потока. Но давай прикинем, потребуется объем… — Сакс принялся бешено выстукивать на клавиатуре, но взгляд его оставался пуст, и Надя поняла, что другая часть его сознания считала гораздо быстрее искина. Сакс видел ситуацию в целом, пялясь в бесконечность и качая головой взад-вперед, будто слепой.

— Очень быстро, — прошептал он и оторвался

от клавиатуры. — Если объем водного резервуара достаточно велик.

— Наверное, так и есть.

Он кивнул. Они сели рядом, глядя на экран искина Сакса.

— Когда я работал в Да Винчи, — нерешительно произнес Сакс, — я пытался проработать возможные сценарии. Прогнозы будущего. И я боялся, что произойдет нечто подобное. Разрушенные города. Я думал, это будут купола. Или пожары.

— Пожары? — повторила Надя.

— Я думал над экспериментальным… планом.

— Расскажи мне, — спокойно попросила Надя.

Но Сакс читал погодные сводки, только что появившиеся над цифрами, крутящимися на экране. Надя терпеливо ждала, когда он поднимет взгляд от искина.

— Ну? — сказала она.

— От Сиртиса к Ксанфу спускается область высокого давления. Она должна быть здесь сегодня. Нет, завтра. На равнине Исиды давление воздуха будет около трехсот сорока миллибар, с сорока пятью процентами азота и сорока процентами кислорода плюс пятнадцать процентов угле…

— Сакс, меня не волнует погода!

— Это пригодный для дыхания воздух, — по-

яснил он. Его глаза смотрели на мир с рептилоидным выражением, словно он был ящерицей, драконом или иным хладнокровным разумным существом, способным жить в вакууме. — Почти пригодный. Если отфильтровать CO_2. Так что мы кое-что можем. В Да Винчи мы производим маски. Они очень простые, сделаны из циркониевого сплава. Молекулы CO_2 больше молекул кислорода или азота, поэтому мы создали молекулярный фильтр. Это одновременно активный фильтр, поскольку там есть пьезоэлектрический слой, и заряд генерируется, когда материал выгибается во время вдоха и выдоха. Таким образом, кислороду легко проникать через фильтр.

— А как насчет пыли? — осведомилась Надя.

— Мы разработали ряд фильтров, отличающихся по размерам. Первый останавливает пыль, второй — совсем крошечные частицы и CO_2. — Он поднял взгляд на Надю. — Конечно же, такие маски пригодятся людям вне города. Мы уже изготовили полмиллиона. Маска держится на резинке. Края — из липкого полимера, он пристает к коже и не раздражает ее. Можно дышать во всю силу легких.

— Значит, мы эвакуируем Берроуз.

— Я не вижу альтернативы. Мы не успеем вы-

везти столько людей по железной дороге или посадить всех в самолеты. Зато мы можем пойти пешком.

— Куда?

— На вокзал Ливии.

— Сакс, до вокзала — почти семьдесят километров!

— Семьдесят три.

— Многовато для пешей прогулки!

— Большинство справятся. У них нет другого выбора, — пожал плечами Сакс. — А для самых слабых будут наготове марсоходы и дирижабли. Когда люди доберутся до станции, они сядут в поезд. Или в дирижабль. Кстати, на вокзале смогут разместиться до двадцати тысяч человек. Если потесниться.

Надя посмотрела в бесстрастное лицо Сакса.

— Где маски?

— В Да Винчи. Они погружены на скоростные самолеты, мы получим их через пару часов.

— Ты уверен, что они сработают?

Сакс кивнул.

— Мы их испытывали. И я привез с собой пару десятков.

Сакс поднялся с кресла и направился к своей потрепанной черной сумке. Открыв ее, он вынул

пачку белых прямоугольников и вручил один из них Наде. Маска закрывала лишь нос и рот и напоминала стандартную антипылевую маску, применяющуюся в строительстве, однако оказалась толще. Край действительно был липким на ощупь.

Надя осмотрела ее, примерила, затянула тонкий ремешок. Она легко дышала сквозь нее, и никакого дискомфорта не возникало. Что ж, Сакс гений…

— Я хочу проверить ее снаружи, — заявила она.

Сакс отправил сообщение в Да Винчи, чтобы им выслали остальные образцы, а потом они спустились к шлюзу убежища. Слухи о плане и об испытании успели распространиться, все маски, которые привез Сакс, моментально разобрали. В итоге десять человек, включая Зейка, Назик и Спенсера Джексона, который прибыл в Дю Мартерей лишь час назад, выказали желание присоединиться к Саксу и Наде.

Они облачились в легкие скафандры-комбинезоны, которые делали из многослойной прочной ткани. Здесь были предусмотрены нагревающие нити, но отсутствовали старые каркасные материалы (они были необходимы только в первые

годы при низком давлении снаружи).

— Постарайтесь отключить нагреватели, — сказала Надя остальным. — Нам надо понять, как будут чувствовать себя люди в обычной одежде.

Нацепив маски, они вышли в гаражный шлюз. Здесь было прохладно.

Наконец, открылась тяжелая дверь. Они шагнули наружу.

«Ну и мороз», — подумала Надя, у которой заслезились глаза и сжалось горло. Без сомнения, свою роль здесь сыграл переход от 500 к 340 миллибар. Нос тоже потек. Она выдохнула, вдохнула. Легкие словно получили ожог. В лицо дул ледяной ветер, больше всего поразило ее ощущение, что глаза не защищены. Ее стал бить сильный озноб — похоже, даже утепленная ткань комбинезона не спасала от здешнего холода.

«Сибирский морозец», — сказала она себе. 260 градусов по Кельвину, — 13 по Цельсию. Ерунда! На самом деле не так уж плохо. Она просто отвыкла от низких температур. Ее руки и ноги частенько подмерзали на Марсе, но уже много времени — больше века! — прошло с тех пор, как она чувствовала себя настолько зябко.

Остальные громко переговаривались друг с другом на открытом воздухе: их голоса звучали

забавно. Никаких интеркомов! Кольцо на ее комбинезоне, к которому должен был крепиться шлем, леденило ключицы и затылок. Древний, черный разбитый камень Большого Уступа оказался покрыт ночной изморозью. Удивительно, но только сейчас у нее появилось периферийное зрение, которого никогда не было в шлеме. Слезы продолжали катиться по ее щекам, ветер ерошил волосы на голове. Она не чувствовала каких-то особенных эмоций, однако без шлема пейзаж выглядел поистине фантастическим. Появилась ирреальная четкость, даже при свете звезд. Предрассветное небо на востоке окрасилось в темно-синий, перистые облака уже ловили свет, будто розовые конские хвосты. Неровные складки Большого Уступа приобрели пепельно-серый оттенок. Ветер дул прямо в лицо!

Люди оживленно общались между собой. Их голоса звучали слишком призрачно, а рты прятались за масками. Исчезли все шумовые эффекты: механический гул, жужжание, шипение — и теперь ветреная тишина казалась такой странной. Они словно блуждали в звуковой пустоте. Назик выглядела так, будто надела куфию.

— Холодно, — пожаловалась она Наде. — Уши горят. Ветер жуткий.

— На сколько хватает фильтра? — громко спросила Надя Сакса, надеясь, что он услышит ее.

— Сотня часов!

— Плохо, что людям придется выдыхать через маску. Это будет добавлять лишний CO_2 в фильтр.

— Увы!

Они стояли на каменистом Марсе с непокрытыми головами. Их предохраняла лишь фильтрующая маска Сакса. Воздух по ощущениям Нади был разрежен, но она не чувствовала головокружения. Высокий процент кислорода компенсировал низкое атмосферное давление. Имело значение частичное сжатие кислорода, а его процент был достаточно высок…

— Мы первопроходцы? — спросил Зейк.

— Нет, — ответил Сакс. — Мы много раз выходили на прогулку в Да Винчи.

— Чувствую себя отлично! Здесь не слишком холодно, как я ожидал.

— А если будешь бегать, вообще сразу согреешься, — заявил Сакс.

Они немного походили вокруг, стараясь осторожно ступать в темноте. Что бы там ни говорил Зейк, на Марсе оказалось морозно…

— Пора возвращаться! — встрепенулась Надя.

— Давайте дождемся рассвета, — предложил Сакс. — Зрелище будет очень красивым, а мы без шлемов!

Надя, удивленная подобными сантиментами из его уст, возразила:

— У нас еще будет время для других рассветов. Сейчас многое надо обсудить. Кроме того, я уже заледенела.

— А по ощущениям хорошо, — сказал Сакс. — Ого, кергеленская капуста! Какая длиннолистая…

Он опустился на колени, отодвинул в сторону пушистые листья, чтобы показать им спрятанный белый цветок, едва различимый в предрассветных сумерках. Надя неодобрительно уставилась на него.

— Вставай! — окликнула она Сакса.

И они вернулись обратно.

Они сняли маски внутри шлюза и потащились в раздевалку, протирая глаза и дуя на продрогшие пальцы: перчатки снаружи им не очень-то и помогли.

— Отличная погодка!

— Такой вкусный воздух!

Надя осторожно пощупала свой нос. Он подмерз, но, пожалуй, обморожения не было и в

помине. Она посмотрела на Сакса, его глаза дико — совсем не по-рептилоидному — сверкали. Странное, в чем-то даже трогательное зрелище!

Все они казались возбужденными, до краев переполненными смехом. Наверное, их бесшабашную веселость обострила опасная ситуация в Берроузе.

— Я годами старался поднять уровень кислорода, — говорил Сакс, обращаясь к Назик, Спенсеру и Стиву.

— Я думал, это для того, чтобы спалить каньон Касэй дотла, — произнес Спенсер.

— Нет! Если огонь разгорается и есть некоторое количество кислорода, вопрос только в том, что у вас за материал для горения и насколько он сухой. Я хотел поднять парциальное давление кислорода, чтобы люди и животные могли дышать! Если бы только еще снизить процент углекислого газа…

— Так ты сделал маски и для животных?

Они расхохотались и направились в общую комнату. Зейк решил приготовить кофе, а они принялись обсуждать свою вылазку, трогая друг друга за щеки и сравнивая температуру.

— А как вывести людей из города? — вдруг спросила Надя у Сакса. — Что, если спецслужбы

не откроют ворота?

— Надо вспороть купол, — ответил он. — Нам в любом случае придется сделать это, чтобы народ мог выбраться поскорей. Но я не думаю, что ворота закроют.

— Они отправляются в космопорт! — закричал кто-то из переговорной. — Полицейские и силовые подразделения погрузились в поезд метро до космопорта! Крысы бегут с тонущего корабля! И Мишель говорит, что Южный вокзал поврежден!

Поднялся шум. Надя обернулась к Саксу:

— Нужно послать сообщение твоим ребятам и взять все маски!

Сакс кивнул.

С помощью «Мангалавида» и наручных консолей они смогли очень быстро распространить план эвакуации среди населения Берроуза, пока их караван шел от Дю Мартерея к гряде холмов на юго-западе от города. После их прибытия два самолета с масками из Да Винчи устремились к Сиртису и приземлились в пустынной части равнины у западной стены купола. На другой стороне города наблюдатели на Двухэтажном холме уже заметили наступающую воду, идущую с северо-востока. Темная вода, испещренная льдом, бежала по изогнутому руслу, которое доходило до самого Берроуза и уже под куполом превращалось в парковый канал.

Новости о Южном вокзале оказались правдой. Оборудование магистрали было повреждено взрывом асинхронного линейного двигателя. Никто не знал наверняка, чьих рук это было дело. Поезда остановились.

Арабы Зейка повезли коробки с масками к западным, юго-западным и южным воротам, где уже собрались огромные толпы людей. Они были одеты или в скафандры-комбинезоны, или в самую теплую одежду, какую только могли достать.

Очутившись в Берроузе, Надя начала раздавать

маски направо и налево. С некоторых пор многие горожане начали изредка выходить на поверхность и предпочитали арендовать современные легкие скафандры. К сожалению, комбинезонов хватило не на всех, поэтому толпа выглядела очень разношерстно. Да и шапок практически не было.

Однако сообщение об эвакуации, разосланное накануне, содержало настоятельные рекомендации по поводу одежды. Снаружи было 255 градусов по Кельвину, поэтому многие натянули на себя несколько свитеров, и их туловища казались толстыми и неповоротливыми.

«Только бы их «обмундирование» не слишком мешало ходьбе», — с тревогой подумала Надя.

Через каждый широкий шлюз могло проходить по пятьсот человек в течение пяти минут, но тысячи горожан ждали внутри, и чем выше поднималось субботнее солнце, тем больше их становилось. Эвакуация проходила как в замедленной съемке. Маски передавались от одного человека к другому, а несколько групп подпольщиков тщательно проверяли, чтобы каждый горожанин получил свою собственную.

«Маловероятно, чтобы кто-нибудь в Берроузе не знал об опасности», — говорила себе Надя.

Затем она нашла Зейка, Сакса, Майю, Мишеля и остальных.

— Нужно вспороть стену купола и выйти наружу, — повторяла она. — Я собираюсь сделать это сама.

— Ладно, — ответил Зейк.

Наконец показался Ниргал, скользящий сквозь толпу, словно Меркурий со срочным поручением. Он улыбался и приветствовал своих приятелей и знакомых, которые хотели обнять его, пожать ему руку или просто прикоснуться к нему.

— Я собираюсь вспороть стену купола, — заявила ему Надя. — У всех есть маски, а нам надо выбираться наружу быстрей, чем позволяют шлюзы.

— Хорошая идея, — ответил он. — Дай-ка я им скажу!

И он подпрыгнул на три метра в воздух, ухватился за бетонный край арки ворот и, подтянувшись, встал, балансируя на тонкой трехсантиметровой полоске. Включив портативный мегафон на плече, он прокричал:

— Пожалуйста, внимание! Мы собираемся разрезать купол стены прямо над ее основанием. Подует ветер, не слишком сильный! После этого люди, которые находятся к стене ближе других,

должны покинуть город и выйти наружу, а за ними последуют остальные. Но не нужно спешить! Мы будем делать много надрезов, и все окажутся за пределами Берроуза в течение получаса. Будьте готовы к холоду, но, уверяю, он вас взбодрит. Наденьте маски и проверьте, плотно ли они прилегают! Проверьте прилегание и у тех, кто стоит рядом…

Ниргал взглянул на Надю — та уже достала из рюкзака лазерный сварочный аппарат и подняла его высоко над головой, чтобы продемонстрировать окружающим.

— Все готовы? — спросил Ниргал через мегафон и посмотрел на лица, закрытые маленькими белыми масками. — Вы похожи на бандитов, — добавил он и рассмеялся. — Начинай, — сказал он Наде.

И она вспорола купол.

Поведение разумного выживания почти столь же заразительно, как и паника, поэтому теперь эвакуация прошла быстро и организованно. Надя ловко вырезала окно в двести метров прямо над бетонным основанием: высокое давление внутри стало причиной сильного ветра, который отвернул прозрачные слои купола. Теперь люди могли перелезать через бетонные плиты,

которые доставали им до груди, не беспокоясь о последствиях.

Другие подпольщики резали купол у западных и южных ворот, и в результате население Берроуза оказалось за стенами города примерно за то время, которое нужно, чтобы опустел многотысячный стадион.

Очутившись на равнине Исиды, они ежились на морозном воздухе марсианского утра (давление 350 миллибар, температура 261 градус по Кельвину, или -13 по Цельсию).

Арабы Зейка оставались в марсоходах и служили эскортом, катаясь туда-сюда, направляя людей к гряде Мерида, виднеющейся в нескольких километрах к юго-западу от Берроуза. Когда эвакуированные добрались до пологих холмов, вода уже достигла восточной границы города. Наблюдатели Красных, курсирующие повсюду на мини-марсоходах, доложили, что вода побежала на север и юг, огибая бетонное основание стены. Поток был примерно метр глубиной.

Получалось, что они едва-едва успели. Настолько, что Надя дрожала от одной мысли об этом. Она забралась на вершину ближайшего холма, пытаясь оценить ситуацию. Пока никто не пострадал, но было похоже, что многие замерзли. Далеко не

у всех имелись ботинки с теплоизоляцией и даже обычные шапки. Арабы свешивались с марсоходов, показывая людям, как повязывать вокруг головы шарфы, полотенца, запасные свитера, чтобы создать подобие бурнуса. «Что ж, пока мы справляемся», — подумала Надя и обняла себя руками за плечи.

Здесь и впрямь оказалось очень холодно, несмотря на солнце и отсутствие ветра, и жители Берроуза, которые не работали на поверхности, были шокированы. Хотя некоторые находились в лучшей форме, чем прочие. Надя узнавала эмигрантов из России по прихваченным из дома ушанкам, они почти все время ухмылялись.

— Ничего! — кричали они. — Хорошая погода, чтобы покататься на коньках, верно?!

— Продолжайте двигаться, — отвечала Надя и кивала. — Не останавливайтесь!

После полудня должно было стать теплее, может, температура достигнет нулевой отметки.

Столовые горы внутри обреченного Берроуза выглядели весьма эффектно, словно гигантские музеи или соборы, как драгоценностями, инкрустированные рядами окон. На их вершинах виднелись ухоженные сады с раскидистыми деревьями, яркая листва выделялась на красном

каменистом фоне.

Эвакуированные в масках стояли на равнине. Они походили на бандитов, как выразился Ниргал, или на жертв сенной лихорадки. Одни были плотно упакованы в мешковатую одежду, другие щеголяли в подогреваемых комбинезонах, некоторые прихватили шлемы, чтобы использовать их при необходимости.

И все странники смотрели на город. Теперь их лица были открыты холодному разреженному воздуху, а руки спрятаны в карманах. Высоко над их головами проплывали перистые облака: они выглядели точь-в-точь как металлические опилки, прилепившиеся к темно-розовому небу. Необычное зрелище было захватывающим и страшным. Надя спустилась с холма и принялась разговаривать с Зейком, Саксом, Ниргалом, Джеки и Артом. Она даже отправила видеосообщение Энн, надеясь, что та получает их и хотя бы просматривает.

— Сделай так, чтобы у войск в космопорте не было проблем, — сказала она, не в силах сдержать злость в голосе. — Держись от них подальше.

Примерно через десять минут на консоль поступил сигнал.

— Я знаю! — каркнула Энн и отключилась.

Теперь, когда они выбрались из города, Майя чувствовала воодушевление.

— Идем! — кричала она. — До Ливии еще далеко! Вперед!

— Верно, — пробормотала Надя.

И они продолжили свой путь, направляясь к железнодорожной магистрали, которая спускалась с Южного вокзала Берроуза дальше на юг, а затем поднималась по склону Большого Уступа.

Так они пошли прочь от города. Надя часто останавливалась, чтобы подбодрить людей, и оглядывалась на Берроуз, на крыши домов и сады в свете полудня под прозрачным куполом. Зеленый мезокосм долго был столицей марсианского мира. А сейчас ржавая вода с серыми вкраплениями льдин обогнула Берроуз, почти замкнув кольцо. Густой поток грязных айсбергов стремился по низким складкам равнины к северо-востоку, изливаясь в сторону Берроуза, заполняя пространство гулким рокотом, от которого волосы становились дыбом на затылке — грохот долины Маринер…

Надя посмотрела себе под ноги. То тут, то там росли низкие растеньица, в основном ей на глаза попадался тундровый мох и альпийские цветы с редкими колоннами ледяных кактусов, похожих

на черные колючие пожарные гидранты. Мошкара, встревоженная странным вторжением, реяла над головами путников. Стало гораздо теплее, температура быстро поднималась. По ощущениям было уже выше нуля.

— Двести семьдесят два! — крикнул Ниргал, когда Надя спросила его, проходя мимо.

Он мелькал рядом каждые несколько минут, бегая вдоль толпы. Надя проверила по консоли — действительно, 272 градуса по Кельвину. Ветер ослабел и дул с юго-запада. Согласно сводкам погоды, зона высокого давления зависла над равниной, по крайней мере, еще на сутки.

Люди шли маленькими группками, которые нагоняли друг друга, и временами равнину оглашали приветственные возгласы. Сотрудники какой-нибудь компании внезапно находили своих коллег или соседей и удивленно моргали, услышав знакомый голос, который раздавался из-под маски.

Огромное полупрозрачное облако поднималось вверх над их длинным караваном, и этот массовый выдох сотен тысяч людей быстро улетучивался к солнцу. Марсоходы Красных уже обогнули город с обеих сторон, спеша уйти от потока. Теперь они двигались медленнее, их раз-

ведчики привозили людям термосы с горячими напитками. Надя косилась на них и сыпала тихими проклятиями, но один из Красных заметил осуждение в ее глазах и раздраженно проворчал:

— Не мы взорвали дайку, если хотите знать. Это были партизаны первопоселенцев. Касэй! — И он поехал дальше.

Они договорились о том, что близлежащие овраги к востоку от магистрали будут использоваться в качестве туалетов. Теперь они были достаточно далеко и поднимались по склону: люди часто останавливались на гребне, чтобы посмотреть на опустевший Берроуз с его новым рвом, где шумела темная льдистая вода.

Сердце Нади сжималось, она шептала:

— Вернись, черт тебя подери, Хироко, пожалуйста, вернись сегодня…

Она заметила Арта и побежала к нему. Он на ходу записывал комментарии на наручную консоль, очевидно, отправляя их новостным каналам Земли.

— Да-да, — бросил он Наде, когда она спросила его об этом. — Мы живы. И есть прекрасные видеозаписи, я уверен. Они могут связать происшествие с новостями о глобальном наводнении.

А Берроуз с его столовыми горами был окружен

чуть курящейся водой, волнующейся, бешено пузырящейся по краям от насыщения углекислым газом. Волны, идущие с севера, грохотали, как будто на город надвигался сильнейший шторм.

Температура воздуха уверенно держалась выше нулевой отметки, и прибывающая вода оставалась жидкой, даже когда собиралась в озера, успокаивалась и покрывалась дрейфующими осколками битого льда. Странно, но именно теперь осознание того факта, что они преобразовали атмосферу Марса, поразило Надю до глубины души, и неожиданно она почувствовала себя как дома. Ни растения, ни кучевые облака, ни возможность смотреть на мир без шлема не давали ей это ощущение… только ее собственное дыхание, которое пробивалось сквозь слои тонкой маски. Вид замерзающей воды в момент потопа в долине Маринер — в двадцать секунд превращающейся из черной в белую — поразил ее сильнее, чем она осознавала. А сейчас она стала свидетелем нового разгула стихии. Широкая складка, охватившая Берроуз, напоминала гигантский залив Фанди во время прилива.

Раздавались восклицания, голоса, наполнявшие разреженный воздух, казались птичьими трелями в низком непрерывном басе потопа.

Надя не знала, что случилось. Потом она увидела: у космопорта было какое-то движение.

Космопорт располагался на плато к северо-западу от города, и, поскольку они уже поднялись по склону, все население Берроуза могло созерцать, как открываются огромные двери ангара и пять гигантских космических самолетов выкатываются наружу один за другим. То было зловещее, военизированное зрелище. Самолеты подрулили к главному терминалу космопорта, притянулись, вцепились в борт рукава и замерли. Беженцы опять двинулись вперед — прямо к холмам Большого Уступа. Они шли почти час, поднимаясь все выше, пока взлетно-посадочные полосы и ангар не растворились в дымчатом горизонте. Солнце клонилось на запад.

Внимание их переключилось на сам город, поскольку вода пробила купол с восточного края Берроуза, а также потекла через бетонное основание у юго-западных ворот, где подпольщики разрезали купол. Вскоре поток затопил парк Принцесс, Парк-Канал и Нидердорф и, разделив город пополам, начал заливать бульвары. Крыши нижней части города давно скрылись под водой.

Неожиданно один из громадных самолетов появился в небе над равниной. Он словно нето-

ропливо плыл в воздухе, хотя, конечно, это была иллюзия: так всегда кажется при взлете подобных исполинов. Самолет направлялся на юг, и зрители на земле наблюдали за ним, затаив дыхание. Можно было подумать, что он вовсе не набирал скорость, пока низкий гул восьми двигателей не перекрыл все остальные звуки. Он пронесся над их головами, как гигантский шмель, деловито прогромыхав, и исчез вдали. А над космодромом раздался рев, и вверх взмыл следующий самолет. Он полетел к Берроузу, где буйствовала вода, а затем свернул на запад. И так повторилось пять раз, причем каждый самолет выглядел столь же неприспособленным для полета, как и первый. В конце концов, последний прогудел у них над головами и скрылся за горизонтом.

Они ускорили шаг. Самые сильные ходоки ушли далеко вперед, не делая попыток держаться наравне с остальными. Было необходимо отправить людей на поездах со станции в Ливии как можно скорее, и все это понимали. Поезда уже прибывали отовсюду, однако Ливия была маленькой станцией с несколькими платформами, и эвакуация могла быть очень сложной.

В пять часов вечера солнце опустилось над Сиртисом, и температура резко понизилась. Ощу-

тимо похолодало. Упорные ходоки — местные и недавние эмигранты — невольно подгоняли людей, но ситуация стала хуже, чем утром. Толпа постепенно растянулась на несколько километров. Арабы в марсоходах сообщили Наде, что колонна с каждой минутой становилась все длинней. Марсоходы курсировали вдоль каравана, подбирая одних и высаживая других. Все доступные легкие скафандры и шлемы пошли в дело. Появился Койот, подруливший к ним со стороны дайки. Увидев его «булыжник на колесах», Надя тотчас начала подозревать, что именно он и взорвал дайку.

Койот радостно поприветствовал ее через консоль и развернулся к Берроузу.

— Свяжитесь с Южной бороздой, чтобы направили к городу дирижабль, — посоветовал он, — на случай если в Берроузе кто-то остался и спасается на вершинах гор. Возможно, кто-нибудь все проспал!

Он дико расхохотался, но его совет показался дельным, и Арт сделал звонок.

Надя плелась в хвосте колонны с Майей, Саксом и Артом, слушая отчеты, которые поступали ей на наручную консоль. Она послала марсоходы к мертвой магистрали, чтобы они не поднимали

пыль вокруг каравана, стараясь игнорировать собственную усталость. Это был в основном недосып, а не физическое напряжение. Ночь обещала быть долгой. И не только для нее. Люди лишь изредка покидали города под куполами и не привыкли к утомительным походам. Сама Надя редко ходила пешком, но частенько носилась по строительным площадкам: она не вела сидячий образ жизни, как множество других поселенцев. Они брели вдоль магистрали и могли, если бы захотели, идти по ее гладкой поверхности, между подвесными рельсами по краям и магнитным рельсом посередине. Однако большинство предпочитали оставаться на бетонных или гравийных дорожках, параллельных магистрали.

К сожалению, вскоре они были вынуждены свернуть: чтобы выбраться с равнины Исиды в любом направлении (кроме северного) нужно было подниматься наверх. Ливия располагалась примерно на семьсот метров выше Берроуза, а значит, и сам путь был весьма и весьма трудным для неподготовленного человека. Местность стала холмистой, с камнями и громадными валунами.

— Зато теперь мы согреемся, — пробормотал Сакс, когда Надя сказала ему о новой полосе с

препятствиями.

Солнце садилось, а их тени протянулись далеко на восток, как будто они были гигантами. Позади них тонул безлюдный Берроуз, заполненный черной водой. Когда город исчез, Двухэтажный холм и столовая гора Мойрис почти слились с темно-фиолетовым небом. Жженая умбра Исиды словно покрылась пеплом, когда пылающий солнечный диск опустился на запад. А они все продолжали свой путь в красноватом сумраке, вытянувшись, будто отступающая армия.

Время от времени Надя посматривала «Мангалавид»: новости с других частей планеты ее успокаивали. Все крупные города, кроме Шеффилда, были в руках сторонников независимости. В лабиринте Сабиси нашли убежище выжившие после пожара, и, хотя огонь еще не до конца потушили, люди были спасены. Надя на ходу переговорила с Нанао и Эцу. Даже на мини-дисплее на запястье она смогла разглядеть облегчение на лице Нанао. Надя призналась, как плохо она себя чувствует: Сабиси сожжен, Берроуз затоплен, разрушены два величайших города Марса.

— Нет, нет, — ответил Нанао. — Мы отстроим все заново. Сабиси в наших сердцах.

Они тоже послали несколько оставшихся у них

поездов на станцию Ливия, действуя согласно общему плану. Кое-кто из подпольщиков снарядил даже дирижабли и самолеты. Дирижабли смогут прийти на помощь еще во время ночного марша, что было очень кстати. Людям требовалась вода, которую им могли привезти, поскольку обезвоживание в холоде и гипервентиляции могли привести к смерти.

Горло у Нади пересохло, и она с радостью взяла полную чашку теплой воды, которую ей вручила женщина из марсохода. Она приподняла маску и пила крошечными глотками, стараясь не дышать.

— Эй, послушайте меня! — весело кричала раздающая воду женщина. — Еще сотня человек, и вода у нас кончится!

Другого рода предупреждение пришло из Южной борозды. Они слышали о шахтерских лагерях вокруг Элизия, жители которых объявили себя независимыми от наднациональных корпораций и от «Свободного Марса». Они предупреждали чужаков держаться подальше. На некоторых станциях, оккупированных Красными, происходило то же самое.

— Скажите им, что все в порядке, — велела Надя людям в Южной борозде. — Пошлите им

копию декларации Дорсы Бревиа, пусть они ее прочитают. Если они согласятся с разделом о правах человека, то я не вижу причин беспокоиться на их счет.

Солнце село, но они не останавливались. Фиолетовые сумерки сгустились, и Марс стал погружаться во тьму.

Неожиданно с востока прикатил Койот на своем «булыжнике». Он затормозил прямо перед Надей, и из марсохода вышли люди в комбинезонах и в куртках с капюшонами. Их лица закрывали белые маски. Они направились к Наде, Майе и Саксу. Вдруг только по силуэту Надя узнала одного из них. Это была Энн, высокая и худая, — несмотря на темноту, Надя каким-то инстинктом сразу вычленила Энн. Как-никак, но ведь они были из первой сотни!

Надя остановилась, глядя на свою древнюю подругу. Энн моргала и ежилась.

— Мы этого не делали, — отчеканила она. — Подразделение «Армскора» приехало на бронированных марсоходах, и разгорелась настоящая битва. Касэй боялся, что, если они захватят дайку, мы проиграем. Возможно, он прав.

— Как он?

— Без понятия. На дайке погибли сотни людей.

Кто-то пытался спастись от потопа, направившись к Сиртису.

Она стояла перед ними — мрачная, непримиримая. Надя удивлялась, насколько емким может быть простой человеческий силуэт — черный провал на фоне звезд. Может, все дело было в развороте плеч или в наклоне головы…

— Идем, — выдавила Надя наконец.

Остальные слова будто застряли у нее в горле. Они сразу же бросились на дайку, установили там заряды… но сейчас это уже не имело смысла.

— Надо продолжать идти.

Свет давно померк. Они брели по каменистой земле, их обжигал ледяной, прямо-таки сибирский воздух. Надя могла бы ускорить шаг, но она хотела оставаться в хвосте, чтобы присматривать за самими слабыми из колонны. Она хотела помочь им. Некоторые несли на спинах своих детей, однако Надя знала, что детей в конце каравана оказалось не так уж много. Самые маленькие спали в марсоходах, а подростки шли впереди, присоединившись к выносливым взрослым. В Берроузе вообще было мало детей.

Фары марсоходов высвечивали поднимаемую ими пыль, и Надя испугалась, что в фильтры забьются крошечные частицы. Она спросила об

этом вслух, и Энн ответила:

— Если прижать маску к лицу и резко выдохнуть, можно выдуть пыль. Попробуй задержать дыхание, снять ее и продуть сжатым кислородом, если у тебя есть баллончик.

Сакс кивнул.

— Ты видела маски и раньше? — поинтересовалась Надя.

— Очень долго использовала такие.

— Ясно, — Надя поэкспериментировала со своей, прижав материал прямо ко рту и сильно подув. Скоро она поняла, что ей не хватает дыхания. — Мы должны идти вдоль магистрали и дорог, чтобы уменьшить количество пыли. И пусть марсоходы едут позади.

Они двигались вперед. Через пару часов караван нашел свой собственный ритм. Никто никого не обгонял, никто не отставал. Температура падала. Фары марсоходов иногда освещали тысячи людей, которые брели по плавному подъему дороги на юг. Им оставалось преодолеть двенадцать или пятнадцать километров, в темноте сложно было судить. Колонна напоминала гигантскую змею.

Мощные всполохи скрещивающихся фар, красное свечение габаритных огней… Фантастическое

зрелище. Внезапно над их головами раздалось гудение, прибыли дирижабли из Южной борозды, они парили, как безвкусные НЛО, но снижались, чтобы сбросить груз воды и еды на землю. Кроме того, они забрали измотанных людей из хвоста колонны. Затем они поднялись выше и улетели, став лишь ярким созвездием, исчезающим за восточным горизонтом.

Толпа буйной молодежи пыталась петь, но воздух был слишком разреженным, и они недолго продержались. Наде понравилась идея, и она начала прокручивать в голове свои старые любимые песни: «Алло, Центральная, соедините с доктором по джазу», «Корзина прохудилась», «На солнечной стороне улицы». Снова и снова.

Чем дольше длилась ночь, тем лучше становилось ее настроение. Почему-то она не сомневалась, что их план сработает.

Надя не видела сотен упавших изможденных людей, но слышала новости: из марсоходов передавали, что молодняк переоценил свои силы, выдохся и нуждался в срочной помощи. Они начали свой поход, выйдя из пятисот миллибар и оказавшись в трехстах сорока. На Земле такой перепад был равнозначен подъему с высоты в четыреста метров над уровнем моря до шести с

половиной тысяч метров. Серьезный прыжок, даже учитывая повышенный уровень кислорода в атмосфере Марса, который смягчал эффект. Теперь эвакуированных валила с ног горная болезнь: она косила самых юных немного сильнее, чем стариков, а многие из молодежи взяли очень резкий старт. Сейчас они расплачивались за это головной болью и тошнотой. Но арабы в марсоходах успешно подобрали тех, кому было совсем плохо, а остальным обеспечили сопровождение. Хвост колонны шел умеренным шагом.

Надя плелась впереди, иногда плечом к плечу с Майей или Артом, иногда — сама по себе. Ее разум блуждал в кусачем холоде, воскрешая разрозненные осколки прошлого. Она вспоминала опасные прогулки, которые совершала на поверхности Марса, теперь уже принадлежавшего ей и остальным. Буря с Джоном в кратере Рабе… Поиски сигнальных маяков с Аркадием… Как она шла за Фрэнком в Лабиринте Ночи, когда они бежали от нападения в Каире… Тогда она впала в странную мрачную жизнерадостность. Возможно, то был ответ на чувство освобождения от ответственности, она стала простым пехотинцем, выполняющим приказы командира. 61-й год был катастрофой. И революция тоже могла

скатиться в хаос… что, в принципе, и случилось. Никто ничем не управлял. Но на ее консоль до сих пор поступали сообщения отовсюду. И никто не собирался атаковать их из космоса. Самые непримиримые члены Временного Правительства наверняка убиты в каньоне Касэй… Шутка Арта о «борьбе с вредителями» оказалась правдой. А остальных задавили числом. Никто не способен контролировать целую планету диссидентов. А может, они были слишком запуганы, чтобы попытаться.

Но они, подпольщики, все-таки прорвались. Или условия на Земле поменялись из-за потопа… Кто знает? Вероятно, феномены марсианской истории были лишь искаженным отражением трансформаций на Терре. Конечно. Но будущее внушало опасения. Ладно, об этом она подумает позже. Когда придет время, они со всем разберутся. Сейчас им надо беспокоиться только о том, чтобы добраться до станции Ливия. Чисто физическая проблема — и ее решение безмерно радовало Надю. Наконец-то она может сделать что-то сама. Идти. Вдыхать ледяной воздух. Пытаться согреть легкие теплом тела и сердца… Что-то вроде сверхъестественного распределения тепла, практикуемого Ниргалом. Хоть бы у нее

получилось!

Ей показалось, что она засыпает на ходу. Надя встревожилась, не отравилась ли она CO_2, и стала усиленно моргать, чтобы не отключиться. Горло саднило. Хвост каравана замедлился, и марсоходы возвращались, чтобы подобрать почти сдавшихся, довезти по склону до станции и вернуться за новой партией. Горная болезнь охватила почти всю колонну, и Красные через наручные консоли инструктировали людей, как безопасно снять маски и опорожнить желудок. Однако это была сложная и неприятная процедура. Кроме того, многие действительно страдали от отравления CO_2. Но они уже приближались к пункту назначения. Надя поглядывала на дисплей своей консоли, которая транслировала изображения станции. Ливия напоминала токийское метро в час пик, но поезда курсировали постоянно, что тоже радовало.

К ним подполз марсоход.

— Может, вас подбросить?

— Убирайтесь! — рявкнула Майя. — Вы что, свихнулись? Помогите другим, не тратьте время попусту!

Водитель подчинился, чтобы не слышать новых ругательств.

— Хватит, — прохрипела Майя. — Мне сто сорок три года, и будь я проклята, если не пройду этот путь до конца. Давайте-ка прибавим шагу.

Но они шли так же медленно, как и минуту назад. Они отстали от колонны, наблюдая череду огней, прыгающую в тумане впереди. Глаза слезились и болели, но сейчас боль стала нестерпимой. Очевидно, оцепенение от холода уже не помогало. В уголки век набился песок, который царапал кожу.

«Надо доработать маску и снабдить комплект очками», — подумала Надя.

Она споткнулась о камень, и память мгновенно перенесла ее в юность. Однажды она вместе со своими коллегами возвращались домой с какой-то полевой работы. Дело было на Урале, и у них сломался грузовик. Они были вынуждены возвращаться ночью из заброшенного Челябинска-65 в Челябинск-40 — каким-то чудом они преодолели пятьдесят с лишним морозных километров. По дороге им попадались разрушенные предприятия сталинской эпохи: громадные здания заводов, разбитые трубы, поваленные заборы, остовы машин… а над их головами плыли низкие тучи. Тогда все воспринималось как сон.

Надя рассказала про этот случай Майе, Арту и

Саксу и закашлялась. Горло продолжало саднить, а из глаз лились слезы. Они привыкли к интеркомам и общаться без их помощи оказалось так странно… Но она хотела говорить.

— Не знаю, как я могла забыть ту ночь. Но я очень долго не вспоминала о ней. Все произошло, наверное, сто двадцать лет назад.

— Сегодняшний переход ты точно не забудешь, — заметила Майя.

Они продолжали обмениваться репликами, и в воспоминания ударились Сакс и Арт. Однако две русские женщины могли перечислить десяток гораздо более морозных ночей, чем те, что довелось испытать мужчинам.

— Как насчет самых жарких? — спросил Арт. — Послушайте! У нас однажды был конкурс пильщиков, и выигрывал тот, у кого пила мощнее, я поставил на свою двигатель от Харлея и распилил бревно за восемь секунд. Но двигатели мотоциклов охлаждаются воздухом, если вы не знали, и ладони у меня горели!

Они рассмеялись.

— Не считается, — фыркнула Майя. — Это же только ладони, а не тело целиком.

Небо посветлело. Сперва Надя решила, что у нее окончательно расфокусировалось зрение

из-за того, что глаза запорошило песком. Но когда она проморгалась и посмотрела на запястье, то поняла, что было уже около пяти часов утра. Ливия находилась в нескольких километрах от них. Температура держалась на отметке 256 градусов по Кельвину.

Они дошли на рассвете. Люди передавали по кругу чашки с горячим чаем — ароматным, словно амброзия. Станция была переполнена, и несколько тысяч человек ждали снаружи. Но эвакуация, организованная и проводимая под руководством Влада, Урсулы и целой толпы богдановистов, длилась без осложнений уже несколько часов. Поезда по-прежнему подходили по трем веткам дороги, с востока, запада и юга, загружались и вскоре отбывали. А над горизонтом парили дирижабли. Население Берроуза рассредоточивалось моментально. Одних везли в Элизий, других в Элладу и дальше на юг к Хираньягарбхе и Кристианаполису. Остальных перенаправляли в маленькие городки по пути к Шеффилду, включая и Андерхилл.

Они ждали своего поезда. Глаза у всех были донельзя воспаленные, что вкупе с пыльными масками на лицах придавало им совершенно

дикий, кровожадный вид. Бесспорно, для прогулок под открытым небом требовались надежные очки.

Наконец Зейк и Марина проводили в здание станции последнюю группу. К этому моменту немногие оставшиеся из первой сотни нашли друг друга и сгрудились у стены, притянутые той силой, которая всегда сплачивала их в кризис. Теперь, когда последняя группа была внутри, их осталось совсем немного: Майя и Мишель, Надя, Сакс и Энн, Влад, Урсула, Марина, Спенсер, Ивана, Койот…

Дальше, у магистрали, Джеки и Ниргал направляли людей к поездам, махали руками, будто дирижеры, и поддерживали тех, кому ноги отказали в последнюю минуту. Первая сотня потащилась к платформе. Майя проигнорировала Джеки, пройдя мимо нее в вагон. Надя последовала за ней, а затем в вагон ввалились и остальные. Они плелись по центральному проходу мимо измученных, но счастливых людей. Их лица потемнели от пыли, и лишь вокруг ртов кожа имела нормальный телесный оттенок. На полу валялось несколько грязных масок, но большинство сжимали их в руках.

Экраны в спинках кресел транслировали

картинку, передаваемую с дирижаблей над Берроузом. Город превратился в море с глыбами льда и черными полыньями. Над гигантским водоемом возвышались девять столовых гор, правда, теперь уже это были острова с обрывистыми берегами. Сады на их вершинах и незатопленные окна странно смотрелись над грязными изломанными льдинами.

Надя и остаток первой сотни прошли за Майей, заняв последний вагон поезда. Майя повернулась, пристально оглядела их всех и спросила:

— И куда мы едем, в Андерхилл?

— В Одессу, — ответил Сакс.

Она улыбнулась.

Люди вставали и пересаживались вперед, чтобы старики могли сесть рядом. Никто из первой сотни не отказался от предоставленной им любезности. Они вежливо благодарили и плюхались в кресла, и вскоре в вагоне стало совсем тесно.

Влад сказал что-то о капитане, который должен последним покидать тонущий корабль. Замечание показалось Наде грустным. Она была по-настоящему измотана и клевала носом. Она любила Берроуз, и вложила в город столько сил… Она вспомнила, что Нанао сказал о Сабиси. Берроуз тоже был в их сердцах. Возможно, когда

береговая линия нового моря стабилизируется, они построят другой Берроуз где-нибудь рядом.

Энн сидела в углу напротив нее, а по проходу шел Койот. Он то и дело останавливался, подскакивал к окнам и поднимал вверх большой палец, показывая Ниргалу и Джеки (те до сих пор оставались снаружи), что все хорошо. «Видимо, эта парочка загрузится в поезд последней, разделив миссию капитана корабля», — подумала Надя. Мишель смеялся какой-то реплике Майи.

Урсула, Марина, Влад, Спенсер… Эти члены ее семьи находились рядом с ней — в безопасности, по крайней мере сейчас. Только этот миг у них и был — крошечный отрезок настоящего… Но бегущие секунды времени продолжали отсчет. Надя тяжело осела в кресле, заморгала сухими, покрасневшими глазами и поняла, что сейчас заснет.

Поезд тронулся.

Сакс просматривал дисплей наручной консоли. Надя неожиданно проснулась и спросила:

— Что творится на Земле?

— Уровень моря поднимается. Уже выше четырех метров. Похоже, наднациональные корпорации на время прекратили свою склоку. Мировой Суд выступил посредником и угомонил их. «Праксис» направил все свои ресурсы на борьбу с последствиями наводнения. Кажется, некоторые корпорации подумывают присоединиться к нему. Генеральная Ассамблея ООН была созвана в Мехико. Индия подтвердила заключение договоренностей с независимым правительством Марса.

— Сделка с дьяволом, — захохотал Койот, который услышал Сакса. — Индия и Китай слишком велики, чтобы мы с ними справились. Вот увидите.

— Значит, войны прекратились? — уточнила Надя.

— Не ясно, надолго ли, — ответил Сакс.

Майя скривилась.

— Не навсегда.

Сакс пожал плечами.

— Нам необходимо сформировать правительство… и побыстрее, — заявила Майя. — Надо

разговаривать с Землей единым фронтом. Чем авторитетнее мы выглядим, тем меньше шансов, что они явятся искоренять нас.

— Они явятся, — ухмыльнулся Койот.

— Нет, если мы покажем, что они получат от нас все, что им нужно, мирным путем, — раздраженно ответила Майя. — Пусть они притормозят!

— Как же! Уверен, что они прилетят на наш Марс!

— Мы всегда будем в опасности, пока на Земле нет стабильности.

— На Терре никогда не будет стабильности, — сказал Койот.

Сакс задумался.

— Мы должны принести туда стабильность! — воскликнула Майя, грозя Койоту пальцем. — Ради собственного блага!

— Ареоформирование Земли, — добавил Мишель с ироничной улыбкой.

— Конечно, почему бы и нет? — ответила Майя. — Если понадобится.

Мишель поцеловал Майю в пыльную щеку. Койот насупился.

— Это все равно, что двигать мир без точки опоры, — проворчал он.

— Точка опоры у нас в головах, — парировала Майя, поразив Надю.

Марина тоже просматривала дисплей консоли.

— Кларк находится в руках спецслужб и лифт тоже, — произнесла она. — Питер говорит, что они оставили Шеффилд, но не гнездо. Ой! Кто-то утверждает, что видел Хироко в Хираньягарбхе!

Они замолчали, погрузившись в свои мысли.

— Я получил записи Временного Правительства о первом захвате Сабиси, — нарушил паузу Койот. — Там вообще нет ни слова о Хироко или о ком-нибудь из ее группы. Вряд ли она у них.

— Написанное не имеет отношения к случившемуся, — сурово изрекла Майя.

— На санскрите, — встряла Марина, — Хираньягарбха значит «Золотой зародыш».

Сердце Нади сжалось. «Появись, Хироко, — подумала она. — Появись, пожалуйста, появись...» На Мишеля было больно смотреть. Вся его семья исчезла...

— Мы пока не уверены, что Марс един, — вымолвила Надя, чтобы отвлечь Мишеля, и поймала его взгляд. — Мы не пришли к согласию в Дорсе Бревиа... Почему мы сможем договориться сейчас?

— Потому что мы свободны, — ответил Ми-

шель, приходя в себя. — Теперь это реально. Мы попытаемся. Ведь если ты прилагаешь к чему-то усилия, то никогда не проиграешь.

Поезд замедлил ход, пересекая экваториальную ветку, они покачивались туда-сюда вместе с ним.

— В Северном море Красные взрывают насосные станции, — пробормотал Койот. — Не думаю, что в вопросе терраформирования вы быстро придете к консенсусу.

— Верно, — сипло вставила Энн и прочистила горло. — Мы хотим избавиться от всего лишнего.

Она покосилась на Сакса, но он оставался бесстрастен.

— Экопоэзис, — сказал он. — У нас уже есть биосфера. Это все, что нам нужно. Красивый марсианский мир.

За окнами проносился изломанный пейзаж. Склоны Тиррены были окрашены в хаки миллионами крохотных пятен травы, мха и лишайников, растущих между камней. Рассеянный свет утра освещал холмистую равнину.

Они молча смотрели на Марс. Надя чувствовала удушье, когда пыталась думать об этом. Только бы не мешать все в одну кучу, как там, за

окном, где сплелись краски ржавчины и хаки…

Она посмотрела на остатки первой сотни, и внутри нее словно провернулся какой-то ключ. Ее глаза болели, горло все еще сильно саднило, но сон как рукой сняло. Ком в желудке рассосался — впервые с начала революции. Она вдохнула полной грудью и опять посмотрела на лица друзей… Энн злилась на нее, Майя злилась на Койота, все они были избитыми, грязными, красноглазыми. Красные люди, радужки, как круглые фишки из самоцветов, в окружении лопнувших сосудов.

— Аркадий был бы рад, — вырвалось у Нади.

Они встрепенулись. И поняла, что никогда не говорила с ними о нем.

— Саймон тоже, — добавила Энн.

— И Алекс.

— И Саша.

— И Татьяна…

— И все, кого мы потеряли, — выпалил Мишель, пока список не стал слишком большим.

— Но не Фрэнк, — буркнула Майя. — Фрэнк всегда был чем-то взбешен.

Они расхохотались, и Койот спросил:

— А ты у нас продолжаешь традицию, да?

И они снова засмеялись, а она погрозила ему кулаком.

— А Джон? — осведомился Мишель, отпустив руку Майи и обращая к ней свой вопрос.

Майя окончательно высвободилась и свирепо посмотрела на Койота.

— Джон не стал бы рыдать, скорбеть и хмуриться и послал бы Земле воздушный поцелуй, если бы мы могли без нее обойтись! Джон Бун пребывал бы в экстазе!

— Нам не стоит об этом забывать, — сказал Мишель. — Мы должны всегда помнить, как бы он поступил.

Койот усмехнулся.

— Он бы бегал туда-сюда по поезду под кайфом. Вечеринка бы длилась аж до самой Одессы. Музыка, танцы и все такое…

Они посмотрели друг на друга.

— Ну? — произнес Мишель.

Койот сделал приглашающий жест.

— Кажется, никто особо не нуждается в нашей помощи.

— Но все-таки… — начал Мишель.

И тогда они встали и пошли обратно — к головному вагону.

Сравнение температурных шкал